ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

І. Колышко.

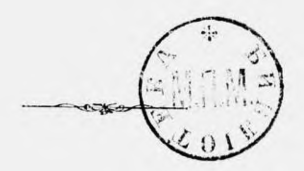
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1887.

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ

I. Колышко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подьяч., № 39.
1887.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

I.

ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Верещагинская школа и артели сыроваренія.

8-го августа.

Съ раннимъ поѣздомъ Николаевской дороги отправились мы на ст. Завидово, отъ которой до школы Верещагина было около 16 верстъ. На станціи взяли тройку съ кибиткой (здѣсь другихъ экипажей нѣтъ) и кое-какъ умостившись въ ней, я — внутри, на кучѣ сѣна, К. на козлахъ, чтобы свободнѣй обзирать окрестности, въ веселомъ настроеніи, мы тронулись. День былъ ясный и теплый, какихъ мы еще не видали въ этихъ краяхъ. Дорога сначала шла проселкомъ, потомъ отличнымъ шоссе потомъ послѣднія версты опять сворачивали на проселокъ до Волги, за которой въ $^1/_2$ верстѣ и находилось имѣніе барона Корфа. Верещагинъ арендуетъ у него маленькій кусокъ только подъ свое заведеніе, безъ всякой запашки.

Ѣхали мы около 2-хъ часовъ вмѣстѣ съ переправой черезъ Волгу. Пять, шесть селъ проплыли возлѣ насъ, и внѣшній видъ ихъ составлялъ самое пріятное впечатлѣніе. Собственно они принадлежали къ Московской губ., Тверская начиналась только за Волгой; но условія жизни и быта не могутъ рѣзко разниться въ пограничныхъ частяхъ той и другой, а потому нѣсколько словъ о видѣнномъ мною въ этихъ мѣстахъ считаю умѣстнымъ здѣсь набросать.

Села, ближайшія къ станціи, занимаются почти исключительно извозомъ. Троечники зарабатываютъ отъ $1^1/_2$—3 руб. въ день, minimum $1^1/_2$

руб. Считая среднее 2 р., получается солидная цифра—60 руб. въ мѣсяцъ, которую крестьянинъ имѣетъ, кромѣ дохода съ своей земли.

— Такъ живется хорошо?.. спрашиваю ямщика.

— Грѣшить нечего! Жить можно, только вотъ пьянство это...

— А много пьютъ?

— Пьютъ... Вонъ у насъ въ селѣ 4 трактира да 2 кабака.

Трактиры эти вѣрно хорошо работаютъ, судя по ихъ внѣшнему щегольскому виду.

— Отчего-же не закроете ихъ?

Ямщикъ улыбнулся.—Нельзя!... Хотятъ! Вонъ въ селѣ есть 2—3 человѣка, хотятъ закрыть, да громада не хочетъ.. Да ничего! Слава Богу и такъ живемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣрно и такъ селу было хорошо. Избы все чистыя съ наружной рѣзьбой, выкрашенныя. Видъ людей бодрый, одежда цѣлая даже на ребятишкахъ съ здоровыми румяными лицами, цѣлыми кучами со смѣхомъ и визгомъ отворявшихъ намъ въ каждомъ селѣ ворота. Просто любо смотрѣть. Дорога при этихъ условіяхъ не показалась ни длинной, ни утомительной. Около 11 часовъ въѣхали мы, наконецъ, въ большое Корфовское село, гдѣ была и школа Верещагина.

Вокругъ небольшаго пруда расположилось все его заведеніе. Съ одной стороны прудка жилой домъ, контора, помѣщеніе для учащихся, лабораторія. Съ другой стороны было зданіе сыроварни и погребовъ, затѣмъ, влѣво отъ него, большой ледникъ и дальше, всю другую сторону пруда занималъ большой каменный скотный дворъ, принадлежащій уже самому бар. Корфу. Хозяйственныя постройки Верещагина, его скотный дворъ, свинарникъ, конюшни и маленькое зданіе для выдѣлки зеленаго, или, какъ его здѣсь называютъ, «тощаго» сыра, стояли нѣсколько поодаль, вправо отъ пруда, образуя, вмѣстѣ съ крошечнымъ огородомъ, маленькій дворъ.

Насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ и, радушно привѣтствовавъ, прямо повелъ въ сыроварню. Къ сожалѣнію, мы опоздали на самыя занятія, которыя отбываются здѣсь раннимъ утромъ и вечеромъ. Тѣмъ не менѣе, изъ толковаго и подробнаго объясненія Н. В. Верещагина, показывавшаго намъ свое заведеніе, точно любимое дѣтище, я могъ себѣ усвоить многое, чего прежде не понималъ. Нужно бы было записывать по его словамъ, чтобы передать совершенно ясно ходъ этого дѣла. Но это ужъ спеціальность сыроваровъ и учебниковъ сыроваренія,

на которую я здѣсь не посягаю. Моя цѣль общими штрихами очертить сывареніе вообще и школу Верещагина въ частности, опираясь на видѣнное и слышанное. Зданіе сыроварни выстроено прочно и красиво, нѣсколько въ стилѣ швейцарскихъ домиковъ. Н. В. сообщилъ намъ, что стиль этотъ долженъ бы быть доведенъ до конца, такъ какъ сыроварня начата по модели гольштинскихъ съ огромнымъ холодильникомъ. Но такъ какъ таковое зданіе стоило бы 10 тыс. талеровъ, то Верещагинъ рѣшилъ строить его гораздо проще, съ холодильникомъ новой системы. Такъ и получился этотъ нѣсколько странный внѣшній видъ сыроварни.

Пройдя низкія сѣни, мы вступили въ первую комнату, обширную и высокую. Острый запахъ творогу и сыворотки обдалъ насъ. На мокромъ деревянномъ полу стояли большіе чаны съ сывороткой, отъ которыхъ шелъ паръ. Съ потолка спускалась труба для проведенія пара. У стѣнъ стояли высокіе и узкіе чаны, наполненные до верху. Н. В. объяснилъ, что въ нихъ находится уже створоженное молоко, готовый матеріалъ для сыра. Эта комната назначена для производства «тощаго», или зеленаго сыра, находящагося у насъ въ такомъ громадномъ употребленіи. Производство его у насъ введено еще очень недавно, ибо составляло долгое время секретъ иностранцевъ. Способъ производства до-нельзя простъ. Снятое молоко вливаютъ въ мѣдные чаны, которые вставляются въ свою очередь въ деревянные такъ, что между деревомъ и мѣдью оставляется извѣстное пространство. Въ это пространство, черезъ отверстіе впускаютъ паръ. Для этого служитъ висящая съ потолка трубка. Впускъ пара производится до вскипѣнія молока, послѣ чего въ него вливаютъ извѣстное количество особо приготовленной сыворотки. Молоко мгновенно створаживается и хлопьями точно снѣгъ, опускается на дно. Его мѣшаютъ поворачиваютъ, и когда получаются раздѣльныя зерна, сливаютъ вмѣстѣ съ сывороткой въ высокіе сосуды. Тамъ держатъ нѣсколько дней, пока творогъ своею тяжестью весь не опустится на дно. Тогда его накладываютъ въ бочки, нажимаютъ сверху камнями, и держатъ такъ мѣсяца два-три, пока не произойдетъ въ немъ извѣстнаго движенія.

Готовый творогъ имѣетъ острый, специфическій вкусъ. Его вынимаютъ изъ бочекъ и растираютъ посредствомъ огромнаго каменнаго жаровня, приводимаго въ дѣйствіе лошадью. Затѣмъ примѣшиваютъ мелко истертаго, голубаго «донника», придающаго ему его спеціаль-

ный запахъ и зеленоватый цвѣтъ, набиваютъ въ формы, ставятъ въ темную, прохладную комнату для сушки, и послѣ нѣсколькихъ дней сыръ готовъ. Этотъ сыръ съ буквами В. Ш. С., расходится въ огромномъ количествѣ, особенно въ Азіи; продается онъ на мѣстѣ по 15 коп. за фунтъ.

Слѣдующая комната маслобойня. Въ ней нѣсколько машинъ для сбиванія сливочнаго масла. Есть и американская. Машины самыя простыя. Боченокъ, приводящійся въ движеніе ручкой въ горизонтальномъ или вертикальномъ положеніи. Американская, это—ящикъ на мягкихъ рессорахъ, движется простыми толчками руки. Въ эти боченки или ящики наливаются сливки и, послѣ часа работы, масло готово. Н. В. Верещагинъ выдѣлываетъ масло исключительно сливочное и по самому усовершенствованному способу. Въ сосѣдней, съ маслобойней комнатѣ помѣщается «холодильникъ». Это большой металлическій чанъ, наполненный водой со льдомъ. Въ немъ стоитъ масса узкихъ металлическихъ цилиндровъ, наполненныхъ молокомъ. Температура комнаты ощутительно ниже, до 10°. Молоко устаивается очень скоро и сливки собираются металлическимъ блюдечкомъ, къ серединѣ котораго прикрѣплена ручка. Эти сливки устаиваются до періода самаго перваго заквашенія.

Вся трудность и вся задача хорошей маслобойни уловить именно этотъ моментъ перваго броженія сливочныхъ шариковъ, чтобы не дать верхнему слою сливокъ прогоркнуть. И этого искусства Н. В. Верещагинъ достигаетъ вполнѣ. Его масло безподобно, я не встрѣчалъ подобнаго ему въ лучшихъ магазинахъ Петербурга. Вообще маслобойное дѣло доведено у Н. В. до совершенства. Въ холодильной комнатѣ масло окончательно упаковывается, дѣлается наглядный анализъ молока и ведется журналъ. Рядомъ есть маленькая комнатка, гдѣ масло, посредствомъ машины, очищается отъ воды и всего остальнаго и гдѣ набиваютъ его въ формы. Наглядное измѣреніе достоинства молока производится посредствомъ стеклянныхъ цилиндриковъ, наполненныхъ молокомъ. Ихъ десятка два стоитъ рядомъ. Въ каждомъ молоко отъ разныхъ коровъ. Въ нѣсколько часовъ сливки рѣзкой чертой отдѣляются и, измѣряя особой линейкой ихъ слой, безошибочно опредѣляется процентное содержаніе ихъ въ молокѣ. Этимъ достигается правильный контроль надъ молокомъ, покупаемымъ у крестьянъ, и получается возможность слѣдить, въ какомъ отношеніи стоитъ уходъ за скотомъ къ качеству даваемаго имъ молока. Это послѣднее

имѣетъ громадную важность для всего хозяйства и достигается правильнымъ веденіемъ журнала. У. Н. В. этотъ журналъ ведется приблизительно такъ: каждая корова записывается и противъ нихъ, въ графахъ, стоятъ цифры количества молока въ фунтахъ утромъ и вечеромъ, процентное содержаніе сливокъ, удѣльный вѣсъ ихъ, температура охлажденія молока, температура, при которой образуется масло, и, наконецъ, количество въ фунтахъ самаго масла. Такимъ образомъ ясно, сколько фунтовъ молока нужно для каждой въ отдѣльности коровы, чтобы произвести фунтъ масла. Эта норма колеблется отъ 30-ти и больше фунтовъ и понижается сообразно корму до 15-ти. Можно приблизительно за среднее взять 22 фунта, т. е. почти то количество молока, которое при порядочномъ кормѣ корова можетъ дать въ день. При такой наглядности веденія маслобойнаго дѣла, при послѣдовательности и строгой пропорціи, въ которой стоятъ между собой цифра затраченнаго капитала на кормъ коровы и цифра даннаго ею барыша масломъ и сыромъ, рождаются простыя, логическія соображенія, которыя въ нѣсколькихъ словахъ я выскажу ниже. Пока пойдемъ дальше, въ комнату сосѣднюю съ холодильной. Это кефирная мастерская. Кефирные грибки кладутся въ небольшомъ количествѣ въ сосуды съ цѣльнымъ молокомъ и черезъ $1^1/_2$ сутки кефиръ готовъ, а грибки высушиваются и снова идутъ въ дѣло. Грибки имѣютъ странное свойство не терять отъ долгаго употребленія своей жизненности въ молокѣ, а наоборотъ—еще пріобрѣтать ее и разростаться, такъ что, купивъ фунтъ ихъ, черезъ извѣстное время можно имѣть два, три и больше, и производить кефиръ безъ конца. Отдѣленіе собственно сыроварное состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной производится процессъ «сквашиванія молока», въ другой прессованіе уже готовыхъ формъ сыровъ. Сквашиваніе дѣлается извѣстнымъ способомъ, съ помощью телячьяго желудочка-сычуга. Имъ обтирается простая деревянная ложка, которою потомъ мѣшаютъ цѣльное молоко, вливаемое, для того въ металлическіе чаны и нагрѣваемое такимъ-же способомъ какъ при выдѣлкѣ «тощихъ» сыровъ. Молоко мало по малу принимаетъ видъ солода. Его разрѣзываютъ по кускамъ, опять мѣшаютъ, опять рѣжутъ, пока этотъ солодъ не приметъ вида зеренъ, легко раздѣльныхъ. Тогда его сваливаютъ массой въ приспособленный для того четыреугольникъ, промываютъ и потомъ, складывая въ мѣшокъ, нажимаютъ камнями, пока не осушатъ отъ сыворотки. Полученная масса набивается въ формы и прессуется. Потомъ посыпается солью и ста-

вится въ погребъ, гдѣ помощію броженія, въ болѣе или менѣе длинный срокъ получается различнаго качества сыръ. Такъ приготовляются сыры: бекштейнъ, тильзитъ, лимбургъ и французскіе: бри и невшатель. Различные роды сыровъ зависятъ отъ того или другаго способа нагрѣванія, прессованія и выдержки ихъ; основанія же приготовленія тѣ же. Тутъ же замѣчу по поводу первоначальнаго процесса «сквашиванія» молока. Оно, какъ я уже сказалъ, производится самымъ простымъ и дешевымъ способомъ—сычугомъ. Но иностранцы дѣлаютъ его еще иначе, помощію какой-то кислоты. Н. В. разсказывалъ намъ, что онъ получалъ уже массу писемъ съ настоятельной просьбой распространить этотъ способъ въ нашихъ сыроварняхъ. А на выставкѣ — такъ просто покою ему не было отъ этихъ иностранныхъ агентовъ, хищной стаей накинувшихся на него, и съ подобострастіемъ и униженными поклонами умолявшихъ дать ходъ ихъ кислотѣ въ Россіи. Но, при всемъ своемъ добродушіи, Верещагинъ устоялъ передъ этимъ нашествіемъ и не прибѣгъ къ этой иностранной «кислотѣ», имѣя подъ рукой самое простое и гораздо болѣе дешевое средство. Хоть разъ, скажемъ мы.

Изъ мастерскихъ направились мы въ погребъ, которыхъ три: для бекштейна, тильзита и лимбурга, для французскихъ сыровъ и зеленыхъ. Это прохладныя помѣщенія, съ многочисленными полками кругомъ и по срединѣ, заваленныя сыромъ. Острый, сывороточный запахъ такъ и стоитъ въ нихъ.

Послѣ обѣда осмотрѣли мы еще ледникъ, скотный дворъ и свинарникъ. Ледникъ—это изобрѣтеніе самого Верещагина. Онъ устроенъ не ниже поверхности земли въ высокой насыпи. Нужно было такъ сдѣлать по причинѣ подпочвенной воды, находящейся здѣсь на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Н. В. долго ломалъ себѣ голову надъ этимъ изобрѣтеніемъ. Собственно ледникъ представляетъ чистую комнату, узкую, но довольно высокую. Большая стѣна его изъ бревенъ съ отдушинами. За ней-то и наваленъ ледъ во всю вышину комнаты, и охлажденіе воздуха достигается отдушинами. Надо сознаться, что это до крайности просто и удобно. Не нужно «ставить» на ледъ, перемѣнять его и пачкаться. Температура здѣсь едва достигаетъ у пола до 6—7°. Рядомъ съ ледникомъ, въ огороженномъ пространствѣ, свaленъ ледъ и засыпанъ толстымъ слоемъ опилокъ, которыя хорошо предохраняютъ его отъ таянія.

Скотный дворъ Н. В. Верещагина небольшой, всего на 15 коровъ, но тоже образцовый. Полъ деревянный, коровы стоятъ въ два ряда, на цѣпяхъ, у каждой чистая соломенная подстилка. Просторъ и чистота, прежде всего бросаются въ глаза. Коровы обыкновенныя, мѣстныя, купленныя большею частью у крестьянъ очень дешево. Но, благодаря корму, онѣ просто неузнаваемы сдѣлались. Дается имъ мука

картофельная, ржаная и др. вволю, сколько съѣдятъ. Свинарникъ, рядомъ съ скотнымъ дворомъ, это просто шедевръ, если это слово примѣнимо къ такого рода помѣщеніямъ. Я, какъ полагаю и многіе, не чувствую особой симпатіи къ симъ мерзкимъ животнымъ, и вошелъ только изъ любезности въ ихъ апартаменты. Но, признаюсь, не смотря на удушливый ароматъ, долго въ ней оставался. Свиньи здѣсь совсѣмъ не такія, какими я привыкъ ихъ видѣть. Каждая въ стойкѣ, вокругъ чистота и порядокъ. Всѣ онѣ преимущественно англійскихъ и японскихъ породъ, круглыя, какъ боченки, съ мягкой, рѣдкой и лоснящейся шерстью. Просто красавицы. Кормятъ ихъ сывороткой, тоже вволю. Отъ этого кормленія, свиньи даютъ въ годъ потомства: разъ 18-ть штукъ, второй 22 и третій 24 штуки—вѣдь какой это громадный процентъ на капиталъ. Смотрѣли еще конюшню Н. В.: также чисто и образцово содержится, кормъ также даютъ лошадямъ «вволю». Словомъ, девизъ Н. В. Верещагина: всѣмъ и всему давать ѣсть, сколько хотятъ, и результаты такого расхода окупятся сторицей... Лабораторія заведенія—обширная и свѣтлая комната, гдѣ производятся разные изысканія и анализы составныхъ частей матеріаловъ сыроваренія. Есть очень хорошіе микроскопы, съ увеличеніемъ въ 2,500 разъ. Завѣдуетъ ею помощникъ Н. В., молодой человѣкъ изъ «кавказскихъ горцевъ», самъ намъ многое объяснявшій. Въ мастерской сыроваренія и маслобойнѣ объясняли намъ дѣло ученики и ученицы, и объясняли весьма толково. Это мальчики и дѣвушки лѣтъ до 20-ти включительно, изъ мѣстныхъ крестьянъ. Полагается ихъ въ школѣ по казенному комплекту 40 чел., но Н. В.. по усиленнымъ просьбамъ родителей, долженъ былъ принять еще десять. Они живутъ на продовольствіи школы и должны пробыть въ ней не менѣе 2-хъ лѣтъ. Поступаютъ тоже туда молодые люди, кончившіе курсъ въ другихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ вѣд. М. Г. Имущ.—для практики. Ученики и ученицы, кончившіе курсъ въ школѣ, называются мастерами и мастерицами, и отправляются для практики на такъ называемыя артельныя сыроварни, которыхъ нѣсколько въ окрестностяхъ и которыя тоже состоятъ подъ вѣдѣніемъ Н. В. Верещагина.

Верещагинскія артели—это, я полагаю, извѣстно многимъ изъ статей Энгельгардта въ Отеч. Запискахъ» и нѣсколькихъ замѣтокъ по поводу ихъ въ нашихъ либеральныхъ «газеткахъ». Энгельгардтъ порицалъ Верещагина за то, что тотъ будто бы своей сыроварней отнимаетъ молоко у крестьянскихъ дѣтей; «газетки» громко стояли за Н. В., причисляя его къ «своимъ», и съ особеннымъ смѣхомъ на всѣ лады повторяя слово *артели*. Въ нихъ онѣ чуяли что-то «новое», «западное», какое-то начало «общаго труда» и «капитала», словомъ, что-то въ родѣ коммуны. Поэтому считаю за особенное удовольствіе пояснить, что̀ значатъ отъ *а* до *г* Верещагинскія артели. Это просто рядъ сыроваренъ, куда крестьяне ежедневно, утромъ и вечеромъ, сносятъ свое молоко. Цѣлыми шеренгами, дѣти и женщины стоятъ у «пріемной», ожидая своей очереди и, дождавшись ея, свѣшиваютъ молоко, получаютъ росписку и уходятъ. Вотъ вся внѣшняя «картинная» сторона этихъ артелей. Она очень красива въ хорошій вечеръ.

Сторона же коммерческая такова. Изъ крестьянскаго молока дѣлается вышеизложеннымъ способомъ сыръ, преимущественно бекштейнъ и тильзитъ, сохраняется онъ по роспискѣ въ погребахъ Верещагина, потомъ продается, и деньги раздѣляются съ ариѳметическою точностью между крестьянами, кто сколько принесъ молока!

Вотъ и все! Въ этомъ и общій трудъ и общій капиталъ, и мы вполнѣ искренно раздѣляемъ восторгъ «газетокъ», ибо, кромѣ пользы, таковыя артели ничего другаго не производятъ. На обвиненіе-же со стороны г. Энгельгардта, Н. В. отвѣчалъ намъ, что почтенный ученый давно взялъ ужъ свое мнѣніе назадъ, убѣжденный краснорѣчивыми статистическими цифрами смертности до введенія сыроваренныхъ артелей и послѣ нихъ.

Мнѣ остается теперь высказать нѣсколько общихъ взглядовъ по поводу всего сказаннаго.

Сыроваренное и, въ связи съ нимъ, маслобойное дѣло *безусловно* имѣютъ громадную будущность въ Россіи.

Это подтверждается и фактическими данными и логическими выводами. Давность его въ Тверской губ., обширность и цѣлыя состоянія, нажитыя разными фирмами, указываютъ на спросъ и постоянное потребленіе. И ясно, что этотъ спросъ все увеличивается, что этотъ товаръ еще не залеживался. Въ г. *Бѣжецкѣ*, Твер. губ., 5-ть лѣтъ тому назадъ, производили 20—30 пуд. масла въ годъ. Теперь тамъ производятъ до *15,000 пудовъ*.

Сыры «Мещерскіе» получили право гражданства и съ успѣхомъ вездѣ въ магазинахъ конкурируютъ съ настоящимъ швейцарскимъ. Зеленый сыръ нашъ наполняетъ русскіе рынки, не исключая и азіатскихъ. Словомъ, нѣтъ причины опасаться за «застой» въ дѣлахъ сыроваренія.

Сыроварни подымаютъ благосостояніе населенія. Крестьяне находятъ сбытъ и *безграничный* тому продукту, который прежде у нихъ зачастую не цѣнился,—молоку. Ясно, что для нихъ выгодно заводить побольше скота, а со скотомъ получается и навозъ, который ужъ есть почти хлѣбъ. Но, скажутъ, если нѣтъ пастбищъ?..

Тутъ является другая комбинація, нѣсколько смѣлая можетъ быть, но основанная на цифровыхъ данныхъ.

Если нѣтъ пастбищъ, кормите хлѣбомъ.

Крестьяне и помѣщики воемъ воютъ, что нѣтъ выгоднаго сбыта хлѣба, что онъ въ амбарахъ гніетъ. У каждаго крестьянина, на каждомъ дворѣ, по моему есть *свой рынокъ* и сбытъ тамъ безграниченъ. Это скотный дворъ. Корова ѣстъ все и за все. Это готовыя деньги. Вотъ приблизительный разсчетъ: при хорошемъ кормѣ самая плохая корова даетъ среднимъ числомъ около 22 ф. молока. А изъ этого производится около фунта сливочнаго масла, до около 3 фунтовъ тощаго сыру. Считая масло самое дешевое по 40 к. за фунтъ и сыръ по 15 коп., получимъ солидную цифру около 1 руб. въ день съ одной коровы. Считая зимніе мѣсяцы за половину даже, корова даетъ не менѣе 100—150%, окупивъ самую себя. Н. В. Верещагинъ разсказывалъ мнѣ, что коровы, купленныя имъ по 40—50 руб., давали ему въ годъ за масло по 75 руб., а за сыръ слишкомъ 100 руб. Зачѣмъже выжидать цѣнъ на хлѣбъ и давать ему гнить, когда его же можно продать въ видѣ масла и сыра, и гораздо дороже. Поэтому сѣть сыроваренныхъ заводовъ по всей Россіи и иниціатива въэтомъ самаго правительства, по моему разумѣнію,—вещь болѣе чѣмъ полезная.

Финляндское правительство дало 60,000 марокъ для первоначальнаго устройства своей центральной сыроварни. Н. В. Верещагинъ не получилъ на это ничего и собственными средствами все устроилъ. Онъ получаетъ, конечно, содержаніе, если не ошибаюсь 15,000 р. въ годъ, но долженъ содержать на это всю школу и артельныя сыроварни. Оборотъ его около 20,000 р. въ годъ. Безъ рекламъ, безъ объявленій, сбываетъ онъ все, что производитъ, и сбываетъ ровно на половину дешевле, чѣмъ въ магазинахъ. Только одного швейцар-

скаго сыра онъ не производитъ, находя это слишкомъ затруднительнымъ для своихъ средствъ.

Въ заключеніе не могу не сказать, что въ этой единственной пока въ Россіи школѣ нѣтъ ни формализма, ни сухости. Все дѣлается чинно, съ особенной охотой, и хозяинъ бываетъ зачастую простымъ помощникомъ своихъ учениковъ. Вообще, личность самаго Н. В.—одна изъ симпатичнѣйшихъ. По первому взгляду на его лицо, въ его глаза, при первыхъ звукахъ этого мягкаго, высокаго голоса, чувствуешь, что онъ долженъ быть очень и очень добръ. День, проведенный въ его обществѣ и еще въ обществѣ его брата, знаменитаго художника, показался намъ особенно пріятнымъ. Я давно не испытывалъ такого отраднаго впечатлѣнія. Глубокій и положительный умъ одного брата и легкое остоуміе, грація, художественность въ рѣчи другого —сквозили все время въ ихъ рѣчи, и мы болтали обо многомъ и долго. Художникъ Верещагинъ написалъ вчера для школы вывѣску полуссохшимися красками, какія нашлись у его племянника. Этимъ она можетъ сдѣлаться исторической. И кто знаетъ, можетъ быть черезъ нѣсколько столѣтій сія вывѣска будетъ цѣниться на вѣсъ золота?..

Отрочъ-монастырь.

9-го августа.

Сегодня отправились мы въ одинъ изъ старѣйшихъ здѣшнихъ монастырей — Отрочъ-монастырь. Онъ стоитъ въ Заволжской части, при впаденіи Тверцы въ Волгу. Основанъ въ 1215 году, при великомъ князѣ Ярославѣ Ярославовичѣ, отрокомъ его Григоріемъ, почему и называется Отрочъ. Побужденіемъ къ основанію монастыря было, какъ говоритъ преданіе, слѣдующее обстоятельство, не лишенное романтизма: Григорій, съ соизволенія князя, хотѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью пономаря села Едимонова, что въ верстахъ 50-ти отъ Твери, на Волгѣ, извѣстною красавицей и умницей, Ксеніей. Когда Григорій, съ соизволенія великаго князя, поѣхалъ въ Едимоново, чтобы вѣнчаться съ своей невѣстой, великій князь отправился на соколиную охоту и прибылъ въ Едимоново-же. Преданіе гласитъ, что, наканунѣ свадьбы, великій князь ночью видѣлъ сонъ, въ которомъ ему явилась Ксенія и голосъ свыше сказалъ, что она должна быть его женой. Съ своей стороны и Ксеніи приснилось то же самое и, увидѣвъ во снѣ образъ князя, она успѣла въ него влюбиться. Великій князь не придавалъ однако значенія своему сну; но слѣдующее

обстоятельство послужило окончательнымъ поводомъ къ случившемуся. Подъѣзжая къ церкви села Едимонова, гдѣ уже все было готово къ совершенію брачнаго обряда Ксеніи и Григорія, соколъ великаго князя сорвался съ цѣпи, взлетѣлъ и сѣлъ на крестъ церкви, рядомъ съ сидѣвшей уже тамъ бѣлой голубицей. Князь, пораженный этимъ, вспомнилъ сонъ и направился въ церковь. Увидѣвъ же тамъ Ксенію уже рядомъ съ Григоріемъ передъ аналоемъ, и пораженный ея красотой, онъ мгновенно рѣшился—оттолкнулъ Григорія и сталъ на его мѣсто. Ксенія его узнала, и тутъ же выразила согласіе на бракъ. Такъ былъ совершенъ этотъ удивительный брачный обрядъ. Что здѣсь правда, что выдумка—трудно разобраться, но фактъ брака великаго князя Ярослава съ Ксеніей не подлежитъ сомнѣнію. Григорій въ ту-же ночь снялъ съ себя придворную одежду и, одѣвшись простолюдиномъ, съ тѣхъ поръ исчезъ. Въ молитвѣ и трудахъ проводилъ онъ свое время. Однажды ночью онъ видитъ большое прекрасное поле и Славу Господню, сіяющую на немъ свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Проснувшись, онъ обратился къ Богу съ молитвой открыть ему значеніе сего видѣнія. Въ ту-же ночь Царица Небесная явилась ему и, указавъ на мѣсто сказала: „На семъ мѣстѣ созижду церковь во имя моего успенія. Великій князь будетъ твоимъ помощникомъ; Богъ хочетъ прославить сіе мѣсто, здѣсь будетъ обитель“. По повелѣнію великаго князя, узнавшаго все это отъ Григорія, мѣсто было расчищено, на немъ сооружена деревянная церковь и освящена въ присутствіи князя. Начали собираться иноки; великій князь построилъ для нихъ деревянныя кельи, далъ имъ игумена Ѳеодосія и снабдилъ новую обитель всѣми монастырскими потребностями. Григорій принялъ иноческій чинъ подъ именемъ Гурія. Послѣ сего онъ скоро умеръ. Тѣло его погребено въ этой обители; но время изгладило слѣды его могилы. Подругимъ преданіямъ, великій князь, мучимый упреками совѣсти, самъ послалъ за Григоріемъ, и когда, послѣ долгихъ розысковъ, его нашли, онъ просилъ у него прощенія и спрашивалъ, чѣмъ онъ можетъ загладить свою вину предъ нимъ. Григорій отъ всего отказался и просилъ только, въ его память построить монастырь тамъ, гдѣ онъ поселился. Великій князь, по указанію Григорія, велѣлъ построить ему келію и церковь, и самъ его часто навѣщалъ. По смерти Григорія, великій князь воздвигъ въ Отрочѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь во имя Успенія Божіей Матери, пожаловалъ монастырю богатыя помѣстья

и грамоту за подписью многихъ удѣльныхъ князей такого содержанія: „Если кто обидитъ сей монастырь, или людей въ немъ живущихъ, то да будетъ лишенъ благодати Божьей и въ сей и будущей жизни“.

Преданіе говоритъ, что въ церкви была библіотека, богатая древностями и хорошими рукописями; но эта библіотека вмѣстѣ съ церковью сгорѣла. Во время Литовскаго погрома, храмъ Успенія, вмѣстѣ съ другимъ, теплымъ храмомъ во имя Петра митрополита, былъ опустошенъ, но не уничтоженъ. Въ началѣ XVIII столѣтія онъ за ветхостью былъ разобранъ и на мѣсто его построена нынѣшняя каменная соборная церковь въ честь Успенія Божіей Матери, въ царствованіе Петра Великаго въ 1722 году. Донынѣ существуетъ и теплая каменная церковь, построенная въ XVI столѣтіи; въ ней два престола: одинъ во имя святителя Филиппа, а другой во имя святителя Петра, митрополитовъ Московскихъ. Въ Отрочъ-монастырѣ проживалъ въ XVI вѣкѣ Максимъ Грекъ; здѣсь же заточенъ былъ святитель Филиппъ Московскій. Два года провелъ онъ въ заточеніи и наконецъ былъ задушенъ Малютою Скуратовымъ. Тѣло Святителя погребено было въ церкви Успенія, близъ лѣваго клироса, и покоилось тутъ 21 годъ. Потомъ иноки Соловецкаго монастыря, гдѣ Филиппъ былъ игуменомъ, испросили у великаго князя Ѳеодора Іоанновича согласіе перенести къ себѣ тѣло святителя, оказавшееся при вскрытіи гроба нетлѣннымъ, источавшимъ изъ себя миро, благоуханіе котораго разносилось по городу. Нынѣ, надъ мѣстомъ могилы Филиппа имѣется рѣзная, выкрашенная и вызолоченная гробница, съ частицей мощей угодника Божія на верхней доскѣ гробницы; надъ ней рѣзная, выкрашенная и мѣстами позолоченная сѣнь (балдахинъ). Келья, въ которой жилъ и былъ задушенъ Филиппъ, находится въ нижнемъ этажѣ теплой церкви. Изъ этой кельи устроенъ алтарь для церкви св. великомученицы Варвары, построенной въ 1835 году, стараніемъ бывшаго архимандрита Ѳеофила.

Монастырь обширенъ и красивъ, особенно съ противоположной стороны Волги. Въ церкви Успенія не сохранилось никакихъ болѣе предметовъ старины.

Живопись на стѣнахъ и иконы принадлежатъ уже къ новѣйшему періоду. Иконостасъ очень высокъ и богато вызолоченъ. Нынѣ монастырь сей состоитъ подъ управленіемъ архимандрита.

Желтиковъ монастырь.

19-го августа.

Въ 4 верстахъ отъ Твери, въ живописномъ мѣстѣ, на берегу рѣчки Тьмаки, стоитъ Желтиковъ монастырь, окруженный съ 2-хъ сторонъ высокой каменной стѣной, съ амбразурами и башнями по угламъ, повидимому, приспособленной когда-то къ оборонѣ. Третью сторону составляютъ церковь во имя Алексѣя человѣка Божія и Большія ворота, съ картинами изъ исторіи монастыря и св. писанія, писанными на стѣнѣ. Вся лѣвая, 4-я сторона двора занята длиннымъ зданіемъ, гдѣ помѣщаются келіи, жилище архимандрита и теплая церковь во имя Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то святителемъ Арсеніемъ была поставлена церковь деревянная. Изъ воротъ къ зимней церкви Успенія ведетъ красивая аллея изъ подстриженныхъ елокъ. Кругомъ церкви кладбище, а сзади его отгороженъ фруктовый садъ, обильно засаженный яблонями и всякими ягодами. Въ ожиданіи пока отворятъ церковь, я бѣгло осмотрѣлъ кладбище. Надгробные памятники все красивые и на нихъ надписи все болѣе извѣстныхъ фамилій: три князя Трубецкихъ лежатъ рядомъ, Полторацкіе, Татищевы, Дохтуровы и мн. др. Здѣсь стоитъ красивый памятникъ надъ могилой извѣстнаго Ѳеодора Николаевича Глинки, поэта и мѣстнаго старожила, лично извѣстнаго покойному Государю. Надгробныя надписи на памятникахъ особенно интересны. Есть цѣлыя стихотворенія, есть и трогательныя лаконическія строчки въ родѣ: „Здѣсь погребены всѣ мои надежды“,—или „Дѣти—матери“,—или „Прости, незабвенная“ и проч. Читая эти простыя слова, нельзя къ нимъ остаться равнодушнымъ; цѣлая исторія страданія, слезъ, тоски словно проходитъ передъ глазами; воображеніе рисуетъ образы и тѣхъ, кто покоится подъ этими холодными мраморами и тѣхъ, кто оплакиваетъ ихъ, и самое веселое расположеніе духа должно уступить мѣсто безграничной грусти...

Церковь Успенія Божіей Матери—старинной архитектуры, какъ и большинство видѣнныхъ здѣсь мною церквей... Видъ ихъ—почти равномѣрный четырехъ-угольникъ, высоко подымающійся и ограниченный плоской крышей. На ней пять куполовъ,—одинъ больщій посреди, и по-бокамъ четыре меньшихъ. Входныя двери съ трехъ сторонъ. Съ благоговѣйнымъ любопытствомъ вступили мы подъ сѣнь

этой церкви, построенной святителемъ Арсеніемъ. Внутренность обширная и простая. Только высокій иконостасъ богато вызолоченъ, да масса иконъ на немъ въ дорогихъ ризахъ. На стѣнахъ же картины, новѣйшей сравнительно работы, писанныя на камнѣ. Большинство ихъ относится къ чудотворной дѣятельности мощей св. Арсенія, и рисуетъ разные факты исцѣленія, воскрешенія, пораженія святотатцевъ и проч. Картины всѣ въ натуральную человѣческую величину. Изъ сокровищъ храма, понятно, первое мѣсто принадлежитъ нетлѣннымъ мощамъ свят. Арсенія. Онѣ почиваютъ противъ мѣстнаго образа Успенія Божіей Матери, у алтаря, въ кипарисной ракѣ, обложенной серебряными, вызолоченными досками. Затѣмъ, какъ древности, въ храмѣ сохраняются слѣдующіе предметы:

1) Панагія—на мощахъ св. Арсенія.

2) Омофоръ, по преданію, св. Арсенія.

3) Крестъ, найденный на гробѣ святителя при открытіи мощей его.

4) Посохъ св. Арсенія.

5) Каменный гробъ св. Арсенія.

6) Древній образъ св. Арсенія, писанный, по преданію, при открытіи мощей его, въ 1483 г.

7) Древнее рукописное Евангеліе, пожертвованное въ 1533 г.

8) Евангеліе напрестольное, изданное иноками братскаго Виленскаго монастыря и пожалованное царемъ Алексіемъ Михайловичемъ.

Изъ предметовъ, съ которыми преданіе связываетъ чудотворную силу, есть покровъ съ мощей св. Арсенія. Этотъ покровъ самъ по себѣ очень интересенъ, какъ въ высшей степени художественное произведеніе. Онъ весь вышитъ шелками и золотомъ, работа миніатюрная и очень красивая. Преданіе монастыря передаетъ за достовѣрный фактъ, что во время Литовскаго погрома Твери, когда литвины ворвались и въ Желтиковъ монастырь, разграбили церковь и одинъ изъ воиновъ сорвалъ вышеупомянутый покровъ съ мощей св. Арсенія, покрылъ имъ лошадь и сѣлъ въ сѣдло, то мгновенный порывъ вѣтра опрокинулъ святотатца вмѣстѣ съ лошадью, убилъ его, а покровъ былъ взнесенъ на верхъ и повисъ на крестѣ главнаго купола церкви. Есть и картины въ церкви, изображающія это памятное событіе.

Монастырь основанъ въ 1394 г., при тверскомъ вел. князѣ Михаилѣ Александровичѣ, св. Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ. Послѣ 19-ти-лѣтняго управленія тверской паствой, св. Арсеній вознамѣрился воздвигнуть обитель во имя Успенія Богородицы и преподобныхъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ, съ тѣмъ, чтобы въ ней было похоронено его тѣло и чтобы будущіе епископы здѣсь же погребались. Построивъ прежде деревянную церковь во имя Антонія и Θеодосія, св. Арсеній началъ строить въ 1404 г. и каменную Успенскую. По устроеніи монастыря, которому в. князь пожаловалъ вотчины и грамоты, св. Арсеній устроилъ себѣ изъ камня гробъ и поставилъ его передъ собой въ кельѣ. Въ ночь, на 2 марта 1409 года, онъ умеръ. Построенная имъ церковь разобрана была въ 1637 году, а на мѣсто ея построена новая, на томъ же мѣстѣ. Придѣлъ на правой сторонѣ, бывшій въ прежнемъ, построенномъ самимъ св. Арсеніемъ, храмѣ Нерукотвореннаго образа, по указу патріарха Никона освященъ во имя св. Арсенія; а лѣвый обращенъ въ ризницу. Въ 1713 г. церковь вновь была разобрана и, по усердію тверскихъ гражданъ—Викторова и Вагина, вновь устроена уже болѣе благолѣпная и просторная. Окончена она была только въ 1722 г.

Церковь на восточной сторонѣ во имя Алексѣя человѣка Божія построена Петромъ Великимъ, по случаю болѣзни его сына Алексѣя Петровича. При ней, для пребыванія царевича, устроены царскимъ иждивеніемъ 3 покоя съ 7 окнами, обращенными въ монастырь; въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, полъ деревянный, стѣны съ полу до оконъ обиты панелями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась, вѣроятно, кухня и кладовая. Эти комнаты теперь заперты.

74 года по смерти св. Арсенія тѣло его покоилось въ землѣ и, по преданіямъ монастыря, источало чудотвореніе съ вѣрой приходившимъ къ нему. Открыты онѣ были по просьбѣ епископа тверскаго Вассіана, Іоанномъ Васильевичемъ III, во время похода его на возмутившихся новгородцевъ. По открытіи гроба, мощи святителя обрѣтены нетлѣнными, лицо сіяющимъ и ризы въ цѣлости. И съ тѣхъ поръ массы поклонниковъ стали стекаться къ нему и многія чудеса стали совершаться у этого гроба. Въ 1665 году епископъ тверской Лаврентій, въ бытность свою въ Москвѣ, просилъ у патріарха Никона позволенія взять гробъ святителя Филиппа, митрополита Московскаго, привезенный изъ Соловецкаго монастыря. Патріархъ соизволилъ на это прошеніе, и въ 1665 году, 2 іюня, мощи св. Арсенія переложены въ раку св. Филиппа, а каменный гробъ его оставленъ въ церкви св. Антонія и Θеодосія, гдѣ и доселѣ находится. Въ 1734 г. тверскіе граждане—Янковскій и Волчаниновъ, устроили для мощей святителя серебряную раку, въ которую и были переложены онѣ

архіепископомъ тверскимъ Ѳеофилактомъ, а гробъ св. Филиппа перенесенъ въ тверской Отрочъ-монастырь.

Вотъ краткая исторія монастыря. Въ немъ въ настоящее время всего 20 всѣхъ обитающихъ, но многіе и многіе приходятъ осмотрѣть этотъ памятникъ старины и источникъ явленія не одного чуда.

Товарищество Русской Мануфактуры ситцевъ въ г. Твери.

11 августа.

Бумагопрядильная и ситцевая Морозовская фабрика въ Твери должна быть причислена къ огромнѣйшимъ фабрикамъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. По обширности размѣровъ, количеству и качеству выдѣлываемыхъ товаровъ и усовершенствованіямъ по всѣмъ отраслямъ выдѣлки—это, вѣроятно, единственная въ Россіи. На одинъ бѣглый, сравнительно, осмотръ всѣхъ отдѣленій ея мы употребили болѣе 4-хъ часовъ. Фабрика стоитъ на б. рѣки Тьмаки, на землѣ, арендуемой у мѣстныхъ крестьянъ на 50 лѣтъ, за 30 тысячъ съ чѣмъ-то рублей. Это цѣлый городокъ, чистый, красивый и благоустроенный. Всѣ зданія окружены палисадниками, а на главномъ дворѣ разведенъ цѣлый садъ, тѣнистый и большой. Зданіе самой фабрики—громадное, каменное, пятиэтажное сооруженіе. Масса остальныхъ зданій—преимущественно деревянныя, красивой и вполнѣ законченной архитектуры.

Мы подъѣхали къ конторѣ. Насъ встрѣтилъ предупрежденный уже о нашемъ посѣщеніи, временно-завѣдующій здѣсь хозяйственною частью, молодой человѣкъ самой симпатичной наружности. Послѣ обмѣна привѣтствіями, мы предложили ему группу вопросовъ по администраціи и веденію дѣлъ фабрики, по условіямъ быта рабочихъ, благотворительныхъ учрежденій и пр., которые онъ записалъ и обѣщалъ намъ черезъ нѣсколько дней представить по нимъ самые подробные отвѣты. Послѣ того онъ предложилъ намъ приступить къ обзору фабрики. Фабричная тройка, запряженная въ коляску, предоставлена была въ наше распоряженіе, и мы, очень обрадованные такою любезностью (шелъ проливной дождь), направились къ главному зданію. По желѣзной лѣстницѣ поднялись мы въ первый отдѣлъ фабрики—

бумагопрядильный и ткацкій. Наверху встрѣтилъ насъ директоръ этого отдѣла, англичанинъ, Иванъ Самойловичъ Буунъ, весьма почтенный старикъ. Онъ повелъ насъ по всему отдѣлу, начиная съ комнаты, гдѣ производится основа, корень всему этому громадному дѣлу,—гдѣ обрабатывается хлопокъ. Это первая инстанція всего механизма фабрики. Вотъ въ главныхъ чертахъ всѣ его движенія: хлопокъ, исключительно американскій, посредствомъ машинъ нѣсколько разъ очищается до полученія вполнѣ чистаго и бѣлаго холста, навиваемаго окончательно на большіе валы. Съ этихъ валовъ, посредствомъ *чесальныхъ машинъ*, въ слѣдующемъ отдѣленіи, хлопокъ вытягивается въ ленты *1-го размѣра*, т. е. толстыя и мягкія, собираемые въ длинные цилиндры. Оттуда онъ идетъ на большія катушки, и посредствомъ *ленточной машины* выработывается лента болѣе тонкая и плотная, называемая *1-й равницей*. Эта лента, посредствомъ машинъ—*банкобросъ* толстый, средній и тонкій—перерабатывается въ такъ называемую *тонкую равницу*, т. е. тонкую и плотную нитку. Переработка производится процессомъ все большаго вытягиванія ленты и навиванія ея на катушки. Сотни машинъ занимаются этимъ дѣломъ въ громадной, въ два свѣта, залѣ, подъ оглушительный, ни на секунду не утихающій шумъ. Полученная *тонкая равница*, на тысячи катушкахъ, вставляется въ *Мююльныя* машины, которыя еще разъ и послѣдній, сжимаютъ и очищаютъ нитку и изъ нихъ получается уже окончательная нить, идущая на тканье и называемая *пряжей*. *Мююльныя* машины очень длинны и очень красивы съ длиннымъ рядомъ бѣлыхъ катушекъ. У каждой работаетъ одинъ мальчикъ, и нужна тутъ удивительная ловкость, чтобы поспѣвать скручивать порвавшіяся нити, когда онѣ рвутся одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мнѣ говорилъ завѣдующій хозяйствомъ, что, по его разсчету, длина нитки, въ день вырабатываемой на этихъ машинахъ, могла бы *36-ть разъ* обойдти по экватору, а каждая маленькая катушка имѣетъ на себѣ ее на 2 — 3 версты.

Рядъ выступающихъ стержней, на которые надѣваются катушки, называется *печатками*, и они наполняются 3 раза въ сутки. Рядомъ съ Мююльными машинами работаютъ здѣсь и другія—*Ватера—колечковыя*, новое и очень остроумное изобрѣтеніе, занимающее гораздо меньше мѣста и больше вырабатывающее. И на этихъ послѣднихъ исключительно работаютъ дѣти.

Произведенную, такимъ образомъ, работу свѣшиваютъ на пуды

собственно для выдачи заработной платы. Съ маленькихъ кату-
шекъ *пряжу* перематываютъ посредствомъ *катушечныхъ* машинъ
на большіе валы; работаютъ исключительно женщины. Потомъ *сно-
вальными машинами* перематываютъ еще разъ нить на другіе валы,
при чемъ нить здѣсь укладывается изъ нѣсколькихъ валовъ разомъ,
съ той плотнотой, которая требуется уже для ткани. Затѣмъ на
клеильной или *шлихтовальной* машинѣ нить эту покрываютъ клеемъ
и, уже твердую, упругую, перематываютъ на валы, идущіе прямо въ
ткацкіе станки и называемые *основой*. Продернувъ концы нитей *ре-
мизами* или *бердами*, для удобства тканья, что дѣлаютъ дѣвочки, при-
ступаютъ къ самой главной работѣ—къ работѣ тканья. Самое об-
ширное помѣщеніе—это ткацкое. Ткацкихъ станковъ работаетъ
около 2-хъ тысячъ. И Господи, что за разнообразіе этого тканья; въ
какихъ комбинаціяхъ не переплетается здѣсь нитка. Изъ лучшихъ,
какія я здѣсь видѣлъ *суровыхъ* тканей, это брильянтины и полушер-
стяныя матеріи, не уступающія шерстянымъ. Но фабрика не про-
даетъ *ни одного* куска изъ своихъ *суровыхъ* тканей. Она сама еще ихъ
покупаетъ и обработываетъ.

Есть и ткань цвѣтная, получаемая изъ окрашиваемой въ различ-
ные цвѣта *пряжи.* Окрашиванія на фабрикѣ не производится. Изъ
прочихъ частей сего отдѣла обращаетъ вниманіе огромное слесарное
отдѣленіе. Здѣсь починяютъ всѣ части машинъ, приготовляютъ но-
выя и даже пробуютъ изготовлять самыя машины. До сихъ поръ
успѣшно соорудили съ десятокъ ткацкихъ станковъ, которые всегда
выписываются фабрикой изъ Англіи, какъ и всѣ прочія машины.
Эти машины, по разнообразію и смѣлости замысла,—просто изуми-
тельны. Желѣзо здѣсь обращается въ тѣсто, прокалываемое и про-
рѣзываемое легче яблока. Изъ дюймовой жел. доски, небольшая ма-
шина однимъ прикосновеніемъ наконечника выкалываетъ кружки въ
двугривенный. Новое только что изобрѣтеніе—это паровая *строгальня*
для досокъ. Всякая доска дѣлается ровной и гладкой однимъ прове-
деніемъ ея только по верхней глади машины. Внизу помѣщаются
кузни. Здѣсь тоже паровые молоты и молотки дѣлаютъ чудеса. Сло-
вомъ, это отдѣленіе совершенствуется до той степени, чтобы самому
въ скоромъ будущемъ снабжать фабрику всѣми машинами.

Заслуживаетъ вниманія еще наглядный вѣшатель масла, изобрѣ-
тенный самимъ директоромъ. Въ большіе чаны наливается масло.
Надъ кранами ихъ укрѣплены кружки съ дѣленіемъ до 20-ти фун-

товъ. Масло наполняетъ кружки, закрывающіеся сверху подвижнымъ
кружкомъ, куда вдѣланъ поршень. Поршень давитъ на масло и, по
мѣрѣ выливая его изъ кружки черезъ кранъ, опускается и желѣ-
зной палочкой указываетъ дѣленія. Геніально, просто, хорошо и
удобно. Вотъ въ общихъ чертахъ 1-й отдѣлъ. Работаютъ здѣсь и
день и ночь посмѣнно, мѣняясь черезъ каждые 6 часовъ. Второй
отдѣлъ гораздо больше и сложнѣе. Здѣсь начинается работа двумя
вѣтвями одновременно. Первая вѣтвь—приготовленіе печатающихъ
цилиндровъ, т. е. гравированіе и отдѣлка ихъ; вторая — приготовле-
ніе суровой ткани въ годную для печатанія. По первой вѣтви
есть цѣлая мастерская художниковъ, сочиняющихъ узоры — до
500 разныхъ въ годъ. Затѣмъ мастерская гравировщиковъ, перево-
дящихъ эти узоры на маленькіе цилиндрики, называемые—*матками.*
Помощію машинъ, *матки* эти выжимаютъ узоръ рельефомъ на
большихъ цилиндрикахъ, и уже тѣ, другими машинами, очень раз-
нообразными, вырѣзываютъ узоры на печатныхъ валахъ. Валы эти
вставляются въ *печатныя* машины, причемъ для каждой краски
особый валъ. Самая большая машина работаетъ 8-ю валами. От-
дѣленіе приготовленія и разработки красокъ очень велико. Кра-
ски, т. е. основные составы ихъ, выписываются изъ-за границы.
Въ лабораторіи, которою завѣдуетъ самъ директоръ, онѣ получаютъ
первую переработку, составляются въ массы и сортируются. Потомъ,
въ большой мастерской перевариваются, разбавляются и очищаются.

Это самое серьезное отдѣленіе фабрики, ибо отъ качества краски
зависитъ достоинство ситца. Директоръ отличный химикъ и самъ
здѣсь исключительно работаетъ. Вторая вѣтвь начинается съ *опали-
ванія* суроваго холста производимаго *опальными* машинами. Пламя
газа обжигаетъ пухъ съ холста, вертящагося съ страшной быстро-
той на цилиндрахъ. Этотъ-же холстъ проходитъ потомъ *чиститель-
ныя* машины и уже гладкій и чистый поступаетъ въ бѣленіе. *От-
бѣльныя* машины — это громадные котлы, въ которыхъ сваливается
по 80 кусковъ холста и помощью, сначала извести, потомъ кислоты,
потомъ соды, хлора и опять кислоты, переходя изъ котла въ котелъ,
холстъ дѣлается бѣлоснѣжнымъ. Его моютъ, просушиваютъ, и вотъ
тутъ начинается главное производство его, на *печатныхъ* машинахъ.
Машины эти громадны и помощью широчайшихъ валовъ передаютъ
холстъ къ *печатному* валику, потомъ уносятъ его совсѣмъ въ дру-
гую комнату—*отдувалку*, гдѣ помощью пара или грѣтаго воздуха при

30 град., проходя десятки валовъ, въ 5 минутъ или $1^1/_2$ часа (зависитъ отъ системы *отдувалки*), онъ показывается опять на свѣтъ Божій уже сухой и твердый. Холстъ гуляетъ на пространствѣ, я думаю, нѣсколькихъ верстъ, точно живой.

Отсюда часть его, смотря по узору, идетъ въ сплошную *окраску*, часть въ *запарку*. Запарка холста производится только для такъ называемыхъ *запарныхъ* красокъ, т. е. тѣхъ, которыя дѣйствіемъ паровъ получаютъ свой окончательный колоритъ, закрѣпляются на холстѣ, такъ сказать. Укрѣпленіе же краски узоровъ въ окончательной степени достигается *мыльными* машинами, которыхъ системы весьма разнообразны. Новѣйшая—это громадная машина, въ которой холстъ сначала проходитъ, помощью цилиндровъ, черезъ различные химическіе составы, извѣстнымъ образомъ дѣйствующіе на ту, или другую краску, потомъ проходитъ бассейнъ съ кипящей водой, разбавленной мыломъ, идетъ все дальше черезъ бассейны все меньшіе и съ водой, насыщенной мыломъ все больше, проходитъ, наконецъ, черезъ отдѣленіе съ брызжущимъ на него чистымъ мыломъ, потомъ опускается опять въ большой бассейнъ съ чистой холодной водой, промывается, охлаждается и опять наматывается на громадные цилиндры, внутри согрѣтые паромъ, и уже совсѣмъ сухой крѣпкій, съ яснымъ и окончательнымъ узоромъ складывается онъ въ концѣ машины на подставкахъ. Эта махинація заразъ 4-хъ процессовъ совершается съ поражающей быстротой.

Холсты, подвергающіеся *окраскѣ*, выходя изъ *печатныхъ* машинъ, проходятъ первую инстанцію въ такъ называемой *зрѣльной*. Это большія комнаты съ острымъ, удушливымъ, уксуснымъ запахомъ происходящимъ отъ испаренія красокъ холстовъ. Тутъ висятъ холсты 2 сутокъ и потомъ подвергаются *затиркѣ*, т. е. мытью. Окраска ихъ производится *красильными* машинами, въ разные цвѣта, и притомъ такъ, что окрашиваются только мѣста *не выбитыя* печатью, т. е. промежутки между узорами. Затѣмъ этотъ окрашенный холстъ, пройдя тоже *одувалки* и *мыльныя машины*, получаетъ окончательный цвѣтъ, совсѣмъ разный съ первоначальнымъ, и сухой, твердый, готовъ къ окончательной его отдѣлкѣ.

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ ситцы *окрашенные* и *запарные* подвергаются общей обработкѣ. Ихъ прежде проводятъ черезъ машины *крахмалки*, между цилиндрами которой ситцы крахмалятся и слегка вспрыскиваются водой. Потомъ въ *ширительныхъ* машинахъ, помощью

гутаперчеваго нажима, ихъ расширяютъ, вытягиваютъ въ поперечникѣ почти на два пальца и, наконецъ, въ машинахъ, называемыхъ *голандрами*, утюжатъ, т. е придаютъ имъ глянцъ и окончательный видъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ обработка ситца отъ хлопчатой бумаги до лучшихъ сортовъ ситцевыхъ матерій, которыхъ около 80-ти. Въ *складочныхъ* и упаковочныхъ мастерскихъ, мальчики съ быстротой молніи развѣшиваютъ на вѣшалкахъ идущій къ нимъ снизу посредствомъ блоковъ ситецъ, другіе складываютъ его въ куски и отправляютъ въ *упаковочную*. Тутъ онъ принимаетъ совсѣмъ магазинный видъ, наклеиваются ярлыки—и дѣло сдѣлано.

Не могу не вспомнить про изготовленіе ситца *муарэ*. Эта любопытная машина называется *колотильной* и состоитъ изъ колесъ, приводящихъ въ движеніе внизу рядъ молоточковъ, бьющихъ по нижней доскѣ, въ которой продѣланы отверстія. Такихъ отверстій рядъ. Въ нихъ-то и просовывается свернутый кусокъ отдѣланнаго совсѣмъ *гладкаго* ситца, обложенный предварительно кускомъ другой матеріи. Молоточки съ страшной силой стучатъ по этому свертку, поворачиваемому все время мастеромъ. Черезъ нѣсколько секундъ верхняя матерія отъ силы ударовъ рвется и *муарэ* готово. Его причудливые узоры образуются вслѣдствіе сильнаго взаимнаго давленія между собой нитокъ ситца. Особаго вниманія своей красотой и добротой заслуживаютъ слѣд. роды ситца: 1) бумазея, 2) драпъ, 3) рубчикъ, 4) вязь, 5) миткали, 6) рипсъ, 7) рогожка бѣлая и цвѣтная, 8) парусинка, 9) московинъ, 10) чортова кожа всѣхъ цвѣтовъ и 11) ирландъ.

Эти матеріи могутъ смѣло конкуррировать съ шерстяными, до того онѣ совершенны. Я не удивляюсь, что Манчестеръ поддѣлываетъ клейма Морозовской фирмы и наполняетъ этими ситцами азіятскіе рынки...

Отъ души благодарили мы директора этого отдѣла, Евгенія Эдуардовича Швейцера, за его рѣдкую любезность. Онъ просто потомъ обливался, окончивъ съ нами этотъ отдѣлъ. Да и мы заморились, но рѣшили довести дѣло до конца. Оставались еще всѣ благотворит. учрежденія. Ихъ много и они поражаютъ образцовымъ порядкомъ, чистотой и изяществомъ внѣшняго вида. Въ одномъ домѣ помѣщается родильный покой, повивальное отдѣленіе, пріютъ, гдѣ матери оставляютъ на время работы, дѣтей и пріютъ для сиротъ.

При родильномъ покоѣ есть повивальная бабка; всѣ приспособ-

ленія и нѣмецкая чистота. Въ пріютѣ насъ встрѣтила масса дѣтскихъ головокъ самыхъ разнообразныхъ величинъ и мастей. Смотрительница, высокая, полная женщина, съ доброй улыбкой, точно насѣдка, окруженная облѣпившими ее птенцами, объясняла намъ разныя подробности. Дѣти съ удивленіемъ и болѣе съ задоромъ, чѣмъ со страхомъ, смотрѣли на насъ. Няньки держали крошечныхъ созданій, серьезно внимавшихъ намъ и терпѣливо выжидавшихъ возвращенія къ нимъ матерей. Были преуморительныя мордочки. Были здоровыя, но были, увы! и жалкія, точно изъ воску вылѣпленныя. Фабричный воздухъ видно былъ всосанъ ими вмѣстѣ съ молокомъ матери. Для игранія «ползуновъ» устроенъ былъ какой-то «ползильникъ»—огороженное посреди комнаты мѣсто, обитое внутри чѣмъ-то мягкимъ. Маленькіе столики и скамейки служили мѣстомъ возсѣданія самой маленькой команды. Тутъ чуялся во всемъ миръ, покой и невинная, безпечная дѣтская жизнь. Ихъ хорошо кормятъ, поятъ и не даютъ скучать. Рядомъ съ этимъ зданіемъ строится большое каменное, куда будетъ перенесенъ пріютъ и значительно расширенъ. Предполагается принимать дѣтей только на половину сиротъ. Больница не оставляетъ желать ничего лучшаго. Деревянное двухъ-этажное зданіе съ нѣсколькими покоями, обширными и высокими, въ два свѣта, также красиво внутри какъ и снаружи. Стѣны небѣленыя, просто тесаныя, полы лоснящіеся чистотой, большія бѣлыя печи, высокія окна, отличная вентиляція—вотъ внутренность больницы. Она построена на 150 кроватей, но лежитъ больныхъ тамъ мало. Преобладающая болѣзнь—поносы. Докторъ пояснилъ намъ, что это происходитъ отъ времени года и незрѣлыхъ плодовъ. Есть камеры для заразныхъ болѣзней, но онѣ теперь пусты. Вообще ни тифа, ни скарлатины, ни оспы, ни сифилиса между рабочими *положительно нѣтъ*.

Тутъ же находится и аптека совершенно полная. Докторъ старичекъ, подвижный и любезный въ высшей степени, съ любовью показывалъ намъ свое царство. На верху больницы временно помѣщается библіотека и читальня. На лѣстницѣ видѣли мы массу мальчиковъ и молодыхъ рабочихъ, съ книгами въ рукахъ, дожидавшихся перемѣны ихъ. Все это болѣе чѣмъ отрадно было видѣть. Школа здѣшняя переполнила мѣру нашихъ восторговъ. Я бы не повѣрилъ, если бы самъ не видалъ. Просидѣвъ 9 лѣтъ на школьной скамьѣ, я могу судить нѣсколько о внѣшнемъ видѣ и атрибутахъ классовъ. Смѣло заявляю, такого милаго, уютнаго и чистаго помѣщенія и у насъ въ

классахъ не было. Тѣ же небѣленыя стѣны, тѣ же лоснящіеся чистотой полы, что и въ больницѣ, но при этомъ масса горшковъ съ цвѣтами, почти закрывающихъ окна, по стѣнамъ вьющійся плющъ, картины изъ исторіи, ботаники естественной исторіи, и *преимущественно священнаго писанія,* маленькія скамейки, приспособленныя по послѣдней методѣ къ гигіеническому сидѣнію—вотъ внутренность классовъ. Ихъ три и приготовительное отдѣленіе. Въ каждомъ классѣ есть параллельное отдѣленіе и еще одно отдѣленіе для взрослыхъ рабочихъ. Количество посѣщающихъ школу учениковъ доходитъ до *1100*—это фактъ. На стѣнахъ классовъ вывѣшаны слѣдующія объявленія:

1) Малолѣтніе до 15 лѣтъ ходятъ на фабрику по-смѣнно, по 4 часа каждая смѣна.

2) Работа начинается въ 6 часовъ утра и кончается въ 9 вечера.

3) Ночью малолѣтніе не работаютъ.

4) Всѣмъ малолѣтнимъ вмѣняется въ *обязанность* посѣщать школу въ свободные отъ фабр. занятій часы, и заниматься въ ней по меньшей мѣрѣ по 3 ч. въ день.

5) Виновные въ нарушеніи сего правила платятъ штрафъ, или подвергаются наказанію, т. е. замѣнѣ, одной смѣны—тремя, на фабрикѣ.

Изъ разспросовъ главнаго учителя, я узналъ, что офиціальная программа этой школы—программа народнаго училища. Но кончившіе въ ней курсъ смѣло могутъ попасть во 2-й классъ реальной гимназіи. Два раза въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ для ревизованія школы изъ Москвы инспекторъ. Смотрѣлъ я все это, слушалъ и жалѣлъ только, что не попалъ къ занятіямъ, которыя откроются здѣсь по полной программѣ послѣ 16 августа. Книги, бумага, всѣ нужныя для обученія принадлежности, все это *безгранично* высылается изъ Москвы, по первому требованію учителя. Вскочивши въ коляску, чтобы возвратиться въ контору, гдѣ ждалъ насъ чай, я не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Да сколько-же вы тратите на благотворительность?

— Около 35 тысячъ, былъ отвѣтъ.—И замѣтьте, прибавилъ, улыбаясь, нашъ чичеронэ,—у насъ еще строится большая каменная школа для взрослыхъ; очень многіе изъ нихъ выражаютъ желаніе учиться.

— А пьянство, много пьютъ? спросилъ я послѣ молчанія.

— Какъ вамъ сказать? У насъ жалованіе выдаютъ помѣсячно. Я какъ-то въ воскресеніе, послѣ раздачи, прибылъ сюда, въ надеждѣ застать генеральное пьянство. И чтожъ?—въ 9 часовъ все было мирно и тихо, все спало.

Правда-ли это—не знаю, но во всякомъ случаѣ очень похоже на правду. За чаемъ мы еще подробнѣе разговорились. Между прочимъ, вотъ что услышалъ я еще:

— Администрація фабрики ничего, кромѣ барыша, не имѣетъ отъ этихъ большихъ затратъ на благотворительность, говорилъ молодой управляющій. Истратимъ мы 40 тыс., а получимъ 80 лишнихъ. Работникъ это такъ цѣнитъ, что готовъ идти къ намъ за низшую плату. Его дѣти не одни дома; они не голодны, они учатся. Онъ самъ заболѣетъ—его лечатъ и холятъ. Онъ изувѣченъ—у него пенсіонъ; онъ состарился, наконецъ, не можетъ работать—для него богадѣльня. Словомъ, вся жизнь обезпечена; онъ дорожитъ этимъ, старателенъ, вѣжливъ, не пьянствуетъ. Да и директора у насъ такіе, какихъ немного. Это отцы для рабочихъ; съ своей стороны, они тоже говорятъ, что нѣтъ лучше работника, въ смыслѣ внимательности и добросовѣстности, какъ русскій. А они-то потерлись по бѣлу-свѣту...

Съ часъ еще болтали мы за стаканомъ чая въ эллегантной, уютной комнатѣ, составляющей часть аппартаментовъ «для пріѣзжающихъ» на фабрику. Дождь уныло стучалъ въ окна, вѣтеръ завывалъ, а тутъ такъ хорошо было у теплящагося камина,—роскошь, отъ которой давно мы отвыкли. Такъ-бы и сидѣлъ все.. Но К. оказался внимательнѣе меня и, вспомнивъ, что мы ужъ и такъ цѣлый день отняли у нашего любезнаго хозяина, увелъ меня съ собой.

Измученный бѣготней и шумомъ, но съ полнымъ удовольствіемъ ъ душѣ, вступилъ я въ мрачныя стѣны своего номера...

Два пригрдныхъ села.

12-го августа.

Село Ж., К—ой волости, верстахъ въ 9-ти отъ города, раскинуто на берегу р. Тьмаки, здѣсь довольно высокому, вблизи К—го монастыря. Это красивое мѣсто, благодаря близости города и чудесной сосновой рощѣ, идущей длинной, хотя узкой полосой, по противуположному берегу Тьмаки, выбрано тверитянами подъ ихъ лѣтнюю резиденцію. Здѣсь ихъ проживаетъ около 40 семействъ, въ другихъ же окрестныхъ селеніяхъ еще два раза столько, такъ что дачное населеніе г. Твери не превышаетъ 120 семействъ. Дачи — это крестьянскіе домики, не затѣйливые и далеко не видные, но достаточно опрятные. Эти домики группируются по обѣимъ сторонамъ единственной улицы селенія, прямой и широкой. За ними уже болѣе убогія пристройки, въ которыхъ помѣщаются сами крестьяне съ ихъ семействомъ. А за этими пристройками, съ одной—узкая извивающаяся лента Тьмаки, съ другой—желтѣющаяся ширь полей. Проѣхавъ въѣздныя ворота, мы остановились у втораго домика съ краю, гдѣ была прибита дощечка волостнаго правленія. Домикъ былъ очень малъ, но и очень милъ, благодаря палисаднику, окружающему его со всѣхъ сторонъ. Къ крыльцу, черезъ воротца, велъ узкій проходъ, усыпанный пескомъ. На скамейкѣ, близъ этихъ воротецъ, сидѣло нѣсколько крестьянъ, при нашемъ приближеніи засуетившихся.

Одинъ изъ нихъ, высокій брюнетъ, съ цѣпью на шеѣ, бросился насъ высаживать, а другой съ нѣсколько истасканнымъ лицомъ, въ костюмѣ, переходящемъ отъ прикащичьяго къ лакейскому,—отворять передъ нами двери правленія. Мы вошли въ небольшую комнатку

въ три окна, очень чистую и уютную. Коричневыя, тесовыя стѣны, съ наклеенными на нихъ «правилами» и «объявленіями», лавки вокругъ нихъ и между двумя оконцами письменный столъ, съ тремя креслами кругомъ, двумя мягкими и однимъ соломенымъ плетенымъ, дѣловой шкафъ у стѣны—вотъ вся меблировка и внутренность сей комнаты, если прибавить еще уголъ, обвѣшанный образами съ лампадой, и надъ письменнымъ столомъ, лубочной работы, портреты покойнаго и нынѣшняго Государя Императора. На письменномъ столѣ, покрытомъ чистой клеенкой, правильно были разложены противъ каждаго кресла, листы бѣлой бумаги и карандаши. По всему видно было, что о нашемъ пріѣздѣ были предупреждены.

— Волостной старшина...

— Волостной писарь, имѣю честь представиться... отрекомендовались одинъ за другимъ—мужикъ съ цѣпью и зоркій, донельзя почтительный, его товарищъ.

Онъ бережно стащилъ съ меня пальто и также бережно, точно боясь разбить, повѣсилъ его на шкафъ.

Мы усѣлись и предложили мѣсто старшинѣ; но тотъ отказался.

— Постоимъ-съ, ничего...

Послѣ нѣсколькихъ нашихъ первыхъ вопросовъ, дверь отворилась, и высокій урядникъ, сгибаясь въ низкой двери, вошелъ въ комнату. Осанка и лицо этого молодаго человѣка показывала въ немъ интеллигентнаго. Онъ вѣжливо поклонился, тоже отрекомендовался и сталъ въ углу

Одинъ за другимъ, предлагалъ я вопросы изъ заранѣе составленной программы, но не на всякій получалъ прямой и толковый отвѣтъ. Отвѣты волостнаго старшины дополнялись писаремъ, того въ свою очередь, урядникомъ, и только послѣ многихъ «подходцевъ», такъ сказать, многихъ объяснительныхъ и сравнительныхъ предложеній, съ нашей стороны и еще большаго количества вводныхъ съ противной стороны—дѣло объяснялось.

— Какъ ежели таперича ваше пр—ство, насчетъ... начиналъ старшина степенно и тихо, заложивъ свои руки на животѣ.

Я любовался его чисто мужицкой величавостью и спокойными, хотя почтительными движеніями; я съ удовольствіемъ вслушивался въ его нѣсколько фразистую рѣчь съ странными оборотами и неожиданными, полными иногда глубокаго ума, почти философскими выводами

и вставками. Вообще онъ говорилъ обстоятельно и производилъ впечатлѣніе недюжиннаго, природнаго ума.

— Осмѣлюсь вамъ почтительнѣйше доложить, ваше высокоблагородіе... нагибаясь надъ моимъ ухомъ, почти шепталъ, стоящій за мной волостной писарь. Онъ видимо терзался во время длинныхъ рѣчей волостного старшины, горя нетерпѣніемъ изложить намъ предметъ и обстоятельнѣе и короче. Онъ смотрѣлъ въ ротъ старшинѣ, и его блѣдныя губы не разъ вытягивались какъ-то особенно почтительно «трубочкой» и раскрывались уже готовыя заговорить. Но видя наше вниманіе къ словамъ старшины, онъ ограничивался только отрывочными звуками, начинавшимися всегда...

— Осмѣлюсь вамъ почтительнѣйше и т. д...

Когда же, наконецъ, обращались прямо къ нему, его форма рта, голосъ, граціозный наклонъ туловища въ нашу сторону, словомъ—весь онъ точно утопалъ въ порывѣ почтительности и усердія, который онъ все-таки умѣлъ въ себѣ сдерживать. Его голосъ все подымался выше самаго низкаго и бархатнаго, движенія были хотя быстры, но округленны, манера переворачивать страницы журналовъ, стучать молоточками на счетахъ—была въ высшей степени благообразна, закончена, если такъ можно выразиться. Такъ, при переворачиваніи страницъ онъ употреблялъ не 2-й, а 3-й палецъ и слюнилъ его почти незамѣтно. На счетахъ онъ тоже дѣйствовалъ тѣмъ же 3-мъ пальцемъ, только при этомъ граціозно приподымалъ остальные три, пятый выше и граціознѣе всѣхъ. Щелкнувъ послѣдней косточкой, открывъ нужную страницу книги, или кончивъ послѣднее слово фразы, онъ отступалъ шагъ назадъ съ руками по швамъ, нѣсколько присѣдалъ на одну ногу, втягивалъ въ себя губы и слегка свѣшивалъ голову въ сторону старшины, съ видомъ покорно-торжествующе сострадательнымъ. Я имъ исподтишка не переставалъ любоваться.

— Изволите-ли видѣть... такъ начиналъ урядникъ, вступавшій въ разговоръ, только когда прямо къ нему обращались, или когда и обстоятельная рѣчь старшины и почтительныя объясненія писаря оставались нами не совсѣмъ усвоенными. Тогда онъ приподымался со скамейки въ уголку, куда примостился уже, постоявъ больше часу, выступалъ впередъ и, улыбаясь широкой улыбкой и тщетно стараясь найти надлежащее положеніе своимъ длиннымъ рукамъ (по швамъ держать ихъ онъ видно стѣснялся), въ удобопонятныхъ выраженіяхъ

повторялъ онъ сказанное. Онъ былъ въ должности очень недавно и потому мало самъ еще что зналъ.

Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ добивались мы нужнаго и, послѣ 4-хъ часовъ терпѣнія, отвѣты на всѣ наши вопросы были готовы и записаны.

Я постараюсь въ общемъ разсказѣ привести здѣсь тѣ изъ нихъ, которые могутъ имѣть интересъ для всякаго читателя съ точки зрѣнія экономическихъ и бытовыхъ сторонъ крестьянскаго населенія.

Въ данной волости насчитывается до 1,000 крестьянскихъ семействъ, владѣющихъ 12,657 десятинами земли. Среднимъ разсчетомъ, значитъ, на крестьянскую семью приходится отъ 12—13 десятинъ; надѣлъ не малый. Въ эту цифру входитъ земля: пахатная, сѣнокосная, лѣсная и выгонная. Пахатная земля въ большинствѣ случаевъ плоха и требуетъ обильнаго удобренія; сѣнокосная очень не дурна, даетъ около 5 возовъ сѣна (125 пуд.) на двѣ души; лѣсная состоитъ изъ кусковъ молодаго кустарника и прекрасной сосновой рощи по р. Тьмакѣ, взятой въ настоящее время на три года въ опеку правительства, благодаря бывшимъ въ ней прежде огромнымъ порубкамъ, и, наконецъ, выгонная совсѣмъ неудобна (песокъ и кочки), что заставляетъ крестьянъ ежегодно арендовать чужую, платя за это и значительными деньгами, и разными обязательствами. Имущество и доходность крестьянской семьи — это два самые важные пункта въ каждой статистической программѣ, но ихъ-то и труднѣе всего правильно разобрать. Крестьянинъ не знаетъ цѣнности своей земли, потому что онъ ея не хочетъ и не можетъ продать. Съ другой стороны, онъ очень подозрителенъ и не сообщителенъ въ этомъ отношеніи, видя въ каждомъ спрашивающемъ его объ этомъ «начальство», и боясь новыхъ сборовъ и налоговъ.

Такъ и не сообщилъ намъ нашъ старшина, что можетъ стоить его личный надѣлъ. Пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторой хитрости. Я подробно разспросилъ его о количествѣ и цѣнѣ всѣхъ продуктовъ, получаемыхъ имъ съ земли и, по 6 проц. разсчету съ дохода, получилъ весьма приблизительную цифру стоимости его земли.

Понятно, что эта цифра такъ приблизительна, что по ней нельзя дѣлать какихъ-нибудь общихъ выводовъ. Личныя качества самаго крестьянина: его трудолюбіе, умѣніе хозяйничать, количество и качество удобренія и, наконецъ, случайность урожая, или неурожая, вліяютъ въ значительной мѣрѣ на его доходъ. Въ данномъ случаѣ потому я постарался свести всѣ эти условія къ одному знаменателю, т. е. взявши крестьянскую семью самую исправную (семью волостнаго старшины) при надѣлѣ 4-хъ-душномъ и, сравнительно съ другими селеніями, самомъ большомъ при хорошемъ удобреніи земли и въ годъ урожайный:—у меня получилась стоимость земли около 800 руб. Исходя отъ этой цифры внизъ, мы доходимъ, при обыкновенномъ крестьянскомъ семействѣ, въ селеніяхъ съ самой плохой землей (при подзолистомъ грунтѣ съ бѣлымъ пескомъ)—до 300 руб. стоимости 4-хъ-душнаго надѣла. Значитъ, въ средней крестьянской семьѣ, съ $2\frac{1}{2}$-душнымъ надѣломъ, съ среднимъ качествомъ земли, стоимость имущества будетъ колебаться отъ 300—350 руб. Затѣмъ стоимость построекъ. Эти свѣдѣнія мы добыли только благодаря обязательному крестьянскому страхованію. Хотя и тутъ огромная возможность ошибиться. Напр., нашъ старшина страхуетъ по обязательному страхованію свои постройки въ 500 руб., когда еще въ прошломъ году, по необязательному, онъ страховалъ ихъ въ 800. Причина тому та, что по необязательному страхованію страховая премія повысилась въ 1883 г. вдругъ съ $1\frac{1}{4}$ к. на $2\frac{1}{4}$ к. Онъ нашелъ такую премію себѣ не по средствамъ и застраховалъ свое имущество въ обязательномъ страхованіи, гдѣ оцѣнка имущества дальше 500 рублей идти не можетъ.

— Какъ Господь устроитъ, говоритъ онъ. Сожгетъ, ну, потеряю 300 руб., а нѣтъ, Его святая воля...

Средняго благоустройства хозяйство страхуетъ свои постройки до 300 руб., а низшаго отъ 70 до 100 руб., кромѣ бобылей, которымъ дозволяется страховать свое имущество хотя бы въ пять рублей.

Вотъ приблизительныя данныя о недвижимомъ крестьянскомъ имуществѣ. Движимое—это скотъ его. Домашній скотъ, главное: лошадь и корова, необходимыя въ каждомъ хозяйствѣ крестьянскомъ какъ воздухъ. Безъ нихъ крестьянинъ уже считается нищимъ. Чѣмъ больше его, тѣмъ больше у него статей дохода, тѣмъ больше навозу, а слѣдовательно лучше и хлѣбъ. Но содержаніе его сопряжено съ однимъ главнымъ условіемъ—съ количествомъ и качествомъ пастбищъ. При хорошемъ пастбищѣ 4-хъ-душнокрестьянское семейство можетъ держать 2 коровъ, 2 лошади и штуки 4 овецъ.

Обыкновенная же $2\frac{1}{2}$—душная семья, при среднемъ пастбищѣ, держитъ одну корову, 1 лошадь и двѣ овцы. Корова даетъ около 2-хъ кувшиновъ молока въ день, которое здѣсь очень удачно сбывается крестьянами дачникамъ и въ городъ по 10—15 коп. за кринку. Но

на кормъ ея собственной соломы и сѣна не хватаетъ, да и недостаточно коровѣ этой только пищи. Приходится раннею весною примѣшивать къ корму муку. Навоза отъ скота тоже далеко не хватаетъ на удобреніе полей и, только благодаря фабрикѣ Морозова и К°, откуда крестьяне свозятъ нечистоты, удобреніе въ этомъ селеніи производится порядочно. Вообще крестьяне этой волости на разведеніе и улучшеніе скота не прилагаютъ, особенно большихъ усилій и держатъ его только по необходимости.

Доходность крестьянской семьи узнать еще труднѣе, чѣмъ стоимость ея имущества. Въ этомъ крестьянинъ еще менѣе смыслитъ, такъ какъ все получаемое отъ хозяйства самъ же и проживаетъ. Урожай у нихъ всегда одинаковъ. Дальше самъ 6-ть для озимыхъ и самъ-3-ей для яровыхъ—урожай, по словамъ крестьянъ, не идетъ.

Оцѣнивая весь хлѣбъ, сѣно, солому, овощи и продажный лѣсъ, нашъ старшина, при образцовомъ веденіи хозяйства, не имѣлъ больше доходу какъ 325 р. въ годъ, при 4-хъ-душномъ надѣлѣ, что составляетъ на одну душу 81 р. 25 к. Очевидно, что его семья, при трехъ работникахъ, не въ состояніи прокормиться только изъ продуктовъ своего хозяйства, тѣмъ болѣе еще, что муку приходится подмѣшивать въ кормъ скоту.

Ей надо, по меньшей мѣрѣ, на 7 человѣкъ, доходъ въ 500 р., значитъ около 200 р. она должна искать заработковъ на сторонѣ. И вотъ, тутъ-то спасаетъ крестьянъ К—ой волости фабрика Морозова и К°. Почти весь мужской персоналъ и много женщинъ работаетъ на ней и зарабатываетъ отъ 8—30 руб. въ мѣсяцъ. Крестьянинъ оставляетъ семью на недѣлю; та, какъ знаетъ, должна справляться съ хозяйствомъ. Въ воскресенье и праздничные дни онъ приходитъ домой исправляетъ самонужнѣйшія дѣла по хозяйству. По отзывамъ волостнаго старшины, ни земля, ни хозяйство отъ этихъ отлучекъ его не страдаютъ. Во-первыхъ, крестьянинъ самъ заботится о своемъ надѣлѣ, какъ о доходной статьѣ; во-вторыхъ, если бы онъ и хотѣлъ ее бросить, міръ не позволилъ бы этого. «Ты ступай, куда хочешь», говорилъ старшина, «но чтобы твой участокъ былъ вспаханъ и заборонованъ, какъ и прочіе»...

Значитъ, фабричное дѣло ни мало не мѣшаетъ дѣлу хозяйственному въ крестьянской семьѣ, служа только подспорьемъ ему и часто даже средствомъ къ лучшему веденію его, къ расширенію. Выводъ крайне

важенъ, по моему, въ обсужденіи экономическаго быта фабричныхъ крестьянъ.

Изъ прочихъ, не работающихъ на фабрикѣ, часть занимается въ городѣ извознымъ промысломъ, заработывая отъ $1\frac{1}{2}$—4 руб. въ день, значитъ и она совсѣмъ обезпечена; часть же, очень малая (около 30 челов. на волость) въ отхожемъ промыслѣ внѣ губерніи. Такъ добываютъ себѣ крестьяне К—ой волости, недостающую имъ почти на половину, сумму средняго расхода. Живутъ хорошо, это видно, да и сами они того не отрицаютъ. «Но не будь фабрики, не будь города вблизи», сказалъ я себѣ, «гдѣ бы они достали эти деньги, нужныя, чтобы не умереть»?... Но такъ какъ и фабрика и городъ были, а крестьянинъ былъ сытъ и веселъ, то потому и особеннаго повода къ такимъ размышленіямъ не имѣлось, и я, въ самомъ веселомъ тонѣ, продолжалъ свои разспросы.

Крестьянскіе платежи состоятъ изъ государственныхъ, изъ земскихъ, изъ частныхъ и дополнительныхъ.

К—ая волость при 12,657 десятинахъ обложена:

1) Оброчною государственною податью въ количествѣ 17,041 руб. 47 коп.

2) Добавочнымъ государственнымъ налогомъ около 400 руб.

3) Выкупныхъ платежей 6,396 руб.

4) Земскихъ сборовъ 2,317 руб. $51\frac{3}{4}$ коп.

5) На содержаніе волостнаго правленія и вообще такъ называемаго частнаго сбора 1,217 руб. 60 коп.

По среднему разсчету на крестьянскую душу приходится всѣхъ сборовъ 11 руб. 4 коп., т. е. почти вдвое противъ того, что эти же крестьяне платили при старыхъ порядкахъ до введенія зем. учрежд.

— Такъ какъ же вы? Не совсѣмъ довольны новыми порядками? спросилъ я старшину.

Онъ помялся.

— Какъ же можно быть недовольными? Нѣтъ, ничего, довольны-съ.

— Ну, а ты вѣдь помнишь старое время? Сравнить можешь же? Когда лучше, легче жилось? Тогда, али теперь?

Онъ не сразу отвѣтилъ. Хитрая улыбка забродила на его губахъ. Глаза смотрѣли лукаво и подозрительно.

— *Легче*-то теперь живется—это такъ, это вѣрно, а лучше-то—надо-ть быть тогда. И потомъ словно испугавшись своихъ словъ, онъ скоро заговорилъ:

— Да и лучше бы теперь жилось, кабы жили по-божески, по старому. А то, поди-вотъ, всякъ живетъ не по средствамъ, можно сказать. И чай этотъ распиваютъ, и табакъ курятъ, однимъ словомъ —не по доходамъ своимъ. Ну, и почитаніе тоже въ семействѣ не то, что прежде было. Хотя жаловаться на это у насъ особенно нельзя. У насъ еще ребята слушаютъ родителевъ. А въ другихъ-отъ мѣстахъ, плохо, сказываютъ. Ну, а на счетъ того, что теперь легче, такъ это вѣрно. Очень даже легче.

— Въ чемъ-же легче? допытывался я.

— Да какъ вамъ сказать, затруднялся старшина.—Свободнѣе, значитъ, тѣсненія такого нѣтъ...

— Да кто же васъ прежде тѣснилъ? Вѣдь вы государственные были?

— Точно такъ-съ!

— Такъ и тогда не было тѣсненія. Платили меньше, жили, почитай, богаче, достатнѣй?..

— Достатнѣй, это вѣрно, живо подхватилъ старшина.

— Тогда если и денегъ такихъ не бывало, какъ нонѣ, такъ и то жилось лучше; потому по простотѣ жили, по закону... Ну, а нонече, что-жь? Всякъ норовитъ, значитъ это поросколшнѣе... Потому и не хватаетъ.

— Такъ, значитъ, не очень-то и легче теперь, настаивалъ я.

— Нѣтъ, какъ можно, все-же легче... упорно стоялъ на своемъ старшина, опять подозрительно взглядывая на меня. Я понялъ, что болѣе обстоятельный разговоръ на эту тему невозможенъ между нами, и перемѣнилъ вопросы.

Въ волости 3 школы. Обучающихся въ нихъ 220 дѣтей, изъ нихъ 30 дѣвочекъ. На 1000 семействъ это процентъ вполнѣ достаточный. Во всѣхъ школахъ обучаютъ учительницы. Одна, кончившая курсъ въ гимназіи въ Петербургѣ, другая въ Твери и 3-я изъ семинаріи Максимовича. Крестьяне весьма довольны обученіемъ дѣтей и смотрятъ на это дѣло болѣе чѣмъ сочувственно. По отзывамъ старшины, ученіе нисколько не отбиваетъ ихъ ни отъ работы, ни отъ семьи. Учительницами своими они тоже довольны, хотя мало ихъ знаютъ.

— Окромя пользы отъ нихъ, ничего не имѣемъ... Такъ охарактеризовалъ народныя школы нашъ старшина.

Занятія въ школахъ здѣсь начинаются только съ октября, а школьное помѣщеніе на лѣто отдается подъ дачу, такъ что ни видѣть, ни

слышать, къ большому нашему сожалѣнію, самаго обученія намъ не удалось.

Кабаковъ въ волости 3, трактиръ 1, также одинъ ренсковый погребъ и два постоялые двора. Пьянство въ волости развито на столько, на сколько мужику «необходимость есть выпить», объяснилъ намъ старшина.

Горькихъ пьяницъ 2—3. Остальное пьетъ себѣ, да не пропивается. Заимобразнаго даванія водки и кулачества между кабатчиками— «и въ заводѣ нѣтъ».

— Вотъ раздѣлы между крестьянами маленько портятъ всѣмъ, заговорилъ старшина, когда мы ужъ кончали работу и, потягиваясь, собирались встать.

— А что?

— Да все это бабы! Чтобъ ихъ!.. Все больше бабы! Ну, а хозяйство понятно страдаетъ. Куды-жъ тутъ хозяйничать, когда всякъ свое... Обѣднѣніе одно...

— А вы зачѣмъ-же позволяете?..

— Не позволить вовсе нельзя. А мы вотъ увѣщаемъ, да затрудненія дѣлаемъ въ волостномъ судѣ. Слава Богу, помогаетъ маленько, особенно не жалуемся. А вотъ насчетъ страховки, такъ это обидѣли насъ. И вовсе обидѣли..

— Какъ, чѣмъ?..

— Да какъ-же это теперече съ насъ 2 коп. берутъ! Брали всегда 1 коп., въ прошедшемъ годѣ подняли это на $1^{1}/_{4}$ коп., а нонѣ сразу махнули на 2 коп. Такъ вѣрите-ли, ваше высокобл—діе, всѣ крестьяне даже ахнули. Потому мы прежде были очень довольны самой преміей. И подняли это многіе оцѣнку имущества. Кто страховалъ въ 200—поднялъ на 350, кто 300—на 450, а то и на всѣ 500 р. А тутъ, значитъ, вдругъ, ничего это не предупредивъ, махнули сразу 2 коп., ну и воемъ завыли. Гдѣ же это другому взять? Теперече въ примѣръ я. Страховалъ въ вольномъ, потому имущества рублевъ на 800. Тамъ подняли, я перешелъ на обязательное, такъ и тутъ вдругъ подняли. Разсчета, значитъ, никакого мнѣ нѣтъ, а если сгоритъ— одинъ убытокъ.

— Можетъ у васъ пожары часты?

— Да ничего особеннаго. Богъ милуетъ. Давно ужъ не было. Да и опасности у насъ мало, потому съ фабрики паровыя машины и трубы даютъ.

«Странно», подумалъ я.

Мы кончили эту первую нашу пробную работу съ весьма пріятнымъ впечатлѣніемъ. Прочтя еще разъ все и пополнивъ цифровыя данныя, мы, наконецъ, встали и прошлись по селу.

Ни запустѣнія, ни тоски, не говоря ужъ о нищетѣ, ни на чемъ не было видно.

— Жить можно, значитъ?.. улыбаясь спросилъ я на послѣдокъ, когда сидѣлъ ужъ въ экипажѣ.

— Какъ нельзя!.. Весьма даже можно. Слава Господу, не жалуемся... также улыбаясь отвѣчалъ старшина провожая насъ низкими поклонами.

14-го августа.

Далеко не въ столь радужномъ настроеніи духа вернулся я сего дня съ экскурсіи въ другое подгородное село В—ое, М—ой волости. Все какъ-то случилось совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тотъ разъ. Погода пасмурная и холодная съ утра, необъяснимо скверное расположеніе духа, дорога длинная (14 верстъ) и, благодаря дождямъ, мѣстами буквально обратившаяся въ озера, все это и многое другое заставляло меня хмуриться и морщиться, когда мы подъѣзжали къ околицѣ В—го села. Видъ его избушекъ, особенно жалкихъ въ эту осеннюю погоду, много лачугъ съ наглухо заколоченными ставнями и дверьми, вымороченныя или брошенныя хозяевами, наводили невыносимое уныніе. Я ужъ хотѣлъ-было повернуть да и домой, особенно когда объявили намъ, что ни волостнаго старшины, ни писаря нѣтъ, что они въ городѣ у исправника. Но пересилилъ себя и, скрѣпя сердце, переступилъ грязныя сѣни и вошелъ въ контору. Она ни въ чемъ не походила на К—ую. Она гораздо больше ея, свѣтлѣе, раздѣлена деревянной перегородкой на часть, за которой помѣщается самое присутствіе, и другую половину, для «публики». Тутъ было и грязно и не привѣтливо. Грязныя стѣны, полъ, лавки и голыя окна особенно рѣзали глазъ, благодаря обилію свѣта и простору. Ни слѣда уютности, ни даже тѣни претензіи на изящество, которыя такъ пріятно и сразу подѣйствовали на насъ въ Ж—вѣ.

Кривой сторожъ правленія ёрзалъ вокругъ насъ, не зная что мы и зачѣмъ. Въ отдѣленіи для публики застали мы человѣкъ 6—7 му-

жичковъ, грязныхъ и жалкихъ, съ понурыми лицами, съ утомленіемъ во всей фигурѣ, сидѣвшихъ на лавкѣ. При нашемъ появленіи они встали и, безучастно глядя на насъ, мяли въ рукахъ свои грязные картузы. Общій видъ сей картины былъ непригляденъ.

— Что вы, братцы, здѣсь? обратился я къ нимъ.

— Къ старшинѣ, ваше высокопревосходительство.

Я невольно улыбнулся при этомъ титулѣ.

— Что же вамъ нужно отъ него?..

— Да вотъ, насчетъ недоимки все... заговорилъ одинъ изъ нихъ, не молодой уже мужикъ, высокій и крѣпкій, съ красными, слезившимися глазами.

— Какой-такой недоимки?..

— Да недоимки, ваше высокопр—во!..

— На счетъ податей-то?..

— Такъ точно, ваше высокопр—во!..

— Такъ что же, съ васъ требуютъ?..

— Требуютъ, вашевысокопр—во! Хотятъ, вонъ, описывать. Хлѣбъ на полѣ, лошадку, коровку — все продадутъ... и голосъ мужика дрогнулъ.

У меня отъ этого голоса тоже что-то дрогнуло въ груди. Я отвернулся и прошелся по комнатѣ.

— Такъ когда же описывать-то будутъ?..

— Назначено на 16 число... Мы ходили къ г. исправнику, просили... Христомъ Богомъ... прогналъ насъ... и слушать не сталъ... отрывочно сообщалъ другой мужикъ маленькій и тощій, съ всклокоченной головой и съ изрытымъ глубокими морщинами лицомъ. Онъ стоялъ подперши голову черной заскорузлой ладонью и съ болѣзненнымъ видомъ смотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Такъ что-жъ, братцы! Вѣрно нужно, положеніе есть. Исправникъ тутъ самъ не можетъ ничего сдѣлать.

— Не знаемъ-съ... глухо отвѣчали мужики.

— А вы бы къ г. губернатору пошли?

— Говорили намъ это... да боязно. Куды же намъ къ г. губернатору?..

— Отчего? горячо подхватилъ я. Онъ добрый у васъ.

Мужики неопредѣленно мялись на мѣстѣ. Видно было, что они еще слишкомъ напуганы недавнимъ отказомъ.

— А много-ль недоимки-то на васъ?..

— Да рублевъ по 15, а то по 18 есть, загалдѣли мужички, оглядывая другъ друга.

— Отчего же вы не платили до сихъ поръ?.. Вѣдь есть законъ, для всѣхъ одинаковъ, вы должны слушаться.

— Это мы очинно даже понимаемъ. Съ нашимъ даже удовольствіемъ платили бы, да откуда его взять?... На собственное, значитъ, пропитаніе не хватаетъ... гдѣ же достать?.. упавшимъ голосомъ опять заговорилъ высокій мужикъ.

— Теперь ежели продадутъ все, послѣ паузы продолжалъ онъ, и корову и лошадку... все значитъ... такъ по міру, значитъ... что-жъ...

— Отчего по міру? Вѣдь деньги вамъ дадутъ?..

— Какія деньги, ваше высокопр — во? Что стоитъ 50 рублевъ — продадутъ за 15—20. Извѣстно акціонъ. Ну, и что-жъ намъ-то останется?..

Я промолчалъ. Да и что было говорить? Молчали и мужички. Послѣ долгой паузы, я счелъ долгомъ имъ сказать:

— Такъ-то такъ, но платить-то надо вѣдь!

— Да помилуйте, ваше высокопр— во, мы съ нашимъ удовольствіемъ. Подождать вотъ только покель хлѣбъ съ полей уберемъ. И убрали-бъ ужъ, да погода все вонъ какая. Все дожди. Хлѣбъ на полѣ гніетъ... Вотъ, ежели бы хоть мѣсяцъ сроку дать, а то хоть и до 1 числа... Собрали бы, продали да и уплатили... Помилуйте, съ полнымъ даже удовольствіемъ... загалдѣли мужички всѣ вмѣстѣ, обступая меня и смотря мнѣ въ глаза съ надеждой и упованіемъ. Мнѣ даже совѣстно нѣсколько стало. Они меня считали за «начальство», а я... что я могъ сдѣлать?..

— Хорошо... я поговорю, попрошу кого-нибудь, можетъ что и выйдетъ, братцы... пробормоталъ я, отступая. — А вы бы все-таки къ губернатору, онъ добрый, выслушалъ бы васъ.

— Да ужъ гдѣ намъ... Окажите Божескую милость... хоромъ заговорили мужички.

Между тѣмъ явился позванный нами старшина и, съ помощью его и этихъ мужичковъ, мы собрали кой-какія свѣдѣнія о волости, приблизительно по той же программѣ, какъ и въ прежней.

— Свѣдѣнія эти были бы болѣе чѣмъ неутѣшительны, если бы изъ статистическаго описанія Тверской губерніи и изъ словъ самаго составителя этого описанія, человѣка вполнѣ компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, не оказалось бы, что М—ая волость стоитъ въ совершенно

исключительныхъ условіяхъ и въ своемъ родѣ единственная въ губерніи. Состоя изъ 3,700 чел. мужскаго пола, она разбивается по селеніямъ, рѣзко разнящимся по количеству надѣльной земли.

Въ нѣсколькихъ селеніяхъ душевые надѣлы достигаютъ minimuma своей величины—2 десятины вмѣстѣ пахатной сѣнокосной, лѣсной и выгонной, другіе имѣютъ ее на душу почти вдвое. При сравнительно одинаковомъ качествѣ земли, ниже средняго, при почти полномъ отсутствіи лѣса, едва хватающемъ на топку и на постройку самыхъ необходимыхъ строеній, — результаты крестьянскаго хозяйства хотя и разнятся по селеніямъ, но и въ самомъ лучшемъ случаѣ не достигаютъ нормы выше плачевной. Въ худшемъ же, при 2-хъ десятинномъ надѣлѣ (въ 4-хъ селеніяхъ) они просто невозможны.

При лучшемъ урожаѣ, высѣвая 2 мѣры, крестьянинъ получаетъ только 100 сноповъ. А при 2-хъ-десятинномъ надѣлѣ больше двухъ мѣръ высѣвать онъ не можетъ. Ни хорошей сѣнокосной, ни выгонной земли, ни хорошаго лѣсу (10 лѣтъ назадъ, у крестьянъ разныхъ селеній были отобраны ихъ лучшіе участки лѣса, за которые они платили подати 25 к. съ души и которые взростили въ казну. Эти участки находились у нихъ во временномъ пользованіи) — у нихъ нѣтъ. И арендовать не у кого и не изъ чего. Скота приходится на семью изъ 3 душъ: 1 лошадь, 1 корова и 1 овца.

Понятно, навоза съ этой скотины далеко не достаточно, чтобы удобрить поля, а Морозовской фабрики тутъ подъ бокомъ нѣтъ. Молока корова даетъ мало, и продавать его негдѣ. Рѣдко-рѣдко баба понесетъ кувшинъ-два въ городъ, да сбываетъ ихъ по пятачку. Скотина предоставлена здѣсь самой себѣ и ужъ муки здѣсь къ корму ея не прибавляютъ.

— Корми какъ знаешь, пояснялъ намъ староста, шамкающій и очень не далекій по виду мужичекъ.

— Гдѣ травку, гдѣ соломенку, гдѣ листочекъ, ищи себѣ скотинка... а мы ужъ ей ни-ни — не помогаемъ... Потому самимъ нечего..

Ну и скотинка вѣрно не очень благодарна за такой уходъ.

Доходность средняго крестьянскаго семейства при 3-хъ душномъ надѣлѣ простирается едва-едва до 130—150 р. А платитъ всѣхъ сборовъ такая семья, считая по 10 р. на душу, — 30 рублей. Значитъ отъ $^1/_4$ — $^1/_5$ всего дохода крестьяне этой волости платятъ обязательныхъ повинностей. Процентъ, для ихъ огульной бѣдности, несоразмѣрно великій. Слава Богу еще, что страховая премія здѣсь

все $1^1/_4$ коп. съ рубля. Имущество застраховывается преимущественно отъ 100—200 руб. и рѣдко до 500 р. Оцѣнку производилъ самъ агентъ отъ земства при мірскомъ соглашеніи.

Очевидно, при такомъ хозяйствѣ собственныхъ средствъ на прокормленіе себя далеко не хватаетъ. И здѣсь, какъ въ той волости, не хватаетъ почти на половину.

Уже съ ранней весны, крестьянинъ долженъ покупатьсебѣ хлѣбъ и крупу, самое меньшее на 3 рубля въ недѣлю. А если при томъ желаетъ онъ еще, чтобы и скотина его не издохла и покупаетъ для нея солому, то по среднему разсчету всей прикупки у него выйдетъ на 80—100 руб. въ годъ. Гдѣ ихъ взять?..—вотъ вопросъ, преслѣдующій каждаго мужика днемъ и ночью.

И здѣсь, какъ и въ К—ой волости, крестьянъ спасаютъ пригородныя фабрики. Но ужъ работающихъ на нихъ изъ М—ой волости процентъ гораздо меньшій. Работаютъ преимущественно дѣти, зарабатывая отъ 15—40 коп. въ день.

По этому поводу услышалъ я отъ высокаго мужика съ красными глазами весьма характерную фразу:

— Допрежь мы кормили ребятъ... Онъ это произнесъ съ горькимъ видомъ, и въ тонѣ его слышалось неподдѣльное возмущеніе.

Кабаковъ въ волости шесть и одинъ трактиръ. Пьянствуютъ порядочно, но вѣрно пьянствовали бы еще больше, кабы деньги были. А въ долгъ кабатчикъ не даетъ, Вотъ только самыя подгородныя селенія— тѣ заливаютъ порядочно; тамъ и жизнь, благодаря близости города другая, но и болѣе безшабашная.

— Что же вы съ пьяницами дѣлаете? спросилъ я.

— Да что? Въ судъ, извѣстно!..

— Ну, и чтожъ дальше?

— А дальше и ничего. Приговоръ постановятъ, значитъ, наказаніе ему дать, а онъ и обжалуетъ. Мѣсяцъ-то сроку полагается, ну, а въ мѣсяцъ-то этотъ онъ еще 10 разъ напьется да набезобразничаетъ, такъ что его еще наказать надо. А опосля скроется, ищи его! Напился, нашумѣлъ, ну притащили, да и высѣкли... Дѣло скорое и пользительное...

Раздѣлы крестьянскіе и здѣсь составляютъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ. Они окончательно добиваютъ жалкое крестьянское хозяйство. Коли цѣлое семейство еле-можетъ справиться съ упрямой землей, да коли съ 6—7 десятинъ, оно, при общемъ владѣніи, кое-

какъ можетъ добыть себѣ пропитанія на $^2/_3$ года, то ужъ при раздробленіи этого хозяйства и труда его —не хватаетъ имъ и на $^1/_2$ года. Мужички уходятъ съ земли и упрашиваютъ сосѣдей, чтобы *даромъ* ею пользоваться. При этомъ обыкновенно подушныя они оставляютъ за собой, а земскіе, выкупные и др. платежи вноситъ взявшій въ пользованіе землею. А то иногда и всѣ подати остаются за хозяиномъ земли И такихъ много на селѣ: кто въ отходѣ, кто на фабрикѣ, болѣе 30 проц.

— Все бабы... однѣ бабы, ваше в—діе, поясняли и тутъ намъ. Поругаются, вцѣпятся другъ въ дружку и дѣли ихъ. И все прахомъ прошло... Креста онѣ не боятся, уговору по совѣсти не слушаютъ и посѣчь ихъ нельзя..

«О женщины»! сказалъ Шекспиръ, и справедливо сказалъ.

Еще одно зло, снѣдающее крестьянъ сей волости, это совершенное отбитье отъ рукъ и отъ хлѣбопашества вообще, отъ занятія по хозяйству дѣтей ихъ, отбывшихъ воинскую повинность. Когда мы заикнулись только про это, всѣ мужички встрепенулись и, какъ одинъ, загово рили все въ томъ же духѣ. Изъ 1,500 душъ одного селенія, только *одинъ* запасный рядовой вернулся къ своей землѣ· Отъ остальныхъ «одни убытки только да зло», хоромъ кричали мужики.

— Придетъ это въ волость и говоритъ: «Я солдатъ, работать не хочу, а вы тамъ справляйте землю да плати за меня повинности»... горячился высокій мужикъ. О-охъ! прибавилъ онъ со вздохомъ, большое горе для Россеи будетъ отъ этихъ самыхъ запасныхъ...

Да! бѣдствуютъ очевидно здѣшніе крестьяне, и бѣдствіе это тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ горьче для нихъ, что помнятъ они еще красные дни, когда довольствіе, грани чащее съ богатствомъ, царило между ними. То были дни доходнаго и очень развитаго здѣсь гвоздарнаго промысла; но вотъ ужъ лѣтъ 10, что это времячко безслѣдно минуло и былью поросло.

И судоходство, и бурлачество по матушкѣ по Волгѣ кормило хорошо крестьянина. Но и объ этомъ только говорятъ. Паръ и машина отняли здѣсь у мужичка его насущный кусокъ хлѣба. И стонетъ онъ и вздыхаетъ громче гула фабричныхъ колесъ. Правда, кормитъ его и теперь эта фабрика, безъ нея, почитай, померли бы многіе, да не то время, что допрежь было. Ужъ больно безжалостно, больно много молодыхъ дѣтскихъ силъ безвозвратно поглощаетъ эта фабрика. Ужъ больно сердце надрывается у отцовъ, глядя на безкровныя,

изнуренныя лица ихъ дѣтей. И какая сторона въ этомъ обоюдоостромъ мечѣ острѣе—покажетъ время.

Крестьяне М—ой волости, въ былое время, были знатные гвоздари. И женщины, и дѣти—всѣ занимались съ малыхъ лѣтъ гвоздарствомъ и достигали изумительной ловкости. На селѣ бывало 50 и больше кузницъ. Въ нихъ работало по 2—3 человѣка.

И чистый заработокъ такой кузницы, за оплатою угля, желѣза и всего, достигалъ до 10-ти и больше рублей въ недѣлю. Жить, значитъ, можно было тогда. А теперь.. теперь самое большое кузницъ 8 работаетъ на селѣ и заработокъ рабочаго maximum достигаетъ 1 руб. въ недѣлю. Въ большинствѣ случаевъ 50 и 80 коп. Есть, значитъ, изъ чего тужить.

Управа здѣшняя, входя въ положеніе этой волости, старалась привить здѣсь промыселъ обработки крупнаго желѣза. Но пока онъ очень незначителенъ и видимо не поправу крестьянъ.

Одно, чѣмъ можетъ похвастаться М—ая волость,—это земскія школы. Ихъ здѣсь двѣ: одна двухклассная мужская, одна женская. Въ мужской два учителя, въ женской учительница изъ Петербурга. Обучается 100 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ. При мужской школѣ находятся стипендіаты, получающіе отъ уѣздной земской управы по 4 руб. въ мѣсяцъ, и кто обѣщается идти въ сельскіе учителя и окончитъ курсъ въ ржевской учительской семинаріи—5 руб. въ мѣсяцъ отъ губернской земской управы. Мы видѣли одного такого стипендіата, мальчика 16-ти лѣтъ, окончившаго уже курсъ школы и теперь состоявшаго при волостномъ правленіи. Онъ намъ давалъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія и рядомъ съ мужичками производилъ впечатлѣніе бѣлаго среди дикарей.

Отцы относятся съ уваженіемъ къ школѣ и къ ихъ грамотнымъ дѣтямъ.

Еще одно утѣшительное—это глубокая религіозность среди крестьянъ. Каждый отецъ обязательно водитъ своихъ ребятъ каждый праздникъ въ церковь, и стѣны ея часто оказываются тѣсными, чтобы вмѣстить приходъ. Но все-таки послѣднему впечатлѣнію, какъ и первому, суждено было быть сегодня скверному. Когда мы ужъ поднялись и благодарили мужичковъ за разговоръ, одинъ изъ нихъ, тотъ маленькій и всклокоченный, все время уныло смотрѣвшій въ сторону, вдругъ подался впередъ и заговорилъ громкимъ надтреснутымъ голосомъ:

— Что же мнѣ теперича, ваше в—ство, дѣлать съ сыномъ?.. Пришелъ по жеребью домой, три мѣсяца только служилъ, а теперь не хочетъ работать и платить оброкъ. Гдѣ же мнѣ старому... 76-й годъ пошелъ... силъ нѣтъ больше... Гдѣ-жъ денегъ-то взять... Слезы закапали изъ его глазъ на впалыя щеки и глухія рыданія потрясли старческую грудь. Меня точно варомъ облило. Я не зналъ что сказать. По городу ходитъ... солдатъ я, говоритъ... не хочу платить... А я ему 70 рублевъ далъ, когда снаряжали въ солдаты... Гдѣ же мнѣ старому теперь...

Бурашево—колонія для умалишенныхъ.

19-е августа.

Бурашево, это яблоко раздора здѣшняго земства, предметъ оживленныхъ толковъ въ обществѣ, гордость и торжество крайней лѣвой тверскаго парламента, злоба дня—крайней правой и поводъ сдержаннаго молчанія для центра. Это предметъ восторговъ, горячихъ похвалъ и вмѣстѣ, злобныхъ порицаній, браней, сплетенъ и хитрыхъ, безмолвныхъ улыбокъ. Бурашево—это что-то таинственное, о чемъ нельзя говорить равнодушно; это звукъ, за которымъ чуется цѣлая трагедія, скорѣе траги-комедія, слышатся глухіе раскаты голосовъ, взрывы негодованія, протестовъ, словомъ—цѣлая стихійная буря изъ всѣхъ здѣшнихъ стихій и элементовъ, наэлектризованныхъ самыми противуположными политическими электричествами. Уже съ первыхъ дней нашего пріѣзда сюда, Бурашево было неоднократно на устахъ многихъ, говорившихъ съ нами, и многое, многое уже слышалось нами объ этомъ заколдованномъ замкѣ.

— Это украденныя у земства деньги, говорили одни. Это безтолковая, сумасшедшая выдумка, за которую намъ, здорово живешь, приходится платиться. Имъ понадобился сумасшедшій домъ, видите ли, за городомъ, подальше отъ надзора, чтобы производить тамъ всякія своп безобразія, разсадникъ пропаганды устроить. Ухлопали 350 тысячъ крестьянскихъ денегъ, выстроили палаццо какой-то и не открыли еще, какъ балки погнили, печи пообвалились, коммисія забраковала, гвалтъ подняли. Врасскій—тотъ заболѣлъ припадками умопомѣшательства, должны были въ Италію увезти. На эту штуку еще съ десятокъ тысячъ усадили—теперь грандіозно-съ. Совѣтуемъ посмотрѣть. Только одна бѣда, добраться туда трудненько. Разсчи-

тывали вѣрно на малое число сумасшедшихъ и любопытныхъ. Дорогу забыли устроить. Балканскія горы какія-то, а въ распутицу никакого сообщенія нѣтъ.

— Зачѣмъ же понадобился такой сумасшедшій домъ? Развѣ нѣтъ его въ городѣ?

— Какъ не быть. Есть, и отлично было до сихъ поръ. Не жаловались. Тысячъ двадцать пять стоило намъ его содержаніе. А теперь будетъ стоить 80, а то и 90 тысячъ.

— *Девяносто*! воскликнулъ я. Развѣ такъ много сумасшедшихъ у васъ?

— Разсчитываютъ, видите ли, на прибыль изъ дворянскаго земскаго элемента. Послѣднія собранія указали на эту надобность... Были примѣры буйнаго умопомѣшательства, да *красной* горячки...

И лицо говорившаго принимало злобно-презрительное выраженіе.

— Неужто? улыбнулся я

— Вѣрно... Такъ вотъ они лечить теперь своихъ будутъ. За 16 верстъ отъ города, отъ надзора. Воображаю это леченіе... О-хъ! Увидимъ мы еще виды...

Въ этотъ же день три, четыре часа спустя, разговоръ опять о Бурашевѣ.

— Вотъ чѣмъ наше земство можетъ истинно похвастаться, говорили мнѣ, вскакивая съ мѣста и сверкая глазами. Это его безсмертный памятникъ. Человѣчество, потомство должно будетъ его оцѣнить!

— Что же тамъ особеннаго? спрашивалъ я.

— Особеннаго ничего-съ: но мысль, идея здѣсь первенствуютъ. Помилуйте! Усладить, сдѣлать по возможности сносной жизнь той части человѣчества, той части нашей братіи, которая лишена самаго лучшаго украшенія—мысли?! Развѣ это не вѣчная заслуга?

— Не спорю, это прекрасно. Но... но я думалъ бы, что не меньшая заслуга была бы усладить жизнь и той части человѣчества, которая не лишена этого украшенія. Если сумасшедшему, котораго кормятъ, поятъ, о которомъ заботятся, жизнь можетъ показаться скучной, даже тяжелой подчасъ, то людямъ съ здравымъ разсудкомъ, которыхъ все-таки и больше значительно, и которыхъ значительная часть живетъ въ гораздо худшихъ сравнительно условіяхъ, она можетъ показаться невыносимой. И имъ тоже помочь—*вѣчная заслуга*!

А я думаю, въ земствѣ не хватаетъ съ избыткомъ средствъ, чтобы помочь всѣмъ такимъ.

— Ну, что-жъ дѣлать? Всѣхъ сдѣлать счастливыми нельзя. Надо заботиться прежде о тѣхъ, кто больше страдаетъ.

— Но вѣдь я про то и говорю... Мнѣ кажется, что человѣчество «съ разсудкомъ» именно больше страдаетъ, чѣмъ человѣчество безъ онаго. Я постоянно слыхалъ, что это аксіома...

— Можетъ быть, можетъ быть, отвѣчали мнѣ морщась. У васъ аксіома, а у насъ чудесное заведеніе, которымъ мы имѣемъ право гордиться, улыбаясь прибавляли мнѣ. Совѣтуемъ поѣхать. Это стоитъ того. Тамъ вы и найдете самаго главнаго иниціатора этого дѣла, Алексѣя Борисовича Врасскаго.

— Но туда вѣдь дорога скверна...

— Куда это?

— Въ Бурашево...

— Нѣ-нѣтъ! Ничего... можно доѣхать.. съ маленькой заминкой отвѣчали мнѣ. Ужъ вамъ вѣрно накричали и про дорогу, и про кучу другаго. Сами поѣдете, увидите! А совѣтуемъ съѣздить...

Вотъ я и по дорогѣ въ это сказочное Бурашево. Коляска четверней въ бубенчикахъ лихо мчится по гладкому тракту, которымъ мы выѣхали за городъ. Вотъ и поворотъ въ сторону, черезъ глубокую, наполненную болотомъ рытвину, и мы, послѣ опаснаго толчка, на знаменитой «невозможной» дорогѣ.

Я не нашелъ ее невозможной. Она изрыта, неровна, правда! Она требуетъ капитальнаго ремонта, но ѣздить по ней еще можно и безопасно. Можетъ быть въ спокойной колясҝѣ и четверней ѣздить не то, что парой «земскихъ» но... но, впрочемъ, не знаю. А знаю я, что эта дорога дѣйствительно знаменита. Это мнѣ сообщилъ всезнающій Августъ Казиміровичъ Ж., котораго счастливый случай далъ намъ въ спутники. Нѣкогда, очень давно, жилъ былъ помѣщикъ Тверскаго уѣзда, отставной артиллеріи капитанъ... забылъ, право, его фамилію! Но это неважно. А важно то, что помѣщикъ этотъ имѣлъ порядочныя средства и былъ ужасный чудакъ. Онъ, между прочимъ, страдалъ маніей страха передъ воображаемыми убійцами. Никогда не спалъ въ одной комнатѣ и въ кровати—только постоянно въ разныхъ, и въ креслѣ. Ѣлъ только то, что лично самъ себѣ приготовлялъ, пилъ только воду, имъ самимъ добытую изъ колодца, словомъ—чудакъ былъ большой руки. Но самое большее его чудачество,—это была

постройка дороги, по которой мы катились. По глубокимъ болотамъ, почти тундрамъ, черезъ крутыя горки, между густыми зарослями, насыпалъ, прорылъ, прорубилъ этотъ чудакъ отличную дорогу, соединилъ съ городомъ много селъ и помѣщичьихъ усадебъ, а зачѣмъ?— Богъ его знаетъ! Находилась-ли эта послѣдняя затѣя въ связи съ его маніей—неизвѣстно. Только врядъ-ли, потому что его собственное имѣніе стояло далеко въ сторонѣ отъ дороги. Но, словомъ, дѣло сдѣлано, подвигъ совершенъ, но ужъ такъ онъ вѣрно показался всѣмъ страненъ и кажется еще и до сихъ поръ, что земство забыло о ремонтѣ дороги, а маленькій сгнившій деревянный столбъ съ именемъ чудака-основателя дороги, никто не потрудится поднять и возстановить изъ придорожной грязной канавы.

Ж. разсказывалъ мнѣ, что однажды, ѣдучи здѣсь, его лакей выскочилъ, и самъ кое-какъ поднялъ и поставилъ этотъ памятникъ чудаку. Но съ тѣхъ поръ опять много времени утекло, и втораго чудака-лакея не находится. Такъ столбъ и гніетъ въ ямѣ, какъ кости того, по чьей милости мы могли посѣтить Бурашево...

Съ каждой верстой, удалявшей насъ отъ Твери, мѣсто становилось все живописнѣй. Долы съ поемными лугами и мелкимъ кустарникомъ смѣнялись горками, по которымъ лѣпились деревушки, желтѣли нивы и пятнами чернѣли рощи. Воздухъ, хотя прохладный, но чистый, бодрящій, яркіе лучи солнца, заливавшіе эту безконечную и разнообразную панораму, скорая ѣзда въ удобномъ экипажѣ и веселые, полные живаго интереса, разсказы нашего милѣйшаго Ж., все это дѣйствовало превосходно на наше расположеніе духа. Вотъ мы поднялись на холмъ, командовавшій надъ мѣстностью, взглянули назадъ и ахнули. Такого вида долго поискать надо. Громадная долина, верстъ на 30 въ даль, раскинулась передъ нами, а на ней яркими бѣлыми точками, залитыя совсѣмъ солнцемъ, забѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ, точно выросшія изъ зелени, стѣны церквей и монастырей. Необъятная ширь зеленыхъ луговъ усѣяна была темными оазисами рощъ и кустарника. Убранныя и неубранныя еще поля клочками торчали тамъ и сямъ, и сѣрыя деревеньки, разбросанныя на всемъ этомъ, точно чьей-то невидимой рукой, казались такими маленькими, такими игрушечными, точно изъ картъ сдѣланными...

Я залюбовался, я громко выражалъ восторгъ, удивленіе. Мы все подымались и все шире разстилалась долина, а тамъ, вдали, и вправо все ярче становились очертанія какой-то груды, съ ослѣпительно

блиставшими по ней точками.. Это Тверь, бѣлѣющая какъ стадо морскихъ чаекъ, прелестная Тверь. Мы проѣхали еще деревеньку, спустились въ глубокій оврагъ, опять круто поднялись и въѣхали въ околицу Бурашева. Немножко подальше маленькой и бѣленькой церкви стоялъ старый, темный отъ времени, двухъ-этажный деревянный домъ. Это усадьба.

Алексѣй Борисовичъ Врасскій любезно встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и провелъ въ комнаты. Такъ и пахнуло стариной отъ обширныхъ сѣней, отъ свѣтлыхъ, незатѣйливыхъ комнатъ.

Познакомившись съ его семьей и напившись чаю, мы проѣхали прежде всего на школу пчеловодства, устроенную здѣсь вольнымъ экономическимъ обществомъ. Земство безвозмездно уступило подъ эту школу участокъ земли и готово дать еще больше, если будетъ основана школа сельско-хозяйственная. Это было-бы вполнѣ раціонально, такъ какъ знаніе одного пчеловодства,—спеціальность слишкомъ узкая и непримѣнимая въ нашемъ обыкновенномъ хозяйствѣ. Нужно ужъ очень обширное веденіе хозяйства, чтобы держать при имѣніи спеціальнаго пчеловода. Въ обыкновенныхъ-же случаяхъ, пчеловодъ бываетъ и садовникъ, и агрономъ, вообще хозяинъ. Здѣшняя школа пчеловодства помѣщается въ красивомъ деревянномъ домикѣ, на самомъ высокомъ холмѣ. Постройка еще новая, внутри не отдѣланная. Полы, стѣны, потолки лоснятся только что вытесаннымъ деревомъ. Помѣщеніе не велико, всего на десять человѣкъ. Зданіе очень узко, но въ три этажа, вѣрнѣе въ два съ мезониномъ. Двѣ свѣтлыя, большія комнаты для учениковъ и мастерская для изготовленія ульевъ—вотъ въ сущности вся школа, если включить сюда квартиру учителя и прислуги.

Въ школѣ пока только два ученика и занятія правильно не идутъ, такъ какъ не напечатана еще выработанная обществомъ программа и потому затрудненъ пріемъ въ школу. Самое замѣчательное въ школѣ по моему—видъ на долину изъ третьяго этажа. Это панорама, не имѣющая словъ къ описанію. Можно для нея одной ѣздить сюда, можно часы не отходить отъ окна, можно любую меланхолію разогнать... Прямо подъ окнами чернѣетъ поросшій елями глубокій оврагъ. Между деревьями видны ульи всѣхъ формъ и способовъ, какіе только существуютъ. Ихъ здѣсь болѣе 30-ти. Налюбовавшись досыта, мы сошли. Неутомимый Августъ Казиміровичъ, несмотря на всѣ наши просьбы и увѣщанія, поѣхалъ-таки въ сосѣднюю деревню, верстъ

за семь, осматривать тамъ и срисовывать какой-то старинный крестъ. Археологія всегда свѣтилась для него яркой звѣздой, даже на фонѣ такой чудной, залитой блескомъ картины, которой изъ окна школы онъ восхищался, какъ и мы, даже больше насъ. О, наука!! Въ 24 года ея не поймешь...

Полемъ прошли мы къ зданіямъ колоніи. Эти зданія еще издали поражаютъ своей грандіозностью и красотой. Два главныхъ фасада, мужское и женское помѣщеніе, составляютъ прямой уголъ большаго четырехугольника. Двѣ другія стороны этого четырехугольника пока свободны, но предполагается застроить ихъ легкими бараками, для помѣщенія тамъ душевно-больныхъ по мѣрѣ прибытія ихъ въ заведеніе, преимущественно легкихъ формъ помѣшательства. Посреди этого четырехугольника стоитъ кухня, изящное зданьице, уже снаружи оштукатуренное Отсюда мы и начали осмотръ. Внутренность кухни, какъ и всѣхъ зданій, поразила насъ обширностью, изяществомъ и законченностью въ малѣйшихъ деталяхъ. Я думаю, что царскія кухни не удобнѣе и не красивѣе Бурашевскихъ. Тамъ же большія комнаты для прислуги, ихъ столовая, спальни. Между прочимъ г. Врасскій указалъ намъ въ кухнѣ на высокія деревянныя колонки, подпирающія потолокъ ея.

— Это забракованныя, гнилыя балки, съ улыбкой сказалъ онъ.

— Отчего забракованныя? удивился я.

— Коммисія забраковала. Снаружи нѣсколько посинѣли, говорятъ гнилыя. Въ сырую стѣну, видите, уложили ихъ, онѣ слегка и попрѣли. Но мы ничего на нихъ не потеряли. Онѣ всѣ въ дѣло пошли.

— Все-таки, это вамъ стоило?

— Да... тысячъ шесть стоило...

Два главные фасада имѣютъ каждый саженъ около 70-ти, я думаю, въ длину. Они въ два этажа и раздѣлены на три отдѣла, соединенные между собою теплыми корридорчиками. Внизу помѣщеніе для буйныхъ, вверху—для покойныхъ. Въ каждомъ изъ отдѣловъ есть большая зала, въ ширину всего зданія, въ два свѣта, изъ которой ведутъ по обѣ стороны двери въ спальныя комнаты. Этихъ дверей по нѣскольку ведетъ въ каждую комнату и сдѣлано это въ томъ разсчетѣ, чтобы, при увеличеніи числа больныхъ, имѣть всегда возможность, посредствомъ перегородокъ, получить большее число отдѣльныхъ комнатъ. Черезъ залу проходитъ корридоръ, раздѣляющій ее на двѣ равныя части. Есть залы съ колоннами, есть и безъ нихъ.

При каждомъ такомъ отдѣлѣ, предназначающемся на 20—30 больныхъ (по росписанію строительнаго комитета, эти отдѣлы по плану назначались только на 10 человѣкъ. Но десять человѣкъ въ этихъ хоромахъ положительно потерялись-бы), есть ванная, ватерклозетъ и умывальня. Въ отношеніи техники и практичности—эти послѣдніе три предмета положительно шедёвръ. Это послѣднее слово науки и усовершенствованія. Ванна, напримѣръ, наполняется и выпускается въ пять минутъ, однимъ только отверстіемъ въ днѣ и вода проходитъ туда уже смѣшанная, требуемой температуры. Ватерклозеты устроены по способу самоочищенія. Никелированные краны умывальника выточены такъ, что вода льется изъ нихъ не прямо внизъ, а нѣсколько впередъ, такъ сказать; прямо, приглашая моющагося подставлять ладони. Души головныя и спинныя, простымъ движеніемъ рукоятки по шкалѣ даютъ воду требуемаго числа градусовъ. Словомъ, плещись, мойся, облегчайся всласть; ни задержки, ни какого слѣда отъ этого не остается. Отдѣльное совсѣмъ помѣщеніе есть для нечистоплотныхъ; тамъ полы вездѣ или асфальтовые, или цементные. Отдѣльное помѣщеніе для самыхъ буйныхъ—длинный корридоръ и по бокамъ комнатки. Нѣсколько отдѣленій есть съ матрасными стѣнами, нѣсколько съ обшивкой изъ досокъ на пружинахъ. Окна въ этихъ комнатахъ высоки и стекла въ нихъ каменныя. Больничное помѣщеніе для общихъ болѣзней состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ высокой со сводами галлереи. Освѣщается эта галлерея громадными окнами съ массой стеколъ внизу и вверху. Въ каждомъ зданіи есть по три пожарныхъ крана и при нихъ въ ящикахъ трубы. При насъ сдѣлали пробу этихъ крановъ, и труба, выставленная за окно, легко заливала крышу зданія. Большой пожарный кранъ помѣщается на дворѣ, у усадьбы, и дѣйствуетъ съ большой силой. Словомъ, во всемъ строгая обдуманность, симметричность и стремленіе къ художественному. Во всемъ, съ главнаго до мельчайшихъ подробностей, видна одна общая мысль, одна руководительная идея. Такъ, напримѣръ, въ этихъ обширныхъ зданіяхъ, въ цѣлыхъ анфиладахъ комнатъ, вы не найдете ни одного *выдающагося* предмета, за который можно было-бы зацѣпиться, даже задѣть.

Все, что нужно отпирать, или запирать: двери, окна, печи, краны, для всего этого имѣется одинъ общій ключъ, который будетъ находиться у старосты. Ручки замѣнены выемками, углы у печей за округлены, а дверцы, воизбѣжаніе обжоговъ, углублены, рѣшетки въ окнахъ тоже круглыя, такъ что никакое неосторожное движеніе больнаго не можетъ причинить ему серьезнаго поврежденія и самые хитрые замыслы безумца должны разбиваться объ эту окружающую его отовсюду гладь и крѣпость.

Зданія еще далеко не совсѣмъ готовы. Во многихъ мѣстахъ еще не настланы полы (клееные, сосновые), не выкрашено, не выбѣлено, на всемъ еще толстая пыль и мусоръ. Изъ оконъ верхняго этажа открывается чудная долина и этимъ однимъ видомъ я думаю можно вылечиться. Я бы именно здѣсь помѣстилъ буйныхъ. Мужское и женское отдѣленіе почти тождественны по величинѣ и внутреннему расположенію.

— Однако!... воскликнулъ я послѣ осмотра. Вѣдь это роскошно, это совершенство до мельчайшихъ деталей...

— Да, знаете... нельзя было ужъ кое-какъ дѣлать. Земство, спасибо ему, дало мнѣ возможность съѣздить заграницу осмотрѣть тамъ какъ это дѣлается. Я посѣтилъ больше 30-ти такихъ заведеній, былъ почти во всей Европѣ. Понятно, практики понабрался, глазъ набилъ.

Да потомъ, это все кажется такъ дорого, а при умѣніи пользоваться случаемъ—грошъ стоитъ. Бѣда одна, что большинство вещей пришлось выписывать изъ-за границы. Представьте себѣ, дешевле стоятъ съ перевозомъ оттуда, чѣмъ наши. Ужъ чего проще, желѣзныя рѣшетки—и тѣ пришлось выписать изъ Австріи. Не дѣлаютъ такихъ, на выставкѣ я увидалъ у одного фабриканта; бросился къ нему: «ради Бога, сдѣлайте намъ такихъ!» Такъ что-жъ бы-вы думали? Отказались. Говорятъ: спросъ малъ. А выставили... Вотъ подите, у насъ все и вездѣ такъ.

— Д-да!.. Но.... все-таки, улыбнулся я, грошъ-то не малый заплатило земство за все это великолѣпіе.

— Какъ вамъ сказать! Не очень и много. Во-первыхъ, половина ассигнована правительствомъ. Это Маковъ еще устроилъ намъ. А другая половина, тысячъ 150, изъ остатковъ почтовыхъ суммъ. На насъ вѣдь, Богъ знаетъ, что говорятъ... Мы и разоряемъ земство, и устраиваемъ какой-то притонъ, и самъ Богъ не разберетъ что еще. Все это изъ безсильной злобы. А полюбопытствуйте заглянуть въ протоколы собранія, вы увидите, что мы ни одного крестьянскаго гроша не истратили. Все наша же экономія.

— Ну, а... а на содержаніе?..

— Содержаніе намъ особенно дорого стоить не будетъ. У насъ свое хозяйство, своихъ 400 десятинъ земли. Молоко, мясо, овощи, хлѣбъ все это мы еще будемъ въ городъ доставлять, а не намъ они. А тутъ кричатъ, что проѣзда къ намъ нѣтъ; что мы безъ провизіи будемъ сидѣть.

— Но вѣдь все-таки дороже будетъ стоить содержаніе этой колоніи, чѣмъ стараго заведенія.

— Н-н-да... что же?.. Положимъ... можетъ и нѣсколько больше... неопредѣленно отвѣчалъ г. Врасскій.

— Вотъ еще, говорятъ, у васъ воды нѣтъ, или мало очень... Откуда это взяли?

— Вотъ вамъ и образчикъ еще! У насъ четыре пруда, изъ которыхъ одинъ ключевой, съ прелестной водой. Мы обнажали ключи и математически доказали, что воды на все заведеніе хватитъ съ избыткомъ, а они все свое.

— А вода хорошая?

— Отличная... впрочемъ, у насъ и фильтръ есть...

— Зачѣмъ же фильтръ?

— Такъ... Листикъ, знаете, попадетъ...

Мнѣ вспомнилась тутъ еще одна исторія, слышанная мною все по поводу этого же Бурашева. Когда-то, кажется, не очень давно еще, въ Бурашевѣ былъ расквартированъ эскадронъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ командиръ эскадрона доложилъ начальству, что его лошади, послѣ водопоя, заболѣваютъ и потому просилъ о перемѣщеніи. По словамъ говорившаго (а говорилъ власть имѣющій въ земствѣ) это фактъ. Въ виду этого я и не счелъ удобнымъ разспрашивать о немъ.

Мы осмотрѣли еще фильтръ, ключевой прудъ, здѣсь называемый «серебрянымъ», водокачалку, прачешную, баню и одинъ образцовый баракъ. Вездѣ та же законченность, на всемъ видно широкое примѣненіе идеи и нестѣсненіе средствами.

Водопроводныя и спускныя трубы цѣлою сѣтью проходятъ подъ заведеніемъ, а послѣднія еще далеко тянутся въ луга, устроенные по новой французской системѣ съ предназначеніемъ для орошенія полей. Мы прошли туда, спускаясь все внизъ. Долина темнѣла и какъ бы замирала подъ трепетавшими лучами заходившаго солнца. Ни шороха, ни звука. Точно чудовище засыпало кругомъ, куда ни глянь Я обернулся назадъ, и не могъ не остановиться. Въ чистомъ и тихомъ воздухѣ гордо высилось красивое зданіе колоніи, все залитое косыми

лучами солнца. Оно господствовало надъ всѣмъ; оно внесло на этотъ холмъ, среди безъискусственной и очаровательной природы торжество холодной и строгой цивилизаціи, торжество гуманной идеи, создавшейся изъ криковъ, брани и взаимной злобы. Оно презрительно взглядывало на кроткую долину, на мирныя деревушки и вдругъ въ застывшемъ воздухѣ послышались мнѣ оттуда дикіе крики; въ высокихъ окнахъ стали мелькать безумныя лица съ страшными взорами, страшными гримасами. Я невольно вздрогнулъ и отвернулся.

Луна ужъ высоко плыла по небу, когда мы, пообѣдавъ у гостепріимнаго и милаго хозяина, тронулись въ обратный путь. По обыкновенію, я хотѣлъ одной фразой, однимъ возгласомъ выразить всѣ мои впечатлѣнія. Я ужъ раскрылъ ротъ, чтобы сказать: «А хорошо вѣдь быть тутъ сумасшедшимъ»... но въ эту минуту мило насъ пронеслись очертанія колоніи, теперь мрачной и таинственной, и я, весь съежившись, промолчалъ...

Городъ Торжокъ.

26-го августа.

Пишу эти строки въ просторной, высокой комнатѣ одного изъ номеровъ знаменитой гостиницы Федухина-Пожарскаго. Массивныя стѣны, высокіе потолки, громадныя двери, широкія окна и въ простѣнкахъ, въ дубовыхъ рамахъ, зеркала, все это громко говоритъ еще о быломъ величіи и богатствѣ, о быломъ значеніи этой гостиницы. И ветхая мебель, болѣе чѣмъ гомеопатично разбросанная въ этихъ обширныхъ стѣнахъ, помятые обои, тусклыя стекла въ окнахъ и зеркалахъ,—печать неряшества вездѣ, кругомъ, все это еще громче кричитъ о запустѣніи, объ убогости нынѣшнихъ дней. Въ растворенныя окна врывается теплый, ароматичный воздухъ; широкія полосы серебристаго свѣта луны стелятся по полу и слышится смѣшанный шумъ веселыхъ голосовъ на улицѣ, гармоники, смѣха и порой раскаты хоровой пѣсни, то заунывной и протяжной, то удалой и отрывочной.

Сегодня воскресенье; сегодня жизнь и нравы новоторжца виднѣе, нагляднѣе, чѣмъ въ будни; сегодня его замкнутость, несообщительность и понурость уступаютъ мѣсто веселью, жизни общественной. Эту жизнь я наблюдалъ сегодня на бульварѣ и на главной улицѣ города, на Петербурго-Московскомъ шоссе, гдѣ стоитъ гостиница Федухина-Пожарскаго. Но объ этой жизни о настоящемъ Торжкѣ нѣсколько ниже. Прежде я позволю себѣ утрудить читателя изложеніемъ нѣкоторыхъ возможно-краткихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ «Памятной книжки» Тверской губерніи за 1865 годъ, о прошломъ этого города.

Г. Торжокъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Время основанія его положительно не извѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ основанъ

не позднѣе VI столѣтія и принадлежалъ прежде къ области Новгородской.

Во время смутъ, безпрестанно происходившихъ въ Новгородѣ и столкновенія его съ своими югозападными сосѣдями, Торжокъ, будучи порубежнымъ городомъ, прежде всего принималъ на себя удары враговъ. Въ исторіи имя Торжка упоминается въ первый разъ около 1140 г., при распряхъ князей удѣльныхъ. Переходя каждое столѣтіе изъ рукъ въ руки, не разъ опустошаемый, разграбляемый до-тла, Торжокъ вздохнулъ только съ паденіемъ Новгорода, когда прекратившаяся вражда великихъ князей къ этому послѣднему и прекратила вражескія нашествія. Только во время Самозванца, въ 1609 году, городъ былъ разоренъ поляками, причемъ церкви и монастыри ограблены, жители частью избиты, а нѣкоторые сожжены въ теплой деревянной церкви Борисоглѣбскаго монастыря, вмѣстѣ съ архимандритомъ Константиномъ и монастырскою братіей.

При Петрѣ Великомъ Торжокъ былъ причисленъ къ Тверской провинціи; съ учрежденіемъ же намѣстничествъ при Екатеринѣ II, онъ присоединенъ къ Тверскому намѣстничеству и въ это время получилъ гербъ, который представляетъ на голубомъ полѣ трехъ золотыхъ и трехъ серебряныхъ голубей съ красными ошейниками.

Лѣтъ 35-ть тому назадъ, когда еще желѣзной дороги не было и всѣ сообщенія обѣихъ столицъ производились по шоссе, Торжокъ кипѣлъ жизнью. Безконечные ряды обозовъ, тянувшихся къ Петербургу, многія тысячи пѣшеходовъ, пробиравшихся въ Петербургъ на заработки и возвращавшихся потомъ на родину, наконецъ безчисленное множество проѣзжающихъ,—все это оживляло городъ съ утра до вечера. Движеніе это доставляло значительныя выгоды жителямъ: многіе изъ нихъ содержали постоялые дворы и проч., все это благоденствовало, даже крупное купечество имѣло тутъ свою долю выгодъ, такъ какъ проѣзжающіе, а наиболѣе проходящіе запасались чѣмъ-нибудь въ Торжкѣ; нѣкоторые предметы сбывались особенно выгодно въ извѣстное время года, напр., весною, когда многочисленныя партіи рабочихъ проходили къ Петербургу. Рѣдкій изъ нихъ не запасался въ Торжкѣ сапогами, а осенью, на возвратномъ пути, полушубками. Казаки же, проходившіе въ Петербургъ съ Дону, имѣли обычай, Богъ вѣсть почему, запасаться въ Торжкѣ сукнами.

Въ то цвѣтущее время, въ Торжкѣ существовали двѣ очень хорошія гостиницы, изъ которыхъ одна, принадлежащая ямщичкѣ

Пожарской, пользовалась повсемѣстной извѣстностью, благодаря своимъ котлетамъ особаго приготовленія, отсюда и получившимъ свое названіе «Пожарскихъ». Сама Дарья Евдокимовна Пожарская была замѣчательна не менѣе своихъ котлетъ: простая, но хитрая ямщичка, она, подъ видомъ простоты, умѣла втираться въ милость проѣзжающимъ вельможамъ и пользоваться ихъ благосклонностью. Это придавало ей замѣчательный вѣсъ въ Торжкѣ, тѣмъ болѣе, что она охотно бралась устраивать разныя дѣла и дѣлишки въ Петербургѣ, гдѣ бывала довольно часто и, благодаря обширному знакомству, не рѣдко успѣвала въ своихъ ходатайствахъ.

Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги значительно измѣнилась физіономія города, особенно той части, по которой идетъ шоссе. Движенія очень мало; постоялые дворы, которые когда-то глядѣли очень весело, какъ-то совсѣмъ опустились. Ямщики, кузнецы, масса мелкихъ торговцевъ стали исчезать, выводиться, городъ сталъ падать...

О подробностяхъ устройства города того времени, о числѣ жителей въ немъ, о занятіяхъ, торговлѣ, о разныхъ учрежденіяхъ, фабрикахъ, объ образовательномъ и благотворительномъ дѣлѣ (школы, больницы и богоугодныя заведенія)—говорить здѣсь считаю лишнимъ. Это было-бы слишкомъ длинно и скучно!

Я лучше коснусь нѣсколько бытовой и нравственной стороны новаторовъ изъ данныхъ той-же «Памятной книжки».

«Въ новоторахъ замѣтно нѣкоторое пристрастье къ политикѣ, говоритъ авторъ статьи о Торжкѣ. Очень часто, при первомъ знакомствѣ, съ первыхъ двухъ-трехъ словъ, разговоръ сводится на политику. Въ 1863 г., когда затронутъ былъ польскій вопросъ, газеты съ нетерпѣніемъ ожидались въ Торжкѣ и не одно теплое спасибо сказано было въ Торжкѣ князю Горчакову за его ноты. Направленіе новоторжскаго общества можно видѣть изъ того, что въ 1864 году въ Торжкѣ получалось тамошними купцами до 29 экземпляровъ разныхъ газетъ, тогда какъ литературныхъ журналовъ почти вовсе не было получаемо...

«Новоторы мало сообщительны. Благодаря этой несообщительности, трудно вывести какое-нибудь заключеніе о характеристикѣ городскаго населенія. Носились прежде слухи, что новоторамъ свойственно до нѣкоторой степени буйство, но кажется, что это не совсѣмъ вѣрно, если судить потому, что осенью, или зимой въ девять — десять часовъ вечера, въ Торжкѣ, кромѣ лая собакъ, не услышишь другаго звука. Можетъ быть къ заключенію о буйствѣ новоторовъ подалъ поводъ случай, бывшій еще при Екатеринѣ II. Передъ проѣздомъ ея черезъ Торжокъ, новоторы, поссорившись съ придворной прислугой, разбили царскую кухню и гардеробъ на одной изъ площадей. По этому случаю было произведено дознаніе и судъ, который приговорилъ десятаго изъ гражданъ къ наказанію кнутомъ. Наказаніе это не было исполнено, потому что новоторжское общество отправило къ Императрицѣ депутацію, съ просьбою о помилованіи, и въ самый праздникъ Похвалы Богородицы Императрица даровала прощеніе.

Въ память этого случая и по настоящее время ежегодно въ праздникъ Похвалы Богородицы служатъ въ городской Думѣ, при собраніи всего городскаго общества, благодарственный молебенъ!

Лѣтъ 40—50 тому назадъ, Торжокъ отличался своей обычностью, которая почти уже сгладилась въ настоящее время Свое обычность эта проявлялась во всемъ: въ рѣчи, въ костюмѣ, въ нравѣ и обычаяхъ. Произношеніе до сихъ поръ еще до нѣкоторой степени отличается отъ другихъ мѣстностей Тверской губерніи, хотя, конечно, не такъ, какъ прежде! Въ разговорѣ съ новоторомъ вы могли услышать прежде сильное удареніе на букву о, пристрастье къ буквѣ *и*, которая если не постоянно, то во многихъ случаяхъ замѣняла букву *е*, а особенно *ѣ*. Напримѣръ, новоторы говорятъ *на гори* вмѣсто на горѣ, *на рѣки* вмѣсто на рѣкѣ и т. п. Кромѣ того, буква *н* произносилась какъ-то особенно и не совсѣмъ пріятно. Но въ настоящее время, сколько ужъ я ни вслушивался, нѣтъ ужъ особенностей этого нарѣчія, хотя нѣкоторая своеобразность въ произношеніи и сохранилась.

Прежній женскій костюмъ, употреблявшійся въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, можно теперь видѣть только на портретахъ того времени. Нарядъ этотъ былъ богатъ золотомъ, вышиваніями, ферязью и драгоцѣнными камнями. Нарядъ дѣвицы отъ наряда женщины отличался тѣмъ, что въ головномъ уборѣ недоставало подзатыльника, а вмѣсто повойника и кокошника носили, такъ называемый, вѣнецъ, выложенный жемчугомъ и съ ряскою на переди, который покрывался кисеей, или битью. Верхняя одежда дѣвушекъ не отличалась отъ одежды женщины, но, кромѣ шубъ и полушубковъ, дѣвушки въ лѣтнее время носили хорошенькія шубейки безъ рука-

вовъ, съ безчисленными сборками назади, обшитыя позументомъ. Главное отличіе дѣвушки отъ женщины заключалось въ прическѣ: женщины всѣ волосы подбирали подъ повойникъ, такъ что не видно было на лбу ни одного волоса, а дѣвушкамъ дозволялись вольности въ этомъ отношеніи и заплетенная коса дѣвушки, украшенная яркой лентой съ золотой бахромой, выпускалась поверхъ шубейки. Какъ этотъ прелестный, характерный костюмъ обратился въ нынѣшній— трудно сказать. Только ужъ ничего общаго нѣтъ въ длинныхъ капотахъ, или просто бурнусахъ, въ которыхъ теперь закутываются новоторки, съ тѣми граціозными шубейками, а въ цвѣтныхъ платкахъ, обвязывающихъ нынѣ ихъ головки,—съ прежними богатыми повойниками и кокошниками.

Впрочемъ, и теперь еще, сегодня, на гуляньи встрѣтилъ я на нѣсколькихъ подобіе прежняго наряда: что-то въ родѣ матерчатаго сарафана (но увы! кажется, съ кринолиномъ), ловко накинутую на одно плечо безрукавку и граціозно повязанный на хорошенькой головкѣ шелковый платочекъ...

Новоторки славились когда-то своимъ красивымъ типомъ. Стройная, высокая, съ кругленькимъ, очень привлекательнымъ личикомъ и пріятнымъ, слегка задорнымъ взглядомъ карихъ глазъ—вотъ общій типъ прежней новоторки. Но, къ сожалѣнію, укоренившійся обычай употреблять разныя притиранія (тутъ же было въ оныя времена и громадное издѣлье ихъ), въ связи съ значительнымъ употребленіемъ лакомствъ, дарили новоторокъ черными зубами, благодаря которымъ, вмѣстѣ съ дебелостью рукъ, и испорченному цвѣту лица, онѣ теряли значительную часть своей привлекательности. Прелести новоторжскаго наряда много способствовала замѣчательная склонность новоторокъ къ щегольству. Каждая горожанка, поставленная въ необходимость собственнымъ трудомъ содержать себя, готова была вынести дома Богъ знаетъ какія лишенія, лишь бы, выйдя на гулянье, не отстать отъ своихъ подругъ, лишь бы пріобрѣсти яркій, шелковый платокъ на голову, надѣть безукоризненной бѣлизны кисейные рукава и одѣться въ матерчатую шубейку и сарафанъ.

Увы! Теперь далеко не то.

Вмѣстѣ съ костюмомъ измѣнились и существовавшіе въ Торжкѣ обычаи. Въ прежнее время, проходя улицей вечеромъ, а нерѣдко и ночью, можно было вездѣ замѣтить вереницы дѣвушекъ и около каждой изъ нихъ молодца, который, угощая сосѣдку орѣхами и другими сладостями, въ вознагражденіе за то имѣлъ полное право и обнять красотку за талью и получить отъ нея поцѣлуй. И ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что попалъ въ развращенную среду. Обычай этотъ, жившій долгое время между молодежью съ согласія ихъ родителей, при отсутствіи другихъ средствъ, былъ не болѣе какъ средствомъ сближенія между молодыми людьми, нравившимися другъ другу, и такое сближеніе вело прямо подъ вѣнецъ. Я позволю себѣ выписать нѣсколько страницъ, мѣтко характеризующихъ старые новоторжскіе обычаи, изъ замѣтокъ г. Небольсина, пробывшаго нѣсколько дней въ Торжкѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Эти замѣтки приведены авторомъ статьи о Торжкѣ въ той же «Памятной книжкѣ».

«Обычай требуетъ здѣсь», говоритъ г. Небольсинъ, «чтобы каждая мѣщаночка (за купчихъ поручиться нельзя), или ямщичка, находясь еще подъ кровомъ родительскимъ, имѣла у себя непремѣнно cavalier servant, пожалуй дружка; мѣщанки называютъ его «компаньйономъ»—при первомъ сближеніи и «предметомъ»—при болѣе дружескомъ знакомствѣ; ямщички просто: «полюбовникомъ». Число дружковъ у дѣвушки не ограниченно: ей предоставляется полная свобода гулять съ ними, ходить на бесѣду, повѣрять имъ свои секреты, а между прочимъ наблюдать за ними и изъ нихъ выбирать себѣ жениха. «Компаньйонъ» награждается иногда «сахарнымъ словечкомъ», или поцѣлуемъ, и вообше имѣетъ право на нѣкоторыя вольности. Дурныхъ отношеній между «юношей» и «дѣвой» не бываетъ и никто ихъ не подозрѣваетъ. И эта вѣра родителей въ хорошую нравственность дѣтей и предоставленіе имъ полной свободы въ поступкахъ имѣютъ самыя благодѣтельныя послѣдствія. Дѣвушка ловка, весела, разговорчива, наблюдательна, тверда въ правилахъ; жена—истинная подруга и не сожительница, а полная хозяйка дома.

«Новоторочка безъ «полюбовника» не можетъ быть, иначе это недосказанная мысль, каша безъ масла, книга съ бѣлыми страницами; на каждомъ шагу ее ожидаютъ насмѣшки родныхъ и знакомыхъ. По понятіямъ людей, одного съ нею кружка, надо предполагать, что подобная дѣвушка или такъ дурна собой, или такъ глупа, или наконецъ такъ подозрительна въ поведеніи, что ни одинъ новоторъ не захочетъ искать ея «благосклонности и вниманія».

«Я полюбопытствовалъ прогуляться по бульвару и усѣлся въ углу широкой садовой скамейки. Толпы гуляющихъ, преимуществен-

но мѣщанъ и ямщиковъ, разодѣтыхъ по праздничному, перемѣшивались съ группами людей высшаго призванія, съ людьми чиновными, уланами и супругами купцовъ. Шумная болтовня раздавалась изъ конца въ конецъ, никто не считалъ себя связаннымъ. Но высшее приличіе царствовало всюду. Всѣ другъ другу говорятъ «вы», о себѣ выражаются «мы», поминутно съ выраженіями «ахъ, помилуйте-съ!» Скоро около меня завязался разговоръ, который я передаю слово въ слово: въ безошибочности его я ручаюсь тѣмъ болѣе, что потомъ разъ двадцать слышалъ его, безъ малѣйшаго почти измѣненія.

— «Глядитко, Леска (Леска уменьшительное Александра, тоже что Саша), гляди: Елена Грачиха съ Сашуркой идетъ! сказалъ стоявшій возлѣ меня высокій парень сидѣвшему на скамьѣ мѣщанину, указавъ на двѣ приближавшіяся къ намъ, торжественно, павами выступавшія, особы, въ богатыхъ сарафанахъ и тѣлогрѣйкахъ.

«Елена съ Сашуркой сѣли, ни слова ни говоря на той же скамейкѣ. Первая была дебелая дѣва обширнаго размѣра, съ выпуклостями, до чрезвычайности развитыми, такъ что объемъ ея шеи равнялся толщинѣ обыкновенной у насъ дѣвичьей тальи. Съ вида ей было лѣтъ подъ тридцать, но правильныя черты лица, нѣжный оттѣнокъ кожи, тоненькія русыя брови и гордо надутая пунцовая нижняя губка давали ей полное право на званіе очень недурненькой женщины. Та, которую звали Сашуркой, была остроглазой брюнеткой, съ нѣсколько загорѣлымъ цвѣтомъ лица и съ пламеннымъ румянцемъ на щекахъ. Невысокій ростъ, стройный станъ, маленькая ножка, горячіе взгляды, фіолетовый сарафанъ съ золотымъ галуномъ, серизовая косыночка на головѣ, 17 лѣтъ, правильное произношеніе заставляли многихъ парней молодыхъ на нее заглядываться. Къ нимъ, расшаркавшись, подошелъ красивый, высокій ростомъ, молодецъ въ высокихъ по колѣни сапогахъ съ кисточками, въ оранжевомъ шелковомъ жилетѣ, украшенномъ бисерною цѣпочкою, въ длиннополомъ, лоснящемся отъ новизны сюртукѣ на распашку; длинные русые волосы были тщательно завиты и зачесаны по модѣ. Онъ снялъ шляпу передъ Сашуркой и повелъ съ нею такія рѣчи:

— Здравствуйте, Александра Егоровна, какъ ваше здоровье-съ?

— Слава Богу, лучше всего! Какъ ваше? отвѣчала брюнетка.

— Благодаримъ на этомъ. Здоровы-ли ваши компаньоны?

Брюнетка ласково и пристально взглянула на него, покосила немножко голову и, сдѣлавъ рукой непонятный жестъ, отвѣчала:

— Въ виду слава Богу, а въ сердцахъ Богъ васъ знаетъ.

— А вы насъ считаете за компаньоновъ?

— Помилуйте-съ, какъ-же-съ! кто къ намъ посѣщаетъ въ компанію, того мы всѣхъ вопче почитаемъ за компальоновъ.

— Благодаримъ-съ, а какъ поживаютъ ваши «предметы?»

— У насъ еще ихъ не имѣется.

— Почему же такъ?

— Мы-съ молоды для евтакого дѣла.

— Помилуйте-съ, вы этакія дѣвушки превосходныя-съ и ужъ вступили въ возрастъ, да чтобъ у васъ не имѣлось предметовъ? А намъ извѣстно, что вы ужъ двухъ въ отставку отдали. Возьмите-съ новыхъ, подостойнѣй.

— Намъ въ нихъ счастье не служитъ! со вздохомъ сказала брюнетка, чрезвычайно жалобно осклабивъ свое умное личико и поднявъ каріе глаза на красиваго парня.

— Ахъ, полноте-съ, Александра Егоровна, вы не скрывайте-съ своего счастья!

— Это мы вѣрно вамъ говоримъ.

— Такъ знаете-ли что-съ?

— Что-съ!

— Ужъ вѣдь и я ли къ вамъ не лащусь: и сплю, и вижу только васъ.

— Такъ что-же-съ?

— Вы насъ полюбите?

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ.

— Не будете мучкарить?

— Помилуйте-съ, за что-же-съ!!

— Завѣрьте насъ.

— Ну, чѣмъ же мнѣ васъ завѣрить. Взоромъ, али пріятнымъ разговоромъ?

— Нѣтъ, еще чѣмъ-нибудь.

— Я ужъ и не знаю чѣмъ; скажите вы.

— А поцѣлуйте!!

— Помилуйте-съ: мы евтакимъ глупостямъ не занимаемся, да еще при народѣ.

— Что же это мы стоимъ: позвольте намъ присѣсть съ вами рядомъ.

— Намъ оченно пріятно; смахните вашимъ платочкомъ.

— Позвольте мнѣ по крайности обнять вашу станицу, спросилъ горожанинъ, усѣвшись.

— Ахъ, полноте-съ, къ чему теперь! Апосля?

— Когда же можно будетъ присластить нашу любовь поцалуйчикомъ?

— Да хоть сегодня, приходите сидѣть къ намъ къ воротечкамъ.

«Такимъ образомъ, какъ мнѣ сказывали, дѣлаются сближенія, и молодой человѣкъ, получивъ, послѣ долгихъ вздоховъ и искательствъ формальное согласіе, всюду сопровождать красную дѣвицу, ласково принимается въ домѣ родителей. Но если-жъ нелюбъ дѣвицѣ, то его тонкимъ и деликатнымъ образомъ выпроваживаютъ. На предложеніе холостаго юноши себя въ «предметы», даже на простое желаніе поступить въ «компальоны», разборчивая новоторка обыкновенно отвѣчаетъ:

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ-же-съ; намъ съ васъ счастье не послужитъ

— А ужъ мы бы то васъ холили да лелѣяли, возражаетъ волокита.

— Помилуйте-съ, къ чему вамъ безпокоиться; да намъ и время не дозволяетъ съ вами знаться.

— Позвольте хоть мѣстечко! упрашиваетъ безотвязный, замѣтивъ свободное мѣсто на скамейкѣ подлѣ той, которая такъ приглянулась ему.

— У насъ мѣста нѣтъ про прочихъ: у насъ только про себя... Дѣвушки поразодвиньтесь! говоритъ жестокосердная своимъ подругамъ, уговаривая занять платьями всю скамейку.

— Мнѣ бы хотѣлось хоть узнать вашъ домашній бытъ и разныя ваши сердечныя положенія.

— Все будете знать—скоро состаритесь.

— Однако, у васъ есть-же сердечныя потребности!

— У насъ ихъ и въ заводѣ не имѣется.

— Позвольте васъ попотчивать карамельками.

— Мы евтаго не потребляемъ.

— Что-жъ мнѣ съ вами дѣлать?

— Лучше всего ступайте своей дорогой, а насъ оставьте въ покоѣ.

Тонъ ямщичекъ на цѣлую октаву ниже мѣщанскаго тона.

Поговорки эти передаются изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, отъ тетки къ племянницѣ, для памяти записываются на тетрадку и заучиваются наизустъ. Во многихъ мѣстахъ хранятся красиво переплетенныя рукописи, какъ сборникъ всѣхъ постановленій о политичномъ обхожденіи; но чтобы добраться до сокровищницы этихъ обхожденій, нужно быть очень счастливымъ, нужно родиться въ сорочкѣ. Поговорки ямщичекъ объ этомъ же предметѣ состоятъ изъ слѣдующихъ фразъ; парень вслѣдъ за разспросомъ о здравіи спрашиваетъ обыкновенно:

— Каковы ваши дѣла, Кулина Дмитровна?

— Домашнія всѣ кончены, а на сердцѣ неизвѣстно-съ, отвѣчаетъ красавица съ яма.

— А что подѣлываютъ ваши полюбовнички?

— Помилуйте: чортъ имъ дѣлается, когда ихъ не имѣется!

— Такъ прошу же васъ: возымѣйте желаніе возлюбить насъ.

— А помилуйте-съ: полноте говорить такія гнусныя нелѣпости.

— Прикажите пощелкать для васъ орѣшковъ?

— У насъ у самихъ зубы есть.

— Такъ что-жъ прикажете мнѣ дѣлать?

— А поворачивайте оглобли, да подъѣзжайте къ другимъ»...

Не прелесть-ли это? Сколько ясности, прямоты, сколько глубокаго смысла въ этихъ странныхъ словахъ и оригинальныхъ оборотахъ рѣчи! Что значитъ нашъ самый благовоспитанный свѣтскій разговоръ, самыя краснорѣчивыя объясненія въ любви, сотканныя на лжи и эффектахъ — въ сравненіи съ этими короткими и рѣзкими своей правдой, строками? Намъ данъ языкъ нынѣ, чтобы покрывать имъ свои мысли—такъ я слыхалъ отъ очень умныхъ людей, а новоторамъ того времени, очевидно, онъ служилъ только для болѣе эллегантнаго выраженія ея.

Далѣе г. Небольсинъ описываетъ богатую и бѣдную свадьбу того времени.

«Въ этотъ же день, говоритъ онъ, я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ частички двухъ брачныхъ церемоній. Около вечеренъ встрѣтилъ я въ Ямской слободѣ шествіе, которое открывалъ священникъ въ ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. За нимъ шли рука въ руку молодой и молодая, только что обвѣнчанные. На обоихъ надѣты были свадебные вѣнцы, а у невѣсты, кромѣ того, изъ-подъ вѣнца выпущенъ былъ спереди большой кусокъ темной матеріи и лица ея не удалось видѣть мнѣ. Толпа приглашенныхъ лицъ сопровождала юную чету домой, вдоль по всей улицѣ.

«Въ это же время кишмя кишѣлъ народъ у собора за рѣкой. Храмъ Божій освѣщенъ былъ великолѣпно; свѣчи горѣли во всѣхъ паникадилахъ; золотое шитье и драгоцѣнные камни отражали тысячи лучей на уборахъ дамъ, и ни одного нѣмецкаго костюма. Причиною скопленія публики была купеческая свадьба въ довольно зажиточномъ семействѣ.

«Женихъ былъ одѣтъ просто, въ сюртукѣ до пятъ; кромѣ огромныхъ брилліантовъ на манишкѣ и толстаго золотаго каната у часовъ, на немъ ничего не было ни излишняго, ни блестящаго; даже сапоги были тусклы и выраженіе лица сумрачно.

Но невѣста была настоящій херувимчикъ въ сарафанѣ. Сарафанъ этотъ изъ бѣлаго глазета былъ обшитъ золотымъ кружевомъ превосходной отдѣлки. Роскошная грудь красавицы украшена гигантскимъ алмазомъ; на шеѣ ожерелье въ нѣсколько рядовъ изъ самыхъ крупныхъ бурмитскихъ зеренъ. Башмаки невѣсты бѣлые атласные, вышитые золотомъ: мнѣ показалось даже, что въ серединкѣ узорныхъ цвѣтовъ и около носка вдѣлано было нѣсколько мелкихъ брилліантовъ. Волосы новобрачной были тщательно подобраны подъ легонькую шапочку, осыпанную около лба въ нѣсколько рядовъ драгоцѣнными каменьями, а сверхъ шапочки былъ надѣтъ вѣнецъ. Его бѣлая глазетная матерія едва-едва пробивалась сквозь тучу жемчуга, которымъ весь уборъ былъ осыпанъ. Конецъ у вѣнца былъ украшенъ трехконечнымъ бантомъ изъ златокованной ленты, которая двумя широкими лопастями спускалаоь по спинѣ далеко внизъ.

«Сарафаны у прочихъ лицъ женскаго пола были разнообразные; бархатные, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, серизовые, малиновые, голубые, тѣлогрѣи, поражавшіе взоры посторонняго своею изысканностью, были глазетовые, парчевые, изъ золотаго штофа, съ милліонами сборокъ около поясочка.

«Чтобы составить себѣ идею о роскоши всѣхъ этихъ нарядовъ, довольно замѣтить, что работа косыночки, которой была обвязана голова одной, присутствующей здѣсь, пожилой купчихи, стоила 250 р., не включая въ итогъ этой суммы цѣны огромнаго изумруднаго фермуара, который, Богъ знаетъ для чего, былъ сюда нашпиленъ.

«Нельзя однако-жъ скрыть, что и въ этомъ обществѣ приходится иногда слышать фразы, составленныя по неизвѣстной еще грамматикѣ и съ кудреватыми украшеніями, которыя вовсе не могутъ льстить нашему вкусу. Выраженія въ родѣ: «резонъ черезъ

политику въ средствіе воспринять», сыпались изъ устъ молодыхъ людей, не-приказчиковъ и не-владѣльцевъ»...

Такъ говорили, такъ вѣнчались, такъ жили новоторы въ сороковыхъ еще годахъ. Прошло 20 лѣтъ и многое ужъ измѣнилось. Тѣхъ вольностей между молодыми людьми, которые прежде бросались въ глаза, ужъ не существовало. Хотя порой, въ сумерки, особенно зимою, дѣвицы и собирались у воротъ на бесѣду и къ нимъ подходили молодые парни, но держались всѣ чинно и развѣ только при проводахъ домой молодецъ перекинется нѣсколькими словами съ своимъ «предметомъ» съ глазу на глазъ. Лѣтомъ молодежь все-таки сходилась на бульварѣ, откуда дѣвицы возвращалвсь въ сопровожденіи своихъ чичисбеевъ. И, какъ говорятъ, въ тѣ времена между молодымъ новоторжскимъ поколѣніемъ получила право гражданства переписка, которая не была секретомъ ни для родныхъ, ни для постороннихъ.

Домашнихъ вечеровъ, гдѣ бы молодежь могла сближаться между собою, въ Торжкѣ, кромѣ свадебъ, ужъ не бывало. Впрочемъ, зимою у ямщиковъ и мѣщанъ иногда бывали еще посѣдки въ тѣхъ домахъ, гдѣ были дѣвушки, куда собираются подруги хозяйки и молодые молодцы-ребята (новоторжское выраженіе того времени), и здѣсь коротали длинные вечера. Хотя сближеніе молодыхъ людей, имѣвшихъ намѣреніе повѣнчаться, дѣлалось задолго до свадьбы, тѣмъ не менѣе процедура сватанія производилась съ соблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, правду сказать, настолько длинныхъ и скучныхъ, что я здѣсь не рѣшаюсь преподнести ихъ читателю. Въ описаніи г. Небольсина, мы видѣли вѣнчальный нарядъ невѣсты и поѣзжанъ; но, ужъ и въ 65 году говорили: «То было давно... преданье старины глубокой».

Въ шестидесятыхъ годахъ невѣста надѣвала къ вѣнцу на голову какой-нибудь цвѣтокъ съ вуалемъ, шелковый сарафанъ и какое-нибудь пальто, которое снималось при входѣ въ церковь. Но и эти остатки обычаевъ старины сохранялись тогда только въ среднемъ и низшемъ классахъ новоторжскаго городскаго населенія; именитое же новоторжское купечество давно ужъ не стѣсняется старинными обычаями и празднуетъ свадьбы, оставляя ихъ въ сторонѣ.

. . . .

Еще десятка два лѣтъ прошло и вотъ Торжокъ переживаетъ 1884 годъ, августъ мѣсяцъ, свое бабье лѣто, лѣто, хотя позднее, но роскошное. Я пріѣхалъ сюда ночью и тогда ужъ былъ пріятно пора-

женъ миловидностью городка, собственно самой маленькой части его, по шоссе до гостинницы, и просторнымъ, сверхъ всякихъ моихъ ожиданій, помѣщеніемъ въ этой послѣдней. Я былъ предупрежденъ еще въ Твери насчетъ этой гостинницы и ея происхожденія и потому, пріѣхавъ, сейчасъ заказалъ себѣ порцію пожарскихъ котлетъ. Черезъ часъ онѣ торжественно появились. Но, увы! Какихъ размѣровъ! Какого свойства!.. Какъ ни бились, какъ ни трудились офицеры стоявшаго здѣсь гвардейскаго кадра надъ обученіемъ повара, тотъ видно не внялъ ни ихъ мольбамъ, ни угрозамъ, ни грозной тѣни самой ямщички Пожарской, навѣрно живущей въ темныхъ углахъ своей громадной, родовой кухни. Воображаю, съ какимъ ужасомъ взираетъ она, какъ ея воздушныя котлеточки превращаются въ гигантскія котлетища и какъ неуклюже и неаппетитно сіи послѣднія плаваютъ въ весьма сомнительнаго свойства жирѣ.

Это было разочарованіе, впрочемъ, не особенно большое. На утро, когда снопы свѣта ворвались въ громадныя окна моей комнаты, я вскочилъ съ постели и радостно встрѣтилъ этотъ теплый, ясный день, отъ чего пришлось ужъ отвыкнуть въ Твери. Я поспѣшилъ растворить настежъ окна и, жадно вдыхая утренній воздухъ, съ любопытствомъ и удовольствіемъ взглядывалъ кругомъ. Гостинница, какъ я уже говорилъ, стоитъ на шоссе, ровномъ и гладкомъ, обрамленномъ рядами незатѣйливыхъ, но опрятныхъ и весьма симметричныхъ другъ къ другу домиковъ. Кое-гдѣ между ними бѣлѣютъ дома повыше, каменные. Въ центрѣ, гдѣ стоитъ гостинница Пожарскаго, такихъ домовъ побольше. Напротивъ нея, прямо передъ моими окнами, довольно большая площадь, чисто вымощенная камнемъ и ограниченная съ двухъ сторонъ каменными зданіями, а съ третьей маленькимъ скверомъ; изъ-за зелени его невысоко поднимаются стѣны и колонны какого то желтаго, оригинально красиваго зданія, что то родѣ гауптвахты или военнаго магазина.

Зданія, образующія площадь: почтовое и полицейское управленія съ одной стороны, а съ другой—вторая городская гостинница, штабъ расположенныхъ здѣсь войскъ и еще казармы. Площадь эта, упираясь въ скверъ, кончается двумя улицами, идущими съ каждой стороны сквера. Улица налѣво отъ меня, огибая желтое зданіе, спускается внизъ зеленымъ оврагомъ. Правая-же теряется за угломъ зданія штаба. На этой площади, у самаго шоссе, стоитъ рядъ извощиковъ.

Это главная биржа. Въ окружающей тишинѣ звонко раздаются голоса мальчишекъ на площади, стукъ каблуковъ рѣдкихъ прохожихъ или удары копытъ о камень. Рѣдко, рѣдко пройдетъ горожанинъ, еще рѣже загремятъ и замрутъ въ отдаленіи дребезжащія дрожки или шикарный экипажъ офицера съ пристяжкой «на отлетѣ» и кровнымъ коренникомъ. Съ улицы явственно долетаетъ всякое слово разговаривающихъ внизу извощиковъ съ двумя блюстителями порядка. Надъ всѣмъ точно нависли покой и жаръ лѣтняго дня. А было только 11—12 часовъ утра. Страннымъ образомъ, эта тишина не сердила, не раздражала меня здѣсь, какъ въ Твери. Тамъ она производила впечатлѣніе мертвенности, гнетущей тоски, здѣсь же какой-то особенной мягкости на душѣ и мира... Неожиданно встрѣтивъ между гвардейстими офицерами нѣсколькихъ старыхъ товарищей, я провелъ здѣсь первый день очень разнообразно и незамѣтно. Изъ осмотра города увидалъ я, что главная и самая красивая часть его раскинута уступами, на другомъ берегу Тверцы, соединяющемся висячимъ желѣзнымъ мостомъ, весьма красивымъ. Этотъ мостъ, произведеніе новѣйшихъ временъ, гордость и слава новоторовъ, стоившій имъ около 100 т. Двадцать пять изъ нихъ пожертвованы, остальныя—увы! взяты въ долгъ.

Прямыя улицы, дома преимущественно каменные и большіе, ясно указываютъ на новѣйшее происхожденіе зарѣчной части города. Между тѣмъ какъ кривые переулки, унизанные лачужками, что по сей сторонѣ, громко говорятъ о старинѣ, какъ и само шоссе, къ которому они всѣ стремятся, точно дѣти къ матери.

На другой день по пріѣздѣ посѣтилъ я и бульваръ—центръ здѣшней жизни. Онъ въ двухъ шагахъ отъ моей гостинницы. Нужно пройти площадь и повернуть въ улицу направо. Она упирается въ бульваръ. Бульваръ, это длинное огороженное мѣсто, тянущееся по высокому берегу Тверцы. Мнѣ кажется, что здѣсь должна быть насыпь, потому что обрывъ на рѣкѣ очень ужъ крутъ. Если это насыпь—то это гигантская работа, могущая служить навѣки памятникомъ Торжку По бульвару тянутся параллельно другъ къ другу двѣ только дорожки: одна выше, другая ниже по склону. Онѣ обставлены длинными скамьями, на которыхъ и происходили когда-то сцены, такъ мѣтко описанныя г. Небольсинымъ. Я вошелъ и съ жадностью осмотрѣлся. Дорожки и скамьи почти пусты; двѣ-три пары уединенно пріютились въ самыхъ темныхъ углахъ, или кружили по бульвару. Я тщетн

вглядывался въ лица, вслушивался въ рѣчь, жаждя уловить хоть тѣнь прежняго новотора! Ничего! Физіономіи прикащиковъ, нахальныя и глупыя, мѣщанскій нашего времени, типъ женщинъ, жеманившихся и ломавшихся о бокъ съ своими кавалерами, расплевывавшими сѣмячки—вотъ что увидалъ. Костюмы у мужчинъ—какъ у прикащиковъ изъ лабазовъ и мелочныхъ лавочекъ, женскіе—съ претензіей на моду, но безвкусные и бѣдные. Это было такъ не интересно, что я обратилъ все свое вниманіе на роскошный видъ, разстилавшійся къ ближайшей рѣкѣ, аллеи. Весь городъ, т. е. вся зарѣчная сторона, какъ на ладони. Сейчасъ за красивой лентой Тверцы тянется рядъ большихъ каменныхъ домовъ. Это новые, выстроенные, послѣ недавняго пожара. Отъ моста подымается кверху главная улица этой части города, раздѣляя ее въ свою очередь на двѣ части. Отъ нея лѣпятся по крутымъ спускамъ переулки и переулочки, перекрещиваются, расходятся, и кончаются тамъ, гдѣ расплывается густая масса бѣлыхъ стѣнъ и темные ряды деревянныхъ домиковъ упираются прямо въ поле. Изъ этой груды бѣлыхъ стѣнъ и красныхъ крышъ, точно наваленныхъ другъ на друга, куда ни взглянь, взлетаютъ къ верху красивые купола и башни церквей. Я насчиталъ ихъ до 16-ти. Это только въ одной зарѣчной части. Громадные купола Преображенскаго собора величественно громоздятся другъ на другѣ, а за ними налѣво гордо вздымается тонкій куполъ Борисоглѣбскаго монастыря, на самомъ верху сквозной, увѣнчанный колонками и крестомъ. На крайней правой сторонѣ горизонта такой же куполъ, не знаю только какой церкви.

Еще лѣвѣе монастыря, заключеннаго со всѣхъ сторонъ въ каменной бѣлой оградѣ, одиноко виднѣется въ полѣ деревянная церковь. То старинная церковь Преображенія. Ей триста слишкомъ лѣтъ; она обновлена и вновь освящена по почину извѣстнаго въ Тверской губерніи управляющаго казенной палатой, Августа Казиміровича Жизневскаго, на средства богатаго здѣшняго купечества. Всѣхъ церквей и не перечтешь; количество ихъ поразительно въ такомъ маленькомъ городѣ.

Солнце ужъ давно сѣло, ярко-красные края неба стали темно-оранжевыми, и на этомъ фонѣ, въ сгущавшихся сумеркахъ, еще величественнѣе и рѣзче громоздились контуры зарѣчнаго Торжка. Я сравнивалъ его съ видомъ Замоскворѣчья съ высоты Кремля. Та картина слишкомъ велика, ее не обхватишь однимъ взглядомъ, эта миніа-

тюрна въ сравненіи съ той, но и болѣе доступна, оставляетъ представленіе болѣе цѣльное...

Сегодня, выйдя часу въ 7-мъ на бульваръ, я былъ пораженъ массой народа. Аллеи были биткомъ набиты, скамьи унизаны сидѣвшими. Головы, повязанныя платками, и черныя фуражки, густо перемѣшанныя между собой, двигались одной сплошной массой. На мужчинахъ новыя платья, чистыя рубахи, вышитыя шелками. Женщины въ бурнусахъ въ накидку, изъ-подъ которыхъ пестрѣютъ яркихъ цвѣтовъ платья. Тамъ и сямъ попадается сарафанъ, безрукавки, кокетливо повязанный шелковый платочекъ; изрѣдка мелькнетъ круглое личико съ румянцемъ во всю щеку, тонкими, русыми бровями и карими глазами. Взглядъ этихъ глазъ мягкій и задорный, быстро загорающійся.—Вонъ она, настоящая новоторка...—думалъ я, встрѣчая такіе глаза. Но, къ несчастью, встрѣчались они рѣдко. Подавляющее большинство было лицъ самыхъ заурядныхъ, въ которыхъ трудно было-бы найти какой бы то ни было типъ. Пошлость и мѣщанство въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова сквозили въ каждой чертѣ въ каждомъ движеніи этихъ дщерей когда-то славныхъ новоторокъ. А въ глазахъ ихъ особенно у купчихъ, свѣтилась порядочная доза чванства, нахальства и даже цинизма.

— Повывелись, поизмельчали красавицы съ яма, граціозныя Сашурки, роскошныя купеческія дочки...—говорилъ я себѣ, вспоминая разсказы Небольсина.

Съ трудомъ я подвигался къ этой толпѣ, вслушиваясь и изучая ее. Изъ прежняго сохранилось только отсутствіе малѣйшаго стѣсненія. Никто, ни малѣйшимъ образомъ, не считалъ себя связаннымъ. Но ужъ «высшаго приличья» между ними не было. Всякая церемонность въ обращеніи отсутствовала. О себѣ говорили «я», а не «мы», «мнѣ», а не «намъ». «Помилуйте-съ» хотя упоминали часто, но не исключительно. Объ «компальонахъ», «предметахъ», «полюбовничкахъ» и рѣчи не было. Всѣ эти термины замѣнило одинъ общій: «кавалеръ»: Только и слышалось кругомъ: «кавалеръ» во всѣхъ падежахъ и числахъ.

— Ахъ, какой вы кавалеръ... жеманно говоритъ закутанная въ длинный капотъ мѣщанка.

— Сегодня и кавалеровъ-то нѣту-ти... говоритъ другая своей подругѣ, тономъ слегка недовольнымъ и презрительнымъ.

— Нѣтъ, я видала... отвѣчаетъ та, Митька, Андрюша здѣсь. Кажись, повернули за нами, прибавила она, оглядываясь.

— Ну ужъ и Митька! Какой это кавалеръ — озорникъ...

Въ это время самъ Митька, высокій, нескладный парень, въ длинномъ по пятки пальто, съ какимъ-то невообразимымъ „пластрономъ", надѣтымъ поверхъ вышитой рубахи, и съ глупой улыбкой до ушей догоняетъ парочку и безцеремонно просовываетъ между ними свою большую голову.

— А вамъ, Татьяна Егоровна, какихъ еще кавалеровъ имѣется надобность? грубо прерываетъ онъ ее. Чѣмъ это я вамъ не кавалеръ?..

— Ахъ!.. вскрикиваетъ Татьяна Егоровна, испуганная близостью этой бараньей головы. Какъ это вамъ несовѣстно такъ пугать...

Но строгость скоро смѣняется улыбкой: «озорникъ» Митька, видно, по вкусу, и тріо, громко смѣясь и щелкая сѣмячки, удаляется.

Вотъ передо мной подвигаются двѣ женскія фигурки одѣтыя совсѣмъ по-европейски. На обѣихъ ловко сидятъ темныя пальто въ талью, шляпы модныя съ широкими полями. «Это, вѣроятно, люди высшаго призванія»... подумалъ я. Къ нимъ подходитъ господинъ, тоже одѣтый по-европейски, но въ купеческой фуражкѣ.

— Мое почтеніе-съ! здоровается онъ съ ними.

— Здравствуйте.

— Какъ поживаете?..

— Благодарю; какъ вы?

— Ничего, слава Богу... Разговоръ прерывается.

— Какъ изволите время проводить? любезно нагибается кавалеръ.

— Такъ себѣ! А вы?

— Понемножку... Разговоръ опять прерывается.

— Были гдѣ нибудь на вечерѣ? спрашиваетъ кавалеръ.

— Нѣтъ, какіе теперь вечера! А вы?..

— Я тоже нѣтъ. Еще мало съѣхалось... Опять длинная пауза.

— И такъ вообще нигдѣ не были?.. уже съ видимымъ трудомъ спрашиваетъ кавалеръ.

— Нѣтъ, я была... намедни у Цвелева. Чай звали пить. Поминки тамъ были.

— Поминки съ? А обѣдать просили?..

— Нѣтъ! Какой-же у нихъ обѣдъ? Развѣ они когда угостятъ.

— Это вѣрно-съ... смѣется кавалеръ. У нихъ все больше чаями прохлаждаются.

— Ужъ и прохлажденіе!... съ досадой говоритъ барышня. Надоѣли мнѣ эти прохлажденія.

— А что?..

— Да что!.. Извѣстно какъ у купцовъ. Накладываютъ, наливаютъ, просто мочи нѣтъ. Просишь жидкаго чаю, они нальютъ самаго густаго. Положишь себѣ 2 куска сахару, они еще два прибавятъ. Точно въ самомъ дѣлѣ я жалѣю ихъ чаю, или тамъ сахару.

— Такъ что вамъ вдвое все кладутъ?.. осклабливаясь говоритъ кавалеръ, видимо обрадованный завязкой разговора.

— Ужъ Богъ ихъ тамъ знаетъ.

— А вы положили бы 6 кусковъ въ стаканъ. Они и пожалѣли бы еще 6 вамъ добавить...

Кавалеръ смѣется, смѣются и барышни, но слабо.

— Ну а варенье? Все это было?..

— Какъ-же-съ, всякія!

— И на каждомъ блюдечкѣ другое?..

— Ужъ я и не разбирала...

— И какъ кончите одно, сейчасъ другое накладывали и другаго сорта.

— Не знаю, право! Я и не кончала блюдечекъ...

Продолжительная пауза.

— А гостей много?..

— Были, порядочно..

— И весело было?

— Нѣтъ, гдѣ же! Тоска...

— Отчего-же? Разговаривали вѣдь?

— Ну, ужъ эти разговоры. Лучше бы ихъ и не было. Все одно и то же, да тоже.

— Объ чемъ же? любопытствовалъ кавалеръ.

— Да все говорятъ про то, кто замужъ выходитъ, кто женится. И все одно и то же. И родственницы и знакомые, всѣ точно глаза этимъ колятъ.

— Какъ же это колятъ? Почему?

— Та, молъ, выходитъ замужъ, другая, а ты сидишь. Женихъ у этой такой-то, у другой сякой. Хуже, значитъ, тѣхъ, которые мнѣ предложеніе дѣлали... Вотъ и попрекаютъ! Почему я не приняла.. Однимъ словомъ, скука эта ужасная.

— А вы не скучайте, смѣйтесь побольше...

— Да было бы съ кѣмъ—смѣялась бы! вырвалось горячимъ восклицаніемъ у дѣвушки. Хоть бы одна интересная личность!.. Развѣ я такая, когда мнѣ кто нравится? Меня не узнаете тогда. Я говорить буду безъ умолку, и мнѣ будетъ весело и другимъ. А то вѣдь это одно и то же. Тутъ позовутъ на чай, тамъ на чай, однѣ и тѣ-же личности, одни и тѣ-же разговоры... Како-жъ тутъ веселье можетъ быть!? Сама тоскуешь, да и на другихъ тоску наводишь... Эхъ!.. голосъ дѣвушки чуть слышно задрожалъ и оборвался.

Я прибавилъ шагу и взглянулъ ей въ лицо. Изъ-подъ надвинутой низко шляпки ярко горѣли темные, большіе глаза. Мнѣ показались даже въ нихъ слезы. Блѣдное, худое личико было красиво; но очень и очень печально. Горькая улыбка бродила на тонкихъ губахъ. Пальцы рукъ ея нервно теребили матерію зонтика.

Мнѣ невыразимо жаль стало этого молодаго созданія, точно заживо погребеннаго. Я шелъ все рядомъ съ ней и ждалъ продолженія разговора. Но въ это время послышался впереди громкій хохотъ, и толпа, сжимаясь и отступая, оттолкнула меня отъ нея. Мы проходили мимо одного изъ входовъ на бульваръ. Я оглянулся и увидѣлъ пьянаго мужичка, всего ободраннаго, маленькаго, всклокоченнаго, въ лаптяхъ. Онъ въ припрыжку подошелъ къ воротцамъ, выдѣлывая какія-то мудреныя антраша.

— А ну-ка я въ лаптяхъ, да по бульвару... крикнулъ онъ, и въ присядку пошелъ между гуляющими. Громкій хохотъ отвѣчалъ на его выходку, и долго еще раскаты его гремѣли тамъ и сямъ по аллеямъ...

Я вышелъ съ бульвара, когда луна уже полнымъ шаромъ ярко блестѣла на чистомъ небѣ. Массы народа валили оттуда-же и направлялись по шоссе. Тутъ стѣсненія еще было меньше и нецензурныя выраженія перебрасывались отъ группы къ группѣ. Еще черезъ часъ это движеніе замерло, и только у крылечекъ да у воротъ, гдѣ-не-гдѣ, чернѣли небольшія группы. Посѣдки-ли то были?.. спросятъ можетъ быть. И да, и нѣтъ, группы состояли или изъ мужчинъ, или изъ женщинъ. Въ женскихъ группахъ было тихо. Въ мужскихъ шумно. Въ нѣкоторыхъ пѣли, хотя небольшими хорами; больше, однако, хохотали, да обмѣнивались нелестными эпитетами. Но тѣхъ посѣдокъ, о которыхъ упоминаетъ г. Небольсинъ, гдѣ молодцы и красавицы смѣшиваются въ одну стройную, веселую компанію, гдѣ свобод-

ный поцѣлуй и объятье служатъ залогомъ чистой любви и будущаго счастья, этихъ посѣдокъ, полныхъ глубокой поэзіи и глубокаго смысла, я не видалъ. Можетъ быть, я просмотрѣлъ! Дай Богъ...

По климатическимъ условіямъ Торжокъ принадлежитъ къ самымъ лучшимъ и здоровымъ мѣстамъ въ губерніи. Благодаря отсутствію болотъ и гористому мѣстоположенію, климатъ въ немъ умѣренный и благорастворенный. Особеннаго рода болѣзней, обусловливаемыхъ мѣстностью города, нѣтъ. Двадцать лѣтъ назадъ, по собраннымъ статистическимъ даннымъ, оказалось, что обращающія на себя вниманіе болѣзни въ Торжкѣ: каменная болѣзнь и ракъ, появленіе коихъ не рѣдко. Болѣзнь перваго рода обусловливалась до нѣкоторой степени известняковымъ грунтомъ рѣки Тверцы; но объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ развитію рака, при всѣхъ стараніяхъ, не могли собрать никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Не смотря на то, что ракъ въ медицинской практикѣ Торжка проявлялся весьма часто во всѣхъ своихъ наружныхъ видахъ и притомъ не только въ городѣ, но и въ уѣздѣ, общество мѣстныхъ врачей и не думало изслѣдовать причины этой болѣзни и изыскивать мѣры къ ихъ устраненію. Но, вотъ, произошло что-то странное. Или судьба смиловалась надъ новоторами, или статисты 60-хъ годовъ поусердствовали, или, наоборотъ, нынѣшніе полѣнились. Ракъ и каменная болѣзнь совершенно исчезли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить изъ медицинскаго отчета новоторжскому земскому собранію за 1883 годъ. О случаяхъ заболѣванія этими болѣзнями не упомянуто тамъ ни слова Главныя же, по цифровымъ даннымъ, отрасли болѣзней — катарры желудка, дыхательныхъ путей и горла. Надо полагать, что таинственныя причины рака исчезли, а известковый грунтъ Тверцы перенесъ свое дѣйствіе на желудки...

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1863 году, жителей въ Торжкѣ было 8,010 мужчинъ и 8,443 женщинъ, всего 16,453, въ томъ числѣ: дворянъ всѣхъ потомственныхъ и личныхъ 282 чел, духовенства всякаго 457 чел., купцовъ и почетныхъ гражданъ 2,192 чел., мѣщанъ и цеховыхъ 8,814 человѣкъ. Весь остальной контингентъ заняли всякаго рода крестьяне, регулярныя войска и отставные солдаты. На долю лицъ, не принадлежащихъ къ показаннымъ разрядамъ, приходится 377 человѣкъ. Изъ камеральнаго вычисленія, находящагося въ Тверской губ. чертежной, составленнаго въ 1783 году, видно, что въ то время жителей считалось 7,388 человѣкъ всего. Значитъ, населеніе Тор

жка за 80 лѣтъ увеличилось слишкомъ на 80%, если считать коренное населеніе его въ 1863 году только 13,397, какъ значится въ Памятной книжкѣ. Нынѣ же, изъ отчета г. исправника за 1883 годъ видно, что всѣхъ жителей въ городѣ 12,673 человѣка. Изъ нихъ: дворянъ всѣхъ 253 чел., духовенства 447 чел., купцовъ 402 чел., мѣщанъ 9,161 чел., другихъ сословій 2,298 чел., иностранцевъ 12 человѣкъ.

Сравнивая эти данныя, мы видимъ, что за послѣднія 20 лѣтъ населеніе Торжка убыло на 3,780 человѣкъ—цифра почтенная. Главная убыль произошла въ сословіяхъ: купеческомъ на 1,790 чел. и государственныхъ крестьянъ, по преимуществу бывшихъ ямщиками, около полуторы тысячи.

Причина этой убыли болѣе чѣмъ ясна: проведеніе Николаевской желѣзной дороги и упраздненіе шоссе, кормившаго въ былое время и массы ямщиковъ и всякаго рода мелкихъ торговцовъ.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе дѣлится такъ: православныхъ 11,295 чел., единовѣрцевъ 818 чел., католиковъ 5 чел., лютеранъ 7 чел., раскольниковъ 193 чел., евреевъ 255 человѣкъ.

По свѣдѣніямъ 1863 года раскольниковъ было 157 чел. О единовѣрцахъ не упоминалось. Почти всѣ принадлежали къ сектѣ поповщинской. Если считать вмѣстѣ единовѣрцевъ и раскольниковъ, то цифра ихъ достигла теперь до 1,011 чел.

По камеральному вычисленію 1783 г. показано въ Торжкѣ зданій: дворецъ и всякаго рода домовъ 1,803. Въ 1863 г. въ Торжкѣ жилыхъ домовъ было 2,071. Значитъ, число жилыхъ домовъ за 80 лѣтъ не особенно возросло. Изъ нихъ подлежало податному сбору 2,050 домовъ, по оцѣнкѣ въ 348,194 руб. Нынѣ же домовъ: казенныхъ 2, общественныхъ 13, частныхъ—каменныхъ 409, деревянныхъ 1,833; всего 2,257 домовъ: возрасло на 186 домовъ.

Подлежитъ нынѣ оцѣночному сбору почти столько-же домовъ, оцѣненныхъ уже 10 лѣтъ назадъ уѣзднымъ земствомъ, на сумму 1.200,000 руб. Застраховано было въ 1863 году въ Торжкѣ домовъ 76, на сумму 193,000 руб. Нынѣ же, въ 1883 году, застраховано домовъ на сумму 1.341,574 р. Частные дома не щеголяютъ затѣйливой архитектурой. Самые лучшіе, принадлежащіе богатому купечеству, совсѣмъ казарменной наружности. Обыкновенно они въ два этажа, выкрашены подъ бѣлую краску, при нихъ массивныя ворота и каменная стѣна окружаетъ весь дворъ и хозяйскія постройки. Это маленькія крѣпости, проникнуть въ которыя можно только черезъ узкую калитку, весьма почтенной толщины и почти всегда запертую. Насколько трудно попасть за нее мало знакомому человѣку, можно судить изъ слѣдующаго, не подлежащаго сомнѣнію, разсказа, слышаннаго мною отъ г. NN. Когда г. NN стала преслѣдовать мысль обновленія и возсозданія старинной церкви Преображенія въ Торжкѣ, онъ сталъ изыскивать къ тому матеріальныя средства и естественно остановился на богатомъ новоторжскомъ купечествѣ, всегда чуткомъ ко всякаго рода жертвованіямъ (имъ положительно *некуда* болѣе девать свои деньги). Вотъ-съ и поѣхалъ онъ туда и разъ, и другой, и третій, и много разъ. Зайдетъ къ одному—дома нѣтъ, къ другому—дома нѣтъ и т. д. А вѣдь имя г. NN достаточно извѣстно и уважаемо въ губерніи, чтобы служить пропускомъ во всякій порядочный домъ. Не пускаютъ, да и только. Думалъ г. NN, думалъ и выдумалъ очень удачную хитрость. Пріѣзжаетъ онъ еще разъ въ Торжокъ, забираетъ съ собой двухъ блюстителей порядка и направляется во главѣ этого отряда къ дому здѣшняго креза, кулака, купца В—на. Этотъ послѣдній однихъ купоновъ, какъ увѣряютъ, отрѣзываетъ на 150 тыс. въ годъ, не считая его торговыхъ оборотовъ.

— Дома? спрашиваетъ г. NN.

— Ннѣтъ, по обыкновенію, отвѣчаютъ ему.

Г. NN дѣлаетъ знакъ и полицейскіе входятъ во дворъ.

— Такъ я подожду... мнѣ по дѣлу необходимо видѣть,—съ суровымъ лицомъ бормочетъ онъ—добрѣйшій изъ смертныхъ.

Изумленный и испуганный слуга бѣжитъ докладывать, что пришла «полиція» и черезъ минуту возвращается, прося пожаловать. Баринъ оказывается дома. Г. NN повторяетъ жестъ своему отряду, тотъ моментально скрывается за калиткой, а самъ онъ побѣдоносно проходитъ мимо оторопѣвшаго сначала, а теперь и совсѣмъ ошалѣвшаго отъ удивленія, Митьки.

Разговоръ продолжается недолго, и застарѣлый скряга, на радостяхъ вѣрно, а можетъ и съ перепугу, беретъ на себя обновленіе Преображенской церкви.

Этотъ «походъ» на В—на г. NN долго будетъ помнить, а исторія современемъ можетъ оцѣнить его еще болѣе насъ...

На сколько удобно внутреннее устройство домовъ, не могу взять на себя трудъ судить, ибо почти не проникалъ въ нихъ; для хозяина съ семьею назначается обыкновенно только нижній этажъ, въ

верхнемъ-же, всегда богато убранномъ, помѣщаются аппартаменты для пріема гостей и то только въ самые торжественные дни. Въ остальное же время эти комнаты не посѣщаются и самими хозяевами. Снаружи видѣнъ только рядъ оконъ, завѣшанныхъ простыми бѣлыми, съ зубчиками внизу, шторами.

Достаточно одного взгляда на подобные дома, чтобы сказать, что они принадлежатъ очень зажиточнымъ хозяевамъ; начиная съ самаго дома и кончая послѣднею мелочью, все сооружено фундаментально: погреба, амбары, конюшни, обыкновенно каменные; даже заборы, отдѣляющіе садъ отъ двора, выложены камнемъ. Такого рода дома можно видѣть только въ зарѣчной сторонѣ города. Тамъ же, гдѣ шоссе, дома больше деревянные и совсѣмъ легкіе. Сейчасъ видно, что тамъ строились для удобства, только для себя, здѣсь же для торговли, болѣе для другихъ...

Въ Торжкѣ два монастыря: мужской и женскій, и 29 церквей, изъ которыхъ 26 каменныхъ и 3 деревянныхъ. Такъ числилось въ 1863 году. Нынѣ числится церквей только 24. Но и эта цифра на 12-тысячное населеніе весьма почтенна. Взявъ количество церквей въ процентномъ отношеніи къ жителямъ, можно смѣло сказать, что новоторы набожнѣй еще москвичей. По такому расчисленію, предполагая въ Москвѣ 600 тыс. жителей, нужно было бы для нея около 2,200 церквей. А такого количества въ ней не окажется, я полагаю. Кромѣ того, въ Торжкѣ двѣ единовѣрческія церкви и одна раскольничья молельня.

Новоторжскій Борисоглѣбскій мужской монастырь одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей на Руси. Онъ основанъ въ 1038 году преподобнымъ Ефремомъ, который, прибывъ въ Торжокъ въ 1015 году, сначала построилъ страннопріемный домъ близъ города, а на настоящемъ мѣстѣ устроилъ монастырь въ честь и память благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба и во имя ихъ соорудилъ и каменную церковь. Впослѣдствіи, въ разное время, построилось еще нѣсколько церквей и въ настоящее время существуютъ, кромѣ главнаго соборнаго храма, теплая Введенская церковь, выстроенная около 1620 года; церковь на Святыхъ воротахъ во имя Нерукотвореннаго образа, сооруженная въ 1811 году, и небольшая теплая церковь во имя Входа Спасителя въ Іерусалимъ, построенная въ 1817 году. Настоящая обширная соборная церковь Борисоглѣбскаго монастыря была заложена 9-го іюня 1785 года, во время проѣзда Императрицы Екате-

рины II изъ Москвы въ Петербургъ. Она и пожертвовала на нее первоначальные 22,750 руб. ассигн. Въ церкви и понынѣ сохраняются мѣдные высеребренные: молотокъ и лопатка, которыми Императрица производила закладку. Постройка церкви продолжалась 11 лѣтъ, такъ что она окончена была только 11-го іюля 1796 года. Внутри нея поражаетъ своей величиной средній куполъ. Онъ виситъ почти во всю величину церкви. Затѣмъ рѣзьба иконостаса весьма оригинальна, имѣетъ въ себѣ что-то не русское. Въ него вдѣланы нѣсколько большихъ и нѣсколько маленькихъ картинъ, тоже очень оригинальной работы. Такихъ я еще не видалъ въ церквахъ. По мягкости тона, по художественной отдѣлкѣ ихъ смѣло можно поставить на любую выставку. По моему, онѣ составляютъ одно изъ цѣннѣйшихъ достояній церкви. Къ сокровищамъ монастыря относятся мощи преподобнаго Ефрема и его ученика Аркадія. Мощи св. Ефрема покоятся нынѣ въ великолѣпной серебряной ракѣ, съ выпуклыми изображеніями изъ жизни св. Ефрема на всѣхъ четырехъ доскахъ ея. Эта рака пожертвована бр. Штанковскими, здѣшними купцами, и дѣлана въ Петербургѣ г. Верховцевымъ, и стоитъ на правой сторонѣ, за клиросомъ, подъ металлическимъ, вызолоченнымъ балдахиномъ. Другая рака стоитъ налѣво, надъ мощами св. Аркадія, и балдахинъ надъ ней поражаетъ своей замѣчательной рѣзьбой. Онъ тоже весь вызолоченъ и пожертвованъ офицерами стоявшаго въ Торжкѣ уланскаго полка. Въ алтарѣ, на престолѣ, находятся художественной работы серебрянные покровы. Особенно обращаетъ вниманіе чудная картина Тайной вечери, на задней сторонѣ престола. Это тоже пожертвовано Штанковскими и стоитъ около 20 тысячъ. Вообще, пожертвованій въ церкви очень много и на значительную сумму.

Борисоглѣбскій монастырь поражаетъ всякаго посѣтителя Торжка еще издали своей грандіозностью. Вблизи онъ нисколько не теряетъ. Онъ занимаетъ площадь гораздо больше 200 саж. въ окружности и расположенъ у самой Тверцы, на насыпи, господствующей надъ всѣмъ городомъ. Двѣ каменныя боковыя стѣны его, съ галлереей и прорѣзанными въ нихъ амбразурами, идутъ очень красивыми уступами по склону горы. Стѣна же, обращенная къ рѣкѣ, стоитъ гораздо ниже противуположной, такъ что верхній гребень ея приходится почти вровень съ насыпью, и тутъ, на этомъ гребнѣ, разбита желѣзная бесѣдка, откуда можно любоваться во всѣ стороны. Это мѣсто еще выше бульвара, и такъ какъ оно на другомъ берегу,

то отсюда представляется возможность однимъ взоромъ окинуть всю *старую* часть города, съ ея деревянными домиками и кривыми переулочками, стремящимися къ широкому шоссе по серединѣ. Направо —обширный горизонтъ полей и луговъ, между которыми извивается прозрачная Тверца, налѣво, по сю сторону рѣки—красныя крыши, бѣлыя стѣны, купола, кресты, по другую—темная зелень бульвара, а ниже его—рядъ каменныхъ зданій, отражающихся въ гладкой какъ зеркало поверхности Тверцы. Вдали—опять линія, но уже лѣсная, полей и луговъ. Словомъ, нужно самому простоять здѣсь и долго простоять, чтобы составить себѣ полное представленіе объ этой рѣдкой картинѣ.

Отецъ-казначей, который служилъ моимъ проводникомъ, при прощаніи отрекомендовался мнѣ такъ:

— Смѣю отрекомендоваться... Бывшій чиновникъ! Служилъ столоначальникомъ въ ковенской уголовной палатѣ; по собственному прошенію переведенъ въ помощники столоначальника, оттуда въ отставку, и вотъ, постригся...

— Какъ же такъ, удивился я. Какъ же вы изъ столоначальниковъ да въ помощники?..

— По прошенію-съ, смѣю вамъ доложить, по собственному прошенію..

Я удивленно уставился въ него.

— Не совсѣмъ здоровъ былъ, да и службу не совсѣмъ понималъ такъ ужъ я и попросился...

Надо полагать, что это былъ единственный въ своемъ родѣ и съ сотворенія міра—столоначальникъ...

Городъ Торжокъ имѣлъ когда-то очень большія земли, не приносившія, однако, ему большихъ доходовъ. Въ 1865 году такихъ земель считалось за Торжкомъ 2,536 десятинъ, изъ числа которыхъ только 707 десятинъ признавались доходными и отдавались въ аренду за 1,609 рублей. Время шло и земля, видно, становилась лучше, или люди неразборчивѣе, только *негодная*-то земля стала быстро разбираться купечествомъ, преимущественно здѣшними гласными, безъ всякой платы, за одну только обработку ея. Прошли еще годы—и земля эта, разобранная до-чиста, стала обрабатываться и приносить весьма солидный доходъ. Купцы сѣютъ, жнутъ, да денежки собираютъ, а

лѣтомъ „прохлаждаются" у себя „на дачахъ". (Такъ здѣсь называются подгородныя имѣнія). Казалось бы, чѣмъ не покой имъ, чѣмъ не жизнь? Нѣтъ! Спокойствія видно не было. Земля-то все-таки чужая, не ихъ, значитъ: нужно ее сдѣлать своей прежде, а потомъ и Бога окончательно благодарить.

Вотъ и выдумали они кунштюкъ. Купецъ-гласный выдаетъ подставному лицу вексель на извѣстную сумму, который представляется къ мировому. Истецъ указываетъ на городскую землю, которою тотъ пользуется, какъ на имущество для описи. Составляется опись, назначаются торги, и городская земелька продается, понятно, тому же купцу-гласному. Другими словами, онъ самъ себѣ за нее платитъ. Купчая, приговоръ мироваго и проч. документы—все это въ наилучшемъ порядкѣ и съ наизаконнѣйшей стороны. Богатая пригородная земля дѣлается собственностью кулака—гласнаго, а дума... où est la дума? спросятъ пожалуй. Право не знаю, гдѣ была она тогда, а теперь помѣщается на Торговой площади, противъ грязнаго гостинаго двора.

Въ итогѣ этихъ кунштюковъ, когда, наконецъ, городъ пробудился, у него какъ не бывало большей половины его земель. Погоревали, потужили, да и забыли. Все равно свои, не чужіе взяли... По смѣтѣ 1863 года доходъ города простирался только до 9,167 руб. Этотъ доходъ состоялъ только изъ собственно городскихъ суммъ. По смѣтѣ на 1882 годъ, итогъ прихода составлялъ 155,699 руб $18^1/_2$ коп Собственно городскихъ доходовъ было 69,190 р. $49^1/_2$ к. Остальныя статьи: общественныхъ, благотворительнаго капитала, партикулярныхъ, пенсіоннаго капитала, земскихъ и казенныхъ.

Въ 1863 году всѣхъ расходовъ было 6,700 руб , въ 1882 году—126,130 р. $84^1/_2$ коп. Въ 1863 г. остатокъ былъ 2,467 руб., въ 1882 г.—29,568 р. 34 к. Передо мной отчеты городскаго управленія за послѣднія одиннадцать лѣтъ. Изъ массы цифръ, наполняющихъ ихъ я составилъ нѣсколько общихъ, которыя позволю себѣ здѣсь привести. Главныя статьи прихода города, такъ-называемыя смѣтныя, слѣдующія: 1) сборы съ промышленниковъ; 2) съ недвижимыхъ имуществъ и арендныхъ статей, и 3) оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ. Остальныя статьи болѣе мелки, между ними важнѣйшая —доходъ за воинскій постой.

Оцѣночный сборъ съ недвижимаго имущества установленъ новоторжскою городскою думою 14-го декабря 1881 г. Слѣдовало тогда

къ поступленію 9,709 р. 60 к. Оцѣнка города была произведена около 1.200,000 руб.; имуществъ, не подлежащихъ оцѣночному сбору, на 79,040 рублей.

Изъ отчетовъ, включительно по 1882 годъ, видно, что городской доходъ по смѣтнымъ статьямъ достигъ своей высшей нормы въ послѣднемъ году—до 39,393 р. Причиной такому увеличенію послужилъ, очевидно, оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ. Въ послѣднемъ же году на приходъ поставлены 25,000 руб., занятые въ банкѣ на постройку желѣзнаго моста черезъ Тверцу.

Расходы смѣтнаго назначенія распредѣляются по 25-ти статьямъ, изъ которыхъ главныя: 1) народное образованіе, 2) содержаніе городской управы, 3) содержаніе пожарной команды, 4) содержаніе полицейской команды и 5) содержаніе воинскаго постоя. Изъ нихъ самой главной до 1878 года была статья содержанія городской управы. Высшей своей нормы она достигаетъ за 1881 годъ—6,118 р. 10 коп. Въ 1878 году, первый разъ во главѣ расходныхъ цифръ, стоитъ статья народнаго образованія. Тогда она впервые достигла до 7,928 руб.—своей высшей нормы. Затѣмъ опять опустилась. Изъ другихъ статей содержаніе городской полиціи достигаетъ высшей цифры—3,228 р., содержаніе пожарной части простирается отъ 882 р. въ 1871 году—до 5,443 руб. въ 1881 году. Въ слѣдующемъ 1882 году эта цифра непонятнымъ образомъ падаетъ вдругъ опять на 2,837 р., почти на половину. А въ 1880 году громадные пожары истребили цѣлые участки города.

Къ повинностямъ самымъ тяжелымъ для города слѣдуетъ отнести расходъ по содержанію воинскаго постоя. Съ 135 р. въ 1871 году, онъ быстро подымается до 5,114 руб. въ 1876 году; затѣмъ, въ послѣднемъ 1883—1884 году, составляетъ уже цифру въ 8,885 р. 10 коп. Воинскій постой и непомѣрная тяжесть его для Торжка составляютъ здѣсь нынѣ злобу дня. Гвардейскіе кадры, которые съ такимъ нетерпѣніемъ ожидались лавочниками и прекраснымъ поломъ и, съ явною боязнью, болѣе солидными людьми, теперь стоятъ огромнымъ бѣльмомъ въ глазу городскихъ заправилъ и вообще большей части гражданъ. Мирные новоторы переполошились почти разсвирѣпѣли. Городской голова—олицетворенная доброта и кротость, пухленькій и бѣленькій, какъ херувимъ, готовъ говорить вамъ до поздней ночи о всѣхъ несправедливостяхъ, даже жестокостяхъ, которые городу приходится терпѣть отъ военнаго начальства.

— Стекло разбито, 20 коп. стоитъ его вставить—пишутъ бумаги, требуютъ, безъ конца. Крючка нѣтъ, дырочка гдѣ въ рамѣ,—опять пишутъ и пишутъ. Я намедни пріѣзжаю въ казарму осмотрѣть наконецъ. Смотрю, просто щель! Такъ взбѣсило меня просто. Обращаюсь къ первому солдатику, говорю: «Чѣмъ бы ты заткнулъ эту щель?»—«Рогожкой, Ваше В—діе!.» А они мнѣ съ десять бумагъ про нее извели...

Просто, знаете, сонъ потерялъ. Сплю и вижу разные стекла, крючки, щели. Повѣрите-ли, срываюсь съ постели, бѣшенство беретъ... И—дѣйствительно, его бѣлое лицо покрывалось пятнами, а пухленькіе кулачки нервно сжимались.

Водворенію сюда гвардейскихъ кадровъ предшествовала цѣлая буря въ городскихъ элементахъ, послѣдствіями которой были—выходъ въ отставку стараго головы и избраніе на его мѣсто нынѣшняго. Прежній голова былъ Василій Александровичъ Цвылевъ, братъ извѣстныхъ богатыхъ купцовъ, личность недюжинная и по уму и по энергіи. Это купецъ изъ «передовыхъ», если такъ можно выразиться, и типъ этотъ такъ интересенъ, что я къ нему еще возвращусь въ послѣдующихъ моихъ сообщеніяхъ. Не часто случается встрѣчать такихъ умныхъ людей, но, увы!—очень часто съ этимъ ложнымъ направленіемъ. Цвылевъ, предвидя всю тяжесть для города отъ нашествія гвардіи, выставилъ всю свою энергію, всѣ свои средства противъ этого нашествія; поставилъ, такъ сказать, на карту свое быть или не быть, и, когда ужъ почти успѣвалъ, встрѣтилъ враговъ у себя-же въ лагерѣ и вышелъ въ отставку. Вотъ приблизительныя цифры городскихъ расходовъ и доходовъ по содержанію воинскаго постоя въ городѣ. Всѣхъ зданій, занятыхъ войсками, находится въ городѣ на сумму около 140 тысячъ. Изъ нихъ большая часть давно ужъ принадлежала городу, или выстроены имъ вновь въ 1883—1884 годахъ для кадра. Меньшая часть составляетъ собственность отдѣльныхъ лицъ, пожертвованную въ видахъ полнаго освобожденія себя отъ воинскаго постоя. И наконецъ самая незначительная часть, на сумму отъ 500 р., ежегодной платы, нанимается городомъ. При вступленіи кадра построено казармъ и конюшенъ на 47 тысячъ съ лишнимъ. Этотъ расходъ, произведенный частью на пожертвованія по подпискѣ, истощилъ, однако, и всѣ наличныя средства города и еще втянулъ его въ долги. Тысячъ около 8-ми еще до сихъ поръ не уплачено плотникамъ и каменьщикамъ, строившимъ

казармы. Платить, говорятъ, буквально не изъ чего, а рабочій народъ все ждетъ-да ждетъ своихъ кровныхъ грошей и въ ожиданіи голодаетъ. Очень некрасиво и неудобно!.. Городъ получаетъ на отопленіе и содержаніе казармъ и конюшенъ по 7 р. съ человѣка и по 3 р. съ лошади. Въ итогѣ онъ получилъ за прошлый годъ 7,715 р.. а издержалъ на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ—8,885 р. Значитъ, не получая процента съ недвижимаго своего имущества (по 5% разсчету—7 тыс. р.), городъ еще передерживаетъ въ годъ на содержаніе воинскихъ чиновъ—1,170 р. Немножко накладно, надо сознаться... Но воротимся къ цифрамъ городскаго хозяйства. Я для любопытства сложилъ суммы расходовъ по всѣмъ главнымъ пяти статьямъ за 11 лѣтъ, чтобы получить отношеніе ихъ къ общей, за это время, суммѣ расхода. Эти цифры выразятся такъ: 1) по содержанію Управы 62,754 р.; 2) по народному образованію 54,776 р.; 3) на содержаніе полиціи 35,432 р.; 4) содержаніе воинскаго постоя 34,682 р.; 5) на пожарную часть 26,517 р. Общая-же сумма расходовъ по смѣтнымъ статьямъ за 11-ть лѣтъ—345,841 руб. Взявъ теперь приблизительное отношеніе къ ней предъидущихъ цифръ, получимъ, что: 1) содержаніе Управы составляетъ немного меньше $^1/_5$ всѣхъ расходовъ, т. е. около 20%; 2) народное образованіе—$^1/_6$—$^1/_7$, т. е. около 16%; 3) содержаніе полиціи—больше $^1/_{10}$, т. е. около 11%; 4) содержаніе воинскаго постоя—$^1/_{10}$, т. е. 10%; 5) на пожарную часть меньше—$^1/_{13}$ т. е. около 8%. Нельзя не обратить вниманія на громадность процента, идущаго на содержаніе *только* одного учрежденія, которое имѣетъ исключительный смыслъ удовлетворенія нуждъ общественныхъ. Тратить одну пятую всего дохода города на нѣсколькихъ человѣкъ и маленькую канцелярію — это по меньшей мѣрѣ не добросовѣстно, скажетъ всякій. Я говорилъ по этому поводу и съ настоящей головой и съ прошедшимъ. Настоящій немножко запинается на этомъ пунктѣ, хотя говоритъ вообще много; Цвылевъ-же объяснилъ мнѣ, что это не ихъ вина, что это вина самой администраціи, сдѣлавшей изъ Управы какую-то справочную контору, гдѣ всякій съ улицы можетъ требовать какихъ ему угодно свѣдѣній. Въ Управѣ существуетъ справочная книжка съ обозначеніемъ тѣхъ предметовъ, по которымъ Управа должна давать свѣдѣнія. Это цѣлый томикъ, довольно компактный, съ длинными столбцами названій. Тутъ есть: и рабочій, пѣшій и конный, въ рабочую пору и въ зимнюю, лошадь, корова, свинья, *лодка*, всѣ животныя и всѣ продукты. Запросы сыпятся отъ всѣхъ вѣдомствъ и во всякое время.

— Помилуйте, горячился Цвылевъ. Да я вамъ даю слово, что если-бы вамъ завязали глаза, привели въ Управу и поставили у стола секретаря, вы бы не сказали гдѣ вы находитесь: въ конторѣ-ли, въ имѣніи-ли гдѣ? Вы не повѣрите, что это такое. Городскихъ собственно дѣлъ вы и не увидите. Они завалены кучей требованій со всей губерніи, со всей Россіи... Изволите-ли видѣть: при мнѣ телеграфъ присылалъ за справками на дрова, а онъ рядомъ почти съ нами, да три полѣна истапливаетъ въ годъ. Что-же съ ними подѣлать? Все экономничаютъ съ казенными четвертаками! А намъ-то приходится вынимать свои изъ кармана. Нужно содержать въ Думѣ особый штатъ. Вѣдь пять-шесть писарей должны нанимать. Положите имъ теперь по 350 руб. въ годъ, получите слишкомъ 2 тысячи почти лишняго расхода. Вотъ куда идутъ денежки...

Я самъ видѣлъ эту справочную книжку и вполнѣ понималъ, что нужно держать особыхъ людей для удовлетворенія по всѣмъ ея пунктамъ. А денегъ все-таки жалко!.

На народное образованіе процентъ расхода сравнительно бѣденъ; на содержаніе же воинскаго постоя надо сознаться, что онъ безмѣрно великъ. Истратить всѣ наличныя городскія средства и влѣзть еще въ долгъ для постоя только одной команды и части одного кавалерійскаго полка—для городскаго головы это стоитъ того, чтобы срываться ночью съ постели. И это тѣмъ ощутительнѣе, что есть нужды въ городѣ болѣе настоятельныя и неотложныя, какъ, напримѣръ, пожарная часть, освѣщеніе, мостовыя и усиленіе штата полиціи. При недавнихъ еще опустошительныхъ пожарахъ, пожарная команда положительно не должна бы оставаться въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ. Освѣщеніе города составляется, кажется, изъ 40 фонарей. Это на такой-то городъ, одинъ изъ самыхъ большихъ уѣздныхъ... Мостовыя, особенно на спускахъ, невозможны И въ ясную погоду трудно по нимъ взбираться, а еще труднѣе спускаться. Воображаю, что это бываетъ весною, осенью. Полиція въ городѣ состоитъ изъ 20 человѣкъ городовыхъ стараго фасона, очень вѣжливыхъ, правда, но немножко сонныхъ. Они имѣютъ обыкновеніе собираться кучками въ болѣе оживленныхъ пунктахъ города; какъ-то: передъ гостинницей, на мосту, на базарной площади и пр. Это вполнѣ понятно и разумно; но если изъ двадцати человѣкъ составить нѣсколько кучекъ, хоть бы и по 2—3 человѣка, то на долю одиночныхъ

постовъ останется на каждую смѣну человѣка по 4, не больше; на всѣ отдаленнѣйшіе кварталы—это болѣе чѣмъ мало.

Впрочемъ, новоторы народъ смирный; мало воруютъ, еще меньше грабятъ и почти не убиваютъ. Такъ только, есть повадка спьяну лѣзть куда не слѣдуетъ: когда въ чужой карманъ, когда въ физіономію, а когда и еще куда нибудь! Но здѣсь это дѣло привычное и смотрятъ на него даже до извѣстной степени добродушно...

По торговой своей дѣятельности, Торжокъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ губерніи и краѣ. Ужь одно названіе города указываетъ на пристрастіе жителей къ торговлѣ. Въ далекія времена Торжокъ обезпечивалъ продовольствіе Новгорода, и мы видимъ изъ исторіи, что нѣкогда враги Новгорода, занявъ Торжокъ, преграждали изъ него подвозъ хлѣба къ Новгороду и тѣмъ ставили его въ критическое положеніе.

Главный предметъ торговли и нынѣ составляетъ хлѣбъ разнаго рода, преимущественно же пшеница, рожь и овесъ. Этою торговлею занимаются здѣсь самыя видныя фирмы, всѣ капиталисты, и на ней наживаютъ состоянія.

Хлѣбъ большею частью покупается на низовьяхъ Волги: въ Самарѣ. Промзинѣ, Лысковѣ и Рыбинскѣ. Закупленный на низовыхъ пристаняхъ, онъ отправляется до Рыбинска чрезъ особыхъ подрядчиковъ, имѣющихъ иногда и собственныя суда. Въ Рыбинскѣ хлѣбъ перегружается въ суда, покупаемыя хозяевами, и уже ихъ собственными средствами отправляется до Торжка и оттуда до Петербурга.

Почти весь ржаной хлѣбъ, закупаемый на низовьяхъ, размалывается на мѣстѣ, незначительная же часть въ Торжкѣ на мельницахъ, находящихся на р. Осугѣ. Пшеница же вся доставляется въ Торжокъ и здѣсь размалывается на крупчатныхъ мельницахъ, то же на Осугѣ и одной паровой, въ самомъ Торжкѣ. Мельницъ на Осугѣ отъ 6—8 приблизительно, между ними есть нѣкоторыя съ усовершенствованными системами, съ паровикомъ и всѣми новыми механизмами для возможнаго сокращенія числа рабочихъ рукъ. Я осмотрѣлъ паровую мельницу въ самомъ Торжкѣ, принадлежащую купцу Цвылеву. Она открыта только двѣ недѣли, и всѣ пристройки ея: амбаръ, помѣщеніе для рабочихъ, столовыя ихъ и другія, еще не готовы. Но главный корпусъ, каменный, 6-ти-этажный совсѣмъ ужь оконченъ, какъ и все его внутреннее устройство.

Эта мельница стоитъ на берегу р. Тверцы, сейчасъ за чертой города, и по величинѣ, какъ и по производству, принадлежитъ къ лучшимъ среднимъ мельницамъ въ Россіи. Въ Тверской губерніи она едва ли не самая большая. Всѣ работы производятся только паромъ, для чего въ нижнемъ этажѣ существуетъ обширное машинное отдѣленіе съ паровикомъ и тремя громадными котлами. Всѣ эти приспособленія выписаны изъ Москвы.

Собственно мельница состоитъ изъ двухъ отдѣленій: обоечнаго и размолочнаго. Въ обоечномъ производится работа надъ очисткой зерна, въ размолочномъ—приведеніе его въ окончательный видъ. Чтобы очистить зерно отъ всякаго сору и чтобы замочить его, пшеницу пропускаютъ разъ 5-ть съ нижняго этажа въ верхній и обратно, посредствомъ деревянныхъ желобовъ и другихъ приспособленій. На пятый разъ, готовыя совсѣмъ зерна идутъ уже въ размолочное отдѣленіе, и тутъ системой машинъ, круподерныхъ, мукомольныхъ и жернововъ, обращаются въ разные сорта крупчатки, крупки и муку. Въ этомъ отдѣленіи совершается самый важный процессъ надъ зерномъ: очистка его отъ шелухи и отъ краски. Все усовершенствованное достоинство мельницы и муки заключается въ томъ, чтобы оставалось меньше отбросковъ и получалась крупчатка бѣлѣе и мельче. Перемолотая уже окончательно, она идетъ въ шелковыя сита (большія машины, выписанныя изъ Австріи) и деревянными желобами высыпается въ окончательномъ видѣ въ мѣшки или въ закромы. Вся эта работа, очевидно, гораздо сложнѣе, чѣмъ я могу ее описать, производится автоматично, почти безъ активной помощи рабочихъ, безостановочно и безъ шуму.

Цѣлая сѣть деревянныхъ трубъ передаютъ крупчатку изъ одного этажа въ другой, изъ одной машины въ другую, перемѣшиваютъ и отдѣляютъ разные сорта, ссыпаютъ наконецъ совсѣмъ готовую въ отдѣльныя помѣщенія.

Всѣ машины по мельницѣ устанавливалъ механикъ-нѣмецъ, соорудившій уже такимъ образомъ до 14 самыхъ большихъ мельницъ въ Россіи, съ помощію мѣстныхъ плотниковъ. Онъ не можетъ нахвалиться на русскаго рабочаго, на его смышленость и усердіе. Несмотря на громадную сложность въ расположеніи крупчато-проводныхъ трубъ, вся работа по мельницѣ можетъ быть окончена въ 2 мѣсяца.

Внутренность мельницы деревянная, лѣстницы же каменныя. Все это лоснится новизной, красиво и прочно. Освѣщеніе — эдиссоновскими лампочками, для чего устраивается гальваническая машина, съ проводомъ отъ главнаго мельничнаго колеса.

Рабочихъ всего 40 человѣкъ; главный крупчатникъ, получающій 1500 р. въ годъ, мастера — получающіе до 20 р. въ мѣсяцъ и крупосѣи—до 15 руб. Живутъ они пока на баракѣ, продовольствуются артельно, выбирая для закупки провизіи старосту, и работаютъ день и ночь, посмѣнно, раздѣляясь на двѣ смѣны, по 8 часовъ каждая. Мельница можетъ размолоть отъ 1500—2000 пуд. въ сутки, работаетъ надъ своимъ и чужимъ хлѣбомъ; по приблизительному разсчету стоитъ около 200 тысячъ.

Кромѣ водяного сплава, часть хлѣба въ зимнее время, въ случаѣ экстренныхъ требованій и лѣтомъ, отправляется по Николаевской желѣзной дорогѣ. Общую сумму оборотовъ по хлѣбной торговлѣ города Торжка, при всемъ моемъ желаніи, мнѣ узнать не удалось. Всѣ сдѣлки производятся на петербургской биржѣ, а здѣсь о нихъ или не знаютъ, или скрываютъ. По свѣдѣніямъ 1863 года, этотъ оборотъ достигалъ до 2.600,000 руб. Надо полагать, что онъ не уменьшился, потому что всѣ мельницы работаютъ исправно, и здѣшніе кулаки-купцы не бѣднѣютъ и не перестаютъ обильно жертвовать. На эти жертвы построился и мостъ, и новыя казармы, и богадѣльня, и городскія школы, и если бы не они—городъ давно былъ бы банкротъ...

Фабрикъ въ Торжкѣ нѣтъ, заводская-же дѣятельность проявляется довольно сильно выдѣлкой кожъ и солода. Въ теченіи 1863 года кожевенныхъ заводовъ дѣйствовало 13-ть, нынѣ ихъ дѣйствуетъ только 78-мь и самый большой заводъ въ городѣ, бывшій когда-то вильманстрандскаго первостатейнаго купца Дикова, теперь не работаетъ по распоряженію мѣстной администраціи. Говорятъ, что причиной этому гигіеническая предосторожность отъ могущаго случиться распространенія посредствомъ кожъ заразы, но... это не выдерживаетъ критики. Если теперь работаютъ 8-мь заводовъ, отчего не можетъ быть и девятый? Въ Петербургѣ, въ центрѣ, расположены кожевенные заводы — и всѣ спокойны. А здѣсь не было случая зараженія въ теченіи 40 лѣтъ, и вдругъ испугались. Да такъ испугались, что и забыли совсѣмъ о поощреніи отечественной промышленности.

Въ двухъ верстахъ отъ Торжка есть еще лѣсопильный паровой заводъ Брандта, архимилліонера и агента всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществъ.

Отличительная промышленность Торжка заключается въ шитьѣ золотомъ, серебромъ, мишурою и шелкомъ по сафьяну, бархату и замшѣ, и въ выдѣлкѣ сафьянныхъ сапоговъ и башмаковъ, а также матрацовъ и кожаныхъ чемодановъ.

Въ настоящее время промышленность этого рода годъ отъ году падаетъ, чему главной причиной было проведеніе Николаевской желѣзной дороги, провозящей всѣхъ, когда-то гостей Торжка, теперь далеко отъ него. Однако и теперь еще торжковскія издѣлья пользуются популярностью, и вы ихъ увидите въ изобильи на станціяхъ Николаевской желѣзной дороги. Другаго сбыта, къ несчастью, они, кажется, и не имѣютъ. Работаютъ надъ этимъ только женщины, зимою, получая отъ хозяина матерію (коленкоръ, сафьянъ, замшу бархатъ), золото, серебро, мишуру и шелка. Имъ дается рисунокъ, и онѣ на дому у себя уже вышиваютъ. Плата самая ничтожная—отъ 20 — 30 коп. поденно.

Новоторжскія издѣлья были посылаемы на Лондонскую всемірную выставку въ 1851 и въ 1862 году и заслужили тамъ всеобщее вниманіе. Всевозможныя вещи были посланы купцомъ Алмазовымъ, и большая часть ихъ была на мѣстѣ и продана. Въ 1863 г. Новоторжское общество, черезъ городского голову, поднесло Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ Царствующему Государю Императору, роскошную столовую салфетку, шитую золотомъ по малиновому бархату. Паденіе этого промысла идетъ все быстрѣе и причины этому, очевидно, надо искать въ недостаточномъ спросѣ на товаръ.

Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ одномъ центральномъ русскомъ городѣ нѣтъ склада этого рода издѣлій, нѣтъ оптовой продажи ихъ. Въ самомъ Торжкѣ есть одинъ только магазинъ Королева, гдѣ можно ихъ достать, и цѣны ужь значительно больше противъ прежнихъ. На станціяхъ-же за такія вещи берутъ въ три-дорога, а потому и отваживаютъ покупателей. Одно идетъ за другимъ: мало покупателей, выше цѣна, а чѣмъ она выше, тѣмъ меньше покупающихъ, и такъ до безконечности. Будь склады въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ-бы продавались эти издѣлія по здѣшней цѣнѣ, они-бы навѣрно имѣли сбытъ и большой. А до того все еще будутъ пла-

тить десятки рублей за пару вышитыхъ новоторками туфлей, когда онѣ здѣсь стоятъ 3—4 руб. Будутъ платить, пока не надоѣстъ, а тогда прощай новоторжское вышиваніе!.. Что-бы тутъ сдѣлалъ нѣмецъ, или англичанинъ—и подумать злость беретъ.

Другая отличительная отрасль промышленности въ Торжкѣ заключается въ выдѣлкѣ кирпичей. Тѣ-же женщины, которыя всю зиму вышиваютъ, ранней весной отправляются во всѣ мѣстности, гдѣ только есть кирпичные заводы, въ Петербургъ и другія губерніи, и большими партіями нанимаются туда. Зимой работаютъ пальчиками, надъ золотомъ, а лѣтомъ ногами, въ глинѣ.

Ремесло это до нѣкоторой степени обезпечиваетъ существованіе не одного десятка семействъ въ Торжкѣ, его хотя нельзя назвать прибыльнымъ по незначительности платы. Заработная плата не превышаетъ 65 коп. съ тысячи кирпичей на хозяйскихъ харчахъ; обыкновенно работница успѣваетъ приготовить за лѣто отъ 30—40 тыс. кирпичей, слѣдовательно заработокъ ея колеблется между 20—26 рублями.

Изъ благотворительныхъ учрежденій, въ Торжкѣ существуютъ: богадѣльня, сиропитательное заведеніе и земская больница на 40 кроватей. Кромѣ того, существуетъ еще съ 1880 года благотворительное общество, подъ названіемъ «комитетъ о бѣдныхъ», съ уставомъ, утвержденнымъ 8 ноября 1879 года.

Богадѣльня основана на основной фондъ въ 10,000 руб. купца Тетюхина. Содержаніе-же въ годъ стóитъ, какъ говорятъ, больше 3-хъ тысячъ рублей. На эти деньги, въ тѣсномъ донельзя помѣщеніи, содержится 42 человѣка мужчинъ и женщинъ, скорѣе развалинъ, 4 дѣвочки, круглыя сироты, и 1 мальчикъ. Внутренность сего помѣщенія и не особенно привѣтлива и не особенно опрятна. Старики и старухи мрутъ какъ мухи. Въ три года ихъ умерло больше 60-ти. Я засталъ въ богадѣльнѣ трехъ кончающихся. Причина тому, вѣроятно, старость; но стоустая молва гласитъ, что не послѣднюю роль тутъ играетъ и смотрительница сего заведенія, по виду—почтенная старушка, по характеру—баба-яга, а по прозванію—солдатъ въ юпкѣ.

Говорятъ, она отличается изумительно хищными инстинктами и чуть-ли не изо рта тащитъ жалкіе куски у своихъ подчиненныхъ—стариковъ и старушекъ. Понятно, подъ такимъ крылышкомъ пригрѣться не приходится... Все это говорятъ, и Дума слушаетъ, да не вѣритъ.

Сиропитательное заведеніе содержится на счетъ земства, принимаетъ подкидышей и воспитываетъ ихъ у себя, или отдаетъ за плату по деревнямъ. Сообразно назначенію заведенія, при воротахъ его имѣется придѣланная люлька съ подстилкой и подушечкой, куда и кладутся подкидыши. Мы вошли въ ворота и черезъ крыльцо налѣво въ самое заведеніе. Изъ передней прямо видна цѣликомъ средняя, самая большая комната заведенія. Отсутствіе малѣйшей опрятности, малѣйшей даже заботы о ней такъ и бросается въ глаза. Порванные, висящіе обои, въ видѣ листовъ грязной бумаги, соръ и лохмотья, на грязномъ, давно немытомъ и некрашенномъ полу и кругомъ стѣнъ нѣсколько жалкихъ дѣтскихъ кроватокъ—это лучшая комната заведенія. Двѣ другія, съ каждой стороны, и меньше и еще хуже ея. Въ крайней направо, 5—6 кормилицъ застѣнчиво отворачиваются отъ насъ, держа у грудей невидимыхъ крошекъ. Тутъ то же кроватки и надъ ними жалкое подобіе занавѣсокъ. Тишина такая, какъ въ комнатѣ тяжелыхъ больныхъ, а не какъ въ дѣтской. Въ крайней лѣвой помѣщаются два взрослыхъ питомца, мальчики лѣтъ 10—12. Голыя кроватки, ни стульевъ, ни стола, словомъ никакой мебели — пустота и уныніе.

Около заведенія есть большой садъ, красивый и тѣнистый. Но запустѣніе и здѣсь бросается на каждомъ шагу. Ни дорожекъ, ни аллей, ни фруктовъ, ни даже... самихъ дѣтей не видно и не слышно. А яркое солнце такъ и грѣетъ, такъ и манитъ сюда...

Изъ доклада земскому собранію за 1883 годъ видно, что на содержаніе сиропитательнаго дома ассигновано было 2,970 р., въ дѣйствительности же издержано 3,569 руб. 48 коп. Такъ какъ общій расходъ по заведенію изъ года въ годъ увеличивался, то на 1883 г. управа полагала ассигновать прямо 3,661 руб. Но и это еще могло оказаться мало, если бы количество подкидышей увеличилось, т. е. превысило бы среднюю норму въ годъ—75 человѣкъ. Подобранныя дѣти сначала воспитываются нѣкоторое время въ заведеніи, потомъ отдаются по деревнямъ съ платою 2 руб. въ мѣсяцъ. Крошечные питомцы сего заведенія, также какъ и развалины въ богадѣльнѣ, мрутъ какъ мухи.

Странное совпаденіе! Умираетъ около 37% всего населенія еще въ самомъ заведеніи, а въ уѣздѣ еще вымираетъ 30%, такъ что изъ 169 питомцевъ, состоявшихъ въ городѣ и въ уѣздѣ къ 1882 году, впродолженіи года умерло 75 человѣкъ—не много меньше половины!! Въ деревняхъ дѣти выживаютъ втрое лучше чѣмъ дома! Такъ вычислила управа, такъ будемъ вѣрить и мы. Но вотъ еще что докладываетъ управа земскому собранію въ заключеніе: «Безъ сомнѣнія сиротскій домъ едва-ли не навсегда (!) обреченъ быть больнымъ мѣстомъ въ дѣятельности земства, ибо, съ одной стороны, настоящій дешевый способъ его содержанія, составляя земству все-таки довольно значительную сумму, крайне мало удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ не только относительно воспитанія призрѣваемыхъ дѣтей, но и относительно просто *сохраненія ихъ жизни...*» Надо отдать полную справедливость искренности управы.

Далѣе, управа предлагаетъ средства къ улучшенію настоящаго положенія дѣлъ: «Во 1-хъ, можно было-бы установить нѣкоторый контроль надъ содержаніемъ дѣтей въ деревняхъ, это тѣмъ возможнѣе, что почти всѣ призрѣваемыя находятся въ двухъ деревняхъ, которыя отстоятъ другъ отъ друга въ 3 верстахъ, а отъ города въ 7 верстахъ».

Средство это такъ просто, такъ цѣлесообразно и такъ необходимо даже, что только удивляешься, какъ оно такъ поздно пришло въ голову земцамъ.

«Можно было бы просить гг. врачей хотя бы разъ въ мѣсяцъ, или въ два мѣсяца (!!) посѣщать эти деревни и удостовѣряться въ томъ, какъ содержатся призрѣваемыя».

Тутъ ужь болѣе чѣмъ удивляешься! Земство устроило у воротъ своихъ люльку, какъ бы приглашая въ нее подкидышей, а не посылаетъ даже разъ въ два мѣсяца своего доктора, чтобы узнать живы ли эти несчастныя созданія!.. И это то самое земство, которое съ такой помпой человѣколюбія вотировало постройку Бурашева!!..

«Во 2-хъ, продолжаетъ управа, —относительно живущихъ въ самомъ домѣ, оставляя уже въ теперешнемъ видѣ крайне плохую обстановку самыхъ меньшихъ дѣтей, нельзя не обратить нѣкотораго вниманія на воспитаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя, благодаря *счастливой случайности*, пережили періодъ перваго дѣтства...»

На этотъ разъ искренность управы переходитъ просто въ цинизмъ; но благодаря ему, бытъ питомцевъ сиропитательнаго заведенія обрисовывается достаточно ясно. Больные, голодные, они выживаютъ только благодаря *счастливой случайности*, и затѣмъ бросаются на произволъ судьбы въ чужія семьи, безъ надзора, безъ доктора и безъ воспитанія. Жестока та мать, что положитъ свое дитя въ гостепріимныя земскія ясли.

Новоторжское благотворительное общество открыто 29 апрѣля 1880 года при составѣ изъ 3 почетныхъ членовъ и 81 дѣйствительныхъ. Званіе почетныхъ членовъ предоставлено было потомственнымъ почетнымъ гражданамъ братьямъ Вавулинымъ, за пожертвованный ими капиталъ въ 10,000 р. Расходъ общества въ 1880 г. былъ 973 р. 40 коп. Въ 1881 году всѣхъ членовъ было уже 101 человѣкъ; доходъ его увеличился до 9,276 руб. 17 к., а расходъ до 4,125 руб. Въ 1882 г., вслѣдствіе поступленія въ общество значительныхъ фондовъ, средства его сразу поднялись до 24,000 руб., изъ которыхъ израсходованы только % въ размѣрѣ 4,708 руб. 36 к., вмѣстѣ съ членскими и другими поступленіями. Въ 1883 году расходъ общества возвысился до 6,341 р. 78 к., а всего капиталовъ, хранящихся въ правленіи общества и въ другихъ учрежденіяхъ, было 35,190 р. 38 к.

Нельзя не порадоваться сердечно такому успѣшному веденію дѣла благотворительности въ г. Торжкѣ. Нельзя и не подивиться этой готовности новоторжскаго общества идти на встрѣчу всякимъ жертвованіямъ и все кричать: «денегъ нѣтъ, грабятъ!» Изъ ничего, въ три года, создать солидный капиталъ, вполнѣ достаточный для обезпеченія необходимѣйшихъ нуждъ 500 бѣднѣйшихъ семействъ города—это заслуживаетъ вниманія...

Въ отношеніи народнаго образованія, г. Торжокъ обставленъ достаточно хорошо. Въ немъ есть 3 народныя городскія училища, содержимыя на счетъ городовъ, 1 народное училище пополамъ отъ земства и 1 училище земское. Кромѣ того, въ городѣ есть городское училище съ субсидіей отъ правительства, женская прогимназія, то же съ субсидіей правительства, духовная и учительская семинарія—на средства исключительно правительства. Городскія народныя училища носятъ обыкновенно названія учредителей, какъ-то: «Остолопов-

ское», «Тетюхинское», и пр.; курсъ имѣютъ 3-хъ-годичный, а для преподаванія—учителя, учительницу и священника. Приблизительно составъ учащихся простирается отъ 85—130 учениковъ.

Земское училище съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ имѣетъ двухъ учителей, одну учительницу и законоучителя. Помѣщенія, за исключеніемъ одного городскаго училища, и тѣсны и невзрачны. Занятія начинаются съ первыхъ дней сентября и кончаются въ маѣ. Пять уроковъ въ день (въ настоящемъ году прибавили пятый), изъ нихъ, между чистописаніемъ, ариѳметикой и диктовкой, только 2 часа въ недѣлю полагается на Законъ Божій. Сами священники мнѣ говорили, что это слишкомъ мало, что они просили прибавить еще часъ, но «другіе учителя, молъ, обижаются. Не хотятъ отдавать своихъ уроковъ.»

Всѣ эти училища состоятъ въ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ и приготовляютъ учениковъ на льготный экзаменъ 2-го разряда.

Городское 4-хъ-классное училище помѣщается довольно широко и удобно. Въ немъ преподаваніе ведется 4 учителями, каждымъ по своему классу и по всѣмъ предметамъ. Учителя ведутъ свой классъ четыре года до окончательнаго экзамена. Нельзя не признать поэтому справедливы сѣтованіями горожанъ, что ихъ дѣти что-то плохо учатся и не могутъ по окончаніи училища выдержать экзамена даже во 2-й классъ гимназіи. И странно было бы требовать отъ нихъ этого, такъ какъ странно требовать отъ одного учителя знанія всѣхъ предметовъ. Но городъ плачется, а дѣлать ничего не дѣлаетъ, ибо говоритъ: «средствъ нѣтъ».

Женская прогимназія помѣщается въ одномъ зданіи съ богадѣльней, въ крошечномъ двухъ-этажномъ флигелѣ. Въ ней 4 класса и одинъ приготовительный. Ученицъ около 200, нѣсколько учительницъ, начальница и учителя изъ учительской семинаріи, преподающіе чуть-ли не даромъ. Эти двѣсти почти взрослыхъ дѣвочекъ жмутся въ нѣсколькихъ тѣсныхъ комнатахъ, не имѣя въ перемѣну ни корридора, ни рекреаціонной залы. Просто смѣхъ смотрѣть на скамьи и ученицъ, сидящихъ какъ-то особенно бочкомъ...

«Средствъ нѣтъ», кричитъ опять городъ. «Вывели-бы войска, мѣста было бы вдоволь. Еще парочку училищъ открыли-бы.»

Учительскую семинарію смѣло можно назвать украшеніемъ г. Торжка. Просторное двухъ-этажное зданіе, на краю города, на шоссе, выстроенное только годъ назадъ, на мѣсто сгорѣвшаго деревяннаго, не можетъ не остановить на себѣ взора прохожаго и проѣзжаго—такъ оно изящно, просто и мило. На лицевой сторонѣ его, подъ 2-мъ этажемъ по красному фону кирпичей, красуется черными буквами широкая надпись заведенія. Кругомъ, обширный плацъ, на которомъ раскинуты красивые деревянные флигеля для учителей и директора и съ краю почти у самаго шоссе, неоконченное еще зданіе двухъ-класснаго народнаго училища. Передъ зданіемъ семинаріи разбитъ садъ, а за нимъ рѣшетка, отдѣляющая заведеніе отъ шоссе. Двое воротъ ведутъ къ двумъ подъѣздамъ семинаріи съ каждой стороны зданія. Сзади—отлогій спускъ къ Тверцѣ, прихотливо извивающейся здѣсь между густыми зарослями, а нѣсколько далѣе—между желтыми полями и зелеными лугами.

Въѣхавши въ эти ворота, трудно сказать, что находишься въ городѣ: такъ здѣсь просторно и привольно.

Внутренность семинаріи нисколько не роняетъ ея внѣшняго вида. Нижній этажъ занятъ спальнями, столовой и шинельной. Широкій корридоръ дѣлитъ его на двѣ части.

Во-второмъ этажѣ классы и церковь. Всѣхъ классовъ три; по случаю пожара не было пріема и въ настоящее время существуетъ только 2 класса. Въ нихъ 38 учениковъ, преимущественно крестьянъ, болѣе успѣшно кончившихъ сельскія училища. Пріемъ отъ 16—18 лѣтъ. Предметы преподаванія: Законъ Божій, Русскій языкъ, Исторія, Географія, Математика, Чистописаніе и Педагогика. Кромѣ того начальныя понятія о физикѣ и химіи, для чего имѣется физическій кабинетъ, и пѣніе. Для каждаго предмета есть особый учитель; педагогику преподаетъ самъ директоръ. Учителя получаютъ по 100 руб. въ мѣсяцъ, при готовыхъ квартирахъ и отопленіи. Уроки идутъ утромъ вплоть до обѣда и послѣ обѣда, а вечеромъ—ремесла и приготовленія на слѣдующій день. Такъ что рекреаціонное время только съ 1 часу до 3-хъ, когда обѣдаютъ.

Церковь еще не отдѣлана, но, судя по тому, что ужь сдѣлано, и по украшеніямъ ея, привезеннымъ изъ Москвы, отъ Постникова,—это будетъ маленькій ше-девръ. Церковь помѣщается на краю зданія, во всю ширину его и изъ оконъ ея открывается роскошная кар-

тина окрестностей. Съ другаго краю зданія, изъ оконъ корридора, виденъ почти весь городъ, особенно заречная часть его.

Маленькое зданіе школы строится вновь, чтобы дать практическія занятья оканчивающимъ курсъ семинаристамъ. Тамъ будутъ два класса и будутъ приниматься мальчики изъ города и уѣзда. Въ этомъ-же зданіи помѣстится обширная ремесленная мастерская.

Зданіе семинаріи стоитъ, трудно повѣрить, 18 тыс. руб. Зданіе школы—6 тысячъ. Съ подряду меньше 40 тысячъ никто и не взялся бы ихъ строить, а хозяйственнымъ образомъ директоръ семинаріи выстроилъ все за 24 тыс. На церковь и на окончаніе постройки пожертвовано купцомъ Кузьминыхъ около 15 тыс. руб., съ тѣмъ, чтобы во имя его сына былъ построенъ въ церкви одинъ придѣлъ. Директоръ семинаріи, происхожденіемъ, какъ мнѣ говорили, изъ крестьянъ, кончилъ университетъ и долгое время былъ учителемъ въ этой-же кажется семинаріи. Г. министръ народнаго просвѣщенія его лично знаетъ и вѣроятно цѣнитъ, если ввѣрилъ ему семинарію. И надо сознаться, врядъ-ли нашелся бы другой, лучше оправдавшій его довѣріе, лучше поставившій учительскую семинарію.

Сектантъ Сютаевъ.

Въ 30 верстахъ отъ г. Торжка, въ Повѣдской волости, въ деревнѣ Шевелинѣ, живетъ, давно извѣстный уже многимъ изъ газетъ, основатель секты «сютаевцевъ»,—Василій Кириллов Сютаевъ. Еще въ Твери дали мнѣ нѣкоторыя общія указанія на эту секту и совѣтовали непремѣнно побывать у Сютаева. Въ Торжкѣ я полагалъ найти болѣе подробныя указанія и потому отложилъ всѣ справки до пріѣзда сюда. Здѣсь, первымъ дѣломъ, я обратился къ исправнику и, благодаря его безности, узналъ довольно много по вопросу о такъ называемыхъ «сютаевцахъ».

Новоторжскій исправникъ, баронъ фонъ-Мирбахъ, имѣлъ не мало возни съ Сютаевымъ, не мало говорилъ съ нимъ и не мало слушалъ его. Онъ знакомъ съ его ученіемъ уже давно, чуть-ли не съ первыхъ дней, когда только глухо стали носиться слухи о Сютаевѣ, и, по роду своей службы, былъ, такъ сказать, проводникомъ всѣхъ мѣръ, предпринятыхъ администраціей.

Баронъ Мирбахъ занимаетъ настоящую должность уже 8 лѣтъ, знаетъ хорошо уѣздъ и службу и, какъ человѣкъ вполнѣ образованный и интеллигентный, умѣетъ относиться къ вещамъ не только съ служебной точки зрѣнія. Поэтому его мнѣнія о Сютаевѣ и о сютаевцахъ заслуживаютъ особаго вниманія, и я считаю своимъ долгомъ привести ихъ въ этомъ письмѣ съ возможною точностью. Начну прежде съ біографіи Сютаева.

Сютаевъ, по роду занятій, каменьщикъ, съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Петербургѣ и работалъ тамъ надъ монументами у барона Корфа. Хорошій и прилежный работникъ, онъ вскорѣ заслужилъ любовь и довѣріе своего хозяина, который и ссудилъ его спустя нѣкоторое время извѣстной суммой на покупку и устройство своего собственнаго

магазина. Магазинъ этотъ былъ на Волковомъ и въ немъ стали торговать Сютаевъ съ старшимъ сыномъ. Торговля монументами, извѣстно, не отличается бойкостью. Одинъ, два покупателя въ день—это очень много. Сютаевъ заскучалъ. На старости почти лѣтъ сталъ онъ учиться грамотѣ и, читая съ грѣхомъ пополамъ, отправился къ знакомому священнику просить его совѣта насчетъ выбора книгъ для чтенія. Священникъ посовѣтовалъ ему безпремѣнно прочитать Евангеліе и Тихона Задонскаго. «Безъ этого человѣкъ жить по Божески не можетъ» сказалъ онъ ему. Вотъ и отправился Сютаевъ въ сунодальную лавку и купилъ означенныя книги.

Въ темномъ помѣщеніи лавки, среди глубокой кладбищенской тишины, окруженный надгробными памятниками, сталъ онъ не отрываться тогда отъ своего Евангелія и Тихона Задонскаго: читалъ, перечитывалъ, вдумывался, углублялся и, наконецъ, сталъ дѣлать собственные выводы. Ключемъ къ этому послужили ему слова Евангелія: «Собирайтесь и толкуйте Евангеліе». Онъ весь встрепенулся, прочтя ихъ, и сталъ тогда толковать каждое слово, каждый текстъ. Онъ не дѣлалъ скорыхъ выводовъ, онъ не отрицалъ всего сразу, онъ постепенно, терпѣливо и неотступно шелъ все впередъ, создавая себѣ образы жизни, диктуемой ему Евангеліемъ, и когда оглянулся назадъ, на жизнь, прожитую имъ, окружавшую его, онъ увидалъ все несоотвѣтствіе ея съ *той* жизнью, и сказалъ себѣ «вездѣ ложь, всюду неправда, въ каждомъ человѣкѣ злоба». Вдвоемъ съ сыномъ читаютъ они святое писаніе и все глубже проникаются этой идеей Наконецъ одинъ случай рѣшаетъ ихъ судьбу. Пріѣхалъ покупатель за монументомъ. Старикъ Сютаевъ продалъ ему монументъ съ отбитымъ и какъ-то искусно приложеннымъ краемъ. На вопросъ покупателя, хорошъ-ли камень, онъ увѣрилъ его, что камень «первый сортъ». Покупатель заплатилъ и уѣхалъ. Тогда сынъ Сютаева, долго что-то обдумывавшій, подходитъ къ отцу и говоритъ:

— Ты, отецъ, торгуй, а я не буду...

— Что такъ?

— Такъ! Не по христіански это... Надуваемъ мы народъ Божій... Я лучше въ поденьщики пойду...

Молодой Сютаевъ въ самомъ дѣлѣ ушелъ отъ отца и нанялся въ простые каменоломы. Впослѣдствіи, когда отецъ его былъ уже въ деревнѣ, онъ бросилъ и это занятіе и пріѣхалъ къ нему.

А его отецъ, послѣ ухода сына, сталъ самъ какъ не свой. Поторговалъ, помаялся еще нѣкоторое время и рѣшился. Продалъ магазинъ, деньги, какъ говорятъ, роздалъ всѣ нищимъ, векселя разорвалъ и отправился къ себѣ въ деревню устроить настоящую жизнь «по духу». У земли, у «матушки земли», у «Богомъ данной намъ земли», должны, по его мнѣнію, жить въ мирѣ и согласіи всѣ люди, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій.

Тамъ мнилъ онъ устроить ту жизнь, которую вычиталъ между строками Евангелія, которая манила его ужь такъ долго и въ которой все должно было быть любовь и счастіе...

Пріѣхавши въ родную деревню, онъ сталъ обдумывать какъ провести на дѣлѣ его излюбленныя мечты, съ чего начать.

Недолго думавши, онъ прибѣгаетъ къ такому средству.

Проситъ созвать сходъ и безъ всякихъ предисловій обращается къ первому ближе стоящему къ нему мужичку:

— Скажи, Митрій, ты воръ?..

— Нѣтъ, съ чего это ты...

— А ты, Ѳома?...

— Нѣтъ!

— А ты, Ѳаддей?..

— Нѣтъ!

Такъ переспросилъ онъ всѣхъ своихъ сосѣдей, а потомъ и говоритъ:

— И я не воръ! Такъ зачѣмъ-же мы живемъ всѣ точно воры какіе? Все-то у насъ на замкѣ, на запорѣ, вездѣ изгородки... И клѣти, и хлѣвы, и амбары все мы запираемъ?.. Што-жъ это мы дѣлаемъ, если мы не воры и любимъ другъ друга?.. Глядите, братцы, я все отопру... Нѣтъ у меня больше замковъ..

И дѣйствительно, въ тотъ-же день у Сютаева не было ужь ни одного замка. Его амбаръ, полный хлѣба, хлѣвъ, набитый скотомъ, сундуки, богатые платьемъ и всякимъ скарбомъ, день и ночь стали открытыми для всѣхъ и каждаго.

Крестьянамъ, односельчанамъ Сютаева, такая выходка его показалась сначала чудачествомъ, блажью. Потомъ родилась мысль, что не спроста все это.

— У Сютаева вѣрно что нибудь не ладно въ амбарѣ... говорили между собой мужики и суевѣрный страхъ держалъ ихъ нѣкоторое

время далеко отъ настежь раскрытыхъ дверей. Потомъ любопытство стало брать верхъ и по одиночкѣ, крадучись, стали они заглядывать въ амбаръ. Заглянулъ одинъ, осмотрѣлся, увидалъ, что все ладно, хлѣба много и, недолго думая, стащилъ одинъ мѣшокъ; заглянулъ другой—стянулъ другой мѣшокъ, заглянулъ третій, четвертый, десятый и мѣшки таяли да таяли, пока совсѣмъ не растаяли. Пропала изъ хлѣва телка, другая, изъ конюшни лошадь, изъ сундука исчезла связка платья:—Сютаевъ наконецъ опомнился, осмотрѣлся. Онъ былъ почти обобранъ.

— Что-же это, братцы?.. добродушно заговорилъ онъ тогда. Такъ нельзя! Это не по братски... Не по христьянски... Вы говорили воровъ нѣтъ, анъ у меня-то все и разграбили... Приди, попроси добромъ,— все дамъ, а такъ нельзя, не по духу.. Сютаевъ съ горькимъ разочарованіемъ долженъ былъ вернуться къ жизни «по плоти» и запереть почти пустые амбары и клѣти.

У Сютаева умеръ ребенокъ. Отправляется онъ къ священнику и проситъ похоронить его. Священникъ выговариваетъ себѣ извѣстную плату за это, на что Сютаевъ не соглашается, идетъ домой и самъ зарываетъ ребенка въ подпольи.

Это былъ первый случай открытаго протеста его противъ обрядовъ православной Церкви. Окончательной-же причиной къ совершенному отъ нея отпаденію послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ какой-то праздникъ къ Сютаеву пришелъ въ гости попъ, уже нѣсколько охмѣлѣвшій. Сютаевъ, радый случаю, сейчасъ-же за Евангелье и къ попу:

— Объясни ты мнѣ, батюшка, на счетъ энтаго крещенія..

— Какого еще, говоритъ попъ, тебѣ крещенія? Палкой окрестить что-ль?

Сютаевъ сталъ ему объяснять, да распространяться. Попъ совсѣмъ обозлился.

— Зналъ-бы, говоритъ, въ купели тебя утопилъ... и цѣлый потокъ бранныхъ словъ, вслѣдъ за этимъ, посыпался на Сютаева. Сютаевъ не унываетъ и опять къ батюшкѣ.

— Объясни ты мнѣ, батька, ишо одно мѣстечко. Вонъ пишутъ, въ Посланіи къ Евреямъ, 10-я глава: «И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приноситъ однѣ и тѣ-же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ»... О чемъ тутъ рѣчь? Какія, такія жертвы? Причастье что-ль?.. И онъ далъ въ руки попу Евангелье. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и, со словами: «яйца курицу не учатъ», швырнулъ Евангелье черезъ дверь. Сютаевъ остолбенѣлъ, потомъ весь закипѣлъ и не своимъ голосомъ произнесъ:

— Что-ты, батька, надѣлалъ?.. Вѣдь это ты слово Божье!.. Вѣдь оно у тебя на алтарѣ стоитъ, на престолѣ... энто самое, корешекъ только въ бархатѣ... Это ты такъ Христовы слова... Да чтобы я тебя больше принялъ у себя... нѣтъ! Волкъ ты, а не учитель! Слѣпецъ!... А коли слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму чубурахнутся... Нѣтъ! Ступай!... Не надоть мнѣ тебя!..

Такъ совершился окончательный разрывъ Сютаева съ Церковью.

Для поддержанія истины, вынужденъ записать этотъ прискорбный случай, офиціально извѣстный мѣстнымъ властямъ. Оговариваюсь однако, что это случай давно прошедшій и исключительный и что виновный тотчасъ-же, какъ сталъ онъ извѣстенъ, былъ смѣненъ.

Но дѣло было уже сдѣлано и Сютаевъ слишкомъ крѣпко стоялъ на своемъ пути, слишкомъ вѣскіе имѣлъ доводы въ подкрѣпленіе своихъ отрицаній, своихъ новыхъ началъ новой вѣры (если такъ можно ее назвать), что и новый, присланный архіереемъ Саввою священникъ, при всемъ желаніи, не могъ возвратить ужь его на путь истины. Сютаевъ сталъ открыто проповѣдывать свои отрицанія, свои мечты, свои вѣрованія, но... не совсѣмъ удачно.

Два, три фанатика, изъ мужиковъ сосѣднихъ деревень, слѣпо подчинились его ученію и стали отраженіями нашего Сютаева. Десятка два другихъ слушали его съ вниманіемъ, одобряли, вздыхали, но не рѣшались такъ рѣзко порвать со всѣмъ старымъ и стать во вражду съ существующими порядками. Еще нѣсколько десятковъ слушали его, во многомъ соглашались, но многое и критиковали, находя это несбыточнымъ, невозможнымъ, нескладнымъ. Остальные или слушали его равнодушно, почитая «рехнувшимся», или принимая мѣры болѣе репрессивныя и болѣе ощутительныя. Такъ, въ деревнѣ Яконовѣ, куда пришелъ онъ проповѣдывать, его такъ отдули, что «ажъ-но разсудокъ помутился...» какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, добродушно улыбаясь. «Какъ овца глупая, уходилъ я отъ нихъ... вѣрите-ли». И я вѣрилъ, смотря на его тщедушную, почти дѣтскую фигуру. Въ Торжкѣ, гдѣ пробовалъ онъ проповѣдывать на площади, его забросали грязью. Въ лавкахъ, куда ходилъ онъ, забиралъ товары и уносилъ не платя, «по

духу», его спускали въ шею съ лѣстницы. Словомъ, много онъ встрѣтилъ терній на своемъ проповѣдническомъ пути.

Тогда-же и администрація, переполошившаяся преувеличенными газетными сообщеніями и особенно статьей въ «Русской Мысли» г. Пругавина, приняла нѣсколько рѣшительныхъ мѣръ. Къ Сютаеву былъ посланъ слѣдователь для допроса. Потомъ для увѣщанія, отъ святѣйшаго сvнода, завѣдующій сvнодальной лавкой; потомъ еще для допроса жандармскій офицеръ вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора. Но ни слѣдствіе, ни бесѣды посланнаго отъ сvнода не принесли серьезныхъ результатовъ. Ученіе Сютаева было такъ дѣтски-наивно, доводы такъ безвредны, что серьезныхъ какихъ мѣръ принимать по отношенію къ нему и его послѣдователямъ не представлялось повидимому необходимымъ. Однако, въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ Сютаевъ сталъ свои мечты осуществлять на дѣлѣ, не обошлось безъ суда и наказанія. Первый такой случай—былъ отказъ Сютаева платить подати. Волостной старшина самъ явился къ нему за деньгами.

— Да ты скажи, братецъ, кому-отъ платить-то оброкъ?..

— Не наше дѣло разсуждать! Сказано плати...

— Да я и заплачу, съ удовольствіемъ даже. Только ты скажи, для кого ты собираешь подати?.. Вѣдь энтакъ нельзя! Надо растолковать... Вотъ тебѣ Евангеліе...

— Буду я съ тобой еще толковать! Евангеліе приплелъ... Сказано—давай и шабашъ!

— Нѣтъ, милый мой! Не годится такъ. Не по духу это ты требуешь. Вонъ тутъ въ Евангеліи сказано: «*не понуждай...*»

— Да будешь ты платить наконецъ, али нѣтъ? прервалъ его грозно старшина.

Сютаевъ закипѣлъ.

— Такъ нѣтъ-же тебѣ ни гроша! Ступай отъ меня... Ты хищникъ...

Съ помощью понятыхъ выломали двери его клѣти и хлѣва, вывели скотъ, продали и удержали подати. Еще разъ повторилась та же исторія, опять вывели скотъ и продали. Онъ былъ преданъ окружному суду и приговоренъ къ трехмѣсячному заключенію, которое было сокращено до 7 дней. Съ обычной добродушной усмѣшкой, на этотъ разъ нѣсколько горькой, отправился Сютаевъ и въ острогъ.

— И тамъ лю.и есть, поятъ, кормятъ... можно и тамъ любовь проповѣдывать... говорилъ онъ мнѣ на мой вопросъ объ острогѣ.

Слѣдующій случай былъ съ его сыномъ, самымъ рьянымъ изъ его учениковъ, при призывѣ по отбыванію воинской повинности. Онъ отказался принять присягу и взять въ руки ружье.

— Зачѣмъ я буду клясть"я, коли сказано въ Писаніи: «Не клянитеся всяко, но да будетъ ваше слово: да-да и ни-ни», горячо спорилъ молодой Сютаевъ.—Къ чему теперича я буду клятву держать?.. «Къ пролитью крови?» «До послѣдней капли!» Да нешто энто возможно?... Гдѣ-же энто сказано, чтобы другъ дружку бить, колоть, кровь человѣческую проливать, а?..

Когда настаивали, чтобы онъ взялъ въ руки ружье, онъ говорилъ:

—Зачѣмъ мнѣ его брать? Для убивства вѣдь оно! А кого-жъ убивать, когда мы всѣ братья?..

Молодаго Сютаева отправили въ арестанскія роты въ крѣпость Шлиссельбургъ, какъ говоритъ его отецъ.

Затѣмъ, при вступленіи на престолъ Государя Императора, старикъ Сютаевъ тоже отказался присягнуть, приводя въ оправданіе себѣ тѣ же слова Евангелія.

— Я и такъ дамъ слово... Мое слово вѣрно... Зачѣмъ-же понуждать?.. Исправникъ и просилъ его и грозилъ, онъ все свое. Тогда священникъ началъ увѣщать его. Но и тотъ пробился напрасно нѣсколько часовъ. Сютаева опять посадили подъ арестъ, и только тогда онъ присягнулъ.

Въ продолженіе почти послѣднихъ лѣтъ онъ безпрерывно находится подъ слѣдствіемъ, или судомъ, за принадлежность къ ереси, за некрещеніе внуковъ, за погребеніе въ неуказанномъ мѣстѣ, за отдачу своей дочери въ сожительство съ сыномъ своего единомышленника, безъ вѣнчанія, за проповѣди въ общественныхъ мѣстахъ и проч. И въ настоящее время у его сына родился ребенокъ, котораго онъ не креститъ... Сютаеву въ настоящее время 58 лѣтъ; у него 4 сына, изъ которыхъ два на работахъ (каменьщики) въ Петербургѣ, 2 въ солдатахъ, и дочь, красавица въ полномъ смыслѣ слова, отданная отцомъ замужъ безъ вѣнчанія...

Такъ что, что-же онъ собственно отрицаетъ? спросилъ я у г. фонъ-Мирбаха, когда онъ нарисовалъ мнѣ приблизительно въ этомъ родѣ біографію Сютаева.

— Да все. Церковь, иконы, всѣ религіозные обряды, всѣ святыя таинства. Въ церковь не ходитъ; потому что тамъ поютъ и читаютъ на не непонятномъ ему языкѣ, что тамъ нѣтъ правды, такъ какъ молитвы и самыя таинства покупаются за деньги. Иконы вынесъ изъ избы, потому что считаетъ поклоненіе имъ идолопоклонничествомъ: «Единъ Богъ...» говоритъ онъ, «и Ему поклоняйтесь». Крестить не хочетъ, потому что отъ этого люди не живутъ лучше. Причастье тоже ни къ чему не служитъ. Крестное знаменіе, посты, молитвы и пр. все это пустая внѣшняя обрядность, не дѣлающая насъ лучше, чѣмъ мы есть, а наоборотъ, оскверняемая нами постоянно нашимъ зломъ. Вотъ въ чемъ вся его вѣра.

— Да, это отрицательная! А положительная?

— Любовь!.. Общая, міровая, такъ сказать любовь, дѣлающая все общимъ, устраняющая всѣ пререканія, всю злобу людскую.

— А въ чемъ же вся обрядовая сторона Сютаевской секты, если таковая есть?

— Какъ-же! У нихъ всѣ молитвы и кресты замѣняетъ толкованіе Евангелія. Для этого они собираются другъ у друга и ведутъ безконечные споры. Самъ Сютаевъ такъ пристрастился къ разговорамъ о вѣрѣ, что всегда, съ кѣмъ угодно и сколько угодно, готовъ толковать о вѣрѣ, лишь-бы только имѣлось у кого на это желаніе. У него просто религіозная манія, по моему.

— Но вы, вотъ, говорили съ нимъ, убѣждали его, что онъ во многомъ заблуждается?

— Какъ-же!

— Что-же онъ на это?

— Да какъ вамъ сказать?.. Ужасно трудно запомнить послѣдовательно его отвѣты. У него попадаются глубокія по смыслу фразы, но связи между ними никакой. Просто нельзя услѣдить. Прыгаетъ съ одного предмета на другой, съ одной мысли на другую, съ одного текста на другой. Его спрашиваешь одно, а онъ ужь другое совсѣмъ... Впрочемъ, когда я ему возражалъ противъ его отрицанія обрядовъ православной Церкви и таинствъ, онъ простодушно отвѣчалъ мнѣ, что можетъ я и правъ. Только нужно ему такого человѣка, который разъяснилъ бы ему это все и доказалъ. Напримѣръ, хоть приходскій священникъ. Если бы туда послать особенно умнаго священника, я увѣренъ, Сютаевъ сталъ-бы самымъ ревностнымъ христіаниномъ. Онъ увлекся бы также православіемъ, какъ теперь увлекается отрицаніемъ его. Главное только, нуженъ примѣръ хорошей, честной жизни въ священникѣ. А тамъ, послѣ дѣла, словами ужь очень мало останется доканчивать. Сютаевъ лютъ на ласку, на любовь, какъ муха къ меду.

— А какого вы мнѣнія о соціальномъ вредѣ Сютаевскаго ученія?.. Въ смыслѣ—разлагающемъ государственно-общественные элементы!..

— Видите! По самому существу его, при дальнѣйшемъ его развитіи, нельзя не признать его вреднымъ. Оно всетаки частью посягаетъ на Верховную Власть, на право собственности, на права сословныя. Только такъ наивны, такъ химерны и такъ глубоко чисты въ то же время его представленія о жизни, о власти и о всемъ, что, право, нѣтъ ни малѣйшей серьезной опасности за распространеніе его ученія.

Не говоря уже о правилахъ «обчей» жизни, какъ онъ ее называетъ, послушайте, напримѣръ, что онъ говоритъ о Верховной Власти. Онъ того мнѣнія, что власть *должна* быть! Только какая? Такая, которая управляла бы міромъ посредствомъ слова Божія, разумѣя подъ этимъ братскія отношенія власти ко всѣмъ, безъ исключенія, подданнымъ... Есть ли тутъ опытность политическая?.. На моихъ глазахъ вѣдь все уменьшается число его послѣдователей. Теперь не больше пяти семействъ, а то можетъ и того меньше. Трудно вѣдь быть сютаевцемъ, очень ужь строги правила... Маникъ онъ, вотъ что я вамъ скажу, но человѣкъ крайне честный и искренній. Такихъ не много...

— Такъ, по вашему мнѣнію, это дѣло раздуто?..

— Раздуто, положительно. И знаете кѣмъ?.. Пругавинымъ.

— Кто это такой?

— Вы не читали развѣ «Русской Мысли?» Тамъ цѣлая статья о Сютаевѣ.

— Къ сожалѣнію, не читалъ. Разскажите о немъ нѣсколько.

— Пругавинъ пріѣзжалъ сюда въ 1881 году, отъ географическаго общества, членомъ котораго онъ состоялъ, для изученія Сютаевской секты. Пробылъ онъ у Сютаевцевъ дней восемь, много говорилъ съ ними, особенно съ самимъ Сютаевымъ, и вотъ въ результатѣ этихъ бесѣдъ появилась цѣлая статья въ «Русской Мысли» подъ названіемъ: «Алчущіе и жаждующіе правды».

— Что же, хорошо написана? Вѣрно?..

— Хорошо-то хорошо! Онъ за нее 500 рублей получилъ. Только онъ это напрасно сдѣлалъ. Не слѣдовало. Онъ бредъ маника облекъ въ послѣдовательныя, осязательныя, такъ сказать, формы. И результаты не замедлили.

— Какіе же?..

— Да вѣдь спустя малое время послѣ этой статьи, Сютаева посѣтили какіе-то господа и оставили у него прокламаціи. Увѣряли его, что тамъ проповѣдуется тоже жизнь «по духу».

— Ну, и что же?

— Онъ сначала-было повѣрилъ, сунулся съ ними къ другимъ крестьянамъ; но когда дѣло выяснилось, самъ же первый принесъ ихъ къ волостному.

— Ему одному дали прокламаціи?

— Были только у него! Въ другихъ мѣстахъ подбрасывали. А потомъ, когда одного изъ нихъ крестьяне поймали и онъ удралъ, стали приходить письма, все адресованныя только Сютаевцамъ. Въ статьѣ Пругавина прямо ихъ адресы есть. Я первое распечаталъ — прокламація. Остальныя ужь прямо по почерку задерживалъ. Все прокламаціи..

— Скажите, пожалуйста! Мнѣ говорили, что у Сютаевцевъ учился графъ Толстой?

— Т.-е. онъ былъ только у Сютаева.

— Давно?

— Нѣтъ, въ 82 году, скоро послѣ Пругавина. Онъ гостилъ тогда у Бакунина, въ Прямухинѣ, вмѣстѣ съ нимъ и заѣзжалъ въ Шевелино...

— И что-жъ?

— Да они и не застали Сютаева. Онъ въ то время въ городѣ былъ Толстой ему оставилъ 10 рублей при запискѣ.

— А не знаете ли содержанія ея?

— Приблизительно, кажется, вотъ что: «Очень сожалѣю я, что не засталъ многоуважаемаго Сютаева, брата по Христу. Оставляю 10 руб. на дорогу, жду у себя въ Москвѣ». Затѣмъ адресъ.

— И былъ у него Сютаевъ?

— Какъ же, сейчас поѣхалъ.

— И вы спрашивали его что нибудь объ этой поѣздкѣ?

— Спрашивалъ, да онъ ничего путнаго не разсказалъ. Возили его куда-то, былъ онъ у какихъ-то княгинь, графинь. Проповѣдывалъ онъ тамъ, цѣловали его какія-то красавицы. Словомъ, не разберешь. Только, когда онъ говорилъ о красавицѣ, я ему и говорю: «А-я-яй, Сютаевъ! Какъ тебѣ не стыдно! Старикъ, а туда же....»—«Да вѣдь я по духу... Сестра, значитъ она мнѣ! Кабы по плоти... а то душевно я вѣдь...»

— А объ самомъ Толстомъ онъ ничего не разсказывалъ?

— Нѣтъ, ничего!.. Съ нимъ по дорогѣ, знаете, курьезъ маленькій случился. Какъ узнали это, что онъ куда-то собирается, а онъ былъ подъ слѣдствіемъ тогда, за нимъ послали двухъ переодѣтыхъ жандармовъ. Вотъ ѣдутъ они вмѣстѣ, Сютаевъ всю дорогу и проповѣдуетъ. Доѣхали до Москвы, тутъ что-то они сдѣлали, ему и показалось подозрительно. Такъ узналъ вѣдь одного. Одинъ изъ жандармовъ къ нему раньше еще пріѣзжалъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ на него да и говоритъ:

— Не по духу ты со мной говоришь! Не по духу ты мнѣ братъ!..

— А что?..

— Не знаю, братъ, только ты энто хитришь... Ну и началъ его отдѣлывать, на вокзалѣ, при публикѣ, срамить. «Не по духу», да и только. Такъ тотъ писалъ потомъ, что насилу и ноги унесъ...

— Скажите еще одно! Знаетъ Сютаевъ, что про него столько кричатъ? Что онъ столько шуму надѣлалъ?

— Вотъ это-то и плохо, что знаетъ. Опять тутъ Пругавинъ виноватъ. Вздумалъ ему присылать оттиски своей статьи. Онъ и сталъ ходить съ ними по деревнямъ да показывать. «Вотъ, молъ, вы говорили, что я дуракъ, анъ выходитъ, что совсѣмъ не дуракъ, коли про меня такъ много пишутъ. Въ волостномъ правленіи я приказалъ задержать слѣдующіе нумера. Но онъ ихъ какъ-то получилъ, все-таки, стороной. Это, по моему, больше всего вреда принесло; и самъ онъ на себя и другіе на него стали смотрѣть съ тѣхъ поръ съ большимъ уваженіемъ, съ большой вѣрой...

Третьяго-дня я проѣхалъ съ исправникомъ къ Сютаеву, вчера возвратился и сегодня записываю эти строки. Вчерашній день я

посвятилъ на прочтеніе статьи г. Пругавина, такъ какъ не желалъ въ своемъ письмѣ повторяться. Статья написана очень талантливо и очень полно. Мнѣ бы оставалось только сложить перо, если бы я хотѣлъ ее дополнять. Но, и не посягая на это послѣднее, я позволю себѣ только въ краткихъ словахъ изложить мое впечатлѣніе отъ Сютаева настоящаго и Сютаева г. Пругавина. Я съ Сютаевымъ говорилъ часа четыре, г. Пругавинъ 8 дней. Весьма возможно, что г. Пругавинъ и правъ, но и я, съ своей стороны, не кладу оружія, ибо, по моему, слишкомъ достаточно четырехъ часовъ, чтобы составить себѣ полное понятіе о Сютаевѣ. Скажу болѣе! Я бы *физически* не могъ говорить съ нимъ дольше, оставаясь на почвѣ только его религіозныхъ вѣрованій...

И такъ, начну прежде съ моихъ личныхъ впечатлѣній...

Мы выѣхали съ г. исправникомъ часа въ 4, чтобы засвѣтло еще добраться до Шевелина. Но, благодаря отвратительной, описанію не поддающейся, дорогѣ (состоитъ въ вѣдѣніи земства), мы въ 8 часовъ еще были верстъ за 7 отъ Шевелина. Темь, рытвины, пронизывающій холодъ заставили насъ перемѣнить первоначальный планъ. Исправникъ полагалъ проѣхать лучше въ село Повѣдь, куда было ближе и гдѣ у волостнаго старшины мы могли бы найти болѣе сносный ночлегъ. Сютаевъ, по его мнѣнію, уже спалъ и встревожить его ночью было бы неудобно. Такъ мы и сдѣлали. Кое-какъ въ 9-мъ часу добрались мы до Повѣди, съ опасностью жизни спустились къ рѣчкѣ, проѣхавъ шаткій мостъ, круто поднялись и остановились у домика волостнаго правленія. За темнотой я не могъ разобрать его наружнаго вида.

У крыльца очутился черезъ мгновеніе человѣкъ со свѣчкой, въ рыжей курткѣ, наброшенной сверхъ ночнаго туалета.

— Гдѣ волостной? спросилъ исправникъ.

— Я самый и есть, ваше высокоблагородіе... улыбаясь, отвѣчалъ мужикъ.

— Ахъ, вы? И не узналъ совсѣмъ.. Здравствуйте, милѣйшій Елисѣевъ!

— Добро пожаловать... Ужъ давно васъ ждали...

— Какъ ждали? Развѣ васъ предупредили?

— Да урядникъ-то изъ города проѣзжалъ... такъ сказывалъ.

Старшина со свѣчкой проводилъ насъ въ волостное присутствіе.

Двѣ комнаты, небольшія, но и не маленькія, очень чистыя, съ голыми тесанными стѣнами и потолками, составляли это присутствіе. Я съ удовольствіемъ оглянулся.

Въ моихъ поѣздкахъ, я взялъ себѣ за правило обращать первое вниманіе на помѣщеніе волостнаго правленія, и личность самаго волостнаго старшины. Мнѣ кажется, что въ характерѣ того и другаго необходимо долженъ отразиться и характеръ самой волости, по крайней мѣрѣ съ извѣстной приблизительностью. Я объѣздилъ ужъ 5—6 волостей въ разныхъ уѣздахъ и положительно не нашелъ въ нихъ ничего общаго, шаблоннаго. Я не видалъ двухъ волостныхъ правленій по одному типу (я говорю о детальныхъ сторонахъ), двухъ старшинъ, похожихъ другъ на друга. И такъ, и здѣсь я прежде всего пристально оглядѣлся кругомъ. Первая комната, которую мы прошли, была почти пуста. За исключеніемъ простыхъ лавокъ, другой мебели не было. Вторая комната, собственно присутственная—была гораздо интереснѣй. Въ ней было цѣлыхъ два стола. Одинъ большой письменный, покрытый зеленымъ сукномъ, съ разложенными на немъ, въ безукоризненномъ порядкѣ, бумагами и письменными принадлежностями; другой въ простѣнкѣ между окнами, поменьше, обтянутый чистой клеенкой. Нѣсколько стульевъ плетеныхъ и мягкихъ, хотя потрепанныхъ, но еще вполнѣ «возможныхъ», были разбросаны по комнатѣ. Въ углу, подъ образами, блиставшими яркой позолотой, стоялъ большой денежный сундукъ. По стѣнамъ были прибиты обыкновенныя «объявленія», «правила», но между ними висѣли и картины религіознаго содержанія. Меня особенно поразили портреты Императорской Четы и покойнаго Государя Императора. Государь и Государыня было изображены въ бюстахъ, прелестной гравюрой, выписанной изъ Петербурга, чуть ли не отъ Даціаро. Покойный Государь во весь ростъ, красками, далеко не лубочной работы. Я долго любовался этими портретами, чѣмъ вызвалъ особое удовольствіе старшины.

На подоконникахъ тщательно были разложены газеты: «Сельскій Вѣстникъ», «Новое время» и «Нива».

— Кто это читаетъ «Новое Время»? спросилъ я.

— Я-съ и семья моя...

— И «Ниву» тоже?..

— И «Ниву»...

— Сами выписываете?

— Какъ-же-съ, выписываемъ... Не угодно ли послѣдній №.

— Спасибо, я ложась прочту...

Я перевелъ все свое вниманіе на старшину. Онъ теперь сидѣлъ у стола и писалъ бумагу о вызовѣ, по распоряженію исправника, на утро, къ 6-ти часамъ, въ волостное правленіе Сютаева и Ильи Иванова, одного изъ болѣе рьяныхъ его единомышленниковъ. Одинокая свѣчка довольно ярко освѣщала его лицо, наклоненное надъ бумагой. Оно было очень открыто и просто. Только слегка удлиненныя черты, высокій лобъ и глубокія морщины, переходившія у угловъ носа въ складки, давали ему характеръ не совсѣмъ обыденный, а глаза, свѣтившіеся умомъ и спокойствіемъ, давали этому лицу общій оттѣнокъ порядочности и честности. Все оно очень располагало къ себѣ. Старшина говорилъ съ нами свободно, держался на стулѣ прямо, вообще въ немъ и тѣни не было ни заискиванія, ни приниженности.

— Что вы намъ новенькаго скажете о Сютаевѣ? спросилъ его исправникъ.

— Да что-жъ! Притихать какъ бы сталъ, улыбаясь, отвѣтилъ онъ.

— Не проповѣдуетъ?..

— Кажись, что нѣтъ. По крайности его послѣдователей все меньше считается.

— Другихъ не прибываетъ? спросилъ я.

— И-и-и... куда? Отпадаютъ все. Попривыкли къ нему. Видятъ, что вздоръ мелетъ, толку никакого, да и потомъ строго ужь это все у него.

— Сколько же примѣрно ихъ можно считать?

— Кого это; Сютаевцевъ-то?

— Да какъ вамъ сказать?.. Человѣкъ тридцать, я думаю, больше не наберется!

— И что-жъ они всѣ: въ церковь не ходятъ, иконы повыносили?

— Есть и такіе. А есть и такіе, которые держатъ иконы, да только не почитаютъ ихъ, не кланяются.

— Кто же самые рьяные?

— Есть тутъ Илья Ивановъ, тотъ иконы перекололъ всѣ, другія въ щепки обратилъ. У него сынъ живетъ съ дочерью Сютаева, не вѣнчанные, значитъ.

— Что-жъ онъ, умный мужикъ.

— Кто его знаетъ! Безграмотный! Молчитъ больше все...

— А скажите, старшина, что Сютаевъ, исправный мужикъ?

— Т. е. другаго такого можно сказать нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ его посадили подъ арестъ, за нимъ никогда недоимки не числилось. До копѣйки самъ все приноситъ. Опять хозяйство, поведеніе, все это въ лучшемъ видѣ... Мужикъ хорошій, что и говорить! Только путанникъ какой-то! Мелетъ безъ толку, а начальство изъ-за него и безпокоится... Э-э-эхъ! Подрать бы его, все бы польза была.. заключилъ онъ съ улыбкой.

— Чай готовъ... доложилъ сынъ старшины.

. . . .

— Седьмой часъ, вставать изволите... будилъ насъ на другой день старшина въ присутственной комнатѣ, гдѣ кое-какъ мы умостились на полу.

Я лѣниво потянулся, но тотчасъ всталъ. Бока, спина и голова сильно давали себя чувствовать. Я спалъ всего нѣсколько часовъ.

— Сютаевъ ждетъ... доложилъ, улыбаясь, старшина... Это слово меня окончательно привело въ себя и я поспѣшилъ умыться.

Черезъ десять минутъ нерѣшительно переступилъ порогъ нашей комнаты маленькій, худощавый мужичекъ, въ потертомъ армякѣ и тяжелыхъ продранныхъ сапогахъ. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ просто жалкимъ. Какъ будто разочарованіе почувствовалъ я при видѣ этого немощнаго старичка. Я ожидалъ чего-то другаго, хотя чего—не могъ бы объяснить.

Но, взглядываясь въ его лицо, я мало-по-малу началъ какъ бы успокаиваться, какъ бы получать новое совсѣмъ удовлетвореніе. Маленькое, сморщенное, румяное, точно печеное яблочко, оно удивительно располагало къ себѣ. Его улыбка — я рѣдко такую видывалъ. Когда онъ улыбался, такимъ добродушіемъ, такой безконечной добротой и весельемъ дышали его черты, что не было никакой возможности не улыбаться въ отвѣтъ ему.

Съ перваго его шагу къ намъ, я уже и улыбался. Мнѣ стало вдругъ безъ причины весело.

— Здравствуй, Сютаевъ, встрѣтилъ его исправникъ. Вотъ привезъ къ тебѣ господина. Хочетъ побесѣдовать съ тобой, поучиться...

Сютаевъ обратился въ мою сторону, и его маленькіе голубые глазки, прищуренные улыбкой, мягко легли на мнѣ.

— Да... я... я бы хотѣлъ.. слышалъ много о тебѣ... путался я въ словахъ, съ усиліемъ сдерживая смѣхъ и ощущая упрекъ совѣсти за это веселое расположеніе духа.

— Что-жъ!... Побесѣдовать энто не грѣхъ... Спасибо вамъ...

— Ты вотъ разскажи имъ всю свою вѣру!

— Да какая-жъ моя вѣра? Христьянская... обчая...

— Ты присядь, милый мой, совладѣвъ наконецъ съ собой, произнесъ я, какъ могъ мягче.

Сютаевъ сѣлъ противъ меня, все также пристально и мягко оглядывая меня. Я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

— Прежде всего скажи мнѣ, много ли у тебя послѣдователей?

— Это значитъ нашихъ-то?... Не много! Дюжо мало стало теперича. Уходятъ *туда*...

— Куда это?

— Да къ православью!

— Почему такъ?

— Хто-жъ ихъ знаетъ! добродушно улыбнулся онъ. Не по силамъ, значитъ, плоть одолѣваетъ...

— Да кого-жъ плоть не одолѣваетъ? Всѣхъ одолѣваетъ.

— Не должно энто быть! По духу должны мы, значитъ, жить!

— Да какъ? Скажи! И радъ бы, да не знаю.

— Плодь умерщвлять надо.

— Легко сказать...

— И дѣлать надо. Все дѣлами надо показывать... Поступками. Говорить не надо-ть...

— Что же дѣлать? Не ѣсть, не пить?

— Зачѣмъ? Умерщвлять надо плоть...

— Да чѣмъ же ее другимъ умертвишь?...

— Дѣлами добрыми... любовью...

— Добрыми дѣлами голоду не заморишь! Страстей не усмиришь..

— Да нѣтъ же!... закипѣлъ Сютаевъ... Онъ начиналъ видимо охватываться волненіемъ. Отрывочные отвѣты его, въ которыхъ сквозило какъ бы недовѣріе и боязнь, стали переходить въ продолжительныя тирады. Я старался во всемъ ему противурѣчить, даже дразнить.

— Да нѣтъ же, говорю тебѣ, повторилъ онъ. Пища нужна не для плоти нашей... То плодъ...

— Какой плодъ? удивился я.

— Да плодъ, тѣло. Плодъ нужно питать, а плоть умерщвлять... Любовью братской, добротой нужно ее побороть... А то зло сувсимъ насъ заѣло... Вотъ энто плоть самая и есть—*зло-то*. Вси мы бранимся, вси бьемся, ссоримся, ругаемся—вотъ это зло, плоть. Энтакъ не надо дѣлать, не хорошо. Вѣдь мы братья вси...

— А ты не бранишься никогда? перебилъ я его.

— Не бранюсь...

— Ну, толкуй! замѣтилъ старшина.

— Да то-жъ невольно!... А-а-ахъ, какой ты! закачалъ онъ головой. Разви я когда самъ ругаю кого, али бью... видѣлъ ты?... А невольно случается, не убережешься. А все потому, што не по братски мы вси живемъ... Другіе ругаются и я ругаюсь... Вонъ у меня ребятишки. Я имъ толкую, толкую что не гоже это, не надо ругаться, они какъ будто понимаютъ, перестанутъ, а выйдутъ на улицу, опять старое:—брань, кулаки... Не хорошо это, ой какъ не хорошо!..

— Да ты бы ихъ посѣкъ!

— Зачѣмъ?... Нельзя! «Не понуждай» Богъ сказалъ! Добрымъ словомъ надо. Примѣромъ...

— Да ты вотъ и слова добрыя говоришь, и примѣръ подаешь, а все ничего не выходитъ.

— Не выходитъ, не выходитъ... Вѣрно ты энто говоришь. Потому вси такъ живутъ... Всимъ надо энто понять...

— Не браниться?

— Не браниться!... А то, сюды посмотришь: «убирайся къ чорту», туды—«проваливай къ лѣшему», и вси ругаются. А гдѣ этотъ чортъ, или лѣшій? Кто его видалъ? Ты видѣлъ?...

— Нѣтъ, улыбнулся я.

— И я не видывалъ. Я и дома его искалъ и въ городахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу—нѣту нигдѣ! Нѣтъ чорта. Нѣту и ангела.. Мы вси ангелы, если живемъ по духу, любовно, значитъ... А если нѣтъ, такъ, значитъ, въ насъ самихъ чортъ и сидитъ... Чортъ есть зло, а рогатаго чорта, али тамъ лѣшаго, али оборотня, вопче духовъ всякихъ нѣту-ти ихъ... Теперь, напримѣръ, мужикъ обозлится и ругаетъ свою скотину, лошадку тамъ, али корову. А она чѣмъ виновата?... Она тоже Божія тварь. Не слѣдуетъ энто... Я николи не ругаю ее...

— Толкуй! замѣтилъ опять скептикъ старшина. Коли обозлишься и ты выругаешься.

— А-а-ахъ! закачалъ опять головой Сютаевъ, предобродушно улыбаясь. Чудной ты, Савельичъ.. Слышалъ ты развѣ?...

— Чего слышать! Это всякій сдѣлаетъ. Всякій человѣкъ вѣдь изъ плоти. Не сдержишься. Да и что-жъ тутъ плохово?... Хуже бы только ничего не дѣлать!...

Сютаевъ опять горячо возсталъ, увѣряя, что: «вси должны быть кроткіе и мягкіе». Это была, повидимому, его любимая тема и онъ говорилъ отъ души, просто и понятно, безпрестанно приводя тексты и послѣ каждаго изъ нихъ подчеркивая по столу ногтемъ своего маленькаго заскорузлаго пальца. Но тема давно была уже исчерпана, а онъ все продолжалъ говорить, возвращаясь къ старому, къ нѣсколькимъ, излюбленнымъ имъ, повидимому, фразамъ. Я счелъ, наконецъ, нужнымъ его прервать.

— А отчего ты не крестишь своихъ дѣтей? неожиданно спросилъ я.

— Отчего?... переспросилъ онъ, съ невѣрной улыбкой взглядывая на меня. Мнѣ показалось, что мой тонъ былъ слишкомъ рѣзокъ и нѣсколько испугалъ его. Переполохъ явно отразился въ его глазахъ.

— Вотъ, говорятъ, у тебя внукъ родился и до сихъ поръ не крещеный. Правда это?... сказалъ я какъ можно мягче.

— Д-да... нерѣшительно отвѣтилъ онъ. Потомъ, точно ободрившись, сказалъ: у меня есть крещеные и некрещеные. Всѣ одинаковые.. всѣ ругаются... всѣ нехорошіе!

— Такъ вотъ тебѣ, на первый разъ. Значитъ, тѣмъ не помогло, что ты ихъ крестилъ.

— Не помогло, вѣрно ты говоришь...

— Такъ отчего же и ихъ не окрестишь?

— А-ахъ! зашевелился Сютаевъ на стулѣ. Крестишь... Ты все свое... Зачѣмъ крестить?

— Затѣмъ, что и Христосъ крестился!

— Знаю я это! Но что-жъ съ энтаго крещенія, когда покаянія нѣтъ, когда всѣ злые?... Крещеніе есть омовеніе. А какое тутъ омовеніе, когда все грѣхи да грѣхи...

— Да отъ грѣха-то и надо окреститься!

— Отъ какого грѣха?

— А первороднаго!

— Ну... улыбнулся Сютаевъ. Мы вси рождены по образу и подобію Божію.

— Но во грѣхѣ!

— Жисть надо хорошую вести, быть кроткимъ, любовнымъ, плоть мертвить... и будемъ угодны Богу.

— Да вѣдь это будетъ, когда выростемъ, когда поймемъ, что добро, что зло. А какъ же младенецъ?...

— И онъ выростетъ, и онъ пойметъ...

— А до тѣхъ поръ и умереть можетъ безъ крещенія.

— И умретъ! Что-жъ?

— И ты его совсѣмъ лишишь креста?...

— Крестъ въ насъ самихъ... въ нашихъ дѣлахъ...

— Да вѣдь онъ не понимаетъ этихъ дѣлъ.

— Говорю-жъ тебѣ, что пойметъ, когда выростетъ. Вѣдь и Іисусъ Христосъ имѣлъ тридцать лѣтъ, когда крестился.

— Христосъ сдѣлалъ это, чтобы намъ завѣщать это таинство. Онъ долженъ былъ сдѣлать это въ зрѣлыхъ годахъ. Иначе мы бы его не поняли.

— И мы должны прежде понять, а потомъ креститься...

— Да какъ же ребенокъ пойметъ? Онъ вѣдь махонькій! началъ я уже горячиться.

— И онъ выростетъ! Родители должны примѣръ ему давать, любви учить... Тогда и крестись, если духомъ чистъ. Потому, самое крещеніе, какъ сказано въ евангеліи (слѣдовалъ текстъ)... Духовное омовеніе оно. Значитъ, по духу надо креститься, а не по плоти.

— Да ты пойми, что про ребенка они говорятъ, загорячился, въ свою очередь, и старшина. Допусти, что онъ умретъ еще не вошедши въ разумъ.

— И умретъ! Душа чистая...

— Чистая, да не крещеная...

— А что-жъ, по твоему? Некрещеная такъ и въ рай попасть не можетъ, что-ль? насмѣшливо и хитро въ то же время улыбнулся Сютаевъ.

— Если ты вѣришь въ ученіе Христа, значитъ не можетъ, сказалъ я.

Сютаевъ пристально посмотрѣлъ на меня. Видно было, что мысль его работала, что вопросъ пришелся ему на этотъ разъ прямо не въ бровь, а въ глазъ. Я ждалъ рѣшительнаго отвѣта: да, или нѣтъ.

Но Сютаевъ опять добродушно улыбался.

— Чудной ты баринъ. Опять же въ евангеліи сказано: (слѣдовалъ текстъ) *), и еще дальше: «просите и дастся вамъ, толците и отверзется вамъ». Стучать надо въ дверь рая... добрыми дѣлами, любовью и всякій обрящетъ. Потому человѣкъ созданъ «по образу и подобію самаго Бога»... Сютаевъ опять сталъ распространяться о томъ, только, что жизнью «по духу» можно стяжать рай, что у него «хрещеныя» и «нехрещеныя» дѣти одинаково скверны и что надо «креститься» добрыми дѣлами, а не въ водѣ купаться, потому, молъ, изъ воды выходятъ еще хуже. Теперь онъ говорилъ съ видимымъ усиліемъ мысли, видимо напрягая себя. Онъ сыпалъ текстами повторялъ ихъ и, съ изумительной непослѣдовательностью, перескакивалъ отъ одной мысли къ другой, съ дѣтской наивностью обходя всѣ «подводные камни» и упорно не отвѣчая на прямые вопросы. Я всматривался въ него и не усмотрѣлъ на этомъ маленькомъ розовомъ личикѣ ни малѣйшей тѣни лукавства, или скрытности. Оно все точно расплылось въ восторженномъ вдохновеніи. Мнѣ начинало становиться скучно.

— Послушай Сютаевъ! Если тебѣ все равно, отчего тебѣ не окрестить внука? Вѣдь некрещеные не лучше!

— Да я... Сютаевъ съ чуть-чуть хитрой улыбкой посмотрѣлъ на меня. Я пожалуй и охрещу... погляжу вотъ маненько.

— Смотри! Я въ кумовья пріѣду.

— Пріѣзжай, пріѣзжай, милый, радостно улыбнулся онъ. Очень даже радъ буду.. Будь такъ добръ...

Я заговорилъ съ нимъ о другихъ таинствахъ и на все получалъ отвѣты въ этомъ же родѣ: неясные, сбивчивые, непослѣдовательные, повторяющіеся. Тексты произносились имъ съ любовью, отчеканивались, такъ сказать, но то, что его собственныя слова,— выходили даже не такъ твердо. Его объясненія по каждому отдѣльно вопросу походили на верченіе колеса въ клѣткѣ бѣлки, а говоря еще проще, на переливаніе изъ пустаго въ порожнее.

Иконамъ не надо кланяться, потому что есть въ Писаніи: «и поклонитесь единому Богу», и потомъ: «и не сотворите себѣ кумира ниже каменнаго, золотого, серебрянаго, деревяннаго и проч.».

*) Не привожу всѣхъ текстовъ, которыхъ твердо не знаю. Сютаевъ владѣетъ ими досконально.

Святымъ не молиться, потому что мы сами всѣ святые, всѣ созданы по образу и подобію Божію, и если будемъ жить «по духу», ничѣмъ отъ нихъ разниться не будемъ. Между прочимъ Сютаевъ не признаетъ необходимости даже 7 грѣховъ въ день. Жить «по духу»—значитъ совсѣмъ не грѣшить, а грѣшить и каяться—это фарисейство. Покаяніе не сгладитъ нисколько нашей вины.

Въ церковь ходить безполезно, если въ насъ самихъ нѣтъ церкви, т. е. доброты и братской ко всѣмъ любви. По этой же причинѣ безполезно и креститься, и кланяться, и ставить свѣчи, и носить на шеѣ образа.

Причастье насъ нисколько не очиститъ, если мы послѣ него будемъ грѣшить; а если будемъ жить безъ грѣха, такъ и безъ причастья будемъ чисты.

Бракъ имѣетъ смыслъ не въ вѣнчаніи, а въ согласной жизни супруговъ. Хоронить мертвыхъ надо въ землѣ; а гдѣ—въ оградѣ, или нѣтъ—мертвымъ все равно.

Словомъ, вся жизнь въ поступкахъ, а не въ обрядахъ и покаяніи. Впрочемъ, Сютаевъ говоритъ: «Я никого не учу выносить иконы, не ходить въ церковь, не креститься, не вѣнчаться... Я говорю только: живите по духу, пусть между вами будетъ все обчее, любите и дѣтей, и женъ, и матерей своихъ, и всѣхъ воопче какъ братьевъ, а тогда можно и въ церковь ходить и причащаться и все прочее...

— Трудно это, милый мой, трудно... сказалъ я ему послѣ трехъ часовъ такой бесѣды.

— Нѣтъ же, ладные мои, не трудно! Не трудно, ладные... Не бранитесь, не ссорьтесь, живите „по духу“ и увидите!.. Это было сказано съ такимъ горячимъ порывомъ, такъ просто и въ то же время убѣжденно, что я въ первый разъ въ продолженіи нашего разговора взглянулъ на Сютаева вполнѣ серьезно. Его сужденія о догматической сторонѣ религіи не выдерживали никакой критики. Онъ путался въ нихъ и самъ видимо это сознавалъ. Заученные тексты и заученныя по нимъ объясненія—вотъ въ чемъ они заключались. Но за то все, что касается общихъ сторонъ христіанства, выработано въ Сютаевѣ полно и хотя не ясно, но окончательно. Съ этого пути, видимо, ничто не въ состояніи его сбить. Онъ все отдаетъ противникамъ: и кресты, и иконы, и всю церковь, со всѣми ея правилами, но жизни

«обчей», жизни «по духу», а не «по плоти», онъ не отдастъ ни за какія блага міра.

Такъ я понялъ, скорѣе почувствовалъ Сютаева...

У меня остался еще одинъ вопросъ выяснить—это его отношенія съ гр. Толстымъ. Воспользовавшись минутой перерыва, я спросилъ его:

— Объ чемъ же ты бесѣдовалъ съ Толстымъ *)?

— Да объ томъ же, что и съ тобой... Все евангелье мы читали, да толковали.

— И долго ты былъ у него?

— Денъ десять...

— И такъ, все одно евангелье толковали?..

— Толковали!.. Только меня и къ другимъ возили... Дуже возили...

— Къ кому же?

— А ужь и не знаю, улыбнулся онъ.

— Чтожъ? соглашались они съ тобой?

— Какъ это я имъ толковалъ сначала—не соглашались, спорили. А какъ привезъ евангелье, да все началъ имъ словами, значитъ, Писанія доказывать—ну, тутъ и согласились нѣкоторые.

— И цѣловали? усмѣхнулся я.

— Цѣловали... усмѣхнулся онъ въ свою очередь. По братски, значитъ...

— А самъ Толстой съ тобой соглашался?

— Вопче соглашался! А были мѣста, гдѣ и мы спорили.

— И чтожъ?

— Такъ, значитъ, каждый больше при своемъ остался, съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ пояснилъ Сютаевъ.

— А какъ ты замѣтилъ, «по духу» онъ живетъ?

— Нѣтъ? Не по духу, рѣшительно заявилъ Сютаевъ. Нешто такъ по духу живутъ? У него и слуги, и квартира такая, опять же богатство... Не по духу это. Да и самъ онъ говоритъ не по духу. «Вотъ, говоритъ, я все ощущаю, это не такъ дѣлаю, какъ слѣдуетъ. Учу дочь и вмѣсто того, значитъ, чтобы кротостью да любовью, сержусь, браню ее». Не по духу живетъ...

— А ты знаешь, что Толстой свое евангелье написалъ?

*) Графъ Левъ Толстой.

— Нѣтъ, не знаю! А развѣ онъ писалъ што?..

— Да, немножко...

— Писатель, значитъ?..

— Говорятъ!

Сютаева очевидно это мало занимало. Онъ опять заговорилъ о своихъ идеалахъ, о той жизни, которая должна царить на землѣ.

— Да вѣдь ты пробовалъ начать ее? Амбары открылъ—растаскали. Такъ чего еще? Значитъ, не пригодно это къ намъ.

— Растаскали... все расхитили. Теперь запираю, улыбнулся онъ съ неподражаемой добротой.

— Пустые?

— Нѣтъ, есть!

— А больше не отопрешь?

— Нѣтъ... хватитъ.

— И денегъ въ займы не дашь?

— Отчего-же? Дамъ!

— Подъ росписку только...

— Это какъ кому...

— А мнѣ, примѣрно?

— Тебѣ? Сютаевъ съ улыбкой меня разглядывалъ. Если по духу просишь, дамъ!

— Я по духу...

— Нѣтъ... Не по духу...

— Ага! Вотъ и «жисть» твоя «обчая». Для примѣру прошу денегъ. а ты говоришь не по духу. Вѣдь это отговорка; жалѣешь просто.

— Да нѣтъ, ладный ты мой! закачалъ онъ головой. Не жалѣю! Если по духу въ самомъ дѣлѣ, возьми. Только немного у меня теперь. Вчера подати платилъ, опять долгъ отдалъ... Копѣекъ 50 имѣется... Бери, если нужно... А въ деревнѣ есть и больше, рублевъ 12. Поѣдемъ вмѣстѣ, дамъ!.. И онъ далъ бы мнѣ ихъ; въ этомъ я болѣе чѣмъ убѣжденъ.

Мы пошли пить чай къ старшинѣ. Сютюевъ вошелъ за нами и умильно сталъ поглядывать на столъ.

— Что-жь, поднесешь, старшина?.. спросилъ онъ, глядя на бутылку вина.

— Изволь, садись!

Старшина налилъ ему рюмку портвейна и чашку чаю. Сютаевъ принялся за вино, но не допилъ и половины рюмки, сморщился и взялся за чай.

— Вѣдь грѣшишь, Сютаевъ, сказалъ я ему.

— А что?

— Плоть ублажаешь вѣдь..

— Грѣшу, энто ты вѣрно... Только чай не грѣшно пить. Все можно ѣсть и пить! Все дано для насъ. Опять же сказано въ евангеліи (слѣдовалъ текстъ).

— Такъ въ чемъ-же грѣхъ? спросилъ старшина.

— А ты скажи мнѣ! Ты по духу, али по плоти собралъ-отъ чай? съ хитрой улыбкой спросилъ Сютаевъ. Старшина замялся.

— Извѣстно по духу. Сказано вѣдь: «угощайте всякаго гостя...» Старшина видимо былъ слабѣе Сютаева въ текстахъ и предпочитаетъ передавать ихъ своими словами.

— Анъ не то! опять улыбнулся Сютаевъ, осторожно потягивая съ блюдечка горячій чай. Угощать энто надо, вѣрно!... А ты скажи, откуда у тебя чай! Изъ лавки вѣдь своей. Значитъ ты торгуешь, барыши берешь... значитъ не по духу! Нѣтъ... не по духу!

Всѣ разсмѣялись. Сютаевъ смѣялся больше всѣхъ.

— Ну, и хлѣбъ тоже «не по духу» онъ собранъ? спросилъ я.

— Не по духу то же... Вотъ ежели-бы земля была обчая, не дѣленая, значитъ, не полосками... и хлѣбъ собирали бы вси вмѣстѣ, обчій онъ былъ бы, тогда по духу было бы. А то теперь что? Всякъ норовитъ побольше себѣ надѣлить, отрѣзать, а то и запахать у сосѣда. Вотъ къ примѣру я! У меня съ двухъ сторонъ сусѣди есть. Полоска и такъ узкая. А они все запахиваютъ, да запахиваютъ. Такъ и тѣснятъ. Скоро и сусимъ меня запахаютъ... Онъ произнесъ это безъ намека даже злобы, или неудовольствія.

— А сколько у тебя десятинъ?

— Не знаю право.... Старшина, сколько у меня земли? Не помнишь-ли?

Я съ трудомъ удерживалъ въ себѣ громкіе порывы восхищенія: такъ былъ и милъ, и безсознательно остроуменъ этотъ Сютаевъ; онъ опоражнивалъ теперь чашку за чашкой «въ прикуску», и ловко переворачивалъ пустыя чашки. Мы болтали о хозяйствѣ, о жизни, о дѣтяхъ его; онъ говорилъ слегка небрежно, какъ человѣкъ, не по

своей охотѣ дѣлающій то, или другое, но говорилъ все также добродушно и весело. Я спросилъ его о Пашковѣ. Онъ сказалъ, что слышалъ уже о немъ давно, но не имѣетъ съ нимъ ничего «обчаго», ибо тотъ и проповѣдуетъ вѣру, а не дѣла.

— Дѣловъ у него не надо-ть... одна вѣра! Эка выдумали! Что-жъ онъ съ своей вѣрой-то подѣлаетъ? Чудной!

Я крѣпко пожалъ черную и твердую руку Сютаева, когда, уже далеко за полдень, мы собрались ѣхать.

— Мотри-же, пріѣзжай ко мнѣ!.. Безпремѣнно пріѣзжай! Уложу и угощу, и денегъ дамъ, коли надо... говорилъ онъ, любовно смотря мнѣ въ глаза.

— Постараюсь когда нибудь, даже скоро! вполнѣ искренно обѣщалъ я ему.

— Потолкуемъ тогда! Можетъ и выйдетъ что...

— Да!.. А ребенокъ-то? Я пріѣду только, когда возьмешь меня въ кумовья.

— Ладно... Пріѣзжай только... Можетъ и возьму...

Онъ заботливо проводилъ насъ до экипажа и еще разъ повторилъ приглашеніе.

. . . .

Съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ я статью г. Пругавина. Прочелъ разъ, другой и съ полнымъ недоумѣніемъ сказалъ себѣ: «Что-жъ это я? Слона-то и не примѣтилъ?» Я вспомнилъ слово за словомъ весь разговоръ съ Сютаевымъ, и еще разъ убѣдился, какъ мало было общаго между Сютаевымъ, котораго я видѣлъ, и Сютаевымъ г. Пругавина. Цѣлыя фразы, цѣлыя тирады попадались мнѣ буквально тождественныя съ тѣми, которыя я самъ слышалъ, еще разъ подтверждая этимъ мое мнѣніе, насколько они у Сютаева заучены. Но рядомъ съ ними, слѣдовали и такія, которыхъ я отъ Сютаева не слыхалъ и не предполагаю возможности даже слышать. Онѣ слишкомъ умны, законченны для поверхностнаго ума Сютаева. Онѣ явно бьютъ на эффектъ, явно имѣютъ цѣлью заинтриговать читателя, дѣйствовать на его воображеніе, какъ таинственная завязка таинственной драмы. Сплошь, во всей статьѣ г. Пругавина, отъ первой до послѣдней строчки ея, проходитъ весьма неискусно скрытой нитью, одна предвзятая мысль. Съ ней г. Пругавинъ пріѣхалъ въ Тверь, потомъ въ Торжокъ, потомъ въ деревни: Повѣдь,

Яконово и Шевелино. Съ ней г. Пругавинъ выбиралъ для своихъ бесѣдъ извѣстныхъ лицъ и съ ней вложилъ въ ихъ уста извѣстныя слова. Словомъ вся статья г. Пругавина, отъ перваго до послѣдняго слова, есть искусный подборъ фактовъ, лицъ и словъ, поставленныхъ авторомъ въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстныхъ позахъ и въ извѣстномъ освѣщеніи, какъ труппа актеровъ, эффектно разставленныхъ на сценѣ опытнымъ режиссеромъ. Говоря проще, это есть подтасовка.

Сютаевъ г. Пругавина рисуется передъ читателемъ чѣмъ-то опредѣленнымъ въ своихъ взглядахъ, рѣчахъ и поступкахъ. При первой встрѣчѣ съ нимъ г. Пругавинъ проговорилъ съ нимъ ровно цѣлый день, т. е. отъ 7 и до 7 часовъ вечера. Остается позавидовать крѣпости нервовъ и желудка г. Пругавина, ублажавшаго себя и своихъ гостей, въ эти 12 часовъ, только однимъ чаемъ. Г. Пругавинъ не говоритъ, что это былъ за разговоръ. Только постепенно онъ дѣлится съ нами мудростью Сютаева, записывая, большею частью, буквально, какъ онъ увѣряетъ, тяжеловѣсныя тирады нашего доморощеннаго философа. Съ каждой страницей статьи видно, какъ усиливается кисть, какъ сгущаются краски, пишущія портретъ съ Сютаева. На послѣдней страницѣ, это совсѣмъ апостолъ, вдохновляемый свыше и прозрѣвающій таинство будущаго. Г. Пругавинъ видимо весь ежится отъ благоговѣнія и удивленія къ нему.

«Въ другомъ мѣстѣ», говоритъ г. Пругавинъ на предпредпослѣдней страницѣ статьи, «мы проѣзжали черезъ какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькія, жалкія крестьянскія избы; среди нихъ рѣзко выдѣлялись два-три дома, выстроенные на городской ладъ, обитые тесомъ, ярко раскрашенные, съ разрисованными ставнями.

— «Чьи это дома?—спросилъ я Сютаева.

— «Энти?—Богачей міроѣдовъ, кулаковъ по нашему.

Онъ поправилъ возжами веревочную шлею на пристяжной и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ старательно подчеркивая слова:

— «*Тогда* у всѣхъ такіе дома будутъ.

Я притворился, что не понимаю его намека и переспросилъ его, когда это *тогда*?

— «А когда устройство будетъ... Когда все обчее будетъ... Вотъ когда!.. А теперь богачъ-то на бѣднаго и глядѣть не хочетъ... Я

имъ говорю, богачамъ-то: забыли, что Христосъ вьюношѣ сказалъ?.. Смотрите говорю! Капиталы васъ не спасутъ, а только пуще загубятъ... Сютаевъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, вѣритъ въ то, что «устройство» рано, или поздно непремѣнно водворится на землѣ...»

Скоро-же Сютаевъ потерялъ свою вѣру, ибо мнѣ онъ сказалъ «У насъ, въ Шевелинѣ, нельзя устроить такой «обчей» жизни, невозможно... Можетъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ».

Послѣднія слова Сютаева, сказанныя г. Пругавину, какъ онъ увѣряетъ: несвязнымъ и растроганнымъ голосомъ», были:

— «Надо дознаваться, придетъ-ли Спаситель!»

Послѣднія-же его слова мнѣ были веселыя и сердечныя:

— «Пріѣзжай только... можетъ и охрещу...»

Очень ужь измѣнился видно Сютаевъ въ послѣдніе два года.

Вокругъ Сютаева, какъ около солнца, группируются, въ статьѣ г. Пругавина, другія лица, своею пошлостью, своею мелкотой и порочностью, долженствующія служить фономъ «алчущему и жаждущему правды...» Эти лица все сосѣди крестьяне и мѣстные священники. Этимъ послѣднимъ особенно достается отъ Сютаева, его дочери, сына и другихъ. Ихъ и за волосы таскали, и гнали, и били, и все это за ихъ «бестыдство». Разговоръ самого г. Пругавина съ священникомъ села Яконова уже достаточно самъ по себѣ рисуетъ намъ симпатіи г. Пругавина. Что они не лежатъ къ служителямъ православной церкви—это болѣе чѣмъ ясно...

Изъ окружающихъ Сютаева, одинъ только Илья Ивановъ достоинъ развязать ремень у ноги Сютаева. Въ статьѣ г. Пругавина Илья Ивановъ изображенъ такъ:

«Меня поразилъ, говоритъ авторъ, цвѣтъ его лица—блѣдный, чуть не матовый, съ легкимъ землистымъ оттѣнкомъ; такія лица бываютъ у людей, которыхъ долгое время держатъ въ тюрьмѣ, безъ свѣжаго воздуха и движенія...» Затѣмъ дальше: «Съ блѣднаго лица вдумчиво и нѣсколько грустно смотрятъ большіе, выразительные глаза: на лбу глубокія морщины. Движенія его медленны, лицо серьезно, въ общемъ вся фигура весьма внушительна».

Ну, чѣмъ-же и этотъ не герой? Чѣмъ не апостолъ?

А этотъ апостолъ, который «ни синь пороха», по словамъ его сосѣдей, не понимаетъ ни въ грамотѣ, ни въ евангеліи, ввалившись третьяго дня къ намъ въ комнату, вслѣдъ за Сютаевымъ, грузно опу-

стился на стулъ и во все время нашего разговора не проронилъ ни единаго слова, за то очень не умно хлопалъ и ворочалъ своими «вздумчивыми и грустными глазами». Его баранье выраженіе лица достаточно указываетъ на ту роль, которую играетъ этотъ *первый* ученикъ при своемъ учителѣ-Сютаевѣ...

Еще нѣсколько я могъ-бы привести изъ статьи г. Пругавина въ подтвержденіе его умышленнаго, или невольнаго искаженія истины. Но для этого нужно бы было спеціально заняться ею, а это совсѣмъ не моя цѣль, да и скучно нѣсколько.

Скажу въ заключеніе, что Пругавинскаго Сютаева я не понимаю, не постигаю, между тѣмъ какъ своего, знакомаго мнѣ, я и постигаю, и люблю, и уважаю. Но люблю его вѣроятно не за то, за что любитъ и уважаетъ его г. Пругавинъ. У него на первомъ планѣ отрицательная сторона вѣрованія Сютаева, у меня положительная. По мнѣнію г. Пругавина, хотя не выраженному въ статьѣ, но ясному изъ смысла ея, Сютаевъ силенъ и великъ духомъ разрушенія. Онъ облекъ эту сторону Сютаева во что-то цѣльное, послѣдовательное. Я же не могу смотрѣть на сютаевскія разрушенія иначе какъ на битву Донъ-Кихота съ мельницей и никогда не придалъ-бы имъ серіознаго значенія; вся оригинальность, вся прелесть Сютаева, по моему, въ его созиданіяхъ, въ его честной и трудовой жизни. Его мечты дѣтски чисты и прекрасны, его диспуты—дѣтски наивны и плоски. Я, незадумываясь, повѣрю Сютаеву все мое достояніе, честь, какъ личности, по моему, идеально честной и чистой; но я всегда буду смѣяться, когда мнѣ станутъ говорить про него, какъ про «основателя секты»...

Г. Пругавинъ могъ-бы значительно сократить для возстановленія истины, свою статью, а г. Рѣпнинъ могъ бы и вовсе не писать своего портрета съ «основателя новой секты», или по меньшей мѣрѣ, не дѣлать подъ нимъ этой, визгливо-кричащей, наивной надписи *)..

---

*) Портретъ Сютаева, дѣланный художникомъ Рѣпнинымъ, былъ выставленъ на Московской выставкѣ.

Городъ Ржевъ.

На высокихъ берегахъ р. Волги, недалеко отъ истоковъ ея, живописно раскинутъ городъ Ржевъ — самый большой изъ уѣздныхъ городовъ въ Тверской губерніи и одинъ самыхъ большихъ и самыхъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ въ Россіи. Городъ Ржевъ причисляется къ весьма древнимъ и носитъ названіе Ржева-Владимірова. Начало существованія его въ настоящемъ видѣ относятъ къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія, когда, по повелѣнію Екатерины II, онъ былъ вновь отстроенъ на мѣсто стараго Ржева, тогда истребленнаго до тла пожаромъ. Отсюда и настоящій видъ его имѣетъ характеръ новыхъ городовъ, распланированныхъ по строгому Екатерининскому плану, съ прямыми, широкими улицами и громадными площадями. Городъ раздѣляется Волгой на двѣ части, какъ бы на два отдѣльные города, имѣющіе каждая свои торговые ряды или гостинные дворы. Одна сторона еще съ древнихъ временъ называется «Князь-Федоровскою», а другая «Князь-Дмитріевскою». Въ административномъ отношеніи, какъ та, такъ и другая, раздѣляются на два участка и завѣдуются тремя надзирателями: «Князь-Дмитріевская» — одна, а «Князь-Федоровская»—двумя, сообразно ихъ величинѣ. Сторона «Князь - Дмитріевская» расположена на правомъ, низшемъ берегу Волги и, охваченная ею правильнымъ кольцомъ, представляетъ собой какъ бы полуостровъ. Изъ оконъ моего нумера, въ гостинницѣ Некрасова (единственной въ городѣ), красивомъ бѣломъ домикѣ, почти висящемъ надъ Волгой на крутизнѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ, — вся эта сторона видна какъ на ладони. Это пунктъ, съ котораго можно бы сдѣлать чудный снимокъ. Глядя прямо передъ собой, вы видите только крыши домовъ, стѣны, зелень и далеко на

горизонтѣ темную линію верхушекъ лѣса. Гдѣ кончается городъ, гдѣ начинаются поля, лѣсъ — этого здѣсь не видно, потому что мѣстность, хотя незамѣтно, но на самомъ дѣлѣ довольно высоко поднимается.

Прямо по серединѣ этого, наполненнаго домами, полуострова, идетъ прямой линіей дорога, правильно раздѣляя его на двѣ части. Это зубцовскій трактъ. Его сѣрая гладь, уставленная телеграфными столбами, теряется вдали, у лѣса. Сторона лѣвая отъ тракта, если смотрѣть отъ меня, представляетъ собой, почти безъ исключенія, массу темненькихъ крышъ и сѣрыхъ, деревянныхъ стѣнъ, тонущихъ въ густой, темной зелени. То бѣднѣйшая часть города, или предмѣстье. Сторона правая, чѣмъ дальше отъ тракта, тѣмъ сплошнѣе пестритъ зелеными и красными и ярко-бѣлыми каменными стѣнами. Между ними тоже много зелени, но уже значительно меньше, чѣмъ въ предмѣстьи. Это лучшая, интеллигентная часть «Князь-Дмитріевской» стороны. Центръ ея очень ясно виденъ отсюда — обширная площадь, уставленная легкими лавочками и крестьянскими повозками, между которыми зіяютъ темными пятнами кучи мусора и лужи грязи.

На площади этой стоитъ гостинный дворъ, длинное бѣлое зданіе, и противъ него небольшой и незатѣйливый Спасо-Преображенскій соборъ. Когда-то, во времена Стараго Ржева, эта площадь и соборъ принадлежали къ «Спасо - Преображенской слободѣ», нынѣ не существующей уже.

Сейчасъ за Волгой отъ зубцовскаго тракта идетъ наискось широкая улица. Она пересѣкаетъ площадь и недалеко за гостиннымъ дворомъ поворачиваетъ и теряется влѣво. Это лучшая улица «Князь-Дмитріевской» стороны; вокругъ нея группируются самые большіе и красивые дома. Эта улица, вмѣстѣ съ зубцовскимъ трактомъ, составляетъ треугольникъ, поверхность котораго отъ меня представляется волнующей площадью ярко-зеленыхъ крышъ, верхушекъ деревьевъ и множества бѣлыхъ трубъ.

Вотъ общій характеръ «Князь-Дмитріевской» стороны. Благодаря ровному и сравнительно низменному положенію, она вся стоитъ точно напоказъ, начиная съ ряда красивыхъ домовъ по самому берегу Волги и кончая неясными верхушками лѣса. Ни одинъ уголокъ ея не скрытъ.

Въ этой части города церквей очень немного сравнительно съ пространствомъ. Въ Торжкѣ онѣ прежде всего останавливаютъ вниманіе; тутъ ихъ замѣчаешь только потому, что онѣ такъ рѣдки. Прямо передо мной, немножко правѣе зубцовскаго тракта, точно выстрѣливаетъ кверху зеленая верхушка узкой и одинокой башни кирпичнаго цвѣта. Это башня единовѣрческой церкви, самая высокая, кажется, въ городѣ. Правѣе ея—два низкіе, едва замѣтные купола церкви духовнаго женскаго училища, основаннаго Мазуриной. Еще правѣе—серебряные купола Спасо-Преображенскаго собора, а за ними на самомъ горизонтѣ, зеленые купола Казанской церкви.

Слѣва довольно красиво рисуется высокая желтая башня и толстый куполъ Оковецкой церкви, а на краю города, за изгибомъ Волги и уже на другой сторонѣ ея, бѣлѣетъ Смоленская церковь. Изъ другихъ церквей въ городѣ болѣе обращаютъ на себя вниманіе соборъ и церковь Екатерины мученицы. Въ общемъ всѣ онѣ не представляютъ изъ себя ни памятниковъ древности, ни вообще чего нибудь особенно интереснаго. Во Ржевѣ ихъ 18. Монастырей нѣтъ ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ.

Возвращаясь опять къ виду на «Князь-Дмитріевскую» часть изъ моего окна, я долженъ сказать, что вся прелесть его заключается въ окраинахъ, въ рамкахъ, если такъ можно выразиться. Эти рамки составляетъ свѣтлая полоса Волги, тѣсно охватывающая эту часть Ржева справа и слѣва, насколько можетъ глазъ хватить; въ свою очередь, Волга охвачена высокими, почти крутыми берегами, вдали зеленѣющими яркой зеленью и мѣстами покрытыми лѣсомъ. Плоскій, спускающійся къ водѣ полуостровъ, гдѣ раскинута «Князь-Дмитріевская» часть, вправо и влѣво становится все выше и выше, такъ что тамъ, гдѣ рѣка теряется за сушей, оба берега уже одинаково высоки и зеленая поверхность ихъ какъ бы сливается, поглощая въ себѣ блестящую струю Волги.

По сю сторону ея, на лѣвомъ краю горизонта, ютится сѣрая масса домиковъ, какъ бы оторванныхъ и перекинутыхъ на другой берегъ отъ «Князь-Дмитріевской» части. Домики эти частью лѣпятся по склону обрыва, отступающему здѣсь довольно далеко отъ рѣки и большею же частью наполняютъ собой маленькій долъ, образующійся между крутизной обрыва и берегомъ. За ними смутно мелькаетъ опять полоса воды. Этотъ живописный уголокъ, тонущій въ густой

зелени, называется «Тетеринской слободой». Также красивъ и правый край горизонта. Тамъ глазъ упирается въ темную рощу, изъ которой, точно робко, выглядываетъ бѣлоснѣжный домикъ съ ярко-зеленой крышей, а передъ нимъ такія же бѣлыя, каменныя ворота съ такими же зелеными крышками. Это имѣетъ видъ далекой усадьбы.

Еще одно красивое мѣстечко видно изъ моихъ оконъ, на той сторонѣ Волги. Почти къ самой водѣ спускается тоже зеленая рощица, огороженная бѣлой изгородью; между деревьями ея смутно видны очертанія строеній, а надъ ними невысоко подымаются два деревянные, пирамидальной формы, купола, окрашенные въ какой-то странный, пестрый цвѣтъ. Это Владимірское братство: Владимірское училище, богадѣльня и церковь. Правѣе его еще ниже къ водѣ, опять четырехъ-угольникъ зелени и за нимъ мелькаютъ очертанія красиваго двухъ-этажнаго зданія, скрытаго со стороны рѣки. Его изящная архитектура, размѣры—обращаютъ на себя вниманіе. Это ремесленное училище Мазуриной. Въ довершеніе картины, долженъ сказать, что подъ моими окнами тянется черезъ Волгу деревянный мостъ, наведенный на низкихъ баркахъ. Онъ имѣетъ какую-то волнистую поверхность и ѣзда по немъ возможна только осторожнымъ шагомъ. Отъ моста, точно два луча, расходятся въ обѣ стороны два крутые подъема на этотъ берегъ, прорѣзанные въ горѣ, вымощенные и огороженные. По нимъ то и дѣло осторожно спускаются и тяжело, съ криками и гиканіями, подымаются разнаго рода повозки...

Меня очень заинтересовалъ граціозный домикъ и рощица на правой сторонѣ картины. Тамъ должно было быть такъ хорошо, уютно. Я не выдержалъ однимъ прекраснымъ утромъ и пошелъ къ домику. Идти надо было все берегомъ, и съ каждымъ шагомъ все шире и красивѣе открывался видъ изгибающейся Волги и ея прелестныхъ береговъ. День выпалъ ясный, солнечный, воздухъ тихій, хотя холодный. Домики, мимо которыхъ я шелъ, были деревянные, довольно убогіе, но въ это время дня и на этомъ мѣстѣ можно было и ими залюбоваться. Съ каждымъ шагомъ городъ забывался; улица и постройки принимали видъ совсѣмъ деревенскій. Вотъ показался на Волгѣ островокъ, крохотный, зеленый; отъ него идетъ свѣтлой линіей плотина, загораживающая все теченіе рѣки; она упирается на этой сторонѣ въ маленькую, деревянную мельницу. Глухо доносится

снизу шумъ воды и крики людей. Нѣсколько дальше ея, на той сторонѣ Волги, зеленой террасой спускается по берегу длинная роща. То городской садъ, на самомъ краю города. За нимъ вдали бѣлѣетъ изгородь Казанскаго кладбища и стѣны церкви... А прямо передо мной, все смѣлѣй и смѣлѣй показывался изъ-за деревьевъ таинственный бѣлый домикъ. Онъ въ два этажа, съ мезониномъ и съ широкимъ крыльцомъ. Кругомъ него и всей рощицы—высокій заборъ, за которымъ виднѣются крыши еще нѣсколькихъ построекъ. Словомъ, тутъ цѣлая усадьба, занимающая десятинъ десять земли. У перваго прохожаго узнаю, что этотъ живописный уголокъ принадлежитъ Тертію Ивановичу Филиппову—товарищу государственнаго контролера, ржевскому уроженцу и старожилу. Онъ сюда каждое лѣто пріѣзжаетъ съ семьей и проводитъ нѣсколько недѣль. Просто завидно стало такого мѣстечка.

Обойдя всю рощу, я повернулъ назадъ. Отсюда открылся видъ всего нагорнаго берега Волги, составляющаго «Князь-Федоровскую» часть. Точно громадная стѣна, идетъ она правильнымъ кругомъ надъ узкой лентой воды, надъ всей «Князь-Дмитріевской» стороной, и на немъ кайма домиковъ, ближе деревянныхъ, дальше каменныхъ, бѣлыхъ, тамъ и сямъ прорѣзанная кучами зелени. Въ этой каймѣ красиво выдѣляются: красное зданіе городской управы, съ двумя пожарными каланчами надъ ними въ формѣ башень и бѣлая громада собора. Въ общемъ, видъ восхитительный и очень оригинальный...

Жителей въ г. Ржевѣ, въ настоящее время, числится около 31,000 обоего пола. Изъ этого числа, самая большая цифра приходится на мѣщанское сословіе—26,130 человѣкъ. Меньшая—на купцовъ—581 человѣкъ. Отсюда и понятенъ этотъ странный нѣсколько характеръ города и жителей его, въ общихъ чертахъ такъ разнящійся отъ характера сосѣдняго города Торжка. Тотъ городъ преимущественно купеческій, этотъ—мѣщанскій.

По вѣроисповѣданіямъ, первое мѣсто, послѣ православныхъ, принадлежитъ единовѣрцамъ и раскольникамъ. Ихъ около 6,550 человѣкъ, что составляетъ болѣе $^1/_5$ всего населенія. Въ этомъ отношеніи, Ржевъ особенно обращаетъ на себя вниманіе. Ни въ одномъ городѣ Тверской губерніи нѣтъ такого количества сектантовъ, такого видоизмѣненія всевозможныхъ сектъ и упорнаго, почти открытаго ихъ исповѣданія. Какъ ни старались мѣстныя власти препят-

ствовать развитію ихъ, какія мѣры ни принимали,—все это не приносило никакихъ результатовъ, даже наоборотъ: усиливало рвеніе сектантовъ, а лицамъ преслѣдовавшимъ давало однѣ непріятности, граничащія съ опасностью жизни, или по меньшей мѣрѣ, поврежденія здоровія. Мнѣ разсказывалъ одинъ органъ ржевской полиціи, что нерѣдко онъ подвергался открытому нападенію за свое усердіе. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, у какой-то мѣщанки, на другой половинѣ его, дверь съ дверью его, каждую субботу и воскресеніе онъ постоянно слышалъ какое-то странное, заунывное пѣніе. Это пѣніе не давало ему покою. Вотъ однажды, онъ и подошелъ къ окну сказанной квартиры и увидалъ въ просторной комнатѣ много собравшагося народу, преимущественно женщинъ. Всѣ онѣ стояли какъ въ церкви, кланялись и пѣли. Передъ аналоемъ-же стояла женщина, сама хозяйка квартиры, въ старомъ одѣяніи, съ кадиломъ въ рукахъ, исправлявшая, повидимому, обязанности попа. Богослуженіе тянулось очень долго и заключалось въ безконечномъ пѣніи и кажденіи. Оно не походило ни на раскольничье, ни на безпоповское. Что-то среднее между ними.

Органъ полиціи, исполняя свою обязанность, вошелъ въ молельню и хотѣлъ прекратить богослуженіе. Но... еле-смогъ благородно отступить.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ, то донося начальству, то дѣйствуя самолично съ такой же безуспѣшностью, рвеніе его, естественно, ослабло и чувство самосохраненія взяло верхъ.

Молеленъ такого рода во Ржевѣ много, въ нѣкоторыхъ кварталахъ города онѣ идутъ рядами, чуть-ли не въ каждомъ домѣ, исключительно у мѣщанъ. Всякіе самодѣльные попики, въ длинныхъ одѣяніяхъ и съ косичкой за плечами, смѣло разгуливаютъ по городу. Въ случаѣ, если полиція останавливаетъ на улицѣ такого попика, требуя видоизмѣнить свою наружность, дѣло не обходится безъ открытаго сопротивленія. Въ большинствѣ случаевъ, мигомъ собирающаяся толпа отстаиваетъ преслѣдуемаго эксъ-попика и даетъ ему возможность скрыться.

Впрочемъ, я долженъ оговориться, что съ ослабленіемъ преслѣдованія на раскольниковъ (хотя они никогда и не преслѣдовались серьезно) и въ особенности съ дарованіемъ свободы раскольничеству, они видимо стали ослабѣвать въ своемъ усердіи. Не стало главнаго

смысла ихъ исповѣданія — прелести запретнаго плода, а съ нимъ и силы, сплачивающей всегда всѣхъ гонимыхъ.

Раскольничьи молельни и здѣсь, и въ Торжкѣ, когда-то богатыя обильными жертвами, сіявшія благолѣпіемъ, поражавшія строгостью и чинностью совершаемаго въ нихъ моленія,—нынѣ и обѣднѣли, и потускнѣли, а богослуженія годъ отъ году становятся короче. Я говорилъ по этому поводу въ Торжкѣ со старостой тамошней молельни, мѣстнымъ купцомъ.

— Пока было гоненіе — были и жертвы, и молящіеся, говорилъ онъ мнѣ. А теперь, поди вонъ, и попу не изъ чего платить. Бѣдность одна, нищета... Да и молиться перестали. Теперь кто ходитъ на службу?.. Нѣсколько человѣкъ изъ города. А прежде, бывало, помѣститься не могли всѣ. У насъ въ уѣздѣ двѣ деревни большія раскольничьи. Прежде, бывало, всякое воскресенье, а то и субботу, чуть-ли не всѣ крестьяне пріѣзжали. А нонѣче въ большіе праздники только съѣзжаются, да и то мало.

— У васъ вѣдь служба длинна очень! Можетъ потому? возразилъ я.

— Кто ихъ знаетъ! Служба-то вѣрно длинна, да вѣдь прежде-то выстаивали. А теперь и сокращенія пошли. Почитай теперь не длиннѣе православной службы... Нѣтъ!.. Усердія ужь не стало никакого, потому что свободу дали. Это самая настоящая причина и есть, по моему...

Весьма любопытный фактъ! Вѣчно новая и вѣчно старая истина...

Не послѣднее мѣсто среди населенія города Ржева принадлежитъ и евреямъ. Ихъ тамъ насчитываютъ около 130 человѣкъ, количество не малое на городъ, гдѣ свободное проживаніе евреямъ запрещено. Весьма понятно, что они всѣ оффиціально ремесленники, а неоффиціально гешефтмахеры. Квартирующій въ г. Ржевѣ драгунскій полкъ представляетъ въ этомъ случаѣ естественную пищу такимъ гешефтамъ. Впрочемъ, о нихъ весьма мало слышно и еще меньше ихъ видно. Ржевскіе евреи живутъ смирно, но... видно и смирный еврей все-таки еврей. Разудалые ржевскіе мѣщане-ремесленники, прослышавъ про еврейскіе безпорядки въ разныхъ мѣстахъ Россіи, придумали и своихъ жидковъ поколотить. Живо нашлись желающіе, составили планъ, назначили время (когда войска отбываютъ лагерь), и ужь заговоръ готовъ былъ разразиться, когда мудрые еврей-

чики пронюхали всю эту штуку и, смертельно перепуганные, бросились къ властямъ. Быстрыя и энергичныя мѣры полиціи скоро нашли главныхъ зачинщиковъ: кого арестовали, кому строго внушили:—и все осталось мирнымъ, а расползшіеся по всему городу евреи стали стекаться и вновь основываться въ своемъ родномъ кварталѣ.

Г. Ржевъ, какъ я уже сказалъ, принадлежитъ къ новѣйшимъ городамъ. Это бросается въ глаза сразу, не только по планировкѣ улицъ, площадей, но и изъ характера его построекъ: легкихъ, нерѣдко изящныхъ, но вообще мало прочныхъ. Тѣхъ маленькихъ «крѣпостей», поражающихъ своей фундаментальностью, въ которыхъ обитаетъ новоторжское купечество и которые однимъ своимъ видомъ внушаютъ что-то степенное, чинное, умиротворяютъ самые бурные темпераменты—здѣсь и помину нѣтъ. Какъ будто легкостью нравовъ и безпечностью, граничащими съ разнузданностью, словомъ, чѣмъ-то чисто *современнымъ* дышетъ отъ этихъ, на скорую руку сколоченныхъ деревянныхъ, а часто и каменныхъ домиковъ, также сильно, какъ дышетъ стариной, солидностью и строгостью нравовъ отъ домовъ г. Торжка.

Лучшіе дома помѣщаются на «Князь-Федоровской сторонѣ — вокругъ большой торговой площади, а на «Князь-Дмитріевской» — по Большой улицѣ.

Изъ частныхъ построекъ ни одна не обращаетъ на себя вниманія. Есть нѣсколько большихъ, болѣе или менѣе старинныхъ домовъ на торговой площади, но это исключенія. Большинство же—легкаго стиля, чисто уѣздные. Изъ общественныхъ зданій обращаютъ вниманіе: гостинные дворы, городская и земская управы. Гостинные ряды можно назвать украшеніемъ г. Ржева. Особенно эффектенъ видъ этихъ рядовъ на «Князь-Федоровской» сторонѣ, посреди громадной площади, мало уступающей размѣрами петербургскому Марсову полю. Они даютъ характеръ обѣимъ частямъ Ржева, двухъ самостоятельныхъ городковъ, живущихъ каждый своею *жизнью*.

Первый городской голова г. Ржева былъ Терентій Ивановичъ *Волосковъ*, знаменитый самоучка: богословъ, астрономъ, химикъ и механикъ. Въ тверскомъ музеѣ выставленъ его портретъ и часы его работы. Вѣроятно, многіе ужь слыхали про этого знаменитаго русскаго мужика, нигдѣ не учившагося, очень мало видавшаго и силой только русской сметки, русскаго глубокаго ума ставшаго въ линію великихъ ученыхъ и мыслителей прошлаго вѣка. Онъ, какъ живой, глядитъ на портретѣ превосходной работы, съ его чисто русской осанкой, съ типичнымъ лицомъ, гдѣ мысль такъ и сквозитъ въ каждой складкѣ глубокихъ морщинъ, въ глазахъ и на высокомъ лбу, зачесанномъ жидкими, какъ мочалка, волосами.

Таковой же портретъ съ подписью виситъ и въ большой залѣ ржевской городской думы, имѣющей право гордиться своимъ первымъ представителемъ.

Терентій Ивановичъ Волосковъ родился въ 1744 году и умеръ въ 1807 году, на 63-мъ году отъ роду.

Г. Ржевъ, несмотря на свою величину, благоустройство и населенность, принадлежитъ къ весьма небогатымъ городамъ. Городъ, съ его 3047 домами, пользуется доходомъ всего въ 38,082 р. 97 к. И надо сказать, что это доходъ максимальный. Обложить городскіе дома большимъ сборомъ не представляется никакой возможности. Происходитъ это отъ того, что большинство домовъ города, по своей бѣдности, совсѣмъ освобождены отъ налога. И весь онъ, такимъ образомъ, падаетъ на сравнительно небольшое число лучшихъ, потерявшихъ нынѣ, вслѣдствіе сего, всякую цѣнность. Во Ржевѣ, какъ и вообще въ уѣздныхъ городахъ, дома рѣдко строятся подъ отдачу квартиръ въ наймы. Зажиточные люди, если строятъ себѣ дома, то исключительно только для себя, сообразуясь съ своими потребностями, удобствами, съ своимъ хозяйствомъ. Словомъ, это маленькія усадьбы съ мезонинами, службами во дворѣ, садикомъ, а иногда и огородомъ. Квартиры въ такихъ домахъ отдаются въ рѣдкихъ случаяхъ, при выѣздѣ изъ города, или по знакомству. И плата за нихъ, вслѣдствіе сего, очень низка; для насъ, петербуржцевъ, она кажется просто ничтожной. Напр. цѣлый домъ, цѣлую такую маленькую усадьбу, стоющую по постройкѣ минимумъ 40,000 руб., можно имѣть за 400 р. въ годъ. Опять-таки, понятно, по какому случаю, потому что рѣдко кто разстанется съ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ прожили цѣлыя поколѣнія его предковъ.

Представьте теперь себѣ, что эти дома, въ большинствѣ не приносящіе ихъ владѣльцамъ никакого доходу, обложены городскимъ сборомъ почти въ одну треть ихъ фиктивнаго дохода. Т. е. каждый зажиточный горожанинъ, за право жить *у себя* въ домѣ, могущемъ, по городской оцѣнкѣ, принести 500 руб. доходу, платитъ почти *200*

рублей въ годъ, т. е. половину той суммы, за которую онъ могъ бы нанимать свою же усадьбу, не истративши, очевидно, на постройку ея капитала въ 30—40 тысячъ. Ясно, что жить *у себя* въ домѣ получили право весьма немногіе зажиточные люди. Остальные продаютъ свои дома за одну четверть и меньше ихъ стоимости и предпочитаютъ нанимать квартиры. Разсчетъ весьма простъ. Затратившій 40,000 на домъ платитъ за него 200 р. въ годъ, не получая ничего доходу. Продавъ же его за 10,000 руб., онъ получаетъ съ нихъ процентовъ 600 р. въ годъ, а съ тѣми 200 рублей, которые онъ ужь не платитъ городу, выходитъ и цѣлыхъ 800 руб. На половину ихъ онъ можетъ нанять себѣ требуемое помѣщеніе, другая половина, т. е. 400 руб., остается ему ежегоднымъ доходомъ. Выходитъ непостижимо странная, но математически вѣрная истина: чтобы жить безбѣдно, нужно прежде лишиться трехъ четвертей своего имущества.

Эту горькую, *уѣздную*, если можно такъ сказать, истину я пока наблюдалъ въ двухъ городахъ: Торжкѣ и Ржевѣ. Полагаю, что въ другихъ городахъ, еще менѣе оживленныхъ и менѣе богатыхъ, она, силой логики, должна подтвердиться еще рѣзче.

Кто виноватъ во всемъ этомъ, кого винятъ стонущіе подъ бременемъ этой истины горожане — трудно сказать. Большинство жалуется просто на «новые порядки», а эти новые порядки начались съ новыхъ городскихъ учрежденій, значитъ, и въ самомъ дѣлѣ винить не кого.

Городъ, получая 38,082 руб. доходу, расходуетъ 39,406 руб., значитъ, слишкомъ тысяча рублей дефициту, пополняемаго изъ ничтожнаго городскаго капитала. Весь этотъ дефицитъ цѣликомъ образуется изъ содержанія воинскаго постоя, гдѣ разница между приходомъ отъ него и расходомъ достигаетъ до 1,500 руб. въ годъ. Изъ другихъ статей расхода, самыя большія: содержаніе управы—5,650 руб., содержаніе пожарной части—6,000 руб. и на народное образованіе—6,200 руб. О производительности расхода по содержанію управы я имѣлъ возможность сказать нѣсколько словъ въ описаніи г. Торжка. Это расходъ, вызванный исключительно введеніемъ новыхъ городскихъ учрежденій, вездѣ одинаковыхъ, и потому разсуждать о его пользѣ или вредѣ, при описаніи каждаго города, считаю излишнимъ. Болѣе исключительнымъ и разнообразнымъ представляется вопросъ о пожарной части городовъ. Ржевъ расходуетъ на эту часть сравнительно громадную сумму и расходуетъ, надо сказать, вполнѣ осмысленно и производительно. При раскинутости г. Ржева (если не ошибаюсь, больше 8-ми верстъ въ окружности) хорошая пожарная команда представляется дѣломъ первой необходимости. Во Ржевѣ пожарная часть устроена по образцу осташевской, давшей въ этомъ дѣлѣ блистательный починъ и примѣръ сосѣднимъ городамъ. Ржевское вольное пожарное общество, учрежденное съ надлежащаго разрѣшенія еще недавно, состоитъ нынѣ изъ 177 членовъ добровольныхъ, 120 рабочихъ за плату и 12 вольнонаемныхъ кучеровъ. Общество имѣетъ нижеслѣдующіе инструменты: трубъ 14, къ нимъ рукавовъ 60, дрогъ: лѣтнихъ 42 и зимнихъ 42, бочекъ 25, чановъ 1, ведеръ 19, черпаковъ 25, лѣстницъ 14, вилъ 6, топоровъ 32, ломовъ 7, щитовъ 4. На пожарахъ тушеніемъ распоряжается распорядитель, подъ главнымъ наблюденіемъ уѣзднаго исправника, а члены работаютъ сами, съ помощью наемныхъ чернорабочихъ. Всѣ члены этого вольнаго общества отъ времени до времени собираются на совѣщанія въ городской думѣ, и обсуждаютъ тогда всѣ вопросы. Такого рода устройство пожарной части можно назвать образцовымъ, сообразно съ средствами и потребностями. Оно было бы и еще лучше, если бы городу не отказали въ его ходатайствѣ объ изданіи обязательнаго постановленія, по которому всѣ жители города, имѣющіе лошадей, обязаны высылать ихъ въ случаѣ пожара для возки воды. Таковое постановленіе дѣйствовало уже разъ въ г. Ржевѣ, изданное 15 декабря 1880 года, московскимъ генералъ-губернаторомъ, когда Тверская губернія временно была включена въ московскій округъ. Затѣмъ, съ отпаденіемъ ея, и это постановленіе потеряло силу, а министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду незаконности его въ общемъ смыслѣ, отказалось его утвердить. Нынѣ дума опять ходатайствуетъ объ изданіи такого постановленія, и такъ какъ это ходатайство идетъ отъ всѣхъ, безъ исключенія, жителей города, то надо надѣяться, что для Ржева будетъ сдѣлано исключеніе.

Очень малъ, чтобы не сказать мизеренъ, расходъ на содержаніе городской полиціи. Онъ простирается только до 2,800 рублей въ годъ. На эти деньги содержатся, какъ и въ Торжкѣ, городовые, полицейское управленіе и участковые надзиратели. Эти послѣдніе получаютъ по 46 руб. жалованья въ мѣсяцъ, изъ которыхъ на 8 руб. должны содержать свою канцелярію и по меньшей мѣрѣ 12 р.

платить за квартиру. Такимъ образомъ на 26 руб. надо жить часто съ семьей. Трудно! Это содержаніе утверждено 20 лѣтъ назадъ, когда жизнь была вдвое дешевле, и съ тѣхъ поръ, несмотря на ходатайство губернатора, на очевидную невозможность жить однимъ содержаніемъ, городъ не прибавилъ полиціи ни копѣйки.

А полиціи во Ржевѣ очень и очень много дѣла. Если въ Торжкѣ, при сравнительной скученности города и при мирныхъ нравахъ его населенія, весьма чувствительно ощущается недостатокъ полиціи, то во Ржевѣ, почти въ 2 раза большемъ по размѣрамъ и несравненно болѣе бойкомъ по темпераменту мѣщамъ, этотъ недостатокъ можетъ быть даже пагубнымъ. Въ этомъ 8-ми-верстномъ городѣ, всего 7—8 полицейскихъ постовъ. Цѣлая половина «Князь-Дмитріевской» части, заселенная преимущественно мѣщанами, самымъ буйнымъ народомъ, остается безъ полицейскаго поста. Отсюда естественно, что до поздней ночи шумъ, пѣсни, разгулъ и не только мирный гражданинъ, но и само полицейское начальство если рѣшается пройти тѣмъ мѣстомъ, то съ извѣстной опаской. Да и будь тамъ одинъ, даже два городовыхъ, что имъ дѣлать? Или бѣжать отъ толпы, или быть ею побитыми — что не разъ и случалось въ богоспасаемомъ Ржевѣ! А что онъ богоспасаемъ,—это несомнѣнно, при такомъ положеніи вещей. Несомнѣнно также, что существующая тамъ полиція болѣе чѣмъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, если могла предупредить еврейскій погромъ, если можетъ и по-нынѣ уберегать городъ отъ открытаго грабежа и обезчинья. Странно только, какъ городъ не внялъ ни ходатайству начальника губернатора — дать болѣе человѣческое содержаніе его охранителямъ, ни проекту его о введеніи конныхъ полицейскихъ чиновъ.

— Денегъ нѣтъ... говорили мнѣ на это. Проживемъ и такъ, Богъ дастъ...

Резонъ!—только могущій кончиться весьма печально.

Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, какъ по величинѣ торговыхъ оборотовъ, такъ и по разнообразію различныхъ отраслей торговли и промысловъ, г. Ржевъ далеко уступаетъ сосѣднему съ нимъ г. Торжку. Богатаго и тароватаго купечества, какъ я уже сказалъ, во Ржевѣ нѣтъ. Торговля и промыслы сосредоточены почти исключительно въ рукахъ у мѣщанъ и крестьянъ, и обороты ихъ такъ незначительны, что на нихъ нельзя и останавливаться. Прибылей только хватаетъ на пропитаніе, а капиталовъ и капиталистовъ въ городѣ почти нѣтъ. Главный отпускъ товаровъ составляютъ: ленъ, льняное сѣмя, овесъ и пеньковыя пряжи для канатныхъ заводовъ. Сообразно съ этимъ, въ городѣ существуетъ пенькопрядильныхъ заводовъ 13 и льнотрепальныхъ 2. Изъ другихъ заведеній и заводовъ въ городѣ, сообразно количеству ихъ, можно упомянуть о красильныхъ заведеніяхъ—6 и о гончарныхъ заводахъ—3.

Главный промыселъ бѣдныхъ жителей города — витье веревокъ изъ пеньки. Этотъ промыселъ преимущественно кустарный и питаетъ тысячи жителей Ржева. Онъ развитъ здѣсь до весьма широкихъ размѣровъ и придаетъ городу довольно исключительный характеръ.

Витье веревокъ производится на улицахъ, способомъ первобытно-простымъ.

У начала улицы, подъ открытымъ небомъ, или подъ деревяннымъ легкимъ навѣсомъ, устанавливается самая *машина*, если это слово не будетъ слишкомъ громко для ребячески-пустаго приспособленія. Машина вся состоитъ изъ деревяннаго колеса, приводимаго въ движеніе за ручку однимъ человѣкомъ. Колесо это на наружной поверхности своей имѣетъ зубцы, которые приводятъ въ вращательное движеніе ряды крючковъ, за которые зацѣпляется начало веревки. Крючковъ этихъ бываетъ весьма различное количество, сообразно количеству рабочихъ и величинѣ производства. Затѣмъ, отъ этой машины, вдоль всей улицы, идетъ рядъ стоекъ, съ перекладинками между ними, гдѣ вбиты тоже крючки, но неподвижные, сообразно съ количествомъ движущихся крючковъ. Это имѣетъ видъ длиннаго ряда воротецъ и придаетъ улицамъ весьма своеобразное зрѣлище; послѣднее приспособленіе чисто для удобства. Съ технической стороны это все, что можно сказать о веревочномъ производствѣ. Самый же способъ его таковъ: работникъ запасается пенькой, обматывая ее вокругъ себя, зацѣпляетъ кусокъ ея за вертящійся крючекъ и, сжимая и сглаживая въ рукахъ (на нихъ надѣты рукавицы) ленту пеньки, онъ постепенно отступаетъ. Чтобы готовая веревка не опускалась тяжестью своей къ землѣ, онъ, проходя подъ каждымъ такимъ воротцемъ, быстро накидываетъ ее на крючекъ вверху. Такъ проходитъ онъ разстояніе отъ 20—70 саженъ, смотря по длинѣ веревки, все время одной рукой крѣпко сдавливая вьющуюся нить, а другой—разматывая кругомъ себя и выравнивая волокна пеньки.

Это, повидимому, простое дѣло требуетъ, однако, не малаго навыка, даже искусства. Рабочій долженъ сосредоточить все свое вниманіе на разматываніи и вырываніи пеньки, чтобы въ каждый данный моментъ захватить ея въ руку не больше и не меньше. Чуть онъ зазѣвался, скомканный клубокъ пеньки проходитъ черезъ его руку, вьется и на веревкѣ получаются бугры, неровности, дѣлающія ее негодной. Въ другой разъ, волокна пеньки зацѣпятся за платье, работникъ во-время не пріостановится, и получается тонкая нить, часто тутъ-же обрывающаяся. При всемъ вниманіи рабочаго, эти случаи нерѣдки, и тутъ-то можно любоваться ловкостью его, когда въ одинъ мигъ, онъ или самъ обрываетъ неровную часть веревки, или подымаетъ оборвавшійся конецъ ея, въ другой мигъ прикладываетъ къ ему кусокъ пеньки, сжимаетъ ихъ вмѣстѣ,—и вотъ веревка срослась точно живая, все растетъ, и нѣтъ малѣйшаго слѣда на ней неровности.

Во Ржевѣ есть заведенія подобнаго рода, гдѣ работаетъ разомъ нѣсколько десятковъ рабочихъ; они принадлежатъ богатымъ мѣщанамъ и купцамъ. Рабочіе нанимаются большею частью съ платой за выработку, т. е. платится копѣекъ 5—6, если не ошибаюсь, за разъ пройденный кусокъ веревки, сажень въ 70—80. Хорошій рабочій можетъ пройти въ день около 25 разъ, слѣдовательно заработокъ его достигаетъ до 1 р.—1 р. 50 к. Гораздо-же больше заведеній подобнаго рода маленькихъ, принадлежащихъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ, гдѣ работаетъ 3—4 человѣка. Покупаютъ они пеньку послѣдняго качества и свиваютъ веревки не длиннѣе 20—30 сажень, довольно грубой вслѣдствіе того отдѣлки. Нѣсколько такихъ веревокъ они свиваютъ въ одну и продаютъ на канатныя фабрики, съ сажени. Выручка ихъ этимъ тоже достигаетъ до 1 руб. въ день.

Веревочное производство на улицахъ, представляясь повидимому неудобнымъ (оно отымаетъ у многихъ улицъ почти половину ширины ихъ), не стѣсняетъ однако жителей г. Ржева. Пѣшеходы и ѣдущіе свободно продвигаются возлѣ такого рода сооруженій, и ни мало не жалуются на тѣсноту. Да и смѣшно было-бы жаловаться этимъ рѣдкимъ прохожимъ и проѣзжимъ, когда это производство кормитъ массы голоднаго люда и даетъ городу не послѣдній доходъ.

Работы по выдѣлкѣ веревокъ производятся только въ теплое время. Зимой, всѣ эти рабочіе и наемные, и собственники, нанимаются на пенькопрядильныя и льнотрепальныя фабрики.

Въ 2-хъ верстахъ отъ Ржева, на берегу рѣки Волги, находится ржевская писчебумажная фабрика, или, такъ называемое, товарищество ржевской писчебумажной фабрики Образцова. Фабрика состоитъ изъ большаго каменнаго корпуса, собственно фабричнаго, и нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, подъ конторой, квартирами служащихъ и бараками рабочихъ, — красиво раскинутыхъ по отлогому берегу Волги, между сосновой рощей. Другой берегъ Волги круто виситъ надъ водой, и его линія, изгибающаяся вслѣдъ за рѣкой и темнѣющая густымъ лѣсомъ, представляется отсюда очень живописной.

Управляетъ фабрикой англичанинъ, человѣкъ почтенный и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ. Благодаря его обстоятельнымъ объясненіямъ, хотя произносимымъ на трудно-понимаемомъ, ломанномъ русскомъ языкѣ, я имѣю возможность изложить здѣсь краткій ходъ производства бумаги, начиная отъ разборки тряпокъ и кончая упаковкой тысячи стопъ всѣхъ сортовъ бумаги. Это производство такъ интересно по своей простотѣ, что я рѣшаюсь на немъ нѣсколько остановиться, рискуя даже возбудить скуку у тѣхъ изъ читателей, которымъ оно хорошо извѣстно.

Тряпки получаются фабрикой громадными тюками, большею частью изъ Нижняго-Новгорода Фабрика потребляетъ ихъ болѣе 100 тысячъ пудовъ въ годъ, платя за пудъ, смотря по качеству, отъ 1 р. 35 к. и до 2 р.

Первое отдѣленіе фабрики и первая инстанція производства бумаги,—это отдѣленіе *сортировочное.* Оно помѣщается въ отдѣльномъ флигелѣ, въ два этажа, и представляетъ изъ себя двѣ обширныя залы—вверху и внизу. Онѣ уставлены кругомъ и по серединѣ-рядомъ деревянныхъ темныхъ станковъ, на которые навалены груды тряпокъ и за которыми снуетъ множество женщинъ. Тюки тряпокъ навалены также на полу, такъ что пробираться въ этихъ залахъ очень трудно. Полъ, потолокъ, стѣны, столы—все это темно подъ слоемъ густой пыли, также какъ лица и одежда работницъ. Эта мелкая, ѣдкая пыль, несущаяся отъ грязныхъ, ссохшихся тряпокъ, чуть только тронешь ихъ, столбомъ стоитъ въ воздухѣ и затрудняетъ дыханіе Эти разноцвѣтныя лохмотья, неизвѣстно кому принадлежавшія, отъ чего оторванныя, кѣмъ носимыя и чѣмъ запачканныя, должны вселять невольное отвращеніе всякому новому посѣтителю. Работать надъ ними — нужно большаго мужества и отсутствія всякой брезгливости.

Однако работаетъ тамъ 94 женщины, преимущественно молодыя, нерѣдко и красивыя, такъ называемыя—*сортировщицы*.

Съ изумительной быстротой, ловкостью и навыкомъ копаются онѣ въ грудахъ всякаго старья, ощупью и глазомъ опредѣляютъ качество всякой тряпки, вырываютъ ее изъ мѣшка, расправляютъ, обрѣзываютъ тутъ же на рѣзакѣ всякія негодныя части: тесемки, пуговицы, истрепанные края и проч., и швыряютъ ихъ въ разныя кучки по сортамъ. Такихъ сортовъ тряпокъ 22. Шутка сказать!.. Въ этомъ хламѣ дряни, сплошь грязной, отвратительной, найти еще двадцать два разныхъ сорта, сообразно тонкости, достоинству, цвѣту и степени поношенности матеріи... И это, не задумываясь, не разсматривая, а только взглянувъ и дотронувшись! Искусство не малое... Такимъ образомъ разсортированныя тряпки рубятся на мелкія куски въ *рубильномъ* отдѣленіи и затѣмъ поступаютъ въ главное отдѣленіе—*тряповарочное*.

Это отдѣленіе есть самая важная часть устройства фабрики. Отъ того, какъ тряпка сварится, насколько она очистится отъ всякихъ примѣсей (красокъ), насколько она размягчится и обратится въ густую, однообразную массу, — зависятъ дальнѣйшая обработка ея, качество и сортъ бумаги.

Тряповарочное отдѣленіе состоитъ изъ двухъ большихъ помѣщеній: верхняго—гдѣ сваливаютъ тряпку и накладываютъ ее въ отверстія котловъ, и нижняго—гдѣ стоятъ самые котлы. Верхнее помѣщеніе очень свободно. Сейчасъ у входа въ него, въ полу, продѣлано пирамидальное отверстіе—*воронка*; одинъ рабочій все время стоитъ тамъ и запихиваетъ въ трубу, идущую подъ поломъ, приносимую ему тряпку. Эта труба соединяется съ котломъ, верхушка котораго видна неподалеку отъ воронки. Другаго устройства въ верхнемъ помѣщеніи нѣтъ. Въ нижнемъ же, гораздо большемъ, куда ведетъ шаткая деревянная лѣстница, помѣщаются самые котлы. Ихъ тамъ три. Это громадные, желѣзные цилиндры, идущіе отъ стѣны къ стѣнѣ въ горизонтальномъ направленіи и посредствомъ машины все время медленно вращающіеся. Процессъ варки тряпокъ въ нихъ производится паромъ, впускаемымъ въ котелъ изъ верхняго отверстія, того, которое видно въ верхнемъ помѣщеніи. Тряпка варится, такимъ образомъ, сутки и болѣе, смотря по сорту, какой хотятъ имѣть.

Сваренная тряпка, въ видѣ однообразной темной массы, гдѣ нѣтъ ужь ни кусковъ, ни ткани, которую можно легко рвать, поступаетъ въ такъ-называемое *рольное отдѣленіе*, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, для полученія самыхъ высокихъ сортовъ массы, она тутъ же, въ тряповарочномъ отдѣленіи, подвергается тщательному мытью и размельченію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сваренную тряпку накладываютъ въ длинное, шестигранное сито или рѣшето, которое лежитъ горизонтально на подставкахъ. Внутри этого сита, по каждой грани его, идетъ рядъ длинныхъ иглъ, а съ наружной стороны проведена во всю длину сита металлическая труба со множествомъ отверстій, направленныхъ на грани. Эта труба водопроводная. Съ одного отверстія сита накладываютъ тряпку, съ противоположнаго, по мѣрѣ готовности, она выпадаетъ. По средствомъ безконечнаго ремня, проведеннаго отъ главной машины, приводятъ сито въ вращательное движеніе и, отвернувъ кранъ, спускаютъ воду. Вода изъ трубы, десятками тонкихъ струй бьетъ на грани сита и черезъ отверстія ихъ проходитъ внутрь, омываетъ тряпку и тѣми же отверстіями стекаетъ внизъ. Въ то же время, быстрое вращательное движеніе сита перемѣшиваетъ въ немъ тряпку, даетъ возможность лучше омыться ей, а частыя иглы внутри треплютъ и раздираютъ крупныя части всей этой массы. Работа на этомъ ситѣ производится весьма рѣдко, въ виду сравнительно малыхъ размѣровъ его и медленности.

Обыкновенно же, сваренная тряпка омывается въ *рольномъ* отдѣленіи, посредствомъ ряда рольныхъ машинъ; онѣ представляютъ изъ себя большихъ размѣровъ чаны, куда сваренная тряпка наваливается особымъ способомъ и гдѣ все время она находится въ вращательномъ, немножко даже вольнообразномъ движеніи. Эти машины состоятъ изъ двухъ отдѣленій: верхняго, откуда наваливается тряпка, наливается вода или смѣшанная жидкость, и гдѣ сосредоточена движущая сила, и нижняго—большаго, круглаго чана, гдѣ моется эта тряпка. Изъ верхняго въ нижнее отдѣленіе надо спуститься по нѣсколькимъ ступенямъ.

Рольныхъ машинъ на фабрикѣ 5—6; онѣ идутъ длиннымъ рядомъ въ нижнемъ ея помѣщеніи. Въ нихъ постепенно смывается и обѣляется бумажная масса, начиная отъ первой машины, гдѣ она промывается только чистой водой, сохраняя еще грязный цвѣтъ, затѣмъ проходя другими машинами черезъ разныя смѣси, какъ-то:

хлоръ, известнякъ, купоросное масло и проч. и кончая, наконецъ послѣдней машиной, откуда получается уже *товарный ролей*—чистая, бѣлая и мягкая, какъ снѣгъ, масса. Любопытно видѣть, какъ постепенно, почти незамѣтно, въ каждой изъ этихъ машинъ видоизмѣняется бумажная масса, и какая громадная разница между ея первоначальнымъ видомъ, только поступающимъ въ рольное отдѣленіе, и окончательнымъ, называемымъ товарный ролей.

Товарный ролей поступаетъ въ отдѣленіе *отдѣльное*, гдѣ онъ складывается въ *колодцы*. Это отдѣленіе представляетъ собой длинную галлерею, открытую сверху, въ видѣ корридора, по бокамъ котораго устроены посредствомъ перегородокъ такъ называемые колодцы, подобіе закромовъ въ хлѣбныхъ амбарахъ. Въ нихъ сваливается по сортамъ готовая уже бумажная масса и вліяніемъ лучей солнца и свѣта, она сохнетъ и окончательно обѣляется. Здѣсь лежитъ она 3 — 4 сутокъ, смотря по требуемой бѣлизнѣ, и затѣмъ переносится въ отдѣленіе бумажное, прямо на выдѣлку бумаги.

Это послѣдняя инстанція изготовленія бумажной массы, которая, такимъ образомъ, получается изъ тряпокъ въ 5—6 сутокъ. Это отдѣленіе на фабрикѣ выстроено вновь, деревянное, чистое и, вслѣдствіе обилья свѣта, веселое—если можно такъ выразиться. Въ немъ какъ и въ рольномъ отдѣленіи, сильный специфическій запахъ хлора съ разными примѣсями.

Собственно *бумажныя* машины—это самыя любопытная часть устройства писчебумажныхъ фабрикъ. На Ржевской фабрикѣ ихъ, только одна, въ непродолжительномъ же времени предполагается пріобрѣсти и другую. Онѣ очень дороги по своей величинѣ и сложности. Такая машина представляетъ собой въ сущности рядъ мелкихъ машинъ, только искусно соединенныхъ между собой. Вотъ ея главныя части: отверстіе, куда наливается масса, потомъ длинная сѣтка, натянутая въ наклонномъ положеніи, потомъ также натянутое сукно, валъ, навивающій на себя первую бумагу, потомъ цѣлый рядъ цилиндровъ, согрѣваемыхъ внутри паромъ и называмыхъ *сушильней*, потомъ *вентиляторы*, потомъ *голландры* и наконецъ послѣдній валъ, называемый *мотовильнымъ аппаратомъ*.

Твердая бумажная масса, получаемая изъ обѣлочнаго отдѣленія разбавляется водой и въ видѣ гущи (какъ крахмалъ) сливается особымъ способомъ на сѣтку бумажной машины. По ней она, силой напора

бѣжитъ съ большей или меньшей скоростью, постепенно теряя черезъ сѣтку и быстроту движенія частицы воды. Съ каждымъ дюймомъ пройденнаго разстоянія по сѣткѣ, тонкій слой массы становится плотнѣе, частицы ея, такъ сказать, тѣснѣе сращиваются. Передъ самымъ концомъ сѣтки, гдѣ начинается уже сукно, помѣщается снизу невидимый насосъ, въ видѣ длинной параллельной трубки; отсюда слой массы вдругъ обращается въ листъ бумаги, еще рыхлый, мокрый, но вполнѣ ясно различаемый на бѣломъ суконѣ, по которому онъ бѣжитъ, уравниваясь и окончательно уплотняясь.

Насосъ—это главная часть машины. Присутствіе его сразу замѣчается по рѣзкой чертѣ, образующейся въ этомъ мѣстѣ на поверхности бумажной массы. А черта эта образуется отъ того, что блестящая поверхность жидкой массы, въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе моментальнаго высасыванія изъ нея воды, становится матовой. И эта мгновенная перемѣна такъ рѣзка, что не можетъ не обратить на себя вниманія. Нужна громадная сила насоса, чтобы въ какую-нибудь тысячную долю секунды успѣть втянуть въ себя почти всѣ частицы воды изъ бѣгущей надъ нимъ, съ огромной скоростью, массы (проходитъ въ 1 минуту 160 футовъ). Эта черта насоса — есть черта, за которой начинается ужь обработка самой бумаги.

Пробѣжавъ по сукну и по первому валу, она, уже плотная, навивается на цилиндры «сушильни». Пройдя цѣлую систему ихъ и получивъ надлежащую упругость, бумага проходитъ, для окончательной просушки, еще черезъ «вентиляторы», затѣмъ навивается на голландры — мѣдные цилиндры, большой стоимости (американскіе), получаетъ на нихъ глянцъ (если дѣлаютъ атласную бумагу) и наконецъ, совсѣмъ готовая, наматывается на *мотовильный* аппаратъ, тоже въ видѣ цилиндра.

Все это путешествіе по машинѣ, длиной саженъ въ 15-ть, бумажная масса, а потомъ бумага, совершаетъ не болѣе какъ въ 5-ть минутъ. Въ этотъ промежутокъ времени, жидкая масса, налитая на сѣтку машины, превращается въ бумагу, начиная отъ самой грубой, сѣрой и кончая лучшими сортами толстой, слоновой бумаги. Эти сорта зависятъ прежде всего отъ качества массы, но кромѣ того еще и отъ самаго способа работы на бумажной машинѣ. Худшіе сорта бумаги пропускаютъ по ней скорѣе и не пропускаютъ вовсе черезъ «голландры». Вслѣдствіе сего, они получаются тоньше, не-

брежнѣе высушены и шероховаты. При выдѣлкѣ лучшихъ сортовъ, бумажную массу пускаютъ медленнѣе, отчего слой ея становится толще и вся дальнѣйшая обработка его тщательнѣе. Голландры-же придаютъ ему красоту и гладь. Очевидно, тутъ разсчетъ времени, и потому, несмотря на то, что какъ хорошая, такъ и худшая бумаги дѣлаются почти одинаково, фабрикѣ выгодно дѣлать худшую, потому что она дѣлается гораздо скорѣй.

Листъ бумаги навивается на послѣднiй «мотовильный» цилиндръ безконечной лентой, разной ширины, не шире 75-ти дюймовъ. Эти цилиндры, по мѣрѣ наполненiя ихъ, смѣняются новыми, въ сутки такихъ цилиндровъ смѣняютъ болѣе 50-ти, что составляетъ 300—325 пудовъ бумаги.

Для приданiя бумагѣ послѣдняго ея вида, эти цилиндры переносятъ и вставляютъ въ *бумаго-рѣзную* машину, гдѣ, помощью вертящагося ножа-рѣзака, широкая и безконечная лента бумаги разрѣзывается пополамъ вдоль и, черезъ извѣстные промежутки, въ поперекъ.

Такимъ образомъ получаются листы обыкновенной бумаги, которые подбираются и аккуратно складываются, работающими у этой машины, мальчиками.

Послѣднее отдѣленiя фабрики—это сортировка бумаги. Здѣсь самое большое и чистое помѣщенiе. Работаютъ женщины, преимущественно дѣвочки, аккуратно перебирая каждый листъ, осматривая ихъ и складывая по сортамъ. Смотря по измятости, по шероховатости, по соринкамъ, которыя попали въ бумажную массу, онѣ откладываютъ эти листы къ худшимъ сортамъ, или даже въ бракъ. Здѣсь-же, весьма простымъ способомъ, посредствомъ сжатiя между цинковыми листами и глазируется бумага для конвертовъ.

Разсортированная бумага складывается въ стопы, эти стопы сжимаются въ большихъ прессахъ, завертываются, и отсылаются. Вотъ въ общихъ чертахъ все производство бумаги.

На Ржевской фабрикѣ работаетъ около 220 человѣкъ, больше женщинъ, изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно ржевцы. На работы они въ большинствѣ случаевъ приходятъ, и только 20 семействъ живетъ въ фабричныхъ баракахъ. Женщины работаютъ въ обоихъ сортировочныхъ отдѣленiяхъ фабрики; по сортировкѣ тряпокъ и сортировкѣ готовой бумаги. За сортировку тряпокъ, онѣ получаютъ съ пуда: за собственно сортировку—2 коп., за рѣзку тряпокъ — 6 коп. За сортировку бумаги онѣ получаютъ постопно, смотря по формату и качеству работы, отъ $1^1/_2$ — 10 коп. за стопу. Работа въ этихъ двухъ отдѣленiяхъ, однородныхъ по названiю, въ сущности представляетъ громадную разницу по трудности ея. Въ одномъ отдѣленiи грязь, удушье, суета, въ другомъ—чистота, хорошiй воздухъ и тишина. Сортировщицы бумаги могутъ считать себя счастливыми, въ сравненiи съ сортировщицами тряпокъ.

Мужчины работаютъ во всѣхъ остальныхъ отдѣленiяхъ фабрики и получаютъ: мастера 1 р.—$1^1/_2$ р. въ сутки, а рабочiе—лучшiе до 1 р. въ сутки, худшiе 45—50 копѣекъ. Рабочiе обставлены администрацiей фабрики хорошо. Въ случаѣ заболѣванiя, они лечатся на счетъ фабрики и получаютъ, кромѣ того, во все время болѣзни половинное содержанiе. Въ случаѣ увѣчья, полученнаго на фабрикѣ, имъ дается пожизненный пенсiонъ, обезпечивающiй ихъ существованiе. При фабрикѣ имѣется небольшая аптека и фельдшеръ.

Работы на фабрикѣ производятся день и ночь, двумя смѣнами, смѣняющимися въ 6 часовъ вечера и 6 часовъ утра. Оборотъ фабрики, приблизительно, около 500 тысячъ, стоимость ея съ новыми постройками — около 600 тысячъ. Существуетъ фабрика съ 1875 года, когда она была основана здѣсь мѣстнымъ помѣщикомъ Образцовымъ.

Производство бумаги, съ прибытьемъ новаго управляющаго, англичанина, значительно улучшилось и теперь его можно назвать образцовымъ. Сбытъ ея оптовый — въ Москву и С.-Петербургѣ, причемъ въ послѣднемъ существуетъ и спецiально магазинъ Ржевской писчебумажной мануфактуры, помѣщающiйся въ Гостиномъ дворѣ.

Ржевъ принадлежитъ къ городамъ достаточно обезпеченнымъ въ смыслѣ развитiя благотворительности какъ общественной, такъ и частной. Изъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденiй, во Ржевѣ находятся: а) сиротскiй домъ, управляемый дамскимъ обществомъ; б) Владимiрское братство, подъ покровительствомъ котораго находятся: владимiрская богадѣльня, для призрѣнiя неимущихъ престарѣлыхъ жителей г. Ржева, и трехклассное училище для бѣдныхъ дѣвочекъ, и в) земская больница, содержимая на средства земства. Изъ частныхъ благотворительныхъ учрежденiй во Ржевѣ существуютъ два училища, основанныя и содержимыя на средства знамени-

той Мазуриной и Булахъ: женское училище для дѣвицъ духовнаго званія и ремесленное училище для бѣдныхъ дѣвицъ.

Самое отрадное впечатлѣніе, изъ всѣхъ этихъ учрежденій, производитъ сиротскій домъ. И это впечатлѣніе чѣмъ сильнѣе, тѣмъ отраднѣе, сравнивая сиротскій домъ во Ржевѣ съ сиропитательнымъ заведеніемъ г. Торжка. Новоторжское сиропитательное заведеніе является просто безобразнымъ наряду съ ржевскимъ сироткимъ домомъ. Начиная съ внѣшняго вида зданія, кончая видомъ самихъ малютокъ, насколько тамъ все убого, грязно, уныло, настолько здѣсь—богато, чисто и весело.

Сиротскій домъ во Ржевѣ помѣщается въ красивомъ, двухъ-этажномъ каменномъ зданіи, на чистой и широкой улицѣ. Пройдя черезъ калитку воротъ, входишь на небольшой дворъ, чисто вымощенный, вокругъ котораго группируются хозяйственныя пристройки. Направо сейчасъ подъѣздъ, ведущій въ просторныя сѣни и, по широкой, вновь выкрашенной лѣстницѣ, во второй этажъ. Тамъ помѣщаются дѣти старшихъ возрастовъ, начиная отъ «ползуновъ» и кончая 11-ти-лѣтнимъ возрастомъ. Тамъ ихъ спальни, столовыя, классъ, тамъ и большая рекреаціонная зала, служащая также и заломъ засѣданій комитета. Эта зала, въ которую входишь прямо изъ перед ней, поражаетъ своей чистотой, своимъ «благолѣпіемъ». Посреди нея стоитъ большой столъ подъ краснымъ сукномъ, кругомъ него чинно разставлены стулья. Паркетный лоснящійся полъ, стѣны, обитыя бѣлыми чистыми обоями, подоконники и рамы, блестящія бѣлизной, масса свѣту, врывающагося съ улицы черезъ четыре окна, дѣлаютъ залу веселой и уютной.

Спальни дѣтей даже роскошны. Это большія и высокія комнаты, окрашенныя въ темную масляную краску, въ которыхъ, скорѣе слишкомъ широко, чѣмъ тѣсно, разставлены дѣтскія кроватки. Всѣ кроватки темно-коричневаго цвѣта, чистыя, почти новыя, съ высокими боками. На нихъ аккуратно, съ педантичною строгостью, разостланы постельки: крошечные матрасики, подушечки и крошечныя одѣяльца. Здѣсь также много простора, свѣта и воздуха.

Я пріѣхалъ въ заведеніе къ обѣду и съ большимъ удовольствіемъ послѣдилъ за трапезой малютокъ. Въ столовой стоятъ два низкіе стола, кругомъ которыхъ, на еще болѣе низкихъ скамейкахъ, сидѣла вся эта арава мальчугановъ и дѣвочекъ. Преуморительное зрѣлище

Глядя на нихъ съ высоты обыкновеннаго человѣческаго роста, видишь только ряды головокъ, точь въ точь похожихъ одна на другую. Ни дѣвочекъ, ни мальчиковъ, ни возрастовъ тутъ не отличишь; эти сѣрыя, мышинаго цвѣта, съ разными оттѣнками, головки, всѣ коротко подстриженныя, лоснящіяся чистой, эти бѣлые лобики и румяныя щечки, замаранныя кашей, масломъ; эти наивные, широкіе дѣтскіе взоры, уставленные съ проницающимъ любопытствомъ на незнакомаго гостя, и маленькія деревянныя ложки, полныя кашей, проносимыя въ это время, съ неподражаемымъ комизмомъ, мимо рта,— все это вмѣстѣ представляло картину, достойную хорошей кисти.

Я подсѣлъ къ столу мальчиковъ (другой столъ занятъ былъ дѣвочками, которыхъ я узналъ только по платьямъ) и мигомъ завелъ дружбу съ своими сосѣдями. Они вообще были мало разговорчивы, но глядѣли мнѣ въ глаза прямо и улыбались предобродушно. Истребленіе каши, на минуту пріостановившееся моимъ приходомъ, продолжалось съ удвоенной энергіей, возбуждая и во мнѣ аппетитъ Смотрительница не уставала обходить столы, подбавлять въ мисочки и раздроблять куски слишкомъ большіе, которые никакъ не лѣзли въ маленькіе рты, не смотря на усилья всѣхъ десяти пальцевъ ихъ обладателей. Боже, сколько тутъ разныхъ людскихъ типовъ, будущихъ характеровъ, обнаруживается за этими мисочками съ кашей Вотъ, мой сосѣдъ слѣва. Востроглазый—одно слово. Онъ то и дѣло поглядываетъ на меня, хихикаетъ и толкаетъ локтемъ товарища. «Онъ меня критикуетъ», подумалъ я. Я притворяюсь, что не вижу его, завожу разговоръ съ другимъ и вдругъ оборачиваюсь. Надо видѣть, какъ мгновено измѣняется выраженіе его глазъ, какъ вытягивается личико и какъ серьезно онъ запихиваетъ за обѣ щеки гигантскіе куски гречневой каши. Немного дальше его золотисто-бѣлокурая головка четырехлѣтняго пузанчика, съ задумчивымъ и грустнымъ выраженіемъ глазъ и слегка блѣднымъ личикомъ, все время не отварачивается отъ меня. Лѣвой ручкой онъ подпираетъ эту головку, а правой, съ ложкой, медленно и повидимому безсознательно, шевелитъ въ своей мискѣ. Эта миска полна кашей, онъ не торопится удовлетворить аппетита, за то не отрываетъ отъ меня, отъ моихъ погонъ и пуговицъ своихъ большихъ голубыхъ глазъ, не по-дѣтски серіозныхъ и спокойныхъ. Я, взглядывая на него, улыбаюсь ему, а онъ и гла-

зомъ не моргаетъ, словно презираетъ мою неумѣстную веселость. Я заговариваю съ нимъ—молчитъ и не отворачивается.

— Что же ты не ѣшь? Не вкусно развѣ?.. спрашиваю я его. Все молчитъ. Тогда смотрительница заботливо нагибается къ нему.

— Мишенокъ!.. Ты что такой? Отчего не кушаешь?..

Мишенокъ нехотя опускаетъ глаза къ мискѣ и также нехотя подымаетъ ко рту почти пустую ложку. Но чрезъ минуту онъ опять смотритъ на меня, лѣниво пожевывая ртомъ и ковыряя ложкой въ своей кашѣ.

Будущій мыслитель, философъ можетъ быть, говорю я себѣ, стараясь не смотрѣть на Мишенка и чувствуя сильное желаніе его обнять, разцѣловать.

Направо отъ меня цѣлый рядъ совсѣмъ иныхъ типовъ. Пять, шесть мальчугановъ, всѣ, какъ одинъ, кругленькіе, румяные, бойкіе, не перестаютъ шептаться между собой и хихикать по моему адресу. Каша такъ и таетъ подъ ихъ ложками. Они не прячутъ своего веселья. Они смѣются мнѣ прямо въ глаза; они и не молчатъ. Послѣ громкихъ фырканій въ рукавъ, послѣ суетливаго ерзанія по скамейкѣ, послѣ отчаянныхъ экзекуцій надъ комками каши,—они все-таки отвѣчаютъ на мои вопросы. Какъ зовутъ, сколько лѣтъ, что дѣлаютъ, веселы-ли, хороша-ли каша и пр. На все это я получалъ достаточно понятные отвѣты. Только одинъ между ними былъ престранный. Онъ также пристально все время смотрѣлъ на меня, какъ его визави слѣва отъ меня. Но его голая, мышинаго цвѣта, головка, вверху несообразно широкая, внизу, у подбородка почти острая, съ длинными ушами и маленькими, хитрыми глазенками, производила странное, неодолимо-смѣшное впечатлѣніе. Я не смотрѣлъ на него, чтобы не расхохотаться. Когда же случайно я на него взглядывалъ, онъ вдругъ, точно ошпаренный, подпрыгивалъ на скамейкѣ, всѣмъ корпусомъ отворачивался отъ меня и пряталъ голову между руками. И ужь ни каша, ни смотрительница не могли его тогда заставить поднять голову, пока я вновь не отворачивался и не заговаривалъ съ другими. При его смѣшной наружности, эти внезапныя подпрыгиванія, сопровождавшіяся невыразимыми гримасами его удивительно подвижнаго лица,—вызывали у меня неудержимый хохотъ.

— Чудакъ... сказалъ я смотрительницѣ.

— Всегда такой, улыбалась и смотрительница. Глухонѣмой онъ, а все будто понимаетъ... Она съ нѣжностью гладила глухонѣмаго чудака, заботливо дробила ему кашу и сама кормила.

— Какіе они у васъ чистенькіе, гладенькіе, точно сдобные, отозвался я симпатичной смотрительницѣ.

— Въ банѣ сегодня были, недавно пришли.

— И любятъ они баню?

— Страсть любятъ полоскаться. Для нихъ это праздникъ. А вотъ не угодно-ли посмотрѣть нашихъ двухъ сестрицъ? Онѣ въ спальнѣ, почиваютъ, послѣ бани устали.

Мы пришли въ спальню. На кроватяхъ, рядомъ, спали двѣ трехълѣтнія дѣвочки. Смотрительница разбудила одну изъ нихъ и сказала, что пора обѣдать. Дѣвочка потянулась, улыбнулась и взглянула сейчасъ на кроватку рядомъ, гдѣ продолжала спать другая.

— Что-жъ, Соня, разбуди Таню! Чай, ѣсть хочется?

Соня нагнулась съ постельки и осторожно тронула за одѣяло Тани.

— Стявай, Таня, стявай! Обѣдать... залепетала она.

Таня открыла глазки, также потянулась, улыбнулась и также сейчасъ взглянула на свою сосѣдку. Увидѣвъ, что та сидитъ ужъ, она мигомъ поднялась и тоже сѣла на постели. Смотрительница между тѣмъ стала живо одѣвать Соню, натягивая чулочки, башмачки и накинула юбку. Когда Соня была готова, она также живо принялась за свою подругу. Смотрительница только подавала ей требуемыя части туалета, а справлялась съ нимъ единолично Соня. При этомъ она пыхтѣла, отдувалась, торопилась, а Таня только величаво протягивала ножки и улыбалась.

— Соня всегда одѣваетъ Таню... не даетъ другимъ, пояснила мнѣ смотрительница.

Наконецъ, когда обѣ дѣвочки были готовы, онѣ стали рядышкомъ передо мной, держась за руки. Онѣ очень походили другъ на друга особенно формой ушей, большихъ и оттопыренныхъ. Коротко выстриженныя головки, наивные глазки и румяныя, продолговатыя личика—дѣлали ихъ очень милыми.

— Прочтите вотъ барину молитву какую... Хоть молитву за Царя! обратилась къ нимъ смотрительница. Дѣвочки взглянули другъ

на друга, потомъ на меня и разомъ начали лепетать: «Паси, Осподи, люди Твоя и блясляви достояніе Твоя...»

Я долженъ былъ отворачиваться, чтобы скрыть улыбку; этотъ не передаваемый лепетъ двухъ тоненькихъ голосковъ прерывался вздохами, длинными паузами и ободряющими взглядами другъ на друга. Онѣ старались говорить равно; но часто случалось, что одна обгоняла другую, слова не сходились, дѣвочки путались, останавливались, взглядывали другъ на друга и, послѣ короткаго промежутка, опять разомъ, тѣмъ же тономъ, продолжали съ середины. Случалось, что путалась одна, тогда другая строго на нее взглядывала, ее подталкивала, громче выговаривала слова молитвы (впрочемъ, имъ однѣмъ понятныя), и до тѣхъ поръ не отворачивалась отъ подруги, пока та не подхватывала слова и не продолжала съ ней вмѣстѣ.

Однако, безъ всякаго подсказыванія съ нашей стороны, онѣ кончили молитву сами. Другую, третью также прочитали онѣ, все держась за руки и стоя передо мной, какъ передъ иконой. Сбивались, путались, но также самостоятельно сами поправлялись и кончали. Только, зная наизустъ молитву, можно было понять ее въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ, гдѣ безпощадно глотались цѣлыя половины словъ, гласныя переходили въ согласныя и наоборотъ, безконтрольно ставились точки, а запятыя попадались даже въ самихъ словахъ, между двумя буквами. Это было восхитительно по своей оригинальности.

Но еще болѣе восхитило меня, когда эти двѣ малютки запѣли. Это своеобразный дуэтъ двухъ трехлѣтнихъ голосовъ—ихъ интонаціи просто неподражаемы. Онѣ пѣли и молитвы, и свѣтскія пѣсни: «Боже, Царя храни», «Славься». И пѣли, несмотря на свою своеобразность, въ тактъ, сохраняя общій мотивъ, съ толкомъ и съ чувствомъ.

Тутъ ужъ я не удержался; послѣ такого неожиданнаго концерта, я безжалостно сталъ цѣловать и теребить его исполнительницъ. Я полагаю, что эти два Аякса въ юпкахъ рѣдкіе, если не единственные въ своемъ родѣ экземпляры.

— Вѣдь это не сестры, пояснила мнѣ смотрительница, когда я уходилъ.

— Развѣ? Отчего же онѣ такъ похожи, такъ дружны?

— Ужъ это не могу объяснить! Въ одинъ день подкинули. Ихъ такъ рядомъ и положили, а онѣ съ тѣхъ поръ и не разлучаются. Ни на минуту...

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается отдѣленіе для грудныхъ дѣтей. Они кормятся и мамками и посредствомъ рожковъ. Кроватки, занавѣси надъ ними, постельки—все тутъ образцовой чистоты, все носитъ на себѣ слѣды неусыпныхъ попеченій.

Ржевскій сиротскій домъ призрѣваетъ отъ 30—40 дѣтей обоего пола на средства города и частной благотворительности. Содержаніе его обходится до 3 тысячъ въ годъ, изъ которыхъ 1,000 руб. ассигнуется городомъ. Своимъ настоящимъ видомъ, могущимъ безспорно служить примѣромъ всѣмъ подобнаго рода заведеніямъ, онъ обязанъ только рвенію его попечительницы и комитета, управляющаго имъ. Дѣятельнѣйшими членами этого комитета состоятъ: г-жа Филиппова, жена товарища государственнаго контролера, и г-жа Семенова, жена мѣстнаго уѣзднаго исправника. Дѣло ихъ нелегкое и не мала ихъ заслуга.

Изъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, обращаетъ еще вниманіе ремесленное училище Мазуриной.

Почему оно называется ремесленнымъ—это неизвѣстно. Ремеслъ только тамъ дѣвочкамъ не преподаютъ. Училище помѣщается въ шикарномъ домѣ изящной архитектуры, на берегу Волги; къ нему принадлежитъ и красивый садъ, спускающійся къ самой рѣкѣ. Домъ этотъ и основной капиталъ въ 80 тысячъ пожертвованы Мазуриной, хотя, по уставу заведенія, это не совсѣмъ такъ. Въ этомъ уставѣ, на 1-й страницѣ значится, что самое зданіе пожертвовано дочерью коллежскаго регистратора Анастасіей Алексѣевой Волковой, за что ей и присвоено званіе одной изъ учредительницъ заведенія и поручена должность смотрительницы заведенія, въ случаѣ оставленія которой она пожизненно пользуется занимаемымъ ею въ домѣ призрѣнія помѣщеніемъ, сверхъ того, содержаніемъ по 150 р. въ годъ.

Г-жу Волкову всѣ знаютъ въ Ржевѣ какъ нищую, а потому пожертвованіе ею дома во 100 тысячъ рублей—болѣе чѣмъ смѣшная выходка. Зачѣмъ она понадобилась для устава—покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кромѣ того, на той же 1-й стр. значится, что домъ призрѣнія содержится на проценты съ пожертвованныхъ 80,000 р. московскою потомственною почетною гражданкою, дѣвицею Анною Васильевной Мазуриной и вдовою надворнаго совѣтника Натальею Антиповною *Булахъ*.

Послѣ этого новаго курьеза (Булахъ тоже сама по себѣ нищая) еще нѣкоторые курьезы устава, какъ составленнаго очевидно знаменитой гувернанткой Мазуриной—г-жей Булахъ, дѣлаются болѣе понятными.

Позволю себѣ привести здѣсь параграфъ 11-й этого устава, характеризующій составительницу его и проливающій нѣкоторый свѣтъ на цѣли его. Онъ озаглавленъ: «Управленіе заведеніемъ», и гласитъ слѣдующее:

«При жизни учительницъ, званіе попечительницъ принадлежитъ Мазуриной и Булахъ, а смотрительницы заведенія—Волковой. Эти попечительницы, для содѣйствія себѣ по управленію заведеніемъ, избираютъ изъ членовъ ржевскаго городскаго общества попечителя. Въ случаѣ смерти одной изъ сихъ попечительницъ, или нежеланія ея принимать участіе въ управленіи заведеніемъ, оставшаяся выбираетъ на мѣсто выбывшей другую попечительницу изъ обывательницъ г. Ржева, при чемъ обѣ попечительницы избираютъ для содѣйствія себѣ попечителя на прежнемъ основаніи. Въ случаѣ оставленія обѣими учредительницами званія попечительницъ, онѣ удерживаютъ за собою право избранія въ составъ правленія попечительницъ и попечителя изъ членовъ городскаго общества. По смерти же обѣихъ учредительницъ, попечительницы и попечитель избираются городскимъ обществомъ изъ своей среды на 3 года. При оставленіи Волковой обязанности смотрительницы заведенія, на мѣсто ея избирается другая попечительницами и попечителемъ заведенія».

Изъ этого параграфа ясно, что заведеніемъ управляютъ *только* попечительницы, а такъ какъ одна изъ нихъ Булахъ, то, значитъ, хозяинъ заведенія—это она. О контролѣ города, правительства, объ участіи въ этомъ хозяйствѣ лицъ, жертвующихъ на заведеніе,—въ уставѣ нѣтъ ни слова. Властолюбивая г-жа Булахъ, ея деспотичная натура и ненасытная жажда «управленія»—обнаружены въ этихъ строкахъ устава болѣе чѣмъ ясно.

Попечителемъ заведенія, съ основанія его, избранъ былъ и до сихъ поръ состоитъ, г. Булахъ, сынъ учредительницы; смотрительницей заведенія по уставу г-жа Волкова, получившая за свою фиктивную жертву и пожизненное помѣщеніе и пенсіонъ. Мазурина—полупомѣшанная, г-нъ Булахъ—родной сынъ, Волкова—безгласное созданіе, получившее милостями г-жи Булахъ кусокъ хлѣба: значитъ, правленіе дома призрѣнія оставалось-таки все-цѣло въ жесткихъ рукахъ энергичной г-жи Булахъ.

О томъ, какъ шло это управленіе тогда, до Булаховскаго краха, не берусь судить на основаніи однихъ слуховъ и сплетенъ, тѣмъ болѣе, что они ужь очень не красивы. Нынѣ ведется оно новымъ составомъ правленія и ведется по своему недурно.

Внутренность зданія вполнѣ гармонируетъ съ его внѣшностью. Большое количество комнатъ, просторъ въ нихъ, чистота, обиліе свѣту, воздуху—оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе. Мало есть учебныхъ, или другихъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, пользующихся такой комфортабельной обстановкой.

Число воспитанницъ въ заведеніи не ограниченно и зависитъ отъ средствъ; на первый разъ предполагалось принять 40 дѣвочекъ, дочерей недостаточныхъ родителей, преимущественно изъ жителей города Ржева, а также дочерей бѣдныхъ сельскихъ причетниковъ.

Нынѣ ихъ содержится тамъ около 60-ти, при чемъ нѣкоторыя принимаются за плату, сравнительно очень небольшую. Въ заведеніе поступаютъ дѣти не моложе 8-ми и не старше 12-ти, и остаются въ немъ до 18-ти лѣтъ, но, по желанію родителей, или опекуновъ, могутъ оставить заведеніе и раньше этого срока. Всѣ дѣти принимались прежде по собственному усмотрѣнію г-жи Булахъ, нынѣ по усмотрѣнію правленія.

Во все время пребыванія своего въ заведеніи, воспитанницы пользуются на счетъ заведенія какъ учебными пособіями и матеріалами, такъ равно пищей и одеждою, которая, по смерти учредительницъ, заготовляется по росписаніямъ, составляемымъ правленіемъ и утверждаемымъ думою.

Предметы обученія въ заведеніи составляютъ: чтеніе, письмо по-русски, знакомство съ славянскимъ языкомъ для правильнаго чтенія и пониманія Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, священная и церковная исторія въ томъ размѣрѣ, какъ она преподается въ уѣздныхъ училищахъ, толкованія богослуженія, ариѳметика и церковное пѣніе. Полный курсъ ученія продолжается шесть лѣтъ.

Въ свободное отъ ученія время дѣти должны заниматься, подъ руководствомъ мастерицъ, такими рукодѣльями и ремеслами, которыя признаются наиболѣе полезными для обезпеченія ихъ участи въ будущемъ и не могутъ причинять вреда для ихъ здоровья.

Кончившія курсъ ранѣе 18-ти лѣтъ остаются до этого возраста, на правахъ воспитанницъ, при заведеніи исполнять разныя обязанности по хозяйству онаго.

Это, такъ сказать, въ главныхъ чертахъ; смыслъ устава дома призрѣнія въ г. Ржевѣ. Онъ настолько еще ясенъ, что по немъ можно судить о цѣли заведенія. Эта цѣль—дать достаточное образованіе бѣднымъ дѣвушкамъ, чтобы потомъ сами могли образовать другихъ и тѣмъ заработывать хлѣбъ. Рукодѣлья и занятія домашнія предполагалось ввести только въ свободное, отъ научныхъ занятій, время. При строгомъ выполненіи этой программы, изъ заведенія выходили-бы дѣвушки, способныя быть учительницами и умѣющія на всякій случай заниматься чисто женскимъ дѣломъ, какъ прислуга.

Въ настоящіе-же дни въ Мазуринской ремесленной школѣ происходитъ что-то совсѣмъ обратное. Оттуда предполагается выпускать, и выпускаются уже, дѣвушки для домашней прислуги, хорошо читающія, пишущія, знающія исторію, ариѳметику и даже пишущія сочиненія и разсужденія.

Положимъ, что и это не дурно. Образованная прислуга—послѣднее слово цивилизаціи. Но... это что-то не совсѣмъ ладно Недоразумѣніе тутъ кроется.

Начиная съ того, что какже такъ извращать смыслъ устава? Нынѣ не рукодѣлья и домашнія занятія практикуются въ свободное отъ ученія время, какъ то гласитъ уставъ, а это ученіе производится въ относительно небольшое, свободное отъ занятій домашнихъ время. Рукодѣльемъ занимаются очень прилежно и результатовъ достигли блестящихъ Кружева, вышивки, ковры, пояса, церковные покровы и даже ризы—дѣлаются воспитанницами заведенія и дѣлаются превосходно. Они дѣлаются и на-заказъ, хотя заказовъ очень мало. Воспитанницы шьютъ себѣ все платье, бѣлье, онѣ-же метутъ и убираютъ комнаты, онѣ слѣдятъ за варкой пищи и сами варятъ; онѣ-же и стираютъ бѣлье, словомъ онѣ сами себѣ и портнихи, и горничныя, и кухарки, и прачки.

Превосходно! воскликнетъ всякій. Согласенъ! Но... всетаки не ладно. Не согласуется какъ-то понятіе о кухаркѣ или горничной съ исторіей, географіей, сочиненіями, съ паркетными полами, со всѣмъ тѣмъ комфортомъ, въ которомъ 6 лѣтъ *воспитывается* эта горничная, или кухарка въ домѣ призрѣнія Мазуриной. Я, по крайней мѣрѣ, не взялъ-бы себѣ ни настолько образованной, ни такъ воспитанной кухарки. Я бы совѣстился ея, а она... вѣроятно-бы мнѣ грубила.

Насколько я слыхалъ, по бывшимъ примѣрамъ, ихъ именно потому и не берутъ въ прислуги—онѣ слишкомъ *хороши* для этого...

А быть учительницей, хоть-бы сельской, имъ трудно, какъ потому, что Домъ Призрѣнія не даетъ на то законныхъ правъ, такъ и потому, что онѣ сами недостаточно подготовлены къ этой должности. Нужно готовиться и особо держать экзаменъ при прогимназіи, что не всегда легко сдѣлать по многочисленности *хозяйскихъ* обязанностей воспитанницъ въ заведеніи.

Далеко не всегда поэтому онѣ выдерживаютъ экзаменъ на сельскую учительницу (хотя многія и выдерживаютъ) и назначаются ею.

Что же дѣлаютъ другія, безъ средствъ, безъ родныхъ?.. Выходя изъ гостепріимныхъ стѣнъ Дома Призрѣнія, не одна изъ нихъ входитъ въ еще болѣе гостепріимныя стѣны одинокихъ, холостыхъ и скучающихъ... Въ числѣ воспитанницъ Дома Призрѣнія есть и очень красивыя, что не безъизвѣстно ловеласамъ г. Ржева, особенно драгунскимъ офицерамъ.

Содержаніе дома въ послѣдніе годы стоило по 5,100 — 5,200 р. въ годъ. Съ политической смертью Булахъ и Мазуриной, одной сосланной, а другой сумасшедшей, управленіе Домомъ Призрѣнія переходитъ въ вѣдѣніе города. Судя по слухамъ, городское общество хочетъ нѣсколько видоизмѣнить его порядки, съ точки зрѣнія воспитательной. Оно разумно хочетъ устранить эту двойственность воспитанія дѣвушекъ и приготовлять изъ нихъ или только сельскихъ учительницъ, или только домашнюю прислугу, не отвѣчающую послѣднему слову цивилизаціи...

Земская больница въ г. Ржевѣ обращаетъ на себя вниманіе съ той же стороны, какъ земское сиропитательное заведеніе въ Торжкѣ Та же запущенность, грязь, уныніе во внѣшнемъ видѣ, только, въ добавокъ къ этому, еще страшная тѣснота. Маленькое двухъэтажное зданіе набито биткомъ больными. Войдя въ первую отъ передней комнаты, я долженъ былъ остановиться на порогѣ, до того воздухъ здѣсь былъ тяжелъ, жарокъ и насыщенъ всякими испареніями болѣзни. Въ маленькой комнаткѣ лежало 4 — 5 больныхъ женщинъ сифилисомъ (точной цыфры не помню) и между ними одна тифоз-

ная. Эта послѣдняя была безпорядочно раскинута на постели, и страшно было видѣть ея воспаленное, красное лицо и горящіе глаза. И эту-то женщину, съ температурой не менѣе 40 град., кладутъ въ комнату безъ воздуху, вонючую и жаркую, да къ тому же вмѣстѣ съ сифилисными. Въ остальныхъ палатахъ можетъ быть чуть-чуть просторнѣе, но воздухъ также скверенъ и потолки также несообразно низки. А между тѣмъ, вездѣ въ окнахъ есть вентиляторы — стоитъ ихъ только отпереть. Видно лѣнь здѣсь колоссальная... Очень любопытно, что во дворѣ больницы есть еще флигель для больныхъ, но... пустой. Здѣсь помѣщеніе еще безобразнѣе, комнаты — скорѣе конуры, но все-таки эти комнаты, въ которыхъ можно бы было разъединить тифозныхъ отъ сифилисныхъ, въ которыхъ смѣло можно бы было положить человѣкъ 10 изъ главнаго флигеля.

— Отчего здѣсь пусто? спрашиваю смотрителя.

— Перевели недавно отсюда всѣхъ въ главное зданіе. Въ виду экономіи. Чтобы не топить здѣсь...

Благодарю и не ожидалъ! Я понимаю, что на тощія земскія средства трудно требовать отъ него не только роскоши, но даже часто необходимаго: увеличенія числа кроватей въ больницѣ, поднятія потолковъ въ комнатахъ, улучшенія вентиляціи, пищи, ухода за больными—это еще понятно. Но, имѣя уже помѣщеніе готовымъ, заколачивать экономію на сажень, другую дровъ, сваливая больныхъ для этого безъ разбору въ комнаты и безъ того уже тѣсныя,—это моему пониманію не доступно. Впрочемъ, можетъ это на время только...

Въ городѣ существуетъ пятиклассная прогимназія, уѣздное училище, четыре городскихъ приходскихъ и два земскихъ училища. Преподаваніе въ нихъ едва только началось, когда я имѣлъ возможность ихъ посѣтить, а потому о веденіи его, о степени знанія учениковъ судить не берусь. Послѣ 4-мѣсячныхъ каникулъ, не только крестьянскій мальчикъ, но и гимназистъ послѣдняго класса половину пройденнаго забываетъ. Одно меня только нѣсколько поразило: это — общая для всѣхъ училищъ недостаточность уроковъ Закона Божія. Среди 5 — 6 предметовъ, преподаваемыхъ ежедневно въ теченія пяти часовъ, Закону Божію отведено послѣднее мѣсто — два часа въ недѣлю, на классъ. Священники мнѣ говорили, что они и хотѣли бы увеличить число уроковъ, да не могутъ.

— Учитель обижается, говоритъ, что ни за что не отдастъ своихъ часовъ, объяснилъ мнѣ батюшка.

— И этого бы не дали намъ, ка-бы не правило...

Счастливое правило!

О характерѣ, объ особенностяхъ населенія и жизни его въ г. Ржевѣ сказать могу мало. Это не Торжокъ ни по преданіямъ, ни по своеобразности жизни. Общая черта населенія—буйство, разнузданность. Есть маленькая горсть купечества, живущая старыми преданіями, но она теряется въ массѣ чисто современнаго мѣщанскаго элемента. Только на улицѣ изрѣдка встрѣтишь еще осанистую купчиху въ атласной или шелковой накидкѣ въ родѣ халата, и съ кокошникомъ на головѣ. Въ праздники надѣваются кокошники «парадные», усыпанные жемчугомъ и камнями, стоимостью иногда въ нѣсколько тысячъ. Но ихъ немного, они хранятся въ семьѣ какъ святыня.

Дворянскій интеллигентный кружокъ г. Ржева, несмотря на присутствіе тамъ кавалерійскаго полка, живетъ жизнью до нельзя однообразною, монотонною. Скука, апатія читается на всѣхъ. И ни малѣйшаго усилія не замѣчается ни въ комъ разогнать хандру, общими усиліями придумать развлеченіе, занятіе.

Сегодня, завтра, послѣзавтра, будущій мѣсяцъ, будущій годъ — все одно и то же.

А между тѣмъ, въ городѣ есть много зажиточныхъ семействъ, есть достаточно любящихъ танцы барышенъ, достаточно и кавалеровъ съ крѣпкими ногами. Чего еще лучше, драгунъ? Нѣтъ!..

— Не клеется какъ-то, говорили мнѣ. Офицеры все больше живутъ своимъ обществомъ, въ военномъ клубѣ бываютъ дамы исключительно полковыя, чиновники — своимъ, богатое купечество — своимъ. Эти касты не сходятся. Да и сошлись бы, врядъ ли бы что вышло. Въ винтъ нынче все больше играютъ и старые и молодые. Такъ гдѣ-жь тутъ барышнямъ развлеченіе?

— Вотъ подсѣсть развѣ и имъ играть? улыбнулся я.

— И играютъ! Всѣ почти играютъ. И спорятъ, кричатъ какъ всѣ... Да что-жь имъ, бѣднымъ, дѣлать? Жениховъ нынче за винтомъ только и найдешь...

— Ура! воскликнемъ мы. Да здравствуетъ царство винта! Да здравствуетъ современная уѣздная любовь, рождающаяся на зеленомъ полѣ! Да здравствуютъ слова этой любви: пики, черви, два

бубны, три трефи и проч., да здравствуютъ экстазы ея, въ періоды маленькаго и большаго шлема, да здравствуетъ семейное счастье, основанное на большихъ онерахъ, коронкахъ, на партіяхъ и роберахъ винта!.. Да здравствуютъ и плоды этой любви, зачавшіеся въ минуты ея экстазовъ, съ наслѣдственно-хроническихъ винтомъ въ крови, въ желудкѣ и въ головѣ...

Гор. Вышній-Волочекъ и Вышневолоцкій уѣздъ.

Городъ Вышній-Волочекъ принадлежитъ къ городамъ очень извѣстнымъ въ Россіи, благодаря своему географическому положенію въ центрѣ Вышневолоцкой водяной системы, самой древней изъ трехъ системъ. Древность города мнѣ точно не извѣстна; но если считать существованіе его и съ основанія системы, то его надо отнести ко времени Петра I.

Благодаря своему счастливому положенію на этой системѣ съ одной стороны и съ другой — на большомъ Петербургскомъ шоссе, Вышній-Волочекъ, въ оное время, лѣтъ 20 назадъ, былъ пунктомъ очень оживленнымъ, бойко торговавшимъ и бойко веселившимся. Тысячи барокъ, сплавлявшихся по городу, тысячи кибитокъ, повозокъ и всякаго рода экипажей, несшихся по шоссе въ Петербургъ и Москву, дѣлали изъ города почти сплошной базаръ. Рабочіе, ямщики, проѣзжіе, прохожіе останавливались здѣсь, запасались продуктами, а нерѣдко и товарами. Тузы-инженеры, управлявшіе здѣшнимъ округомъ *на прежнихъ основаніяхъ*, хотя съ современными инстинктами хищенія, поили, кормили и веселили въ своихъ богатыхъ хоромахъ, на счетъ матушки-казны, всѣхъ и всякаго, кто былъ имъ нуженъ и кто просто подвертывался подъ руку. Деньги тогда были дешевы въ Волочкѣ, дымъ стоялъ коромысломъ отъ шума, движенія и разгула.

Но вотъ, твердая рука Николая Павловича черкнула по картѣ Россіи, карандашъ соединилъ Москву съ Петербургомъ, задѣлъ Волочекъ и точно стеръ его изъ списка живыхъ. Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, на которой стоитъ и Вышній-Волочекъ, онъ пересталъ быть богатымъ и оживленнымъ городомъ. Разомъ были отняты у него двѣ силы, два источника жизни. И шоссе, и во

дяная система. Товары и путешественники стали пролетать мимо Волочка, «какъ мимолетное видѣніе», съ остановкой на станціи въ 5—10 минутъ. Много городовъ на Руси подверглись той же участи съ нисшествіемъ къ намъ «паровой» цивилизаціи; но Волочекъ потерялъ много больше другихъ; его мать-кормилица — Вышневолоцкая система, была смертельно ранена. Лѣтъ 20 еще назадъ по Вышневолоцкому каналу сплавляли до 5,000 барокъ въ годъ, нынѣ ихъ сплавляютъ 50, 100, 150 самое большее. И съ каждымъ годомъ все меньше и меньше становится это число, значитъ, рана скоро грозитъ перейти въ смерть.

Однако и теперь еще весь смыслъ, значеніе и прелесть Волочка составляетъ его водяная система. Она дѣлаетъ изъ него маленькую Венецію, городокъ незаурядный, который нельзя проѣхать какъ другіе, не замѣтивъ и не вспомнивъ его потомъ.

Вышневолоцкая система—грандіозное сооруженіе, достойное увѣковѣчить память его соорудителей. Нужносамому видѣть хоть нѣкоторыя главныя части ея, чтобы охранять и оцѣнить этотъ гигантскій трудъ, эту непостижимую силу воли людей, эту смѣлость мысли.

Вышневолоцкая система соединяетъ рѣки: Тверцу, Цну и Мсту, и состоитъ изъ двухъ бассейновъ: сѣвернаго и южнаго. Воды канала Вышневолоцкаго изливаются въ южный бассейнъ, сѣверный же бассейнъ составляетъ масса воды, называемая водохранилищемъ. Такимъ образомъ, суда, идущія по Волгѣ, подымаются вверхъ по Тверцѣ, доходятъ до истоковъ ея близъ Цны, нынѣ высохшихъ, по Тверецкому каналу, которымъ входятъ въ рядъ озеръ и рѣчекъ, соединенныхъ вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ Мстинскаго озера. Изъ этого озера, составляя какъ бы продолженіе его, истекаетъ р. Мста, по которой и идутъ суда, направляясь въ Петербургъ.

Самыя замѣчательныя сооруженія Вышневолоцкой системы это: заводское водохранилище и Вышневолоцкій каналъ. Заводское водохранилище иначе называется *Сердюковъ заводъ*, по имени его главнаго строителя. Оно находится въ четырехъ верстахъ отъ города и представляетъ собою массу воды, искусственно соединенную изъ множества мелкихъ озеръ и заливчиковъ, окружностью въ 18 верстъ. Всѣ эти озера и заливы, до соединенія ихъ искусственнымъ образомъ, представляли собой въ этомъ мѣстѣ развѣтвленія р. Цны. Такъ что водохранилище, собственно говоря, есть расширеніе въ данномъ

мѣстѣ Цны, послужившей резервуаромъ для снабженія водой всей системы.

Чтобы попасть изъ города на водохранилище, нужно ѣхать все время по берегу Цны, подымаясь вверхъ по ней. Тутъ она довольно широка, берега ея плоски и покрыты мелкимъ кустарникомъ. По правому берегу ея, у самой воды, тянется длинный рядъ плоскихъ, новыхъ барокъ, поставленныхъ на деревянныхъ козлахъ. Издали онѣ представляютъ такъ очень оригинальное зрѣлище. Это барки, приготовленныя для сплава лѣса; онѣ принадлежатъ всѣ лѣсопромышленнику г. Брандту. Его лѣсопильный заводъ стоитъ тутъ же, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ города, на лѣвомъ берегу Цны. Ѣдучи на водохранилище, нужно проѣхать черезъ заводъ, такъ какъ владѣнія его идутъ по самому берегу и представляютъ собою обширное пространство, какъ бы полуостровъ, ограниченный съ одной стороны водою Цны, а съ другой—водами водохранилища.

Г. Брандтъ, богатѣйшій лѣсопромышленникъ здѣшняго уѣзда, имѣетъ заводы и въ другихъ мѣстахъ Россіи; его считаютъ архимилліонеромъ изъ первыхъ, если не первымъ, лѣсоторговцемъ. Какъ я слыхалъ, это тотъ же Брандтъ, который состоитъ агентомъ въ Россіи всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществъ, давшихъ ему милліоны.

Его заводъ здѣсь не изъ самыхъ большихъ, но работаетъ, однако, до 5,000 бревенъ въ сутки. Здѣсь же, по его землѣ проходитъ узкій каналъ, соединяющій водохранилище съ Цною и служащій для сплава изъ водохранилища въ Цну лѣса. Этотъ каналъ, или скорѣе узкій заливъ, идетъ сначала параллельно Цнѣ и, такъ сказать, замѣняетъ ее, тамъ гдѣ запрудь, или *бейшлотъ*, заграждаетъ теченіе рѣки.

Проѣхавъ по красивой рощѣ, которая разбита г. Брандтомъ на берегу Цны, нужно свороттть на мостъ, перекинутый черезъ рѣку. Этотъ мостъ почти новый и о назначеніи его скажу нѣсколько ниже. Проѣхавъ мостъ, въѣзжаете въ роскошную аллею, идущую по берегу Цны вплоть до самаго водохранилища и до 1-го заводскаго бейшлота. Эта аллея такъ хороша, что ее даже странно здѣсь видѣть. По чистотѣ и красотѣ деревьевъ, она могла бы конкуррировать съ аллеями Царско-сельскаго парка. Въ сторонѣ отъ нея идутъ еще пѣ-

сколько аллей, словомъ, тутъ цѣлый паркъ, разбитый по всѣмъ правиламъ столичнаго искусства.

Меня это, признаюсь, даже поразило. Существованіе этого парка въ такомъ глухомъ мѣстѣ показалось мнѣ нѣсколько страннымъ. Однако, узнавъ, что паркъ принадлежитъ и содержится инженернымъ округомъ, я нѣсколько успокоился. Чѣмъ дальше я подвигался, тѣмъ болѣе мнѣ представлялось, что я ѣду по островамъ въ Петербургѣ. И вода, и деревья, и гладкое шоссе, все такъ поразительно напоминало ихъ. Это мѣсто особенно похоже на Елагинъ островъ, при въѣздѣ на него, по направленію къ стрѣлкѣ. Проѣхавъ минутъ десять, мой возница вдругъ остановился. Я взглянулъ впередъ и чуть не ахнулъ. Я былъ на пуэнтѣ. Я не шучу. Въ первое мгновеніе я даже опомниться не могъ, до того это неожиданное сходство шло какъ бы продолженіемъ моихъ мыслей. Громадное озеро воды, во многихъ мѣстахъ разорванное, волновалось у моихъ ногъ. На немъ пестрѣли островки, отъ него шли въ разныя стороны рѣчки, заливчики, чуть различаемые вдали. Это было почти море, по крайней мѣрѣ, оно представлялось такимъ отсюда. Видъ отсюда былъ не менѣе величественный, какъ съ пуэнта Елагина острова, съ той только разницей, что здѣсь почти все видимое было *искусственно*.

Искусственное море, искуственная природа! Это стоитъ того, чтобы посмотрѣть. Что-то странное ощущаешь при видѣ этого грандіознаго созданія человѣческихъ рукъ. Какъ будто испугъ даже недовѣріе. Представляются тысячи человѣческихъ существъ, копошащихся на днѣ этого великана, ничтожныхъ въ сравненіи съ нимъ и въ то же время создающихъ его. Представляются машины громадныхъ размѣровъ, оглушительный шумъ, визгъ ихъ колесъ, движеніе кругомъ, такое же непрерывное волненіе живой массы, какъ волненіе воды. И, представляя себѣ это, страшно становится за людей, отважившихся создать стихію. Непостижимо, какъ въ этихъ злобныхъ волнахъ могли они работать, какъ эти волны не погнались за ними, не поглотили ихъ...

Изъ такого рода философскихъ размышленій въ области фантазіи вывелъ меня мой кучеръ, должно быть, не раздѣлявшій моихъ взглядовъ.

— Что-жъ, баринъ, аль не сойдете внизъ, на мостъ? нетерпѣливо спросилъ онъ меня.

— А? Куда?.. спросилъ я, еще не придя окончательно въ здравое состояніе.

— А на мостъ! Нейшлоту посмотрѣть...

— Какую нейшлоту?..

— А что воду спираетъ! Извѣстно, какую...

— Чего извѣстно? Ты говорить-то выучись по человѣчески, разсердился я вдругъ. Бейшлотъ, а не нейшлота...

Я сошелъ съ дрожекъ и по широкой дорожкѣ спустился къ мосту. Этотъ мостъ представляетъ собою тоже не легкое сооруженіе. Онъ отдѣляетъ водохранилище отъ рѣки и имѣетъ назначеніе выдерживать на себѣ весь напоръ воды изъ водохранилища. Сообразно съ этимъ, всѣ стойки его, въ видѣ арокъ, сдѣланы изъ крупнаго камня и выложеннаго красивыми плитами. Между ними, со стороны водохранилища, помѣщается рядъ щитовъ, въ видѣ длинныхъ деревянныхъ досокъ, обитыхъ желѣзомъ, которыя на цѣпяхъ спускаются и подымаются. Опускаются онѣ своею тяжестью и, достигая дна рѣки, совсѣмъ запираютъ ея теченіе. Подымаются посредствомъ блоковъ, съ большими цѣпями. Блоки эти и другія приспособленія помѣщаются тутъ же на мосту.

Передъ этимъ мостомъ, на широкомъ протяженіи поставлены громадные деревянные козлы и положены балки, долженствующія тоже сдерживать напоръ воды. Съ обѣихъ сторонъ моста, впереди его, идутъ деревянныя галлереи, для наблюденія за натискомъ воды на щиты.

Другая сторона моста, обращенная къ рѣкѣ, имѣетъ желѣзную рѣшетку, въ которой сдѣланы проходы къ лѣстницамъ, спускающимся внизъ къ каждому изъ пролетовъ. Этихъ пролетовъ, кажется, 5; подъ ними деревянный наклонъ, и отдѣляются они другъ отъ друга громадными каменными устоями, съ площадками внизу, по которымъ свободно можно гулять. Когда всѣ щиты подняты, вода съ страшной силой устремляется черезъ всѣ пролеты, и, падая съ наклоннаго дна ихъ, производитъ оглушительный шумъ водопада.

Осмотрѣвъ все это, я направился черезъ мостъ, на другую сторону. Тутъ берегъ Цны гораздо ниже; на немъ тоже разбитъ довольно большой и роскошный паркъ. Первая аллея служитъ какъ-бы продолженіемъ моста и идетъ параллельно чертѣ воды въ водохранилищѣ. Между густымъ рядомъ деревьевъ и этой чертой воды

есть еще довольно широкое пространство, усыпанное крупнымъ щебнемъ и затѣмъ, уже въ водѣ, высокій дощатый заборъ. При скопленіи воды въ водохранилищѣ, когда долго не пускаютъ ее черезъ заводскій бейшлотъ, черта воды поднимается по щебню до самыхъ деревьевъ аллеи. Собственно для этого и разсыпанъ здѣсь щебень. Отъ первой аллеи, упирающейся въ загибъ водохранилища, идетъ вправо другая, параллельно рѣкѣ и параллельно той аллеѣ, которой я ѣхалъ на другой сторонѣ. Эта аллея, еще красивѣе, чище той, потому что здѣсь нѣтъ ѣзды. Отъ нея въ-бокъ идутъ еще нѣсколько аллей, также щегольски содержимыхъ; словомъ, здѣсь прекрасно. Только странно какъ-то видѣть все это великолѣпіе. Ни одной души я не встрѣтилъ здѣсь въ лучшее время дня, въ закатъ солнца. Тяжело какъ-то смотрѣть даже на этотъ порядокъ, чистоту, на очевидную заботу во всемъ, принесенную въ жертву пустынѣ. «Что это стоитъ, подумалъ я, и для кого?..» Инженерамъ, бывающимъ здѣсь по обязанностямъ, мѣсто это, я полагаю, достаточно ужь надоѣло. Жители Волочка тоже мало имъ интересуются, на общемъ, для всѣхъ русскихъ, основаніи: «Это наше, значитъ—неинтересно. Всегда успѣемъ еще побывать!» А пріѣзжихъ здѣсь немного. Туристы, какъ я, здѣсь въ рѣдкость. Однако, лѣтомъ, говорятъ, сюда ѣздятъ иногда прогуляться болѣе зажиточные обитатели Волочка, владѣтели своихъ экипажей. Для этихъ-то 2-хъ—3-хъ десятковъ счастливыхъ смертныхъ и существуетъ роскошный паркъ инженернаго округа, разбитый на средства казны и стоющій ей ежегодно большихъ суммъ. Не для водохранилища-же его разбивали? Воды повидимому отъ него не прибываетъ... Говорятъ, близко то время, когда изъ всей массы воды въ водохранилищѣ останется только то, что было за сотни лѣтъ назадъ, до сооруженія его. Говорятъ, что вода такъ усыхаетъ, или такъ непроизводительно расходуется, что въ скоромъ времени должны обнажиться русла Цны. Вина тутъ, значитъ, или природы, или инженеровъ, а кого собственно, этого никто здѣсь въ точности не знаетъ.

Министръ путей сообщенія, недавно здѣсь бывшій и подробно осматривавшій водохранилище, рѣшилъ приступить въ непродолжительномъ времени къ капитальнымъ работамъ здѣсь, особенно по переустройству бейшлота, существующаго въ настоящемъ видѣ съ Петра I. Уже давно признали его значительно ослабленнымъ продолжительностью существованія и неспособнымъ болѣе сдерживать на себѣ всю массу воды водохранилища. Въ помощь ему построили нѣсколько ниже другой бейшлотъ, тотъ деревянный мостъ, по которому нынѣ производится ѣзда, по которому и я проѣхалъ. Когда 1-й бейшлотъ отпираютъ, тогда 2-й на нѣкоторое время закрываютъ, чтобы ослабить теченіе воды. Когда они оба закрыты, новый бейшлотъ является весьма существеннымъ подспорьемъ старому, запирая всю воду между общими бейшлотами и опять-таки этимъ ослабляя давленіе воды на старый бейшлотъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ устройство этой важнѣйшей части Вышневолоцкой системы, стоившей самаго большаго труда и громадныхъ денегъ. Трудно описать ее достаточно ярко и подробно. Нужно быть тутъ самому, нужно изучать это мѣсто спеціально. Я же провелъ здѣсь часъ-два, и потому дѣлюсь съ читателями моими первыми впечатлѣніями и свѣдѣніями, собранными у мѣстныхъ жителей. Считаю умѣстнымъ помѣстить здѣсь и содержаніе тѣхъ документовъ, относящихся до Вышневолоцкой системы, которые мнѣ удалось здѣсь достать.

По указу Императора Петра Великаго отъ 26 іюля 1719 года, Вышневолоцкая система отдана была въ содержаніе Сердюкову съ разными привиллегіями, какъ-то: съ правомъ пользованія лѣсами, содержанія откуповъ и другими льготами.

По указу сената отъ 11 іюня 1765 года, Сердюковъ отстраненъ отъ содержанія Вышневолоцкой системы и управленіе ею принято въ казну.

По указу 1 декабря 1774 г., повелѣно каналы принять въ казенное вѣдомство и за всѣ привиллегіи выдать Сердюкову 176,000 руб.

Заводскій бейшлотъ былъ перестроенъ изъ деревяннаго въ каменный въ 1785 году.

Въ 1828 г. горизонтъ возвышенъ до 7 арш. 4 верш.

Деревянный заводскій бейшлотъ оконченъ постройкою въ 1846 году.

Другая часть системы, болѣе простая по устройству и потому болѣе доступная вниманію,—это Вышневолоцкій каналъ.

Вышневолоцкій каналъ начинается и проходитъ большею своею частью въ чертѣ города. Ширина его такова, чтобы могли пройти двѣ барки въ-рядъ. Онъ весь съ боковъ выложенъ камнемъ и уровень воды въ немъ, когда спускаютъ барки, чуть-чуть ниже поверх-

ности земли. На немъ, для пропуска судовъ, существуютъ два шлюза: одинъ—у середины канала, другой—у впаденія его въ бассейнъ.

Р. Цна дѣлаетъ въ чертѣ города крутой поворотъ назадъ. Вотъ отъ этого-то поворота и начинается Вышневолоцкій каналъ, а чтобы вода изъ водохранилища не уносилась Цною, на этомъ поворотѣ ея устроенъ 3-й бейшлотъ, запирающій ея теченіе и направляющій всю воду, въ случаѣ необходимости, по каналу. Когда барки входятъ въ него, запираютъ этотъ бейшлотъ и первый шлюзъ канала. Вода такимъ образомъ въ этомъ пространствѣ подымается аршина на 3—4, и барки, по-парно, ведутся по каналу къ первому шлюзу. Тамъ онѣ останавливаются и ждутъ, пока, черезъ поднятые шлюзы, вода по всему каналу не сравняется. Тогда ихъ ведутъ вплоть до 2-го шлюза гдѣ онѣ опять останавливаются, опять ждутъ, и когда вода въ каналѣ сравняется съ водой въ озерѣ, онѣ входятъ въ него, подвигаются верстъ 15-ть на веслахъ, до истоковъ Мсты, и, войдя въ нее, проходятъ самый главный шлюзъ—мстинскій. Мстинскій шлюзъ находится въ 22-хъ верстахъ отъ города и напоминаетъ своимъ устройствомъ заводскій бейшлотъ у водохранилища. Это собственно мостъ черезъ Мсту, подъ среднимъ пролетомъ котораго проходятъ барки. Боковые пролеты запираются такими-же щитами, какъ и въ бейшлотѣ, средній же—заставляется воротами, которыя поворачиваются машиной. Машина эта помѣщается внѣ моста и представляетъ собою большое колесо съ ручками, за которыя вертятъ его рабочіе. Блоки для поднятія щитовъ помѣщаются на самомъ мосту. Посреди моста стоитъ маленькая часовня, въ которой служатъ молебенъ при пропускѣ барокъ.

Мстинскій шлюзъ, прочностью сооруженія своего, не уступаетъ заводскому бейшлоту. Устои его также фундаментальны, также широки и длинны. Словомъ, петровская постройка сразу бросается и тутъ въ глаза. Значительное количество земли, по обѣимъ сторонамъ Мсты, у этого шлюза, принадлежитъ инженерному округу. Здѣсь тоже, на обѣихъ сторонахъ рѣки, разбитые чистенькіе парки, но они гораздо меньше и гораздо обыкновеннѣе парка у водохранилища. Однако аллеи, ведущія съ обѣихъ сторонъ на мостъ, производятъ и здѣсь самое пріятное впечатлѣніе. Даже здѣсь это впечатлѣніе еще цѣльнѣе какъ-бы, вслѣдствіе живописности этого мѣста и полной, такъ сказать, гармоніи искусства съ природой. Близости

города здѣсь и не чувствуется. Мѣстность такъ исключительно красива, что академія художествъ выстроила здѣсь лѣтній пріютъ для своихъ воспитанниковъ, обязавъ ихъ снимать окрестные виды. Я буду имѣть возможность вернуться еще къ этому живописному краю, говоря о пріютѣ художниковъ. А потому, по поводу Мстинскаго шлюза, ограничусь только рекомендуя его какъ весьма удобное и красивое мѣсто подъ дачи.

Правый берегъ Мсты у шлюза, значительно возвышенный и обращенный стараніями инженеровъ округа въ чудесную рощицу, являетъ собой уголокъ, который рѣдко можно найти не только въ русской, но и въ заграничной природѣ. Не пользуемся имъ только мы, русскіе, и только потому, что мы русскіе.

Въ этомъ мѣстѣ есть все: исключительно здоровый воздухъ (излѣчивающій чахоточныхъ), сосновый лѣсъ, гора, масса воды, открытый во всѣ стороны видъ, много тѣни, комфортабельное для деревни мѣсто прогулки по инженерному парку, въ изобиліи всѣ продукты деревенскаго хозяйства, есть даже и помѣщеніе съ грѣхомъ пополамъ. Нѣтъ только одного: желающихъ воспользоваться всѣмъ этимъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ неисправимыхъ «природниковъ», въ родѣ г. Кокорева и другихъ окрестныхъ помѣщиковъ, «все генераловъ», какъ говорилъ мнѣ смотритель Мстинскаго шлюза, никто почти сюда не пріѣзжаетъ. Только «генералы» и оцѣнили этотъ уголокъ чисто-русской природы, уголокъ, которому нѣтъ равныхъ «ни въ Прусской, ни во Французской Имперіи» — какъ то же сообщилъ мнѣ тотъ-же словоохотливый смотритель. Кстати, у него можно здѣсь и дачу нанять. Она строится имъ теперь на «прорѣхи и порчи» Мстинскаго шлюза, которыя онъ 12 лѣтъ выполнялъ и починялъ по порученію инженернаго начальства. За то и лицо же у этого симпатичнаго смотрителя. Такъ и лоснится, такъ и сіяетъ здоровьемъ, счастьемъ кровью и молокомъ. Стоитъ взглянуть на него, чтобы повѣрить въ выздоравливаніе чахоточныхъ у Мстинскаго шлюза, а еще болѣе—въ доходность его...

Но, не шутя, совѣтую тѣмъ изъ русскихъ людей, которымъ лѣтомъ некуда дѣться, вспомнить о Вышнемъ-Волочкѣ, о Вышневолоцкой системѣ и о Мстинскомъ шлюзѣ. И то, и другое, и третье стоитъ хоть посмотрѣть лѣтомъ. И если эта масса воды и масса зелени не произведетъ на большинство никакого впечатлѣнія... если... что

если? Я выдумываю себѣ наказаніе... Да если не произведетъ, такъ тѣмъ хуже для нихъ. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?!

Мнѣ очень хотѣлось въ мое короткое пребываніе въ Волочкѣ исчислить, сколько правительство, или, другими словами, сколько инженеры здѣшняго округа тратятъ денегъ на поддержаніе всѣхъ сооруженій вышневолоцкой системы, да кстати и на себя. Къ несчастью, всѣ мои попытки не имѣли успѣха. Инженеры объ этихъ вещахъ говорить не любятъ. Со времени всякихъ «урѣзокъ» и «упраздненій», они находятся въ особенно мрачномъ настроеніи. А этихъ «урѣзокъ» и «упраздненій» по вышневолоцкой системѣ было и будетъ еще вѣроятно малая толика. Ибо 50—100 барокъ, сплавляющихся нынче по системѣ, не могутъ, я думаю, зачинить «прорѣхъ» одного даже Мстинскаго шлюза, совмѣстно съ постройкой близъ него дачи смотрителя.

Много, много казенныхъ денегъ уносятъ съ собой воды Вышневолоцкой системы.

Населенія въ г. Волочкѣ считается обоего пола до 16,000 человѣкъ, изъ которыхъ: дворянъ потомственныхъ—431 человѣкъ, личныхъ—276 человѣкъ. Въ этомъ отношеніи г. Волочекъ можно причислить къ городамъ болѣе дворянскимъ, чѣмъ сосѣдніе съ нимъ: Торжокъ, Ржевъ и Осташковъ. По вѣроисповѣданіямъ, онъ тоже представляетъ нѣкоторое исключеніе въ смыслѣ сплоченности въ немъ православнаго элемента. Изъ всего населенія единовѣрцевъ въ Волочкѣ только 19 человѣкъ, а раскольниковъ разныхъ сектъ—192 человѣка. За то евреевъ здѣсь, какъ и во Ржевѣ, довольно много. Ихъ насчитываютъ до 289 человѣкъ, что составляетъ около 2% всего населенія. Г. Волочекъ по внѣшности уступаетъ гг. Торжку и Ржеву, по величинѣ-же представляетъ большую раскинутость. Мѣстоположеніе его ровное, общій характеръ смѣшанный, трудно уловимый. Вслѣдствіе обилія въ немъ воды, вслѣдствіе сосредоточенія въ центрѣ города цѣлой сѣти водяныхъ сообщеній, расположеніе его не имѣетъ никакой правильности, симметричности. Нужно не день и не два побродить по городу, между каналами и парками, чтобы наконецъ сообразиться и оріентироваться въ немъ. Прямыхъ, широкихъ улицъ здѣсь почти нѣтъ. Только одно Петербургское шоссе, проходя въ центрѣ города, представляетъ собой единственную уловимую артерію его. Остальныя улицы какъ-то странно начинаются

и странно кончаются: онѣ коротки и часто кривы. Словомъ, Волочекъ имѣетъ съ перваго взгляда на себя что-то оригинальное, и впечатлѣніе отъ этого оригинальнаго трудно передаваемо. Красивъ онъ, или нѣтъ? спросятъ меня. И да, и нѣтъ, по моему.

Городъ раздѣляется какъ въ административномъ отношеніи, такъ и по характеру своему на 3 части. Одна часть, самая обширная, неправильная и грязная, называемая почему-то Жуковъ уголъ. Другая, поменьше и почище, называется Островомъ. Она окружена водами Вышневолоцкаго канала и Цны и представляетъ собой центръ тяжести въ административномъ отношеніи. Третья, самая благоустроенная и самая красивая, представляетъ собой центръ тяжести Волочка, преимущественно въ торговомъ отношеніи. Въ этой послѣдней находится большая городская площадь съ двумя грязными гостиными дворами, лучшіе магазины и всякаго рода склады, лабазы и лавченки. Жуковъ уголъ — это какъ-бы предмѣстье города. Оно тянется длинной и безпорядочной линіей по обоимъ берегамъ р. Цны, по островкамъ и мысамъ, которые раскинуты довольно неживописно по широкому руслу, какъ-бы разлившейся въ этомъ мѣстѣ, рѣки. Рядъ домовъ, идущій по самому берегу и ближе къ городу,— каменный и довольно ровный. Чѣмъ дальше, тѣмъ постройки становятся бѣднѣе и скоро переходятъ въ жалкія лачужки. Эти лачужки наполняютъ собой островки, весь лѣвый берегъ Цны, весь полуостровъ, образующійся здѣсь изгибомъ рѣки. Цвѣтъ ихъ, сѣрый и грязный,—составляетъ характеристическую черту этой части города—ея улицъ, ея жителей такихъ-же сѣрыхъ и грязныхъ.

Островъ начинается въ центрѣ города, отъ торговой площади, проѣхавъ мостъ, перекинутый черезъ Вышневолоцкій каналъ. Это чистая, уютная и свѣтлая часть города. Улицы въ ней немощенныя, короткія, но прямыя и опрятныя; дома въ большинствѣ случаевъ деревянные, съ палисадниками, садиками и службами, по характеру, болѣе приближающемуся къ деревнѣ. Здѣсь почти всѣ городскія присутственныя мѣста и учрежденія: Дума, полицейское управленіе, управленіе инженернаго округа, пожарная команда, городское училище, школа кондукторовъ и клубъ. Здѣсь живетъ и большинство административныхъ лицъ; здѣсь-же лучшее мѣсто гулянія — березовая роща, разбитая по узкому, но длинному пространству между шоссе и каналомъ. Эта роща справедливо можетъ называться укра-

шеніемъ города, дающимъ жителямъ его рѣдкое удовольствіе, особенно лѣтомъ. Здѣсь есть бесѣдка, въ которой играетъ нѣкоторое время откуда-то прибывающій оркестръ.

Торговая часть города — самая правильная по устройству. Отъ торговой площади въ разныя стороны идетъ сѣть улицъ, оканчивающихся за городомъ. На этой же площади, правильнѣе на краю ея, стоитъ рядъ домовъ, лучшихъ въ городѣ. Противъ нихъ изгибается дугой маленькій каналъ, неизвѣстно для чего прорытый здѣсь отъ Вышневолоцкаго канала. Длина его всего нѣсколько десятковъ саженъ. Между этими каналами, образуется, такимъ образомъ, островокъ, покрытый зеленью и деревьями. Далѣе идетъ большой каналъ, съ его роскошной набережной, находящейся ниже уровня улицы; маленькій, передвижной мостъ черезъ каналъ и первый шлюзъ.

Я пріѣхалъ въ Волочекъ утромъ дождливаго и холоднаго дня. Первыя впечатлѣнія петербуржца, очевидно, не могли быть пріятны; все казалось мнѣ и грязнымъ и жалкимъ. Дребезжащія, еле-живыя дрожки подвезли меня къ одному изъ бѣлыхъ, опрятныхъ домовъ на площади, изъ числа тѣхъ, которые я назвалъ лучшими. Деревянныя ворота его были заперты, калитки не было и кругомъ почти пустыня.

— Куда же ты? крикнулъ я со злостью. Въ гостинницу, говорятъ тебѣ!

— Она и есть, ваше в-діе... улыбнулся извощикъ.

— Какъ она? Здѣсь и входу нѣтъ и вывѣски...

— У насъ энто завсегда. Обычай такой...

Извощикъ постучалъ въ ворота, я же съ нѣкоторымъ отчаяніемъ ждалъ, что будетъ дальше. Наконецъ, появилась пожилая женщина и ласково пригласила меня:—„Пожалуйте“..

По досчатому, чистому помосту пошелъ я въ узкій дворикъ и налѣво въ крыльцо. Старушка тяжело поднималась по деревянной скрипучей лѣстницѣ, я за ней, и отчаяніе, все сильнѣе давило меня.

— Куда-это меня втиснутъ? проносилось у меня въ мысляхъ.

Мы поднялись на площадку и вошли въ одну изъ дверей направо, обитыхъ грязной клеенкой съ какой-то скобкой вмѣсто ручки.

— Вотъ, пожалуйте-съ!.. Какую хотите! Ту, али энту?—на распѣвъ говорила старушка, растопыренными руками указывая на двѣ двери: одну прямо изъ передней, другую налѣво.

Комната, въ которую я вошелъ, нѣсколько меня успокоила. Она была безусловно опрятна, хотя меблирована не роскошно.

— А спать гдѣ же?..

— А вотъ, на диванчикѣ!

— Да какъ же тутъ? Вѣдь онъ узкій, да и покатый такой.

— Зачѣмъ?.. Ничего, спятъ! Можно спать!

— Да я тамъ не знаю — можно или нѣтъ. Мнѣ не удобно, понимаете!.. разсердился я.

— Понимаемъ, какъ не понимать!

— Такъ поставьте мнѣ кровать!

— Зачѣмъ кровать? удивилась старушка.

Я тоже удивился.

— Да спать, чортъ возьми!

— Спать и тутъ можете,—убѣдительно выговорила она,—зачѣмъ кровать?

— Говорю я вамъ по-русски, что я не хочу спать на диванѣ! Принесите кровать! Поняли, или нѣтъ?..

— Поняла, отчего не понять! — обидчиво отвернулась къ двери старушка.—Чай, по-русски говорю. Только кровать это нельзя поставить.

— Нѣтъ у васъ кровати, что-ли? выходилъ я изъ себя

— Какъ не быть? Въ сусѣднемъ нумерѣ есть.

— Перенесите, я заплачу больше!

— Никакъ энтаго нельзя. У насъ не *лазаретъ*, ужь извините... совсѣмъ обидѣлась моя старушка.

— Я съ удивленіемъ уставился на нее и вдругъ расхохотался. Этотъ лазаретъ старушки и сложенная, обиженная физіономія прогнали всю мою злость.

— Такъ покажите, мнѣ, милая, номеръ *съ кроватью,* уже ласково попросилъ я.

Номеръ съ кроватью оказался въ двѣ комнаты, причемъ гостиная выходила на улицу, спальня во дворъ. Обстановка бѣдная, полинялая, но далеко лучше той, которую я себѣ представлялъ. Словомъ, я начиналъ успокоиваться. Изъ оконъ моей *гостиной*, нѣсколько влѣво, видна была площадь, въ эту пору пустынная и грязная, и

двѣ-три грязныя улицы, идущія отъ нея; а вправо — маленькій каналъ, въ которомъ, какъ разъ противъ моихъ оконъ, на черной досчатой подстилкѣ, возились измаявшіеся рабочіе, черпая со дна всякую грязь и бросая ее по берегу на островкѣ. Деревья маленькаго парка, разбитаго и на островкѣ, и по сю сторону канавы, уныло качавшія своими мокрыми и почти голыми вѣтвями, составляли фонъ всей картины передо мной, сжатой и не симпатичной. Глазъ упирался или въ желтые ряды гостинаго двора на площади, или въ сѣрую массу голыхъ деревьевъ. То и другое наводило одно уныніе.

Когда я узналъ въ тотъ же день, что моя гостинница лучшая въ городѣ и стоитъ на лучшемъ мѣстѣ, я былъ непріятно изумленъ. — Гдѣ же городъ? спрашиваю я. Тутъ канава какая-то, деревья, да грязная площадь!

— А вотъ, лучше нѣтъ у насъ, съ улыбкой отвѣчали мнѣ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Два дня спустя, я проснулся и съ удивленіемъ оглядѣлся по комнатѣ. Непривычный свѣтъ поразилъ меня. Я поднялъ шторы и отъ радости самъ себѣ даже улыбнулся. Яркое, совсѣмъ лѣтнее солнце, снопами свѣта ударило мнѣ въ глаза. Даже за окномъ жарко было отъ его лучей. Небо чистое, синее, нѣжное, точно вымытое. Такъ же чисто и передъ моими окнами. Мостовая на площади, гостиный дворъ, островокъ, канава, деревья — все это точно первый разъ сегодня передо мной, я не узнаю ихъ. Они тоже точно вымыты сегодня, по праздничному.

Я тороплюсь одѣться и выйдти гулять. Я точно не видалъ еще города. Пройдя въ поперекъ улицу передъ моими окнами, спускаюсь за изгородку, окружающую ложбинку, гдѣ протекаетъ каналъ, прохожу импровизированный паркъ и достигаю набережной Вышневолоцкаго канала. Эта набережная съ честью могла бы быть въ любой столицѣ. Это сооруженіе, стоющее милліоновъ. Каналъ идетъ прямой и ровной, какъ нитка, линіей; края его и внутрь и наружу выложены плитой и по обѣимъ сторонамъ его, на всемъ протяженіи, сдѣланы широкія дорожки, великолѣпно убитыя и также хорошо содержимыя. Это, такъ сказать, милліонный подарокъ жителямъ Волочка отъ строителей системы. Такого мѣста гулянья ни одинъ провинціальный городъ, я думаю, не имѣетъ. Весь городъ почти можно

обойти этой набережной канала, широкой, чистой и отдѣленной отъ улицы.

Но опять-таки жители Волочка русскіе, а русскіе не умѣютъ цѣнить своего. Набережная Вышневолоцкаго канала, когда ни пойди по ней, сверкаетъ отсутствіемъ гуляющихъ и только вечеромъ, сомнительнаго свойства мѣщаночки, да шустрые приказчики, рѣдкими шеренгами, прохаживаются и наполняютъ влажный воздухъ своими громкими голосами да щелканіемъ сѣмячекъ. Чаще ихъ встрѣчаются евреи и еврейки, благовоспитанно говорящіе на русскомъ языкѣ.

Обойдя каналъ, я по мосту прошелъ въ березовую рощу на лѣвой сторонѣ его, погулялъ еще здѣсь съ неменьшимъ удовольствіемъ, и назадъ отправился по шоссе. Видъ этого шоссе особенно красивъ въ такую хорошую пору. Ни грязи, ни пыли, ни тѣсноты здѣсь нѣтъ. Постройки кругомъ него рѣдки и изъ самыхъ опрятныхъ. Самая большая и красивая изъ нихъ—это управленіе инженернаго округа и тамъ же школа кондукторовъ, задней стороной своей выходящая къ парку и каналу.

Войдя на мостъ канала, открылся передо мной видъ Цны, въ которой играло яркое солнце, и видъ всего «Жукова угла». При этомъ освѣщеніи, даже сѣрая масса домиковъ получила свою прелесть, а рядъ каменныхъ домовъ по набережной Цны, что вблизи казались и грязны и неживописны, отсюда показались мнѣ очень даже красивыми. Словомъ, не преувеличивая, я только въ это утро понялъ всю прелесть Волочка въ лѣтнее время, съ его рѣкой, каналами, озерами, съ его рощами и парками. Тутъ ни отъ пыли, ни отъ жары страдать немыслимо. А это, я полагаю, главное для лѣта...

Церквей въ г. Волочкѣ 6-ть, изъ нихъ лучшая Казанскій соборъ. Близъ города, верстахъ въ двухъ, одиноко стоитъ, среди гладкихъ полей и пустырей, Казанскій женскій монастырь. Этотъ монастырь основанъ всего лѣтъ 12 назадъ теперешней его настоятельницей, и имѣетъ, въ своемъ родѣ, свою любопытную исторію. Разскажу ее вкратцѣ, какъ передавали мнѣ ее старожилы Волочка и сама игуменія, мать Досифея. Редакціи двухъ этихъ разсказовъ нѣсколько различны, какъ различна проза отъ поэзіи; но, разъ задавшись цѣлью записывать на моемъ пути все, обращающее на себя вниманіе, не могу удержаться и на этотъ разъ отъ излишней, можетъ быть, откро-

венности, хотя бы пришлось сообщать вещи и мнѣ и моимъ читателямъ по духу далеко несимпатичныя.

Поэзія гласитъ слѣдующее: Въ одинъ прекрасный день, въ 1872 г., пришла въ Волочекъ монахиня, крестьянка, маленькая и тощенькая, и направилась къ часовнѣ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, которая тогда стояла тамъ же, гдѣ и теперь, т. е. недалеко за городомъ. Преданіе этой иконы и часовни теряется въ глубокой древности. По разсказамъ матери Досиѳеи, икона первоначально появилась на «колочкѣ» и, послѣ проявленія своей чудотворной силы, была перенесена въ устроенную для нея часовню. Возлѣ этой часовенки былъ огородъ и маленькая хижина, а кругомъ — пустыри и поля.

Монахиня пришла въ часовню, помолилась и легла спать въ хижинѣ. Подъ утро видитъ она сонъ, въ которомъ является ей Божія Матерь и говоритъ, что на этомъ мѣстѣ воздвигнется скоро богатая обитель. Просыпается монахиня и слышитъ возлѣ себя громкій колокольный звонъ. Подбѣгаетъ къ окну, но кромѣ одинокой часовенки, кромѣ пустырей и полей, ничего кругомъ не видитъ.

Этотъ сонъ и этотъ колокольный звонъ монахиня принимаетъ за божественное указаніе, поселяется въ хижинкѣ, собираетъ вокругъ себя десятокъ сестеръ и основываетъ такимъ образомъ общину. Эта община своей строгой жизнью, своими молитвами, обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ набожныхъ мѣстныхъ людей, изъ которыхъ самымъ горячимъ ея сподвижникомъ является мѣстный помѣщикъ князь Путятинъ. Онъ берется выхлопотать у синода разрѣшеніе открыть монастырь, и самъ отправляется въ Петербургъ. Но разрѣшеніе не послѣдовало такъ скоро. Синодъ запросилъ, будетъ ли имѣть предполагаемый къ основанію монастырь достаточно обезпеченія, есть ли у него какой нибудь постоянный вкладъ. Требуемаго вклада не оказалось и разрѣшеніе затянулось на нѣсколько лѣтъ. Только хлопотами князя Путятина, имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи, послѣдовало, наконецъ, долго жданное разрѣшеніе основать женскій монастырь Казанской Божіей Матери во имя чудотворной иконы, которую предполагалось сдѣлать монастырской святынею.

А между тѣмъ, покамѣстъ шло это длинное дѣло, община сестеръ, основавшаяся въ убогой хижинѣ, терпѣла и голодъ и холодъ. Средствами къ пропитанію ихъ были приношенія богомольцевъ, приходившихъ поклониться чудотворной иконѣ. Но эти средства были

скудны, непостоянны, и потому общинѣ приходилось жить впроголодь. Начальница ея, при всемъ своемъ мужествѣ, своей вѣрѣ и набожности, начинала падать духомъ. Слѣдующій случай чуть не покончилъ существованія общины. Въ одинъ день казначейша общины говоритъ начальницѣ, что у нихъ въ кладовой не осталось ужь ни зерна, ни крупинки, что сегодняшній обѣдъ — послѣдняя ихъ трапеза. Начальница, однако, не упала совсѣмъ духомъ и рѣшилась попытаться послѣдняго средства.

Когда садились всѣ за трапезу, она обратилась къ сестрамъ и сообщила имъ положеніе ихъ дѣлъ.

— Кто твердъ духомъ, говорила она, кто вѣруетъ въ Божію Матерь, тотъ останется со мной... Не знаю!.. Можетъ быть придется намъ не ѣсть день, два, можетъ и три, только я вѣрую, что Божія Матерь не дастъ намъ умереть, что молитвами ея мы спасемся... Кто же боится испытанія, пусть возвратится въ міръ, къ своимъ родителямъ и роднымъ!

Половина изъ 30 сестеръ заявили желаніе возвратиться домой; другая половина рѣшилась терпѣть испытанія вмѣстѣ съ своей начальницей. Въ ночь, когда всѣ спали, мать Досиѳея встала и пошла въ часовню. Тамъ молилась она въ слезахъ до утра, молилась послѣдними силами, плакала послѣдними слезами. Утромъ вошла въ часовню богато одѣтая купчиха и, помолившись, всунула въ руку колѣнопреклоненной монахинѣ крупную бумажку. Эта бумажка спасла общину.

Когда послѣдовало разрѣшеніе открыть монастырь, мать Досиѳея стала ѣздить по городамъ и собирать подаянія на постройку его, главное — на основаніе собора. Много изъѣздила мѣстъ маленькая, тщедушная монахиня, много людей видала, горячо просила ихъ. Много лишеній терпѣла она, но усталости не знала. Богатое московское и ярославское купечество, въ конецъ ужь пожертвовавшееся, очень и очень туго раскошеливалось.

— Раньше бы пришла чуточку, много бы далъ! обыкновенно отвѣчали они. Давеча еще на NN монастырь пожертвовалъ 90 тысячъ — не могу теперече. На, вонъ, сотню, потомъ приди, еще дамъ!

Такъ, зернышко по зернышку собирала мать Досиѳея на свой монастырь, собирала по рублику, по сотенкамъ, по тысячамъ, разъ даже 10 тыс. подарила ей московская купчиха и, наконецъ, могла присту-

пить къ основанію собора. Соборъ начали строить, извели на него всѣ собранныя 20 тыс. и.. остановились. Опять ни гроша не стало въ общинѣ. На этотъ разъ опять помогъ князь Путятинъ. Своими совѣтами, указаніями, онъ далъ возможность добыть еще нѣкоторую сумму—въ 2 тыс. руб., которая назначена была жертвователемъ въ обезпеченіе монастыря. Этими деньгами сестры кое-какъ перебились, но соборъ все стоялъ. Затѣмъ, стараніями того же Путятина нашелся богатый человѣкъ, который далъ денегъ и на окончаніе собора, стоющаго нынѣ по меньшей мѣрѣ 200 тысячъ рублей. Съ легкой руки этого благодѣтеля нашлись и другіе, и постройки въ монастырѣ стали выростать какъ грибы.

Есть въ Петербургѣ одинъ фрукто-торговецъ Сивохинъ, купившій себѣ даже генеральство по зернышкамъ, во множествѣ пріютовъ, которыхъ онъ состоитъ попечителемъ. Вотъ къ этому-то Сивохину и послали мать Досифею. Пришла она, поклонилась, стала просить, а онъ то же, что и московскіе купцы: — «далъ ужь много, не могу»! Сотенку, однако, далъ. — «Какъ Богъ на душу положитъ, подожду, можетъ и еще дамъ»... проводилъ онъ ее. Потомъ какъ-то онъ вдругъ пріѣзжаетъ въ обитель и внезапно начинаетъ строить гостинницу въ ней. Говорятъ, что онъ сонъ какой-то видѣлъ. Выстроилъ гостинницу въ 45 тысячъ и сталъ съ тѣхъ поръ помогать монастырю. Того купитъ, другого, припасовъ, только денегъ давать онъ не любитъ. Все черезъ подрядчика, да приказщиковъ. Въ этомъ году, кажется, началъ онъ строить гигантскую колокольню близъ монастырскаго собора. Она должна быть въ 50—60 саженъ высоты. На одно основаніе ее издержано уже 25 тысячъ, столько же по смѣтѣ полагается и на окончаніе. «Только меньше 100 тыс. этой колокольнѣ не стоить», говорятъ тѣ, кто знаетъ подрядчика Сивохина.

Вотъ, приблизительно, что слыхалъ я отъ самой игуменьи и основательницы Казанскаго монастыря, въ день Казанской Божіей Матери, когда я удостоился быть за ея трапезой. — «Сегодня по утру это было — такъ кончала она разсказъ своимъ дребезжащимъ и тоненькимъ голоскомъ.— Встала это я, т. е. проснулась, только и слышу колокольный звонъ. Колокольный звонъ такой же точно, какъ тогда, въ первый разъ, когда ничего еще здѣсь не было. Такъ прослезилась я... Обильно плакала и усердно молилась и благодарила Богородицу. «Матерь Пресвятая! Твоими молитвами мы живемъ, Твоими благо-

дѣяніями все это создалось изъ ничего, изъ пустыни... Матерь Богородица! Пріими наше благодареніе»... молилась мать Досифея, сидя рядомъ со мной за чашкой чаю.

— И какая-то радость была намъ всѣмъ, когда первая голубица къ намъ залетѣла! продолжала она умильно.

— Голубица?.. удивлялся я.

— Первая залетѣла. До тѣхъ поръ все больше галки да вороны летали. А тутъ вдругъ голубица, точно вѣстникъ мира, счастья...

— А что, матушка, осторожно прервалъ я ее. Сколько стоитъ вамъ содержаніе монастыря?

— Не знаю... не знаю... Вотъ князь Путятинъ считалъ.. Говоритъ, больше 30 тысячъ въ годъ.

— А постоянные вклады есть какіе-нибудь.

— Нѣтъ, сударь! Почти нѣтъ!.. Вотъ только 2 тыс. отъ ярославскаго купца... Только двѣ тысячи...

— Какъ же, матушка? Вы изволите жить на проценты ихъ?

— Не знаю, сударь!. Не знаю!.. Молитвами Богородицы не терпимъ теперь... Не скудѣетъ милость Богородицы...

— Однако же!.. осторожно замѣтилъ я.

— Приносятъ, сударь! Кто хлѣбца, кто того, другаго.. приносятъ! Такъ что и запасецъ теперь имѣемъ свой... Потомъ хозяйство имѣемъ.. Земли немного есть. Не оставляетъ Богородица.

— А... на счетъ обезпеченія, вы не заботились, матушка?

— Заботилась, сударь мой, очень даже заботилась. Вотъ и Сивохину говорила не разъ. Далъ бы денегъ вмѣсто этихъ построекъ! Каланчу это теперь строитъ. Видѣли, чай?.. Такъ я его и просила: дайте вы эти деньги на содержаніе, значитъ, монастыря. Не нужно намъ колокольну. На что она, говорю я, когда мы средствъ никакихъ, значитъ, собственныхъ не имѣемъ?.. Нѣтъ, говоритъ, что я началъ и кончу. А васъ, Богъ поможетъ, не оставлю. Съ голоду помереть не дамъ. Такъ и не даетъ ничего...

Теперь нѣсколько словъ о прошломъ и настоящемъ этого монастыря по другимъ разсказамъ, гласъ народа, такъ сказать, гласъ мѣстныхъ старожиловъ, словомъ, гласъ большинства.

Лѣтъ 12 тому назадъ, говорятъ они, въ вышневолоцкую город. думу явилась какая-то личность (прибавляютъ, что это былъ князь Путятинъ) и предложила городу продать ему участки земли за №№

такими-то. Между прочими №№ былъ и №, гдѣ стояла часовня съ чудотворной иконой Казанской Божіей Матери. Продавъ все это за ничтожную плату, подъ общей рубрикой «негодныхъ земель», городъ только тогда переполошился, когда кто-то подсказалъ ему, что онъ продалъ и чудотворную икону. Стали начинать процессъ, до сената дошло, и такъ какъ по закону святыни не продаются, городу возвратили часовенку съ чудотворной иконой. Съ этимъ рѣшеніемъ сената, подоспѣвшимъ къ тому времени, когда синодъ разрѣшилъ открытіе монастыря, чуть не рухнулъ весь проектъ рачителей будущей обители, основанный только на существованіи въ ней чудотворной иконы. Эта святыня должна была привлекать жертвователей, кормить, поить всю общину. Одного кружечнаго сбору въ часовенкѣ Божіей Матери бывало въ годъ до 10 тысячъ, значитъ обезпеченіе было-бы и вѣрное и, на первое время, немалое. Безъ чудотворной иконы, кто дастъ на монастырь, кто пойдетъ къ нему на поклоненіе?

Вотъ и задумалась мать Досифея. Однако не надолго. Увѣрила она себя, что чудотворный образъ у нея въ обители, по крайней мѣрѣ, что очень скоро и во что бы то ни стало онъ тамъ будетъ. Для этого у нея было вѣрное средство. Съ тѣмъ и пошла странствовать по міру. «Подайте-молъ на построеніе храма въ честь Казанской Божіей Матери, для водворенія въ немъ Ея чудотворной иконы».

Тѣ, кто слыхали про силу чудотворной иконы близъ Волочка, охотно давали на построеніе храма; кто не слыхалъ—справлялись, присылали въ обитель своихъ довѣренныхъ и, убѣдившись въ существованіи часовенки съ иконой, а возлѣ нея скромной хижины для сестеръ, тоже не замедляли присылать кто мало, кто много. На эти лепты основался храмъ, а какъ онъ кончился, на чьи средства, кто далъ эти сотни тысячъ—объ этомъ исторія говоритъ какъ-то глухо. Мать Дорофея говоритъ, что монастырскій соборъ построила Матерь Божія, а люди же говорятъ, что былъ нѣкій купецъ Воронинъ, которому соборъ обошелся до 200 тыс. руб. Но, какъ бы тамъ ни было, красивый соборъ сталъ посреди обители, на мѣстѣ тундръ и болотъ, и мать Досифея вполнѣ въ правѣ имъ гордиться. Въ правѣ была и ждать себѣ награды за неусыпные труды.

Съ освященіемъ храма, года 2 тому назадъ, мать Досифея считала свои пламеннѣйшія мечты уже осуществленными. Чудотворная

икона Божіей Матери теперь *должна была* быть перенесена въ соборъ, *должна была* составлять собственность монастыря. Значитъ, она не кривила душой, когда собирала на построеніе храма въ честь ея. Мать Досифея хорошо знала законъ, по которому всякая часовня съ чудотворной иконой принадлежитъ *ближайшей* къ ней церкви. Нѣсколько десятковъ саженъ, раздѣлявшихъ соборъ отъ часовни, давали ей теперь законное право на перенесеніе иконы въ соборъ. Она сообразно этому подала прошеніе своему начальству. Началось дѣло, и вдругъ случилось то, чего никакъ не ожидала ни мать Досифея, ни ея сподвижники.

Казанскій соборъ въ городѣ, которому до сихъ поръ принадлежала икона, долженъ былъ обнищать, съ потерею своей главной святыни. Его настоятель, староста и многіе городскіе граждане, посѣщавшіе его, какъ ни были ошеломлены неожиданной выходкой матери Досифеи, посовѣтовавшись, да потолковавъ, пришли таки къ геніальной мысли, чтобы спасти свое сокровище. Пока тянулось еще дѣло, они наскоро стали перестраивать часовню. Расширили ее, поставили придѣлъ, царскія двери, наняли причтъ и въ нѣсколько недѣль устроили, на мѣстѣ часовенки, крошечную *церковь*. Очевидно, она оказалась ближе къ иконѣ, чѣмъ монастырскій соборъ, потому что икона висѣла въ самой церкви. Дѣло монастыря было проиграно, и 12-ти лѣтнія мечты матери Досифеи разбились, кажется, навсегда.

Вотъ почему мать Досифея хлопочетъ такъ объ обезпеченіи богатымъ вкладомъ ея монастыря, потерявъ надежду на доходы чудотворной иконы. Ея хлопоты нельзя не признать вполнѣ своевременными. Выстроить все необходимое для большаго монастыря, созвать и поселить тамъ до 600 чел. сестеръ, содержаніе которыхъ при самой постной пищѣ обходится не менѣе 30 тыс. въ годъ, и черпать эти насущныя средства изъ случайныхъ подаяній—по меньшей мѣрѣ это опрометчиво. Горячо мать Досифея старалась о сооруженіи монастыря, но еще горячѣе должна бы стараться теперь объ обезпеченіи существованія въ немъ сотенъ юныхъ созданій, сторванныхъ отъ семей, отъ работы, часто отъ достатка...

Казанскій монастырь видѣнъ тотчасъ, по выѣздѣ изъ города. Онъ раскинутъ большимъ четвероугольникомъ въ плоской котловинѣ и открытъ со всѣхъ сторонъ. За нимъ мѣстность замѣтно подымается и въ отдаленіи, на склонѣ, красиво виднѣется ограда и красныя во-

рота городскаго кладбища. Это кладбище отдано городомъ въ распоряженіе монастыря.

Монастырь не имѣетъ ограды. Эту ограду замѣняютъ всѣ постройки монастыря, тѣсно поставленныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ и соединенныя еще заборомъ. Соборъ по внѣшности представляетъ очень красивое сооруженіе. Онъ, почти квадратный, весь бѣлый, съ большимъ куполомъ по серединѣ и съ множествомъ маленькихъ куполовъ, кругомъ его расположенныхъ съ большимъ вкусомъ. Эта оригинальная постановка куполовъ, стоившая большихъ денегъ, бросается однако въ глаза своей непрактичностью. Нужны не маленькія средства, чтобы поддерживать хотя въ приличномъ видѣ такое множество куполовъ.

Соборъ—это единственное сооруженіе въ монастырѣ, стоющее вниманіе, хотя только извнѣ. Внутренность его тѣсна и какъ-то странно сжата; надъ большей половиной храма висятъ хоры, производящія не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Иконостасъ и вся живопись—новыя, блестящія, но заурядныя, безъ слѣда художественности.

Всѣ остальныя постройки монастыря очень невзрачны и малы, за исключеніемъ гостинницы и будущей колокольни. Гостинница—даръ Сивохина,—это трехъ-этажное каменное зданіе, казарменнаго вида, изъ неокрашеннаго кирпича. Она виднѣется издалека, составляя своимъ фронтомъ часть наружной, обращенной къ городу, стороны. Другіе флигеля, преимущественно деревянные, заняты подъ кельями сестеръ. Въ монастырѣ есть еще нѣсколько часовенъ, раскинутыхъ тамъ и сямъ, и теплая деревянная церковь. Рядомъ съ воротами монастыря, ведущими къ большому собору, нѣсколько саженъ подальше, стоитъ круглая часовня (теперь церковь) съ чудотворной иконой Божіей Матери. Она отдѣлена отъ монастыря заборомъ и стоитъ болѣе на виду.

Я попалъ въ монастырь какъ разъ въ праздникъ мѣстной Казанской Божіей Матери. Народу еще наканунѣ навалило туда пропасть, и съ утра, по двумъ дорогамъ изъ города, тянулись вереницы богомольцевъ. День былъ совсѣмъ лѣтній, яркій и теплый. Я медленно ѣхалъ между толпами пѣшеходовъ, наслаждаясь и этимъ утромъ и этимъ зрѣлищемъ. Видъ монастыря и за нимъ кладбища, громкій звонъ колоколовъ сзади изъ города, и глухой, все усиливающійся

звонъ изъ монастыря, располагали къ самому торжественному и радостному настроенію. Въ соборъ пробраться было очень трудно, пришлось проbродить конецъ обѣдни по монастырю.

Послѣ обѣдни, часамъ къ 12-ти, самые почетные гости собрались въ трапезной матери-игуменьи. Тутъ преобладалъ элементъ длиннополыхъ купцовъ съ супружницами и сродственниками ихъ. Все больше жертвователи. Были и нѣкоторые представители мѣстной администраціи. Все это чинно сидѣло кругомъ длиннаго стола, ублажаясь чаемъ съ вареньемъ, а большинство въ прикуску. Для сего и сахаръ былъ разбитъ мелкими кусочками и разсыпанъ по нѣсколькимъ вазочкамъ. Между гостями обращали на себя вниманіе болѣе другихъ трое, высокій, полный и сѣдой купчина съ очень широкимъ и добродушнымъ лицомъ, также высокій, также полный, но уже рыжеватый, плѣшивый полу-купецъ, полумужикъ, съ нѣсколькими медалями на шеѣ, и, насупротивъ ихъ, маленькій, сѣденькій и юркій человѣчекъ, прототипъ прикащика. Они всѣ трое заразъ приглашали меня сѣсть, предлагали «чайку, али закусить». Всѣ трое направились къ побочному столику съ закусками, и когда я любезно отказался отъ «всякаго вина», съ сожалѣніемъ качая головами, какъ-то особенно небрежно пропустили въ себя по парочкѣ «очищенной». Судя по этой небрежности и еще кой по чему, это были не первыя рюмки.

Черезъ $^1/_4$ часа дверь отворилась и въ комнату, благословляя всѣхъ, вошла мать Досиѳея. Ея миніатюрность, худоба и блѣдность—вотъ что останавливаетъ на ней вниманіе. Я оказался ея сосѣдомъ съ правой стороны и, какъ пріѣзжій, пользовался нѣсколько большимъ вниманіемъ съ ея стороны. Это и дало мнѣ возможность узнать исторію монастыря изъ устъ его основательницы.

Послѣ часу почти такой бесѣды, я получилъ дозволеніе осмотрѣть мастерскія и рукодѣльныя монастыря. Изъ первыхъ заслуживаетъ вниманія иконописная, изъ вторыхъ—вязальня ковровъ. Собственно говоря, это единственныя серьезныя занятія сестеръ, и то весьма небольшаго количества ихъ. Иконы и ковры дѣлаются ими весьма недурно. Но занимается этимъ человѣкъ 50-ть, самое большое. Продажи почти нѣтъ. Иконы ставятся въ свои церкви, въ кельи; ковры дарятся болѣе крупнымъ жертвователямъ. Школы въ монастырѣ нѣтъ хотя есть десятки безграмотныхъ дѣвочекъ—дѣтей.

Въ такъ называемой «гостинницѣ» помѣщается внизу большая трапезная. Когда я вошелъ туда, всѣ были уже за столомъ, и шла довольно шумная трапеза. Длинная комната была уставлена съ обѣихъ сторонъ длинными столами, за которыми сидѣли сотни сестеръ—справа монахини, съ лѣва бѣлицы; съ третьей стороны, у стѣны противуположной входу, помѣщался столъ по меньше, за которыми возсѣдала сама игуменья и всѣ гости. Въ воздухѣ стоялъ «постный» паръ. Квасъ, капуста, осетрина, снятки—все это щекотало не совсѣмъ аппетитно обоняніе.

Я подошелъ къ столу игуменьи, забывъ, что она тамъ сидитъ. Только ея тоненькій голосокъ обратилъ мое вниманіе. Противъ нея сидѣли всѣ три туза. Они приглашали меня занять мѣсто рядомъ, просили такъ умильно и добродушно, что я еле-смогъ извиниться неимѣніемъ времени. Какъ я узналъ потомъ, большой и сѣдой изъ нихъ былъ мѣстный купецъ, жертвователь монастыря, большой и рыжій—волостной старшина Дорской волости, бывшій на коронаціи, старѣйшій изъ старшинъ и усерднѣйшій богомолецъ, а маленькій и юркій—вампиръ монастыря, подрядчикъ по постройкамъ Сивохина и полный почти хозяинъ въ монастырѣ.

Я пришелъ на верхъ зданія. Тамъ были «парадныя» комнаты самаго Сивохина и номера для пріѣзжающихъ. Номера и тѣсны, и бѣдны, аппартаменты Сивохина за то и просторны и богаты. Въ большой залѣ виситъ портретъ виновника всего этого великолѣпія. Точно министръ! Вся грудь прикрыта крестами.

«Что она стоитъ, эта грудь?», подумалъ я. «Сколько сотенъ тысячъ ухлопано на эти покровы»? При выходѣ изъ аппартаментовъ Сивохина, я былъ не мало пораженъ слѣдующей сценой. Ко мнѣ изъ передней бросилась на встрѣчу дѣвочка лѣтъ 4—5, одѣтая съ ногъ до головы въ глубокое монашеское одѣяніе. Головку ея прикрывалъ клобукъ, въ рукѣ висѣли черныя четки. Она бросилась мнѣ въ ноги, внезапно вскочила, и стала цѣловать руки, потомъ опять повалилась въ ноги, и эту процедуру продѣлала нѣсколько разъ съ изумительной быстротой. Я не могъ пошевелиться отъ изумленія и вопросительно взглядывалъ на мать-казначейшу—моего проводника, которая одобрительно и съ улыбкой въ свою очередь поглядывала на дѣвочку.

— Что... кто это?.. выговорилъ я наконецъ.

— Кто ты? скажи барину! наклонилась къ дѣвочкѣ мать-казначейша.

— Я... я Малія глѣсьница!

— Кто... Что? не разслышалъ я.

— Марія грѣшница она у насъ, повторила за нее съ улыбкой мать-казначейша. Спой, вотъ, барину что нибудь, да получше!—опять наклонилась она къ дѣвочкѣ.

Ребенокъ сталъ въ позу, поднялъ правую ручку, сложилъ пальчики «по архирейски» и, дирижируя самъ себя, съ уморительной серьезностью запѣлъ: «Исполати Господи»... Тоненькій голосокъ ребенка надрывался и дребезжалъ, но, однако, блистательно побѣдилъ всѣ трудности: очень фальшивыхъ нотъ не было. Я спросилъ казначейшу: кто, откуда и чья эта странная дѣвочка? Она отвѣчала мнѣ что дѣвочка отдана къ нимъ сиротой, что она очень понравилась игуменьѣ, которая держитъ ее не отлучно при себѣ, одѣла ее въ это платье, учитъ пѣть и показываетъ своимъ *почетнымъ* гостямъ.

Признаюсь... не ожидалъ!

— А вотъ, митрополиту Платону не показали Марію грѣшницу, говорили мнѣ въ городѣ въ отвѣтъ на мое удивленіе надъ этимъ событіемъ. Тотъ имъ прочелъ такую рѣчь, что не до Маріи было тогда.

— Объ чемъ же?

— Мать Досифея, видите ли, хвалилась передъ нимъ, что вотъ молъ, милостями Царицы Небесной, какое великолѣпіе удалось воздвигнуть на мѣстѣ пустыни и въ такой короткій срокъ! Онъ все слушалъ да молчалъ. Умолкла, наконецъ, игуменья. «И только-то?» спросилъ ее тогда Платонъ. «Что же еще высокопреосвященнѣйшій?», смутилась игуменья. — «Вы собрали богатство и довольно?.. Въ кирпичъ уложили сотни тысячъ и успокоились»?.. рѣзко заговорилъ Платонъ. «А думали ли вы создать хоть какое-нибудь богатство въ сердцахъ вашихъ подчиненныхъ, которыхъ призвали сюда и дадите отвѣтъ за нихъ? Зарыли ли хоть тысячную долю въ души ихъ того что зарыли въ мертвый камень, на неподобающее монашескому са-

ну великолѣпіе? Есть ли у васъ школа, молитва усердная, бдѣніе?..» и пошелъ на эту тему. Такъ не до Маріи было тогда.

Да и понятно!..

Съ проведеніемъ черезъ Вышній-Волочекъ желѣзной дороги, упала, какъ я уже сказалъ, его промышленность и торговля, но за то на счетъ ихъ развилась фабричная дѣятельность какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Осѣдлое населеніе гор. Волочка какого либо рода ремеслами спеціально не занимается, и обширной торговли чѣмъ либо не ведетъ. Во время бывшаго судоходства по системѣ, населеніе въ большомъ количествѣ отправлялось на судахъ, нынѣ же оно работаетъ преимущественно на фабрикахъ и занимается рубкой и сплавомъ лѣса.

Торговля лѣсомъ—эта единственная, отчасти уцѣлѣвшая отрасль мѣстной торговли. Благодаря обилію лѣсовъ въ уѣздѣ, обилію рѣкъ и озеръ, торговля лѣсомъ въ оное время достигла здѣсь обширныхъ размѣровъ. Лѣсоторговцевъ въ Вышнемъ-Волочкѣ было много и они весьма скоро сколачивали крупныя деньги. Нынѣ ихъ дѣла стали значительно хуже. Изъ всего числа торговцевъ лѣсомъ осталось ихъ въ Волочкѣ не болѣе 8 самыхъ крупныхъ. И тѣ кряхтятъ да жалуются на безденежье, на застой въ дѣлахъ.

Причинъ такому упадку лѣсоторговли много. Главныя изъ нихъ: истребленіе лѣсовъ, слишкомъ высокая рабочая плата и обмельчаніе рѣкъ. Истребленіе лѣсовъ идетъ въ громадныхъ размѣрахъ. Это ни для кого ужь не тайна, но и трудно помириться равнодушно съ такой истиной. Главное богатство страны, главная основа ея благосостоянія, убивается самымъ безпощаднымъ образомъ. Громадныя лѣсныя пространства представляютъ теперь унылыя пустыни, на которыхъ ничто не ростетъ, ничто и не сѣется. А смежныя поля сохнутъ отъ недостатка влаги, вѣтеръ разгуливаетъ по нимъ, занося въ города и деревни всякаго рода болѣзни. Крестьяне почти открыто рубятъ и увозятъ остатки чужого лѣса, не въ силахъ платить за него небывало-высокихъ существующихъ нынѣ цѣнъ. Такова картина лѣсного хозяйства въ уѣздахъ, которые мнѣ удалось посѣтить. Понятно, что и торговля лѣсомъ должна падать, за отсутствіемъ главнаго—матеріаловъ ея.

Плата рабочему въ послѣднее время до того возвысилась, что даже несоразмѣрно высокія цѣны на лѣсъ въ продажѣ не могутъ ее съ прежнимъ барышемъ окупить. Лѣтъ 10 еще тому назадъ, рабочему по рубкѣ и сплаву лѣса платили 50 к. въ день, и кубическая сажень дровъ стоила 3 р.—3 р. 50 к. Теперь имъ платятъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к., а та же сажень дровъ стоитъ 6 р.—6 р. 60 к. Пропорція въ поднятіи цѣнъ тутъ выходитъ, какъ видно, не въ пользу лѣсоторговцевъ. Причинъ этому поднятію цѣнъ на рабочія руки тоже много. Онѣ кроются въ общемъ экономическомъ положеніи страны, характеристика котораго—вздороженіе всѣхъ продуктовъ и возрастающая потребность на рабочія силы, идущія параллельно съ убылью мѣстнаго населенія. Одна земля что требуетъ работниковъ! Одни крестьянскіе надѣлы, если бы они обработывались съ должнымъ стараніемъ, сообразно качеству грунта и потребностямъ крестьянской семьи, поглотили бы на большую половину года всѣ мѣстныя силы. А помѣщичьи владѣнія? А фабрики, заводы? А отхожіе промыслы? А воинская повинность? Сколько тысячъ людей требуютъ они изъ каждаго уѣзда, требуютъ настоятельно, безусловно. Хлѣбъ у помѣщика не можетъ стоять не убраннымъ, земля не вспаханной. Фабрики и заводы спѣшатъ работать не только днемъ, но и ночью. Въ Питеръ, въ Москву, въ «дальнія страны» тянетъ нынче всякаго подростка-крестьянина, едва ему минетъ 16—17 лѣтъ. Кто что умѣетъ, а кто и не умѣетъ, всякъ наровитъ вонъ изъ дому «пожить на волѣ, попробовать счастья, да капиталецъ составить». Русское «авось» въ этомъ случаѣ гремитъ отъ избы къ избѣ, отъ села къ селу. Уходятъ сотни народа изъ каждой волости, убиваютъ послѣдніе гроши семей на «снаряженіе», обѣщаютъ поддержку и помощь, а гляди—черезъ годъ и сами денегъ изъ дому просятъ, а черезъ 2, 3, 5, 10 лѣтъ возвращаются въ родныя сѣни или по этапу, или по волѣ, съ печатью столичнаго разгула, разврата на всемъ существѣ, больные, разслабленные, ни къ чему не годные, но за то осѣненные всѣми мудростями столичнаго просвѣщенія.

Понятно, что дорогъ сталъ теперь всякій работникъ—и трезвый и пьяный—былъ ли бы лишь онъ. Но его мало. Такъ мало, что помѣщики стали нынче такой-же собственностью крестьянина, какъ прежде они были его. Отъ фантазіи, каприза и главное отъ водки зависитъ теперь часто благосостояніе помѣщика. Кто дастъ больше,

кто поставитъ лишнее ведро—къ тому и идутъ работать. Быть помѣщикомъ въ послѣднее время становится все болѣе и болѣе не подъ силу самымъ богатымъ людямъ, и дворянскія земли, въ возрастающей съ каждымъ годомъ прогрессіи, переходятъ въ руки купцовъ и, главное, кулаковъ изъ крестьянъ. Двадцать, сорокъ лѣтъ даютъ самое большее на западные уѣзды Тверской губерніи — до полнаго исчезновенія изъ нихъ дворянскаго элемента.

Такая же система зазыванія къ себѣ рабочаго существуетъ и въ лѣсномъ промыслѣ. Только тутъ еще крупнѣе ея размѣры. Отъ срочности лѣсныхъ порубокъ и главное сплава лѣса, отъ выгодъ, связанныхъ съ скорѣйшимъ доставленіемъ его на мѣсто, происходитъ несообразный ни съ чѣмъ торгъ на рабочія руки. Кто больше достанетъ рабочихъ,—тотъ первый приготовитъ къ мѣсту дрова и лѣсъ, и продастъ его дороже. Значитъ, можно и должно отбить рабочаго у своего сосѣда, прибавивъ ему 20—30 коп. въ день: потомъ наверстается. Естественно, что и рабочій, видя эту борьбу за себя, становится и дорогъ, и дерзокъ, и плохъ.

Обмельчаніе рѣкъ и озеръ явственно увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ причины этого явленія я не вникалъ, но думаю, что не послѣднюю тутъ роль играетъ то же истребленіе прибрежныхъ лѣсовъ. Если такъ, то, значитъ, господа лѣсоторговцы, вырубая лѣса, рубятъ и самихъ себя. Безъ сплава будетъ немыслима и ихъ торговля. Но какъ бы тамъ ни было, затруднительность въ этомъ сплавѣ существуетъ ужъ и теперь, и это едва ли не главная причина упадка лѣсной торговли, дороговизны лѣса въ продажѣ и всей неурядицы, господствующей теперь въ лѣсопромышленности. Такъ по крайней мѣрѣ говорили мнѣ здѣшніе крупные промышленники.

— Мы совсѣмъ изнемогаемъ отъ безпорядковъ въ сплавѣ лѣса, жаловались мнѣ нѣкоторые. Мы терпимъ громадные убытки, убиваемъ, можно сказать, самихъ себя, поддерживая эти безпорядки на сплавныхъ пунктахъ, но не можемъ выпутаться изъ этой сѣти.

Прекращеніе этой неурядицы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вполнѣ достижимо установленіемъ правильно-выработанныхъ законовъ по сплаву лѣса, которымъ обязательно слѣдуетъ подчинить всѣхъ лѣсопромышленниковъ. Вопросъ объ этихъ обязательныхъ постановленіяхъ давно уже былъ поднятъ въ Вышнемъ-Волочкѣ по почину тамошняго городскаго головы, г. Федорова, крупнаго лѣсопромышленника.

Этотъ послѣдній, совмѣстно съ однимъ инженеромъ, составилъ проектъ такихъ постановленій въ размѣрѣ цѣлой брошюры. Она была отдана на разсмотрѣніе всѣхъ лѣсопромышленниковъ уѣзда, и, по словамъ г. Федорова, всѣми одобрена и подписана, за исключеніемъ одного. Veto этого одного разрушило весь долговременный трудъ охранителей порядка и отняло у нихъ надежду и энергію на упорядоченіе когда нибудь лѣснаго промысла.

По словамъ другихъ, установленіе какихъ нибудь общихъ правилъ для лѣсопромышленниковъ Вышневолоцкаго уѣзда немыслимо, въ виду исключительности производства въ немъ лѣснаго сплава. А исключительность эта заключается въ слѣдующемъ.

Весь лѣсъ, продаваемый изъ Вышняго-Волочка, вырубается лѣсопромышленниками изъ дальнихъ лѣсныхъ дачъ, на разстояніи 40—70 верстъ отъ Волочка.

Тамъ онъ складывается по берегамъ маленькихъ рѣчекъ, изливающихся въ сѣверный бассейнъ Вышневолоцкой системы, такъ-называемое Заводское водохранилище, преимущественно по берегамъ Цны. Всѣ эти рѣки мелководны и мельчаютъ еще, какъ я уже сказалъ, съ каждымъ годомъ. Сплавъ по нимъ возможенъ только въ самое короткое время года, въ продолженіи 2 — 3 недѣль, когда онѣ вскрываются и подымаются. Кто не успѣетъ въ этотъ промежутокъ привезти лѣсъ и дрова до водохранилища, тотъ погибъ. Его товаръ застрѣваетъ на пути, и приходится ему или зимовать и ожидать новаго вскрытія рѣкъ, или быть свезеннымъ на подводахъ. И то и другое сопряжено, понятно, съ большими убытками и никому не нравится. Очевидно, что всякій старается сложить свой товаръ ближе къ водѣ и впереди своего товарища; а затѣмъ, когда подойдетъ время сплава, нанять побольше рабочихъ и спихнуть скорѣе другихъ свой товаръ въ воду. Можно себѣ представить, что за кавардакъ происходитъ въ этихъ оживленныхъ мѣстахъ, какая вражда и брань вытекаютъ между царями этихъ мѣстъ. А какъ ее устранить? Какъ заставить рѣки вскрываться пораньше и быть судоходными подольше. Трудненько заставить гг. лѣсопромышленниковъ любить ближняго, какъ самаго себя. Тутъ и законы не помогутъ. А это лучшее и, кажется, единственное средство для упорядоченія лѣснаго сплава.

Вражда между лѣсопромышленниками не прекращается и съ доставленіемъ благополучно ихъ товаровъ въ водохранилище. На этомъ громадномъ водномъ пространствѣ начинается между ними соперничество иного рода — перегонка другъ друга. Дрова и балки, наваленныя цѣлыми грудами въ воду, по нѣсколько тысячъ кубиковъ въ каждой, гонятъ какъ попало черезъ озеро. (Плотовъ здѣсь не дѣлаютъ). Нужно спѣшить, чтобы первыми войдти въ каналъ, огибающій заводскій бейшлотъ, и занять первое мѣсто на лѣсной биржѣ. Очевидно и тутъ вражда и брань между сплавщиками и ихъ хозяевами не прекращаются. Каждая артель рабочихъ старается тому, кто больше пообѣщаетъ водки, и за ведро ея готова всячески напакостить другому.

Такъ некрасиво и неприбыльно (судя по словамъ торговцевъ) ведутся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ лѣсной промыселъ и лѣсная торговля. Лѣсъ дровяной продается исключительно на мѣстѣ, строевой (преимущественно отдѣланныя совсѣмъ доски)—исключительно заграницу, въ Англію. Самый богатый лѣсопромышленникъ въ уѣздѣ—г. Брандтъ. У него и самый большой лѣсопильный заводъ. Онъ сплавляетъ заграницу до 60 барокъ досокъ. Остальные лѣсоторговцы сплавляютъ ихъ каждый отъ 10 — 20. Такая барка цѣнится ими тысячъ около 10, такъ что общій оборотъ заграничной торговли лѣсомъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ достигаетъ до полутора милліона. Торговля производится черезъ коммисіонера въ Петербургѣ, который складываетъ товаръ на суда и отъ себя ужь отправляетъ на англійскіе рынки, выдавая владѣльцамъ его только квитанціи. Уплата же денегъ производится только по продажѣ товара на мѣстѣ. Такого рода способъ продажи весьма и весьма невыгодно отражается на продавцахъ. Отправляя товаръ почти на угадъ, не обезпеченные въ цѣнѣ и покупкѣ его, они часто служатъ предметомъ эксплуатаціи ловкихъ англичанъ. Англійскіе лѣсо-покупатели даютъ за русскій лѣсъ несоразмѣрно низкія цѣны, въ увѣренности, что разъ привезенный товаръ назадъ не повезутъ. И ихъ разсчеты всегда вѣрны. Товаръ полежитъ, погніетъ, да и продадутъ наконецъ. Удивляюсь, какъ наши господа «самородки», а проще — кулаки, сметкой своей ставшіе изъ мужиковъ баринами, умомъ нажившіе громадныя состоянія, не додумаются наконецъ имѣть на мѣстѣ продажи товара

своего *собственнаго* агента и условливаться черезъ него въ цѣнахъ ранѣе отправки груза.

Всѣ исчисленныя мною причины упадка лѣсопромышленности, сводя къ одному знаменателю, мнѣ кажется можно бы поставить слѣдствіемъ одного исходнаго положенія, какъ причины этихъ причинъ. Думается мнѣ, что это исходное положеніе кроется, такъ сказать, въ *отрицательности*, лѣснаго промысла, въ его *разрушительномъ* характерѣ. Вѣдь торгуютъ хлѣбомъ, скотомъ, всякими товарами, есть тысячи разныхъ промысловъ, которые падаютъ, подымаются, замѣняются другими сообразно условіямъ жизни и мѣстнымъ требованіямъ, давая людямъ только опытъ и знанія, совершенствуя ихъ трудъ и изощряя ихъ въ борьбѣ за существованіе. Это называется культурой. Эта культура, разрушая часто многое кругомъ насъ, не ведетъ, однако, за собой къ полному разрушенію и прочихъ струнъ нашего бытія. Одна лопнетъ, натягивается, другая крѣпче еще—и по ней безъ остановки струится человѣческая жизнь.

Торговля хлѣбомъ и вся сельско-хозяйственная промышленность, съ ея усовершенствованіями, есть наглядный примѣръ такой нормальной, естественной культуры. Желѣзныя дороги, паръ, машины, фабрики — это тоже культура. Но торговля лѣсомъ и вся лѣсная промышленность, какъ она у насъ ведется,—это по моему культура не естественная, отрицательная. Она, кромѣ разрушенія и истребленія, не даетъ человѣчеству ничего. Она отнимаетъ у него лучшій даръ природы, цѣнимый въ сотни различныхъ сторонъ, и даетъ взамѣнъ того мертвый кусокъ дерева, легко гніющій и исчезающій въ пламени. Лѣсъ былъ источникомъ благоденствія человѣка; сухое, срубленное дерево, подъ которымъ ютится семья крестьянина и весь его скарбъ,— бываетъ часто источникомъ его бѣдствій, рождая изъ себя самую страшную стихію природы—огонь. Въ этомъ послѣднемъ положеніи какъ бы кроется самое жестокое наказаніе людямъ, обезобразившимъ природу. Другихъ наказаній, менѣе ощутимыхъ въ настоящую минуту, но не менѣе жестокихъ впослѣдствіи, природа пошлетъ людямъ еще не мало. Это предсказываютъ и естество-знатели.

Все это, понятно, одна моя философія, ровно ничего не доказывающая. Это не значитъ еще совсѣмъ, что нужно уничтожить у насъ всю лѣсную промышленность, не топить печей и не дѣлать деревян-

ныхъ домовъ. Не покушаюсь на такое смѣлое заявленіе. Но, однако, нахожу, что практикующійся у насъ способъ веденія лѣсного хозяйства ведетъ къ результатамъ «горше дыма и огня».

И эти результаты не такъ далеки...

Вышній-Волочекъ, благодаря своему положенію на желѣзной дорогѣ и между двумя столицами, принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, къ городамъ фабричнымъ. Въ немъ находится три бумагопрядильныя фабрики, изъ которыхъ на каждой работаетъ слишкомъ по тысячѣ человѣкъ; близъ города же находится три лѣсопильныхъ завода и одинъ стеклянный. Въ уѣздѣ—четыре стеклянныхъ завода. Ближайшій къ Волочку стеклянный заводъ находится отъ него въ 9-ти верстахъ и принадлежитъ купцу Болотову.

Производство стекла, всѣмъ извѣстно по физикѣ, крайне интересно посмотрѣть на дѣлѣ. Большой деревянный сарай, предназначенный для этого, называется *гутой*. Посреди него вдѣлана круглая печь и кругомъ нея снуютъ до 50 человѣкъ съ длинными трубками въ рукахъ, на концахъ которыхъ, какъ звѣзды, мелькаютъ огненные шарики. Въ темнотѣ сарая, освѣщаемаго только блѣднымъ огнемъ накаленной печи, это зрѣлище очень оригинально.

Печь *гута* имѣетъ нѣсколько наружныхъ отверстій по бокамъ и вмѣщаетъ въ себя 8 горшковъ, изъ которыхъ 2-ва называются *тигликами*. Горшки имѣютъ видъ четырехъ-угольниковъ, тиглики—видъ полушарія. Всѣ они приготовляются изъ кассальской глины въ гончарномъ отдѣленіи завода. Глина эта выписывается изъ-за границы, большими кусками, темно-сѣраго цвѣта, съ глянцемъ, по 60 коп. за пудъ. Ее снаружи оскабливаютъ, потомъ крошатъ и замачиваютъ водой. Продержавъ нѣкоторое время жидкую массу въ закрытыхъ ящикахъ, изъ нея лѣпятъ по формамъ: горшки, тиглики и кирпичи для складки гутовой печи. Горшокъ, такимъ образомъ приготовленный, вѣситъ 18 пудовъ. Онъ выдерживаетъ самую высокую температуру и замѣняется новымъ не ранѣе, какъ послѣ мѣсяца работы. Для производства печныхъ кирпичей употребляется и простая глина, но она далеко не выдерживаетъ такого срока, какъ кассальская. Въ горшки и тиглики гутовой печи засыпается составъ изъ песку, извести и соды, съ замѣной соды, поташемъ, при изготовленіи сортовой посуды, креалитомъ—при изготовленіи шаровъ Яблочкова и съ прибавленіемъ разныхъ красокъ въ составъ, для полученія цвѣт-

наго стекла. Засыпавъ требуемый составъ въ горшки, даютъ ему вариться 12 часовъ, причемъ нагрѣваніе совершается газомъ, проходящимъ тонкими трубками между горшками. Когда получается наконецъ жидкая масса, раскаленная почти до-бѣла, тогда начинается самая любопытная надъ ней работа. Рабочій вставляетъ черезъ отверстіе печки, въ свой горшокъ, длинную желѣзную трубку, держитъ ее тамъ нѣсколько секундъ, выдергиваетъ, отбѣгаетъ съ ней въ сторону, дуетъ въ нее, потомъ качаетъ, или съ быстротой молніи оборачиваетъ вокругъ себя, потомъ, образовавшійся на концѣ трубки огненный пузырь вставляетъ въ приготовленную форму, ножницами обрѣзываетъ верхній конецъ его, и черезъ какихъ нибудь нѣсколько секундъ получается ламповое стекло. Съ виду это такъ скоро и просто, что удивляешься. На самомъ же дѣлѣ, нуженъ громадный навыкъ, ловкость и даже безстрашіе, чтобы владѣть какъ слѣдуетъ этой желѣзной трубочкой, инструментомъ—одинаково изготовляющимъ всѣхъ возможныхъ видовъ стеклянныя и хрустальныя вещи, начиная отъ ламповаго стекла и стакана и кончая громадными расписными вазами. Самыя простыя вещи выдуваются съ одного раза; болѣе сложныя, какъ-то: рюмки, бокалы, вся сортовая посуда, аптекарская, кондитерская и проч. предметы получаются посредствомъ ряда нагрѣванія стеклянной массы, склеиванія между собой разныхъ частей и формованія ихъ. Такъ, чтобы изъ нихъ приготовить рюмку, или бокалъ, выдуваютъ сначала верхнюю часть ихъ, собственно вмѣстилище. Потомъ прикладываютъ снизу кусокъ раскаленной массы, который моментально прирастаетъ, и формуютъ его въ разнаго вида стойки; затѣмъ опять прикладываютъ массу и сплащиваютъ ее уже въ видѣ кружка, на которомъ и становится рюмка, или бокалъ. Вся формовка и облицеваніе наружнаго и внутренняго вида посуды производится помощью простой деревянной палочки. Работникъ, держа все время на концѣ своей трубки оконечность вещи, вертитъ ее на табуретѣ, а палкой прижимаетъ въ данномъ мѣстѣ. Отъ накаленности массы, дерево часто загорается, но его опускаютъ въ воду и продолжаютъ работу. Стеклянная масса, гибкая и въ то же время упругая, принимаетъ всевозможныя формы и рѣжется какъ тѣсто. Можно залюбоваться, съ какой легкостью и быстротой мастера надъ ней возятся, какъ изъ безформеннаго мѣшка они гнутъ самыя граціозныя вещи, какъ они безстрашны съ

этой огненной массой, мгновенное прикосновеніе которой способно, кажется, прижечь кость.

Въ мастерской гута работаетъ 22 мастера, 22 помощника ихъ и остальные — малолѣтнія дѣти. Мастера собственно занимаются отдѣлкой вещей, помощники же ихъ и дѣти подаютъ имъ только на трубкахъ стеклянную массу и затѣмъ на желѣзныхъ вилкахъ уносятъ готовыя вещи. Видъ всѣхъ рабочихъ здѣсь, а особенно дѣтей, самый жалкій. Они всѣ истомлены и худы, а у дѣтей, кромѣ того, воспалены глаза отъ страшнаго жара гута. Рискуя каждую секунду получить смертельный обжогъ, они стали положительно равнодушны къ опасности. Эти жалкія созданія, только что начинающія жить, выучились уже и презирать ее, по крайней мѣрѣ, не бояться страданія. Всякій, кто только взглянетъ на пылающую со всѣхъ сторонъ печь гута и кругомъ нея на эти ярко освѣщенныя дѣтскія лица, грязныя, изможженныя и апатичныя, — тотъ согласится съ этой горькой истиной. Мальчики, набравъ стеклянной массы на свои трубки, опрометью бѣгутъ къ своимъ мастерамъ; причемъ, въ этой постоянной суматохѣ, въ этихъ постоянныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ, огненные шарики то и дѣло мелькаютъ между одеждами, между лицами, вотъ-вотъ готовые коснуться ихъ. И хоть бы кто отстранился, попятился, прикрикнулъ на сосѣда. Угрюмо спѣшатъ мальчики отъ гута и къ гуту, шипѣніе и неясный гамъ носится надъ ними, а когда раздастся крикъ, то бываетъ не крикъ, а вопль нечеловѣческаго страданія...

Всѣ предметы, оконченные мастерами у гута, относятся мальчиками въ такъ называемую *закальную* печь. Закальная печь имѣетъ назначеніе *закаливать* стекла, какъ закаливаютъ сталь, для приданія ему надлежащей твердости и хрупкости. Безъ этого закаливанія, приготовленныя стеклянныя вещи, при охлажденіи ихъ, разваливались бы. Печь имѣетъ въ длину десятка два саженей и въ ней, на рельсахъ, стоятъ 20 желѣзныхъ ящиковъ, которые наполняются, по мѣрѣ передвиженія ихъ, черезъ отверстія закальной печи. Въ переднемъ отдѣленіи печи поддерживается постоянно огонь, чѣмъ сохраняется постоянно высокая температура въ заднемъ ея отдѣленіи, гдѣ стоятъ ящики со стеклами. Передвиженіе этихъ ящиковъ производится посредствомъ цѣпи и блока, помѣщающагося въ смежномъ отдѣленіи *переборномъ*. Тамъ, у отверстія печи, съ кото-

раго можно видѣть весь длинный рядъ ящиковъ, стоитъ рабочій, который поворачиваетъ блокъ, когда ему дадутъ изъ гута звонокъ. Нѣсколько другихъ рабочихъ опоражниваютъ приходящій ящикъ со стекломъ и сортируютъ уже совершенно охлажденные предметы. Такой ящикъ проходитъ всю длину закальной печи въ продолженіи $2^1/_2$ часовъ. Въ переборной работало 8 человѣкъ. Изъ переборной тѣ предметы, которые подлежатъ внѣшней отдѣлкѣ, переносятся въ *рисовальню* и въ *шлифовочное* отдѣленіе. Тамъ преимущественно работаютъ надъ ламповыми шарами, стеклами, стаканами, графинами и пр. Тамъ ихъ отдѣлываютъ подъ матъ, рисуютъ или, скорѣе, вырѣзываютъ на нихъ узоры, гранятъ и шлифуютъ. Отдѣлка подъ матъ производится простымъ треніемъ объ стекло песчаной гущи. Узоры вырѣзываетъ мастеръ на память, посредствомъ вертящагося стальнаго кружка. Этимъ кружкомъ онъ нарѣзываетъ въ разныхъ направленіяхъ черточки на стеклѣ, изъ которыхъ невидимо образуются всевозможные рисунки, часто художественные. Это дѣло одно изъ самыхъ трудныхъ на заводѣ, потому что требуетъ, кромѣ вѣрнаго глаза, еще художественной фантазіи (мастеръ въ большинствѣ случаевъ самъ измышляетъ рисунки). На заводѣ Болотова мастеръ оканчиваетъ въ часъ до 5-ти ламповыхъ шаровъ. Кромѣ нихъ, онъ вырѣзываетъ еще цѣлыя картинки, пейзажи съ людьми и животными на хрустальныхъ стаканахъ, кружкахъ и рюмкахъ. Для нарѣзыванія и отдѣлки грани на стеклѣ, въ *шлифовочномъ* отдѣленіи существуетъ рядъ стаканов съ колесами: желѣзными, каменными и деревянными. Каждое изъ этихъ колесъ дѣйствуетъ на стекло давленіемъ (мастеръ подставляетъ подъ него предметъ) и вращательнымъ движеніемъ. Для полученія первоначальной грани употребляютъ желѣзныя колеса и посыпаютъ стекло пескомъ. Отъ этого получается грань грубая, совсѣмъ матовая. Для дальнѣйшей отдѣлки ея, передаютъ предметъ на слѣдующую машину, гдѣ дѣйствуетъ на ту же грань каменное колесо, а самое стекло поливается водою, грань получается глубже, ровнѣй и свѣтлѣй. Затѣмъ его передаютъ на послѣднія машины, гдѣ, посредствомъ простаго деревяннаго колеса и поливанія стекла ножакомъ (пемза съ водой), матовая поверхность грани становится прозрачной и совсѣмъ гладкой. Этимъ же колесомъ сглаживаютъ и рѣзкія края стакановъ, рюмокъ и пр.

Кромѣ граненія и шлифованія, въ этомъ отдѣленіи обрѣзываютъ

еще концы ламповыхъ стеколъ, тоже посредствомъ машинъ съ вращающими колесами, или, когда ихъ не хватаетъ, посредствомъ машины съ алмазомъ.

Послѣдняя инстанція для вещей болѣе дорогихъ и изящныхъ— это живописно-золотарное отдѣленіе. Въ немъ по молочному стеклу рисуютъ букеты, пейзажи, группы и портреты. Въ рисовнѣ г. Болотова работаетъ 6 чел., изъ которыхъ лучшій мастеръ — нѣмецъ. Его портреты и рисунки на вазахъ заслуживаютъ, по своей художественности, исключительнаго вниманія. Особенно хороши выходятъ у него портреты. Лучшая изъ его работъ двѣ сцены изъ «Демона», писанныя на громадной вазѣ, была выставлена на московской выставкѣ. Этотъ мастеръ работаетъ у Болотова уже 2 десятка лѣтъ и получаетъ большія деньги, поштучно. За отдѣлку, напр., сказанной вазы онъ получилъ около 200 рублей. Остальные рисовщики, народъ русскій, далеко отстали отъ своего товарища-нѣмца, если не по качеству работы, то по заработной платѣ. Они работаютъ тоже поштучно, до 10 рисунковъ въ день, maximum на 50 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ нѣмецъ вырабатываетъ иногда слишкомъ на 150 руб. въ мѣсяцъ.

Для того, чтобы краски не стиралась со стекла, предметы съ готовыми уже рисунками ставятъ въ горячія печи, называемыя *мофиля*, на подстилку изъ плитокъ кассальской глины. Тамъ держатъ ихъ до 10 часовъ, и только въ этотъ періодъ краски вполнѣ приплавливаются къ стеклу. Печи топятся снизу.

Этимъ и кончается производство всѣхъ видовъ и сортовъ стеклянной и хрустальной посуды. Въ *упаковочномъ* отдѣленіи завертываютъ въ солому и складываютъ въ ящики. Такихъ ящиковъ и бочекъ заводъ Болотова отправляетъ до $3^1/_2$ тысячъ въ годъ, преимущественно въ Москву, Петербургъ и въ Нижній по заказамъ. Ящикъ съ посудой, смотря по сорту ея, продается заводомъ отъ 20—60 р. Всѣхъ сортовъ посуды заводъ вырабатываетъ до 1.300,000 штукъ, на сумму до 120,000 руб. въ годъ.

Всѣхъ рабочихъ на заводѣ до 200-тъ человѣкъ; изъ нихъ только 60 приходящихъ, остальные живутъ на заводѣ. Населеніе преимущество окрестныхъ деревень, частью изъ Вышняго-Волочка. Помѣщенія рабочихъ далеко не удовлетворяютъ самымъ прозаичнымъ требованіямъ. Они тѣсны и грязны. Г. Болотовъ кажется руковод-

ствовался въ постройкѣ бараковъ для своихъ рабочихъ исключительно хорошими условіями природы. Его бараки стоятъ на опушкѣ сосновой рощи, и она-то должна, повидимому, замѣнять рабочему воздухъ и чистоту. Разсчетъ, впрочемъ, не лишенный основанія.

Работа на заводѣ начинается съ $5^1/_2$ час. утра и продолжается съ перерывами до 9—10 часовъ. Такимъ образомъ рабочихъ часовъ въ день бываетъ до 11-ти и ими обременены какъ взрослые, такъ и мальчики, которыхъ на заводѣ 40 челов. Эти мальчики, преимущественно дѣти мастеровъ, возрастомъ отъ 10-ти и меньше еще можетъ быть лѣтъ, какъ я уже сказалъ, имѣютъ видъ далеко не веселый. Видно и роща-то сосновая не манитъ ихъ къ себѣ, послѣ раскаленнаго воздуха у гуты. Видно и харчи хозяйскіе не подымаютъ ихъ духа, не наполняютъ ихъ впалыхъ щекъ и не даютъ имъ маломальски счастливой жизни.

Заработная плата между всѣми рабочими распредѣляется приблизительно такъ: мастера работаютъ сдѣльно, отъ $^1/_2$—3 коп. со штуки, и вырабатываютъ такимъ образомъ до 40 руб. въ мѣсяцъ. Помощники ихъ получаютъ отъ 15—18 руб. въ мѣсяцъ, а мальчики—по 3 руб. на хозяйскихъ харчахъ. Мастерамъ, кромѣ того, полагаются отдѣльныя каморки.

Весьма отрадное впечатлѣніе на заводѣ г. Болотова производитъ школа, основанная и содержимая на его средства. Тамъ обучаются и дѣти рабочихъ, и дѣти окрестнаго населенія числомъ около 50 человѣкъ. Помѣщеніе, учебныя пособія, учительница и степень познаній учащихся — все это дѣлаетъ честь г. Болотову и сглаживаетъ, такъ сказать, впечатлѣніе отъ его рабочихъ бараковъ. Достаточно зайти въ эту школу, послѣ осмотра бараковъ, чтобы выѣхать за ворота завода съ довольно легкимъ сердцемъ.

Изъ благотворительныхъ учрежденій въ гор. Волочкѣ заслуживаетъ вниманія богадѣльня при фабрикѣ братьевъ Ермаковыхъ, а въ уѣздѣ—пріютъ для бѣдныхъ художниковъ, или, какъ его называютъ—«академическій пріютъ», при истокѣ рѣки Мсты.

Богадѣльня Ермаковыхъ основана въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, исключительно на средства богатаго мѣстнаго купца Ермакова. Она помѣщается въ прекрасномъ зданіи близъ его бумаго-прядильной фабрики, зданіи, по меньшей мѣрѣ, стоющемъ тысячъ полтораста. Одна церковь богадѣльни, по размѣрамъ и по благолѣпію, могла

бы служить приходской церковью въ любомъ городѣ. Общій видъ богадѣльни, помѣщающейся среди густаго и хорошо содержаннаго парка, представляетъ издали очень красивое зрѣлище. Въ ней призрѣваются престарѣлые и больные преимущественно изъ Вышневолоцкаго уѣзда. Но, по личному усмотрѣнію Ермакова, принимаются люди и изъ другихъ уѣздовъ. Богадѣльня обезпечена была при открытіи ея капиталомъ въ 50 тысячъ, которыя Ермаковъ положилъ въ основаніе ново-учрежденнаго имъ банка. Этотъ банкъ, возникшій такимъ образомъ въ одно время съ богадѣльней, въ одномъ помѣщеніи съ ней, долженъ былъ обезпечить ея существованіе. Кажется, просто и благоразумно. Но не такъ вышло на дѣлѣ. Въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ, онъ служилъ источникомъ раздоровъ между городомъ и Ермаковымъ. Мирное и разумное предпріятіе Ермакова, хотѣвшаго возсоединить благотворительное учрежденіе съ коммерческимъ, чтобы, призрѣвая стариковъ и старухъ, помогать въ то же время мелкимъ кредитомъ бѣднымъ жителямъ города, было встрѣчено этимъ послѣднимъ какъ лакомый кусокъ, возлѣ котораго нелишне кой-кому и руки погрѣть. Столкнулись личные, эгоистическіе интересы города—съ одной стороны и купеческое самолюбіе милліонера купца—съ другой; разыгрались страсти, развернулась русская натура на распашку—и пошла потѣха. Банкъ буквально стали тащить за обѣ руки: за одну Ермаковъ—къ себѣ, за другую городъ—къ себѣ.

Много было разныхъ перипетій, которыхъ и разсказывать скучно. Все сводилось къ тому, кому управлять банкомъ. Если городу, такъ банкъ надо перевести изъ богадѣльни, для ближайшаго надъ нимъ надсмотра. Если Ермакову—такъ переводить его не надо, и Ермаковъ, какъ директоръ его, остается единственнымъ распорядителемъ всѣхъ банковскихъ операцій. Но, между этихъ дрязгъ, въ жизни ермаковскаго банка были три крупные фазиса. Первый, когда городъ оттягалъ банкъ у Ермакова и, водворивъ его у себя, жадно набросился на управленіе имъ. Второй, когда выборные заправилы банка, частью пресыщенные, частью разочарованные въ чаемыхъ благахъ отъ банковскихъ операцій, сами стали просить у Ермакова о принятіи банка обратно въ его полное хозяйство. Когда общипанное, еще дышащее дѣтище Ермакова опять возвратилось въ объятья своего создателя—и тамъ, помощью его цѣленій, вновь начало оживать и

рости,—это былъ второй періодъ жизни банка, когда вновь полились въ него вклады, начались операціи сдержанныя и не рискованныя, когда банкъ вновь сталъ приносить хорошіе проценты. Этотъ періодъ возрожденія банка лучше всего указываетъ на добросовѣстное отношеніе къ нему Ермакова; но вотъ начинается третій періодъ. Городъ смотритъ, удивляется и улегшіяся-было страсти его опять бушуютъ. Опять подымаются интриги, опять начинаютъ оскорблять Ермакова всякими требованіями, придирками, и, наконецъ, выражаютъ ему полное недовѣріе, громко сомнѣваются въ его честности. Кончилось тѣмъ, что городъ опять потребовалъ перевода банка изъ помѣщенія богадѣльни и передачи его въ свое распоряженіе. Разразилась буря, и Ермаковъ, выведенный, наконецъ, изъ себя, швырнулъ свой банкъ въ лицо города.

Слишкомъ ужь много крови испортилъ онъ ему. По уставу банка, изъ процентовъ его должно быть обязательно отчисляемо 5,000 руб. на содержаніе богадѣльни. Но такъ какъ содержаніе ея обходится до 10 тысячъ, которыя въ прежнее время всѣ вносились Ермаковымъ, городъ потребовалъ отъ Ермакова еще дополнительнаго капитала, который бы, въ случаѣ его смерти, вмѣстѣ съ основнымъ, обезпечилъ всю сумму расходовъ по богадѣльнѣ.

Послѣ долгихъ споровъ и разныхъ перипетій, Ермаковъ внесъ 75 тысячъ, но не на богадѣльню, а собственно для выполненія многочисленныхъ прорѣхъ банка, какъ-то: опротестованныхъ векселей, и пр.

Какъ нынѣ идутъ дѣла банка—не смѣю судить.

Такъ-называемый «Академическій пріютъ» помѣщается у истоковъ Мсты, близъ большаго мстинскаго шлюза, въ 22—23 верстахъ отъ города Волочка. Исторія основанія этого пріюта, приблизительно, такова: извѣстный Петербургу капиталистъ, В. А. Кокоревъ, купилъ на берегу Мсты имѣніе, которое своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ обратило на себя его исключительное вниманіе. Онъ съ жаромъ принялся за отдѣлку усадьбы, за постройку новыхъ службъ, и черезъ годъ-два стараго имѣнія нельзя было узнать. Все стало чисто, съ иголочки, граціозно и изящно. Сама мѣстность возлѣ усадьбы пріобрѣла какъ бы другой характеръ. В. А. Кокоревъ, диллетантъ искусства и тонкій знатокъ красотъ природы, умѣетъ пользоваться тѣмъ, что для другихъ проходитъ незамѣченнымъ. Двумя, тремя штрихами

онъ умѣетъ помочь природѣ, поселить въ ней стройность и гармонію. Тамъ срубитъ деревцо, тамъ засадитъ цѣлую рощицу, откроетъ видъ направо, заслонитъ слѣва—и выростаетъ цѣлая панорама. Имѣніе г. Кокорева подъ его руками стало игрушечкой; и самъ онъ, больной и измученный жизнью, сталъ отдыхать въ немъ тѣломъ и душой.

Какъ разъ напротивъ его усадьбы, на другомъ берегу Мсты, круто висящемъ надъ водой, стоитъ и красивый домикъ, скрытый въ сосновой рощѣ. Домикъ давно ужъ необитаемъ, хотя его размѣры и постройки представляютъ всѣ удобства для жилья. Этотъ домикъ и участокъ земли возлѣ него принадлежатъ округу инженеровъ путей сообщенія. В. А. Кокоревъ, имѣя постоянно у себя передъ глазами этотъ домикъ и рощицу, которыми никто не пользовался, задумалъ устроить здѣсь лѣтнюю резиденцію для художниковъ. Онъ попросилъ вкругъ продать ему весь участокъ земли вмѣстѣ съ домикомъ, но получилъ отъ министерства путей сообщенія отказъ. Тогда, не оставляя своей мысли, онъ обратился за помощью къ его высочеству, президенту академіи художествъ, великому князу Владиміру Александровичу, вліяніемъ котораго министерство путей сообщенія *уступило* академіи художествъ въ безвозмездное пользованіе домъ и землю возлѣ него. Академія стала ремонтировать старый домикъ, и къ прошлому лѣту готово было уже помѣщеніе на десять человѣкъ.

Кокоревъ, обиженный сначала отказомъ министерства путей сообщенія, когда начались эти постройки, не принималъ въ нихъ дѣятельнаго участья. Однако, потомъ, по мѣрѣ того, какъ обращались къ нему за указаніями и совѣтами, онъ сталъ оживляться и вдругъ горячо принялся за дѣло. Казенныхъ денегъ, отпущенныхъ академіей, было не Богъ вѣсть сколько; пришлось-бы экономничать, урѣзывать, а это было не въ натурѣ В. А. Кокорева. Указывая, какъ сдѣлать то и другое, онъ соображалъ, что при этомъ какъ разъ слѣдуетъ прибавить третье и четвертое, и, сообразивъ, немедленно приводилъ въ исполненіе на собственныя средства. Такимъ образомъ, первоначальный планъ построекъ измѣнился и значительно расширился. Уже построено вновь три флигеля, изъ которыхъ одинъ—прекрасная мастерская, и строится теперь большой парадный павильонъ для принятія Высокихъ Гостей ко дню торжественнаго открытія пріюта, которое имѣетъ быть въ будущее лѣто, въ присутствіи в. кн. Владиміра Александровича съ его августѣйшей супругой. Этотъ павильонъ, строящійся по плану и подъ личнымъ наблюденіемъ В. А. Кокорева, будетъ ше-девромъ изящества. Онъ весь пирамидальный, съ высокимъ куполомъ, снаружи и свнутри будетъ обшитъ некрашенными досками, блѣдно-розоваго цвѣта (мѣстное, особенно цѣнное, долголежалое дерево), и весь отдѣланъ тончайшей рѣзьбой въ строгомъ русскомъ вкусѣ. Помѣщаясь на самомъ высокомъ мѣстѣ берега, онъ буквально виситъ надъ Мстой, какъ разъ противъ первыхъ ея пороговъ. Видъ отсюда, направо и налѣво, дѣйствительно достоинъ кисти. А когда отдѣлка павильона окончится и можно будетъ любоваться этимъ видомъ сквозь зеркальныя стекла, въ которыя предполагается обратить большую часть стѣнъ павильона, это будетъ еще лучше.

Мѣстность, принадлежащая пріюту художниковъ, представляетъ собой какъ бы треугольникъ, вершина котораго помѣщается между истокомъ Мсты и Мстинскимъ озеромъ, а стороны идутъ: одна—вдоль р. Мсты, а другая—вдоль узкаго залива Мстинскаго озера. Мѣстность здѣсь неровная: покатая къ вершинѣ треугольника и подымающаяся къ основанію его. Лучшая точка—это безспорно самая вершина. Изъ-за сосновой чащи, здѣсь открывается безконечная водяная даль Мстинскаго озера съ его крошечными островками и съ берегами прихотливо-извилистыми, точно разорванными. На нихъ пестрѣютъ: гдѣ лѣсъ, гдѣ клочки полей, гдѣ зеленая ширь луговъ. Вода по озеру гладкая, чистая, а посмотришь нѣсколько влѣво и назадъ, на широкое русло Мсты, кольцомъ огибающее васъ, тамъ она быстро и шумно струится между порогами. Посмотришь направо—опять кругомъ васъ кольцо воды, а за нимъ разстилается ровная даль и на горизонтѣ черная полоса лѣсу. Словомъ, не надо быть художникомъ, чтобы оцѣнить эту тихую, мирную и въ то же время мощную картину природы. Здѣсь, кажется, все такъ и создано, чтобы дать наслажденіе глазу и отдыхъ—душѣ...

Если, побывавъ въ Вышнемъ-Волочкѣ, нельзя не остановиться нѣкоторымъ вниманіемъ на внѣшнихъ особенностяхъ этого городка, на его оригинальной красотѣ, то, равнымъ образомъ, соприкоснувшись съ жизнью уѣзда, съ чертами земскаго самоуправленія, нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыя исключительныя особенности его.

Я говорю исключительныя, потому что мнѣ не приходилось еще ихъ встрѣчать въ другихъ уѣздахъ. Мнѣ не приходилось встрѣчать

такого добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ всѣхъ лицъ земской администраціи, начиная отъ предводителя дворянства и до секретарей уѣздныхъ учрежденій включительно; такого разумнаго пониманія этихъ обязанностей и такого единообразія въ дѣйствіяхъ. Ничего нѣтъ въ мірѣ идеальнаго, и потому я не намѣренъ идеализировать земство Вышневолоцкаго уѣзда. Но, сравнительно съ другими уѣздами и насколько вообще возможны цѣлесообразныя дѣйствія земства въ сферѣ его многочисленныхъ и запутанныхъ обязанностей, въ сферѣ этого «Государства въ Государствѣ», вышневолоцкое земство ближе другихъ подходитъ къ намѣченному Положеніемъ идеалу земства, призваннаго охранять или, вѣрнѣе, *опекать*, жизнь и интересы сотенъ тысячъ населенія уѣзда. Вышневолоцкое земство дѣйствительно опекаетъ свой уѣздъ по мѣрѣ силъ и возможности. Крестьянское хозяйство и народное образованіе — это двѣ главныя отрасли, весьма успѣшно ведущіяся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ. Какъ характеристику первой изъ нихъ, могу сказать, что въ уѣздѣ нѣтъ почти пустыхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Даже неблагопріятный урожай нынѣшняго года не отразился съ этой стороны пагубнымъ образомъ. Крестьяне Вышневолоцкаго уѣзда сознали наконецъ свою личную пользу отъ засыпки запаснаго хлѣба въ магазины, и это сознаніе обезпечиваетъ успѣхъ дѣла при всякихъ обстоятельствахъ. Это сознаніе—есть все. Оно есть сила, во сто кратъ сильнѣй всѣхъ понудительныхъ полицейскихъ и другихъ мѣръ. Оно есть указатель нравственнаго уровня населенія, оно уже есть богатство края. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ магазины пусты, а часто и разрушены, гг. земцы всегда ставятъ причиной тому отсутствіе этого сознанія въ крестьянахъ и полную несостоятельность всѣхъ понудительныхъ къ тому мѣръ. Крестьяне обыкновенно разсуждаютъ такъ: «Кому я буду давать свой хлѣбъ?.. Въ магазею?.. Да за-чимъ?.. Рази мнѣ отдадутъ?.. Дадутъ вотъ Митрію, потому у него бѣдность! Агафону дадутъ, еще кому, а мнѣ не дадутъ!.. У меня свово хлѣба довольно!.. А имъ за что дадутъ?.. За бездѣлье, за пьянство!.. Такъ на это будетъ идти мое добро?.. Нѣтъ, шалишь!.. Не дамъ!.. А то вонъ еще староста разграбитъ! Намедни вонъ, въ прошломъ году, очистили магазею. А кому роздали, по какимъ энто квитанціямъ, про энто старосту спрашивать надо»...

Не лишены нѣкотораго основанія такія рѣчи мужиковъ, и тѣмъ труднѣе заставить ихъ разсуждать иначе. Вотъ почему велика заслуга вышневолоцкаго земства, умѣвшаго снискать себѣ довѣріе населенія и тѣмъ взять верхъ надъ упрямой логикой русскаго мужика.

Народное образованіе весьма ревностно охраняется вышневолоцкимъ земствомъ. Я посѣтилъ очень мало сравнительно народныхъ школъ (ихъ слишкомъ 50-тъ въ уѣздѣ); но тамъ, гдѣ мнѣ случилось быть, я выносилъ впечатлѣніе самое удовлетворительное.

Первое, что школы не пусты. Крестьяне охотно посылаютъ учиться своихъ дѣтей и посылаютъ ихъ зачастую за нѣсколько верстъ. Значитъ, они видятъ пользу, результаты ученія въ этихъ школахъ. Помѣщенія школъ просторны и опрятны, наставники и наставницы выглядятъ очень симпатично, а учащіяся дѣти не запуганы, отвѣчаютъ бойко и, въ большинствѣ случаевъ, толково. Учебныя пособія въ народныхъ школахъ—это, такъ сказать, указатель степени заботливости о нихъ земства. Я видѣлъ «библіотеки» сельскихъ школъ, къ которымъ это названіе можно примѣнить только какъ пародію. Грязные шкафы, наполненные грязными обертками, которыхъ и въ руки тошно взять — это болѣе обыкновенный ихъ видъ. Въ оберткахъ — изодранные и истлѣвшіе почти жалкіе остатки страницъ, гдѣ и хорошо грамотному трудно что-нибудь разобрать. При неосторожномъ движеніи, такого рода «учебное пособіе» все трепещетъ и вотъ-вотъ готово разсыпаться. Случалось мнѣ видѣть въ одномъ уѣздѣ и въ одной школѣ, что мальчикъ сидитъ надъ своей азбукой и боится ее тронуть. А надо перевернуть страницу: это, очевидно, опасное событіе для него. Тутъ употребляется вдвое больше усилія и вниманія, чѣмъ при чтеніи самыхъ непонятныхъ іероглифовъ, испещряющихъ такого рода азбуки. Бываютъ школы и съ лучшими «библіотеками», гдѣ учебныя пособія еще *годны* къ употребленію. Но такихъ прекрасныхъ учебниковъ, какіе встрѣчаются въ школахъ Вышневолоцкаго уѣзда, мнѣ въ другихъ уѣздахъ видѣть еще не случалось.

Участіе земства въ народномъ образованіи главнымъ образомъ выражается ассигновкой требуемыхъ средствъ на школы. Даетъ земство больше — школы очевидно лучше. Это понятно. Но даже при сравнительно одинаковыхъ средствахъ, отпускаемыхъ на школы, въ разныхъ уѣздахъ, онѣ значительно разнятся между собой. И эта раз-

ница вся происходитъ отъ взаимнаго отношенія правительственной власти надъ школами и земствомъ. Наблюденіе за школами, за порядкомъ занятій въ ней, за нравственностью наставниковъ и за успѣхами учениковъ поручено, какъ извѣстно, инспекторамъ народныхъ училищъ—чиновникамъ министерства народнаго просвѣщенія. Выборъ и назначеніе наставниковъ производится по *соглашенію* съ уѣздной управой, или наоборотъ—управой, по соглашенію съ инспекторомъ. Смѣна же наставниковъ можетъ быть произведена единоличной властью инспектора, чего не можетъ управа. Учительскій совѣтъ во всемъ этомъ является инстанціей какъ бы аппеляціонной, долженствующей примирять между собой интересы правительства съ интересами земства, на пользу интересовъ дѣла. Но учительскій совѣтъ есть почти та же управа, потому что правительство въ немъ изображаетъ одинъ инспекторъ. И вотъ, слѣдствіемъ этихъ сложныхъ отношеній къ народной школѣ правительства и земства, являются обстоятельства подобнаго рода.

Напримѣръ: инспекторъ народныхъ училищъ желаетъ опредѣлить на вакансію народнаго учителя, или учительницы, лично извѣстную ему особу, за качества которой онъ ручается. Онъ сообщаетъ о семъ предсѣдателю управы, и все остальное зависитъ отъ личныхъ отношеній инспектора съ предсѣдателемъ. Потомъ: инспектору извѣстна полная непригодность такого, или такой-то, къ званію учителя или учительницы. Онъ смѣняетъ ихъ, не предупреждая управу. Предсѣдатель ея можетъ обидѣться и въ такомъ случаѣ дѣлаетъ «пакость» инспектору примѣрно въ такомъ родѣ. При посѣщеніи любой школы, ему вдругъ не понравилась физіономія учителя, поклонъ его, манера говорить. Онъ предлагаетъ инспектору смѣнить сказаннаго учителя и, когда инспекторъ отказываетъ, управа преспокойнѣйшимъ образомъ прекращаетъ выдачу помянутому учителю содержанія. Очевидно, бѣдный учитель долженъ убираться по-добру, по-здорову.

Это только единичные, возможные факты. Но, я полагаю, и они достаточно ярки, чтобы охарактеризовать всю непрактичность *двувластія* надъ народной школой такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ земства и правительства. Что нибудь одно: или земство полный хозяинъ школъ—тогда контроль правительства одна формальность, влекущая за собой только расходы. Или это земство, *обязанное* законъ къ извѣстному minimum'у расходовъ по каждой школѣ, можетъ распоряжаться только количествомъ ихъ въ уѣздѣ и матеріальной стороной ихъ быта, т. е. сверхъ обязательнаго minimum'а, увеличивать содержаніе учителей, улучшать учебныя пособія, оставляя чиновникамъ правительства всю заботу о самомъ обученіи и о результатѣ его. А нынѣ все дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ держится на основахъ личныхъ отношеній инспектора къ предсѣдателю управы, или изображающему его. Но, надо же сознаться, что основы эти слишкомъ шатки, если одна партія винта, одинъ маленькій шлемъ, не во-время назначенный, при горячихъ темпераментахъ, часто потрясаетъ все зданіе добродушныхъ отношеній людей между собой. Вышневолоцкій уѣздъ и въ этомъ отношеніи представляетъ счастливое исключеніе. Судьба послала ему такого инспектора народныхъ училищъ, съ которымъ даже и за картами ссориться грѣшно. И если вышневолоцкое земство не жалѣетъ на свои школы денегъ, то г. инспекторъ не жалѣетъ для нихъ самого себя, проводя въ разъѣздахъ по школамъ гораздо больше времени, чѣмъ у себя дома. Дѣло народнаго образованія—его родное дѣло, съ которымъ онъ няньчится и которое онъ любитъ чисто по-отечески. Долгъ службы, долгъ дисциплины и даже простой благодарности что-то мало создавалъ еще въ Россіи ревностныхъ чиновниковъ, но за то любовь къ своему дѣлу даетъ ей много и часто прекрасныхъ людей.

Вотъ чѣмъ могу я объяснить только ту странную, по меньшей мѣрѣ, манеру (странную потому, что не халатную) въ отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ и между собой властей земскихъ и правительственныхъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ.

— Иванъ Яковлевичъ, съѣздите пожалуйста въ такую-то волость, разберите тамъ это дѣло! и Иванъ Яковлевичъ, добродушно кряхтя, собирается въ путь, укутывается, обвязывается и отмахиваетъ верстъ 50—60 въ отдаленнѣйшіе края уѣзда.

— Яковъ Ивановичъ, вы вѣдь ѣдете на-дняхъ ревизовать такую-то волость? Что-бы вамъ свернуть, да самому провѣрить этотъ планъ? А?.. Вѣдь пожалуй наврали! Мы разрѣшимъ, а эта мерзавка навѣрно откроетъ тамъ кабакъ!.. А?.. Какъ вы полагаете?.. Вѣдь не далеко вамъ будетъ!

Яковъ Ивановичъ неопредѣленно мычитъ.

— То есть... не совсѣмъ не далеко! Верстъ 25 пожалуй въ сторону... бормочетъ Яковъ Ивановичъ.

— Ну, гдѣ 25, поменьше... утѣшаютъ его.

— Нѣтъ, не меньше!.. Знаю я это мѣсто... Я бы съѣздилъ, пожалуй, да у меня ужь назначены подрядъ волости, чтобы къ ночлегу попасть въ Передергино.

— Ну, ничего...

— Да, вѣдь тогда мнѣ ночевать придется въ этомъ Завитухинѣ!..

— А что?

— Да, тамъ и негдѣ-то пожалуй...

— Ну, ничего... переночуйте какъ нибудь. Кости молодыя..

— Эхъ, молодыя!.. Печень вотъ болитъ отъ этой тряски все... пробуетъ еще защищаться Яковъ Ивановичъ, но уже слабо, явно сознавая необходимость ѣхать.

И вотъ, не смотря ни на печень, ни на мерзкое Завитухино, гдѣ негдѣ ночевать, не смотря на свои *молодыя* кости 60-лѣтней пробы, Яковъ Ивановичъ и ревизуетъ волость, и провѣряетъ планъ, и даже не заболѣваетъ, исколесивши верстъ 200 по невообразимымъ дорогамъ, которыя онъ самымъ добродушнымъ образомъ называетъ: «обрушившейся на насъ карой небесной!»

— Эти дороги, дороги, знаете... ахъ! говоритъ, скорѣе вопитъ онъ, послѣ экскурсіи, хватаясь за печень. Точно само небо разверзлось и бросило ихъ намъ, какъ страшный бичъ за наши беззаконія...

Въ этомъ родѣ служатъ своему дѣлу гг. земцы Вышневолоцкаго уѣзда. Словесными преобразованіями, хуленіемъ всего стараго и постройкой въ одинъ вечеръ на мѣсто его *новаго*, начиная отъ низшихъ уѣздныхъ учрежденій и кончая самыми высокими государственными, — этимъ дѣломъ въ Волочкѣ не занимаются. Вы не услышите тамъ, столь обыкновенныхъ въ послѣднее время, категоричныхъ фразъ, въ родѣ: «Это ни куда не годится»... «ничего, кромѣ вреда отъ этого присутствія мы не видимъ»... «это необходимо устроить такъ, чтобы и т. д.». Всего этого тамъ и не любятъ, да и не умѣютъ говорить такъ напыщенно. Какъ ни заводи разговоръ, съ какой стороны ни подступай, какъ ярко ни мани «Кохановской манной», имѣющей скоро просыпаться на нашу «бѣдную Россію», не раздражить ни чѣмъ преобразовательныхъ аппетитовъ ни у Иванъ Яковлевичей, ни у Яковъ Ивановичей.

— Да вы бы какъ же думали исправить этотъ недостатокъ?.. спрашиваю я въ десятый разъ милѣйшаго и честнѣйшаго Якова Ивановича. Вѣдь за вами стоитъ опытъ 20-ти лѣтъ...

— Вотъ, опытъ, вы говорите, живо подхватываетъ Яковъ Ивановичъ. Вѣрно, опытъ есть!.. А что онъ мнѣ далъ? Развѣ онъ далъ мнѣ возможность изучить всѣ, какъ есть, стороны земскаго дѣла!.. Развѣ я могу знать, что мнѣ завтра придется дѣлать въ управѣ?.. Вѣдь это... ахъ! Вѣдь это великое дѣло! Вѣдь это нескончаемая, безграничная... какъ бы вамъ сказать... даль, что ли. Это *необозримое* поле для дѣятельности, радостно подхватываетъ Яковъ Ивановичъ, весь загораясь вдохновеніемъ. Вѣдь вотъ, посмотрите это, указалъ онъ мнѣ на подстилку для лампы, всю обдѣланную кругомъ бахромой изъ множества разноцвѣтныхъ нитокъ. Вотъ вамъ земское дѣло!.. Развѣ вы сосчитаете всѣ ниточки здѣсь? И каждая вѣдь иная... А вѣдь предметъ небольшой!.. Теперь троньте одну, потяните, вѣдь сколько сосѣднихъ зашевелится? А?.. А дерните крѣпче, такъ и всѣ задрожатъ!..

Такъ и наше дѣло земское. Развѣ возможно исчислить всѣ стороны его, недостатки или достоинства, всѣ, могущіе родиться завтра, послѣ завтра и т. д. новые вопросы?.. Вѣдь нельзя же! Согласитесь!.. Вѣдь вотъ я, напримѣръ! Вы говорите «20-ти-лѣтній опытъ». А я съ этимъ опытомъ и сегодня еще сталъ въ тупикъ надъ однимъ распоряженіемъ. Не зналъ!.. Право, не зналъ какъ и быть!.. Вотъ только спасибо членамъ; посовѣтывались, потолковали, да рѣшили. А тамъ какъ Богъ дастъ!..

И все такъ! Все пока въ нашемъ дѣлѣ мы дѣлаемъ наугадъ. Значитъ.. подхватилъ онъ послѣ остановки, значитъ, земское дѣло для насъ еще *новое*, еще много пройдетъ времени, пока мы его кое-какъ изучимъ. Да наше-то поколѣніе и не дождется того. Пожалуй, третье, четвертое!.. Вотъ тогда, тогда, когда мы будемъ знать, какая тамъ ниточка шевельнется, когда мы тронемъ эту, ту, вотъ тогда и толкуйте о преобразованіяхъ. А то теперь что выходитъ?.. Всѣ что-то измѣняютъ, ломаютъ, кричатъ, а даже не знаютъ о чемъ. Говорятъ: негодится, а вѣдь, ей-богу, не всѣ присмотрѣлись даже къ тому, что негодится.

— Но вѣдь недостатки же есть, настаивалъ я. Вотъ хоть бы изъ того, что вы уже изучили, что испытали на дѣлѣ. Не все же удовлетворяетъ нуждамъ страны, населенія...

— Ахъ... зашевелился на мѣстѣ Яковъ Ивановичъ. Ну, есть! Такъ что-жъ? Такъ развѣ я знаю, чѣмъ можно ихъ поправить, что можно новаго создать, когда я еще стараго всего не знаю?'. Я не знаю еще заданнаго стараго урока, а ужъ буду заглядывать впередъ. Да и есть ли мнѣ время думать надъ этимъ?.. Я же вамъ говорю, что занимайся я 48 часовъ въ сутки, и ихъ бы не хватило, чтобы сдѣлать все нужное, все необходимое даже, что-бы перебрать всѣ эти ниточки. А вѣдь жизнь не останавливается, какъ же я могу остановиться для думанья? Пользы, я думаю, отъ этого не будетъ ровно никакой. А тамъ другіе... ну, пусть ихъ!.. добродушно закончилъ онъ.

Да! Да!..пронеслось у меня въ мысляхъ. Не въ этомъ ли вся мудрая суть? Жизнь не останавливается, а мы остановились надъ ней и задумались, какъ дѣлаютъ это всѣмъ извѣстныя животныя, останавливаясь надъ водой. Да! Разсуждай такъ, какъ мой Яковъ Ивановичъ, всякій земецъ, я думаю, Кохановской коммисіи положительно нечего бы было дѣлать...

Если каждый предводитель дворянства свое знамя такъ высоко и съ такимъ достоинствомъ, какъ несетъ его предводитель Вышневолоцкаго уѣзда, — думаю также, что не пришлось бы теперь подыскивать «чего нибудь» новаго, «въ родѣ» предводителей дворянства и «какого нибудь» новаго сословія «въ родѣ» истаявшаго старо-русскаго дворянскаго.

Не учрежденія, не обстановка, не обстоятельства, не внѣшнія формы становятъ жизнь со всѣми ея оттѣнками, а только люди, люди и люди...

Вотъ убѣжденіе, которое я вынесъ, покидая гостепріимный и милый Вышній-Волочекъ.

Г. Осташковъ.

Уже давно, съ начала 60-хъ годовъ, стали появляться въ печати отдѣльные очерки г. Осташкова, обратившаго на себя исключительное вниманіе среди прочихъ городовъ Тверской губерніи. Поводомъ къ этому исключительному вниманію послужило устройство въ Осташковѣ *первой* въ Россіи вольной пожарной команды. Отличное устройство ея и успѣшныя дѣйствія сдѣлались тотчасъ извѣстны не только въ Тверской губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Само правительство обратило свое око на этотъ глухой и отдаленный городокъ, милостиво отнеслось къ благому начинанію осташевскаго городскаго общества и нашло полезнымъ предложить всѣмъ городскимъ обществамъ заняться устройствомъ своихъ пожарныхъ командъ по образцу осташевской. Съ легкой руки пожарной команды, захолустный уѣздный городокъ, стоящій вдали отъ всѣхъ торговыхъ путей, сталъ привлекать къ себѣ уже не однихъ случайныхъ туристовъ и вызвалъ замѣтки о себѣ не только случайныя и отрывочныя, а иногда и болѣе и менѣе полныя и систематичныя.

Русь велика и обильна, и много въ ней непочатыхъ ни перомъ, ни лопатой, ни чѣмъ инымъ—угловъ. А въ этихъ углахъ гнѣздится такая бездна своеобычностей, странностей и всякихъ «собственныхъ» чертъ, такой богатый матеріалъ и для художника, и для писателя, и для афериста, что подчасъ и втупикъ становишься надъ массой самыхъ неожиданныхъ и разнородныхъ впечатлѣній. Снаружи все гладко, все точно застыло подъ покровомъ общей спячки, а чуть копнешься только въ глубь, просверлишь хотя самое маленькое отверстіе въ этой одноцвѣтной корѣ, какъ оттуда глянетъ цѣлый міръ, и только успѣвай схватывать да наматывать на усъ десятки явленій, населяющихъ этотъ міръ, одно другого ярче и разнообразнѣе,

но и безконечно, какъ въ калейдоскопѣ. Копните глубже, употребите больше вниманія,—и передъ вами откроются уже цѣлые слои явленій, все болѣе и болѣе тусклыхъ, все менѣе понятныхъ вамъ, съ контурами неопредѣленными, какъ-бы подвижными и какъ-бы расплывающимися въ общей массѣ.

Это какое-то царство планетъ, туманное, далеко отъ насъ, въ которомъ мы живемъ только гаданіями, да суевѣрнымъ воображеніемъ. Но это царство—это мы сами, это наши-же жизни, сплетенныя невидимыми для насъ нитями, которыхъ мы не сознаемъ въ себѣ, не подозрѣваемъ даже. И если порой, черезъ столѣтія, сила великаго генія приблизитъ къ нашимъ глазамъ этотъ далекій и въ то же время близкій намъ міръ и огонь его вдохновенія яркимъ лучемъ освѣтитъ передъ нами хоть маленькій краешекъ его безконечья,—мы съ шумомъ и съ жадностью, толпой набрасываемся къ этому краешку, разсматриваемъ его, копошимся въ немъ и удивляемся: какъ тамъ все просто и ясно. «Вѣдь это мы сами, это наша будничная жизнь!.. Это вотъ Иванъ Ивановичъ, а это точь-въ-точь Марія Ѳедотовна, а это»... и т. д. безъ конца судятъ да рядятъ, пока не охрипнутъ и не пресытятся новымъ зрѣлищемъ. А пресыщеніе наступаетъ скоро. Равнодушно повертывается тогда толпа зѣвакъ спиной къ волшебному явленію и съ скучной гримасой говоритъ: «Въ сущности... ничего особеннаго! Все это мы давно знали, встрѣчали... все это такъ обыкновенно, сѣро.! Ахъ, Господи!.. Какая тоска, какое однообразіе!. Хотя-бы землетрясеніе...» И снова наступаетъ спячка до перваго скандала, до первой грязной сплетни, до появленія новаго генія...

Но это къ дѣлу не относится. Я только пытаюсь дать понять читателю, почему такъ усердно и внезапно занялись Осташковымъ. Лѣнивому и апатичному русскому человѣку сказали, что, молъ, въ нѣкоемъ Осташковѣ существуетъ лучшая пожарная команда. Кто близко жилъ отъ сего Осташкова, а кто случайно проѣзжалъ мимо, завернули въ него на минуточку, чтобы посмотрѣть «диво». Посмотрѣли, понравилось и тутъ-же, по необходимости, увидѣли еще коечто, чего не видѣли у себя, дома. Кто имѣлъ даръ слова, разсказывалъ о видѣнномъ устно; кто владѣлъ перомъ, писалъ коротенькіе мемуары, и Осташковъ на нѣкоторое время вошелъ въ «моду». Но, среди всякихъ «зѣвакъ», наѣзжавшихъ въ Осташковъ, нашлись люди

и посерьезнѣе, полюбознательнѣе, которымъ вздумалось посмотрѣть на Осташковъ и его особенности нѣсколько глубже, съ точки зрѣнія и литературной и научной. Другими словами, это были именно тѣ люди, которые дали себѣ трудъ просверлить отверстіе на безцвѣтной глади жизни захолустнаго городка и сквозь эти отверстія наблюдать тѣ или другія явленія этой жизни, полныя того или другого интереса. Такими людьми были два автора двухъ самыхъ подробныхъ и толковыхъ статей объ Осташковѣ, г. Р—въ и г. Покровскій, одинъ—когда-то занимавшійся, а другой—и нынѣ занимающійся статистикой въ Тверской губерніи.

Статья г. Р—ва относится къ 1863 г., статья г. Покровскаго—гораздо позднѣе. Обѣ онѣ довольно полно рисуютъ намъ картину Осташкова, какъ съ внѣшнихъ его сторонъ, такъ и по вопросамъ внутренней жизни: нравы, обычаи, торговлю, промышленность, народное образованіе и проч. Обѣ онѣ написаны съ видимой подготовкой и послѣ основательнаго изученія предмета. Матеріалы собирались не день и не два, а потому и статьи имѣютъ характеръ историко-географическихъ и культурныхъ очерковъ.

Я пробылъ въ Осташковѣ всего недѣлю, и хотя усердно занимался его изученіемъ, посѣщалъ и осматривалъ все, заслуживающія вниманія, мѣста, но не считаю себя, однако, въ правѣ претендовать на самостоятельный трудъ по описанію Осташкова, какъ потому, что недѣлю считаю я для этого срокомъ ничтожнымъ, такъ и потому, что вышеупомянутыя двѣ статьи исчерпали уже предметъ довольно основательно, во всякомъ случаѣ основательнѣе, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать. Однако, и я сдѣлалъ нѣсколько своихъ наблюденій, съ которыми, признаюсь, разстаться нѣсколько жалко.

Не теряя храбрости, хочу я эти мои личныя наблюденія, гдѣ нужно, сопоставить, а гдѣ нужно и дополнить наблюденіями людей, ранѣе меня потрудившихся надъ Осташковымъ, и изъ этого смастерить что нибудь хоть похожее на очеркъ.

Передо мной лежитъ прекрасная статья г. Р—цова и некрасиво испещренные листы моихъ собственныхъ «замѣтокъ» по Осташкову. Постараюсь ихъ сравнить и возсоединить въ одно цѣлое; можетъ и найдется что нибудь интересное, черезъ что прожилъ, въ чемъ измѣнился крошечный городокъ въ 22 года своего существованія.

Г. Осташковъ лежитъ на берегу знаменитаго озера Селигера (вытекаетъ Волга), на полуостровѣ, очень рѣзко вдающемся въ озеро, и съ трехъ сторонъ окруженъ водой. Масса воды въ Селигерѣ и въ озерахъ близлежащихъ дѣлаетъ климатъ Осташкова слишкомъ влажнымъ, а болотистый грунтъ, сверхъ того, развиваетъ и большую сырость. Потому климатъ Осташкова далеко не здоровъ. Всѣ каттаральныя болѣзни, а особенно легочная чахотка, развиваются здѣсь, по словамъ докторовъ, очень успѣшно. Осень—время тумановъ, и весна, когда заливаетъ юго-западную часть Осташкова, это періоды лихорадокъ, ревматизмовъ, флюсовъ, насморка и пр. Въ Осташковѣ тогда хуже, чѣмъ въ нашемъ Петербургѣ. Зимой же дуютъ тамъ вѣтры, особенно чувствительные благодаря громаднымъ размѣрамъ озера Селигера и прямолинейности улицъ самаго города, почему малѣйшее дуновеніе становится сильнымъ сквознякомъ. Лѣтомъ, особенно въ жару, по городу царитъ сильное зловоніе отъ избытка кожевенныхъ заводовъ и терпятся жителями всѣ бѣдствія отъ неимѣнія свѣжей и чистой воды. Происходитъ это отъ того, что всѣ кожевенные заводы расположены по берегу озера кругомъ города, а заводчики мочатъ въ водѣ сырыя кожи. Весь жиръ, вся шерсть, словомъ—вся гниль и мерзость остаются въ водѣ, а такъ какъ она въ озерѣ стоитъ, то и грязь, понятно, въ ней стоитъ. Въ тихую лѣтнюю погоду, говорятъ, нужно съ полверсты отъѣхать отъ берега, чтобы выпить стаканъ сносной воды, безъ вони, безъ грязи и безъ шерсти.

Словомъ, ни одно время года особенно Осташковъ не краситъ и не дѣлаетъ его ни пріятнымъ, ни здоровымъ мѣстомъ. По исчисленіямъ г. Р—цова, въ немъ ежегодно, среднимъ числомъ, переболѣваетъ свыше 5-ти проц. всего населенія и то только изъ тѣхъ, которые обращаются къ докторамъ. А множество и не лѣчится совсѣмъ. Цифра почтенная! Въ этомъ отношеніи и Петербургъ остался позади! Наружность города нельзя назвать красивою. Только подъѣзжая къ нему отъ Вышняго-Волочка по почтовой дорогѣ, идущей по возвышенностямъ, господствующимъ надъ озеромъ, можно издалека любоваться общимъ видомъ Осташкова, рѣзко выдающагося изъ окружающей его массы воды, точно выростающаго изъ нея. Но, въѣзжая въ городъ, тотчасъ наступаетъ и разочарованіе. Вездѣ, по какой бы улицѣ вы ни ѣхали, благодаря ихъ прямолинейности и плоской мѣстности, въ перспективѣ представляется вода и вода. Прямолинейность этихъ улицъ—это первое, что бросается въ глаза въ Осташковѣ. По-истинѣ, такой правильной планировки города я не встрѣчалъ ни въ одномъ нашемъ русскомъ городѣ, включая въ то число и столицы, ни даже въ заграничныхъ городахъ. Въ этомъ видѣ Осташковъ выстроился при Екатеринѣ II, послѣ истребившаго его пожара. Говорятъ, когда спросили Императрицу, какъ строить Осташковъ, она взяла листъ бумаги, начертила нѣсколько параллельныхъ линій и нѣсколько перпендикулярныхъ къ нимъ. «Вотъ такъ!» сказала Императрица: и буквально такъ выстроился Осташковъ.

Если планировка города являетъ собой послѣднее слово цивилизаціи, то постройки его далеко не гармонируютъ съ ней въ этомъ отношеніи. Ни размѣрами, ни красотой, архитектуры не отличаются ни частные, ни общественные дома Осташкова. Изъ общественныхъ построекъ лучшія—это домъ, занимаемый благотворительными учрежденіями банка, Савина, домъ городскаго училища, да устроенныя при самомъ въѣздѣ въ городъ казармы квартирующаго въ городѣ пѣхотнаго баталіона. Изъ частныхъ—только домъ, вновь выстроенный купцомъ Савинымъ, пока пустой (назначеніе его почему-то держится Савинымъ въ секретѣ), обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе, выдѣляясь и своими размѣрами, и своимъ краснымъ цвѣтомъ, среди однообразно-монотонныхъ, бѣленькихъ домовъ Осташкова. Г. Р—цовъ не безъ основанія, вѣроятно, полагаетъ, что въ постройкахъ своихъ осташковцы заимствовались отъ остзейцевъ, съ которыми, благодаря торговлѣ, издавна уже находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Отсюда, я полагаю, и унылость и безцвѣтность въ общемъ характерѣ построекъ г. Осташкова, что, въ сочетаніи съ безпрестанно мелькающею, куда ни взгляни, оловянной поверхностью воды, производитъ впечатлѣніе близкое къ англійскому сплину. Да имъ, повидимому, и одержана добрая половина обреченныхъ на заточеніе въ г. Осташковѣ. Только лѣтомъ взглядъ можетъ отдохнуть на зелени цвѣтовъ садовъ и бульваровъ, да ночью васъ поразитъ газовое освѣщеніе улицы, ведущей къ фабрикѣ Савиныхъ, особенно странное, почти смѣшное, среди непроницаемой темноты на всемъ остальномъ пространствѣ городка, не признающаго фонарей *въ принципѣ*. Вообще, нужно не день и не два прожить въ Осташковѣ, нужно ознакомиться основательно съ его бытомъ, освоиться съ его странностями и испытать на себѣ все его русское добродушіе, чтобы

нѣсколько изгладилось первое неблагопріятное впечатлѣніе, получаемое, я думаю, всякимъ новопріѣзжающимъ въ сей градъ.

Всѣхъ домовъ въ Осташковѣ сочтено было въ 1862 году—1,496, нынѣ ихъ числится 1,493. Всего населенія за 1862 годъ исчислено 10,876 чел., за 1884—10,880 чел. Значитъ, за 22 года жизни города убыло въ немъ *три* дома и прибыло *четыре* человѣка. Развѣ не характерно?!.. Исключая десятка, двухъ, болѣе просторныхъ домовъ, занимаемыхъ исключительно богатыми заводчиками и фабрикантами, все остальное представляетъ собой неуклюжесть и ветхость, особенно рѣзко бросающіяся въ глаза въ постройкахъ деревянныхъ. Странно покажется на первый взглядъ, что въ Осташковѣ, уѣздъ котораго можетъ быть названъ «царствомъ лѣса», могутъ встрѣчаться ветхіе деревянные дома. Г. Р—цовъ въ своей статьѣ основательно объясняетъ это тѣмъ, что «въ самомъ Осташковѣ лѣсъ едва ли не дороже, нежели въ городахъ, лежащихъ по верховью Волги, потому что мѣста, гдѣ производится преимущественно рубка строеваго лѣсу на продажу, находятся отъ города въ 40—50 вер. и, по недостатку сплавныхъ путей, лѣсъ долженъ, по большей части, доставляться сухопутно, что, конечно, значительно возвышаетъ его цѣнность. Церквей въ Осташковѣ четыре, монастырей два: Знаменскій—женскій и Житенный—мужской.

Самая старинная церковь въ Осташковѣ—это *Воскресенская*. Построена она была въ 1689 г., для крестьянъ Осташевской Іосифовской слободы, т. е. принадлежавшей Волоколамскому Іосифову монастырю, взамѣнъ прежней деревянной, тутъ же стоявшей трехпрестольной церкви этого же имени. Спустя 8 лѣтъ, послѣ постройки *Воскресенской* церкви, рядомъ съ ней выстроена была *Троицкая соборная* церковь, и нынѣ обѣ онѣ обнесены общею красивою оградой, состоящей изъ чугунной рѣшетки на каменномъ цоколѣ, съ тремя рѣзными, готической архитектуры воротами.

Въ разстояніи получаса ѣзды отъ города по озеру Селигеру (7 верстъ), находится знаменитая «Нилова Пустынь», вся какъ крѣпость, окруженная водой.

«Нилова Пустынь» издавна уже обращала на себя вниманіе всѣхъ, посѣщавшихъ Осташковъ, и подробное описаніе ея повторялось уже нѣсколько разъ. (Первое въ 1853 году.) Поэтому считаю лишнимъ описывать ее подробно съ точки зрѣнія археологической и исторической. Для полноты очерка, позволю себѣ только привести здѣсь нѣсколько краткихъ свѣдѣній объ основаніи монастыря, заимствуя ихъ изъ статьи того же г. Р—цова.

«Монастырь основанъ въ 1594 года, въ которомъ іеромонахомъ Герасимомъ, съ благословенія митрополита новгородскаго Александра, построенъ первый деревянный храмъ во имя Богоявленія Господня, съ предѣломъ Василія Блаженнаго. Съ этого года, изъ числа богомольцевъ, приходившихъ прежде сюда для поклоненія почивавшему подъ спудомъ угоднику, нѣкоторые стали оставаться на постоянное жительство и строить кельи, такъ что между 1594 и 1599 годами составилось монашеское общежитье, находившееся подъ управленіемъ іеромонаха Герасима. Въ 1599 году прибыли въ пустынь изъ разныхъ мѣстъ нѣсколько монаховъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Нектарій, своимъ образомъ жизни обратилъ на себя вниманіе всѣхъ проживавшихъ въ пустыни, пріобрѣлъ ихъ любовь и уваженіе, и по ходатайству, около 1620 г., митрополитомъ новгородскимъ Іоакимомъ назначенъ игуменомъ монастыря.

Въ 1667 году, при настоятелѣ пустыни Германѣ, во время устройства, вмѣсто деревянной—каменной церкви, при копаніи рвовъ, обрушилась земля близъ гроба преподобнаго Нила и мощи его открылись нетлѣнными. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія царя Алексѣя Михайловича и новгородскаго митрополита Питирима, по грамотѣ котораго, по надлежащемъ освидѣтельствованіи, мощи были взяты изъ подъ спуда, положены въ новую раку и поставлены на время въ деревянной церкви Покрова Богородицы, а потомъ, въ 1671 году, перенесены въ устроенную каменную церковь, въ которой почиваютъ и понынѣ. При открытіи мощей сочинена надлежащая служба преподобному и установлено: память обрѣтенія ежегодно праздновать 27 мая.

Въ настоящее время, Нилова пустынь, по устройству и богатству своему, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ числѣ православныхъ русскихъ монастырей. Соборный храмъ во имя Богоявленія Господня съ двумя придѣлами, отличается обширностью и прекрасною архитектурою, какъ снаружи, такъ и внутри. Онъ занимаетъ середину внутренняго двора и окруженъ огромными каменными корпусами, въ которыхъ помѣщаются: трапеза для братіи и для богомольцевъ, настоятельскія келіи, келіи для братіи и т. п. Въ

наружномъ дворѣ также устроены два большихъ каменныхъ корпуса съ кельями для богомольцевъ.

Весь монастырь обнесенъ каменною оградой, а берега острова окаймлены гранитомъ съ красивою чугунною рѣшеткою. Словомъ, это настоящая крѣпость, брать которую приходилось бы не легко.

Монастырь, благодаря вниманію Государей россійскихъ, жаловавшихъ въ разное время въ пользу его земли, и усердію почитателей преподобнаго Нила, дававшихъ значительныя пожертвованія, въ настоящее время владѣетъ довольно значительными землями, на сосѣднихъ островахъ и полуостровахъ. Монастырю принадлежатъ еще два подворья, одно въ Москвѣ, другое въ Осташковѣ. Московское приноситъ нынѣ значительный доходъ.

Само собою разумѣется, что дохода съ земель и съ оброчныхъ статей не хватаетъ на содержаніе монастыря. Главный его доходъ состоитъ въ приношеніи богомольцевъ. Какъ великъ этотъ доходъ, можно судить по тому, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе братьи и богомольцевъ (пользующихся даровымъ содержаніемъ отъ пустыни въ продолженіи двухъ—трехъ дней), расходовъ, простирающихся нынѣ, я думаю, свыше 20-ти тысячъ въ годъ и расходовъ по устройству монастыря (хотя, по моему, это устройство оставляетъ ожидать еще многаго), капиталъ монастыря состоялъ еще въ 1862 году изъ 225,971 рубля разными бумагами и наличными деньгами, кромѣ неприкосновеннаго капитала въ билетахъ на 7,954 руб. Болѣе 100,000 руб. изъ этихъ денегъ составляетъ пожертвованіе нѣкоего г. Воронина, осташевскаго уроженца, съ назначеніемъ на расширеніе и улучшеніе обители, къ которому имѣютъ намѣреніе приступить только теперь.

Ежегодный доходъ пустыни, по исчисленію г. Р—цова, простирался въ 1862 году до 35 тыс. руб.; по собраннымъ же мною свѣдѣніямъ, онъ простирается нынѣ до 60 т. руб. Эти цифры указываютъ сами собой на большое стеченіе богомольцевъ въ Нилову пустынь. По справкамъ, довольно достовѣрнымъ, какъ напр., трапезная тетрадь *), число богомольцевъ простирается ежегодно до 100 тыс. человѣкъ.

*) Въ трапезную тетрадь ежедневно вписывается число лицъ изъ богомольцевъ, бывшихъ за столомъ въ трапезѣ.

Наибольшій приливъ богомольцевъ изъ простонародія бываетъ въ Великій постъ и лѣтомъ, по окончаніи посѣва. Богомольцамъ дается въ монастырѣ безплатное помѣщеніе и также безплатно обѣдъ и ужинъ, изъ хлѣба, щей, кашицы, каши и превосходнаго квасу. Богомольцамъ не изъ крестьянъ подается обѣдъ въ занимаемыя ими кельи, изъ двухъ или трехъ блюдъ.

Самое большое единовременное стеченіе народа бываетъ 27 мая, въ день празднованія обрѣтенія мощей преподобнаго. Въ этотъ день и раньше, за два, за три дня, стекается къ монастырю до 35 тысячъ народу, и болѣе иногда, такъ что, въ теченіи этихъ дней, монастырь расходуетъ на богомольцевъ отъ $5\frac{1}{2}$ до 7 тыс. хлѣбовъ. Празднованіе этого дня всегда для Осташкова бываетъ цѣлымъ событіемъ. Я лично не имѣлъ удовольствія его видѣть, а потому сошлюсь на описаніе его г. Р—цовымъ; изъ разспросовъ мѣстныхъ лицъ, присутствовавшихъ въ послѣдній годъ на этомъ праздникѣ, я получилъ описаніе празднества 27 мая, почти однородное съ разсказомъ г. Р—цова, а потому привожу его здѣсь, сокращая весьма мало.

«Въ самый праздникъ, говоритъ, между прочимъ, г. Р—цовъ, изъ Осташкова отправляется въ пустынь крестный ходъ. Для этого устраивается особая, большая баржа, разукрашенная флагами (это *почетная* баржа, все остальное время года стоитъ безъ употребленія). По вступленіи крестнаго хода на эту баржу, она трогается отъ пристани, буксируемая девятью небольшими лодками, изъ которыхъ на каждой сидитъ по три гребца, одѣтыхъ въ одноцвѣтныя рубашки, съ бѣлыми шапками на головахъ. По бокамъ главной баржи плывутъ еще двѣ меньшія баржи, изъ которыхъ въ одной помѣщаются члены городовыхъ присутственныхъ мѣстъ, а въ другой—наиболѣе значительныя лица изъ числа жителей гор. Осташкова. Сверхъ того, за баржами слѣдуютъ обыкновенно во множествѣ частныя лодки, также разукрашенныя флагами и фонариками. Семиверстное разстояніе до монастыря переплывается въ часъ съ небольшимъ, и какъ только флотилія покажется въ виду, въ монастырѣ начинаютъ звонъ къ обѣднѣ. Крестный ходъ подплываетъ къ самымъ св. воротамъ (Архіерейскія), гдѣ встрѣчается архимандритомъ со всею братьей, и начинается обѣдня...

«Вслѣдъ за крестнымъ ходомъ съ мощами преподобнаго Нила, кругомъ монастырской ограды, продолжающимся иногда часа три, начинается радушное угощеніе проголодавшихся гостей и духовенства.

«Сначала отправляются къ настоятелю, гдѣ предлагается посѣтителямъ чай и обильная закуска, обыкновенно истребляемая въ мгновеніе ока. Потомъ отправляются въ трапезу обѣдать. На первомъ мѣстѣ садится самъ настоятель, около его, на верхнемъ концѣ стола, располагаются на обоихъ концахъ стола наиболѣе почетные гости и затѣмъ размѣщается всякъ, кто какъ можетъ.

«Нужно замѣтить, что здѣсь не существуетъ никакихъ особыхъ приглашеній: всякій желающій идетъ самъ и усаживается за столомъ, если только есть еще мѣсто. Картина обѣда, довольно обильнаго, весьма любопытна.

«Болѣе 100 человѣкъ сидитъ за общимъ столомъ, накрытымъ во всю длину трапезной залы. Отецъ-казначей обходитъ кругомъ всего стола и радушно упрашиваетъ сидящихъ кушать. Слѣдуетъ замѣтить, что за трапезой вино не подается, а только пиво и медъ; но монастырскіе меда крѣпко и сильно дѣйствуютъ на головы, предварительно подготовленныя завтракомъ въ комнатахъ настоятеля, а потому не рѣдко случается видѣть, что кто нибудь на нижнемъ концѣ стола въ половинѣ обѣда поставленъ въ необходимость оставить трапезу, или произвольно или при содѣйствіи отца-казначея, который вѣжливо напоминаетъ гостю, что внѣ трапезы онъ можетъ найти болѣе покойное мѣсто, и даже распорядится поданіемъ соотвѣтственной помощи. Бываютъ и другаго рода вещи. Такъ: намъ пришлось видѣть, какъ во время обѣда, одинъ изъ воспитанниковъ одного высшаго учебнаго заведенія, вмѣстѣ съ юнкерами квартирующаго въ Осташковѣ полка, вздумали курить папироски, но такъ какъ сознавали неловкость подобной выходки, но эта операція совершалась чуть не подъ столомъ. Обѣдъ, постоянно оживляясь, продолжается около часа, и затѣмъ многіе изъ участвующихъ отправляются опять въ комнаты настоятеля, гдѣ происходитъ угощеніе плодами и десертными винами.

«Часовъ въ пять вечера крестный ходъ обратно отправляется въ Осташковъ. Настоятель съ братьею провожаетъ его до самыхъ Святыхъ воротъ, затѣмъ возвращается въ церковь и, послѣ молебна

угоднику, рака съ св. мощами переносится на обыкновенное свое мѣсто.

«День этотъ празднуется и въ самомъ Осташковѣ; большая часть его населенія утромъ отправляется въ монастырь, такъ что въ городѣ запрещается даже топить печи во избѣжаніе опасности отъ пожара и затрудненія тушить его по отсутствію жителей. Вечеромъ же, по возвращеніи крестнаго хода въ городъ, всѣ улицы наполняются гуляющими и въ общественномъ саду играетъ музыка.

«Нужно замѣтить, что въ Осташковѣ существуетъ повѣрье, что въ день 27 мая всегда бываетъ хорошая погода, какова бы она ни была до того дня. Намъ два раза довелось быть въ Осташковѣ въ этотъ день и, дѣйствительно, въ оба раза погода, которую до того нельзя было назвать хорошею, круто измѣнялась къ лучшему передъ самымъ днемъ праздника.

«Намъ удалось два раза быть въ монастырѣ въ день праздника. Въ оба раза мы отправились туда съ крестнымъ ходомъ, и потому не можемъ судить, каковъ издали видъ флотиліи. Но видъ самого монастыря въ этотъ день очень хорошъ...

«По мѣрѣ приближенія къ нему, до вашего слуха доносится благовѣстъ и болѣе и болѣе обрисовываются толпы народа, окаймляющія ограду набережной; во всѣхъ окнахъ келій, выходящихъ фасадомъ на берегъ озера, на возвышенностяхъ около Святыхъ воротъ, вездѣ стоятъ сплоченныя толпы народа. Какъ только войдетъ крестный ходъ въ монастырь, всѣ эти массы народа тотчасъ разсыпаются по всему острову; около гавани, въ устроенныхъ досчатыхъ балаганахъ и палаткахъ идетъ самый бойкій торгъ разнаго рода крестьянскими товарами; живописныя группы расположились на всѣхъ лужайкахъ; слѣпые, сгруппировавшись потрое и четверо, окруженные толпами внимательно слушающаго народа, жалобнымъ голосомъ распѣваютъ легенды про Алексѣя человѣка Божія и другія, получая самое скудное вознагражденіе за весьма продолжительный разсказъ отъ самаго рожденія и до всѣхъ чудесъ его. Больше выгодъ доставляютъ поминанія за здравіе и за упокой, которыя поются по заказамъ, безпрестанно возобновляющимся; голосовъ пять, шесть заразъ адресуются съ требованіями помянуть родителей; мѣдныя копѣйки брякаютъ въ подставленную деревянную чашку, и запѣвало, выбирая,

рукой деньги изъ чашки и пряча ихъ за пазуху, запѣваетъ дрожащимъ голосомъ, подхватываемымъ другими сотоварищами:

I.

«Помяни, Господи,

«всѣхъ сродцовъ вашихъ, родителей» и т. п.

Подбѣжитъ какая нибудь бойкая бабенка и, бросивши копѣйку скажетъ: «помяни воина такого-то»,—и опять дребезжащимъ голосомъ запѣваетъ:

II.

«Нищая братья!
Мы должны Бога молить
За военнаго человѣка
Раба Божія (*имя рекъ*),
Спаси, Господи, и помилуй» и т. д.

«Всѣ эти припѣвы продолжаются почти безпрерывно до самаго окончанія крестнаго хода, послѣ котораго значительная часть народа оставляетъ монастырь, отправляясь на большихъ и малыхъ лодкахъ по направленію къ Осташкову. Множество рѣющихъ на волнахъ лодокъ, на которыхъ, при самомъ легкомъ попутномъ вѣтеркѣ; тотчасъ подымаются паруса, представляетъ прекрасную картину...»

Не удалось мнѣ видѣть этой картины, но за то я не преминулъ, въ одинъ изъ первыхъ же дней моего прибытія въ Осташковъ, посѣтить славную Нилову пустынь.

Ниловская пустынь.

Мы сѣли на пароходъ уже въ началѣ одиннадцатаго часа, ожидая его слишкомъ часъ.

— Что такъ поздно сегодня? спросилъ мой спутникъ у завѣдывающаго пароходомъ, добродушнѣйшаго съ виду нѣмца-машиниста.

— Думали ужь не придетъ. Всю ночь хлѣбъ возилъ въ монастырь, ужасно усталъ...

Пароходъ, на который мы вошли, былъ совсѣмъ, какъ есть, настоящій пароходъ, и очень почтенныхъ размѣровъ, даже съ двумя палубами и каютами двухъ классовъ. А я почему-то думалъ, что онъ долженъ быть очень невзраченъ.

На пароходѣ, кромѣ насъ, было всего два-три человѣка; между ними маленькій и толстый монахъ, въ истертой до невозможности рясѣ и такомъ же клобукѣ, распоряжавшійся кое-чѣмъ на палубѣ

Вся его фигура и лицо, точно топоромъ вырубленныя (да и то неопытной рукой) изъ куска дерева, его неуклюжія движенія, сосредоточенность въ чертахъ и, главное, развѣвающіяся по вѣтру полы его неопредѣленнаго цвѣта балахона, когда онъ суетился по палубѣ — и суетился онъ совершенно по пустому — все это заставило меня улыбаться, слѣдя за его странными движеніями. Мой спутникъ, житель Осташкова, замѣтилъ мое волненіе и, также улыбаясь, обратился къ монаху:

— Здравствуй, отецъ Никаноръ! (За вѣрность имени не ручаюсь).

— Здравствуйте, батюшка, сосредоточенно пробурчалъ монахъ.

— Вотъ, позвольте вамъ представить: управляющій симъ пароходомъ, отецъ такой-то, мужъ праведный и честный, отрекомендовалъ его NN.

Я поздоровался съ отцомъ Никаноромъ и началъ съ двухъ-трехъ пустыхъ вопросовъ. Но монахъ смотрѣлъ больше въ сторону и на разговоръ, видимо, былъ не охотникъ...

Утро было сѣрое и холодное. Безконечная даль озера терялась въ мутной, оловяннаго цвѣта, мглѣ. Темныя пятна островов, тамъ и сямъ, проглядывали сквозь туманъ, впрочемъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющій. Картина была довольно унылая; но представлялось, что въ ясный лѣтній день здѣсь должно быть очень хорошо.

Мы проѣзжали мимо большихъ плесовъ *), съ спокойной и гладкой поверхностью воды, тогда какъ въ самомъ озерѣ она слегка волновалась. Острова, иногда большихъ размѣровъ, очертанія которыхъ не поддавались глазу, плыли мимо насъ сумрачные, сплошь покрытые хвойнымъ лѣсомъ. Городъ уже исчезалъ совсѣмъ изъ глазъ, когда вдали показались верхушки церквей монастыря. Версты за четыре еще монастырь открывается во всемъ своемъ величіи, какъ будто выросшій среди волнъ, съ своей высокой колокольней и огромными зданіями бѣлаго и блѣдно-голубаго цвѣта. Нельзя не любоваться этимъ зрѣлищемъ. Мы медленно подвигались впередъ, благодаря фарватеру, здѣсь очень мелкому. И когда оставалось до монастыря не болѣе полу-версты, вдругъ весь онъ освѣтился лучами выглянувшаго изъ-за тучъ солнца, заблестѣли золоченые купола, засверкали тысячами искръ стекла въ громадномъ фасадѣ зданій келій.

Пароходъ вошелъ въ пристань. Рядомъ съ ней находится маленькій докъ, въ которомъ стоялъ другой пароходъ монастыря—починявшійся.

Черезъ большія каменныя ворота, съ изображеніями на нихъ картинъ изъ жизни преподобнаго Нила, мы поднялись на главный дворъ монастыря, а оттуда, черезъ другія ворота, на меньшій. Тамъ находится соборъ и напротивъ него настоятельскія кельи.

Соборъ, размѣрами своими, почти грандіозенъ, но за то... очень и очень ветхъ. Всѣ стѣны его и громадныя колонны отдѣланы подъ мраморъ. На правой сторонѣ, у праваго придѣла, стоитъ рака съ

*) Плесъ — заливъ. На озерѣ Селигерѣ такихъ заливовъ множество, и каждый имѣетъ свое названіе. Въ нихъ преимущественно производится ловля рыбы.

мощами св. Нила. Рака серебряная, но также, какъ и все кругомъ, не блеститъ новизной. Вообще, сообразно размѣрамъ и богатству храма, странно какъ-то видѣть въ немъ этотъ отпечатокъ на всемъ запустѣнія—эту полинялость. Вся внутренность собора требуетъ неотложнаго и капитальнаго ремонта, къ которому почему-то боится приступить нынѣшній настоятель Ниловой пустыни, хотя средства къ тому вполнѣ обезпечены пожертвованіемъ г. Воронина въ 100 тыс. рубл., съ прямымъ назначеніемъ на устройство собора. Впрочемъ, сознавая безусловную необходимость этого ремонта, настоятель намѣренъ приступить къ нему въ будущемъ году. По предварительной оцѣнкѣ, ему обѣщали отдѣлать всю внутренность храма (снова, если не ошибаюсь) за 150 т. руб. Вотъ надъ этой-то цыфрой только и задумывается нынѣшній настоятель; но однихъ процентовъ на Воронинскій капиталъ, за 30 лѣтъ его существованія, должно было набраться болѣе этой суммы, не говоря о самомъ капиталѣ. А копить деньги въ такомъ богатомъ монастырѣ какъ будто странно даже.

Послѣ осмотра храма, мы отправились въ покои настоятеля. Покои эти обширны и свѣтлы, но меблированы очень просто. По стѣнамъ залы виситъ множество портретовъ, картинъ и гравюръ. Есть вещи превосходной работы, но есть и почти лубочныя, которыя смѣшно даже здѣсь видѣть. Вообще, художественнаго вкуса въ устраивавшемъ обстановку этой залы, повидимому, было очень немного. Такъ: лучшія картины, дѣйствительно стоющія вниманія, висятъ заслоненныя отъ свѣта, такъ что при внимательномъ только взглядѣ можно разобрать ихъ содержаніе. Худшія освѣщены такъ ярко, что просто стыдно за нихъ становится. Онѣ такъ и бросаются въ глаза, такъ и рѣжутъ взоръ. Нынѣшній настоятель, хотя и сознаетъ эту антихудожественность своей залы, однако ничего не намѣренъ перемѣщать.

— Ужь я не трогаю!.. Какъ было при моемъ предмѣстникѣ, — пусть остается!.. Воспоминаніе благочестиваго отца мнѣ дорого... говорилъ онъ, слегка шамкая и кланяясь портрету покойнаго настоятеля.

Личность нынѣшняго настоятеля Ниловой пустыни заслуживаетъ вниманія. Слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ постриженный въ монахи, изъ крестьянъ сосѣдней деревни, своимъ благочестьемъ, своимъ

аскетизмомъ, онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ среди окрестнаго населенія. Эти качества его не могли также не быть и не извѣстными монастырскому начальству. Онъ былъ назначенъ іеромонахомъ къ мощамъ преподобнаго угодника, и много лѣтъ несъ на себѣ эту почетную обязанность, не запятнивъ ея ни разу малѣйшимъ упущеніемъ, малѣйшею уступкою своей совѣсти.

Въ награду за то, онъ, по смерти бывшаго настоятеля, былъ избранъ архіереемъ на его мѣсто, что для человѣка, не получившаго никакого почти образованія, было великою честью. На мѣста подобнаго рода назначаютъ въ большинствѣ случаевъ людей, кончившихъ духовную академію, а нынѣшній настоятель, не знаю, кончилъ ли и семинарію.

Не дешево, однако, стоила ему эта честь. Въ 60 съ небольшимъ лѣтъ онъ имѣетъ видъ 80-лѣтняго старца: безъ кровинки въ лицѣ, съ впалыми щеками и такими же глазами. Худое туловище его держится сгорбленнымъ, голосъ звучитъ негромко и неувѣренно. Но это старческое лицо за то дышетъ живымъ умомъ, вниманіемъ и неотразимо располагающимъ къ себѣ добродушіемъ; въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, едва видныхъ сквозь узенькія щели, не угасаетъ еще огонь юношеской энергіи и даже какъ бы легкій задоръ. Впрочемъ, всѣ движенія его, всѣ слова проникнуты глубокимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ, полнымъ, однако, достоинства...

Отецъ настоятель Ниловской пустыни умѣетъ принимать гостей своихъ по-свѣтски, какъ простой и гостепріимный хозяинъ. За столомъ, обильно покрытомъ всякими яствами и самыми тонкими французскими винами (которыя всегда выписываются имъ для гостей и подаются по качествамъ, сообразно именитости гостя отъ 3—11 р. бутылка), онъ веселый и легкій собесѣдникъ. Въ рѣчахъ его иногда сквозитъ трудно-уловимый оттѣнокъ насмѣшки, или, вѣрнѣе, что-то въ родѣ снисхожденія къ слушателямъ. Но въ тонѣ и въ лицѣ его при этомъ бываетъ столько добродушія, столько дѣтской простоты, что какъ ни странно согласовать между собою эти два качества, я, по крайней мѣрѣ, ихъ согласовалъ и составилъ себѣ цѣльное понятіе о моемъ хозяинѣ. Добродушіе старости и сознаніе своей духовной высоты передъ другими, влекущее за собой и снисхожденіе къ этимъ другимъ и незлобливую насмѣшку надъ ними, — вотъ двѣ главныя черты личности нынѣшняго настоятеля Ниловой пустыни,

если включить сюда еще свѣтскость, выражающуюся въ его манерахъ, во всемъ tenue. Часа четыре, пять, проведенные нами у него, пробѣжали едва замѣтно. Изъ разговора я, между прочимъ, узналъ, что число постригающихся въ монастырь все уменьшается, благодаря строгому уставу, который неуклонно преслѣдуетъ нынѣшній настоятель.

— Пробудетъ годъ, два, не выдержитъ! И уходитъ. Такихъ много ужъ я отпускалъ. А то и самъ просилъ удалиться... Иногда попадаются пьющіе, такъ тѣхъ ужъ я самъ удаляю. Ну... а больше всего служба кажется тяжелой, не выносятъ!.. Да!.. Трудно, трудно нѣкоторымъ вынести... заключилъ онъ съ серьезнымъ лицомъ.

Я всматривался въ исхудалыя черты, и казалось мнѣ, что въ глубинѣ его серьезныхъ глазъ играетъ какъ бы усмѣшка. Онъ тоже взглянулъ на меня и, точно понявъ мою мысль, подхватилъ, уже улыбаясь:

— А вотъ, чай парагвайскій, это очень хорошо! Дайка мнѣ моего чаю! обратился онъ къ вошедшему въ комнату служкѣ. Очень, знаете, освѣжаетъ. Какъ простоишь, это, на молитвѣ часа три, да на-тощакъ, такъ и трудно иногда бываетъ. Голова, знаете, кружится, ослабнешь, сердцебіеніе. Лѣта ужъ не тѣ: и мнѣ трудненько... Такъ вотъ, стаканчикъ этакаго чаю — и ничего. Опять бодръ, — можно молиться, заключилъ онъ съ смѣющимися, какъ-то по-дѣтски самому себѣ, глазами.

Мы выѣхали изъ пустыни, когда уже смерклось, осѣняемые напутственнымъ благословеніемъ благочестиваго отца настоятеля и одаренные отъ него прекраснымъ образомъ преподобнаго Нила, да цѣлымъ узелкомъ знаменитыхъ монастырскихъ просфоръ.

Большой монастырскій пароходъ, тяжело пыхтя, выдвигался изъ гавани въ огромное озеро, окутанное опять сѣрымъ туманомъ; а мы, стоя у края палубы, долго еще раскланивались съ отцомъ-настоятелемъ, и невольно улыбались развѣвающимся поламъ его шелковой, подбитой мѣхомъ, рясы...

Исторія Осташкова, какъ города, очень молода. Прежде находились здѣсь слободы, время основанія которыхъ неизвѣстно. Потомъ, постепеннымъ развитіемъ и расширеніемъ, особенно послѣ двухъ

опустошительныхъ пожаровъ, Осташковская слобода, принадлежавшая прежде къ Ржевскому уѣзду, была переименована въ уѣздный городъ Новгородской губерніи.

Въ 1845 году одинъ изъ лавочниковъ Осташкова нашелъ у себя, между оберточной бумагой, любопытный документъ, носившій названіе: «Рожденіе г. Осташкова, 27 іюля 1772 года». Не желая оставить въ неизвѣстности это любопытное описаніе, онъ отпечаталъ документъ во множествѣ экземпляровъ, которыхъ и теперь еще можно кой-гдѣ встрѣтить. Мы позволяемъ себѣ здѣсь привести этотъ небольшой документъ цѣликомъ, заимствуя содержаніе его изъ текста г. Р—цова.

«При ожиданіи г. генералъ-поручика, Новгородской губерніи губернатора и кавалера, Якова Ефимовича Сиверса, для учрежденія по Высочайшему Ея Императорскаго Величества Имянному указу здѣшняго мѣста городомъ, къ пріѣзду его сюда отправлена въ Полоновскій погостъ баржа — 22 іюля изволилъ въ той баржѣ отправиться къ Осташкову. За 25 верстъ отъ Осташкова, въ особливыхъ шлюпкахъ, встрѣченъ здѣшними присутствующими и первостатейнымъ купечествомъ, которые имъ приняты были съ чувствительнѣйшею пріятностью; въ самомъ началѣ встрѣчи, предразсуждать изволилъ объ обстоятельствахъ здѣшняго города. Прибывъ въ состоящую отъ Осташкова въ 7 верстахъ пустынь чудотворца Нила, встрѣченъ той пустыни строителемъ съ монашествующими, гдѣ по наступленіи ночнаго времени имѣлъ препокоеніе. 23 числа по-утру по провожденіи изъ той обители строителемъ съ монашествующими до пристани изволилъ отправиться въ той же баржѣ къ Осташкову, за нимъ слѣдовала съ купечествомъ и присутствующими шлюпка. По пріѣздѣ въ Осташковъ у берега встрѣченъ былъ здѣшняго города воеводою съ товарищемъ, дворянствомъ и многимъ числомъ первостатейнаго купечества, откуда препровождаемъ былъ въ предуготовленную для его превосходительства квартиру, гдѣ поздравленъ съ счастливымъ пріѣздомъ, при желаніи начинающему дѣлу благопоспѣшнаго произвожденія и конца. Во весь тотъ день трудился до полудня въ разсматриваніи опробованнаго плана, а послѣ полудня въ назначиваніи по оному городоваго начала и регулярныхъ кварталовъ.

«24 числа отправлено здѣсь великолѣпное торжество въ соборной церкви Живоначальныя Троицы: литургію служилъ Троицкаго Селижаровскаго монастыря архимандритъ Іоаннъ съ настоятелями Ниловой, Могилевской пустыней и Житеннаго монастыря и со всѣмъ здѣшнимъ соборнымъ духовенствомъ, изъ коихъ протоіерей Симеонъ говорилъ изрядную проповѣдь, прославляя Ея Императорскаго Величества милость и матернее попеченіе о приведеніи въ цвѣтущее состояніе сего мѣста, и изъясняя, что каждый градъ краснымъ и блаженнымъ составляетъ. По окончаніи литургіи прочтенъ былъ Ея Императорскаго Величества указъ объ учрежденіи здѣсь города. Все духовенство стояло, въ свѣтлыя облаченное одежды въ изъявленіе общей радости», и т. д.

Высочайшимъ указомъ 7 ноября 1775 г. Осташковъ присоединенъ къ тверскому намѣстничеству. Съ образованіемъ своимъ Осташковъ получилъ и гербъ, представляющій собой щитъ, раздѣленный пополамъ: въ верхней части, въ красномъ полѣ видѣнъ до половины черный двуглавый орелъ, въ нижнемъ, въ голубомъ полѣ — три серебряныя рыбы, три ерша, какъ называютъ ихъ осташковцы.

Савинскій заводъ въ Осташковѣ.

Среди другихъ уѣздныхъ городовъ Осташковъ занимаетъ видное мѣсто своей промышленностью; торговое же значеніе его, благодаря со географическому положенію, въ городѣ отъ главныхъ торговыхъ портовъ, — не велико. Главные роды промысла — выдѣлка кожъ и сапоговъ, кузнечный промыселъ и рыболовство. Всѣ эти три рода промысловъ истекаютъ прямо изъ положенія г. Осташкова. Окруженный громадными лѣсами, онъ имѣетъ обилье древесной коры и каменнаго угля, необходимыхъ для выдѣлки кожъ и для кузнечнаго дѣла. Озеро Селигеръ когда-то кишмя-кишѣло рыбой и хотя эти времена давно минули, но рыболовство по традиціямъ осталось еще главнымъ промысломъ у крестьянъ сосѣднихъ съ озеромъ деревень. Кожевенное производство города Осташкова извѣстно далеко за предѣлами этого глухаго уѣзда. Оно питаетъ тысячи жителей и придаетъ внѣшнему виду города извѣстную своеобразность. Всѣ кожевенные заводы, кромѣ одного, г. Савина, очень малы и жалки, они тѣсно лѣпятся надъ озеромъ, почему видъ города, съ этой стороны, напоминаетъ нѣсколько Неаполь, если только это сравненіе не будетъ слишкомъ громко. Полукругомъ идущая линія берега представляетъ собой рядъ темныхъ разваливающихся построекъ, стоящихъ на покосившихся и сгнившихъ сваяхъ.

Эту картину можно даже назвать живописной, если только наблюдать ее на весьма почтительномъ разстояніи. Вблизи она вселяетъ нѣкоторую брезгливость. Къ своеобразности Осташкова можно отнести еще и особенно острый запахъ дубильнаго вещества, который вы чувствуете на нѣкоторыхъ улицахъ, усыпанныхъ толстымъ слоемъ негоднаго дубья; запахъ этотъ, нѣкоторыми даже любимый, часто смѣняется другимъ, менѣе пріятнымъ, запахомъ сырыхъ кожъ и...

тогда хоть караулъ кричи: отврательнѣе этого зловонія гніющаго жира—трудно себѣ что нибудь представить...

Кожевенное производство въ Осташковѣ съ каждымъ годомъ все болѣе падаетъ. Въ 1863 году въ Осташковѣ всѣхъ заводовъ было 37, а нынѣ тамъ ихъ только 25. Убыль эта происходитъ главнымъ образомъ отъ уменьшенія потребности въ кожахъ, отъ прихожденія въ ветхость заводовъ и неимѣнія средствъ на ремонтировку ихъ.

Въ 1863 г. въ Осташковѣ было два большихъ кожевенныхъ завода купцовъ Савина и Мосягина. На нихъ главное мѣсто занимала выдѣлка юфти. Нынѣ остался одинъ только—заводъ Савиныхъ.

Заводъ братьевъ Савиныхъ, заслужившій чуть ли не всемірную извѣстность, по качеству своихъ издѣлій и обширности оборота, основанъ въ 1792 г., отцомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, коммерціи совѣтникомъ Кондратіемъ Алексѣевичемъ Савинымъ. Въ этомъ году собственно началась выдѣлка на заводѣ красной юфти, обыкновенная же кожа, а также юфть бѣлая и черная, хотя въ незначительномъ количествѣ, выдѣлывались и ранѣе. Въ самомъ началѣ стали выдѣлывать на заводѣ красную юфть тяжелыхъ сортовъ, въ количествѣ отъ 30—40 т. кожъ въ годъ; потомъ, при переходѣ завода къ наслѣдникамъ К. А. Савина, введены въ употребленіе вмѣстѣ съ тяжелыми сортами и легкіе сорта красной юфти, а впослѣдствіи стала выдѣлываться особеннаго рода красная и палевая тонкая юфть, такъ называемая, *англійская*, которая въ количествѣ болѣе 10 тыс. кожъ производится исключительно на заводѣ бр. Савиныхъ и по своему высокому достоинству пользуется особенною извѣстностью, преимущественно въ Англіи. Тамъ она цѣнится за отличную свою мягкость, нѣжность и прочность, которыхъ не достигаетъ ни одинъ кожевенный заводъ въ Европѣ; продается она не по вѣсу, а на вершки, если не ошибаюсь, до 40 к. вершокъ, смотря по разбору, и употребляется исключительно на оклейку портфелей, книжекъ, футляровъ, бумажниковъ, альбомовъ и проч.

Англійскія фирмы покупаютъ юфть Савина по контракту, огромными партіями. До пріѣзда въ Осташковъ я слышалъ, что условія этого контракта обязываютъ будто бы Савина не продавать его кожу (юфть) въ Россіи. Это показалось мнѣ такъ странно, что я первымъ долгомъ счелъ нужнымъ справиться у лицъ компетентныхъ о суще-

ствованіи подобнаго рода унизительнаго для Савина контракта, и получилъ отвѣтъ отрицательный. Не вѣрить ему—не имѣю права.

Англичане, покупая кожу Савина, отдѣлываютъ ее только въ окончательномъ видѣ, т. е. перекрашиваютъ, смотря по надобности, полируютъ и вообще придаютъ ей тотъ, или другой внѣшній видъ. Въ этомъ-то видѣ мы и любуемся ею на множествѣ вещей, украшающихъ наши столичные заграничные магазины, и покупая ихъ, платимъ сумасшедшія деньги. Тамъ, гдѣ нашей родной кожи пошло на рубль, за эту бездѣлушку мы платимъ 10 и больше рублей. Словомъ, заводъ г. Савина, обогащая Англію, Австрію, Италію и Сѣверную Америку, на рынкахъ которыхъ она пользуется большою извѣстностью, правильно говоря, разоряетъ только насъ, русскихъ, пріобрѣтающихъ издѣлія изъ его кожи, только изъ-за границы и по крайне высокимъ цѣнамъ.

Заводъ г. Савина имѣетъ такую громкую репутацію, что не могу не остановиться нѣсколько на выдающихся чертахъ его внѣшняго и внутренняго устройства. Заводъ помѣщается на краю города, на берегу озера Селигера. Улица, во всю длину которой тянется заводъ, рѣзко отличается отъ другихъ улицъ города и на первый взглядъ оставляетъ впечатлѣніе самое благопріятное. Прекрасно вымощенная, чистая, усаженная деревьями и съ порядочнымъ количествомъ газовыхъ фонарей, она напоминаетъ нѣсколько парижскіе бульвары. Все это благоустройство поддерживается на счетъ г. Савина, резиденція котораго помѣщается тутъ же, напротивъ завода. Кто не знаетъ въ Осташковѣ этого бѣлаго двухъэтажнаго дома, не элегентной наружности, но основательнаго по размѣрамъ и внушительнаго по виду, который ярче всякихъ словъ гласитъ о старинѣ, о нашей простой, незатѣйливой, но строгой и властолюбивой старинѣ! Кто изъ осташей съ закрытыми глазами не попадетъ въ этотъ храмъ юфтянаго могущества, въ которомъ живетъ главный жрецъ его, самъ Ѳедоръ Кондратьевичъ Савинъ, не такъ еще давно распоряжавшійся судьбами Осташкова?.. Да, попадетъ всякій, и не скоро еще забудетъ этой дороги, хотя многимъ и хотѣлось бы ее скорѣй забыть. «Время диспотизма, униженія, поклоненія»—вотъ что хотѣло бы позабыть новое поколѣніе осташей, нынѣ уже равнодушно поглядывающихъ на мрачныя хоромы жреца, передъ которымъ трепетали ихъ предки.

Но свѣжо преданіе и не скоро суждено еще ему померкнуть!..

Вы входите въ большія каменныя ворота завода, съ государственнымъ гербомъ надъ ними и, передъ вами открывается обширная площадь, безпорядочно уставленная постройками, преимущественно деревянными. Каменныхъ корпусовъ три, но они не особенно велики и снаружи неблагообразны. Вообще, куда ни взгляните, все кругомъ имѣетъ видъ сѣрый, грязный, все далеко не гармонируетъ съ тѣмъ представленіемъ, которое вы должны были заранѣе составить себѣ о заводѣ г. Савина. Деревянныя постройки — такъ тѣ просто разваливаются. Какъ бы столѣтія висятъ надъ заводомъ, вмѣстѣ съ воздухомъ, пропитаннымъ вонью, и сѣро-свинцовымъ небомъ...

Какъ будто духъ разрушенія пролетѣлъ надъ этимъ огромнымъ пространствомъ завода... Такое было мое первое впечатлѣніе.

Вы входите затѣмъ внутрь зданія: тамъ то же запустѣніе и та же грязь. Нужно быть своимъ человѣкомъ на заводѣ, чтобы пройти безъ риска сломать себѣ ноги по главному и самому большому отдѣленію завода—*мочильному*, доски пола котораго, не закрѣпленныя и не уложенныя въ порядкѣ, прыгаютъ подъ вашими ногами. А въ другихъ отдѣленіяхъ эта безпорядочность и грязь внушаютъ просто отвращеніе. Машины и всѣ прочія принадлежности кожевенныхъ заводовъ равнымъ образомъ стары и запущены, словомъ — вполнѣ отвѣчаютъ остальному. Повторяю, что впечатлѣніе отъ обстановки завода г. Савина идетъ въ разрѣзъ всему, что вы могли думать о немъ по громкой репутаціи какъ завода, такъ и самого г. Савина, считающагося виновникомъ благоустройства его роднаго города, благоустройства, дѣйствительно заслуживающаго вниманія. Какъ-то странно даже подумать, стоя среди этой обстановки, проходя съ гадливымъ чувствомъ по разнымъ отдѣленіяхъ завода, что вотъ именно отсюда, изъ этихъ промозглыхъ, черныхъ и обваливающихся стѣнъ широкимъ русломъ, за моря и океаны, пронеслась слава русскому имени и русскому искусству. Странно и больно! А когда вы осмотрите помѣщенія для рабочихъ г. Савина, ихъ столовую, кухню, больницу и, главное, ихъ спальни, когда вамъ скажутъ, что на этомъ обширномъ заводѣ, гдѣ работаетъ 523 человѣка, въ томъ числѣ женщины и дѣти, нѣтъ даже маленькой школы, вы скажете про себя — возмутительно»! Рабочіе бараки — это разрушающіеся и закоптѣлые, какъ извнѣ, такъ и извнутри, сараи, безъ малѣйшаго на-

мека не только на вентиляцію, просторъ и чистоту, на какія-либо новѣйшія усовершенствованія по этой части, но даже безъ выполненія обязательныхъ по закону санитарныхъ условій для такого рода помѣщенія. Въ нѣсколькихъ комнатахъ средней величины помѣщаются всѣ рабочіе. Нары почти сплошь занимаютъ все пространство комнатъ, оставляя только узкіе проходы по краямъ. На нихъ, на отвратительно грязной подстилкѣ, плотно одинъ къ другому, лежатъ изнуренные рабочіе, или мертвенно спящіе, или бодрствующіе въ какой-то летаргической неподвижности. Человѣкъ 40 — 60 приходится на такую комнату (скорѣе хлѣвъ) среднихъ размѣровъ. Въ груди дыханіе спирается, войдя въ такую комнату, гдѣ не топоръ, а колоду можно повѣсить въ воздухѣ. Особенно одна изъ нихъ. Никогда не забуду ея. Тамъ, надъ этими отвратительными нарами, заваленными грязными тѣлами рабочихъ, въ высотѣ аршина или полутора, виситъ грязный потолокъ. Смрадъ, темь и жара. Высокому человѣку въ этой комнатѣ и выпрямиться невозможно. «Возмутительно, непонятно!» повторялъ я себѣ.

У завода г. Савина, полстолѣтія бывшаго *единственнымъ* въ мірѣ по качеству своихъ произведеній, явились въ послѣднее время сильные конкурренты. Въ Германіи и Австріи стали, какъ говорятъ, поддѣлывать юфть г. Савина и продавать ее за треть цѣны. Слухъ этотъ по всей вѣроятности не ложенъ! Удивляюсь я даже, какъ только раньше смышленые нѣмцы не взялись за такое прибыльное дѣло. Но думается мнѣ, что поддѣлкой называть его ошибочно. Кожу поддѣлывать трудно, потому что трудно не замѣтить сразу всѣхъ ея достоинствъ, или недостатковъ. Проще угадали способъ производства Савинской юфти, примѣнили его и нашли возможность продавать пудъ кожи не за 80 руб., какъ то дѣлаетъ Савинъ, а за 30. Понятно, что всѣ покупатели такой юфти и особенно англичане прельстились «дешевкой», а Савинъ, на старости лѣтъ, сталъ близокъ къ краху... Друзья г. Савина не разъ уже умоляли его сбавить цѣну на свой товаръ, указывая на это, какъ на единственное средство къ борьбѣ съ «поддѣлывателями». Но самолюбіе человѣка стараго закала, столько десятковъ лѣтъ не знавшее униженія, взяло верхъ надъ разсчетами коммерсанта. «Ни копѣйки»—сказалъ г. Савинъ—«и будь что будетъ!..»

Если все это правда, понятными становятся некрасивыя детали оборотной стороны славнаго Савинскаго завода. Обида, безсиліе, и безнадежность черной тучей нависли надъ гордой сѣдой головой и эта туча могла заслонить отъ старческаго взора много и многое...

Считаю лишнимъ описывать здѣсь подробно самое производство кожъ; оно, я думаю, всѣмъ извѣстно. Золка, мочка ихъ и дубленіе—вотъ три главные процесса, необходимые вездѣ и всегда при кожевенномъ производствѣ. Усовершенствованіе этого производства прямо зависитъ отъ усовершенствованія каждаго изъ этихъ трехъ процессовъ, но главнымъ образомъ отъ втораго, т. е. отъ способа мочки кожъ. Сырыя кожи золятся для того, чтобы очистить ихъ отъ шерсти. Растворъ извести, наполняющій зольные чаны, проѣдаетъ клѣточки кожи до того, что волосъ выпадаетъ изъ ихъ самъ собой. Но, вмѣстѣ съ нимъ, частицы извести проникаютъ такъ глубоко въ эти клѣточки, что кожа, послѣ золенія, дѣлается твердой, какъ дерево.

Вотъ тутъ и предстоитъ самый трудный процессъ въ кожевенномъ производствѣ — это удаленіе изъ кожъ извести, или, другими словами, размягченіе ея. Отъ степени размягченія кожи, отъ степени очистки ея клѣточекъ зависитъ впослѣдствіи все ея достоинство.

Когда я, разговаривая съ нѣкоторыми кожевниками, спрашивалъ ихъ, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается секретъ изготовленія кожъ г. Савинымъ, почему онѣ такъ удивительно мягки и прочны, мнѣ отвѣчали, что секрета собственно никакого нѣтъ: есть разные способы размягченія кожъ — въ этомъ весь секретъ. Но и они всѣ уже давно извѣстны. Савинъ употребляетъ одинъ изъ этихъ способовъ, употребляетъ съ извѣстнымъ рискомъ и большимъ умѣньемъ—въ этомъ вся премудрость. А составъ красокъ, или дегтю, которымъ смазываются кожи при сушкѣ, все это средства весьма обыкновенныя, не носящія въ себѣ никакой таинственности. Г. Савинъ умѣетъ ими только пользоваться, умѣетъ досмотрѣть за всѣмъ самъ, умѣетъ заставить своихъ рабочихъ быть тщательными, а главное—онъ дорожитъ своей фирмою на столько, что никогда не пуститъ въ продажу чуть испорченнаго товару, хотя терпитъ отъ этого не мало убытковъ, т. е. имѣетъ гораздо менѣе прибыли, чѣмъ бы могъ имѣть.

Секретъ, которымъ пользуется г. Савинъ, это очистка кожъ отъ извести посредствомъ собачьяго кала. Для этой цѣли г. Савинымъ держатся на заводѣ сотни собакъ, которыя лѣтомъ распространяютъ не малое зловоніе кругомъ всего завода. Чтобы въ короткое время очистить клѣточки кожи отъ извести—нужно средство очень сильное, очень ѣдкое. Въ кожевенномъ производствѣ уже издавна это средство составляло камень преткновенія для всѣхъ. Пробовали разные способы, все это было или слишкомъ сильно, или слишкомъ слабо, но совершенно вѣрнаго и нерискованнаго средства, котороебы, такъ сказать, получило-бы уже право гражданства, еще не нашли.

Самый простой и первобытный способъ очистки кожи—это вода. Поэтому, на всѣхъ маленькихъ кожевенныхъ заводахъ, вынувъ кожи изъ зольныхъ чановъ, погружаютъ ихъ на нѣсколько дней въ воду—въ рѣку, или озеро, возлѣ которыхъ обыкновенно и строятся кожевенные заводы. Отсюда и зараженіе воды въ этомъ мѣстѣ известкой, жиромъ и загрязненіе ея остатками шерсти. Но кожа, отъ такого моченія, далеко не достаточно ни очищается, ни размягчается. Такого рода маленькіе заводы могутъ приготовлять только кожу низшихъ сортовъ, годную на подошвы, да на самую грубую обувь.

Лучшіе-же сорта, такъ называемая опойка и юфть, приготовляются посредствомъ предварительнаго *вытравленія* кожи отъ извести и размягченія ея въ теплой водѣ, строго опредѣленной температуры и въ строго опредѣленный періодъ времени.

Собачій калъ имѣетъ свойство въ нѣсколько часовъ очищать кожу отъ извести. Но онъ такъ ѣдокъ, что достаточно нѣсколькихъ лишнихъ минутъ, чтобы на кожѣ образовались дыры. Въ этомъ и заключается вся рискованность подобнаго средства. Нужна неусыпная внимательность и большая опытность въ рабочемъ, который стоитъ надъ чаномъ, гдѣ такимъ способомъ очищается кожа, чтобы не надѣлать громадныхъ убытковъ. Г. Савинъ имѣетъ хорошихъ рабочихъ, но и то значительный процентъ кожъ дѣлается никуда негодными послѣ этой процедуры. Но за то тѣ, которыя выдерживаютъ, тѣ заслуживаютъ г. Савину громкую славу и съ избыткомъ вознаграждаютъ его за потерю.

Мягченіе кожъ въ теплой водѣ производится посредствомъ мягчильныхъ машинъ, въ которыхъ главною активною частью является вертящійся барабанъ. Онъ безпрерывно переворачиваетъ кожи, треплетъ ихъ и такимъ образомъ дѣйствуетъ на поры, которыя расширяются, пропускаютъ въ себя теплую воду и тѣмъ размягчаются. Этотъ процессъ, повидимому, очень простъ, также какъ и машины, производящія его. Но и тутъ необходимъ опытный и строгій глазъ, безъ котораго опять-таки возможны большія потери. Дѣло въ томъ, что нельзя перемочить кожу, или не домочить ея. Нужно отыскать тотъ градусъ температуры воды и то количество времени, въ которое мочится кожа, чтобы при сочетаніи этихъ двухъ цифръ получался лучшій товаръ. Если вода будетъ слишкомъ холодна и кожа будетъ мочиться слишкомъ коротко, она никогда не пріобрѣтетъ ни мягкости, ни красоты. Если, наоборотъ, вода будетъ слишкомъ горяча и слишкомъ долго будутъ держать въ ней кожу, она можетъ размягчиться до того, что обратится въ клей. Поэтому мягченіе кожъ называютъ самымъ труднымъ процессомъ обработки или главной причиною того или другаго качества ея. Искусство этого мягченія совмѣстно съ тщательной очисткой кожъ отъ извести—въ этомъ вся тайна завода г. Савина, давшая ему громадное состояніе и громкое имя, и цѣлому міру—такую юфть, съ которой можно обращаться какъ съ шелкомъ.

Для поправленія падающихъ дѣлъ своего завода, г. Савинъ завелъ при немъ мастерскую машинной обуви. Въ ней сапоги дѣлаются въ часъ-два. Дѣло это, несомнѣнно, имѣетъ будущность; но пока оно идетъ весьма слабо. Ни мастеровъ, ни рабочихъ для того порядочныхъ на заводѣ г. Савина не имѣется, да и врядъ-ли будетъ имѣться. А между тѣмъ, этимъ малополезнымъ и даже убыточнымъ для г. Савина дѣломъ онъ убиваетъ всю мелкую сапожную промышленность въ Осташковѣ. Положимъ, тамъ она и безъ того умираетъ, но зачѣмъ-же добивать? Теперь осташевскимъ сапожникамъ остается только идти работать на заводъ г. Савина, гдѣ пара сапогъ, весьма порядочныхъ, продается за 3 р. 50 к.—4 р.

Благодѣянія тутъ я вижу мало.

ЕЩЕ ОБЪ ОСТАШКОВѢ.

Вопросъ.—Осташи.—Косы.—Пожарная команда.

Еще вопросъ: отчего г. Савинъ не устроитъ при своемъ заводѣ мастерскую изящныхъ предметовъ, за которые мы платимъ въ тридорога, только потому, что покупаемъ ихъ у разныхъ Кноповъ, Репо и К°.? Если можно было открыть сапожную мастерскую, выписавъ машины изъ Америки, а мастеровъ изъ Петербурга и ухлопавъ на все это тысячъ 60 по меньшей мѣрѣ, отчего-же было не истратить эти-же деньги на новое совсѣмъ дѣло, которое имѣло-бы успѣхъ несомнѣнный, никого-бы не разорило, а напротивъ—подняло-бы благосостояніе какъ Осташкова, такъ и Россіи, можетъ быть, современемъ? Вѣдь Англія не за горами, а тамъ есть превосходные мастера и машины для такихъ издѣлій, которыя спеціально работаютъ надъ Савинской юфтью...

Но вѣдь упрямство.. своего рода добродѣтель.

Издавна въ Осташковѣ выдѣлываются большіе бѣлые сапоги, такъ называемые *«осташи»*. Эти послѣдніе вы можете встрѣтить на далекое разстояніе отъ Осташкова, въ губерніяхъ: Псковской, Петербургской, Новгородской и особенно въ Остзейскихъ провинціяхъ. Главные рынки сбыта ихъ, черезъ особыхъ *коммисіонеровъ* изъ осташковскихъ гражданъ,—это Псковъ и Дерптъ, гдѣ они пользуются большою извѣстностью и откуда они расходятся въ сосѣднія рыболовныя приморскія и пріозерныя мѣстности.

Главное достоинство этого рода сапогъ—это дешевизна ихъ и прочность, которая достигается массивностью сапога. Поэтому всѣ почти каменоломы и каменотесы запасаются преимущественно *«осташами»*.

Еще недавно производство «осташей» достигало въ Осташковѣ очень большихъ размѣровъ. По разсчету г. Р—ова за 1862 годъ, «осташей» и черныхъ сапогъ дѣлалось тамъ въ годъ до 280 тыс.

паръ. Но нынѣ это количество, я думаю, можно смѣло сократить вдвое.

Отчего падаетъ эта отрасль промышленности,—трудно сказать. Впрочемъ, есть причины и явныя. Первая, это уменьшеніе спроса, вслѣдствіе неудобоносимости «осташей». Хотя они и прочны и дешевы, но однако такъ тяжелы, что даже и мужикамъ натираютъ ноги. Вторая, это весьма низкая плата работающимъ этого рода сапоги.

Плата рабочимъ полагается съ пары отъ 16—30 коп., смотря по размѣру сапоговъ и достоинству отдѣлки. Эта плата весьма мало вознаграждаетъ трудъ, ибо одно семейство, полагая мужчину и двухъ женщинъ, при самомъ усидчивомъ трудѣ, не въ состояніи сработать болѣе четырехъ паръ въ сутки разнаго размѣра. Цѣна пары такого рода сапогъ колеблется между 1 р. 50 к. и 2 руб.

Кромѣ сапоговъ, въ Осташковѣ выдѣлываются еще рукавицы и фартуки для рыболововъ; но выдѣлка этихъ произведеній весьма незначительна.

Желѣзная промышленность играетъ также весьма видную роль въ промышленной дѣятельности Осташкова. Цѣлыя улицы сплошь заняты тамъ кузницами, въ которыхъ съ ранняго утра и до поздняго вечера раздается неумолкаемый стукъ молотовъ. А въ темную ночь рядъ этихъ кузницъ, бросающихъ каждая противъ себя на улицу снопъ яркаго свѣта, представляетъ зрѣлище очень оригинально-красивое и даже слегка фантастическое.

Нѣкоторые ремесленники работаютъ отъ себя, но большая часть изъ нихъ исполняютъ заказы главныхъ торговцевъ изъ мѣстныхъ купцовъ, которые съ своей стороны имѣютъ по нѣсколько своихъ собственныхъ кузницъ. Самые обширные обороты по желѣзной промышленности сосредоточены въ рукахъ одного изъ осташевскихъ купцовъ г. Мосягина. У него на обширной площади (2 десятины) расположены громадныя каменныя зданія, въ которыхъ помѣщается множество кузницъ. При 53 горнахъ, на заводѣ г. Мосягина работаетъ до 180 человѣкъ, въ томъ числѣ малолѣтковъ только 9 человѣкъ. Плата взрослымъ, при готовой квартирѣ и содержаніи, колеблется отъ 93—109 руб., а мастерамъ до 230 руб. Плата дѣтямъ до 3 руб. въ мѣсяцъ. На заводѣ г. Мосягина, какъ и вообще въ Осташковѣ, преимущественно выдѣлываются топоры, косы, серпы и ножницы

для стрижки овецъ. По количеству, болѣе всего выдѣлывается косъ, до 80,000, цѣною отъ 40—65 коп. за штуку, и серповъ, до 60,000, цѣною отъ 18—36 коп. за штуку. Сбытъ ихъ производится преимущественно оптомъ, извѣстнымъ торговцамъ, имѣющимъ свои лавки въ уѣздахъ и уѣздныхъ городахъ. Съ завода Мосягина товаръ почти исключительно идетъ въ Псковскую губернію, черезъ которую проникаетъ въ Новгородскую и Петербургскую. Лавочники забираютъ товаръ на вексели и уплачиваютъ въ лѣтнее время, по продажѣ его. У г. Мосягина есть постоянные покупатели, которые на десятки тысячъ забираютъ его издѣлія, не давая даже на это росписки. И этого рода покупатели всегда бываютъ исправнѣе въ платежахъ, чѣмъ всѣ другіе. Въ Псковской губерніи есть одинъ маленькій городокъ, въ которомъ преимущественно сосредоточена торговля косами и серпами завода Мосягина. Г. Мосягинъ говорилъ мнѣ, что въ этомъ городкѣ не знаютъ,что такое вексель, или росписка. Забираютъ много, и никогда ни одной копѣйки не пропало за лавочниками этого городка.

Не могу не замѣтить, хотя вскользь, разъ ужь я коснулся завода г. Мосягина, той образцовой чистоты, порядка, того вполнѣ удовлетворительнаго содержанія рабочихъ, ихъ помѣщенія и пищи, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ на заводѣ. Эти явленія тѣмъ сильнѣе просятся подъ перо, тѣмъ болѣе приносятъ чести администраціи завода, что «кузнечное дѣло» считается едва-ли не грязнѣе еще, чѣмъ «кожевенное», а однако благоустройство завода г. Мосягина ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравнимо съ «странностями» на заводѣ г. Савина, хотя этотъ послѣдній на много разъ богаче и вліятельнѣе перваго. Вся суть въ томъ, что у г. Мосягина, по слухамъ, *есть сердце!..* Онъ человѣкъ молодой, учившійся въ технологическомъ институтѣ, кой-что видавшій и читавшій. Прадѣдовскіе инстинкты слѣпой жадности дали мѣсто разумному пониманію своей пользы, построенной на принесеніи пользы другимъ: и вздумалъ молодой Мосягинъ, принявъ въ наслѣдство заводъ, дать своимъ рабочимъ побольше воздуху, кормить ихъ пирогами, да поить чаемъ. Рабочій сталъ веселѣй, сильнѣй, сталъ больше вырабатывать и дорожить мѣстомъ. Отсюда и уменьшеніе пьянства и всякаго рода безчинствъ. Г. Мосягинъ, при такомъ веденіи дѣла, никогда не останется безъ работника, и этотъ работникъ врядъ-ли перемѣнится мѣстомъ съ работникомъ завода Савина, хоть-бы тамъ вдвое больше ему платили.

Косы, выдѣлываемыя въ Осташковѣ, пользуются большою извѣстностью. Подвергнутыя испытанію Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ, онѣ заслужили полное одобреніе и въ дѣлѣ замѣняютъ съ успѣхомъ иностранныя косы, уступая послѣднимъ развѣ только въ одной отдѣлкѣ. Мосягинскіе топоры пользуются не меньшей извѣстностью. Ежегодно извѣстное количество ихъ требуется Сѣверо-Американской компаніей и, сверхъ того, значительное количество большихъ топоровъ, называемыхъ *шляхтами*, требуется въ адмиралтейство, гдѣ употребляются для тески брусьевъ на корабли. Въ 1849 году, издѣлія купца Мосягина были на выставкѣ въ С.-Петербургѣ, и онъ удостоился получить, съ Высочайшаго соизволенія, медаль и дипломъ отъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли.

Осташковская пожарная команда, обратившая на себя уже давно особое вниманіе и общества, и правительства, составлена, повидимому, очень просто. Она состоитъ изъ 143 челов. изъ обывателей города, причисленныхъ къ составу ея на безсрочное время. Всѣ ихъ обязанности и порядокъ управленія инструментами распредѣлены заранѣе, такъ что, при первой тревогѣ, всякій немедленно является на мѣсто къ назначенному ему инструменту. Изъ числа всѣхъ вольныхъ пожарныхъ избирается одинъ брандмейстеръ, 2 помощника его, 2 наблюдателя за лошадьми, 2 распорядителя по доставленію воды и 1 надсмотрщикъ за чистотою трубъ. Лошадей при пожарной части держится только 1, остальныя же въ количествѣ 50 поставляются отъ обывателей по-очереди на каждый пожаръ. Пожарные инструменты содержатся въ весьма значительномъ составѣ. Такъ, по моимъ справкамъ, въ пожарномъ сараѣ оказалось: пожарныхъ трубъ 15 и 1 насосъ, бочекъ для воды на лѣтнемъ ходу 44, на зимнемъ—50, ведеръ желѣзныхъ—700, щитовъ—44 и соразмѣрное количество лѣстницъ, багровъ и другихъ принадлежностей.

На маленькій городокъ, при обиліи воды со всѣхъ сторонъ и при весьма малой скученности построекъ, такой составъ пожарнаго депо, по справедливости, долженъ быть названъ образцовымъ. И что страннѣе всего?.. Эта образцовая пожарная команда, въ продолженіи почти 20 лѣтъ своего существованія, никому еще изъ добровольныхъ солдатъ ея не надоѣла, и потому не заброшена, не упала, какъ все остальное въ Осташковѣ, а наоборотъ, все совершен-

ствуется и все болѣе процвѣтаетъ. Это видно изъ увеличенія почти вдвое какъ числа добровольныхъ пожарныхъ, такъ и всѣхъ пожарныхъ принадлежностей, сравнивая комплектъ огнегасительныхъ средствъ 1862 и 1884 годовъ. Видно, что Осташковъ крѣпко держится еще этого богатства своего, имъ созданнаго и имъ воспитаннаго, и страннымъ образомъ уцѣлѣвшаго подъ десницей времени и обстоятельствъ. Вѣдь это единственное отличье, сохраняющее еще за Осташковымъ болѣе или менѣе выдающееся положеніе среди другихъ сосѣднихъ, такихъ же захолустныхъ городковъ.

Вольные пожарные г. Осташкова отличаются особыми фуражками съ околышемъ, украшеннымъ золотымъ и серебрянымъ галуномъ. Для практики иногда дѣлаются репетиціи, такъ что всѣ знаютъ дѣло свое какъ нельзя лучше. Мнѣ не случилось самому присутствовать при дѣйствіи осташевской пожарной команды. Но, говорятъ, любо смотрѣть, какъ распоряжаются на пожарѣ эти полторы сотни молодцовъ, при отличныхъ инструментахъ и при хорошихъ сытыхъ лошадяхъ. Мало того: всякій изъ жителей Осташкова, оставя въ сторонѣ свое званіе, свой возрастъ, считаетъ законнымъ долгомъ своимъ, въ случаѣ пожара, принять въ тушеніи его самое дѣятельное участіе.

Ученіе, веселье и нравы Осташкова.

Если судить объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ населенія по контингенту учащихся въ школахъ, то этотъ уровень въ Осташковѣ сравнительно очень высокъ и съ теченіемъ времени все повышается еще. По свѣдѣніямъ за періодъ отъ 1852—1861 года, всѣхъ учащихся во всѣхъ училищахъ Осташкова приходилось среднимъ числомъ въ годъ по 274 мальчика и 192 дѣвочки. Въ нынѣшнемъ же году всѣхъ учащихся въ Осташковѣ мальчиковъ считается 381, а дѣвочекъ въ началѣ года было 291, что составляетъ общимъ числомъ около 6% всего населенія города. Значитъ, въ періодъ двухъ десятилѣтій послѣдовало возвышеніе цифры учащейся молодежи Осташкова почти на $^1/_3$ всего числа, при увеличеніи общей цифры населенія только на *четыре* человѣка.

Хотя процентъ учащейся молодежи, по отношенію къ общему числу жителей Осташкова, и довольно великъ, но общій уровень образованія въ Осташковѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Въ разговорѣ съ любымъ осташковцемъ, вы выносите на первый разъ впечатлѣніе, большею частью, самое благопріятное. Онъ развязенъ, боекъ, можетъ говорить обо всемъ и обо всемъ имѣетъ свое мнѣніе, высказываемое не только съ оттѣнкомъ самостоятельности, но даже съ извѣстной дозой апломба. Но глубже не вникайте... разочаруетесь.

Г. Р—цовъ приводитъ въ своей статьѣ весьма любопытный образчикъ самолюбія и напыщенности обывателей сего града. Одинъ изъ осташковцевъ сдѣлалъ подобную надпись надъ склепомъ, помѣщающимся съ наружной соборной церкви, гдѣ похоронена была его дочь:

«Прохожій, помяни меня, дѣвицу Екатерину, когда Господь Богъ послалъ мнѣ кончину, мой прахъ юный здѣсь первымъ положенъ. О, Родитель мой безцѣнный! Тобой сей фамильный скажи (склепъ?)

сооруженъ. Тобой сей св. храмъ благоволеніе обновленъ, тобой и за меня онъ свѣтлыми облаченіями снабженъ, тобой сей предѣльный храмъ во имя Аковицкія учрежденъ, подъ коимъ богатоубранный мой гробъ стоитъ, и передъ нимъ неугасаемый елей горитъ. А сердце мое при семъ всегда говоритъ:

«Благодареніе тебѣ, о, родитель мой милый, за любовь твою ко мнѣ, не будь же ты обо мнѣ уныньемъ, тѣлу моему хорошо здѣсь. А душѣ на небесахъ.

«Но кто, столь добрый твой отецъ, спросишь ты, прохожій, наконецъ, осташковскій 1-й гильдіи купецъ Николай Кузьмичъ... онъ А—въ, котораго за св. храмы долженъ поминать.

Осташковъ.

«1837 г. ноября 22 дня я рождена, 1854 года февраля 8 дня я здѣсь погребена послѣ моего 17-лѣтія на свѣтѣ моего житья».

Нужно сознаться, что нынѣ осташковцы пишутъ гораздо грамотнѣе...

Осташковцы слывутъ за людей весьма даровитыхъ отъ природы. Благодаря этой даровитости, изъ природныхъ осташковцевъ есть хорошіе живописцы и прекрасные рѣзчики по дереву, есть пѣвцы, музыканты и актеры, и все это *самородки*. Такъ слыхалъ я отъ разныхъ людей задолго еще до посѣщенія мною Осташкова, и потому на эту сторону характеристики осташковцевъ я обратилъ особенное вниманіе.

Изъ живописцевъ и рѣзчиковъ преданіе Осташкова гласитъ только о нѣкоемъ знаменитомъ художникѣ Колокольниковѣ и его трехъ сыновьяхъ, писавшихъ прекрасныя иконы.

О другихъ знаменитостяхъ мнѣ не удалось слышать и потому смѣю предполагать, что ихъ не существуетъ. Богомазы и не дурно рисующіе есть,—но гдѣ ихъ нѣтъ? Такъ что, основываясь только на этихъ четырехъ представителяхъ изящныхъ искусствъ г. Осташкова, никоимъ образомъ не могу подтвердить огульнаго мнѣнія о талантливости осташковцевъ къ кисти и карандашу.

Затѣмъ, относительно музыки, пѣнія и драматическихъ способностей, могу сказать тоже очень мало. Въ Осташковѣ есть и понынѣ свой оркестръ и свой хоръ изъ любителей. Этотъ оркестръ мнѣ удалось видѣть въ дѣлѣ, на одномъ изъ вечеровъ осташковской аристократіи. Онъ состоитъ изъ 6—7 человѣкъ артистовъ весьма почтенной наружности, въ которой природное добродушіе безуспѣшно борется съ напускнымъ величіемъ и *вдохновенностью*.

Хотя эти музыканты всѣ ремесленники (преимущественно сапожники), хотя они и наемники, но они ревниво охраняютъ свое званіе «любителей» и, бросая свое шило, свой стругъ, или свою слесарню, когда ихъ *приглашаютъ* на вечеръ, они берутся за инструменты съ такимъ же видомъ, какъ нѣкогда Жанна д'Аркъ взялась за мечъ и шлемъ. Словомъ, они глубоко убѣждены, что призваны священнодѣйствовать, и ихъ убѣжденіе сообщается, повидимому, и слушателямъ...

Но, не шутя, этотъ доморощенный оркестръ играетъ совсѣмъ не такъ дурно, какъ можно было бы ожидать отъ сапожниковъ-любителей. Кадрили, польки и вальсы игрались въ тактъ, складно и ладно. Танцовалось очень удобно.

Нѣсколько дней спустя, я имѣлъ удовольствіе зрѣть и слушать тѣхъ-же *любителей* съ клироса соборной церкви. Но... тутъ ужь я предпочитаю молчать. Хоть Осташковъ и напоминаетъ нѣсколько Неаполь, но видно ему далеко еще отъ Италіи. Видно сырой и холодный климатъ Селигерскаго прибрежья дѣйствуетъ совершенно обратно на глотки сапожниковъ, чѣмъ прибережья Средиземнаго моря. Говорятъ Марини былъ сапожникомъ, но онъ бы навѣрно отказался отъ этого званія, прослушавъ пѣніе своихъ собратьевъ по ремеслу въ Осташковѣ...

Но говорятъ, что осташковцы распѣваются только въ весеннее и лѣтнее время, какъ соловьи. Тогда, въ роскошныя ночи, поютъ всѣ, поетъ весь Осташковъ отъ мала до велика. Поютъ на улицахъ, на озерѣ, въ городскомъ саду и, главное, на бульварѣ. Всякія «серенады», «камаринскія» и спеціально «Осташевскія пѣсни» оглашаютъ тогда мирный и благорастворенный воздухъ мирнаго городка, заставляя безпокойно ворочаться на постеляхъ, закрывать и всячески «задѣлывать» окна обывателей съ менѣе аристократическими наклонностями. Въ это блаженное время, когда и коты и «всякая тварь» въ природѣ поетъ, можетъ, и раздаются по Осташкову трели самородковъ-теноровъ di-gracio, можетъ, и Марини между ними найдется но я, къ несчастью, въ это время въ Осташковѣ не былъ. О драматическихъ талантахъ осташковцевъ могу судить только по слухамъ, ибо храмъ этого рода искусствъ, сирѣчь осташковскій городской театръ, нынѣ «не дѣйствуетъ».

Какъ я сказалъ выше, нынѣ этотъ храмъ представляетъ собой руину сѣро-грязнаго цвѣта, съ забитыми окнами и дверьми, внушающую собой у прохожихъ страхъ и инстинктивное стремленіе перебѣжать на «другую» сторону улицы.

А вѣдь театръ чуть-ли не полстолѣтія былъ гордостью Осташкова; вѣдь основаніе его стоило большихъ усилій; вѣдь на сценѣ его давались произведенія «великихъ мастеровъ», можетъ быть не совсѣмъ понимаемыя любителями-актерами изъ тѣхъ-же сапожниковъ, но за то весьма цѣнимыя ими, зажигавшія «святой огонь» въ грубой оболочкѣ ремесленниковъ. Да, много пользы, много и наслажденія приносилъ Осташкову его театръ, и существуй онъ еще полстолѣтія, можетъ быть *кажущееся* развитіе осташковца стало бы дѣйствительнымъ развитіемъ, и чванливое всезнаніе замѣнилось-бы въ немъ скромнымъ служеніемъ искусству.

Самый блестящій періодъ осташковскаго театра былъ въ «Савинскія» времена. Въ 1858 году, благодаря заботливости и личнымъ средствамъ городскаго головы Ф. К. Савина, театръ былъ совершенно возобновленъ. Помѣщеніе театра, хотя не совсѣмъ красивое (бывшій кожевенный заводъ), но довольно удобное и просторное, такъ что въ немъ устроено 11 ложъ, 34 кресла, 52 стула, вверху надъ ложами и подъ ними устроены галлереи, такъ что всѣхъ зрителей можетъ помѣститься до 450 человѣкъ. Сцена довольно обширная, декораціи, какъ говорятъ, были очень недурны. Постановкой пьесъ и вообще руководствомъ въ изученіи ролей «любителей» занималась супруга Ф. К. Савина, бывшая когда-то звѣздой нашей столичной сцены и волей судебъ заброшенная въ Осташковъ. Руководство ея не всегда отражалось цѣлесообразно на игрѣ актеровъ, трепетавшихъ передъ «знаменитостью», но вообще оно много подвинуло впередъ драматическое дѣло въ Осташковѣ.

Для публичныхъ гуляній существуетъ въ Осташковѣ бульваръ и общественный садъ.

Бульваръ раздѣляется на двѣ половины: интеллигентную и неинтеллигентную. Вторая гораздо больше и отдѣляется отъ первой поперечной улицей. Я наблюдалъ и ту и другую; но, признаюсь, рѣзкаго отличія въ публикѣ, наполняющей ихъ, не замѣтилъ. Только внѣшній видъ той публики нѣсколько отличителенъ, хотя чуйки, смазные сапоги и черныя суконныя шапки составляютъ преобладающій элементъ какъ на той, такъ и на другой половинахъ. Громкій говоръ, смѣхъ и щелканіе сѣмячекъ—характеризуетъ гуляющую на бульварѣ *публику*. Видно, что это мѣсто для всѣхъ есть общая квартира, гдѣ всякій чувствуетъ себя какъ дома. Впрочемъ, виноватъ! Исключаю изъ этого числа осташевскій прекрасный полъ, т. е. осташевскихъ *барышень*, грустно и одиноко мѣряющихъ коротенькій кусокъ пространства интеллигентной части бульвара.

Еще одно свойство осташевскаго бульвара. Онъ наполняется публикой только къ вечеру, когда совсѣмъ темнѣетъ. Весь же день на немъ души нельзя увидѣть. Осташковцы привыкли къ темнотѣ и даже, повидимому, любятъ ее...

Городской садъ около соборной церкви тоже достаточно посѣщается осташковцами, но только лѣтомъ. Въ прежнее время здѣсь, по праздничнымъ днямъ, игралъ недурной оркестръ городскаго головы, причемъ за входъ назначалась плата не менѣе 5 коп. Нынѣ этотъ оркестръ замѣнилъ тотъ единственный хоръ музыкантовъ-любителей, который я имѣлъ удовольствіе слышать на вечерѣ. Хотя онъ далеко уступаетъ качествами своими прежнему оркестру, но осташковцы и его слушаютъ съ удовольствіемъ.

Къ оркестру иногда присоединяется хоръ пѣвчихъ, услаждающихъ слухъ публики разными національными пѣснями и въ особенности похвальнымъ гимномъ Осташкову, сочиненнымъ однимъ изъ нашихъ ветерановъ-литераторовъ.

Привожу здѣсь этотъ гимнъ:

Славься, городъ нашъ Осташковъ,
Славься, городъ нашъ родной,
Славься не своимъ богатствомъ,
Не торговлею своей,
А любовью, крѣпкимъ братствомъ,
Ты своей семьи дѣтей.
Отъ конца въ конецъ Россіи
Ты отмѣченъ ужь молвой,
Изъ уѣздныхъ городовъ Россіи
Ты слывешь *передовой*.
Славься, городъ нашъ Осташковъ,
Славься, городъ нашъ родной!..

Пѣсня звучная, но, надо сознаться, не безъ тщеславія...

Не мѣшало бы сказать кой-что о нравахъ и обычаяхъ обитателей г. Осташкова; но эта задача не изъ легкихъ. Осташковъ, болѣе чѣмъ какой нибудь другой городъ, бѣденъ своеобычайностью, какъ по причинѣ своей сравнительной молодости, какъ города, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ разными сосѣдними мѣстностями, преимущественно Остзейскимъ краемъ, изгладившимъ почти все самобытное изъ нравовъ осташей. Если-же что и осталось еще, оно весьма трудно поддается наблюденію заѣзжаго наблюдателя.

Я даже не встрѣчалъ и характернаго осташевскаго костюма, на который указываетъ г. Р—въ. По его мнѣнію, оригинальнаго въ этомъ костюмѣ только и есть что головной уборъ, состоящій изъ жемчужнаго кокошника, имѣющаго видъ цилиндра, съ отгибомъ назадъ и съ подзоромъ надъ бровями. Но надо думать, что этотъ кокошникъ мало краситъ и безъ того далеко немиловидныя личики жительницъ Осташкова.

Въ Осташковѣ, какъ и вездѣ, сохранились преданія объ оригинальныхъ свадебныхъ обрядахъ, впрочемъ, въ главныхъ чертахъ своихъ совершенно сходныхъ съ обрядами, которые лѣтъ 50 тому назадъ можно было наблюдать въ любомъ русскомъ городкѣ. Понятно, изъ этихъ обрядовъ нынѣ ничего почти не осталось, а что и осталось—соблюдается только мѣщанствомъ да мелкимъ купечествомъ; чуть-чуть покрупнѣе торговецъ—торопится примкнуть къ интеллигенціи и не задумывается жертвовать для этого *стариной.*

Да и сама старина-то эта, настоящая старина, въ сущности похоронена еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ началѣ нынѣшняго еще свѣжо было преданіе о ней, а теперь и преданіе меркнетъ вмѣстѣ съ угасающей памятью старухъ.

Изъ осташковскихъ свадебныхъ обрядовъ могу указать только на сохранившійся и понынѣ обычай даренія невѣстѣ на сговорѣ денегъ, да на присутствіе свиной головы на свадебномъ столѣ, впрочемъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Значенія этой послѣдней эмблемы мнѣ добиться не удалось.

II.

ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Г. Ярославль.—Его историческое прошлое.

Ярославль принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ, самыхъ красивыхъ и большихъ губернскихъ городовъ Россіи. Расположенный при сліяніи Волги и Которости, почти на ровномъ мѣстѣ, онъ отстоитъ отъ Петербурга на 556 верстъ, а отъ Москвы на 261 вер., и простирается въ длину верстъ на 5, въ ширину версты на 4, а въ окружности занимаетъ верстъ 20.

Въ «Исторіи губернскаго города Ярославля», составленной священникомъ Демидовскаго лицея въ 1853 г., объ основаніи Ярославля говорится такъ:

«Преданіе гласитъ, и гербъ Ярославля тоже доказываетъ, что мужественный Ярославъ (XI вѣка), поставивъ древній Ростовъ, пожелалъ обозрѣть берега знаменитой Волги, и здѣсь, именно, въ этомъ пространствѣ, похожемъ на трехугольникъ, гдѣ построенъ соборъ и красуется нашъ лицей, отставъ отъ дружины своей, въ дремучемъ лѣсу, встрѣтился съ *медвѣдицею* и поразилъ ее *топоромъ.*

«Тотъ ручей, который въ древности утекалъ либо въ Волгу, либо въ Которость и который на нашей памяти заваленъ землею, въ память этого событія, носилъ и носитъ донынѣ названіе *Медвѣдицы.*

«Прекрасная мѣстность на берегахъ двухъ рѣкъ, величественная Волга,—добрая кормилица нашей страны, обратили на себя вниманіе мудраго князя,—и сѣкиры воинственной дружины его застучали; дремучій лѣсъ палъ; и въ непродолжительное время, по манію Великаго Ярослава, сооруженъ *Рубленый городъ,* изъ деревъ срублен-

ныхъ, т. е. построена деревянная крѣпость, что на языкѣ нашихъ лѣтописей, значитъ — *срубить городъ*. Въ память сего, одинъ изъ храмовъ здѣсь и донынѣ называется *Николорубленскимъ*.

«Крѣпость сначала была невелика и, безъ сомнѣнія, ограничивалась крутыми берегами Волги и Которости и ручьемъ Медвѣдицей».

Ярославль сталъ стольнымъ городомъ только съ 1218 г., когда великій князь Константинъ благословилъ имъ своего сына *Всеволода* и послалъ его сюда на княженіе. Къ Ярославскому княжеству тогда принадлежали Угличъ, Молога (нынѣ западные уѣзды этой губерніи) и заволжскія страны до озера Кубенскаго *).

Потрясающимъ событіемъ для ярославцевъ было нашествіе татаръ. Свирѣпый Батый, опустошивъ Рязань, грозно, путемъ, залитымъ кровью, шелъ къ престольному Владиміру. Великій князь Георгій, въ 1237 г., оставивъ свою столицу на жертву варварамъ, съ тремя своими племянниками, между прочимъ, и ярославскимъ Всеволодомъ, удалился ожидать враговъ въ Ярославскую область, на берега рѣки Сити, впадающую въ Мологу. Въ февралѣ мѣсяцѣ, 1237 года, монголы сожгли 14 русскихъ городовъ, въ числѣ ихъ и Ярославль; жители отчасти погибли, отчасти разбѣжались.

Въ жестокомъ сраженіи 4 марта того же года на берегахъ Сити, в. кн. Георгій палъ обезглавленный; Василько, кн. Ростовскій, попалъ въ плѣнъ. Пораженные его красотою и мужествомъ, враги предлагали ему промѣнять вѣрность христіанскому отечеству на дружбу Батыя. «Темное царство!—отвѣчалъ князь. Не разлучить тебѣ меня со Христомъ моимъ, какъ ни тяжело бѣдствіе мое. Есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра злодѣяній твоихъ; взыщетъ Онъ съ тебя кровь вѣрныхъ Своихъ...». Монголы его свирѣпо умертвили и тѣло бросили въ Шеренскомъ лѣсу. На Ситскомъ же побоищѣ палъ и первый удѣльный князь Ярославскій Всеволодъ, послѣ двадцатилѣтняго управленія Ярославлемъ.

Во время управленія Ярославлемъ двумя св. братьями: Давидомъ и Константиномъ Ѳедоровичами, новое событіе, на этотъ разъ радостное, посѣтило г. Ярославль. Въ 1314 году, Прохоръ, епископъ

*) Карамзинъ. Т. III. гл. 5.

ростовскій и ярославскій, обозрѣвая свою паству, остановился въ 8 верстахъ отъ Ярославля, вверху по Волгѣ; въ полночь на 8 число августа увидѣлъ онъ на другомъ берегу Волги, при рѣчкѣ Толгѣ, икону Божіей Матери въ лучезарномъ свѣтѣ. Съ нимъ была свита. На другой день онъ и спутники его нашли икону тамъ, гдѣ видѣлъ ее святитель. На томъ мѣстѣ тогда-же была построена *Толгская* обитель, существующая и понынѣ вмѣстѣ съ чудотворной иконой Божіей Матери.

Ярославское княжество, силою вещей, безъ вражды и сопротивленія, подчинилось вліянію Москвы. Оно уже и не представляло единаго и цѣльнаго княжества, раздробленное между многочисленными потомками владѣтельныхъ князей.

Въ половинѣ XV вѣка, въ родѣ князей ярославскихъ считалось уже до 40 отраслей, и каждый членъ этого огромнаго семейства имѣлъ свой уголокъ, свой удѣлъ. Таковы были князья: Курбскіе, Шаховскіе, Львовы, Прозоровскіе, Сонцевы, Засѣкины, Бѣльскіе, Сицкіе и другія. Отношенія ихъ къ московскимъ вел. князьямъ состояли въ томъ, чтобы имѣть съ ними одну политическую систему и, въ случаѣ войны, давать имъ войска. Затѣмъ, они считали себя весьма мало зависимыми отъ ярославскаго князя, охотно поступали на службу къ московскому вел. князю и часто продавали ему свои удѣлы. Да и самъ ярославскій князь во всемъ подчинялся московскому, видя въ этомъ залогъ мира и процвѣтанія своего княжества.

Такимъ путемъ, къ концу XV столѣтія готовилось паденіе самостоятельности ярославскаго княжества и присоединеніе его въ видѣ прекрасной провинціи къ единой и великой Руси.

Наступившій періодъ «единодержавія», вплоть до новыхъ смутъ эпохи «самозванцевъ», былъ, можно сказать, самой свѣтлой полосой въ жизни Ярославля. Это былъ періодъ расцвѣта его природныхъ силъ и подъемъ духа, выразившихся зачатіемъ и развитіемъ его внѣшней торговли.

Зачатіе это послѣдовало собственно при царѣ Грозномъ. Царь Грозный, грозный для Москвы, Новгорода и другихъ городовъ, во время неизъясненной еще тревожной его болѣзни, не былъ грозенъ для Ярославля; напротивъ, онъ нерѣдко посѣщалъ его и всегда съ любовью.

Здѣсь не слышно было ни о какихъ опалахъ; городъ Ярославль вѣрно служилъ Грозному и спокойно разцвѣталъ среди обширныхъ торговыхъ оборотовъ.

Періодъ торговыхъ оборотовъ начинается собственно съ того времени, когда англичане, открывши входъ изъ Бѣлаго моря въ Сѣверную Двину и оттуда, черезъ Вологду и Ярославль, проникнувъ въ Москву, у царя Іоанна IV испросили себѣ привиллегію на торговлю во всѣхъ городахъ сѣверной Руси и когда вслѣдъ за ними явились и другіе европейскіе купцы. Это было вскорѣ послѣ 1553 г. и съ тѣхъ поръ Вологда и Ярославль долго служили главными складочными пунктами иностранныхъ товаровъ.

По величественной Волгѣ разъѣзжало тогда англійское судно, какого дотолѣ не видали еще ярославцы. А въ самомъ Ярославлѣ завелись купеческія иностранныя конторы, которыхъ число впослѣдствіи размножилось до 30-ти.

Предметами торговли были иностранные и русскіе товары, преимущественно пушные и произведенія Волги.

Такъ расцвѣталъ и богатѣлъ мирный Ярославль въ царствованія послѣднихъ отраслей племени св. Владиміра.

Но не долгъ былъ этотъ покой. Опять грозныя тучи нависли надъ горизонтомъ Россіи, грянулъ нежданный громъ, и стрѣлы литовскія и польскія, по велѣнію дерзкаго самозванца, въ самое сердце поразили Русь и затопили ее потоками крови.

Въ этотъ смутный періодъ Ярославль игралъ довольно важную роль. Онъ служилъ мѣстомъ заточенія Марины Мнишекъ вмѣстѣ съ ея отцомъ, послѣ убіенія перваго самозванца. Затѣмъ, когда несчастный Василій Шуйскій, на свою бѣду, опустилъ ее вмѣстѣ съ другими поляками въ Польшу, и Марина, не сдержавъ своего слова, явилась вскорѣ подъ Москвой съ другимъ самозванцемъ, Ярославль по непонятной причинѣ, сдался полякамъ; обольщеніе ли то было, или страхъ, или недостатокъ вѣрности Царю — неизвѣстно. Ярославль призналъ права самозванца и принялъ отъ него воеводу, шведа православной вѣры, Лоренца Біугге; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 руб. и обязался снарядить 1,000 всадниковъ.

Вскорѣ, однако Ярославль опомнился; съ одной стороны насилія и грабежи незваныхъ гостей, принятыхъ имъ такъ радушно, а съ другой—письменныя увѣщанія царя Василія Шуйскаго, скоро измѣнили рѣшеніе Ярославля, и изъ мятежныхъ, онъ вдругъ сталъ однимъ изъ первыхъ городовъ, мужественно пошедшихъ противъ враговъ. Прежде другихъ ополчились земледѣльцы, встрѣчали ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата — съ дрекольемъ, копьями сѣкирами; убивали, топили въ рѣкахъ, приговаривая: «Вы опустошили наши житницы и хлѣва: теперь питайтесь рыбою». Воеводу своего, нѣмца Шмидта, присланнаго на мѣсто Біугге, ярославцы сперва изгнали, а потомъ сварили въ котлѣ за то, что онъ, подойдя къ городу, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ. Русскіе позабыли тогда и жалость и человѣчество; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ—засѣки, губили, душили...

Въ такомъ ужасномъ состояніи находился Ярославль въ 1608 году *).

Окрестности его горѣли; кровь лилась рѣкой; онъ дрожалъ среди ужасовъ и свирѣпствъ; за стѣнами, съ высокихъ башенъ своихъ, онъ видѣлъ однихъ враговъ и измѣнниковъ, и цѣпенѣлъ отъ ужаса, враги засѣли въ предмѣстьяхъ его и посылали отряды для покоренія Тушинскому самозванцу окрестныхъ городовъ и селеній.

Полились царскія милости юнаго Царя на счастливый Спасскій монастырь, гдѣ новый Царь началъ царствовать. Три жалованныя граматы, присланныя изъ Москвы благодарнымъ Государемъ въ томъ же 1613 году, возстановили благосостояніе монастыря, много пострадавшаго во время польскаго разгрома; еще 15 грамотъ, данныхъ въ разное время царствованія Михаила Ѳеодоровича, свидѣтельствуютъ о постоянномъ благоволеніи его къ этому монастырю.

Когда, въ 1620 году, былъ возвращенъ изъ плѣна митрополитъ Филаретъ и тотчасъ посвященъ въ патріархи, Ярославль ликовалъ болѣе другихъ городовъ Россіи. Дивный союзъ двухъ священныхъ лицъ — Царя-сына и отца-патріарха, во многомъ былъ родствененъ Ярославлю; сынъ началъ здѣсь царствовать, а отецъ былъ мѣстнымъ митрополитомъ...

Ярославль есть родоначальникъ нашего русскаго театра. Вотъ какъ описывается это интересное событіе въ «Исторіи губернскаго города Ярославля»:

*) Карамзинъ, I, 12.

«Жилъ-былъ въ Ярославлѣ богатый купецъ *Полушкинъ*, имѣвшій большіе заводы. Овдовѣвъ, онъ женился на костромской купчихѣ Волковой, у которой отъ перваго брака были три сына. Добрый вотчимъ, замѣтивъ отличныя способности старшаго своего пасынка, послалъ его въ Москву, въ Заиконоспасскую академію, учиться Закону Божію, нѣмецкому языку и математикѣ; послѣ отправилъ его въ Петербургъ, въ нѣмецкую контору, для навыка въ бухгалтеріи и торговлѣ. Молодой *Волковъ* и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ просвѣщенный человѣкъ, любилъ посѣщать иногда иностранные театры и понялъ драматическое искусство совершенно.

«Въ 1748 г., возвратясь въ Ярославль, онъ сталъ учить своихъ меньшихъ братьевъ живописи, музыкѣ и сценическому искуству, и приглашалъ къ себѣ для этой цѣли и другихъ знакомыхъ сверстниковъ; а въ одномъ изъ амбаровъ своего вотчима онъ устроилъ и театръ.

«Однажды, въ день именинъ сего послѣдняго, собралось много гостей, между которыми находился ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ. Послѣ сытнаго обѣда и радушнаго угощенія, Волковъ попросилъ вотчима своего и гостей на невиданное въ Ярославлѣ зрѣлище. Вошедши въ амбаръ, Полушкинъ и гости вскрикнули отъ удивленія. Волковъ съ товарищами представляли драму «Есѳирь» и послѣ еще другую, переведенную самимъ Волковымъ съ нѣмецкаго. Старикъ Полушкинъ и его гости были внѣ себя отъ удивленія и удовольствія.

«Такъ, на коженномъ заводѣ купца Полушкина родился *Русскій театръ—первый* во всей Россіи. Скоро вѣсть объ этомъ достигла и до Императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1751 году ярославскимъ актерамъ повелѣно было явиться въ С.-Петербургъ. Уже труппа ихъ состояла изъ 11 человѣкъ. Ихъ привезли прямо въ Царское Село, гдѣ тогда проживала Императрица, и на другой же день, въ ея присутствіи, они играли трагедію «Хоревъ». Императрица была совершенно довольна; Волкова и другихъ отличавшихся актеровъ оставили въ Петербургѣ. Прочихъ, наградивши, отпустили обратно въ Ярославль, гдѣ и продолжали они увеселять публику...»

Еще два историческія событія дополнятъ этотъ очеркъ.

Ярославль былъ мѣстомъ ссылки знаменитаго Бирона, прожившаго здѣсь 19 лѣтъ въ каменномъ домѣ, на берегу Волги, изъ кирпичей котораго впослѣдствіи была выстроена первая полицейская

часть; Биронъ здѣсь жилъ, пока Петръ III не возвратилъ ему свободу и герцогство Курляндское.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, въ 1681 году, Ярославль былъ свидѣтелемъ потрясающаго зрѣлища — смерти патріарха Никона.

Изнуренный страданіями, знаменитый Никонъ находился тогда въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Въ тотъ самый день, когда должно было придти къ нему разрѣшеніе Царя возвратиться въ Новый Іерусалимъ, Никонъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собираться и своей келейной братіи. Съ трудомъ посадили въ сани изнемогшаго старца, чтобы довезти до струга на р. Шекснѣ, по которой спустились въ Волгу.

Никонъ велѣлъ плыть къ Ярославлю, прежде ему знакомому; у Толгскаго монастыря онъ приказалъ остановиться. Здѣсь жилъ тогда бывшій архимандритъ Сергій, который, во время суда надъ Никономъ, содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сергій, до прибытія Никона, заснулъ въ трапезѣ. Въ это время явился ему во снѣ самъ Никонъ, говоря: «Брате Сергіе, востани, сотворимъ прошеніе». Тотчасъ встрепенулся Сергій и услышалъ, что Волгою шествуетъ патріархъ, и братья съ игуменомъ монастыря уже вышли ему на встрѣчу.

Вслѣдъ за ними устремился и Сергій и видя умирающаго старца, рыдая палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе.

Къ патріарху уже приближалась смерть; онъ пріобщился запасными Дарами, и стругъ опять поплылъ по водамъ.

Жители Ярославля, услышавъ о пришествіи патріарха, мигомъ собрались къ Волгѣ; тамъ, увидя великаго старца на смертномъ одрѣ, они съ плачемъ къ нему припадали, цѣлуя руки, одежду и прося благословенія; одни влекли стругъ вдоль берега; другіе, бросаясь въ воду, имъ помогали; такъ достигли до Спасскаго монастыря.

Изнемогавшій страдалецъ уже ничего не могъ говорить; онъ только давалъ всѣмъ руку. Дьякъ Царскій, тѣмъ временемъ, велѣлъ перевести стругъ на другой берегъ Которости, чтобы избавиться отъ народной толпы.

Ударили въ колоколъ къ вечернѣ — Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, онъ самъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежду, какъ-бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ Спасскаго монастыря съ братіею прочитали отходную; патріархъ, сложивъ крестообразно руки, вздохнулъ и предалъ духъ свой Господу. Это было 17-го августа.

Ярославль зарыдалъ. Царь Өеодоръ, не зная еще о кончинѣ своего крестнаго отца, послалъ ему на встрѣчу свою карету со множествомъ коней; когда же узналъ грустную новость, Царь заплакалъ, какъ плакали и всѣ свидѣтели этой картины...

Царь Өеодоръ сопровождалъ тѣло Никона до Новаго Іерусалима.

Пріѣхавъ въ Ярославль раннимъ утромъ съ поѣздомъ московско-ярославской дороги, я прежде всего былъ пріятно пораженъ красивымъ зданіемъ вокзала. Вокзалъ расположенъ верстахъ въ 3-хъ отъ города; не вдалекѣ отъ него помѣщается городская застава, изображающая собой высокія каменныя ворота съ гербомъ города — медвѣдицей. Отъ заставы путь идетъ ровной, какъ нитка, линіей, обставленной телеграфными столбами, спускаясь отлогимъ скатомъ внизъ. Съ высшей точки этого пути, т. е. возлѣ заставы, открывается видъ красиваго города; преобладающимъ элементомъ здѣсь являются бѣлыя стѣны и взлетающія надъ ними въ разныхъ мѣстахъ группы самыхъ разнообразныхъ куполовъ. Купола и кресты — вотъ что прежде всего останавливаетъ вашъ взоръ.

Восходящее зимнее солнце, яркими лучами играло на ихъ золоченой поверхности, придавая всей картинѣ особенно блестящій и какъ-бы праздничный видъ. Этому же впечатлѣнію способствовали и бѣлизна стѣнъ, бѣлизна снѣжнаго ландшафта и самая прозрачность утренняго, морознаго воздуха.

Отъ самаго вокзала уже начинается предмѣстье города—небольшіе деревянные домики, которые, по мѣрѣ приближенія къ городу, становятся больше и часто смѣняются каменными.

Проѣхавъ ворота Спасскаго монастыря, вы вступаете въ самый городъ.

Я приказалъ везти себя въ лучшую гостинницу.

— Кокуевку?.. обернулся ко мнѣ извощикъ.

— Какую Кукуевку?... удивился я при этомъ знакомомъ звукѣ.

— Въ Кокуевскую гостинницу прикажете?.. Лучше нѣтъ!

— Ну, въ Кокуевскую!

Чрезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали на небольшую площадь, повернули за уголъ направо и остановились у подъѣзда красиваго бѣлаго дома.

Заспанная прислуга лѣниво повела меня наверхъ по желѣзной лѣстницѣ, и черезъ минуту я помѣстился уже въ небольшомъ, но крайне опрятномъ и уютномъ номерѣ, съ окнами на площадь. Прямо передъ моими окнами, на площади, красуется четырехъ-угольной формы бѣлое зданіе, съ лирой на верхушкѣ; это зданіе останавливаетъ взоръ своей архитектурой, чрезвычайно легкой и изящной. Наверху его смутно читается надпись: «Городской театръ».

Я начиналъ себя чувствовать не совсѣмъ скверно. Города всего я еще не видалъ, но по нѣсколькимъ домамъ, видимымъ изъ моего окна, можно было не отчаяваться. Помѣщеніе для себя я нашелъ лучшее, чѣмъ ожидалъ, а тутъ напротивъ еще театръ, «храмъ развлеченія и искусствъ», да еще такой красивый, съ лирой на крышѣ...

«Значитъ, здѣсь любятъ и развлеченіе и искусства», подумалъ я, мысленно улыбаясь. «Вѣрно играютъ недурно, судя по зданію», увѣрялъ я себя, все болѣе оживляясь и даже переставъ зѣвать...

Однако, хотя спать ужъ не хотѣлось, пришлось лечь. Было часовъ 8 утра и городъ еще дремалъ. Такъ разсудилъ я, вглядываясь въ пустынныя улицы, которыя косыми лучами красиво расходились въ разныя стороны отъ площади.

Лежа съ закрытыми глазами на мягкомъ пружинномъ матрасѣ безъ излишнихъ «неровностей», я сталъ рисовать себѣ картины моей будущей жизни въ семъ градѣ, которой мнѣ предстояло нѣсколько мѣсяцевъ. Провинціальное, чисто русское общество представлялось мнѣ и милымъ и радушнымъ, словомъ, въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Простота и веселье безъ затѣй, безъ столичныхъ ухищреній, слагались въ моемъ умѣ въ какіе-то неясные, неопредѣленные, но тѣмъ не менѣе пріятные образы.

Не знаю, удобство-ли постели, сладость-ли дремоты такъ дѣйствовали на меня, только вдругъ я очутился въ совершенно противуположномъ настроеніи, чѣмъ то, съ которымъ я садился въ вагонъ еще вчера. Опытъ недавнихъ дней куда-то исчезъ, и мнѣ показалось что я впервые только вырвался изъ шумнаго, безъ толку толкающа-

гося Петербурга въ тихую и милую провинцію. Ни звонковъ, ни криковъ, ни грохоту. «Какъ хорошо», повторялъ я закрывая глаза. Я сталъ мечтать. Радушное семейство, маленькій домикъ, крылечко, самоваръ... вечеръ съ танцами... хорошенькія провинціалочки... «Гамлетъ»... «Прекрасная Елена»... лира на верхушкѣ... Кокуевка... носились смутными образами въ моей утомленной головѣ, пока вдругъ не перелетѣлъ я какимъ-то чудомъ въ театръ и не сталъ пѣть передъ залой, полной самыхъ симпатичныхъ мнѣ людей, какіе то фантастическіе мотивы...

Дебютъ на сценѣ, хохотъ, голоса, гамъ, фигуры, хаосъ, и.... и ничего. Я съ усиліемъ поднялъ голову съ подушки; голова была тяжела, всѣ члены ломало, а по спинѣ пробѣгала предательская дрожь. «Послѣдствія вчерашняго, подумалъ я, вспомнивъ московскій «Эрмитажъ», обѣдъ съ друзьями, и шумные проводы на «смертельную скуку».

Сладкія мечты куда-то испарились. Только когда я, умытый и одѣтый, садился въ маленькія извощичьи сани, чтобы сдѣлать необходимые визиты и осмотрѣть городъ, бодрость вновь меня посѣтила.

«Власовская биржа» въ Ярославлѣ славится своими извощиками. Тамъ попадаются тысячные рысаки, могущіе конкурировать съ нашими петербургскими лихачами. Только цѣна имъ не наша, петербургская. Они не запрашиваютъ въ конецъ «красненькой», или «синенькой», а скромно довольствуются положеннымъ по таксѣ двугривеннымъ.

Статный сѣрый конь понесъ меня мимо театра, вдоль бульвара, вздымая за собой облако мелкой снѣжной пыли. Комки снѣга гулко ударяли въ переднюю часть саней, и удары эти становились все чаще.

Быстрая ѣзда, гладкая, какъ скартетью выстланная снѣгомъ улица, морозный «ядреный» воздухъ, ослѣпляющіе лучи солнца, игравшіе на кристалахъ снѣга, причудливо облѣпившаго развѣсистыя деревья бульвара, бѣлыя стѣны домовъ, точно омытыя по праздничному лучами этого солнца и отраженіемъ снѣжной глади... всюду ширина, просторъ, свидѣтельствующіе ярче всего о «русскомъ» происхожденіи этого города — все это вмѣстѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на мои утомленные нервы и наполняло

грудь особенно легкимъ ощущеніемъ. Хотѣлось летѣть все быстрѣй и быстрѣй. Мой кучеръ, красивый ярославецъ, съ черной окладистой бородой, точно понимая меня, натягивалъ возжи, пригибался впередъ, и «сѣрый», капризно вздирая голову, летѣлъ стрѣлой.

Черезъ нѣсколько минутъ такой, захватывающей духъ, ѣзды, мы проѣхали уже весь бульваръ и медленно повернули на набережную. Мѣсто, гдѣ бульваръ упирался въ набережную Волги, называется «Стрѣлкой». Здѣсь рѣшетка набережной дѣлаетъ маленькое закругленіе, соединяясь съ рѣшеткой моста, перекинутаго черезъ главный спускъ къ рѣкѣ. Отсюда удобнѣе всего любоваться красавицей-Волгой, и, какъ бы для этого, здѣсь, подъ сѣнью нѣсколькихъ деревьевъ, устроена длинная скамья. А любоваться есть чѣмъ. Волга у Ярославля будетъ пошире Невы. Тотъ берегъ, гдѣ я находился,— нагорный. Онъ виситъ на нѣсколько десятковъ саженъ и отсюда вся *Тверицкая* часть, расположенная на противуположномъ низменномъ берегу, и самая Волга, убѣгающая широкой лентой въ безконечную даль, какъ на ладони.

Когда я впослѣдствіи громко восхищался передъ знакомымъ этимъ видомъ, мнѣ говорили: — «Это что! Вы пріѣзжайте лѣтомъ! Вотъ тогда дѣйствительно стоитъ посмотрѣть»...

Своей набережной Ярославль можетъ гордиться. Это не набережная Невы съ ея гранитнымъ основаніемъ и широкими панелями, но для провинціальнаго города она очень хороша. Основаніе набережной выложено дикимъ камнемъ, откосы обложены дерномъ, а наверху устроенъ бульваръ, обнесенный со стороны Волги чугунной рѣшеткой. Набережная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзана съѣздами къ Волгѣ и къ пароходнымъ пристанямъ. Бульваръ, идущій по большей части небольшой набережной, представляетъ собой два ряда красиво подстриженныхъ деревьевъ. Маленькіе бѣлые домики, съ балконами и верандами, обнесенные съ передней стороны палисадниками, очень симпатичны.

Рѣзко выдѣляются изъ ряда этихъ, болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга домиковъ, два величественныя зданія, стоящія на разныхъ концахъ набережной: духовная семинарія — налѣво и домъ губернатора направо. Семинарія, окрашенная темно-коричневой масляной краской, съ золотыми украшеніями по фасаду, составляетъ

предметъ вниманія всѣхъ, подъѣзжающихъ къ Ярославлю Волгой отъ Рыбинска.

Губернаторскій домъ, къ которому я теперь подъѣзжалъ,—большое трехъ-этажное зданіе, тоже темно-коричневаго цвѣта, съ широкимъ балкономъ на Волгу и большимъ садомъ, обнесеннымъ каменной оградой, сзади.

Спустя часа два, я опять садился въ маленькія саночки, на этотъ разъ спеціально чтобы осмотрѣть городъ. Проѣхавъ короткой улицей мимо губернаторскаго сада, мы выѣхали на большую площадь, уставленную въ живописномъ безпорядкѣ большими домами и церквами.

Здѣсь расположены главныя присутственныя мѣста въ огромныхъ зданіяхъ Екатерининской постройки, съ вогнутыми внутрь фасадами, на подобіе главнаго штаба въ Петербургѣ. Тутъ и губернское правленіе, и казенная, и контрольная палаты, и полицейское управленіе, и гауптвахта—словомъ все.

Это Ильинская площадь — центръ города. Выѣхавши изъ полукруга, образуемаго этими зданіями, я очутился на большомъ полѣ, совершенно неопредѣленныхъ очертаній.

Вотъ, посреди него церковь, вдали другая, а рядомъ третья; гляжу возлѣ себя, ѣду тоже мимо церковной ограды. Церкви попадаются весьма оригинальныя: низенькія, раскрашенныя картинами изъ священнаго писанія, съ какими-то пирамидальными башенками и непремѣнно окруженныя оградой и палисадникомъ. Такія церкви и такое множество ихъ я видѣлъ только въ Москвѣ. Довольно сказать, что, на 35—36 тысячное населеніе Ярославля, въ немъ имѣется церквей 56-ть, вмѣстѣ съ домовыми, и 3 монастыря. А нѣкій учитель риторики, г. Предтеченскій, еще 100 лѣтъ тому назадъ, сочинилъ слѣдующіе стихи, подъ названіемъ: «Благоучрежденный Ярославль»:

«На славный Ярославль лишь взоръ я устремляю,
Не меньше въ немъ одномъ чудесъ я обрѣтаю;
Не храмъ Діанинъ здѣсь я зрю, не пирамидъ,
Но что чудесный мнѣ являетъ видъ?
Огромность, множество храмовъ тѣхъ освященныхъ,
Гдѣ отъ сердецъ, огнемъ любви къ Творцу возженныхъ,
Курится искренней молитвы фиміамъ,
Всходящій съ спѣшностью къ превыспреннымъ мѣстамъ;
Гдѣ Вышній благодать на вѣрныхъ изливаетъ,
Пороковъ убѣгать, жить свято научаетъ»...

Подвигаясь впередъ по площади, я замѣтилъ впереди мѣдный памятникъ, окруженный скверомъ. Это памятникъ Павлу Григорьевичу Демидову; а вонъ, недалеко отъ него, гордо высится большой, краснаго цвѣта домъ.

Это домъ городскаго головы г. Вахромѣева, знаменитый въ Ярославлѣ тѣмъ, что его строилъ Растрелли. Впрочемъ, если вѣрить преданіямъ,—ибо домъ ничего особеннаго во внѣшности своей не имѣетъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, и даетъ понятіе только о внушительности и прочности.

Лучшіе дома принадлежатъ богатымъ купцамъ. Таковы: домъ Пастухова, архимилліонера, торгующаго желѣзомъ; его жилище, въ видѣ нѣсколькихъ каменныхъ флигелей, обнесенныхъ обширной каменной оградой, представляетъ собой какъ бы крѣпость. Затѣмъ, громадный домъ, бывшій купца Политаева, по виду — дворецъ, съ массивными окнами и дверьми. Домъ купца Сорокина, хозяина бѣлильныхъ заводовъ, — маленькій palacco въ заграничномъ стилѣ, съ колоннами и зеркальными стеклами. Домъ Пастухова-сына и проч.

Всѣ лучшіе дворянскіе дома сосредоточены на Дворянской улицѣ. Эта улица, по моему, самая симпатичная въ Ярославлѣ, дѣйствительно сохранила еще въ себѣ остатки Ярославля дворянскаго. Тамъ вы не встрѣтите громадныхъ зданій, отъ которыхъ какъ бы пахнетъ деньгами и купечествомъ. Тамъ, съ обѣихъ сторонъ ея, тянется рядъ низкихъ домовъ, въ большинствѣ случаевъ — деревянныхъ, съ обширными дворами и пристройками сзади. Это ужъ совсѣмъ помѣщичьи дома, хотя незатѣйливые, но легкіе и изящные.

Домъ г. Горяинова, ярославскаго уѣзднаго предводителя дворянства, особенно останавливаетъ вниманіе своей простотой и изяществомъ.

На этой улицѣ, ровной, прямой и свѣтлой, чувствуется какъ-то особенно хорошо. Тутъ всегда тихо, тутъ ничто не поражаетъ и не останавливаетъ исключительнаго вниманія; но все вмѣстѣ какъ-то особенно гармонично и уютно, если такъ можно выразиться; гуляя впослѣдствіи довольно часто по этой улицѣ, я всегда испытывалъ,

лишь только вступалъ на нее, сладостное обаяніе провинціи, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Городъ прекрасный... сказалъ я себѣ, но люди гдѣ?

— Отчего у васъ такъ пусто? рѣшился я обратиться къ моему возницѣ.

— Хе! ухмыльнулся онъ. Видно не привыкли, баринъ. У насъ завсегда такъ. Только сегодня еще люднѣй, потому на Духовской, значитъ, катаніе!

— Это чтожъ такое? Улица такая?..

— Точно-такъ-съ! Купечество катается...

— Да ты ступай туда!

— А вотъ мы сейчасъ и подъѣдемъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту, насъ чуть не сшибъ на перекресткѣ лихой рысакъ, запряженный въ бѣговыя саночки; рысакомъ правилъ, весь красный отъ мороза и бѣлый отъ снѣжной пыли, молодой человѣкъ, всѣмъ туловищемъ легши на возжи. Однако лошадь что-то плохо его слушалась; не сверни во-время въ улицу мой ловкій ярославецъ, намъ всѣмъ пришлось-бы плохо.

— Экъ, лѣзетъ!.. процѣдилъ онъ сквозь зубы, косясь на бѣлокраснаго юношу, который, повидимому, мало обратилъ вниманія на этотъ случай.

Мы теперь ѣхали рядомъ съ нимъ, и онъ всѣ свои усилія сосредоточилъ на то, чтобы не дать намъ заѣхать впередъ. Но мой ярославецъ, разозленный такой неосторожностью, рѣшился наказать юношу. Его «вороной» былъ безспорно лучше нашего «сѣраго». Но онъ былъ совсѣмъ взмыленъ и ошеломленъ безтолковымъ дерганіемъ, то бросался въ стороны, то заскакивалъ, то вдругъ осаживалъ. Мой же ярославецъ, пригнувшись впередъ, только натягивалъ возжи, и черезъ секунду мы доблестно одержали побѣду, оставивъ позади и пыхтящаго юношу и гнѣвно-фыркавшаго, въ pendant ему, «вороного».

— Потише, потише... упрашивалъ я кучера. Мнѣ хотѣлось внимательно осмотрѣться. Мимо меня то и дѣло мелькали то парныя, то одиночныя, то бѣговыя сани. Уносили ихъ дорогіе рысаки и правили ими толстые кучера. Не было возможности вглядѣться въ лица сидящихъ, какъ за быстротой ѣзды, такъ и за снѣжной пылью, столбомъ стоявшей въ воздухѣ. Часто по нѣсколько саней гнались между собой въ рядъ, рискуя столкнуться и разбиться въ щепки.

Но видимая опасность ни мало не устрашала ѣздоковъ. Ихъ лица сіяли безпечнымъ счастіемъ и лоснилась румянцемъ. Ихъ видимо опьяняла эта бѣшеная гонка и въ этомъ опьянѣніи сказывалась чисто русская, здоровая, требующая простору, натура.

Духовская улица въ Ярославлѣ—это нашъ Невскій. Не слишкомъ широкая, но и не узкая, уставленная красивыми каменными зданіями въ два и три этажа, она болѣе другихъ улицъ представлялась мнѣ *благоустроенной*. Для катающихся она представляетъ несомнѣнныя удобства своей длиной, прямотой и ровностью. Поэтому, и споконъвѣковъ уже она въ праздничные дни является мѣстомъ ристалища ярославскаго купечества, отводящаго здѣсь душу отъ 6-ти дневнаго сидѣнія въ лавкахъ, на заводахъ, или въ конторахъ за счетами. Ихъ ожирѣвшія и упитанныя тѣла безспорно нуждаются въ этомъ моціонѣ. Это съ одной стороны. А съ другой, также нуждается и ихъ самолюбіе въ этой бѣшеной скачкѣ, дающей имъ возможность показать *всему* городу: *свою* лошадь, *свою* запряжку, *своего* кучера.

Но это невинное удовольствіе допускается только разъ въ недѣлю, исключая масляницы, когда катаются ежедневно.

Доѣхавъ до конца улицы, мы повернули вслѣдъ за другими. Тутъ усталыя лошади нѣкоторое время идутъ шагомъ, и, благодаря этому, я могъ внимательнѣе разглядѣть катающуюся купеческую публику. Особеннаго я ничего не увидалъ, но, впрочемъ, внѣшняя сторона этой публики была очень прилична. Раскраснѣвшіяся лица, заиндѣвшіе усы и бороды, дѣлали ихъ всѣхъ похожими другъ на друга. Впрочемъ, опытнымъ глазомъ можно было различить два—три личика лучше прочихъ, то что называется «смазливенькихъ».

Вечеромъ, въ тихомъ настроеніи входилъ я въ залу ярославскаго театра, входилъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, памятуя значеніе этого театра въ исторіи Русскаго драматическаго искусства.

Зданіе театра, выстроенное въ 1820 году, было обновлено въ 1882 г.; внутри оно такъ же хорошо какъ и снаружи. Три яруса ложъ и галлерея, довольно обширный партеръ, широкіе корридоры и два небольшія, изящно меблированныя фойе, все это слишкомъ достаточно для провинціальной публики, особенно для ярославской...

Но если-бы *Волковъ* жилъ въ наши времена, онъ-бы навѣрно не основалъ своего перваго театра въ Ярославлѣ. Это впечатлѣніе я вынесъ, посѣщая довольно часто ярославскій храмъ «Мельпомены». Мнѣ не случалось ни въ одномъ городѣ видѣть такого равнодушія, такой апатіи, даже такой враждебности, можно сказать, къ сценѣ, какъ въ ярославцахъ. Хотя, можетъ быть, они по своему и правы..

Входя съ благоговѣніемъ въ залу ярославскаго театра, я вышелъ оттуда съ страшной головной болью, да вдобавокъ и съ пустымъ желудкомъ. (За обѣдомъ меня накормили прескверно). «Прекрасная Елена» оказалась дамой и некрасивой и безголосой, хрипѣвшей вмѣсто пѣнія и кривлявшейся вмѣсто игры...

Два зимніе мѣсяца, прожитые мною въ Ярославлѣ, не оставили во мнѣ тяжелаго впечатлѣнія провинціальной скуки. Напротивъ, впечатлѣніе осталось скорѣе благопріятное, хотя не потому, чтобы Ярославль, въ смыслѣ общественной жизни, былъ веселѣе прочихъ провинціальныхъ городковъ нашей отчизны. Въ этомъ отношеніи, милый Ярославль вполнѣ подчиняется тому общему правилу, или, вѣрнѣе, тому Року, который повисъ надъ нашей провинціей съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ; и деньги, и веселье, и одушевленіе, и искусства—все безъ оглядки укатило по гладкимъ рельсамъ въ шумныя столицы, чтобы тамъ, закружиться въ вихрѣ постояннаго праздника, а за ними, въ ихъ родныхъ гнѣздахъ, остались постоянные будни.

Ярославль, я говорю, не избѣгъ этой общей участи. Даже пожалуй болѣе другихъ своихъ собратьевъ, благодаря близкому сосѣдству Москвы. Но это не могло его умертвить, или низвести до степени—глуши. Напротивъ, богатый и красивый русскій городъ остался имъ и понынѣ, и трудовая жизнь его только выиграла, только болѣе развилась насчетъ исчезнувшей общественной.

Ярославль остался вѣренъ своему исконному назначенію. Онъ никогда собственно и не былъ городомъ барскимъ — дворянскимъ. Ярославскіе князья и дворяне, потомки Ярославскихъ удѣльныхъ князей, какъ извѣстно, не дорожили своими вотчинами и удѣлами. Имъ было выгоднѣе продавать ихъ Московскому князю, и самимъ беззаботно жить на Москвѣ, чѣмъ заниматься государственными дѣлами въ своихъ крохотныхъ владѣніяхъ, рано или поздно все равно

отошедшихъ бы къ державной Москвѣ. Такимъ образомъ, исчезновеніе боярскаго элемента изъ Ярославля началось уже давно и позднѣйшее сосредоточеніе всѣхъ лучшихъ силъ Россіи въ нѣсколькихъ большихъ ея центрахъ не отозвалось на Ярославлѣ такъ тяжело, какъ на другихъ городахъ. Онъ не вымеръ, не обезлюдѣлъ, какъ тѣ другіе, не заснулъ, онъ только зажилъ своей собственной трудовой жизнью промышленнаго и торговаго пункта, какимъ онъ и былъ за 8 вѣковъ назадъ, какимъ онъ и долженъ быть по своему географическому положенію.

Есть что-то гордое и величественное въ томъ спокойствіи, въ той солидности, въ которыя складываются всѣ внѣшнія проявленія жизни этого города, исключая, понятно, праздничныхъ катаній по «Духовской», на тройкахъ, и тому подобныхъ чисто-русскихъ, невинныхъ удовольствій. Но за то молодежь здоровая, полнокровная купеческая молодежь, которая просто для «моціону» позволяетъ себѣ пошалить и то «при закрытыхъ дверяхъ». Случилось мнѣ разговориться съ однимъ юнымъ ярославскимъ фабрикантомъ, недавно еще однимъ изъ самыхъ крупныхъ городскихъ повѣсъ, а нынѣ счастливымъ семьяниномъ, обладателемъ молоденькой, стройной и хорошенькой супруги.

Сидя въ его богатой гостиной, не лишенной даже вкуса, и всматриваясь въ его юныя, нѣсколько заплывшія черты, въ его приземистую и аппетитную фигуру, развалившуюся на мягкомъ креслѣ, становилось до очевидности яснымъ, что онъ счастливъ и счастливъ поелику только возможно. Даже досадно становилось за это откровенное счастье, точно лѣзшее въ глаза: «на вотъ, смотри, любуйся!»..

— Такъ не скучаете?... спросилъ я его какъ-то невольно, вмѣсто: «скучаете?»

— Нѣтъ, за чѣмъ-же? Дѣло есть... пріятно ухмыльнулся онъ.

— Дѣло дѣломъ, а вотъ развлеченія у васъ совсѣмъ нѣтъ въ городѣ!

— Это точно! Только мы привыкли. Дѣло привычки; опять-же, для кого...

— Что, какъ для кого?

— А вотъ эти самыя развлеченія.

— Мы находили и развлеченія, когда нужно было, самодовольно ухмыльнулся онъ опять.

— Вотъ это-то я-бы и хотѣлъ знать—какъ?... пріятно улыбнулся и я. Говорятъ, вы здѣсь большой Донъ-Жуанъ, ну и... покучиваете.

— Это все было и быльемъ поросло, произнесъ онъ увѣренно, принимая солидную осанку. Ноньче не тѣ времена, да и не за чѣмъ... Жена есть, мы ею довольны... и отъ этихъ словъ его такъ пахнуло самодовольно счастьемъ.

— Вы говорите какъ старикъ, покрайней мѣрѣ, какъ пожилой человѣкъ. Извините за нескромность! Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ-съ?.. 21-ый пошелъ.

— Неужели? удивился я. На видъ ему было не менѣе 25—26-ти. И вы такъ рано женились, и уже такъ разсуждаете?

— Зачѣмъ-же мнѣ много разсуждать? всему свое время. Было время и я пошаливалъ. А теперь баста! Ни-ни.

— А пошаливали?

— Пошаливалъ!

— Въ какомъ видѣ?

— Въ обыкновенномъ-съ...

— Да гдѣ же у васъ?.. Негдѣ, повидимому.

— Найдется, коли захочется. Понятно, не столица, ну а можно и тутъ... Да вотъ мы, бывало, подхватилъ онъ, оживляясь. Насъ это компанія была человѣкъ 7—8. Все такіе же, какъ я. Придетъ это время, что нужно душѣ просторъ дать, соберемся, да въ уединенную гостинницу, въ номеръ, и двери на запоръ. Ну, и значитъ до утра... Просто, безъ затѣй. На утро кого довезутъ, а кто и самъ до дому доберется... И такъ до слѣдующаго разу. Съ насъ хватало. А если ужъ это больно надоѣстъ, такъ и въ Москву можно. Всего ночь ѣзды. Поѣдешь денька это на 3—4, какъ-разъ освѣжишся. Да такъ, что потомъ и мѣсяцъ изъ дому не потянетъ. Это у насъ практикуется въ изобиліи между молодежью...

— Я думаю не между одной молодежью, подмигнулъ я.

— Бываетъ... бываетъ, только рѣдко. Нашъ городъ славится своей, такъ сказать, семейностью. У насъ домашній очагъ строго блюдется, замѣтилъ онъ съ серьезностью, какъ-то не идущей къ его безусому лицу.

— Такъ-съ... протянулъ я, берясь за шапку. Значитъ, или номеръ въ гостинницѣ, или Москва?

— Бываетъ... бываетъ... пробормоталъ онъ, нѣсколько сконфуженный. Онъ какъ-бы испугался за свою откровенность передъ мало-знакомымъ.

— Я подразумѣваю, понятно, молодежь, т. е. холостыхъ, поспѣшилъ я поправиться.

Юный милліонеръ, пріятно улыбаясь, проводилъ меня съ чисто свѣтской любезностью.

— Извините, что жена не вышла, сказалъ онъ уже въ передней. Она въ церковь собирается...

— А вы?

— И я съ ней, какъ же-съ!

— Да вѣдь сегодня будни.

— Это ничего. У насъ ужъ такъ заведено...

Періодическія совѣщанія «при закрытыхъ дверяхъ» въ номерѣ гостинницы или внезапные наѣзды въ Москву «для освѣженія», относящіеся преимущественно, хотя и не цѣликомъ, до юныхъ повѣсъ Ярославля, нисколько не измѣняютъ повидимому того спокойнаго, солиднаго и религіознаго теченія жизни въ ея общихъ чертахъ и съ внѣшней стороны, которое гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ историческимъ прошлымъ этого города, съ чисто-русскимъ характеромъ его купеческаго населенія и даже съ самой внѣшностью его—просторнаго, привольнаго и свѣтлаго, съ рядами бѣлыхъ стѣнъ, съ его 40 церквами, блистающими золотомъ, и величавой гладью могучей Волги.

Вотъ это-то впечатлѣніе гордаго спокойствія, за которымъ чуется сила и нравственная и матеріальная, даетъ Ярославлю своеобычную красоту и интересъ, даже при полномъ застоѣ видимыхъ формъ жизни. Это впечатлѣніе, для новаго человѣка сначала мало-объяснимое, однако, наполняетъ его чѣмъ-то, что не даетъ испытывать жгучихъ приступовъ провинціальной скуки. Это что-то—тотъ покой, который царитъ здѣсь на всемъ и который невольно сообщается и вамъ. Это не апатія, не притупленіе всякой впечатлительности, которую наживаютъ «въ глуши». Это только сознательное спокойствіе людей занятыхъ дѣломъ, съ спокойной (по своему) совѣстью и сво-

бодной волей. Можетъ быть я и ошибаюсь, но таково по крайней мѣрѣ было мое личное впечатлѣніе, которое и останется при мнѣ.

Нельзя сказать однако, чтобы общественная жизнь въ Ярославлѣ совершенно застыла; напротивъ, она течетъ тамъ несравненно бойчѣй, чѣмъ въ сосѣднихъ городахъ этой полосы: Твери, Костромѣ, Вологдѣ и проч. Видны явственныя попытки ярославскаго общества бороться съ провинціальной скукой, разбить окружающій ледъ. Но, увы и ахъ! Попытки, въ большинствѣ случаевъ и остаются попытками, дѣлающими большую честь ихъ предпринимателямъ, а ярославское общество, en masse, не выглядываетъ изъ своей узкой семейной скорлупы. Благія начинанія разбиваются о несокрушимыя преграды, вѣчно и вездѣ встающія на этомъ пути. *Разложеніе* городскаго общества на свои составные элементы и затѣмъ на партіи, взаимный антагонизмъ между ними—вотъ эта несокрушимая стѣна. Въ подмогу ей, выступаетъ еще одна крутая черта ярославскаго населенія, свойственная вообще сѣверу; черта эта можетъ быть названа холодностью темперамента. Она не только убиваетъ въ ярославцахъ способность къ увлеченію и къ личной предпріимчивости (только въ томъ, понятно, что не касается личной наживы, гдѣ ярославецъ не имѣетъ соперника), но и зарождаетъ въ нихъ враждебное недовѣріе къ предпріимчивости чужой. Эта-то черта болѣе всего мѣшаетъ устройству чего бы то ни было для оживленія общества для спасенія его отъ скуки.

Напримѣръ, по иниціативѣ городскаго головы, г. Вахромѣева, человѣка изъ ряду выходящаго своей полезной дѣятельностью для города, отдѣлывается вновь городской театръ. И снаружи и внутри онъ принимаетъ весьма приличный, даже эллегантный видъ, вполнѣ достойный названія «храма искусствъ». Денегъ на это ухлопано порядочно, но... деньги въ Ярославлѣ водятся, значитъ, дѣло не въ томъ. А «суть дѣла въ томъ», чтобы за эти деньги получилось соразмѣрное услажденіе эстетическихъ чувствъ ярославцевъ. Театръ сдается антрепенеру на нѣсколько лѣтъ. Первый годъ онъ собираетъ довольно порядочную труппу, которая при самомъ появленіи ея въ го-

родѣ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ производитъ извѣстную сенсацію среди ярославской публики.

— Все этакіе, знаете, красивые, стройные, эллегантные... описывала мнѣ эту труппу одна, скоро воспламеняющаяся особа.

— Какъ вышли эти первые сюжеты, любовники, значитъ, jeune-premier, пояснила она мнѣ... на бульваръ, такъ, знаете, публика стала даже останавливаться. Всякій это въ цилиндрѣ, одѣтъ изящно, по модѣ, въ перчаткахъ, однимъ словомъ джентльмены. Сейчасъ видно было, что это не какіе-нибудь актеришки, а *настоящіе* актеры, которымъ хорошо платятъ. Да-съ! Такъ вотъ публика и оцѣнила ихъ. Первые спектакли просто мѣста нельзя было добиться, да и потомъ театръ никогда не былъ пустой.

— А теперь всегда пустъ, грустно замѣтилъ я.

— Да что теперь! досадливо махнула она рукой. Пріѣхали какіе-то голыши, оборванцы, ни у кого даже виду приличнаго нѣтъ, не то что эллегантности, или красоты. Развѣ публика можетъ интересоваться такими? Да и притомъ игра ихъ какая? какъ бы въ скобкахъ добавила она.

Труппа настоящаго года, дѣйствительно, была плоха. И ярославцы имѣли полное основаніе на это жаловаться.

Но, право, оперетки и драмы подчасъ шли ужъ не такъ безусловно плохо, чтобы дать зарокъ не заглядывать въ театръ. Плохая срепетовка пьесъ, вызываемая постоянными перемѣнами ихъ и малочисленностью труппы,—вотъ ея главный недостатокъ, присущій, впрочемъ, всѣмъ провинціальнымъ труппамъ. Но ярославцы посмотрѣли на это иначе и обрекли свое, такъ дорого стоющее имъ дѣтище, на медленную смерть. Точно сговорившись (что отчасти и было), они упорно игнорировали самое существованіе театра, и онъ, бѣдный, ежедневно изображалъ пустыню, а его, еще болѣе бѣдный антрепенеръ—хмурую тучу, размѣрами хотя и великую (благодаря толщинѣ), по лицомъ—трогательно безпомощною. Ужъ онъ бросался во всѣ стороны, ставилъ любимыя публикой пьесы, выписалъ на гастроли любимыхъ столичныхъ актеровъ изъ Императорскихъ театровъ, самъ игралъ (а онъ преталантливый актеръ),—все напрасно. Одна срамота только вышла. Даже дорога въ Ярославль столичныхъ звѣздъ не оплачивалась. А самолюбіе ихъ—развѣ мало пострадало?

Еще до меня, говорятъ, пріѣзжала въ Ярославль извѣстная московская Ѳедотова. Театръ, несмотря на заблаговременные анонсы, былъ такъ трогательно пустъ, что наша отечественная звѣзда, ветеранъ нашей драмы, немедленно принуждена была покинуть сей гостепріный градъ; отряхая въ немъ прахъ отъ ногъ своихъ, она воскликнула на прощаніе: «больше моя нога здѣсь не будетъ».

Не сомнѣваюсь, что въ этомъ прискорбномъ инцидентѣ, incident facheux, какъ теперь объясняются наши дипломаты, кроется какое-либо недоразумѣніе, какая-нибудь случайность, помѣшавшая ярославцамъ поспѣшить привѣтствовать нашу знаменитость. Иначе ужъ это вышло бы больно некрасиво и какъ-то даже не въ духѣ *русскаго* гостепріимства, не говоря ужъ о европейской вѣжливости. Была эта случайность или нѣтъ, но что, помимо ея, въ ярославцахъ много упрямства и недовѣрчивости—это не подлежитъ сомнѣнію.

— Экъ распечаталъ!.. Такой-то, такая-то, такъ они и пріѣдутъ, такъ и станутъ играть. Надуетъ опять, лишь бы деньги забрать... говоритъ какой-нибудь анти-театралъ, читая афиши.

Съ нынѣшняго года открылся, или, скорѣе, возобновился, когда-то существовавшій въ Ярославлѣ «музыкально-артистическій кружокъ». Возобновился онъ по почину одной дамы, представительницы мѣстной купеческой интеллигенціи. Дама эта, прекрасная артистка, неоднократно испытывавшая свои силы на любительскихъ спектакляхъ, принялась за дѣло съ жаромъ, и казалось всѣ обстоятельства сами шли на-встрѣчу успѣшному достиженію цѣли.

Прежде всего найдено было для кружка помѣщеніе, которое безъ преувеличенія можно назвать *идеальнымъ*. Это домъ—дворецъ купца П. Въ провинціи такой домъ долженъ составлять предметъ исключительнаго вниманія.

Выстроенъ онъ былъ не очень давно извѣстнымъ въ Ярославлѣ богатымъ комерсантомъ П., основавшимся въ немъ съ пышностью маленькаго князька. Домъ выходитъ фасадомъ на двѣ улицы и уже одна архитектура его, хотя нѣсколько тяжелая, но изящная и законченная, его громадныя каменныя ворота, высокія, сводчатыя окна и легкая балюстрада, идущая по всему верхнему карнизу,—все это могло бы служить украшеніемъ любой изъ столичныхъ улицъ. Вы входите въ массивныя двери подъѣзда, подымаетесь по прямой лѣстницѣ (впрочемъ, нѣсколько убогой сравнительно съ прочимъ) на площадку бель-этажа, оттуда двѣ двери направо —въ залы и дверь налѣво—въ гостиныя.

(Кстати кушанія приготовляются прекрасно. Словомъ, въ отношеніи всякихъ удобствъ—это не провинціальное, а вполнѣ столичное учрежденіе).

Взгляните теперь на эти высокіе потолки, на тяжелыя, полукруглыя двери изъ цѣльнаго, рѣзнаго, полированнаго дуба, на эти мозаичные паркеты, представляющіе въ настоящее время даже нѣкоторую рѣдкость, и вы скажете, что такое помѣщеніе для любительскаго кружка—просто находка, которой слѣдуетъ пользоваться и наслаждаться. Казалось бы, что одно ужъ это комфортабельное помѣщеніе должно бы привлекать сюда засидѣвшихся по домамъ ярославцевъ, служить мѣстомъ ихъ общаго rendez-vous!.. Не тутъ-то было!.. Но я на минуту отвлекусь.

Не безъинтересно, какъ досталось кружку эта находка. Старикъ П., водворившись въ своемъ palacco, зажилъ совсѣмъ по монастырски. Его дубовыхъ рѣзныхъ дверей, его мозаичныхъ паркетовъ и мраморныхъ стѣнъ никто почти и не видалъ и, вѣроятно, долго бы не увидѣли, если бы не услужливый племянничекъ старика—г. П. № 2-й. Этого знаетъ въ Ярославлѣ не только всякое живое существо, но кажется и всякій уголъ.

У дяди съ племянникомъ было очень большое состояніе, не раздѣльное. Все состояніе почти было въ дѣлѣ, если не ошибаюсь, хлѣбномъ. Обороты его давали тысячъ до 100 доходу. Жить, значитъ, можно было. Фирма П. пользовалась безупречной репутаціей и существовала давно.

Въ одинъ прекрасный день, предпріимчивый племянничекъ потребовалъ у своего дяди ni plus, ni moins какъ раздѣла—выдачи ему чистоганомъ его части, которая простиралась, какъ говорятъ, до полумилліона. Дядя ошалѣлъ.

— Что ты?.. Почему?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь ты получаешь прекрасные проценты?

— Мало, мало! твердилъ юный предприниматель.

— Но вѣдь это разоръ!.. опомнись! Вѣдь надо ликвидировать дѣло!.. Вѣдь денегъ у меня нѣтъ!.. Это, значитъ, все остановить, разориться...

— Хочу и хочу!.. твердилъ упрямецъ. Его хотѣніе, впрочемъ, совершенно законное, было вскорѣ исполнено, но въ результатѣ оказалось обоюдное разореніе и дяди и племянника. Оба они разорились почти въ одно время и весьма скоропостижно. Дядя безъ денегъ не могъ продолжать дѣла и объявился несостоятельнымъ. Домъ и все имущество его пошло въ уплату долговъ. Между прочимъ его роскошный palaco, стоющій владѣтелю болѣе 100,000 р. недавно купленъ съ торговъ за 40,000 р., то, что онъ стоилъ бы только на сломъ. Племянникъ съ деньгами завелъ такое дѣло, что только дымъ пошелъ коромысломъ по благочестивому Ярославлю, и на этихъ дняхъ кончается, если уже и не кончился. Въ какой нибудь годъ-два прожито имъ около 400,000 руб., и теперь, кромѣ дорогихъ лошадей, экипажей, у него ничего нѣтъ. Перспектива сего юнца не завидная, ибо безъ денегъ, безъ образованія и вообще безъ какихъ бы то ни было научныхъ или практическихъ знаній, онъ о трудѣ и помышлять не можетъ. А богатое ярославское купечество, родственное ему и по связямъ и по прежнему хлѣбосольству, нынѣ отзывается о немъ такъ: «да куда-же онъ годится? Кто-жъ его возметъ даже въ прикащики?..»

Ужь больно не по Ярославски видно жилъ бѣдный П.

Но возвращаюсь къ артистическому кружку. И такъ, самое главное, т. е. помѣщеніе, нашлось. Кружокъ его нанялъ за 500 р. на сезонъ, и одни членскіе взносы окупили этотъ расходъ съ избыткомъ. Затѣмъ нашлось и второе, не менѣе важное—нашлись хорошіе любители-актеры и артисты. Одна г-жа П., исполнительница кружка, могла бы служить украшеніемъ всякой сцены, не говоря уже о любительской. Я видалъ ее въ модной пьесѣ «Надо разводиться», и, признаюсь, очевидность превзошла мои ожиданія. Ея нервная, полная огня игра имѣетъ много общаго съ игрой г. Савиной, а сценическая наружность и видимая привычка къ сценѣ доставляютъ зрителю удовлетвореніе. Недостатокъ выдержки и отчетливости въ игрѣ—вотъ все, что можно поставить въ упрекъ талантливой г-жѣ П.

Нашлись и другіе таланты. Напр. молодой г. З., мѣстный Донъ-Жуанъ, сердцеѣдъ и проч., положительно одинъ изъ лучшихъ jeune-premier'овъ, какихъ мнѣ случалось видѣть. Удивительная память и полное спокойствіе на сценѣ—заставляютъ забывать, что это только

любитель, а не заправскій актеръ. Словомъ, казалось бы дѣло въ шляпѣ. Нашлись и музыканты, и пѣвцы, не нашлось только одного—должнаго сочувствія мѣстнаго общества къ такому прекрасному дѣлу. Два-три порядочныхъ спектакля съ танцами—вотъ все, чѣмъ разрѣшился пресловутый кружокъ во всю зиму. Собственно кружковскіе вечера — происходили по два раза въ недѣлю; но что это были за вечера?.. Бывало, поднимаешься по лѣстницѣ, оркестръ гремитъ, пріятное оживленіе ускоряетъ шаги; проходишь рядъ элегантныхъ комнатъ, и съ каждымъ шагомъ все болѣе ежишься отъ холода и еще чего-то, что всегда предвѣщаетъ тоску. Въ «карточной» еще кое-какъ людно, винтятъ, а тамъ... дальше хоть шаромъ покати. Блестящая зала пуста; громъ трубъ раздается унылымъ эхомъ въ ея просторныхъ стѣнахъ, и увлекательный темпъ вальса, мало по малу, звенитъ въ вашихъ ушахъ похороннымъ маршемъ. Господи, кого же это хор... подумаете вы, вздрагивая. Одна пара пытается танцовать, другая спокойно дремлетъ у стѣны, а черезъ секунду и первая присоединяется къ ней, и дремота становится общей.

Затѣмъ потрудитесь заглянуть въ другой храмъ мѣстныхъ развлеченій—въ ярославскій офицерскій клубъ. Тамъ не найдете вы ни дубовыхъ дверей, ни высокихъ потолковъ, ни мозаичныхъ половъ. Тамъ васъ жмутъ, тамъ тѣсно, сѣро и неказисто. Но тамъ лишь только очутитесь вы въ передней, васъ оглушаетъ шумъ шпоръ, говора, смѣха и увлекательный вальсъ звучитъ не похоронами. Офицеры, и старъ и младъ, умирать еще не собираются. Дамы одѣты за-просто, но за то въ лицѣ, въ глазахъ у нихъ настоящій праздникъ, оживленіе настоящаго бала. Общество простое, штатскихъ почти не бываетъ, дамы преимущественно «военныя»: или полковыя, или мѣстныя барышни, въ домахъ у которыхъ завсегдатаетъ «офицерство». Это совсѣмъ отдѣльный кружокъ, маленькій, но сплоченный и оживленный. Кружокъ этотъ, единственный въ Ярославлѣ, не скучаетъ. Офицеровъ бездна. Танцуютъ они, надо сознаться, до самозабвенія. Иной бы и не прочь постоять, а то и въ картишки,—но строгое начальство (дай Богъ ему долгаго существованія) зорко слѣдитъ за такой контрабандой.

«Что-бы дамы не сидѣли!»—девизъ генераловъ и полковниковъ, и дамы тамъ дѣйствительно не сидятъ и не скучаютъ.

Можно же, значитъ! Не замерзъ-же Ярославль, — но упрямый— гордый своей скукой Ярославль хочетъ скучать и—баста!

То, что на первый взглядъ казалось гладкимъ, безцвѣтнымъ, потомъ облеклось въ свои формы, полныя для меня жизни и интереса.

Разставаясь съ красивымъ Ярославлемъ, я желалъ только одного—поскорѣе съ нимъ свидѣться...

Выше я сказалъ, что Ярославль остался вѣренъ своему историческому назначенію; что въ немъ насчетъ отсутствующей общественной, другими словами — *праздной* жизни, развилась трудовая, въ смыслѣ торговли и промышленности.

И дѣйствительно, подъ покровомъ кажущагося застоя, затишья, въ городѣ и окресностяхъ его кипитъ лихорадочная дѣятельность, пыхтятъ и свистятъ паровики, изъ высокихъ трубъ клубится дымъ, десятки тысячъ человѣческихъ рукъ и днемъ и ночью вальцуютъ, прессуютъ, ткутъ, крошатъ и пр., доходя до одури, до изнеможенія. Если скажемъ, что въ Ярославлѣ, на его 30,000 коренное населеніе, приходится до 270 всѣхъ фабрикъ и заводовъ, читателю это станетъ понятнѣе.

Особенно замѣчательныя: бумаго-прядильная фабрика *Корзинкина*, паровая крупчатная мельница *Вахромьева* (городскаго головы), табачныя фабрики *Дунаева* и *Вахромьева*, колокольный заводъ *Оловянишникова* и бѣлильные заводы *Сорокина*.

Мануфактура Корзинкина и К°, выдѣлывающая въ сыромъ видѣ ситецъ, помѣщается на окраинѣ города, за которымъ ея обширные фасады виднѣются издалека, и ночью, когда заблестятъ пять рядовъ ея безчисленныхъ оконъ и темная даль оказывается точно прорѣзанной огненными полосами, — можно залюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Корзинкинская фабрика—ше-девръ изящества, чистоты, порядка и всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій. Передъ ней блѣднѣютъ всѣ видѣнныя мною до сихъ поръ фабрики и, въ томъ числѣ, знаменитая Тверская мануфактура Морозовыхъ. Трудно повѣрить разсказамъ, какъ все хорошо устроено у Корзинкиныхъ. Нужно быть здѣсь самому, и хотя бѣглымъ взглядомъ обойдти всю внутренность этихъ гигантскихъ фабричныхъ и рабочихъ корпусовъ, чтобы понять, что значитъ «благоустройство» на фабрикѣ.

Широкіе корридоры, высокіе потолки, изобиліе свѣта, воздуха, лоснящіеся асфальтовые полы, блестящія желѣзныя лѣстницы, кухни съ чудовищными печами, гдѣ сразу, въ полчаса, можетъ быть сварена пища на 300—400 челов., каждому въ отдѣльной посудѣ, совершенно новые душники для самоваровъ, въ видѣ множества трубъ, висящихъ съ потолка, подъ которыя только стоитъ приставить горлышко самовара, вентиляція помощью особаго устройства въ стѣнахъ цѣлой системы трубъ, дѣйствующихъ по законамъ движенія теплаго и холоднаго воздуха, словомъ, все вмѣстѣ представляетъ собой что-то не русское; русскаго заскорузлаго рабочаго, или его босаго, остриженнаго въ скобку мальчишку, какъ-то даже странно видѣть въ этихъ странахъ, гдѣ наука и теплая заботливость, одинаково ему диковинныя, создали для него пріятные часы досуга, послѣ тяжкаго труда.

Войдя въ ново-устроенную на 80 кроватей больницу, я просто ахнулъ отъ изумленія. Это ужъ не удобство, это комфортъ, безъ преувеличенія. Полы и стѣны выкрашены масляной краской; большія палаты въ два свѣта, корридоры, какъ залы, словомъ, все это обошлось фабрикѣ только 100 т. руб. съ лишнимъ. Обученіе дѣтей въ школѣ идетъ образцово. Въ 12—13 лѣтъ дѣти кончаютъ полный курсъ начальныхъ училищъ, причемъ учатся и пѣнію. Обширныя бани для рабочихъ, богадѣльня для стариковъ, библіотека, читальня, маленькій клубъ для всѣхъ служащихъ на фабрикѣ, гдѣ устраиваются вечеринки и спектакли, надо думать болѣе посѣщаемыя, чѣмъ «кружковскія»,—все это дѣлаетъ фабрику Корзинкиныхъ совершенно особымъ міромъ, живущимъ своею жизнью, независимою отъ города, и, надо сознаться, несравненно болѣе оживленной.

Во главѣ фабрики стоитъ директоръ—англичанинъ. Личность, представляющая нѣкоторой интересъ. Поднявшись изъ передней, по желѣзной лѣстницѣ, въ его апартаменты и войдя въ кабинетъ, я уже имѣлъ о немъ достаточное понятіе. Поразительная чистота, скорѣе лоскъ на всемъ окружающемъ, дорогое и въ то же время строго простое убранство комнатъ, уютность, печать жизни на всемъ—достаточно характеризовали уже хозяина. Онъ вошелъ не торопясь, съ достоинствомъ и привѣтливостью.

Я сразу почувствовалъ къ нему симпатію и сразу свободно разговорился. Много интереснаго поразсказалъ онъ мнѣ изъ своей 25-ти-

лѣтней практики фабричнаго директора. Много наблюденій, много мѣткихъ взглядовъ, но... это затянуло-бы слишкомъ пребываніе читателя па Корзинкинской фабрикѣ. Директоръ Шокроссъ—человѣкъ недюжинный и по уму и дѣятельности. Его любятъ всѣ, отъ послѣдняго рабочаго до хозяина фабрики. Доказательства тому помѣщаются у него въ кабинетѣ, въ шкафу за стеклянными дверями. Оттуда выглядываютъ кубки, подсвѣчники, портсигары и проч. цѣнныя вещицы: все подарки рабочихъ въ 25-лѣтній юбилей директора. А попросите любезнаго хозяина показать вамъ его часы, вы залюбуетесь чуднымъ хронометромъ, выбивающимъ часы, четверти и минуты. Этотъ хронометръ, заказанный въ Англіи Корзинкинымъ за 1,500 р., поднесенъ имп былъ г. Шакроссу въ тотъ же день юбилея, вмѣстѣ съ чекомъ на 25,000 руб. Вотъ это называется любить и цѣнить! Прибавимъ еще, что почти столько-же директоръ получаетъ ежегоднаго содержанія, не считая прибыли на свой пай по фабрикѣ.

Г. Шокроссъ въ правѣ предпочитать свой постъ любому изъ министерскихъ.

Когда, сопутствуемый имъ, я сталъ обходить фабрику, мое вниманіе не менѣе было поглощено самимъ директоромъ, чѣмъ окружающимъ. Надо было только видѣть эту старческую фигуру, обходящую тихимъ, но ровнымъ, какъ часы, шагомъ, свои обширныя владѣнія, его прямую осанку и плавныя, чисто англійскія движенія, его едва замѣтные жесты, которые понимались рабочими скорѣе и лучше криковъ, самое выраженіе наконецъ лицъ рабочихъ, встрѣчающихъ его, чтобы оцѣнить этого человѣка не дешевле того жалованья и тѣхъ подарковъ, которые дала ему любовь хозяина и рабочихъ.

Особенное вниманіе мое, не говоря о чистотѣ и проч., привлекло обиліе всевозможныхъ противупожарныхъ средствъ: куда ни взгляни сбоку, сверху, снизу, вы видите трубы, насосы, уложенные аккуратно въ ящикахъ, цѣлые ряды полныхъ ведеръ, или десятки душей, дѣйствующихъ при малѣйшемъ нажатіи пружины. Въ отдѣлѣ сортировки хлопчатой бумаги, гдѣ пожаръ можетъ случиться всякую минуту отъ загоранія попадающихся въ сыромъ матеріалѣ спичекъ, мѣры противъ него достигаютъ предѣла возможности. Если сразу

пустить всю, имѣющуюся подъ руками здѣсь воду, то можно этотъ громадный отдѣлъ буквально затопить въ нѣсколько минутъ.

— У васъ вѣрно никогда не было пожаровъ? спросилъ я.

— Да!... У насъ этотъ часть довольно хорошо... Фпрочемъ пожаръ былъ...

— Давно?..

— Кода два назадъ... Я здѣсь 25 лѣтъ директоръ, такъ разъ только... И то безъ меня...

— А вы были въ отпуску?..

— Нѣтъ! Я въ 25 лѣтъ ни одна ночь не ночевалъ не на фабрикѣ. Разъ только случилось... Одна ночь въ 25 лѣтъ... Я ѣхалъ къ семейству на дачу... Тогда и загорѣлось...

— И что-жъ?...

— Послали за мной. Ничего, потушили...

— И съ тѣхъ поръ ужъ вы не уѣзжаете?... улыбнулся я.

— Съ тѣхъ поръ—нѣтъ! улыбнулся и онъ.

Мы подымались въ шестой этажъ по желѣзной лѣстницѣ и я, держась за перила, едва волочилъ ноги. Если бы не плавно и твердо двигающаяся предо мной фигура директора, я бы просто опустился на ступеньки. Наконецъ я не выдержалъ, любознательность и все куда-то исчезли.

— Не довольно-ли? Вы устали?.. схитрилъ я.

— О! Ничего! Я сегодня уже не въ первый разъ я обхожу и еще придется...

Я начиналъ ошалѣвать. Шумъ въ ушахъ, въ ногахъ, въ головѣ, всѣ члены точно чужіе.

— Уфъ! Усталъ... пробормоталъ я.

— Ужъ немного!.. Еще одинъ отдѣлъ... и опять мѣрно закачалось его туловище и также мѣрно сталъ объяснять онъ мнѣ новыя машины. Но я ровно ничего не понималъ. Наконецъ... вотъ контора, и я сѣлъ, скорѣе упалъ, на стулъ, а мой англичанинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ отдавать еще приказанія, и, вернувшись, не касаясь стула, повелъ мнѣ домой. «Вотъ такъ ноги!» думалъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, глядя вслѣдъ англичанину.

Наконецъ, мы и въ кабинетѣ. Я бросился на мягкій диванъ и испыталъ «неземное блаженство».

Нѣсколько стакановъ ароматическаго чаю съ густыми сливками и нѣсколько рюмокъ чудной мадеры примирили меня окончательно съ безжалостнымъ директоромъ и съ его убійственными лѣстницами.

(Вся фабрика, отъ перваго до послѣдняго камешка, выстроена г. Шокроссомъ).

Мы опять разговорились.

— А гдѣ же прежде были? спросилъ я его. Въ Англіи?

— Нѣтъ! Тоже въ Россіи. Я былъ директоръ въ Зуевѣ.

— На знаменитой Морозовской фабрикѣ?

— Да!

— И отчего же ушли?

— Съ нимъ нельзя! Онъ странный человѣкъ. Ничего не подѣлаешь. Во все мѣшается самъ! Директоръ—ничего. Директоръ самъ ничего не можетъ приказать, или сдѣлать, а на него сердится, что мало доходу. У Морозова я бы ни за какія деньги не служилъ. Послѣ меня было 9 директоровъ и всѣ ушли гораздо скорѣй, чѣмъ я.

Это характерно, если вспомнишь недавно бывшія на Морозовскихъ фабрикахъ волненія. Между нѣсколькими мѣткими замѣчаніями г. Шокросса на положеніе рабочаго и на мѣры, принимаемыя правительствомъ къ улучшенію его быта, считаю нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе его о новомъ правительственномъ законѣ по отношенію къ «малолѣтнимъ». Законъ этотъ обязываетъ фабрикантовъ ограничить число рабочихъ часовъ для дѣтей отъ 12—15 лѣтъ—8 часами въ сутки. При этомъ являются обязательными занятія дѣтей въ школѣ не менѣе 3 часовъ въ сутки.

Законъ этотъ, при всей его видимой цѣлесообразности, породилъ много неудобствъ, имѣвшихъ за собой весьма плачевныя послѣдствія. Администрація фабрики, изыскивая лучшіе способы примѣненія его, никоимъ образомъ не могла составить надлежащей программы занятія для малолѣтнихъ. Заставить ихъ работать 8 часовъ подрядъ на фабрикѣ и потомъ 3 часа въ школѣ—немыслимо, да притомъ и законъ это воспрещаетъ. Установить періоды работъ на фабрикѣ и занятія въ школѣ, которые бы чередовались между собой и смѣнялись необходимымъ отдыхомъ, значило, съ одной стороны, затянуть работы малолѣтнихъ позже 9 часовъ вечера, что опять законъ воспрещаетъ, съ другой — школьныя занятія для разныхъ смѣнъ сдѣлать продолжающимися цѣлый день, т. е. цѣлый день держать въ

школѣ учителей и учительницъ,—это возможно только при двойномъ ихъ комплектѣ.

Размышляя такъ и иначе, администрація не пришла ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ, и сочла нужнымъ уволить съ фабрики почти всѣхъ малолѣтнихъ, въ количествѣ 150 чел. Для фабрики оказалось выгоднѣе нанять на мѣсто ихъ взрослыхъ, которымъ хотя платится дороже, но за то и число ихъ рабочихъ часовъ въ сутки не ограничено такимъ minimum-омъ. Въ результатѣ—150 дѣтей, способныхъ къ труду, оказались безъ хлѣба.

Между тѣмъ, для достиженія гуманныхъ и вполнѣ раціональныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ правительствомъ,—есть способъ болѣе простой и менѣе тягостный для фабрикантовъ. Стоитъ только обязать ихъ не принимать на фабрики малолѣтнихъ, не окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ, — и все упростится. Тѣ же дѣти фабричныхъ могли бы заниматься съ 9 или 10 лѣтъ въ фабричныхъ школахъ, проходить ихъ курсъ въ 2—3 года, и, имѣя 12, 13 лѣтъ, послѣ окончательныхъ экзаменовъ, поступать на работы. Этимъ достиглось бы гораздо больше. Дѣти, не отрываемыя отъ школы къ фабрикѣ и наоборотъ, не утомляемыя физическимъ трудомъ, лучше бы учились и скорѣе кончали бы курсъ. Затѣмъ, поступивъ на фабрику, они бы, согласно закону, могли и не работать болѣе 8 часовъ въ сутки, что администраціей признается вполнѣ достаточнымъ. Словомъ, тогда и «волкъ былъ бы сытъ и коза цѣла».

У директоровъ разныхъ фабрикъ правительство уже запрашиваетъ по этому поводу отдѣльныхъ мнѣній.

Я былъ очень удивленъ, узнавши, что на Корзинкинской фабрикѣ недавно были безпорядки. Все, что я видѣлъ, нисколько не подавало къ нимъ повода.

Однако, безпорядки были, и только вліяніемъ директора они не приняли широкихъ размѣровъ. Причина въ томъ. За послѣдніе годы, благодаря *необъяснимому*, какъ назвалъ мнѣ г. Шокроссъ, застою въ торговыхъ дѣлахъ и малому спросу ситцевъ, которые, повидимому, употребляются населеніемъ въ прежнихъ, если не большихъ размѣрахъ, во всѣхъ почти фабрикахъ накопились большіе запасы готоваго товару. Въ складахъ Корзинкинской фабрики ихъ лежитъ болѣе *двухъ милліоновъ* пудовъ. Что дѣлать?

Сокращать производство? Увольнять половину рабочихъ?... Оста-

вить тысячи человѣкъ безъ хлѣба?... Г. Корзинкинъ человѣкъ, видимо, сердечный и на такую мѣру не склонился. Къ вящшему ухудшенію дѣла, и тотъ покупатель, который находился, сталъ крайне разборчивъ. Малѣйшія неправильности въ ткани —и браковались цѣлые куски. А когда и гдѣ ихъ не бываетъ?.. Въ бумажномъ производствѣ, гдѣ одному человѣку поручено слѣдить за сотнями убѣгающихъ нитей (мюльныя машины), развѣ возможно поручиться, чтобы одна изъ нихъ не порвалась? Нитку связываютъ, она идетъ въ ткань и вотъ ужъ шереховатость на мѣстѣ узла. Это явленіе болѣе чѣмъ заурядное.

Но надо-же было принудить рабочихъ быть внимательнѣе. Для этого администрація издаетъ правила, коими за извѣстныя порчи товара рабочіе платятся извѣстными штрафами.

Это вызвало сразу ропотъ. Порчи въ натурѣ русскаго рабочаго, къ нимъ такъ привыкли; и вотъ—съ того, съ другаго взыскали, и волненія начались. Забастовали почти всѣ ткачи и къ нимъ готовы были присоединиться прядильщики и проч., но, убѣжденные краткой и тихой рѣчью директора и личнымъ присутствіемъ г. губернатора, большинство успокоилось. Стачка не продолжалась долѣе двухъ дней. Послѣдствіемъ ея было увольненіе 500 рабочихъ.

Но и теперь, добрая 1,000 рабочихъ (всѣхъ—3,500 чел.) держится на фабрикѣ ради состраданія, ибо фабрика работаетъ въ убытокъ. Ея ежемѣсячный расходъ на производство, кромѣ сырого матеріала, доходитъ до 120,000. Общій годовой оборотъ—5 милліоновъ. Въ день производятъ до 1,200 пудовъ матеріалу. Пудъ среднимъ числомъ цѣнится въ 13 руб. Значитъ, запасы непроданнаго товара на Корзинкинской фабрикѣ достигаютъ 25 милліоновъ.

О другихъ фабрикахъ и заводахъ въ Ярославлѣ скажу всего нѣсколько словъ. Работаютъ они хорошо, барыши получаютъ крупные, но внѣшность ихъ далеко не соотвѣтствуетъ такимъ барышамъ.

Табачная фабрика Дунаева помѣщается въ центрѣ города. Она изготовляетъ махровый и нюхательный табакъ, которымъ снабжаетъ почти весь нашъ сѣверъ. Обороты ея милліонные и, благодаря чисто счастливой судьбѣ (табакъ Дунаева не лучше прочихъ), благодаря капризу покупателя, Дунаевъ, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, вдругъ сталъ милліонеромъ.

Пройдитесь по фабрикѣ! Загляните въ эти темные подвалы безъ *намека* на вентиляцію, гдѣ столбомъ стоитъ мелкая табачная пыль, ѣдкая и проницательная, гдѣ копошатся грязныя тѣни людей съ заткнутыми носами, ушами и даже ртами. Они работаютъ тамъ *до 14 часовъ* въ сутки. А чѣмъ дышутъ они?—Это ужъ совсѣмъ непостижимо. Я пяти минутъ не могъ пробыть въ этихъ подвалахъ, задыхаясь и чихая. А они, хозяинъ говоритъ, «привыкли».

Положимъ; но чего стоитъ имъ эта привычка? Худые, изнуренные, землянистаго цвѣта, вотъ они валяются на своихъ грязныхъ нарахъ, въ грязномъ до отвращенія, тѣсномъ и душномъ помѣщеніи. Нѣтъ! Гадко даже и писать!... Г. Дунаевъ мало благодаренъ своей счастливой звѣздѣ. А законъ—законъ, повидимому, не предусматриваетъ такой неблагодарности. Табачные фабриканты, пользуясь своимъ положеніемъ въ *центрѣ* города, дѣлаютъ немыслимою жизнь въ ихъ сосѣдствѣ. Понятно, тѣмъ, кто не привыкъ чихать.

Отсюда является опустѣніе домовъ и квартиръ въ сосѣдствѣ съ ними, а затѣмъ... затѣмъ весьма выгодная покупка сихъ домовъ самими-же фабрикантами и расширеніе ихъ владѣній вслѣдъ до новыхъ домовъ, которые также должны раньше или позже сдаться, и т. д. Словомъ, табачная пыль обращается мало-по-малу у нихъ въ деньги.

Зачѣмъ-же, спрашивается, разрѣшаютъ имъ строить фабрики въ центрѣ города? Затѣмъ... Да впрочемъ это безполезно доказывать. На бѣлильныхъ заводахъ рабочіе положительно страдаютъ отъ убійственныхъ испареній металловъ. Имъ и часу не должно тамъ работать, а они работаютъ по 3 и больше часовъ въ сутки.

За то г. Сорокинъ нажилъ милліоны и поселился въ роскошной виллѣ совсѣмъ заграничнаго фасона...

Да! Ярославль богатъ и очень трудолюбивъ. Но самимъ *труженикамъ* этого трудолюбія, простому люду, на потѣ котораго воздвигаются виллы и дворцы, рубль тамъ приходится тяжко, очень и очень тяжко...

Въ экономическомъ отношеніи и по способу веденія крестьянскаго хозяйства, Ярославская губернія находится въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ. Хотя условія эти и присущи большинству нашихъ сѣверныхъ губерній, отчасти по ихъ малоземелью и

главное — по ихъ худоземелью, но здѣсь, въ Ярославской губерніи, они болѣе концентрированы, проявляются съ большей рельефностью.

Большинство крестьянскаго населенія добываетъ средства къ уплатѣ податей и на пропитаніе семействъ заработками въ отхожихъ промыслахъ, между которыми главный — торговля и второстепенный — работы на фабрикахъ и заводахъ, въ большомъ количествѣ имѣющихся въ предѣлахъ губерніи. Преимущественно пьяницы и малопредпріимчивые, не способные къ торговлѣ крестьяне работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, расположенныхъ въ близкомъ разстояніи отъ ихъ селеній. Большинство же фабричныхъ состоитъ изъ небольшаго числа мѣщанъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть эти промышленныя заведенія и главное — изъ крестьянъ сосѣднихъ губерній Костромской и Владимірской. Болѣе значительныя по размѣрамъ и производству фабрики сосредоточены около Ярославля и въ самомъ городѣ; выше я назвалъ главныя изъ этихъ послѣднихъ. Изъ тѣхъ же, которыя расположены въ губерніи, слѣдуетъ упомянуть слѣдующія.

Въ селѣ «Норскомъ», въ 10 верстахъ отъ Ярославля, находится *Норская*, акціонернаго общества, бумагопрядильная фабрика, съ 1,500 ч. рабочихъ. Въ «Великомъ селѣ», въ 30 верстахъ отъ Ярославля, имѣется обширная мануфактура купца *Локалова*, подъ фирмой «Гаврила Ямскій», — полотняная фабрика съ 2,500 рабочихъ. Эта фабрика выдѣлываетъ славныя ярославскія полотна и замѣчательна своимъ внутреннимъ устройствомъ. Локаловъ самъ—крестьянинъ рабочій, устроившій первоначально небольшую фабрику на артельныхъ основаніяхъ. Благодаря замѣчательной смышленности, умѣлому веденію дѣла и разнымъ болѣе или менѣе безцеремоннымъ пріемамъ его относительно своихъ компаньоновъ-рабочихъ, характеризующимъ истаго ярославца, онъ въ короткое время сталъ полнымъ хозяиномъ фабрики, расширилъ ее, завелъ всѣ новѣйшія машины и замѣчательный порядокъ, сдѣлалъ изъ роднаго села маленькій благоустроенный городокъ и самъ сталъ его царькомъ. Теперь Локаловъ принимаетъ пріѣзжихъ гостей въ приготовленныхъ на то фабричныхъ аппартаментахъ, съ любезностью и хлѣбосольствомъ русскаго барина, но съ видомъ и манерами простаго русскаго мужика. Вообще, это личность, выдающаяся своими чертами.

Въ 35 верстахъ отъ Ярославля, въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, расположена фабрика купца *Клоссена*, съ 600 ч. рабочихъ, выдѣлывающая грубый сортъ холста для мѣшковъ, и въ томъ-же уѣздѣ — заводъ минеральныхъ маслъ, выстроенный и недавно еще принадлежавшій извѣстному въ свое время, *г. Рагозину*. Заводъ выстроенъ на берегу Волги и съ рѣки имѣетъ очень красивый видъ. Вдоль высокаго берега тянутся ряды громадныхъ котловъ и бассейновъ, предназначенныхъ для храненія нефти и маслъ; зрѣлище довольно оригинальное. На заводѣ работаетъ болѣе 500 рабочихъ.

Г. Рагозинъ — личность тоже выдающаяся. Это тотъ же Локаловъ по смышленности, даже по геніальности въ коммерческихъ предпріятіяхъ, исключающихъ излишнюю щепетильность совѣсти и чести, но по манерамъ, воспитанію, вкусамъ, по самой внѣшности, — это чистокровный баринъ, напоминающій англійскихъ лордовъ. Да кто не зналъ г. Рагозина? Кто не читалъ громкихъ статей о его геніальныхъ открытіяхъ и соображеніяхъ, объ этихъ чудовищныхъ комбинаціяхъ быстрой наживы, которыя доставили ему, неимѣющему гроша за душой, кресло директора богатѣйшаго общества съ 50 тыс. жалованья, всякими паями и проч.? Кто затѣмъ не удивился, опять по газетнымъ статьямъ, столь быстрому паденію этого общаго кумира, которому финансовые тузы безконтрольно довѣряли милліоны, и даже когда они оказались безвозвратно потонувшими въ его нефтяныхъ соображеніяхъ, то не укорили его въ томъ, а только покорно и слезно просили быть осторожнѣе, молили согласиться на установленіе надъ нимъ хоть какого нибудь контроля!? Красивый, элегантный и геніальный г. Рагозинъ не терпѣлъ надъ собой власти въ любой ея формѣ. «Или все, или ничего»—было его девизомъ. Во «всемъ» ему отказали, а отъ половины отказался онъ самъ. Такимъ образомъ, основавъ общество, устроивъ заводъ и пустивъ въ трубу милліоны, изъ которыхъ сотни тысячъ пошли на грандіозныя затѣи по его собственному мнѣнію, гдѣ ярче всего отразились «барское» происхожденіе г. Рагозина и его благородные вкусы *), онъ добровольно оставилъ свое дѣтище, давъ ему въ наслѣдство порядочный дефицитъ и свое имя. Благодарное «общество», въ память

*) Имѣніе г. Рагозина въ 30 верстахъ отъ Ярославля по Волгѣ,—рѣдкое по своему богатству и внѣшнему устройству.

его заслугъ, положило и впредь именоваться «товариществомъ Рагозина и Комп.». Самъ основатель, забывъ какъ-то свою гордость, пошелъ служить въ главные прикащики къ одному богатому купцу, который, въ пылу гордости отъ *такого* прикащика и въ чаянiи геніальныхъ оборотовъ своими капиталами, положилъ ему жалованія *20,000 руб.* Такъ мнѣ разсказывали люди, близко знавшіе г. Рагозина. Исторія жизни, славы и паденія г. Рагозина поучительна и полна живаго интереса. Сама личность Рагозина, какъ типъ, представляетъ неисчерпаемый источникъ для писателя. Въ немъ ничего нѣтъ зауряднаго въ дурномъ и хорошемъ смыслѣ. Это личность созданная для первенства, для господства надъ массами, силой своего обаянія, силой авторитетнаго сужденія и мышленія и, главное, силой отрицанія.

Г. Рагозинъ отрицаетъ все, что прямо не касается его личнаго земнаго бытія и связанныхъ съ тѣмъ благъ. Атеизмъ, нигилизмъ, соціализмъ и много другихъ «измовъ» соединяются въ немъ съ замѣчательной гармоніей и неподражаемой граціей; а даръ слова и быстрота соображенія облекаютъ все это во что-то таинственно-заманчивое, что тянетъ къ нему умы, сердца и главное... деньги. Старшій сынъ г. Рагозина, студентъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, окруженный роскошью и всѣмъ, что можетъ дать жизнь, въ одинъ прекрасный день застрѣлился. На клочкѣ бумаги, онъ первый произнесъ приговоръ своему отцу: «Я умираю», писалъ онъ, «потому что моя совѣсть и честь не могутъ жить въ этой обстановкѣ»... Заводъ г. Рагозина, во время его личнаго управленія имъ, служилъ притономъ личностей съ весьма сомнительной политической репутаціей. Нынѣ, о существованіи тамъ ихъ ничего не слыхать.

Еще одно большое промышленное заведеніе въ губерніи—большая механическая крупчатная, мукомольная мельница г. Вахромѣева, близь Ростова. Она замѣчательна какъ размѣрами своими, такъ и образцовымъ устройствомъ въ техническомъ и другихъ отношеніяхъ.

Заводская промышленность въ Ярославской губерніи особенно развита. О количествѣ заводовъ въ губерніи точныхъ свѣдѣній не имѣю; но оно должно быть очень значительно, судя по одному только изъ уѣздовъ—Ростовскому, гдѣ состоявшаяся въ 1880 году сельско-хозяйственная и промышленная выставка дала возможность опредѣлить въ ясныхъ размѣрахъ степень развитія въ немъ какъ фабричной, такъ и заводской промышленности. По этимъ даннымъ оказывается, что заводовъ всякаго рода въ Ростовскомъ уѣздѣ было 5 лѣтъ тому назадъ—1,299, а фабрикъ—7. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы цифра эта въ настоящее время значительно уменьшилась.

Изъ этого числа слѣдуетъ отмѣтить самое большое количество картофельно-терочныхъ заводовъ — 733, затѣмъ мельницъ — 188, картофельно-сушильныхъ—163 и маслобоенныхъ—59.

Ростовскій уѣздъ, благодаря своеобразному способу веденія сельскаго хозяйства, въ отношеніи заводской промышленности представляетъ нѣкоторыя особенности. Такъ, въ немъ мы находимъ рѣдкіе экземпляры заводовъ: саговыхъ, камеденныхъ, леокомныхъ и деоскриновыхъ (картофельный леокомъ и деоскринъ), цикорныхъ и душистыхъ маслъ. Обороты этихъ заводовъ, почти исключительно принадлежащихъ крестьянамъ, простираются отъ 3—60 тыс. руб.

Вотъ напр., цикорный заводъ крестьянина *Пыхова*, изъ села Порѣчья-Рыбнаго. Въ 1879 году имъ выработано цикорія до 35 т. пудовъ, на сумму до 49,000 руб. Пыховъ за означенныя издѣлія имѣетъ награды: медаль за филадельфійскую выставку и почетный отзывъ—за вѣнскую. Кромѣ того, за Ростовскую выставку, онъ удостоенъ былъ признательности Ярославскаго общества сельскаго хозяйства. Затѣмъ, вотъ еще большой химическій крахмальный и паточный заводъ крестьянина *Мочалина*, изъ села Ильинскаго-Хованскаго. На немъ выработано въ 1879 году крахмалу, деоскрина, леокома и патоки на сумму до 60,000 руб. Издѣлія этихъ заводовъ сбываются очень легко по близости. Такъ: крахмалъ, деоскринъ и леокомъ въ большомъ количествѣ требуются на ситцевыя фабрики въ Москву и Иваново-Вознесенскъ, а патока, цикорій, саго и душистыя масла—въ Москву и Петербургъ.—Почти всѣ сырые матеріалы, необходимые въ разныхъ производствахъ, суть мѣстные, а потому и скупаются на мѣстѣ.

Спеціальное разведеніе травъ и сѣмянъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ростовскаго уѣзда даетъ возможность дешево и удобно пріобрѣтать матеріалы для заводовъ: саговыхъ, цикорныхъ, масляныхъ и проч., что и составляетъ исключительную особенность въ этой части заводской промышленности Ростовскаго уѣзда и его относительное богатство.

Нѣтъ основанія однако предполагать, чтобы только въ этомъ

уѣздѣ заводская промышленность стояла на высокомъ уровнѣ. Напротивъ, въ другихъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, Ярославскомъ и Пошехонскомъ, она развита еще значительнѣе. Въ первомъ, значительную роль играетъ полотняная промышленность и сосредоточены (возлѣ села Великаго) заводы полотняно-бѣлильные. Заводъ крестьянъ села Великаго братьевъ *Иродовыхъ* и *Моргунина* выработываетъ ежегодно отъ 40—45 т. кусковъ разнаго товара при числѣ рабочихъ отъ 65—100 человѣкъ. Заводы такого рода работаютъ только надъ готовой уже тканью, которую получаютъ изъ рукъ крестьянъ окрестныхъ селеній, которые въ свою очередь, получаютъ для этого съ фабрикъ машинную и основанную пряжу, изъ которой ткутъ холсты у себя на дому.

Не одна Россія только знаетъ достоинство ярославскихъ полотенъ, а потому этотъ промыселъ даетъ въ свою очередь исключительное значеніе Ярославскому уѣзду.

Въ Пошехонскомъ уѣздѣ, самомъ земледѣльческомъ, весьма развита заводская промышленность надъ обыкновенными продуктами сельскаго хозяйства: зерномъ, молокомъ, саломъ и проч. Тамъ вы встрѣтите безчисленное множество мельницъ, много прекрасныхъ винокуренныхъ заводовъ, маслобойныхъ, мыловаренныхъ и проч. Это тоже уѣздъ, могущій гордиться своей заводской промышленностью, основанной и идущей рука объ руку съ хорошимъ сельскимъ хозяйствомъ, — что опять составляетъ явленіе исключительное въ Ярославской губерніи.

Словомъ, ни фабриками, ни заводами Богъ не обидѣлъ Ярославскую губернію, что прямо зависитъ отъ характера населенія, всюду ищущаго и всюду умѣющаго находить выгодный барышъ. Копаться въ землѣ—по его мнѣнію—и невыгодно и утомительно, если продукты этого копанія, посредствомъ дальнѣйшей ихъ обработки, не получатъ болѣе или менѣе значительной цѣнности.

На эту черту ярославскаго населенія еще болѣе указываетъ широкое развитіе въ губерніи кустарныхъ промысловъ. Изъ множества отраслей этого промысла слѣдуетъ отмѣтить, какъ болѣе распространенныя: льняная пряжа и ткани, пеньковыя издѣлія, окраска тканей, кузнечныя издѣлія и въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи, какъ, напримѣръ, въ Ростовскомъ уѣздѣ—иконопись, золоченіе кіотъ и финифтяное производство.

Первые два рода промысловъ распространены почти повсемѣстно, такъ что въ любой крестьянской избѣ можно встрѣтить женщинъ, занимающихся имъ; окраска тканей болѣе сосредоточена въ Ярославскомъ уѣздѣ, близь села Великаго. Кузнечныя издѣлія тоже практикуются повсемѣстно, но болѣе широкое развитіе они получили въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Тамъ въ разныхъ мѣстахъ разрослись «кусты» деревень съ населеніемъ, такъ называемыхъ «кузнецовъ-гвоздарей». Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ изъ пошехонскихъ самородковъ-писателей и ораторовъ, нѣкто крестьянинъ Деруновъ, пользующійся довольно громкой репутаціей не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ губерніи:

«На сѣверной окраинѣ Пошехонскаго уѣзда, близь большой дороги, идущей отъ города Пошехонья къ городу Череповцу, расположился небольшой «кустъ» деревень съ кустарно-кузнечнымъ промысломъ. Такіе «кусты» широко и привольно раскинулись по нашей необъятной Россіи; но кто и когда насадилъ и ростилъ ихъ? Отечественныя лѣтописи не сказали намъ объ этомъ. Только въ послѣдніе годы стали кой-гдѣ описывать эти «кусты», которые выросли на родимой почвѣ, развиваясь и существуя съ старушкой-общины, ставшей также предметомъ любопытства и изученія. Намъ думается, что такіе «кусты»—родимыя дѣти *общины*. Только *община* и могла создать и выростить своихъ любимыхъ дѣтей—кустарей. Не даромъ же поется:

«Насадила жизнь свободная
Кустики, любила,
Берегла ихъ власть народная –
Община хранила...»

Такъ поэтически, хотя нѣсколько въ духѣ покойныхъ „Отечественныхъ Записокъ", начинаетъ свой краткій очеркъ „дитя свободы" и enfant-terrible Пошехонскаго уѣзда, г. Савва Деруновъ. Впрочемъ, очеркъ написанъ довольно обстоятельно; мѣткостью наблюденій, равно какъ и бойкостью пера дѣлаетъ честь пошехонскому „самородку". Изъ него мы позволимъ себѣ воспользоваться болѣе любопытными данными.

Кустарный промыселъ кузнецовъ-гвоздарей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, по всей вѣроятности, сталъ развиваться съ конца прошлаго столѣтія и перешелъ туда изъ сосѣдняго Череповецкаго уѣзда, гдѣ и находится извѣстная мѣстность *Улома*—разсадникъ кузнецовъ-гвоз-

дарей; послѣдніе въ Пошехонскомъ уѣздѣ находятся въ Щетининской волости, въ приходѣ села Спасъ-Мякса.

Въ Уломѣ и ея окрестностяхъ вырабатывается до 800,000 пудовъ гвоздей разныхъ сортовъ. Близь Уломы, какъ говорятъ сторожилы, въ давно-прошедшія времена было много желѣзной руды, хотя она встрѣчается и теперь, но уже въ значительно истощенномъ количествѣ. Не даромъ жители окрестныхъ селъ и древень зовутъ Улому *желѣзной.*

Отъ центра Уломы гвоздарный промыселъ разсадился въ «кусты» по разнымъ мѣстностямъ сосѣднихъ уѣздовъ; но когда это случилось—неизвѣстно, и, при всемъ желаніи добыть точныя свѣдѣнія о началѣ гвоздарнаго дѣла, получается всегда одинъ отвѣтъ: «Изстари, родименькій, этимъ дѣломъ займуемся»...

Торговля гвоздями—неубыточное дѣло: Едва ли былъ случай, чтобы мелкіе торгаши-крестьяне и крупные торговцы-купцы терпѣли убытки. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что торговцы гвоздями поставили себя въ такое положеніе къ рабочимъ—*ростовщикамъ гвоздей,* что всякій убытокъ, полученный на продажѣ гвоздей, всегда непремѣнно упадетъ на рабочихъ. Порядки разсчетовъ съ ними существуютъ изстари и укрѣпились въ слѣдующій обычай: торгующіе гвоздями хозяева, для которыхъ рабочіе расковываютъ гвозди, всегда оканчиваютъ разсчеты послѣ продажи гвоздей на нижегородской, ростовской и весьегонской ярмаркахъ, гдѣ, если гвозди продадутся дорого, то и заработная плата повышается, и наоборотъ. Хотя этотъ порядокъ, убыточный для рабочаго люда, съ теченіемъ времени и ослабѣваетъ, но на смѣну ему выступили другіе порядки, еще болѣе убыточные для бѣдняковъ: самодурство богачей-торговцевъ и явное эксплоатированіе рабочаго, которому вслѣдствіе того приходится нынче работать въ убогой кузницѣ и впроголодь. Гвоздарное дѣло въ послѣднее время стало значительно падать: спросъ на ручные гвозди сталъ меньше, къ тому же и гвозди вырабатываются хуже прежняго. Не малымъ конкурентомъ ручнаго гвоздя и опаснымъ соперникомъ кузнецовъ-гвоздарей явился на рынкахъ и ярмаркахъ машинный гвоздь, который, сильно развиваясь, наполнилъ наши большія ярмарки и важнѣйшіе рынки. Является невольно вопросъ: выдержатъ ли кустари-гвоздари конкуренцію съ сильными своими соперниками—заводами и ихъ дѣтищами—машинами?.. Надо полагать

нѣтъ!.. Въ самомъ центрѣ кустарнаго промысла, въ Уломѣ, стали появляться капиталисты по гвоздарному промыслу, склоняющіеся къ тому мнѣнію, чтобы, стянувъ кузнецовъ-гвоздарей къ центру производства, настроить заводовъ съ паровыми машинами, для обработки и производства гвоздей. Они считаютъ крупное заводское дѣло болѣе выгоднымъ и полагаютъ, что товаръ долженъ выходить ровнѣе, чище, вообще удобнѣе для дѣла...

Спасъ-мяксинскіе гвоздари начинаютъ кузнечную работу послѣ окончанія полевыхъ работъ, т. е. съ 1 октября, и оканчиваютъ ихъ обыкновенно на Пасху. Какъ только прекратились полевыя работы, наступили длинныя ночи,—и вотъ, съ перваго пѣтуха-полуночника, застучатъ молотки гвоздарей; изъ трубъ повалитъ дымъ, поднимаясь въ темно-сѣрое пространство неба; засверкаютъ въ темнотѣ искры словно фейерверкъ. Подъ шумомъ дующихся мѣховъ, подъ звукомъ стучащихъ молотковъ, кузнецы-гвоздари забываютъ все находящееся за кузницами; они видятъ только горящіе въ горнѣ уголья, да сверкающія искры, брызжущія изъ-подъ молотковъ, слышатъ только монотонное звяканіе скованныхъ и падающихъ гвоздей. Труженики не обращаютъ вниманія, какъ за стѣнами ихъ кузницъ дуютъ буйные вѣтры, какъ злятся лютыя мятели, какъ трещитъ морозъ и падаетъ хлопьями снѣгъ...

Что за надобность гвоздарю до суровой природы, окружающей его убогую кузницу: ему нужно только побольше гвоздей, которые обращаются въ хлѣбъ и идутъ въ уплату податей... Работаютъ кузнецы, забывая усталость, не чувствуя какъ глаза ихъ щурятся и слезятся. Не даромъ кузнецы при выходѣ изъ кузницъ зажимаютъ глаза и идутъ точно слѣпые, боясь дневнаго свѣта, а лицомъ—будто тѣни безжизненныя. Однако, при всей тяжести работы, кузнецы-гвоздари любятъ свое дѣло, свою кузницу, въ которой по временамъ слышится слѣдующая пѣсня, недавняго происхожденія:

«У горна на свѣтъ родился,
Сталъ съ пеленокъ гвозди знать,
Лѣтъ двѣнадцати учился
Гвозди тонкіе ковать.

* *
*

Старики, отцы ковали—
Были также кузнецы,—

Наши гвозди продавали
И крестьяне и купцы.

* *
*

Ночи длинныя зимою
У горна стоишь, куешь...
Искры свѣтятся звѣздою,
Молоткомъ стучишь и бьешь.

* *
*

Отъ истомы-жару очи
Заслезились, не глядятъ...
Ждешь, какъ счастья, темной ночи
Руки ноютъ и болятъ.

* *
*

Годъ за годомъ вѣкъ тянулся,
Лѣтъ полсотни работалъ,
Отъ труда я весь согнулся,
Отъ него калѣкой сталъ.

*
* *

Мало стало мочи силы.
Зябнетъ грудь, и холодъ бьетъ...
Такъ-то, братцы, до могилы
Жизнь неладная пройдетъ...»

* *
*

Пѣсенка, если вѣрить г. Дерунову, безхитростная; единственно ея достоинство—правдивость, потому что кузнецы работаютъ до невѣроятности прилежно. Въ кузницу уходятъ съ первыхъ пѣтуховъ, т. е. въ 12 часовъ ночи, а чуть только забрезжитъ свѣтъ, идутъ домой завтракать, на что тратится отъ $^1|_2$—1 час.; послѣ завтрака опять оправляются въ кузницу и работаютъ до полудня; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ; послѣ обѣда часъ или два отдыху, а въ 1 ч. или въ 2 ч. опять за работу, которая продолжается до 6 час. вечера. Такимъ образомъ, гвоздари находятся у горна около 15—18 час. въ сутки.

При всемъ незначительномъ заработкѣ отъ гвоздарнаго дѣла, кузнецы остаются довольными этимъ промысломъ. Нерѣдко приходится слышать отъ гвоздарей: «Что дѣлать, милый человѣкъ!.. Хоша заработокъ и не казистъ, а все-таки не гульбѣ чета. Тутъ по крайности, хлѣбъ съѣлъ, а другой выработалъ—и слава тебѣ, Господи! Знамо, отъ нашего рукомесла не построишь палатъ каменныхъ»....

Кузницы гвоздарей плохи и неудобны для ковки гвоздей, къ тому же холодны, иногда съ продушинами для сквознаго вѣтра. Здѣсь можетъ работать только нашъ терпѣливый мужикъ, которому не привыкать переносить непривѣтливыя ласки холоднаго сѣвера. Большинство кузницъ выстроены по одному типу.

Сказать что-нибудь о цѣнѣ гвоздей въ продажѣ—невозможно, потому что торговые обороты съ гвоздями ведутся, по прадѣдовскимъ обычаямъ, подъ, такъ называемымъ, «секретомъ коммерческимъ». Выгоды этого «секрета» для покупателей весьма сомнительны...

Финифтяное производство развито, какъ я уже сказалъ, особенно въ Ростовскомъ уѣздѣ. На Ростовскую выставку 1880 г. были присланы издѣлія отъ шестерыхъ болѣе крупныхъ экспонентовъ, изъ которыхъ произведенія двоихъ, какъ сдѣланныя въ весьма изящномъ и художественномъ видѣ, отнесены къ художественному отдѣлу.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ торговцевъ этого рода предметами, ростовскій купецъ *Яйцевъ*, скупая образа у мелкихъ кустарей и продавая ихъ почти по всѣмъ монастырямъ Россіи, производитъ обороту болѣе чѣмъ на 25 тыс. руб. ежегодно. Большой сбытъ товара этимъ экспонентомъ зависитъ преимущественно отъ того, что, имѣя хорошія средства, всегда можетъ купить товаръ даже безъ требованія дешевле и отпускаетъ въ монастыри и другимъ торговцамъ въ кредитъ отъ 12—18 мѣсяцевъ.

Лучшіе предметы такого рода оказались у ростовскаго мѣщанина *Усачева*, который и удостоенъ отъ общества малой серебряной медалью.

Усачевъ занимается исключительно финифтянымъ производствомъ и оправою образовъ, 35 лѣтъ. Обороту всѣхъ сортовъ имѣетъ до 2,500 р. въ годъ съ оправами.

Оправляетъ въ золото, серебро, бронзу.

Кромѣ его самого и дочери, на него работаютъ до 30 мастеровъ. Сбытъ финифтяныхъ образовъ производится на Афонскую гору, въ Геѳсиманскій скитъ у Троицы и въ другіе монастыри.

Обращаясь опять къ ростовской выставкѣ, слѣдуетъ отмѣтить о существованіи на ней отдѣла, который именовался: музыкальный, искуственный и художественный, что указываетъ на развитіе въ

уѣздѣ и этой стороны производства. Въ отдѣлѣ, на первомъ планѣ стоятъ двѣ коллекціи каммертоновъ, изготовленныхъ священникомъ ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, Аристархомъ *Израелевымъ*. Эти коллекціи, нынѣ находящіяся въ Бѣлой Палатѣ ростовскихъ Княжьихъ Теремовъ, поистинѣ изумительны.

1-я коллекція состоитъ изъ 7-ми камертоновъ.

а) *Четыре необыкновенно большихъ камертона*, изъ коихъ каждый утвержденъ на особомъ резонансовомъ ящикѣ.

1-й	имѣетъ	въ	длину	9	вершк.
2-й	»	»	»	$7\frac{3}{4}$	»
3-й	»	»	»	7	»
4-й	»	»	»	$6\frac{1}{2}$	»

Звукъ 1-го, самаго большаго камертона соотвѣтствуетъ нотѣ *ля*, съ ключемъ басовымъ; звукъ 2-го соотвѣтствуетъ нотѣ *до* съ *діезомъ*; звукъ 3-го—нотѣ *ми*; звукъ 4-го—нотѣ *ля*, съ тѣмъ же басовымъ ключемъ. Изъ этихъ звуковъ, издаваемыхъ четырьмя большими камертонами, образуется самаго чистаго строя мажорный аккордъ съ ближайшею верхнею октавой основнаго тона.

б) *Три большихъ камертона*, утвержденныхъ на одномъ ящикѣ, принадлежащихъ къ означеннымъ большимъ камертонамъ. Изъ звуковъ этихъ небольшихъ камертоновъ составляется тотъ же самый аккордъ, только въ предѣлахъ другой верхней октавы.

2-я коллекція состоитъ изъ 24-хъ камертоновъ разныхъ размѣровъ, помѣщенныхъ въ футлярѣ за стекломъ.

Первая коллекція (7 камертоновъ) изготовлена была экспонентомъ недавно и представлена имъ въ первый разъ на ростовскую выставку. Цѣль приготовленія этихъ замѣчательныхъ камертоновъ у него была та, чтобы привести въ осуществленіе свою идею касающагося гармоническаго строя колоколовъ при сооруженіи въ Москвѣ Храма Спасителя. Поэтому онъ звукъ перваго наибольшаго камертона построилъ одинаково со звуками самаго большаго колокола храма, и къ этому звуку, какъ основному, присоединилъ большую терцію, квинту и верхнюю октаву, а потомъ удвоилъ ихъ, и такимъ образомъ составилъ консонирующій аккордъ, который можетъ быть исполненъ и при строѣ колоколовъ. Вторая коллекція камертоновъ въ 24 №№ была уже на московской политехнической выставкѣ 1872 года

и на трехъ всемірныхъ (вѣнской, парижской и филадельфійской), за которые выданы экспоненту медали, а на московской политехнической выставкѣ онъ былъ награжденъ почетнымъ адресомъ, превышающимъ большую золотую медаль. При камертонахъ, для пробованія ихъ, находится: для большихъ—смычекъ и деревянная, обложенная въ нѣсколько разъ сукномъ, колотушка, а для маленькихъ одна колотушка.

Искусство отца Аристарха Израелева и достоинство его, единственныхъ въ своемъ родѣ, камертоновъ, заслуживаютъ особаго вниманія. Эти камертоны получили всемірную извѣстность и на ростовской выставкѣ, согласно общему мнѣнію лицъ, хорошо знакомыхъ съ музыкой, заслужили ему признательность ярославскаго общества сельскаго хозяйства.

Полагаю ограничиться этими общими, можетъ быть, даже слишкомъ общими штрихами о промышленности въ Ярославской губерніи. Серьёзно изучить разныя отрасли фабричной, заводской и кустарной дѣятельности населенія, въ нѣсколько мѣсяцевъ невозможно; да для этого я и не спеціалистъ. Въ Ярославской губерніи есть нѣсколько лицъ, исчерпывающихъ этотъ вопросъ съ примѣрнымъ стараніемъ и знаніемъ дѣла, а потому интересующагося читателя позволю себѣ обратить къ ихъ печатнымъ произведеніямъ. Назову одного изъ нихъ, г. Титова, бывшаго предсѣдателя Ростовской земской управы, котораго труды обнимаютъ не только одинъ Ростовсвій уѣздъ, но, въ большей или меньшей мѣрѣ, почти всю губернію.

Затѣмъ, перехожу къ вопросу о земледѣліи. Положеніе крестьянскаго хозяйства, относительно степени развитія земледѣлія, почти повсемѣстно въ Ярославской губерніи неудовлетворительно. Населеніе этой губерніи, за малымъ исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, не чувствуетъ никакого призванія къ обработкѣ земли. Достаточно проѣхать лѣтомъ проселкомъ любаго изъ уѣздовъ, чтобы видѣть громадныя полосы земли, невоздѣланной, запущенной и поросшей кустарникомъ. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что въ Ярославской губерніи нѣтъ даже посредственнаго хозяйства.

Изъ десяти уѣздовъ губерніи, нѣкоторое исключеніе въ этомъ смыслѣ составляютъ уѣзды: Пошехонскій, Мышкинскій и отчасти Ростовскій.

Въ первомъ изъ нихъ, самомъ обильномъ землею (482,174 деся-

тины), крестьянскій надѣлъ достигаетъ среднимъ расчетомъ до 5 десятинъ на душу. Въ частныхъ случаяхъ бываетъ гораздо больше Благодаря отдаленности этого уѣзда, составляющаго сѣверную окраину Ярославской губерніи, граничащую съ непроходимыми тундрами Череповецкаго и Весьегонскаго уѣздовъ, крестьянское населеніе его почти не идетъ въ отходъ и занимается преимущественно земледѣліемъ. У крестьянъ имѣется въ достаточномъ количествѣ скотъ, дающій имъ возможность вполнѣ удовлетворительно удобрять землю и, кромѣ того, успѣшно заниматься маслодѣліемъ и мыловареніемъ.

Пошехонскій уѣздъ—единственный въ губерніи, прокармливающійся своими собственными средствами. Всѣ остальные уѣзды нуждаются всегда въ ввозѣ посторонняго хлѣба. Мало того: этотъ уѣздъ также и единственный въ губерніи вывозной пунктъ продуктовъ сельскаго хозяйства, главное—хлѣба; ежегодно вывозится изъ Пошехонскаго уѣзда разныхъ сортовъ хлѣба: ржи и овса не менѣе какъ на 1—1½ милліона рублей

Крестьяне Пошехонскаго уѣзда, кромѣ надѣльной земли, имѣютъ еще много собственной, и это послѣднее количество годъ отъ году возрастаетъ въ большей прогрессіи, такъ что сплошь и рядомъ въ этомъ уѣздѣ встрѣчаешь крестьянъ, владѣющихъ 100 и больше десятинами, а иногда и 1,000-ю (кулаки).

Причины нѣсколько лучшаго веденія сельскаго хозяйства въ Мышкинскомъ уѣздѣ—сравнительно хорошее качество земли (самая дорогая земля въ губерніи) и главное—та же усидчивость населенія; крестьяне Мышкинскаго уѣзда еще не успѣли вполнѣ заразиться болѣзнью шатанія на посторонніе заработки.

Вообще, въ этихъ обоихъ уѣздахъ причины лучшаго земельнаго хозяйства слѣдуетъ отнести именно къ этому послѣднему обстоятельству, а не къ преимуществамъ въ количествѣ и качествѣ земель; безспорно, что и эти послѣднія условія имѣютъ свое вліяніе; но не въ нихъ вся суть, какъ полагаютъ многіе земскіе люди Ярославской губерніи, ратующіе за открытіе крестьянскаго банка въ губерніи или установленіе долгосрочнаго дешеваго кредита (уже практикующагося) на скупку крестьянами помѣщичьихъ земель и усовершенствованія ихъ хозяйствъ. Можно сказать навѣрно, что и въ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи недостатка въ землѣ нѣтъ (средній душевой надѣлъ 2½—3 десятины) и она не послѣдняго качества,

сравнительно съ сосѣдними губерніями: Вологодской, Тверской; но населеніе ихъ, разъ познакомившись съ выгодами городскаго тунеядства и прелестями фабричной распущенности, привыкло къ нимъ, и стремленіе крестьянъ вонъ изъ дому, куда бы то ни было, какъ болѣзнь, передается кровью изъ поколѣнія въ поколѣніе. Десятками тысячъ долгосрочнаго кредита, раздаваемыхъ нуждающимся крестьянамъ (которыхъ ярославское земство отыскиваетъ съ большимъ тщаніемъ и, можно сказать, даже съ *трудомъ*), не помочь этой гибельной для нашего сельскаго хозяйства болѣзни; можно помочь этимъ кулакамъ, все гуще и гуще заселяющимъ всѣ мѣстности Ярославской губерніи; можно помочь окончательному переходу помѣщичьихъ земель въ руки этихъ кулаковъ и воцаренію ихъ въ земствѣ на мѣсто дворянъ—это, мнѣ кажется, даже неизбѣжнымъ, при широкомъ развитіи такого кредита въ ущербъ разореннымъ помѣщикамъ, но чего-нибудь другаго, результатовъ улучшенія сельскаго хозяйства, врядъ ли когда добьется ярославское земство. Есть и еще маленькія неудобства широкаго развитія такого кредита; но объ этомъ послѣ, когда коснемся спеціально дѣятельности земства. Въ названныхъ мною двухъ уѣздахъ, особенно въ Пошехонскомъ, въ лучшемъ противъ другихъ положеніи находятся и усадьбы помѣщиковъ, почти повсемѣстно по губерніи представляющія однѣ руины. Хорошее удобреніе земли и недостаточность рабочихъ рукъ даютъ еще возможность десятку, другому помѣщиковъ не покидать на произволъ судьбы своихъ родимыхъ гнѣздъ.

Ростовскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое исключеніе по способу веденія сельскаго хозяйства. Тамъ часть населенія, живущая въ селахъ, близлежащихъ къ Ростовскому озеру, занимается огородничествомъ и въ особенности разведеніемъ сладкаго горошка. Ростовскіе огородники, ростовская зелень, ростовскіе консервы—славны въ Россіи. Огородниками оттуда снабжаются многія богатыя помѣстья нашего юга, владѣтели которыхъ, за дорогую цѣну, выписываютъ къ себѣ этихъ мастеровъ своего дѣла.

Консервами и зеленью снабжаются всѣ лучшіе гастрономическіе магазины и лучшіе рестораны Москвы и Петербурга. Знаменитые „Милютины лавки“ на Невскомъ, блестящіе Осетровы, Кузнецовы, Романовы и проч., принимающіе у себя fine-fleur Петербургскаго об-

щества,—все это, по большей части, когда-то тѣ же „ростовцы-огородники“, а нынѣ—всѣми уважаемые боги высшей гастрономіи.

Ростовское огородничество—предметъ настолько интересный въ бытовомъ и экономическомъ отношеніи, что я позволю себѣ на немъ нѣсколько остановиться, пользуясь необходимыми данными изъ отчетовъ г. Титова о ростовской сельско-хозяйственной выставкѣ.

Разсадниками и главными центрами огородничества въ Ростовскомъ уѣздѣ служатъ два близлежащія къ Ростову села: *Угодичи* и *Порѣчье.*

Село Угодичи, исторически извѣстное, отстоитъ отъ г. Ростова, считая по лѣтнему пути, около 15-ти верстъ. Лѣтомъ оно, равно какъ и прочія огородническія селенія, представляетъ весьма любопытное зрѣлище безконечныхъ грядъ и разныхъ огородническихъ приспособленій. Зимою оно не отличается отъ прочихъ, развѣ только размѣрами своими, нѣсколькими каменными домами, церквами да трактирами.

Въ селеніи Угодичахъ, крестьяне котораго принадлежатъ къ разряду свободныхъ хлѣбопашцевъ, жителей насчитывается до 2 тыс. человѣкъ обоего полу. Земельный надѣлъ тамъ очень малъ, едва ли не самый малый въ губерніи—1 дес. 428 кв. саж. Пользованіе землею подворное. Всѣ крестьяне этого селенія занимаются исключительно огородничествомъ. Пространство земли въ селеніи, занимаемой огородами, равняется 270 дес., т. е. ⅔ общаго количества надѣла; остальная земля считается подъ лугами, выгономъ, пастбищами и неудобная; послѣдней довольно много. Въ виду крайней ограниченности надѣла и ничтожнаго количества покосовъ и пастбищъ, крестьяне держатъ сравнительно небольшое количество скота. Но и для этого небольшаго количества крестьянамъ не хватаетъ своего сѣна, которое они покупаютъ или въ Ростовѣ, или у окрестныхъ крестьянъ; имъ также не хватаетъ и удобренія своего на огороды, которое также пріобрѣтается въ Ростовѣ.

Въ селѣ Угодичахъ *выстиваются* и *высаживаются* слѣдующіе сѣмена и плоды:

1) Сѣмена цикорія.
2) Сѣмена луку.
3) Сѣмя разсадное.
4) „ рѣдечное.

5) Сѣмя брюковное.
6) „ морковное.
7) „ свекольное.
8) „ огуречное.
9) „ шалфея.
10) Лукъ головкой.
11) Разсада.
12) Чеснокъ.
13) Бобы.
14) Горохъ англійскій.
15) Горохъ сахарный.
16) Шарлотъ (приправа къ кушаньямъ).
17) Картофель.
18) Корни нѣмецкой мяты.
19) Корни англійской мяты.
20) Укропъ (выростаетъ самъ).

Чтобы судить объ урожаѣ и торговлѣ этими продуктами, скажемъ что огурцовъ въ этомъ селѣ было собрано въ 1879 году—9 милліоновъ штукъ, капусты—400,000 штукъ кочней, нѣмецкой мяты 4,500 пудовъ и проч., а продано всѣхъ продуктовъ, за исключеніемъ количества, оставленнаго на сѣмена и для собственнаго употребленія, на 85,816 руб. Изъ этого числа крестьянами уплачивается рабочимъ, которыхъ въ селѣ нанимается до 100 чел. постоянныхъ въ теченіи года и до 800 временныхъ, въ теченіи мѣсяцевъ апрѣля и мая—3,500 руб , и послѣднимъ по среднему разсчету до 18,000 руб. Затѣмъ, остальная сумма—67,816 руб., изъ коей причитается на домовладѣльца около 217 руб., остается крестьянамъ на все: на покупку хлѣба, топлива, свѣта, корма для скота и проч. Но, надо сказать, что между ними есть и заработывающіе гораздо больше. Такъ крестьянинъ *Костровъ*, приславшій свои произведенія на ростовскую выставку, по его объясненіямъ, продалъ въ 1879 году всего на 739 р. 90 к., при 4-хъ-душевомъ надѣлѣ.

Такая невысокая сравнительно цифра заработка, объясняется просто недостаткомъ земли въ этомъ селеніи.

Сбытъ предметовъ огородничества и травъ производится: цикорія въ Ростовѣ и на базарѣ въ с. Угодицахъ; лукъ отправляется въ Петербургъ и Москву, часть его промѣнивается на хлѣбъ въ

смежныхъ уѣздахъ и губерніяхъ: огурцы въ гг. Ростовѣ, Ярославлѣ и губерніяхъ: Костромской, Владимірской и Тверской. Чеснокъ сбывается въ Петербургъ и Вологду и частью промѣнивается на хлѣбъ по Владимірской губ. Зеленый горошекъ—въ Петербургъ, Москву и идетъ за границу. Остальные огородные овощи сбываются въ Ростовѣ, на ближайшихъ базарахъ и ростовской ярмаркѣ. Травы—оба сорта мяты, шалфей и шарлотъ—въ Петербургъ и Москву. Сбытъ въ Москву, Петербургъ и заграницу горошка производится черезъ скупщиковъ (оптовыхъ торговцевъ).

Урожай 1879 г. былъ посредственный, а огурцовъ—ниже средняго.

Цѣны-же въ этомъ году, не смотря на неудовлетворительный урожай, были ниже обыкновенныхъ.

Село *Порѣчье Рыбное*—первое въ уѣздѣ по огороднической производительности, отстоитъ отъ Ростова, по лѣтнему пути на 15 верстъ, по зимнему—7 вер. Товары отправляются на ростовскую станцію московско-ярославской дороги.

Въ селѣ Порѣчьи, крестьяне котораго принадлежатъ къ временно-обязаннымъ, считается населенія обоего пола 2,838 человѣкъ.

Надѣлъ здѣсь очень великъ, а именно—на каждаго домохозяина приходится по 5 дес. 139 саж.

Но изъ всего этого количества земли, только 284 дес. составляютъ огороды; остальное—или выгонъ, или лѣсъ, или неудобная земля.

На каждаго домохозяина приходится среднимъ числомъ около 1,500 саж. огородовъ.

Всѣ крестьяне занимаются только однимъ огородничествомъ. Главнымъ продуктомъ огородныхъ статей въ с. Порѣчьи является цикорій, за нимъ зеленый горошекъ и наконецъ душистыя травы.

Несмотря на видимую незначительность пространства огородовъ въ этомъ селѣ, воздѣлываніе въ немъ цикорія и зеленаго горошка, а равно разведеніе душистыхъ травъ практикуется въ размѣрахъ довольно широкихъ и превышаетъ даже размѣры села Угодичъ, хотя въ послѣднемъ земли, занятой огородами, приходится на душу на $^1/_4$ часть болѣе, чѣмъ въ Порѣчьи. И потому недаромъ село Порѣчье считается въ Ростовскомъ уѣздѣ главнымъ производителемъ этихъ растеній и даже разсадникомъ ихъ, такъ-какъ воздѣлываніе цикорія и зеленаго горошка началось въ Ростовскомъ уѣздѣ впер-

вые—въ этомъ селеніи (около 165 лѣтъ назадъ) и, затѣмъ, изъ него уже распространилось по другимъ мѣстностямъ уѣзда.

Степень производительности огородныхъ овощей, сѣмянъ, и травъ въ селѣ Порѣчьи можетъ быть выражена суммой, которая выручается отъ продажи ихъ; въ 1879 году всѣхъ предметовъ было продано на 74,280 р. Обороты-же отдѣльныхъ крестьянъ села достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ.

Такъ, волостной старшина села Порѣчья, кр. Пикушкинъ, скупаетъ разныхъ травъ и сѣмянъ, цикорія и горошка на сумму до 30,000 руб. въ годъ.

Между прочими предметами огородничества, въ Ростовскомъ уѣздѣ пробовали и разведеніе листоваго табаку—махорки; насколько оно привилось, свѣдѣній не имѣю.

Аптекарскіе травы и коренья, послѣ цикорія и горошка, составляютъ самый обширный и прибыльный предметъ производства ростовскихъ огородниковъ. Имъ занимаются въ большихъ размѣрахъ жители селъ Угодичъ и Порѣчья и въ меньшемъ—еще двухъ селъ. Сбываются они исключительно въ Москву и С.-Петербургъ дрогистамъ: Брунсу, Келлеру и другимъ и въ «Русское общество аптекарскихъ товаровъ». Цѣны на эти предметы подвержены вообще сильнымъ колебаніямъ.

Общихъ свѣдѣній о состояніи огородничества въ Ростовскомъ уѣздѣ, за неимѣніемъ тамъ данныхъ въ земской управѣ, не помѣщаемъ, хотя они были-бы и очень желательны.

Приходится ограничиться простымъ перечнемъ селеній, въ которыхъ практикуется тотъ или другой родъ огородническаго производства.

Разведеніемъ душистыхъ травъ, какъ я уже сказалъ, занимаются въ *4 селеніяхъ*.

Воздѣлываніемъ цикорія, горошка и разведеніемъ всякихъ огородныхъ овощей, въ широкихъ размѣрахъ, занимаются въ *13 селеніяхъ*, считая въ томъ числѣ и 4-ре, только-что названныя.

Воздѣлываніемъ цикорія, зеленаго горошка и разведеніемъ только отчасти огородныхъ овощей занимаются *16 селъ*.

Воздѣлываніемъ однихъ цикорія и горошка занимаются въ *26 селахъ*.

Затѣмъ одного цикорія и луку—въ *1 селеніи*.

Всего, значитъ, *56 селеній* Ростовскаго уѣзда занимаются спеціально и исключительно огороднической производительностью. Разведеніе порошка и цикорія существуетъ и еще въ нѣсколькихъ селеніяхъ, но въ малыхъ размѣрахъ.

Главный предметъ этой производительности, какъ я уже сказалъ, цикорій и зеленый горошекъ. Изъ данныхъ, собранныхъ полицейскимъ управленіемъ о сборѣ и посѣвѣ этихъ предметовъ за 1879 годъ, оказывается, что:

	Посѣяно.	Собрано.
Цикорія.	229 п. 10 ф.	148,230 п.
Зеленаго горошка	2,652 » — »	7,637 »

И по этимъ свѣдѣніямъ, хотя, какъ надо полагать, они и ниже дѣйствительности, такъ какъ по отзывамъ скупщиковъ (оптовыхъ торговцевъ), изъ Ростова, при посредственномъ даже урожаѣ отправляется: цикорія — до 200,000 пуд., а зеленаго горошку — до 15,000 пуд., можно судить о положеніи этой главной отрасли огородничества въ Ростовскомъ уѣздѣ.

Ростовское огородничество важно не только потому, что оно питаетъ значительную часть населенія уѣзда и даетъ славу Ростовскому имени, крѣпко связанное съ интересами, бытомъ и прадѣдовскими преданіями страны, оно не падаетъ, не мельчаетъ, какъ многое другое изъ нашей отечественной производительности, а все болѣе процвѣтаетъ, привязывая крестьянина къ родному дому, родной землѣ, удерживая его отъ искушенія столицъ, отъ болѣе легкой наживы и разудалой трактирной жизни... Вотъ почему еще маленькій уголокъ ростовскихъ огородниковъ, тѣсно сжавшихся вокругъ живописныхъ береговъ Ростовскаго озера, привлекаетъ исключительное вниманіе среди обширной площади Ярославской губ.

Возвращаясь опять къ общимъ вопросамъ земельнаго хозяйства въ этой губерніи, опять повторю, что на недостаточность крестьянскаго надѣла въ ней жаловаться никоимъ образомъ нельзя. Въ большинствѣ уѣздовъ, много надѣльной земли остается даже необработанной, хотя, наряду съ этимъ, болѣе зажиточные крестьяне продолжаютъ скупать земли у помѣщиковъ. Причина тому ясна: тамъ, гдѣ кулаку-крестьянину выгодно вести большое хозяйство, тамъ не прибыльно заниматься своимъ надѣломъ простому мужику. А такъ какъ его отецъ и дѣдъ работали на фабрикѣ, торговали, или

служили въ столицѣ, и онъ спѣшитъ туда-же, оставляя все свое хозяйство на рукахъ жены и дѣтей. Поэтому, съ ранней весны большинство мужскаго населенія собирается въ отходъ, и, проѣзжая лѣтомъ нѣкоторыми деревнями, увидишь лишь стариковъ, женщинъ да ребятъ.

Они-то и занимаются полями и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. а какъ справляютъ они это трудное дѣло—свидѣтельствуютъ о томъ плачевные результаты.

Мнѣ отвѣтятъ, можетъ быть, гг. земцы Ярославской губерніи, ратующіе за увеличеніе крестьянскаго надѣла, что если въ настоящее время и не обработывается крестьянами вся, принадлежащая имъ земля, то это потому, что она плоха, что ее нечѣмъ удобрять, что у мужика нѣтъ ни скота, ни порядочныхъ земледѣльческихъ орудій, ни...

— Согласенъ, прерываю я, хотя и эта мотивировка въ данномъ случаѣ невѣрна. Но развѣ отъ увеличенія надѣла, отъ покупки чужой смежной земли она станетъ лучше; развѣ у него заведутся отъ того скотъ и орудія; развѣ наконецъ у него явится вдругъ главное— любовь къ землѣ и умѣніе обращаться съ ней?...

Если даже и выдаются ссуды на необходимое хозяйское обзаведеніе, на покупку скота-то пользы мало. Изъ десяти ярославскихъ крестьянъ, можно сказать навѣрное, 8 понесутъ деньги въ кабакъ... Нѣтъ! Горбатаго могила исправитъ! А ярославскому земству, ни настоящими, ни будущими мѣрами, будь онѣ даже лучше настоящихъ, не поднятъ у себя уровня сельскаго хозяйства...

Не безъинтересно коснуться и вопроса о переходѣ помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ.

Изъ доклада ярославской губ. земской управы губернскому собранію за 1879 годъ, объ учрежденіи земскаго банка, оказывается, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что всей земли въ Ярославской губерніи имѣется около 2.950,000 десятинъ; изъ нихъ въ одномъ Пошехонскомъ уѣздѣ около 500,000 десятинъ. Изъ этого общаго количества земли, надѣльной крестьянской земли считается—1.844,003 десятины; затѣмъ, свободной отъ надѣла и принадлежащей дворянамъ, казнѣ, церквамъ, крестьянамъ - собственникамъ и проч. сословіямъ, считается въ губерніи свыше 1.100,000 десятинъ, изъ коихъ на долю дворянскаго владѣнія приходится нынѣ только нѣсколько больше 700,000 десятинъ.

Весьма интересно было бы прослѣдить степень переходимости

дворянскихъ земель къ крестьянамъ по годамъ, начиная отъ Положенія 19 Февраля 1861 года. Но для этого нужны точныя свѣдѣнія изъ уѣздныхъ управъ, имѣющихъ полную возможность слѣдить за этимъ переходомъ, по окладнымъ листамъ, разсылаемымъ землевладѣльцамъ для сбора земскихъ повинностей.

Къ несчастью, большинство моихъ попытокъ въ этомъ смыслѣ оказались тщетными; уѣзднымъ управамъ, или слишкомъ много дѣла, чтобы заниматься такими *пустяками*, или... или онѣ и сами не могутъ разобраться въ своихъ окладныхъ листахъ, не зная хорошо— кому и когда ихъ посылали. Такимъ образомъ не удалось мнѣ узнать точнаго количества отошедшихъ отъ помѣщиковъ земель не только по годамъ и уѣздамъ, но даже и общаго по губерніи, за время съ 1861 года. Есть, понятно, и другіе источники къ отысканію этихъ цифръ, которыми я и воспользовался; но неполность ихъ, а иногда и голословность даютъ понятіе о предметѣ лишь весьма приблизительное.

Какъ курьезъ, не могу не вставить здѣсь, что одинъ мѣстный старожилъ, когда я, бросаясь туда и сюда въ погоню за дорогими свѣдѣніями, толкнулся прежде всего къ нему, какъ къ «умнѣйшему», по репутаціи, человѣку, и лучше всѣхъ знающему губернію, мнѣ рекомендовалъ обратиться за *самыми* точными свѣдѣніями къ губернскому нотаріусу.

— Какъ-же это?... удивился я.

— Да такъ! Вѣдь у него находятся всѣ купчія на продаваемыя въ губерніи земли. Изъ нихъ вы и узнаете.

— Дастъ-ли онъ мнѣ ихъ?...

— Ужъ этого не могу сказать. Если у васъ есть предписаніе, такъ дастъ вѣроятно.

— Но вѣдь мнѣ нужно за 24 года.

— Да... вотъ это только!.. Дѣйствительно брать къ себѣ на домъ неудобно. Пришлось-бы на ломовыхъ возить.

— Такъ какъ-же быть?... робко отозвался я, умоляюще всматриваясь въ тонкія черты «самаго умнаго» сторожила.

— Придется вамъ у него заниматься, въ архивѣ. Да только вы одни ничего не сдѣлаете!.. Нужно нѣсколько человѣкъ, да и то не на мѣсяцъ, и не на два тутъ работы. И съ полгодика можете просидѣть.

Я вышелъ отъ него съ твердымъ намѣреніемъ потребовать изъ Петербурга высылки въ мое распоряженіе цѣлой канцеляріи, и про-

сить отсрочки моего пребыванія въ Ярославлѣ—на годъ. Но... къ счастію, по дорогѣ это намѣреніе растерялъ; а то не миновать-бы мнѣ медицинскаго осмотра...

Только предводитель дворянства Пошехонскаго уѣзда доставилъ мнѣ точныя свѣдѣнія о своемъ уѣздѣ, которыя отчасти избавляютъ меня отъ необходимости копаться въ архивахъ губернскаго нотаріуса. Собрать эти свѣдѣнія, по его словамъ, не составляло для него никакихъ затрудненій; я ихъ получилъ въ нѣсколько дней.

Пошехонскій уѣздъ, какъ самый обильный землей и самый «земледѣльческій», представляетъ, конечно, и самый большой интересъ относительно отчужденія помѣщичьихъ земель. Въ немъ всѣ условія, болѣе другихъ уѣздовъ, благопріятны для успѣшнаго веденія помѣщичьяго хозяйства: и обиліе земли, и хорошая обработка ея, и сравнительная достаточность рабочихъ рукъ, и, наконецъ, зажиточность крестьянскаго населенія.

А между тѣмъ вотъ данныя:

Всѣхъ помѣщичьихъ земель въ уѣздѣ

было—въ 1866 г. . . . 175,484½ дес.
осталось—въ 1885 г. . . . 120,466 дес.

Значитъ убыль послѣдовала въ двадцати-лѣтній періодъ на 55,000 десятинъ слишкомъ.

Изъ таблицы, показывающей ежегодную убыль дворянскихъ земель, видно, что убыль эта производилась въ такомъ порядкѣ:

въ 1-й періодъ, отъ—	1866 г. — 1870 »	—на 3,000 дес.
во 2-й періодъ, отъ—	1870 г. — 1875 »	—на 11,000 дес.
въ 3-й періодъ, отъ—	1875 г. — 1880 »	—на 24,000 дес.
и въ 4-й періодъ, отъ—	1880 г. — 1885 »	—на 17,000 дес.

Мы видимъ рѣзкое увеличеніе цифры этой убыли въ 3-мъ періодѣ (24,000 дес.), но причины этого явленія чисто мѣстныя, *пошехонскія*, такъ сказать и о нихъ поговоримъ послѣ. Если-же представимъ два послѣдніе періода, получимъ равномѣрное почти увеличеніе цифры этой убыли, черезъ каждыя пять лѣтъ (3, 11, 17, 24),

что доказываетъ равномѣрное, плавное и могучее теченіе волны, поглощающей дворянскія владѣнія этого богатаго уѣзда.

Въ 20-ть лѣтъ ихъ унесено ровно $^1/_3$ всѣхъ земель, значитъ—на поглощеніе остальныхъ $^2/_3$ потребно по теоріи вѣроятности—только *40 лѣтъ*.

Срокъ ничтожный противъ вѣчности!...

Почему, отчего и какъ произошло это явленіе—трудно сказать *опредѣленно*.

Условій бездна. Разореніе помѣщиковъ—это главная причина, а причины этой причины:—жизнь не по средствамъ, бросаніе этихъ усадебъ на произволъ судьбы вслѣдствіе тяжкихъ до невозможности условій жизни въ деревнѣ, произволъ, беззаконіе, пьянство въ народѣ и главное—земство, новѣйшія формы земства—вотъ что разорило массу дворянъ-помѣщиковъ.

Хотя по другимъ уѣздамъ Ярославской губерніи у меня свѣдѣній точныхъ нѣтъ, но слѣдуетъ полагать, что и въ нихъ убыль дворянскихъ земель идетъ тѣмъ-же порядкомъ, если еще не въ большихъ размѣрахъ. Тамъ и условія къ тому болѣе благопріятны, вслѣдствіе запущенности земли и отсутствія рабочихъ рукъ. Только Мышкинскій уѣздъ вмѣщаетъ еще въ себѣ сравнительно большее количество дворянскихъ владѣній, но и то вслѣдствіе дороговизны земли въ немъ, являющейся главнымъ препятствіемъ къ пріобрѣтенію ея крестьянами. На долго ли хватитъ этого препятствія—сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, губернское земство ревностно заботится объ его устраненіи, предлагая крестьянамъ большія ссуды. Общая по губерніи цифра дворянскихъ земель, отошедшихъ къ крестьянамъ за 17-тилѣтіе съ 1866—1883 годъ, простирается приблизительно до 355,000 десятинъ. Не ручаюсь за точность этой цифры, но ошибка на десять тысячъ болѣе или менѣе не можетъ измѣнить существенно предмета. Эта цифра указываетъ, что дворянскихъ земель въ Ярославской губерніи до настоящаго времени убыло приблизительно около $^1/_3$, что совершенно совпадаетъ съ вычисленіями по Пошехонскому уѣзду. А средняя ежегодная убыль по губерніи можетъ быть выражена приблизительно въ 21,000 десятинъ. Такъ что безошибочно будетъ предположить, что не далеко то будущее, когда вся земля въ губерніи перейдетъ въ руки крестьянъ.

Въ началѣ крестьянской реформы, съ 1862 года, земли покупались за безцѣнокъ; теперь же стоимость ихъ очень повысилась, какъ потому, что въ рукахъ у помѣщиковъ земель осталось очень мало, такъ и потому, что губернское земство все стѣсняетъ крестьянъ въ выдачѣ значительныхъ денежныхъ ссудъ съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ, до десяти. Такимъ образомъ, это земское благодѣяніе, заставляетъ еще крестьянина, который не нуждается въ немъ, платить за землю часто въ три-дорога.

Признавъ переходъ дворянскихъ владѣній въ крестьянскія руки за совершившійся фактъ, трудно согласиться съ мечтателями, полагающими въ этомъ фактѣ несомнѣнныя данныя къ улучшенію земледѣлія въ странѣ.

Едва-ли это предположеніе сбудется когда нибудь!? Напротивъ. Примѣръ показываетъ, что купившій въ большомъ размѣрѣ землю рѣдко увеличиваетъ пропорціонально тому обработку ея. Да это и невозможно. Рабочій, имѣющій силу обработать 5 десятинъ земли никакъ не можетъ обработать 10—20 десятинъ, потому только, что она у него есть. Обыкновенно обработывается десятина, другая, а остальное идетъ или подъ выгонъ, или, что случается чаще, просто забрасывается, поростаетъ кустарникомъ. Разсчитывать-же на наемный трудъ невозможно, потому что имѣющій съ избыткомъ своей земли врядъ-ли пойдетъ обробатывать другаго. А если по *необходимости* и идетъ, то забрасываетъ окончательно свою землю.

Хотя и теперь практикуется въ большинствѣ уѣздовъ Ярославской губерніи обработка крестьянской земли пришлыми людьми изъ другихъ губерній: Тверской и Новгородской; но разсчитывать на широкое примѣненіе этого факта нельзя, какъ по причинѣ небольшаго количества свободныхъ рукъ и въ этихъ двухъ губерніяхъ, такъ и по дороговизнѣ ихъ, годъ отъ году возрастающей.

Можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ, для чего же покупаютъ землю, когда не имѣютъ, не хотятъ и не въ состояніи ея обработать?...

Но извѣстно, что крупныя покупки земли производятся преимущественно *кулаками* и рѣдко цѣлыми обществами, дѣйствительно нуждающимися въ землѣ. Общество можетъ нуждаться въ выгонѣ, въ лѣсѣ, въ лугахъ; кулакъ же покупаетъ все, ни въ чемъ въ сущности не нуждаясь.

Разсчеты покупки бываютъ различны. Иногда земля продается

больно дешево—отчего не купить? Иногда продающаяся земля прилегаетъ къ общественному выгону, такъ что крестьянскій скотъ ближайшимъ путемъ проходитъ черезъ эту землю. Кулакъ даетъ большія деньги за этотъ драгоцѣнный кусокъ и затѣмъ заграждаетъ его, не пропуская скотъ. Крестьяне плачутъ, молятъ, — и въ концѣ платятъ ему отъ штуки.

Иногда кулаку выгодно купить землю и подъ обработку, потому что онъ можетъ обработать ее почти *даромъ*.

Кулакъ—всегда хозяинъ трактира, кабака или лавочки. У него сосредоточиваются всѣ жизненные интересы окружныхъ крестьянъ, всегда, по русской натурѣ, задолживающихъ. А мужикъ-должникъ—это рабъ въ умѣлыхъ рукахъ.

Руки у кулаковъ видно умѣлыя, потому что всѣхъ своихъ должниковъ они обыкновенно обращаютъ себѣ въ рабочихъ. Тутъ-то и выгодно кулаку купить большой кусокъ земли, имѣя всегда массу рабочихъ. Онъ ихъ отрываетъ отъ своихъ собственныхъ работъ, рубитъ ими лѣсъ и проч., вычитая поденную плату изъ долгу. А какъ великъ долгъ, рѣдко кто изъ мужичковъ хорошо что и знаетъ.

Такимъ путемъ пріобрѣтенія и эксплоатаціи земель крестьянское хозяйство, надо думать, не только не улучшится, но придетъ вскорѣ въ окончательный упадокъ, чему, вѣроятно, несказанно удивятся гг. земцы.

Не смотря на своеобразный способъ веденія крестьянскаго хозяйства и на неудовлетворительность въ общихъ чертахъ земледѣлія, населеніе Ярославской губерніи никоимъ образомъ нельзя назвать бѣднымъ; государственныя подати и выкупные платежи оно уплачиваетъ съ примѣрною аккуратностью, и въ этомъ отношеніи Ярославская губернія можетъ считаться образцовой. Къ концу каждаго года уѣзды остаются съ ничтожной недоимкой, а процессъ выкуповъ почти повсемѣстно оконченъ.

Не такъ аккуратно выплачиваются населеніемъ земскіе сборы; недоимки которыхъ по разнымъ уѣздамъ достигаютъ громадныхъ цифръ, иногда до 80 тысячъ. Но тутъ причины кроются не столько въ несостоятельности населенія, сколько въ несостоятельности мѣръ, принимаемыхъ къ тому земствами, въ несостоятельности и безтолковости, вообще, ихъ хозяйскаго управленія уѣздами.

Есть и еще очень важная причина: это взысканіе съ крестьянъ

государственныхъ сборовъ въ ущербъ земскимъ. Происходитъ это такъ.

Подати, какъ извѣстно, собираются нынѣ уѣздной полиціей. Губернское казначейство, заинтересованное въ исправномъ поступленіи государственныхъ сборовъ, нисколько не страдаетъ отъ неисправности поступленія земскихъ.

Отсюда и рвеніе полиціи въ первомъ случаѣ и нѣкоторое равнодушіе во второмъ.

Но это только тенденціозная сторона факта. Самый же фактъ проявляется тѣмъ, что всѣ взыскиваемыя съ крестьянъ деньги засчитываются губернскимъ казначействомъ безусловно въ государственныя повинности.

Полицейскій чиновникъ является въ волость или селеніе и читаетъ списокъ недоимокъ. Особенное вниманіе обращается имъ, понятно, на государственныя, и, уѣзжая, онъ строго объявляетъ старостѣ, или старшинѣ:

— Чтобы были! Ты будешь отвѣчать...

Староста собираетъ съ своихъ мужичковъ съ каждаго по мѣрѣ возможности. Мужички, платя, очевидно, не входятъ въ обсужденіе, какую подать они платятъ: государственную, или земскую. За нимъ всего столько-то, онъ половину, а то и больше отсчитываетъ.

Собравъ деньги, староста высчитываетъ: столько-то въ государственныя внесу, остальныя въ земскія; больно ужъ много тѣхъ накопилось. Отправляется въ городъ, въ казначейство; тамъ ему первый вопросъ:

— Сколько собралъ всего?..

— Да собралъ то столько... говоритъ онъ нерѣшительно. А только въ земскія надо-ть внести...

— Давай всѣ! За твоимъ обществомъ и то еще останется недоимка...

Такимъ, приблизительно, путемъ достигается исправное поступленіе государственныхъ сборовъ, и отчасти (говорю *отчасти*, потому, что это все-таки только побочная причина) замедленіе въ земскихъ. Невольно поэтому думается, что было бы гораздо справедливѣе установить извѣстный процентъ, который бы обязательно отчислялся при каждомъ поступленіи податей въ казначействѣ, на пополненіе земскихъ повинностей.

Заканчивая этотъ обзоръ экономическаго состоянія Ярославской губерніи, скажу, что въ этомъ отношеніи она стоитъ въ условіяхъ, сравнительно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ другія губерніи нашей сѣверной полосы, и въ условіяхъ громаднаго превосходства надъ нашими южными, такъ-называемыми, хлѣбородными губерніями. Обширная торговля, доходная служба въ столицахъ и отчасти работы на фабрикахъ даютъ населенію средства, покрывающія его насущныя нужды. Нѣтъ правила безъ исключенія. Понятно, и въ Ярославской губерніи есть мѣста, гдѣ населеніе бѣдствуетъ; но общій уровень благосостоянія, можно смѣло назвать выше средняго.

Возьму одинъ только фактъ, случайно мною встрѣченный: въ одной изъ сельскихъ почтовыхъ конторъ, снабжающихъ корреспонденціей три волости, оказалось по справкамъ, что въ теченіи полугода, или даже меньше, хорошо не помню, было прислано крестьянамъ денежной корреспонденціи на 500,000 рублей. Это, я полагаю, достаточно характеризируетъ зажиточность крестьянскаго населенія, нѣкоторыми мѣстами губерній, просто даже богатаго.

Характеръ крестьянскаго населенія.—Крестьянское самоуправленіе.—Народное образованіе.

Типъ ярославскаго крестьянина, въ своихъ главныхъ чертахъ близко подходитъ къ типу москвича. Грубость, граничащая съ цинизмомъ, заносчивость, хвастливость, хитрость, жадность къ наживѣ и мелкій разсчетъ, ради котораго онъ вынесетъ всякія униженія:—вотъ тѣ черты, которыя дѣлаютъ его весьма мало симпатичнымъ. О пьянствѣ и говорить нечего. Это черта повсемѣстная, но у ярославцевъ и она достигла сравнительно самаго широкаго развитія.

Русскаго добродушія, сознанія собственнаго достоинства, прямоты и проч., чѣмъ такъ богатъ характеръ нашего великорусса среднихъ губерній,—въ ярославцѣ и не ищите. Онъ будетъ ползать въ ногахъ, когда ему нужно васъ надуть, а не удастся—выругаетъ и повернется спиной. Рѣдко встрѣтите по дорогамъ и проселкамъ Ярославской губерніи мужика, который бы снялъ шапку передъ вами. Будь вы даже и въ фуражкѣ съ форменной кокардой.

Можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ, откуда взялись въ ярославцахъ, населеніи одной изъ древнѣйшихъ русскихъ областей, исторія которой свидѣтельствуетъ намъ о многихъ подвигахъ его на защиту отечества, о безкорыстіи, о самопожертвованіи—эти не симпатичныя черты, не свойственныя, вообще, русской натурѣ.

Ярославецъ 18 вѣка и ярославецъ 19—два различные типа. Отвѣтъ простъ. Отталкивающія черты послѣдняго есть продуктъ позднѣйшихъ временъ; развиваясь мало-по-малу съ развитіемъ благосостоянія населенія, эти черты получили широкій ростъ только съ освобожденія крестьянъ и съ дарованія имъ самоуправленія; послѣдніе же толчки на пути этого развитія даны были появленіемъ на свѣтъ Божій безсословныхъ земствъ и уничтоженіемъ института мировыхъ посредниковъ.

Упадокъ земледѣлія, а съ нимъ и всего сельскаго хозяйства послѣдовалъ непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ. Населеніе Ярославской губерніи всегда въ замѣчательной мѣрѣ занималось торговлей и ходило на разные промыслы въ отходъ. Но тогда помѣщики, силой своей власти, удерживали необходимое число рабочихъ для успѣшной обработки земли, которая тогда и давала порядочные урожаи и не стояла поросшая кустарникомъ. Словомъ, сельское хозяйство, сообразно съ мѣстными условіями, стояло вполнѣ удовлетворительно. Народъ, отъ природы смышленый, заработывалъ на сторонѣ достаточно, чтобы уплатить оброкъ и дать все необходимое семьѣ; но современной роскоши въ крестьянскомъ быту не встрѣчалось, равно какъ и современныхъ разгула и грубости.

Потеряли власть помѣщики — и все сразу измѣнилось. Надѣлы оказались малы, земля плоха, работать никто не заставлялъ, значитъ—сидѣть дома нечего. «Земляки, вонъ баютъ, въ Москвѣ хорошо, а то и въ Питерѣ недурно...», и молодой парень, съ котомкой за плечами, отправляется по «чугункѣ»...

Это первый актъ драмы. Второй—жизнь его въ городѣ. Кабакъ, трактиръ или ресторанъ—вотъ что тянетъ его болѣе всего. Возможность легкой получки гривенниковъ и пятиалтынныхъ дѣлаетъ его все болѣе жаднымъ къ нимъ. А близкое соприкосновеніе съ спиртными напитками, съ чужимъ разгуломъ и цинизмомъ, словомъ, со всѣмъ, чѣмъ дышатъ и живутъ большіе города, очень скоро вы-

тѣсняетъ изъ души его все «отцовское» и на мѣсто того поселяетъ новое «столичное».

Парень готовъ. И году не нужно, чтобы ему быть готовымъ. Но живетъ онъ такъ не годъ и не два, а часто десятки, пока солидный капиталецъ не позволитъ ему завести самостоятельную торговлю, или нищета и ужасная болѣзнь не сведетъ въ раннюю могилу.

Интересны бываютъ и возвращенія этихъ «мужичковъ» на родину. Родину они любятъ и ѣздятъ туда часто. Вотъ является этакій парень къ себѣ «на дачу», какъ это у нихъ называется. Облекается перво-на-перво въ городской костюмъ: панталоны на выпускъ, сюртукъ, манишка, галстухъ—«пластронъ», нерѣдко цилиндръ и перчатки. Въ этомъ костюмѣ дѣлаетъ визиты сельскимъ властямъ и болѣе богатымъ односельчанамъ. Потомъ принимаетъ «у себя»—*покровительственно* урядника и волостнаго старшину, *пренебрежительно*—мужика-сосѣда, *радостно и почтительно*—мѣстнаго становаго и *подобострастно*—г. уѣзднаго исправника, когда тотъ «удостоиваетъ». Въ пріемахъ этихъ, понятно, первенствующую роль играетъ угощеніе: вино и водка съ традиціоннымъ чаемъ, а затѣмъ любезные разговоры. Степень любезности ихъ, понятно, связана съ качествомъ гостя. Сосѣду-мужичку разсказывается сказка изъ Тысячи и одной ночи о столичной жизни; волостному и уряднику та же сказка, только съ нѣсколько меньшей фантазіей, за то съ подчеркиваніемъ мѣстъ, гдѣ указывается на *близость* сказаннаго лица къ великимъ и сильнымъ міра сего, разнымъ графамъ и князьямъ, которые его такъ любятъ и «даже уважаютъ-съ, можно сказать...» Становому говорится о театрахъ, музыкѣ, искусствахъ, словомъ—о разныхъ «образованныхъ» предметахъ, равно какъ по высшей политикѣ, въ предѣлахъ самыхъ «свѣжихъ столичныхъ новостей»; впрочемъ, въ данномъ случаѣ, хозяинъ говоритъ не такъ увѣренно, оговаривается и выжидаетъ репликъ. Съ г. начальникомъ полиціи... тутъ ужъ какъ придется, т. е. каковъ этотъ начальникъ. Очень суровъ — тогда только выслушиваютъ ихъ высокоблагородіе и отвѣчаютъ на прямо задаваемые вопросы, придерживаясь при томъ «односложности» и непремѣнно добавленія окончанія—*съ*.

Снисходительны, участливы, интересуются—отчего-жъ тогда и имъ не подѣлиться «самыми этими новостями». Но только тутъ ужъ

они принимаютъ форму совершенно толковую и приблизительно вѣроятную.

Если-же «совсѣмъ запросто», веселы, любятъ *того*... ну, тогда о чемъ тутъ говорить?.. Тогда усердно подливается, подкладывается, и разнообразный, вычурный разговоръ «порхаетъ», такъ сказать, съ предмета на предметъ. Причемъ правдоподобность и удобопонятность разсказываемаго идетъ, такъ сказать, «на убыль» по мѣрѣ возрастанія симпатіи г. начальника уѣзда къ радушному хозяину и его обильному угощенію...

Въ такихъ «пріемахъ» и «выѣздахъ» проходитъ все «дачное» время богатыхъ ярославцевъ, пріѣзжающихъ домой на «побывку». О работѣ, о воздѣлываніи земли—и рѣчи не можетъ быть. Какъ-же это онъ, въ сюртукѣ, да въ цилиндрѣ, да за плугъ?!

«Да и стоитъ-ли? Плевое дѣло! Что она дастъ, эта самая земля»?..

И «эта самая земля», если не сдается въ аренду, что случается рѣдко, стоитъ себѣ необработанная, заросшая.

Кончился срокъ побывки, ярославецъ, пропивши все насущное и пустивши всѣмъ пыль въ глаза, спѣшитъ въ свой трактиръ или кабакъ, чтобы тамъ, въ грязной рубахѣ и съ грязной салфеткой подъ мышкой летать съ чайниками, подносами, графинами, бутылками, закусками и проч., низко кланяться за брошенный ему двугривенный, кивать головой за гривенникъ и нагло ухмыляться, отворачиваться спиной, когда отъ сдачи не оставляютъ ничего...

Такими приблизительно послѣдствіями отразилось 19 февраля на «отхожемъ людѣ» Ярославской губерніи.

Теперь взглянемъ и на осѣдлое населеніе, не бросившее плугъ, впрочемъ по причинамъ отъ него независящимъ. Такое населеніе живетъ, какъ я сказалъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Этотъ уѣздъ въ старину былъ житницей не только Ярославской губерніи, но всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Тамъ располагались громадныя помѣстья старинныхъ ярославскихъ дворянъ, изъ которыхъ одно маіоратное—имѣніе Лихачева, обнимающее нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, давало огромный доходъ. Крестьянскій людъ, которому жилось и привольно и сыто, отличался трудолюбіемъ, трезвостью и первобытной простотой. Что-же случилось?

Случилось то, что можно называть embarras de richesse. Полу-

чивъ по уставной грамотѣ громадные надѣлы, въ 5, 6 и больше десятинъ, крестьяне на первое время ошалѣли, не знали куда ихъ имъ дѣть. Иной и обработать всего не могъ. Стали кусочками продавать, отдавать въ аренду, или нанимать рабочихъ. Завелись у крестьянъ денежки отъ этихъ спекуляцій, равно какъ и отъ выгоднаго земельнаго хозяйства, — денежки, которыхъ до того времени въ ихъ заскорузлыхъ рукахъ не бывало; денежки, которымъ они не знали еще ни цѣны, ни сбыта, всегда досыта кормленные и тепло одѣваемые ихъ помѣщиками.

Простота нравовъ пошехонцевъ велика, но какъ не быть и между ними ловкихъ и хитрыхъ проходимцевъ! Въ короткое время ихъ стало больше, чѣмъ нужно.

Эти господа стали искушать своихъ сосѣдей прелестями культуры, которой до сихъ поръ и въ глаза не видали пошехонскіе мужички.

Явились въ каждомъ селеніи мелочныя лавочки, въ которыхъ заманчиво блестѣли самовары, лампы, стеклянная посуда, пестрѣли ситцы, шерстяныя матеріи, шелковые платочки, бусы, нитки и даже башмаки и зонтики.

Первое время все это возбуждало только удивленіе простаковъ, потомъ восторгъ, потомъ неудержимое желаніе «купить», а разъ куплено—явилась и привычка, и пошло чаепитіе, куреніе папиросъ, щегольство, пошла гулять по темнымъ избамъ блестящая роскошь, а деньги изъ нихъ поплыли въ широкіе карманы проходимцевъ, которыхъ тутъ-же народъ и окрестилъ въ «кулаковъ». А эти могучіе и безжалостные «кулаки» все выше и грознѣе подымались надъ народной массой, все крѣпче и властнѣе зажимали въ себѣ всѣ интересы этой массы, и не только настоящіе, но и будущіе.

Когда вывелось изъ мужицкихъ сундуковъ все, что дало имъ 19 февраля, они стали закладывать свое будущее, свой урожай, свою родную хату и свой трудъ. И сознаетъ мужикъ свою безтолковую жизнь, свою гибель, да не въ силахъ ужъ остановиться. Вѣдь онъ всегда былъ ребенкомъ, ребенкомъ и остался.

Только кряхтитъ да ахаетъ, вспоминаючи, какъ прежде, молъ, жилось—«и безъ денегъ, и безъ заботъ...»

Явился на свѣтъ Божій другой бичъ, горше перваго. Роскошь

отняла у крестьянина только деньги, а кабакъ—и деньги, и здоровье и нравственность, и разсудокъ.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ завелось множество винокуренъ. Условія къ тому были самыя выгодныя: обиліе скота, хлѣба, рабочихъ рукъ и свободныхъ денегъ; и пошли выростать, какъ грибы, заводы, а при нихъ кабаки, другъ съ другомъ конкуррируя и каждый наперекоръ другому облегчая до возможныхъ предѣловъ пріобрѣтеніе крестьянами своихъ продуктовъ.

Многіе заводы не выдержали конкурренціи, рухнули; за то тѣ, которые остались, уже властно захватили монополію, залили водкой уѣздъ, споили буквально населеніе и послужили основой милліоннымъ состояніемъ мѣстныхъ тузовъ-кулаковъ.

Кто не знаетъ этихъ длиннополыхъ senior'овъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ? Кто ихъ не помнитъ простыми лапотниками, а нынѣ распоряжающимися, посредствомъ земскаго и городскаго самоуправленія, судьбами города и уѣзда?.. Кто не испытывалъ ихъ грубаго, чисто кулачнаго насилія; кто не былъ свидѣтелемъ ихъ грязныхъ продѣлокъ на широкомъ поприщѣ «самоуправленія»; кого, наконецъ, не разило ихъ беззавѣтное нахальство и безъ обиняковъ высказываемое сознаніе той денежной «сивушной» силы, коей они справедливо считаютъ себя представителями?..

Вотъ чѣмъ отразилось 19-ое февраля на земледѣльческомъ и осѣдломъ населеніи Ярославской губерніи; вотъ кто замѣнилъ для нихъ дореформенныхъ помѣщиковъ, и вотъ какого рода «свобода» наступила для нихъ послѣ варварскаго «рабства»...

Какъ видимъ, злосчастныя обстоятельства, хотя далеко не случайныя, вывели бѣдное и простодушное населеніе Пошехонскаго уѣзда на узкій и кривой путь. На этомъ пути оно уже приняло новѣйшее просвѣщеніе, и, надо думать, дальше просвѣщаться не захочетъ, да и не на что... Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ этомъ обезличеніи и обѣднѣніи населенія виновата не одна сила обстоятельствъ. Добрую частицу этой вины должны принять на себя и дворяне-помѣщики.

Было время сейчасъ послѣ реформы, когда они, сильные еще вѣковымъ авторитетомъ въ населеніи, сильные и матеріальными средствами, кои не только не изсякли у нихъ за освобожденіемъ

крестьянъ, но, во многихъ случаяхъ, даже улучшились, ибо земля обратилась въ деньги, тогда было именно то время, когда дворянинъ-помѣщикъ могъ бороться съ растлѣвающимъ духомъ времени, съ зарождающимся кулачествомъ, могъ сосредоточить у себя интересы его бывшихъ крестьянъ, а не бросить ихъ всецѣло въ объятія хищныхъ кулаковъ. Онъ могъ стать тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ кулакъ, только въ лучшемъ смыслѣ этого слова. И пути къ этому были донельзя просты. Бороться съ кулаками можно было ихъ средствами—конкурренціей. То, что доставлялъ народу кулакъ, могъ доставить и помѣщикъ, если ужъ въ народѣ сильно укоренилась къ тому потребность. Но способы, пріемы этой доставки могли быть, и, вѣроятно, были бы, нѣсколько иные. Тогда бы народъ бросился къ ихъ исконнымъ покровителямъ, не обиравшимъ, не закабалявшимъ ихъ, и ужъ отъ доброй воли этихъ покровителей зависѣло бы повести это стадо дѣтей къ отрезвленію, къ старымъ традиціямъ..

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ по нашему крайнему разумѣнію. Въ этомъ еще больше убѣдился я, когда случай доставилъ мнѣ удовольствіе погостить въ селѣ Васильевскомъ у г. В., котораго остроумныя корреспонденціи приходилось мнѣ еще раньше читать на столбцахъ «Гражданина».

Г. В. получилъ усадьбу сильно запущенную, почти разоренную. Много денегъ, труда и крови стоило почтенному хозяину Васильевскаго, чтобы добиться настоящихъ результатовъ. А результаты эти завидны, если сравнить ихъ съ результатами повсемѣстнаго дворянскаго хозяйства.

Среди большинства разрушающихся, полинялыхъ и обветшалыхъ усадьбъ Пошехонскаго уѣзда, гордо высится его щегольской домъ, въ которомъ вы найдете всѣ удобства и даже комфортъ городскихъ помѣщеній.

Среди крупныхъ окрестныхъ владѣній помѣщиковъ, не приносящихъ или никакого, или самый ничтожный доходъ (имѣніе г. Лихачева, въ которомъ числится до 20,000 десятинъ, почти ничего не даетъ доходу). 1,700 десятинъ г. В., изъ которыхъ удобной и запаханной земли только сотня-другая десятинъ, приноситъ ему въ хорошій годъ до 5 и больше тысячъ рублей доходу, и доходъ этотъ съ каждымъ годомъ все увеличивается. А лѣтъ десять назадъ—это запущенное имѣніе не давало тоже почти ничего.

Среди повсемѣстныхъ громкихъ жалобъ помѣщиковъ на *невозможность* хозяйничать за неимѣніемъ рабочаго, который, благодаря безнаказанности послѣднихъ лѣтъ, сталъ, что называется, звѣремъ: грубъ, пьянъ, воръ и проч., у г. В. всегда поля во время вспаханы, засѣяны, мужики его не поджигаютъ, и если обираютъ, то незначительно. Мало того: во время ежегодной ярмарки, которая происходитъ въ самомъ селѣ, масса пьянаго окрестнаго населенія никогда еще не производила въ его имѣніи никакихъ безпорядковъ, ни кражъ.

А почему все это?—потому, что г. В. заслужилъ репутацію дѣльнаго хозяина, строгаго, но и добраго хозяина, потому что не ѣздитъ «освѣжаться» по столицамъ, а сжился и сроднился совершенно съ глушью, съ мужикомъ, не утративъ при этомъ качествъ хорошо воспитаннаго и образованнаго человѣка. Этотъ единичный примѣръ доказываетъ по моему, что еще можно, что еще не окончательно поздно потрудиться дворянству хоть самую малость на пользу населенія, на свою собственную пользу.

Разбѣжавшись изъ своихъ вотчинъ потому, что у нихъ отняли власть, что сократили у нихъ штаты «дворовыхъ», что урѣзали ихъ привычки, что какой нибудь Ванька казачекъ за данный ему подзатыльникъ бѣжитъ жаловаться къ мировому, который вызываетъ къ себѣ *его*, помѣщика... и ставитъ рядомъ... съ кѣмъ же? со щенкомъ Ванькой, который такъ недавно еще барахтался въ лужѣ возлѣ чернаго крыльца, обоимъ имъ говоритъ *господинъ*, предлагаетъ мириться (Господи! мириться, просить прощенія у этого... Умора!) и затѣмъ, вдоволь надругавшись надъ ними, еще штрафуетъ, а то тюрьмой грозитъ... разбѣжавшись, я говорю, отъ этихъ уколовъ самолюбія, хотя впрочемъ и очень чувствительныхъ, гг. дворяне-помѣщики не знали, или не хотѣли знать, что этимъ они губятъ населеніе и край.

Когда же общипанные столичной жизнью, разочарованные, больные, они заглянули въ родныя гнѣзда и спохватились,—было уже поздно. Кулакъ, водка и беззаконіе пустили уже слишкомъ глубокіе корни. Вырвать ихъ было нельзя, но бороться съ послѣдствіями—можно и казалось бы *должно*.

Чего однако и понынѣ не дѣлается, хоть, по общимъ отзывамъ, жить становится день ото дня хуже. Но, mettons le points sur les *i*.

Ужъ подлинно ли помѣщики тѣ невинныя жертвы, которыя нынѣ несутъ искупленіе за ошибки великихъ реформъ? Они жертвы—въ этомъ никто не сомнѣвается; но совсѣмъ ли невинныя?... въ этомъ я позволю себѣ усомниться.

Въ разговорѣ съ г. В., когда онъ рисовалъ картину безотраднаго положенія своего уѣзда «великаго и обширнаго всѣмъ, кромѣ порядка», между прочимъ, сообщилъ онъ мнѣ и слѣдующее.

— Возьмите хоть Л—а! Да будь я на его мѣстѣ, я бы въ два-три года забралъ весь уѣздъ, въ свои руки. Я бы убилъ всѣхъ кулаковъ, какъ пить дать. Убилъ ихъ собственнымъ оружіемъ, водкой. Вѣдь у него 20 тысячъ десятинъ земли, да, говорятъ, до милліона денегъ. Вѣдь это сила, силища, съ которой можно перевернуть весь уѣздъ вверхъ ногами.

— Что-жь бы вы сдѣлали? полюбопытствовалъ я.

— Что? Да я бы открылъ винокуренный заводъ, да не одинъ, а десять. Ухлопалъ бы на это 200—300 тысячъ, благо деньги есть, и разомъ убилъ бы двухъ зайцевъ.

Поднялъ бы сельское хозяйство, которое бы мнѣ дало одно десятки тысячъ лишнихъ, пустилъ бы водку гривенникомъ, двумя, тремя дешевле—и тѣмъ убилъ бы всякую конкурренцію. Ну, а когда всѣ эти господа протянули бы ножки, я бы имъ не далъ больше ожить. Я бы весь уѣздъ держалъ въ своихъ рукахъ. И пообчистилъ бы же я его отъ всякихъ проходимцевъ... Да бодливой коровѣ Богъ роrъ не даетъ, закончилъ онъ энергично.

— Неужто Л—ву это въ голову не приходитъ?..

— Видно нѣтъ! Вонъ онъ выстроилъ у себя среди болотъ и лѣсовъ дворецъ. Мраморныя лѣстницы, зеркальныя стекла, все тамъ есть. А въ комнатахъ такая холодина, что жить нельзя. Теперь даже говорятъ...

— Пріѣзжаетъ онъ сюда?

— Какъ же, бываетъ! Охота у него тутъ громадная, собакъ гибель. Оркестръ свой держалъ, теперь кажется распустилъ. Только въ дѣлахъ онъ ровно ничего не смыслитъ. Вотъ поѣхать въ Пошехонь съ своимъ оркестромъ, балъ тамъ устроить, оглушить всѣхъ, отуманить—на это онъ мастеръ...

Это ли еще требуетъ комментарій?..

Расшатывающійся организмъ сельской жизни еще кое-какъ поддерживала дѣятельность мировыхъ посредниковъ. Такъ говорятъ многіе.

Не заинтересованный въ выборахъ, а слѣдовательно не обязанный ни передъ кѣмъ заискивать, отвѣтственный передъ начальствомъ и облеченный *дѣйствительною* активною властью въ предѣлахъ своего участка, онъ былъ единственной опорой, за которую хватались сбитые съ толку, обираемые и одурачиваемые крестьяне. Они знали его, знали дорогу къ нему и ни къ кому больше. Явились выборные, явился непремѣнный членъ, и хотя крестьянинъ хорошо почувствовалъ, какъ заискиваются, какъ потворствуютъ ему эти господа, надъ которыми онъ имѣлъ власть *черного шара*, но отъ потворства и безвластья ему не стало легче. Выиграли только тѣ же кулаки и выиграли насчетъ всего остальнаго населенія, которое все больше и больше деморализовалось, потерявъ совсѣмъ ясность сознанія окружающаго.

Что нáчало освобожденіе крестьянъ, то съ успѣхомъ кончаетъ теперь земство.

Сбитаго съ толку, необразованнаго, несчастнаго «мужичка» оно взяло подъ свою опеку, подъ свое теплое крылышко, обѣщая ему всѣ блага, которыхъ онъ не имѣетъ. Мужичекъ подумалъ: что за штука? Спросилъ у него денегъ.—Далъ! Спросилъ еще и еще, и все въ большихъ размѣрахъ. «Постой, говоритъ, за что же? Допрежь не брали»!..

— Экій ты простофиля! Мы тебѣ дороги строимъ, больницы, школы, а ты еще... Экъ!

— Да мнѣ не надо-ть!.. Мнѣ деньги нужны!..

— Деньги?.. Сдѣлай милость, бери!.. На покупку надо? Мало земли?—Бери! На посѣвъ? . Бери!.. На пьян... впрочемъ, этого оффиціально не говорится.

Мужичекъ обрадовался, пошелъ и взялъ. Только когда пришло время отдавать, съ него требуютъ гораздо больше.

— Зачѣмъ же?.. удивляется онъ.

— А затѣмъ, болванъ, что *порука*... понимаешь! Порука круговая. Иванъ не платитъ, Ѳедоръ не платитъ, Ѳома тожъ (слѣдуетъ перечисленіе), такъ, значитъ, съ другихъ надо. Разложить, значитъ, надо-ть. Ну? Взяли въ толкъ?..

Взять-то взялъ въ толкъ мужичекъ, только все въ затылкѣ чешетъ.

— Несправедливо! говоритъ онъ. За что-же мнѣ платить столько? У Ивана деньги у самого есть. У него больше чѣмъ у меня. Өедоръ пропилъ все; Өома ничего не дѣлаетъ... (слѣдуетъ перечисленіе), а мнѣ за нихъ платить!! Не вѣрно это!..

— Вѣрно, говорятъ тебѣ! Ужъ ты не разсуждай, плати, а то опишутъ...

Платитъ мужичекъ, разоряется, но ужъ больше земскихъ денегъ не хочетъ. За то кулакъ Иванъ, пьяница Өедоръ, лѣнтяй Өома и множество другихъ... у-ухъ! какъ падки до земскихъ денегъ.

— Вѣдь даромъ даютъ!.. Чего лучше!.. Славное это самое учрежденіе, земство... говорятъ они, облизываясь. Ничего не дѣлаешь, а живешь, ничего... поманеньку! Дай Богъ ему здоровья...

И, опекаемые нѣжной рукой земства, кулаки, пьяницы и дармоѣды размножаются и тучнѣютъ насчетъ худѣющихъ и выбивающихся изъ силъ своихъ односельчанъ, которые смотрятъ, удивляются, завидуютъ, да близки сами къ «забастовкѣ»...

Вотъ каковы преобладающія черты характера крестьянскаго населенія Ярославской губерніи вотъ и причины, ихъ вызвавшія.

— Неутѣшительная картинка, скажутъ мнѣ.—Чѣмъ богаты, тѣмъ рады не взыщите! Но есть много и утѣшительнаго. Есть нѣсколько и свѣтлыхъ сторонъ въ характерѣ ярославца, которыя заставляютъ мириться съ его недостатками.

Ярославцы—народъ въ высшей степени религіозный и беззавѣтно преданный своему Царю. Ярославецъ уважаетъ своего попа и всегда радъ помочь ему въ нуждѣ; онъ аккуратно посѣщаетъ храмъ и жертвуетъ, что можетъ, на постройку и украшеніе его. Поэтому рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое обиліе и такое благолѣпіе церквей, какъ въ Ярославской губерніи.

Чѣмъ жаднѣе ярославецъ къ наживѣ, чѣмъ богаче онъ,—тѣмъ набожнѣе, тѣмъ усерднѣе дѣлится своимъ добромъ съ Богомъ, видя только въ Немъ причину своего настоящаго благополучія и залогъ будущаго.

Пропагандисты и пропаганда еще не появились среди ярославскаго народа. А если бы и явились, то не нашли бы тамъ ровно никакой почвы для себя. Они встрѣтили бы неотразимый отпоръ въ энтузіазмѣ любви ярославцевъ къ своему Монарху, Престолу и исходящей отъ Него власти съ одной стороны, а съ другой — въ его

дѣловитости, матеріализмѣ, въ предпочтеніи дѣйствительности идеѣ, въ его равнодушіи къ химерному будущему, передъ осязаемымъ настоящимъ.

Обыкновенный пріемъ гг. пропагандистовъ—обѣщаніе прирѣзовъ земли и вообще вся *земельная* сторона пропаганды — ни коимъ образомъ не примѣнимы къ крестьянамъ-ярославцамъ. Непримѣнимы потому, что они народъ не земледѣльтескій, что главныя средства къ жизни почерпаютъ не изъ земли. Аграрный вопросъ, нашедшій столь удобную почву для себя въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, здѣсь не мыслимъ.

Чтобы охарактеризовать полную стойкость понятій ярославскаго крестьянства относительно правительственныхъ мѣропріятій и спокойное настроеніе ихъ умовъ, достаточно сказать, что когда въ 1879 году стали распространяться въ народѣ ложные слухи о прирѣзѣ земли, достаточно было опубликованія среди крестьянъ одного циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ о ложности этихъ слуховъ, чтобы они тотчасъ и безвозвратно исчезли.

Однако и въ этой мирной губерніи, отъ времени до времени, случаются обстоятельства, волнующія общество и возбуждающія во многихъ подозрѣніе чисто политическаго характера.

Такъ, въ одномъ изъ уѣздовъ, стали безпокоить населеніе и особенно помѣщиковъ упорные поджоги. Жгли и въ самомъ городѣ и въ уѣздѣ. Жгли всегда усадьбы, или хозяйскія постройки: гумна, риги, скотные дворы, конюшни и проч. Упорность этихъ поджоговъ, при упорномъ сокрытіи виновныхъ, породила слухи о подстрекателяхъ съ политическимъ оттѣнкомъ, которые будто бы убѣждали крестьянъ, что единственное средство *выжить* помѣщика и заставить его продать крестьянамъ за безцѣнокъ землю—жечь его. Но вскорѣ обнаружилось, что поджигатели-крестьяне дѣйствовали только изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, или просто такъ, наобумъ, отъ безшабашности. По мнѣнію жителей, слѣдовало только одного, или двухъ изъ нихъ схватить и выслать за предѣлы губерніи, чтобы навсегда прекратить поджоги. Полагаю, что мѣры эти въ настоящее время и приняты.

Въ томъ же уѣздѣ, въ сѣверныхъ окраинахъ его, заселенныхъ полудикимъ населеніемъ, былъ случай и насильнаго захвата крестьянами чужой земли, въ неразмежеванной казенной дачѣ. Опять за-

заволновались, опять пошли слухи, но дѣйствительность указала только на непониманіе крестьянами правъ своей собственности.

Необходимо отмѣтить еще одну нравственную черту ярославскаго населенія—привязанность его къ родной землѣ и къ родному дому, живущую въ немъ наряду со страстью къ шатаніямъ и къ искательству приключеній. Доказательствомъ тому можетъ служить постоянная забота ярославца о своемъ домѣ. Онъ присылаетъ деньги на поправку его; на красивую отдѣлку, а нерѣдко строитъ и каменные дома, хотя самъ въ нихъ не живетъ. Въ каждомъ ярославцѣ первенствуетъ страсть къ наживѣ, но никогда не заглушаетъ она любви его къ семьѣ и къ родинѣ. Сколько бѣдняковъ ярославцевъ, вышедшихъ изъ родныхъ селъ съ котомками за плечами на поиски счастья, возвращаются туда милліонерами, убѣленные сѣдиной, украшенные орденами поверхъ тучныхъ тѣлъ,—и ни одинъ изъ нихъ еще не отрекся отъ своего убогаго селенія: то школу; то церковь, то пріютъ строитъ онъ тамъ въ воспоминаніе былыхъ годовъ дѣтства, помогаетъ односельчанамъ, даритъ имъ и проч. Поѣзжайте любымъ селеніемъ и вы непремѣнно увидите, среди убогихъ хатъ, хорошенькій деревянный домикъ, съ рѣзьбой, съ садикомъ, затѣйливо раскрашенный, обвитый дикимъ растеніемъ лѣтомъ, и тщательно обложенный соломой на зиму. Гдѣ есть одинъ-два такихъ привѣтливыхъ домика,—то селеніе бѣдное. А въ большинствѣ—цѣлыя улицы сплошь уставлены такого рода домами. Въ нихъ рѣдко живутъ зимой. Это тѣ «дачи», куда ярославецъ-половой, трактирщикъ или торговецъ, ѣздитъ провести лѣтомъ мѣсяцъ-другой въ «выѣздахъ» и «пріемахъ». Они придаютъ селеніямъ особенно нарядный и оригинальный видъ, но рядомъ съ ними убогая, черная, покосившаяся хата бѣдняка-земледѣльца, *мѣстнаго* жителя, кажется еще убоже, чернѣй, и этотъ контрастъ весьма портитъ общее хорошее впечатлѣніе.

Переселенія цѣлыми селами въ Ярославской губ. не существуетъ. Хотя случаи перехода изъ крестьянскаго сословія въ мѣщанское и не рѣдки, но всегда почти выкупающій свой душевой надѣлъ оставляетъ на немъ свою семью, самъ отправляясь куда глаза глядятъ.

Считаю не лишнимъ, сказать тутъ кстати нѣсколько словъ и о мѣщанскомъ сословіи, живущемъ среди крестьянъ. Въ средѣ сельскаго населенія Ярославской губерніи есть много крестьянъ, носящихъ названіе—мѣщанъ. Они живутъ или цѣлыми деревнями, или разбросаны между крестьянскимъ населеніемъ; бываютъ деревни, состоящія на половину изъ крестьянъ, на половину изъ мѣщанъ. Своимъ внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни и занятій они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, выполняя одинаково съ ними всѣ повинности и государственныя, и земскія. Но они не принадлежатъ къ обществамъ, среди которыхъ живутъ, и не подчиняются органамъ крестьянскаго самоуправленія, какъ-то: волостному старшинѣ, сельскому старостѣ и выше непремѣнному члену и уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Они не пользуются всѣми выгодами этого самоуправленія и, одновременно съ тѣмъ, всѣми благами, даруемыми населенію уѣздовъ посредствомъ земства, такъ: они не получаютъ ссудъ на покупку земли, на обсѣмененіе полей. Земства призваны охранять, а не стѣснять, уже по самому смыслу своего существованія и по тѣмъ идеаламъ, которые оно преслѣдуетъ Да и что этимъ достигнется?

Развѣ можно заставить заниматься своимъ надѣломъ, когда онъ плохъ, когда хозяинъ пьяница, или лѣнтяй?.. Развѣ запретивъ ему продажу, можно разсчитывать, что онъ не уйдетъ, не забросятъ землю?..

Думаю, что нѣтъ, и основываюсь на данныхъ, уже высказанныхъ мною по вопросу о земельномъ хозяйствѣ и характерѣ населенія Ярославской губерніи. Скажу даже болѣе. Мнѣ кажется, что настоящій порядокъ даже болѣе освобождаетъ край отъ пролетаріата, чѣмъ тотъ, который практикуетъ губернская управа. И вотъ почему: свобода продажи выкупленныхъ надѣловъ даетъ возможность желающимъ выходить изъ общества и тѣмъ избавляетъ эти послѣднія часто отъ пьяницъ и тунеядцевъ. Тогда какъ прикрѣпленіе ихъ къ надѣлу, а слѣдовательно и къ обществу, обременяетъ послѣднее вѣчной обузой.

Но можетъ быть управа подразумѣваетъ только крестьянъ собственниковъ, владѣющихъ землей не на общинномъ основаніи? — тогда мой послѣдній доводъ, понятно, мѣста не имѣетъ.

Какъ-бы тамъ ни было, а сельскій пролетарій, по моему, можетъ исчезнуть только съ видоизмѣненіемъ основныхъ началъ крестьянскаго самоуправленія, а не посредствомъ экономическихъ, стѣснительныхъ и всякихъ другихъ мѣръ.

Еще одно зло, снѣдающее крестьянъ, — это произвольное обложеніе самихъ себя мірскими сборами. Въ Ярославской губ. сплошь и рядомъ встрѣчаются села, гдѣ крестьяне этихъ сборовъ платятъ гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ налоговъ вмѣстѣ — государственныхъ и земскихъ. Мірскіе сборы идутъ на жалованье служащимъ въ сельскихъ общественныхъ должностяхъ: волостному старшинѣ, старостѣ и волостному писарю. Старшины повсемѣстно получаютъ жалованья вдвое, втрое и болѣе противъ того, что они сами, оставаясь простыми крестьянами, могли-бы заработать.

Есть волости, гдѣ старшины получаютъ жалованья до 1000 руб. въ годъ, а жалованье въ 500 рублей—вещь весьма обыкновенная.

Отсюда ясно, что быть волостнымъ старшиной весьма *выгодно*, и разъ попавшій на эту должность старается удержать ее за собой посредствомъ всевозможныхъ происковъ и интригъ, между которыми всегда первенствуютъ: угощеніе избирателей виномъ и ссуды ихъ деньгами; передъ выборами же практикуется широкое потворствованіе интересамъ сильнѣйшихъ членовъ волости, т. е. кулаковъ, на счетъ всѣхъ другихъ.

Такимъ образомъ, искусившійся въ происках и побратавшійся съ кулаками, старшина самъ дѣлается кулакомъ и бариномъ, бросаетъ землепашество и заводитъ торговлю; а торговать ему весьма прибыльно, потому что лавочка волостнаго старшины всегда привлекаетъ къ себѣ больше покупателей, чѣмъ всѣ другія.

— Онъ—старшина, власть, нельзя... разсуждаетъ мужичекъ, почесываясь, когда его спрашиваешь, почему именно тотъ покупаетъ муку у старшины въ лавкѣ, когда у Спиридонова, по сосѣдству, мука и дешевле и лучше.

При настоящемъ порядкѣ вещей, т. е. при настоящемъ порядкѣ выборовъ и существованіи волостныхъ старшинъ, безъ старшинъ-кулаковъ обойдтись невозможно; а старшина-кулакъ, худшій изъ всѣхъ кулаковъ, самое тяжкое изъ всѣхъ бѣдствій населенія.

Поэтому представляется крайней необходимостью ограничить закономъ извѣстный maximum цифры сборовъ съ крестьянъ на мірскія потребности и, параллельно съ тѣмъ, такимъ-же maximum-омъ ограничить цифру содержанія волостныхъ старшинъ, чтобы эта должность не представлялась одной лишь матеріальной выгодой, а была почетной службой, соединяющей съ собой только обезпеченіе

насущныхъ нуждъ крестьянина, оторваннаго ею отъ занятія по собственному хозяйству.

Таковы существенныя черты и недостатки крестьянскаго самоуправленія въ Ярославской губерніи. Самоуправленіе это по всей матушкѣ-Руси одинаково, а слѣдовательно и недостатки его въ большинствѣ случаевъ тоже одинаковы. Описываемая мною губернія принадлежитъ, однако, къ тѣмъ, въ которыхъ они проявляются съ большей рѣзкостью, и больше заставляютъ о себѣ думать и говорить.

Ужъ очень страдаютъ отъ нихъ интересы и самая жизнь частныхъ лицъ. И хотя эти частныя лица преимущественно мужички, но вѣдь и они люди и у нихъ терпѣніе имѣетъ свой предѣлъ...

Большая рѣзкость, безшабашность, необузданность въ проявленіяхъ «*самоуправства*» на крестьянскихъ сходахъ въ Ярославской губерніи зависитъ прямо отъ характеристики населенія; всѣ его черты отразились и на его «самоуправленіи»; весьма смышленое по природѣ, оно развилось, на пагубу себѣ, развитіемъ столичныхъ трактировъ, кабаковъ и фабрикъ. Это развитіе выдвинуло на первый планъ для него — рубль и имъ задавило всѣ традиціи старины и голосъ совѣсти...

Мировыхъ посредниковъ, державшихъ палку надъ этимъ стадомъ разношерстныхъ звѣрковъ, смѣнило вѣжливое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и не менѣе вѣжливые — непремѣнный членъ и мировой судья. Они вѣжливы до того... что ихъ какъ-то и не примѣчаешь. По крайней мѣрѣ, въ Ярославской губерніи я знаю только меньшинство уѣздовъ, гдѣ видѣлъ непремѣнныхъ членовъ, живущихъ на мѣстѣ и изрѣдка выѣзжающихъ въ уѣздъ, а также и крестьянскія присутствія, собирающіяся довольно аккуратно. Въ большинствѣ же — непремѣнные члены подолгу не живутъ у себя въ уѣздахъ, а если живутъ, то потому, что за дряхлостью никуда выѣзжать не способны. Крестьянскія присутствія собираются разъ въ мѣсяцъ и рѣшаютъ сотни самыхъ запутанныхъ дѣлъ съ быстротой, достойной лучшаго примѣненія. О предварительномъ разслѣдованіи дѣлъ и тяжбъ, о командированіи для справокъ на мѣстѣ непремѣнныхъ членовъ—и помину нѣтъ. Эти господа, получающіе по 2,000 руб. въ годъ, служатъ нерѣдко, можно сказать, только для чести украшать собой уѣзды. Теперь, когда уже окончены выкупныя

операціи, — они оказываются положительно стипендіатами дворянства. Разъѣзжать по ужаснымъ проселкамъ, по порученію уѣздныхъ присутствій — они для этого не годятся — ils sont plus haut que ça. Для этого существуютъ чины полиціи, у которыхъ и кожа толста, и нервы крѣпки. А затѣмъ... затѣмъ они ровно ничего не дѣлаютъ, въ чемъ они и сами простодушно сознаются.

Ненадобность непремѣнныхъ членовъ въ принципѣ давно была уже сознана ярославскимъ земствомъ, когда только эти господа носили названіе *мировыхъ посредниковъ* и были назначаемы отъ правительства. Если же потомъ оно само ихъ просило и теперь еще слабо отстаиваетъ ихъ пользу, то ясно, что просили тѣ, кому нужны были земскіе 2,000 руб. содержанія, а отстаиваютъ тѣ, кому стыдно сознаться въ своей грубой ошибкѣ. Если бы вдругъ случилось, что правительство *рѣшилось бы* само выбирать и назначать на эту должность, я безусловно увѣренъ, земство въ одинъ голосъ провричитъ: «Не надо, не надо! Совсѣмъ они намъ не нужны и безполезны!..» А между тѣмъ, только тогда они и могли бы быть полезными (а нужны они и теперь), дѣйствуя подъ строгимъ контролемъ губернскаго начальства и подъ страхомъ потерять мѣсто. Тогда они не жили бы въ *чужихъ* имъ уѣздахъ, не отказывались бы, подъ предлогомъ преклонныхъ лѣтъ, отъ поѣздокъ въ уѣздъ, тогда бы, вѣроятно, и не назначались на такія мѣста лица 70—80 лѣтъ, только для *выслуги* пенсіона... Тогда бы также гг. непремѣнные члены не зависѣли отъ своихъ избирателей и не должны бы были передъ ними заискивать; тогда бы не пришлось имъ играть въ руку волостныхъ старшинъ, своихъ ближайшихъ подчиненныхъ, и, вообще, крестьянъ, насчетъ дворянъ и особенно полиціи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣ практикуется особенно широко. Тогда бы они и не имѣли того вреднаго вліянія на выборахъ, какъ крестьянскихъ, такъ и земскихъ, вліянія, которое нынѣ имъ дается силой власти, силой уступокъ и соглашеній съ избирателями. Тогда бы... ахъ, это вѣчное тогда бы! Тогда бы они не даромъ стоили губерніи 20,000 руб. ежегодно...

Непремѣнный членъ и волостной старшина—вотъ два лица, могущія, по своему вліянію на населеніе, приносить большую пользу на выборахъ, или большой вредъ. Въ большинствѣ случаевъ, силой естественнаго порядка вещей, они приносятъ вредъ, и потому не

лишне бы подумать объ устраненіи этихъ двухъ лицъ отъ участія въ земскихъ собраніяхъ. Тамъ они имѣютъ громадное значеніе, руководимые предводителемъ дворянства или другимъ вліятельнымъ гласнымъ, и потому могутъ *гнуть* все по своему.

Иногда приходится слышать, что непремѣнный членъ *принудилъ* волостнаго старшину подать мнѣніе за то-то, или того-то, а волостной старшина—простаго крестьянина. Не сомнѣваюсь, что въ этихъ слухахъ мало правды, ну ужъ для того, чтобы не подавать къ нимъ повода, слѣдовало бы провести вышеозначенную мѣру.

Крестьянское населеніе Ярославской губерніи, вполнѣ сознавая необходимость распространенія образованія между молодымъ поколѣніемъ, охотно даетъ большія средства на постройку первоначальныхъ школъ и на обзаведеніе ихъ учебными пособіями. Потому всѣ земскія школы въ губерніи построены на иждивеніе сельскихъ обществъ, или на счетъ избранныхъ отъ нихъ попечителей. Земства же выдаютъ только содержаніе учащему персоналу, отъ 15—20 руб. въ мѣсяцъ.

Дѣти поступаютъ въ школы отъ 9—12-лѣтняго вотраста и кончаютъ ихъ черезъ два-три года, въ строго-религіозномъ направленіи. Большинство учителей въ этихъ школахъ принадлежитъ къ неокончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и весьма незначительное число изъ окончившихъ учительскія семинаріи. Первые поступаютъ въ эту должность съ единственною цѣлью — избѣжанія воинской повинности и боясь потерять мѣсто, а слѣдовательно и попасть въ наборъ, относятся къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно.

Весьма значительный контингентъ обучающихъ въ народныхъ школахъ Ярославской губерніи принадлежитъ женскому персоналу; учительницы выбираются изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ женскихъ училищахъ или въ гимназіяхъ; желающихъ поступить въ учительницы всегда очень много, такъ что выборъ дирекціи представляется весьма широкій и существуетъ полная возможность избирать лицъ только съ исключительно хорошими аттестатами, удостоенныхъ наградами.

Женскій персоналъ въ начальныхъ школахъ Ярославской губерніи приноситъ серьезную пользу дѣлу народнаго образованія и справедливо можетъ считаться болѣе желательнымъ, нежели муж-

ской. Женщины-учительницы занимаются дѣломъ для самаго дѣла, всю душу вкладываютъ въ это занятіе, мужчины — въ большинствѣ случаевъ только *пристегиваютъ* себя къ народной школѣ, какъ къ спасенію отъ ненавистной имъ «солдатчины»; съ этой спокойной позиціи имъ удобно выжидать «лучшихъ временъ и лучшихъ обстоятельствъ».

Не смотря на широкое сравнительно развитіе дѣла образованія въ Ярославской губерніи, не смотря на большое количество всевозможныхъ народныхъ школъ: земскихъ, частныхъ, казенныхъ и церковно-приходскихъ, спросъ на учителей и учительницъ далеко не соотвѣтствуетъ предложенію его; въ настоящемъ году излишекъ въ предложеніи выразился въ *500* кандидатахъ на учительскія мѣста, записанныхъ въ дирекціи народныхъ училищъ, и цифра эта годъ отъ году возрастаетъ, что, страннымъ образомъ, свидѣтельствуетъ о выгодности этого занятія, или, по крайней мѣрѣ, о предпочтеніи его передъ массой другихъ. Я говорю *«страннымъ образомъ»* потому, что по общимъ отзывамъ представлялъ себѣ до сихъ поръ положеніе учителя особенно бѣдственнымъ, почти крайнимъ.

Правительственный надзоръ за училищами ввѣренъ 4-мъ лицамъ: директору и 3-мъ инспекторамъ.

При самомъ добросовѣстномъ даже отношеніи къ своимъ обязанностямъ, все свободное время, переѣзжая отъ уѣзду къ уѣзду, отъ школы къ школѣ, для наблюденія за направленіемъ обученія въ нихъ, четыре сказанныхъ лица далеко не могутъ исполнить своего назначенія; если же замѣтить, что одно изъ нихъ, г. директоръ, обремененный годовыми отчетами и всякими канцелярскими занятіями, можетъ выѣзжать рѣдко, то остается три инспектора; а *десять* уѣздовъ, обнимающіе собой 31,294 кв. верстъ, на которыхъ разсѣяно 427 всякаго рода училищъ, подлежащихъ надзору дирекціи, весьма трудно объѣздить имъ даже по разу въ годъ. Значитъ, наблюденіе правительства сводится къ пустой формалистикѣ, къ годичнымъ визитамъ гг. инспекторовъ школы, стоющимъ, однако, казнѣ около 10 тыс. ежегодно на губернію.

Ближайшій и болѣе тщательный надзоръ за дѣятельностью учебнаго персонала въ сельскихъ школахъ возможенъ только со стороны уѣздной полиціи, или уѣздныхъ управъ, члены которыхъ находятся въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ крестьянскимъ насе-

леніемъ, живущимъ въ мѣстахъ расположенія школъ. Надзоръ этотъ возможенъ, но, увы! его все-таки не существуетъ, ибо какъ полиція, такъ и земство справедливо считаютъ себя заваленными дѣлами, прямо до нихъ касающимися, чтобы заниматься дѣломъ чужимъ. Поэтому, если кой-когда, кой-что и замѣтится *предосудительнаго* въ поведеніи учителя или учительницы, оно оставляется про себя. А то пойдетъ «смѣшеніе языцевъ»... Серьезныхъ случаевъ былъ, впрочемъ, только одинъ въ губерніи, и властями тотчасъ были приняты самыя энергическія мѣры.

Въ Ярославской губерніи всѣхъ сельскихъ и городскихъ училищъ: начальныхъ, двуклассныхъ и трехклассныхъ имѣется 425 съ количествомъ учащихся въ 300,344 человѣка. Прибавивъ къ этому количеству цифру учащихся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, Демидовскомъ лицеѣ и въ проч. учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ въ Ярославской губерніи считается еще 27, получится общая цифра учащихся въ губерніи—35,351 челов., что составляетъ при населеніи въ 1.037,037 челов. (свѣд. статист. комитета за 1853 годъ) около 3,75% всего населенія.

Въ эту цифру не входятъ еще крестьянскія дѣти, обучающіяся въ частныхъ сельскихъ школахъ, подъ руководствомъ отставныхъ солдатъ, дьячковъ и вообще лицъ, знающихъ грамоту, а также и въ церковно-приходскихъ школахъ. Домашнія школки, гдѣ за ничтожную плату грамотный крестьянинъ, или кто другой, собираетъ у себя на дому 5—6 среднимъ числомъ дѣтей и обучаетъ ихъ чтенію и письму, весьма распространены въ Ярославской губерніи. Причины тому—прежде всего любовь къ образованію среди населенія, затѣмъ—неудобство посыланія дѣтей въ земскія школы, часто далеко отстоящія отъ селенія, а иногда и недовѣріе, нелюбовь къ этимъ школамъ, къ несчастію, довольно распространенныя между крестьянами. Вслѣдствіе сего, развитіе такого рода частныхъ сельскихъ школъ въ Ярославской губерніи росло вмѣстѣ съ развитіемъ земскихъ школъ, ярче всего указывая тѣмъ на безуспѣшность образовательной миссіи земства. Это знали всѣ близко стоящіе къ крестьянскому населенію, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ развитіи, равно какъ и надзора за обученіемъ въ этихъ школахъ, не было. Только съ прошлаго года, когда случайно обнаружилось нѣсколько примѣровъ распространенія раскола посредствомъ этихъ школокъ, право-

славное братство Ярославской губерніи, по почину г. ярославскаго губернатора, самаго дѣятельнаго его сотрудника, приняло ихъ всѣ подъ свое завѣдываніе, наравнѣ съ церковно-приходскими. Духовное начальство вмѣнило въ обязанность благочиннымъ сообщать въ братство о всѣхъ лицахъ, занимающихся въ ихъ приходахъ частнымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, пріобщая къ этимъ свѣдѣніямъ краткую характеристику такихъ лицъ относительно ихъ благонадежности и числа обучаемыхъ у каждаго дѣтей.

На основаніи этихъ свѣдѣній, впрочемъ далеко еще не полныхъ, я имѣю возможность сообщить, что домашнихъ школокъ грамотности въ губерніи насчитываютъ уже 217, хотя вовсе не получены еще свѣдѣнія изъ 17 благочиній. Считая теперь среднимъ числомъ по 5 обучающихся въ такой школкѣ, получимъ цифру *1085 чел.*, которая, къ концу этого года, за полученіемъ новыхъ свѣдѣній, вѣроятно значительно возвысится.

Всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ епархіи считается 94. Изъ нихъ самое большое количество приходится на Ростовскій уѣздъ—37. Свѣдѣнія о количествѣ учащихся въ нихъ получены только изъ 86 школъ и по этимъ свѣдѣніямъ ихъ оказывается 1,451 человѣкъ.

Всѣ означенныя школы содержатся на средства самаго духовенства, частныхъ лицъ, а также братства святителя Димитрія, безъ всякаго пособія отъ казны, или земства. Вознагражденіе за труды учителя получаютъ отъ 2—10 руб. за выучку; въ нѣкоторыхъ школахъ духовенство обучаетъ безъ всякаго вознагражденія, и лишь только въ двухъ школахъ есть спеціальные учителя, получающіе до 200 руб. жалованья въ годъ изъ средствъ частныхъ учредителей этихъ школъ.

Всѣхъ заявленій объ открытіи церковно-приходскихъ школъ поступило въ 1884 и 1885 г. г. (по февраль мѣсяцъ) 30-ть. Насколько успѣшно идутъ занятія въ этихъ школахъ, сказать трудно. Тѣ, которыя мнѣ случилось видѣть, по моему заслуживаютъ всякаго одобренія. Но люди земства, для которыхъ церковно-приходская школа есть просто бѣльмо въ глазу, такъ какъ она посягаетъ на ихъ исконное право—учить народъ, и своимъ успѣхомъ значительно подрываетъ въ народѣ ихъ авторитетъ,—отъ этихъ зачастую приходилось мнѣ слышать отзывы самые презрительные о такихъ шко-

лахъ. Когда имъ говоришь: а какъ бы тамъ ни было, а церковно-приходскія школы видимо размножаются, значитъ въ нихъ есть потребность, они съ усмѣшкой отвѣчаютъ—«вѣрьте вы такъ этому размноженію! Большинство школъ существуетъ фиктивно. Священникъ заявляетъ о желаніи своемъ открыть школу, потому что надѣется этимъ обратить на себя вниманіе начальства, награду получить. А школы въ сущности никакой нѣтъ»...

Сколько въ этихъ отзывахъ правды,—не беру на себя отвѣтственности судить, потому что провѣрить ихъ, объѣхавъ всѣ церковно-приходскія школы губерніи, немножко трудно.

Но какъ бы тамъ ни было, допуская даже, что половина церковно-приходскихъ школъ существуетъ и фиктивно, нельзя отрицать сильнаго тяготѣнія народа именно къ нимъ, предпочтительно передъ всякими другими. Нельзя отрицать вообще стремленія крестьянъ Ярославской губерніи только къ *начальному* образованію самому простому, дешевому и удобному. А церковно-приходская школа именно представляетъ собой эти удобства.

Общая цифра крестьянскихъ дѣтей, по губерніи, обучающихся во всѣхъ сельскихъ училищахъ: земскихъ, министерства народнаго просвѣщенія, церковно-приходскихъ и домашнихъ достигаетъ въ настоящее время до 29,000 человѣкъ, что составляетъ почти *3,4%* всего крестьянскаго населенія губерніи. Если же взять, нѣсколько предшествовавшихъ годовъ, мы увидимъ, что процентъ учащихся крестьянъ все увеличивается. Такъ, въ 1882 году ихъ было около 25,000 человѣкъ, черезъ два же года послѣдовало увеличеніе на 4,000 человѣкъ. Таковое исключительное положеніе Ярославской губерніи относительно народнаго образованія слѣдуетъ отнести цѣликомъ къ экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни крестьянскаго населенія этой губерніи, выработавшимъ въ нихъ сознаніе пользы науки, а слѣдовательно и любовь къ ней.

Ярославецъ, уходя изъ роднаго села на промыселъ съ гривенникомъ въ карманѣ, возвращается туда съ тысячами, а нерѣдко и милліонами. И хотя въ этомъ случаѣ болѣе всего помогаетъ ему природная смышленость, ловкость, но безъ грамоты, по мнѣнію ярославца, «не сунешься никуда».

Разбогатѣвшій мужикъ Ярославской губерніи, гдѣ бы онъ ни былъ, не забываетъ своей родины. Испытавъ на себѣ пользу науки.

онъ прежде всего пропагандируетъ ее у себя въ деревнѣ, и жертвуетъ значительныя суммы на постройку и содержаніе школъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи, выросли красивыя зданія, нерѣдко каменныя, съ надписями: «народное училище, такого-то, такого то», а въ дирекціи народныхъ училищъ создался частный капиталъ въ 150,000 руб., обезпечивающій содержаніе этихъ училищъ. Капиталъ этотъ почти ежегодно возрастаетъ новыми пожертвованіями, а большія села украшаются новыми зданіями новыхъ частныхъ народныхъ училищъ.

Самыя большія изъ нихъ: въ Рыбинскомъ уѣздѣ — спб. купца *Воденикова* и другое—статскаго совѣтника (бывшаго купца) *Комарова*; въ Даниловскомъ уѣздѣ—спб. купца *Володина* и второе—купца *Цвѣткова*; въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ вновь открыто самое большое церковно-приходское училище купца... фамилію котораго къ несчастію позабылъ.

Во всѣхъ этихъ училищахъ ученіе ведется образцово, помѣщеніе иногда даже роскошное, съ устройствомъ пріюта для приходящихъ изъ далека, столовой и кухни.

Упомянувъ объ этой выдающейся чертѣ ярославцевъ, нельзя обойти молчаніемъ и другую, менѣе утѣшительную. Ярославецъ любитъ науку только въ предѣлахъ, на сколько она способствуетъ его матеріальнымъ разсчетамъ. Онъ охотно отдаетъ сына въ школу, но нисколько не заботится объ успѣшномъ окончаніи имъ курса.

Г. директоръ и гг. инспектора народныхъ училищъ сообщали мнѣ, что имъ нерѣдко случалось пріѣзжать на экзамены въ сельскія школы и заставать тамъ только 5—6 экзаменующихся, вмѣсто 15—20, числящихся по списку. Всѣхъ остальныхъ родители передъ самымъ экзаменомъ отправляютъ на работы въ Петербургъ, или Москву, заранѣе условившись въ томъ съ хозяевами разныхъ артелей и заведеній. Такимъ образомъ, окончившихъ курсъ во всѣхъ сельскихъ училищахъ Ярославской губерніи за 1883 г. было—2,825 чел., за 1884 г.—3,001 челов., что составляетъ приблизительно только отъ 10—12 проц. всѣхъ обучающихся. Считая же по трехгодичному курсу сельскихъ училищъ, что весь наличный контингентъ обучающихся въ этихъ школахъ долженъ перемѣняться черезъ каждые три года, мы видимъ, что въ этотъ промежутокъ времени, т. е. въ три года, кончаетъ курсъ 33—36 проц. изъ всего

контингента, остальные же 64—67 проц. ранѣе, или позже изъ школъ уходятъ и экзамена не держатъ.

Этотъ простой разсчетъ, наглядно показываетъ насколько далеки стремленія крестьянъ къ образованію. Имъ нужно только основательное знаніе грамоты, а всѣмъ дальнѣйшимъ образованіемъ и даже связанными съ тѣми весьма немаловажными преимуществами (льготы при отбываніи воинской повинности) они пренебрегаютъ для своихъ денежныхъ разсчетовъ. Въ этомъ также и разгадка большому распространенію въ народѣ самыхъ первобытныхъ способовъ обученія, посредствомъ хромоногихъ солдатъ, дьячковъ, бабъ и проч. Это сознаютъ уже почти всѣ здравомыслящіе люди въ губерніи, за исключеніемъ самыхъ рьяныхъ гг. земцевъ.

Всѣ десять уѣздныхъ земствъ Ярославской губерніи затрачиваютъ на народное образованіе около 100 т. руб. въ годъ. Уѣзды: Ярославскій, Ростовскій и Рыбинскій, расходуютъ на школы по 20 тыс. руб., иногда и больше. На долю же остальныхъ 7 уѣздовъ приходится, значитъ, около 40 тыс. руб. ежегодно.

Между тѣмъ эти послѣдніе 7 уѣздовъ гораздо менѣе культивированы въ смыслѣ нравственнаго уровня народной массы, благодаря своему географическому положенію — окраинъ губерніи; значитъ, они нуждаются въ образованіи *болѣе* другихъ. Населеніе ихъ платитъ въ земскую кассу, сравнительно гораздо больше трехъ первыхъ уѣздовъ, значитъ, оно имѣетъ и больше правъ на земскія школы. Но никто этого въ разсчетъ не принимаетъ, ибо ярославскому уѣздному земству нѣтъ никакого дѣла что творится въ сосѣднемъ, угличскомъ, а рыбинскому—что творится въ пошехонскомъ. Если говорятъ, что земство есть «государство въ государствѣ», то можно смѣло сказать, что въ каждомъ такомъ «губернскомъ государствѣ» существуютъ, живутъ и самостоятельно развиваются десятки «уѣздныхъ государствъ».

Благодаря разнохарактерности условій жизни и способовъ развитія этихъ различныхъ членовъ одного организма, призваннаго жить и дѣйствовать на пользу *обще*-народныхъ интересовъ, изчезла изъ этого организма, самое главное—душа, которая бы руководила всѣми отдѣльными членами. Отсюда и получились многія несообразности въ проявленіяхъ жизни этого организма, между которыми видное мѣсто занимаетъ отсутствіе всякихъ справедливыхъ осно-

ваній въ распространеніи по губерніи земскихъ школъ. Гдѣ ихъ надо—нѣтъ, гдѣ довольно—выростаютъ все новыя.

Но опять-таки никто изъ гг. земцевъ въ этомъ не сознается, также какъ и не признаетъ неудовлетворительности (относительной) результатовъ обученія въ ихъ школахъ, не признаетъ, можетъ быть, и цифръ, приведенныхъ мною. Но тогда ужъ рекомендую обратиться къ статистикѣ, только не земской, потому что ея совсѣмъ не существуетъ въ Ярославской губерніи.

II.

ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Николо-Бабаевскій монастырь. Посадъ Большія Соли.

Николо-Бабаевскій монастырь, костромской епархіи, основанъ на мѣстѣ явленія чудотворной иконы св. Николая, при устьи рѣки Солоницы, впадающей въ Волгу, на самой границѣ Костромской губерніи съ Ярославской, въ разстояніи почти равномъ отъ обоихъ губернскихъ городовъ и не превышающемъ 35-ти верстъ. Монастырь съ Волги имѣетъ очень красивый видъ, а главный куполъ собора своими размѣрами и оригинальностью формы придаетъ картинѣ оттѣнокъ грандіозности.

Время основанія монастыря относятъ къ глубокой древности: о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые, еще сохранившіеся документы. По средствамъ, Бабаевскій монастырь слѣдуетъ отнести къ разряду бѣдныхъ. Неприкосновенный капиталъ монастыря, процентами коего пользуется монашествующая братія, весьма и весьма ограниченъ. Также ограниченно и хозяйство монастыря. Нѣсколько сотъ десятинъ земли, изъ которой удобной не наберется и сотни, тощій лѣсокъ и тощіе луга даютъ доходъ весьма скудный, едва хватающій только на поддержаніе монастырскихъ зданій и на содержаніе братіи. Ни эта братія, ни даже настоятель монастыря не получаютъ никакихъ денежныхъ доходовъ, живутъ, одѣваются и питаются весьма просто, чтобы не сказать бѣдно. Принимая во вниманіе, что монастырь кормитъ еще безплатно, по изстари введенному обычаю общежитія, приходящихъ бѣдныхъ богомольцевъ, понятнымъ станетъ его затруднительное, иногда даже критическое положеніе; въ

этомъ послѣднемъ положеніи онъ находился до 1862 года. Такимъ засталъ его почившій святитель Игнатій (Брянчаниновъ), бывшій епископъ кавказскій и черноморскій, избравшій себѣ мѣстомъ покоя, издавна извѣстный ему, Николо-Бабаевскій монастырь.

Личность епископа Игнатія въ памяти всѣхъ знавшихъ его окружена ореоломъ святости, безпредѣльной доброты и подвиговъ вѣры. Монастырь обязанъ только ему своимъ спасеніемъ отъ окончательнаго распаденія.

Вмѣстѣ съ нимъ, прибылъ и духовный ученикъ его, нынѣ настоятель монастыря, игуменъ Іустинъ. Прибывъ въ 1861 году, они нашли обитель въ такомъ видѣ: а) наличныхъ денегъ 67 рублей, б) долгу 2,000 руб., в) полное отсутствіе хлѣба, дровъ, сѣна и проч., г) ветхія зданія, д) грозящій разрушеніемъ корпусъ братскихъ и настоятельскихъ келій и наконецъ е) соборный храмъ тѣсный и разваливающійся, въ которомъ, за опасностью, прекращено уже было богослуженіе.

Нужна была крѣпкая вѣра, желѣзная воля, чтобы, при полномъ отсутствіи средствъ, приняться за переустройство и созданіе новаго. Первую жертву, положенную на алтарь любви къ Богу, сдѣлалъ самъ епископъ Игнатій. Не имѣя гроша въ карманѣ, онъ рѣшился разстаться съ драгоцѣннымъ даромъ—съ панагіей, полученной имъ отъ Императрицы. Черезъ посредство брата своего, ставропольскаго губернатора Петра Александровича Брянчанинова, находившагося тогда въ Петербургѣ, онъ передалъ панагію въ Кабинетъ и получилъ взамѣнъ 3,500 руб. Но предметы первой необходимости скоро поглотили эти деньги, и въ монастырской кассѣ опять ни гроша — нечѣмъ содержать братію, не на что строить новый соборъ. Постройка новаго собора не давала покоя Игнатію. Строить его во чтобы то ни стало—вошло въ плоть и кровь епископа.

Первый толчекъ дѣлу далъ нѣкій ярославскій мѣщанинъ Ѳедотовъ, занимавшійся подрядами въ С.-Петербургѣ. Онъ предложилъ епископу произвести всю кирпичную кладку церкви подъ своимъ наблюденіемъ и своими рабочими, только изъ монастырскаго матеріала и на монастырскихъ хлѣбахъ. На первое обзаведеніе онъ пожертвовалъ 1,000 руб. Такимъ образомъ начата постройка нынѣшняго великолѣпнаго храма въ честь Иверской Божіей Матери, кото-

рымъ посѣтители монастыря и даже проѣзжающіе по Волгѣ не могутъ налюбоваться.

Храмъ началъ строиться по плану извѣстнаго профессора архитектуры въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, И. И. Горностаева, и подъ его личнымъ наблюденіемъ. Смѣта составлена была въ 200,000 руб.

Легко составить планъ и смѣту, легко написать цифру, но гдѣ взять эти громадныя деньги? —вотъ что предстояло еще преосвященному Игнатію. Не буду описывать всѣхъ затрудненій, всѣхъ подводныхъ камней, всѣхъ терній, которые выпали на долю неутомимаго Игнатія. Не буду описывать и тѣхъ отрадныхъ явленій людскаго участія, доброты, неоднократнаго и чудеснаго проявленія Божьяго промысла, что вели усердныхъ строителей храма на ихъ трудномъ пути и, послѣ долгихъ годовъ, привели наконецъ къ блестящему окончанію предпринятаго. Ихъ слишкомъ много было — и горькихъ неудачъ, разочарованій и этихъ яркихъ лучей земной и небесной благодати.

Храмъ строился около 12 лѣтъ и, наконецъ, 8 сентября 1877 г., послѣдовало торжественное освященіе его, согласно предсмертному завѣщанію епископа ярославскаго Леонида и настоятельной волѣ покойнаго епископа костромскаго Платона. Чтобы судить о затрудненіяхъ, предшествовавшихъ этому торжеству, не лишнимъ считаю привести здѣсь письмо архимандрита монастыря, отца Іустина, къ преосвященному Платону, написанное сейчасъ послѣ возвращенія перваго изъ Костромы. «Духъ Божій, пишетъ отецъ Іустинъ, изрекъ устами вашего высокопреосвященства повелѣніе окончить церковь къ осени сего 1877 года. Повелѣніе это принято мною именно какъ Божіе, съ вѣрою. Сегодня объявилъ я братіи о вашемъ желаніи освятить храмъ 8 сентября, и братія охотно согласилась потерпѣть нѣкоторыя лишенія въ содержаніи, чтобы скопить нѣчто для церкви. Послѣ вечерни, сегодня же, отслужили мы соборный молебенъ Царицѣ Небесной и святителю Николаю о благопоспѣшеніи въ предпринятомъ дѣлѣ. Съ вѣрою приступаемъ, при *40 руб.* наличныхъ денегъ, изъ коихъ въ задатокъ на покупку кирпича выдано уже 30 руб. Нечего и говорить, что своими средствами мы не можемъ окончить предпринятаго, такъ какъ для того, чтобы приготовить церковь къ освященію, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, необхо-

димо еще 10 тыс. руб. Подкрѣпите, владыко святый, вашими святительскими молитвами, наше послушаніе и усердіе»....

Съ 10 руб. наличныхъ отправился игуменъ, въ сопровожденіи лучшаго друга своего и помощника въ Москву, а тамъ Промыселъ Божій указалъ имъ и жертвователей, благодаря которымъ освященіе храма къ назначенному дню могло состояться.

Не привелъ, однако, Господь видѣть это торжество главному виновнику его. Не далъ Господь преосвященному Игнатію узрѣть во всемъ великолѣпіи дѣло рукъ его. Почти неожиданно для всѣхъ онъ скончался во время самаго разгара постройки, въ самыя тяжкія для монастыря минуты, когда начатое дѣло готово было остановиться и замереть за неимѣніемъ средствъ. Ударъ этотъ для всѣхъ знавшихъ и любившихъ святителя, для цѣлаго монастыря, былъ горше всѣхъ неудачъ. Одинъ Богъ только спасъ его отъ отчаянія, унынія, отъ намѣренія все бросить...

Чѣмъ ближе вы подходите къ храму Бабаевскаго монастыря, тѣмъ болѣе поражаетесь его размѣрами, архитектурой и величіемъ. Вы задаете себѣ вопросъ: кѣмъ занесенъ сюда, въ эту глушь, на эти сѣрые и малолюдные берега такой памятникъ искусства — нашего роднаго, древле-русскаго, православнаго и родственнаго востоку искусства? Вы поражаетесь прежде всего выдержанностью стиля, соразмѣрностью въ частяхъ и въ цѣломъ.

По внѣшнему виду своему, храмъ очень подходитъ къ храму Воскресенія въ Іерусалимѣ, а подвальная часть, гдѣ теперь строится еще теплая церковь, напоминаетъ погребальную пещеру Богоматери въ Геѳсиманіи и другіе подобные храмы православнаго Востока. Архитектура зданія чисто русская, съ оттѣнками византійскаго стиля; ничего не взято ни изъ готики, ни изъ итальянской церковной архитектуры, куда вкралось многое изъ архитектуры языческихъ храмовъ.

Въ художественномъ отношеніи, соборный храмъ Бабаевскаго монастыря можно назвать успѣхомъ въ отечественной церковной архитектурѣ; по идеѣ и духу, онъ—возвращеніе къ самому древнему православному церковному характеру; въ техническомъ отношеніи—онъ современность, и современность новѣйшая. Все величественно и все изящно. Такой формы храма мнѣ не приходилось еще видѣть, да и врядъ-ли и есть гдѣ-нибудь еще у насъ.

Общій видъ храма походитъ на широко-раскинутую палатку. Въ полномъ смыслѣ — это скинія. Такимъ образомъ, зданіе оживлено мыслью, что воинствующая Церковь странствуетъ на землѣ.

Глава, увѣнчивающая куполъ, значительнаго объема, изображаетъ собой и архіерейскую митру и царскую корону. Въ этомъ опять идея принадлежности этихъ обѣихъ коронъ Главѣ нашей Церкви — Христу.

Куполомъ Бабаевскаго соборнаго храма нельзя вдоволь налюбоваться. Онъ господствуетъ на много верстъ сосѣдней мѣстности и издалека, своей оригинальной, слегка пестрой разрисовкой, своей позолотой и яркими красками, даетъ полную иллюзію висящей въ воздухѣ громадной короны.

Внутренность храма, къ сожалѣнію, далеко уступаетъ его внѣшности. Стиль, положимъ, и здѣсь совершенно выдержанъ: формы сводовъ, толщина поддерживающихъ колоннъ, серьезность общаго впечатлѣнія, напоминаетъ очень тѣ вертепы, въ которыхъ устраивались церкви въ первые вѣка христіанства, а середина, высоко подымающаяся соотвѣтственно главному куполу и обильно освѣщенная сверху, напоминаетъ о небѣ. Туда, въ эту ярко освѣщенную и просторную высь, невольно подымаются глаза, и стремится все существо изъ сжатаго и мрачнаго простора остальнаго храма, какъ стремится душа къ небу изъ тѣсной земной юдоли. Словомъ, и здѣсь строгая идея закончена вполнѣ; святая мысль, руководившая строителями, олицетворена такъ старательно, что невольно сообщается она всѣмъ; не нужно быть художникомъ или знатокомъ, чтобы понять чудный смыслъ, которымъ живетъ, дышетъ внѣшность и внутренность Бабаевскаго соборнаго храма. Но если ничего не осталось неоконченнымъ въ архитектурѣ храма, многое и очень многое остается еще потрудиться для внутренней отдѣлки его. Этой отдѣлки, пока еще, положительно не существуетъ. Толстыя стѣны, своды и колонны, выбѣленныя очень чисто, но... и только. Совсѣмъ какъ бываетъ въ маленькихъ досчатыхъ деревенскихъ церквахъ. А между тѣмъ здѣсь, при этихъ размѣрахъ, при этой грандіозности, законченности, бѣлыя стѣны видѣть очень странно. Онѣ оставляютъ впечатлѣніе казармы, или старинныхъ присутственныхъ мѣстъ. Ни одного образа, ни одной стѣнной картины въ церкви не имѣется. И тѣмъ страннѣе еще и потерявнѣе здѣсь кажется длинный, свѣтло-

желтый иконостасъ, весьма тонкой рѣзьбы изъ дерева, но на разстояніи 10—15 шаговъ, она совсѣмъ теряется, сливается во что-то общее, пестрое. А изъ глубины отъ входа въ храмъ виднѣется только темный фонъ, да отдѣльныя, выдающіяся части, опять-таки слишкомъ мелкія для крупныхъ размѣровъ всего окружающаго. Словомъ, внутренняя отдѣлка храма уже пострадала и, надо полагать, еще болѣе пострадаетъ, насчетъ стиля его. Трудно, понятно, строго примѣниться къ такому строгому стилю; но это очень жалко. А если-бы удалось,—вышло-бы кое-что совершенно изъ ряду выходящее.

На стѣнную живопись и вообще на внутреннюю отдѣлку своего великолѣпнаго храма у монастыря нѣтъ пока никакихъ средствъ. И будутъ ли когда—неизвѣстно. Не одна только внѣшность Бабаевскаго монастыря и великолѣпіе его храма тянули меня заглянуть сюда. Меня тянулъ еще интересъ знакомства съ двумя лицами, разсказы о которыхъ, полные самыхъ симпатичныхъ оттѣнковъ, привелось мнѣ слышать еще въ Петербургѣ. Эти два лица — отецъ игуменъ Іустинъ и проживающій постоянно въ монастырѣ на правахъ богомольца — Петръ Александровичъ Брянчаниновъ, родной братъ покойнаго святителя Игнатія. Ихъ обоихъ, къ несчастью, я въ монастырѣ не засталъ, а потому, при всемъ желаніи нарушить скромность и подѣлиться съ читателями интересными отрывками бесѣды съ этими симпатичнѣйшими людьми,—не могу. Съ отцомъ Іустиномъ, хотя я и увидѣлся на другой день утромъ, послѣ его пріѣзда, но разговоръ нашъ не продолжился болѣе получаса, въ ожиданіи парохода. Достаточно было, понятно, нѣсколькихъ словъ, чтобы убѣдиться въ правдѣ разсказовъ о немъ, въ обаятельности его личности, но поговорить съ нимъ по душѣ мнѣ не удалось. Не удалось также и услышать его чуднаго пѣнія, его бархатнаго тенора, которымъ отецъ Іустинъ славится далеко за предѣлами своего монастыря.

Петръ Александровичъ Брянчаниновъ справедливо можетъ считать себя членомъ семьи монастыря. Не говоря о родственной и духовной связи, связи глубокой любви и преданности съ главнымъ сподвижникомъ монастыря, святителемъ, г. Брянчаниновъ связанъ еще съ монастыремъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ по его обновленію и по сооруженію храма. Съ 1862 года онъ уже поселился тамъ вблизи своего любимаго брата и съ тѣхъ поръ дѣло монастыря — было его дѣломъ, интересы и жизнь братіи — его жизнью и интересами. Онъ хлопоталъ сначала въ Сунодѣ о разрѣшеніи построить храмъ, потомъ о средствахъ для этого, ѣздилъ въ разные города за сборомъ и разъ, когда истощились всѣ рессурсы монастыря и постройка храма должна была остановиться, — отдалъ монастырю послѣднія 5 тыс. руб. изъ своего состоянія, чѣмъ спасъ обитель. Этотъ, всесторонне образованный и свѣтскій человѣкъ, пользовавшійся когда-то виднымъ служебнымъ положеніемъ и властью, теперь живетъ тихой молитвой, монастырскимъ послушаніемъ и памятью о своемъ незабвенномъ братѣ—учителѣ. Изъ 2 т. своего пенсіона, онъ удѣляетъ монастырю каждогодно значительную часть за право въ немъ жить и молиться, хотя это право давно уже имъ заслужено. Поистинѣ изумителенъ Промыселъ Божій, соединившій на далекой окраинѣ Россіи двухъ братьевъ, пошедшихъ въ началѣ жизни столь различными путями; на одной высотѣ сошлись они съ разныхъ сторонъ, одно стадо управляли вмѣстѣ и одинъ и тотъ же подвигъ смиренія и труда Богъ послалъ совершить имъ на склонѣ ихъ свѣтлой жизни. Да будетъ вѣчный миръ святому праху одного изъ нихъ и да подастъ Господь еще долгую жизнь и многія радости другому.

Посадъ Большія Соли находится въ двухъ верстахъ отъ Бабаевскаго монастыря. Это родина маститаго купца Попова, родоначальника нашей чайной торговли, родина, облагодѣтельствованная имъ, и съ этой точки зрѣнія маленькій посадъ имѣетъ довольно крупный интересъ.

Большія Соли когда-то были большимъ городомъ; онъ тянулся длинной лентой; верстъ, какъ говорятъ, на 15-ть, по берегу Волги, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Верстъ за 5—6 отъ Большихъ Солей находится теперь село Малыя Соли; въ оное время онѣ составляли одинъ городъ подъ однимъ общимъ названіемъ *Усть-сольска.* Названіе это прямо указываетъ на присутствіе въ этихъ мѣстахъ соли. И дѣйствительно, произведенными разслѣдованіями обнаружены въ окрестностяхъ обширныя соляныя грязи; въ старину онѣ, вѣроятно, и эксплоатировались, нынѣ же грязи эти значительно истощены, запущены, а потому разработкой ихъ никто заняться не

хочетъ. Только одинъ врачъ, завѣдующій Больше-Сольской больницей, попробовалъ-было недавно спеціально заняться ими, съ цѣлью добыванія іода. Но іода, при всемъ желаніи, не нашлось.

— Будь здѣсь іодъ, говорилъ онъ мнѣ, наши грязи были бы столько же цѣлебны, какъ Старорусскія и многія другія заграничныя. Всѣ остальныя составныя части тождественны, нѣтъ только одного іоду...

За малымъ дѣло стало. Будь іодъ въ Большихъ Соляхъ, онѣ бы вѣроятно, превратились въ веселыя и оживленныя «воды», куда стекалось бы все Поволжье. Красивая мѣстность и замѣчательно здоровый воздухъ перетянули бы сюда, по всѣмъ вѣроятіямъ, многихъ старорусцевъ, и оживился бы весь край, поднялась бы торговля и промышленность, замирающая теперь, за отсутствіемъ сбыта.

Устъ-Сольскъ уничтоженъ былъ первоначально татарами. Затѣмъ постепенный упадокъ солянаго дѣла, упадокъ вообще торговли, за перенесеніемъ центровъ ея въ другіе города, лежащіе по Волгѣ, низвели его до степени заштатнаго города, посада и, наконецъ, глуши.

Посадъ Большія Соли имѣетъ всего одну улицу, тянущуюся болѣе чѣмъ на версту. Она уставлена ветхими деревянными домиками, дѣлающими похожимъ весь посадъ на предмѣстье уѣзднаго города. Только издали, по количеству куполовъ и колоколенъ, вы ошибочно составляете себѣ понятіе о городѣ. При въѣздѣ въ посадъ со стороны монастыря, васъ интересуетъ сначала обиліе вѣтряныхъ мельницъ; приближаясь, вы узнаете, что это вѣтряныя лѣсопилки; вправо отъ дороги, по берегу узенькой рѣчки, тянутся длинные каменные корпуса; надъ ними нѣсколько трубъ, — это паточные заводы; ихъ здѣсь нѣсколько. Затѣмъ, когда вы окончите общимъ взглядомъ сѣрую, непривѣтливую картинку посада, ваше вниманіе остановятъ два щегольскія зданія изъ некрашеннаго кирпича, лежащія поодаль другъ отъ друга и визави. Они слишкомъ рѣзко выдѣляются отъ всего остальнаго, чтобы ихъ не замѣтить. Большія Соли раскинуты террасообразно, спускаясь съ значительной высоты къ рѣкѣ Солоницѣ. Спускаются онѣ не вдаль, а въ поперегъ, такъ что главная улица посада идетъ ровно, а раскинувшіеся отъ нея подальше домики одни лежатъ выше ея, другіе — ниже. Въ такомъ

же порядкѣ расположены и эти два щегольскія зданія: одно красуется наверху, другое прячется ближе къ рѣчкѣ. Какъ они затесались сюда?—можете вы спросить себя. Ужъ больно не гармонируетъ съ ними все окружающее.

Вы угадываете, что это-то и есть заведенія Попова.

Я наугадъ направился къ тому, которое было влѣво отъ меня.

Хорошенькій домикъ гордо и весело глядѣлъ двумя рядами блестящихъ оконъ на растилавшуюся подъ нимъ пыльную улицу, на жалкихъ своихъ сосѣдей—деревянныя лачужки. На фронтонѣ его золотыми буквами по черному фону, блестѣла надпись: «Ремесленное училище К. А. Попова».

Поднявшись по крутому подъему, я остановился передъ самимъ зданіемъ. Чистенькое и новенькое, съ желѣзной оградой и такими же воротами по обѣимъ сторонамъ, вблизи оно было еще красивѣе и не казалось малымъ. Сквозь рѣшетку ограды виднѣлся чистый дворъ съ хозяйскими пристройками, а дальше—огородъ.

Все это, что называется, съ иголочки; все симпатично, но... всё чего-то недостаетъ. Ни сада, ни тѣнистыхъ деревьевъ вокругъ зданія нѣтъ, и это значительно портитъ общее впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ-то слишкомъ на юру, къ услугамъ всѣхъ вѣтровъ.

Ворота отворили, распахнулись широкія двери подъѣзда и я поднялся въ 1-й этажъ; здѣсь я остановился въ ожиданіи завѣдывающаго училищемъ. Наконецъ, онъ появился наверху, на лѣстницѣ, шагая медленно и лѣниво. Г. директоръ былъ, что называется, со сна; его только-что разбудили.

Я отрекомендовался. Лицо г. директора изображало еще впечатлѣнія прогулки въ царствѣ Морфея, и эти впечатлѣнія были очень непріятны, или, наоборотъ, непріятенъ былъ переходъ отъ нихъ къ земной дѣйствительности въ образѣ запыленнаго пріѣзжаго; только выраженіе глазъ, губъ, даже бороды г. директора были далеко не дружелюбны и не давали надежды на сообщительность. Я улыбнулся про себя и вошелъ вслѣдъ за нимъ въ обширный, залитый свѣтомъ, физическій кабинетъ училища.

Тутъ было прохладно, чисто и вообще очень хорошо. Шкафы съ инструментами и приборами сверкали полированной мѣдью, сталью, лакомъ и стекломъ. Колбы, реторты, электрическая машина,

образцы всѣхъ родовъ ремеслъ, проходимыхъ въ училищѣ, наполняли эту комнату, не загромождая ея. Длинный письменный столъ стоялъ передъ диваномъ. Рядъ черныхъ, лакированныхъ стульевъ, замѣчательно изящной работы, тянулся вдоль стѣны. Между ними было два-три стула складныхъ, довольно оригинальной работы; повидимому, это были модели. Физическій кабинетъ Большесольскаго ремесленнаго училища сдѣлалъ бы честь любому изъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній, если не разнообразіемъ физическихъ инструментовъ, то ихъ аккуратнымъ внѣшнимъ видомъ.

Г. директоръ училища опустился на диванъ, указалъ мнѣ стулъ, и на мое заявленіе о желаніи ознакомиться съ училищемъ, небрежно и неохотно заявилъ, что показать мнѣ ничего не можетъ по причинѣ каникулярнаго времени. Мое ожиданіе меня не обмануло. Съ г. директоромъ говорить оказалось трудно. Съ просонокъ-ли, по характеру-ли, только онъ давалъ отвѣты, что называется, «удостоивая», свысока; сообразно имъ были его манеры и тонъ.

Нужно было порядочно терпѣнія и самолюбія, чтобы дать ему заговорить по-человѣчески. А когда онъ наконецъ такъ заговорилъ, онъ оказался собесѣдникомъ довольно интереснымъ. Свое дѣло, свою спеціальность онъ видимо знаетъ превосходно, и — что главное — любитъ ихъ. Кромѣ того, онъ болѣе практикъ, чѣмъ теоретикъ, болѣе заботится о практическомъ примѣненіи мастерства, чѣмъ объ элементарномъ его изученіи, и въ этомъ отношеніи весьма полезенъ училищу, которое, по мѣстнымъ условіямъ, иначе и существовать не можетъ, какъ на подкладкѣ чисто-*практической.*

Вотъ что сообщилъ онъ мнѣ изъ прошлаго, настоящаго и будущаго этого интереснаго заведенія.

Больше-сольское ремесленное училище выстроено было уже послѣ смерти Константина Абрамовича Попова, согласно его завѣщанію. Мысль о постройкѣ такого заведенія зародилась у него еще задолго при жизни, а именно, въ 1868 году, когда шли переговоры между нимъ и завѣдующимъ его начальнымъ училищемъ въ Большихъ-Соляхъ, г. Соколовымъ, о мѣрахъ къ развитію разнаго мастерства между способными учениками. Тогда уже К. А. Поповъ заботился о прінсканіи особаго помѣщенія, въ случаѣ если бы это ремесло хорошо привилось, обѣщалъ купить инструменты и, вообще, все необходимое для ремесла.

Но дѣла, а затѣмъ болѣзнь не дали Попову при жизни осуществить этой мысли. За то по смерти имъ оставлено было 100 т. руб. для устройства въ родномъ селѣ элементарной школы, которой уставъ и правила отчасти были выработаны имъ еще при жизни.

Наслѣдники Попова, болѣе чѣмъ добросовѣстно, выполнили волю завѣщателя. Сто тысячъ оказалось мало для постройки и обезпеченія училища. Стараніями нынѣшняго г. директора школы, наслѣдники Поповы положили на постройку и обзаведеніе зданія болѣе 66-ти тысячъ своихъ денегъ, а завѣщанныя 100 тыс. обратили на неприкосновенный фондъ училища. При такихъ условіяхъ, въ 1878 г. (если не ошибаюсь) послѣдовало наконецъ открытіе больше-сольской ремесленной школы. Своимъ блестящимъ внѣшнимъ видомъ, обезпеченностью въ средствахъ и, главное,—ясно поставленной въ основѣ задачей, оно обѣщало въ будущемъ славу родной странѣ, указывая широкій путь къ подъему ея благосостоянія. Но, увы и ахъ! На дѣлѣ оказалось далеко не такъ. Уставъ школы, весьма разумный съ точки зрѣнія теоріи, на практикѣ оказался не годнымъ. Вся ошибка заключалась въ томъ, что составители его не примѣнились къ условіямъ *мѣстнымъ*. Преслѣдуя высокую цѣль просвѣщенія роднаго края, желая обезпечить и выдвинуть, такъ сказать, своихъ односельчанъ, изъ ряда простыхъ смертныхъ, сдѣлавъ ихъ наставниками ремеслъ для будущихъ поколѣній Россіи, К. А. Поповъ совершенно упустилъ изъ виду главное—обезпечить учащихся во время длиннаго періода ихъ обученія. Отсюда получились такіе результаты: съ самаго основанія школы, еще *ни одинъ* не получилъ званія мастера, *ни одинъ* еще не осуществилъ завѣтной мысли основателя школы.

Явленіе это весьма просто объяснимо.

Полный элементарный и практическій курсъ школы—5-ть лѣтъ. Въ это время ученикъ долженъ ежедневно (за исключ. праздниковъ) посѣщать школу и заниматься въ ней по росписанію около 7 час. въ сутки. Ученики преимущественно мѣстные мѣщане и крестьяне, но принимаются и посторонніе. Спрашивается: кто же изъ родителей этихъ мальчиковъ, если они и живутъ тутъ-же, близъ школы, позволитъ своему сыну «бить баклуши» пять лѣтъ?

А что такого рода ученіе, по понятіямъ большесольцевъ, въ самомъ дѣлѣ значитъ «бить баклуши»—это пойметъ всякій, кто знаетъ

русскаго человѣка. Разъ у него есть сынъ, подростокъ, разъ онъ здоровъ и силенъ: онъ обязанъ помогать семьѣ. Противъ ученія никто ничего не имѣетъ, но оно должно быть кратко и просто. «Грамоту знаетъ, ремесло понимаетъ, такъ за работу, и помогай семьѣ»... таковъ умственный кругозоръ большесольцевъ, да и всѣхъ нашихъ простолюдиновъ, и объ этомъ-то совсѣмъ позабылъ землякъ и просвѣтитель ихъ, добрѣйшій К. А. Поповъ. Видно далеко онъ отъ нихъ шагнулъ...

Возьмемъ и пріѣзжаго. Онъ поступаетъ въ школу безъ всякаго затрудненія; но ему надо-же ѣсть, пить, надо пріютъ. А гдѣ ихъ достать? На что? Положимъ, родители и помогаютъ, но опять-таки помощь эта никогда не продолжается дольше 2—3-хъ лѣтъ. Надо, значить, достать работу въ Большихъ-Соляхъ. А тамъ и своихъ работниковъ съ излишкомъ, стороннему не дадутъ. Да и времени для работы не много, если правильно посѣщать школу.

Выходитъ такъ, что, какъ ни кинь, все клинъ. Есть прекрасная школа съ полной обстановкой на 110 человѣкъ, есть дорогіе инструменты, есть спеціалисты наставники, есть все, что можетъ требовать самій строгій глазъ, нѣтъ только одного—желающихъ воспользоваться всѣмъ этимъ.

Въ продолженіи всего существованія большесольской ремесленной школы, т. е. въ продолженіи 7 лѣтъ, было выпущено изъ нея учениковъ всего только *68 человѣкъ*, т. е. ровно вдвое меньше противъ того, что должно было быть выпущено по первоначальному разсчету. Изъ нихъ, какъ я уже говорилъ, не кончилъ полнаго курса ни одинъ. Только 2—3 человѣка пробыли въ школѣ около 3-хъ лѣтъ, одинъ $3^1/_2$ года, а всѣ остальные выходили оттуда по истеченіи года или двухъ.

Происходитъ это такъ: мальчики, поступающіе въ школу, въ большинствѣ случаевъ сыновья ремесленниковъ. Сынъ кузнеца или слесаря поступаетъ непремѣнно въ слесарное отдѣленіе школы, сынъ столяра—въ столярное, сынъ рѣзчика—въ токарное.

Какъ только кузнецъ умѣетъ ковать гвозди и вообще выправлять желѣзо, онъ уже больше не учится. Онъ бѣжитъ домой, въ кузницу отца. Тамъ онъ дѣльный помощникъ. А если не къ отцу, то на сторону. Ему всякій дастъ 5—8 р. въ мѣсяцъ, а то и больше. Слесарямъ еще лучше. Ихъ ремесло едва-ли не самое доходное. Мальчикъ, поучившійся 3 года въ ремесленной школѣ, можетъ смѣло разсчитывать на 15 руб. жалованія, а хорошему дадутъ въ мастерской и 300 руб. въ годъ.

Сынъ рѣзчика поступаетъ въ токарное отдѣленіе, лишь-бы только умѣть правильно выточить конусъ, цилиндръ. Ему рѣзьбѣ учиться нечего! У него отецъ, братъ рѣжутъ, ему нужно помогать только имъ; тѣ токарнаго дѣла не знаютъ, а безъ точенія и рѣзьбы невозможно. Вотъ и сидитъ мальчикъ въ школѣ, пока не навострится на сколько ему нужно, а тамъ его и калачемъ не заманишь.

Есть въ школѣ и живописное отдѣленіе. Большая зала со всѣми приспособленіями къ тому, обиліе моделей, а наконецъ хорошій учитель—дѣлаютъ этотъ отдѣлъ лучшимъ изъ всѣхъ. А между тѣмъ, не смотря на распространеніе иконописанія между населеніемъ, охотниковъ посѣщать этотъ отдѣлъ нашлось мало. Поступаютъ лишь бы только выучиться наносить контуры, а затѣмъ уходятъ. Отдѣлка образа—это дѣло ихъ отцовъ. Имъ-же учиться нечего. Благодаря этимъ свойствамъ чисто русской натуры, правильное обученіе при настоящихъ условіяхъ въ Большесольской ремесленной школѣ—*немыслимо*.

Досадно и жалко смотрѣть на эти обширныя стѣны заведенія, окутанныя угрюмой молчаливостью, на эти просторныя, свѣтлыя, чистыя, но... увы! пустыя мастерскія, на новенькіе инструменты, у которыхъ свободно могутъ работать десятки мальчиковъ, а работаютъ 1, 2, 3; на всѣ эти затраты, которыя не разрѣшаютъ себѣ даже самые богатые изъ нашихъ городовъ, между тѣмъ какъ только тамъ, въ людныхъ центрахъ, и мыслимъ успѣхъ такого рода заведеній; досадно все это видѣть именно здѣсь, въ этомъ медвѣжьемъ углу, гдѣ люди равнодушны ко всему, что не касается ихъ будничныхъ грошовыхъ интересовъ. Въ прошломъ учебномъ году во всей школѣ училось только 23 человѣка, ровно, значитъ, $^1/_5$ часть того, что должно бы учиться. И надо полагать, что въ будущемъ году ихъ будетъ еще меньше, такъ какъ многіе уйдутъ по домамъ, или на частныя работы.

Необходимы мѣры, и мѣры радикальныя, чтобы исправить это зло, чтобы не дать окончательно заглохнуть этому прекрасному заведенію. Мѣры эти должны быть и внѣшнія и внутреннія. Къ первымъ должно относиться обезпеченіе учащихся въ школѣ во все

время обученія, ко вторымъ—измѣненія въ основныхъ правилахъ обученія.

Для того, чтобы дать возможность оканчивать полный курсъ въ школѣ, нужно, прежде всего, дать возможность учащимся *прожить* этотъ срокъ. Нужно устроить для нихъ пріютъ, пансіонъ, или общежитіе, назовите какъ хотите, лишь бы они имѣли тамъ квартиру и столъ. Тогда, можно навѣрно сказать, школа будетъ переполнена. Затѣмъ, если и это не въ достаточной степени пріохотитъ родителей отдавать туда дѣтей, если ихъ будетъ удерживать пятилѣтняя безплодная для семьи жизнь сына, тогда можно прибѣгнуть и къ другому средству. Слѣдуетъ выработать новый уставъ школы, по которому кончающіе ее пользовались бы извѣстными правами льготъ по воинской повинности. Можно бы приравнять такихъ учениковъ къ кончающимъ учительскіе институты, со всѣми правами послѣднихъ. Это было бы и вполнѣ справедливо и вполнѣ цѣлесообразно. Справедливо потому, что курсъ ремесленной школы, по сроку, одинаковъ съ курсомъ учительскихъ институтовъ; многіе научные предметы въ школѣ, какъ напр., физика, химія, начертательная геометрія, проходятся въ одинаковыхъ и даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ институтахъ, и, наконецъ, поступающіе въ ремесленную школу, такъ же какъ и въ институты, имѣютъ свидѣтельства начальныхъ училищъ. Чтобы болѣе приравнять эти два заведенія, можно въ ремесленной школѣ завести болѣе широкое преподаваніе научныхъ предметовъ, можно расширить программу ихъ по нѣкоторымъ частямъ до программы учительскихъ институтовъ, и тогда былъ бы смыслъ, была бы цѣль, было бы стремленіе пройдти *полный* курсъ ремесленной школы. Тогда такой ученикъ считалъ бы себя вполнѣ обезпеченнымъ. Онъ, съ одной стороны, могъ бы смѣло разсчитывать на полученіе мѣста учителя ремеслъ въ нашихъ городскихъ училищахъ; а если бы, паче чаянія, такого мѣста не нашлось, онъ, какъ хорошій мастеръ, никогда не остался бы безъ работы. Съ другой стороны, если бы и работы не нашлось, онъ могъ бы получить мѣсто сельскаго учителя, съ жалованіемъ въ 200—300 р., и тѣмъ избѣгнуть окончательно воинской повинности. Что же можетъ быть лучше?.. Тогда ученіе мальчика не оказалось бы *безплоднымъ* для самыхъ взыскательныхъ родителей, и они навѣрно потерпѣли бы нѣсколько лѣтъ, чтобы видѣть сына совсѣмъ *человѣкомъ*.

Названныя мѣры весьма просты. Для устройства пріюта нужны средства; для дарованія правъ кончающимъ школу—нужно согласіе министерства народнаго просвѣщенія. Средства нужны не Богъ вѣсть какія. Если бы ихъ не нашлось въ министерствѣ, найдутся они у тѣхъ же наслѣдниковъ Попова, если только умѣючи взяться за дѣло. Поповы на благотворительности не скупы. Да, по моему, ихъ же прямой долгъ додѣлать то, что, по недоразумѣнію, было упущено ихъ завѣщателемъ. Надо надѣяться, что они это поймутъ. Доброе сердце К. А. Попова должно же было, хотя отчасти, перейдти вмѣстѣ съ милліонами къ его племянникамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія уже обратило серьезное вниманіе на Больше-Сольскую ремесленную школу. Съ 1-го іюля сего года школа переходитъ цѣликомъ въ завѣдываніе министерства. Обезпечивающій капиталъ изъ банка передается въ министерство. Вырабатываются новыя правила обученія въ школѣ, новый уставъ ея и, сообразно съ тѣмъ, новые штаты. Каковы будутъ эти новыя правила и новый уставъ—подробно не знаю. Г. директоръ школы объ этомъ предметѣ говоритъ съ особенной неохотой и съ видимымъ раздраженіемъ. Это раздраженіе весьма понятно и потому обижаться на него особенно не слѣдуетъ.

Когда свободнаго человѣка начинаютъ опутывать веревками, хотя бы и шелковыми, когда надъ смѣло поднятой головой его появляется, откуда не возьмись, твердая стѣна, о которую можно при неловкомъ движеніи и лобъ расшибить, тогда трудно ожидать отъ него веселья и добродушія. Въ такомъ положеніи очутился теперь и г. директоръ Больше-Сольской ремесленной школы.

Будучи въ теченіи 7 лѣтъ полновластнымъ распорядителемъ школы, съ окладомъ въ 1,800 руб., квартирой, отопленіемъ и проч., теперь приходится стать въ крѣпкую зависимость отъ дирекціи, подъ непосредственное начальство инспектора народныхъ училищъ, человѣка совершенно *не компетентнаго* въ спеціальномъ предметѣ школы, выслушивать его указанія, замѣчанія и проч.; да еще, при установленіи новыхъ штатовъ, пожалуй лишиться частички содержанія, лишиться, можетъ быть, и мѣста. Все это не понравилось бы хоть кому, и оно совсѣмъ понятно.

Въ замѣчаніяхъ г. директора ремесленной школы по поводу «министерской опеки» надъ этой послѣдней есть много основатель-

наго, есть и утрировка. Главный недостатокъ такой «опеки», по его мнѣнію, формализмъ. Чиновничій формализмъ непремѣнно воцарится вслѣдъ за передачей школы въ министерство, и этотъ формализмъ убьетъ дѣло. Начиная съ способовъ преподаванія и кончая матеріальной стороной—все будетъ парализовано отъ этого формализма и все пострадаетъ.

Напримѣръ: министерство присылаетъ въ школу свою программу преподаванія, свои рисунки, свои объясненія по всѣмъ отраслямъ ремеслъ. Эта программа выработана разъ навсегда, для всѣхъ техническихъ школъ. Въ ней преслѣдуется правильный переходъ въ изученіи извѣстнаго ремесла отъ предмета къ предмету, отъ рисунка къ рисунку, словомъ—весь элементарный ходъ занятій.

Нельзя не согласиться съ г. директоромъ, что буквальное выполненіе такой программы повлечетъ за собой много неудобствъ. Ремесло, также какъ и искусство, не умѣщается въ строгихъ рамкахъ. Нельзя заставить мальчика проработать въ первый годъ обученія непремѣнно то-то, во второй—то-то. Одинъ, болѣе способный, въ первый же годъ продѣлаетъ всѣ рисунки, другой — въ два года хорошо не кончитъ первыхъ. Это не вызубрить урокъ, отвѣтить его на переходный балъ и перетащиться въ слѣдующій классъ. Тутъ ни случай, ни счастье вывезти не могутъ. Тутъ надо знать дѣло, и это знаніе или незнаніе ни коимъ образомъ скрыто быть не можетъ. Оно обнаруживается наглядно и степень его зависитъ отъ способности, талантливости даже, ученика.

Поэтому, строгая программа въ прохожденіи по періодамъ и годамъ курса ремесленныхъ училищъ, казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, неудобна. Гораздо удобнѣе и полезнѣе, давъ программу *полнаго* курса школы, предоставить самому директору выполнять ее по своему усмотрѣнію, лишь бы только кончающій школу зналъ-бы то и то. Какъ спеціалистъ своего дѣла, г. директоръ и впрямь *компетентнѣе* тутъ, чѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ и даже вся дирекція вмѣстѣ. Затѣмъ, формалистика въ дѣлѣ спеціальнаго обученія ведетъ за собой и другія неудобства. Для Больше-Сольскаго ремесленнаго училища, напримѣръ, она просто *не по средствамъ*. Программа министерства предписываетъ ученику исполнить изъ стали, или желѣза, или дерева, смотря по ремеслу, цилиндръ, конусъ,

шаръ и проч. Моделей есть сотни. Для выполненія этого прежде всего нуженъ матеріалъ. Нужно, значитъ, много желѣза, стали, дерева. Все это превращается въ хорошенькія фигуры и... и гніетъ, или ржавѣетъ. Пропасть денегъ, пропасть труда уходятъ, значитъ, непроизводительно, для удовлетворенія только *элементарнымъ* требованіямъ мертвой программы.

Г. директоръ Больше-Сольскаго ремесленнаго училища до сихъ поръ насколько возможно старался оживить эту программу. Жалко ему стало бросаемыхъ на матеріалъ денегъ, жалко стало и хорошенькихъ вещицъ, наполняющихъ шкафы, и вотъ задумалъ онъ каждой изъ нихъ дать жизнь, дать практическое названіе. «Ты вотъ точишь желѣзный цилиндрикъ. Кончилъ? Такъ вотъ: здѣсь надрѣжь, здѣсь сними, продолби—и получишь молотокъ. А у тебя конусъ. Ты мнѣ обдѣлай его такъ! А ты выточи мнѣ изъ дерева вѣшалку! Ты изъ своего шара выдолби мнѣ чашку и проч...»

Десятки и сотни вещицъ, которыя были предназначены для *элементарнаго* лежанія въ шкафу, стали превращаться въ хорошенькіе молоточки, ручки, подсвѣчники, вѣшалки и массы другихъ предметовъ обыденнаго употребленія. Работа учениковъ была такъ хороша, что немедленно нашлись покупатели, и теперь ужъ ни одна элементарная вещица, ни одинъ кусокъ матеріалу не пропадаютъ даромъ. Съ продажи вещей школа имѣетъ солидный доходъ, который составляетъ весьма существенную помощь средствамъ заведенія. Не будь этого дохода, директоръ говоритъ, не зналъ бы какъ обернуться.

Казалось бы, что содержаніе заведенія изъ 23 челов. приходящихъ не можетъ обойтись особенно дорого. Пять тысячъ ежегодно довольно бы за-глаза. Но дѣло въ томъ, что расходъ производится не на 23, а на 110 человѣкъ; вѣдь отопляется и освѣщается все зданіе, комплектъ служащихъ держится полный, комплектъ инструментовъ тоже; значитъ, число воспитанниковъ не играетъ роли въ общемъ бюджетѣ. А если играетъ, то обратную: когда учениковъ больше, — больше вещей приготовляется въ продажу, и, значитъ, увеличивается доходъ. Въ матеріальномъ отношеніи выгода школы получается теперь отъ *прибыли* воспитанниковъ, а не отъ убыли ихъ.

Чтобы оно осталось такъ и впредь, реформа министерства не должна касаться этой стороны дѣла, т. е. не обязывать директора школы *буквально* слѣдовать своей программѣ. Хотя Больше-Сольская ремесленная школа и есть *элементарная*, но, по мѣстнымъ условіямъ, безъ практическаго примѣненія пріобрѣтаемыхъ элементарныхъ познаній и безъ извлеченія себѣ отъ того матеріальной помощи—она обойдтись не можетъ.

Г. директоръ школы въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, совершенно правъ и въ правѣ ожидать, чтобы не было разрушено то, что съ такимъ трудомъ разъ имъ достигнуто. Въ этомъ смыслѣ онъ представилъ свои соображенія въ министерство; чѣмъ они увѣнчаются — еще не извѣстно; но надо полагать, что тамъ внемлютъ голосу опытнаго человѣка, принесшаго уже не малую пользу дѣлу.

Сильно не нравится г. директору и опека министерства надъ матеріальной жизнью школы. Онъ въ этомъ точно также видитъ «тормазъ» всякому живому начинанію.

— Нужна мнѣ какая-нибудь сотня, другая, извольте тутъ сноситься, просить, писать, бумагу изводить. А когда разрѣшатъ? — одинъ Богъ вѣдаетъ. Можетъ тогда мнѣ и не нужно будетъ этихъ денегъ.. Вонъ, въ этомъ году, я купилъ дерева на 500 руб. По случаю купилъ и дешево. А пиши я передъ тѣмъ въ министерство — годъ бы прошелъ и дрова бы сгнили...

— Но вѣдь есть же смѣта, возразилъ я. Въ ней означены расходы на всѣ предметы; вамъ деньги будутъ высылать, такъ въ чемъ же задержка?

— А въ томъ и задержка, что деньги будутъ высылать по этой самой смѣтѣ. Мнѣ, вонъ, сегодня нужны, а они черезъ мѣсяцъ вышлютъ. Случается покупать матеріалъ большими партіями. Такъ и дешевле, и лучше. Прежде это отъ меня зависѣло. Напишу въ Москву — и деньги здѣсь, а теперь жди! «Извольте, молъ, изъ годоваго бюджета не выходить! Просимыя вами деньги на закупку того-то тратить не разрѣшаемъ, ибо онѣ предназначены на такую-то статью, а вовсе не на эту...» Вотъ тутъ и думай какъ извернуться... И поди списывайся! заключилъ онъ энергично.

Много и тутъ правды. Но г. директоръ опять-таки нѣсколько увлекается. Я полагаю, что министерство никогда не откажетъ разрѣшить трату сверхъ бюджета, когда она принесетъ въ будущемъ экономію—это разъ; а второе, трудно представить себѣ въ Большихъ Соляхъ такія «случайныя продажи», которыя бы требовали мгновенной уплаты денегъ. Всякій, продающій на казенное заведеніе или учрежденіе, охотно ждетъ денегъ. Да и матеріалъ для школы нуженъ такой, который не испортится, хотя бы ему и годъ пришлось прождать употребленія.

Какъ ни уважительны приводимые г. директоромъ мотивы, очевидно, не въ нихъ кроется причина его раздраженія. Не легко подчиняться, когда считалъ себя хозяиномъ въ домѣ: вотъ настоящая причина. Она уважительна, безспорно, но г. директору слѣдовало бы подумать, что вѣдь не наслѣдственна же занимаемая имъ должность. Сегодня — онъ, завтра можетъ быть — другой. Онъ поставилъ школу на прекрасную дорогу, насколько могъ. Онъ человѣкъ дѣльный и честный. А если его замѣститель не будетъ блистать такими качествами? Если безконтрольное распоряженіе пятитысячнымъ бюджетомъ, да выручкой съ продажи произведеній школы, да заимообразно отпускаемыми суммами — искуситъ его податливую совѣсть?! Въ нашъ вѣкъ, это не диковинка! Честное пользованіе «остатками»—практикуется сплошь и рядомъ. По этому, естественной мнѣ кажется забота министерства народнаго просвѣщенія обезпечить отъ такихъ «случайностей» прекрасное созданіе К. А Попова, упрочить, узаконить, такъ сказать, его существованіе, хотя бы на первыхъ порахъ пришлось пожертвовать для этого нѣкоторыми «удобствами» заведенія вообще, и г. директора его — въ частности. Такъ, мнѣ кажется, и слѣдуетъ относиться къ новому распоряженію министерства. Во всякомъ случаѣ, лучше подождать результатовъ, чѣмъ хаять дѣло напередъ, да еще дѣло такое молодое, живое, съ будущимъ впереди.—Предполагаемыя министерствомъ измѣненія во внутреннемъ устройствѣ школы, заключаются: 1) въ измѣненіи штатовъ и 2) въ расширеніи *научной* программы школы. Предполагается ввести новые предметы наукъ и расширить курсъ старыхъ, главное—начертательной геометріи. Обученіе этимъ предметамъ должно производиться при «Николаевскомъ Больше-Сольскомъ начальномъ училищѣ», имени К. А. Попова, которое, вслѣдствіе того, получитъ естественную связь съ ремесленной школой. Связь эта и естественна и необходима; оба заведенія — суть дѣти

одного отца, созданы съ одной цѣлью, должны служить одной идеѣ и одной странѣ. И если эта связь не закрѣплена была самимъ учредителемъ при жизни—не его тутъ вина. Мысль объ устройствѣ ремесленной школы рисовалась въ умѣ К. А. Попова весьма смутно. Больше-Сольская элементарная школа—типъ новый въ Россіи. Покамѣстъ она единственная. Поэтому и предусмотрѣть всѣ случайности нововведенія было трудно. Теперь же, когда они выяснились, когда назрѣли, необходимо ихъ наладить, установить общую гармонію, и за успѣхъ будущаго можно ручаться, какъ бы мрачно ни смотрѣлъ г. директоръ въ это будущее.

Если не для пользы дѣла, то хоть ради памяти, ради уваженія къ свѣтлой личности покойнаго Попова, слѣдовало бы подумать объ этомъ и правительству и наслѣдникамъ Поповскихъ милліоновъ.

Почти въ центрѣ Большихъ Солей, на высокомъ берегу рѣки Солоницы, среди зелени и бѣдныхъ деревянныхъ хижинъ, пріютился бѣленькій домикъ, небольшой, но опрятный. Двое деревянныхъ воротъ по сторонамъ его ведутъ на обширный и чистый дворъ домика.

По фасаду красуется опять длинная, черная вывѣска и золотыми буквами надпись: «Николаевское двухклассное училище К. А. Попова».

Мѣстность, на которой стоитъ училищный домъ, лучшая въ городѣ. По скату горы, отдѣленному отъ дома улицей, такъ называемой «набережной», разбитъ четырьмя терассами роскошный садъ. Красивый палисадникъ кругомъ него устроенъ по насыпи, въ виду предохраненія сада отъ весенняго разлива журчащей внизу рѣчки, а противъ дома палисадникъ смѣняется рѣшеткой, съ каменными, чисто выбѣленными столбами. Въ саду акаціи, сирень, липы, тополи образуютъ темныя аллеи и бесѣдки, даютъ прохладу и прекрасное зрѣлище, деревянная лѣстница посреди сада соединяетъ между собой всѣ четыре уступа ската, пожалуй напоминающіе собой висящіе сады Семирамиды.

Училищный домъ, какъ бы утопающій въ зелени (сзади тоже разбитъ садъ—фруктовый), съ своимъ дворомъ и пристройками, всѣмъ напоминаетъ собой хорошенькую помѣщичью усадьбу.

Съ особенно легкимъ и пріятнымъ чувствомъ входилъ я въ сѣни училища. Прямо изъ нихъ широкая желѣзная лѣстница ведетъ наверхъ, а направо дверь въ квартиру завѣдующаго училищемъ.

— Мужъ нездоровъ, лежитъ... простите ему пожалуйста, заявила жена завѣдующаго, выходя къ намъ.

— Ничего, не безпокойтесь! Мы и безъ него посмотримъ...

Я обошелъ все помѣщеніе училища, всѣ классы, библіотеку и просто надивиться не могъ образцовой чистотѣ, уютности во всемъ, при отсутствіи того внѣшняго лоска, который въ большинствѣ нашихъ учебныхъ заведеній часто замѣняетъ опрятность, пахнетъ казенщиной и даетъ отпечатокъ чего-то нежилого. Тутъ напротивъ: ничего не блеститъ, но все, начиная отъ классныхъ скамеекъ, свободно разставленныхъ, и кончая массой цвѣтовъ въ горшкахъ, украшающихъ окна и обвивающихъ стѣны, — все живетъ, дышетъ и должно разгонять тяжелую классную скуку.

Библіотека училища украсила бы любую гимназію. Выборъ сочиненій указываетъ на особенную заботливость завѣдующаго училищемъ. Тутъ есть все, что дала наша литература для ребенка и для подростка. Благоговѣйно равняются ряды нашихъ апостоловъ поэзіи и прозы. Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Толстой — впереди всѣхъ, а за ними чинно выстроены и прочіе, наполняя обширные шкафы библіотеки. Всѣ выдающіяся журналы за послѣднія 20 лѣтъ, всѣ лучшія духовныя сочиненія и многія серьезно-научныя тутъ на лицо. А уютная прохладная комната библіотеки, круглый столъ посреди нея, тишина, свѣжесть — такъ и манятъ здѣсь къ чтенію.

Налюбовавшись вдоволь всѣмъ, я почувствовалъ непреодолимое желаніе увидать и поговорить съ тѣмъ, кому все это обязано. Войдя опять въ квартиру завѣдующаго, я спросилъ чѣмъ онъ боленъ. Оказался ревматизмъ.

Это былъ старикъ, на видъ лѣтъ за 50; лицо полное, круглое, сразу къ себѣ располагающее; въ глазахъ столько добродушія и ласки, что даже страданія не въ силахъ были ихъ омрачить. Я сѣлъ возлѣ и сталъ разспрашивать. Старикъ тотчасъ оживился и заговорилъ горячо, съ увлеченіемъ. Его добрые глаза, сначала нѣсколько испуганные, теперь все мягче и мягче смотрѣли на меня; молодое пламя все ярче загоралось въ нихъ, разливалось краской по блѣднымъ щекамъ, по толстой открытой шеѣ и орошало крупными каплями пота его умный, высокій лобъ.

Онъ торопился передать мнѣ повѣсть о своемъ дѣтищѣ, о сво-

емъ дорогомъ училищѣ, которое вотъ ужъ *25 лѣтъ* онъ няньчитъ и лелѣетъ. Всѣ мельчайшія подробности изъ жизни училища, день за днемъ его существованія, хотѣлъ бы онъ передать мнѣ. Онъ, вѣроятно, читалъ участіе, интересъ въ глазахъ моихъ и, вѣроятно, не часто приходилось ему ихъ встрѣчать. И голосъ и силы положительно измѣняли старику. Черезъ полчаса нашей бесѣды онъ ужъ не въ силахъ былъ подняться на локоть и только прерывистый и хриплый шепотъ вылеталъ изъ его широкой груди.

— Ты бы далъ гостю твою книжку объ училищѣ тамъ все есть... прочтутъ! заявила старушка.

— Сейчасъ, сейчасъ... Возьми тамъ, съ полки, налѣво... Вотъ она! Такъ! Позвольте вамъ предложить... Мой трудъ... Слабый, но добросовѣстный... Тутъ все найдете!

Я собрался проститься, но старикъ еще *кое о чемъ* заговорилъ. Это *кое-что* было вопросомъ жизни для него.

— Видите, сказалъ онъ, наше училище теперь преобразовываютъ. Хотятъ сдѣлать министерскимъ двухъ-класнымъ. Это прекрасно и вполнѣ справедливо, потому что у насъ всегда было два класса, только кончающимъ 2-й классъ не давали аттестата на право льготы 3-го разряда. Теперь вотъ хотятъ давать. Для учениковъ это большое благодѣяніе, это вѣрно, но... но для насъ, для учителей... намъ никакой привиллегіи отъ этого нѣтъ.

— А какую же привиллегію вы бы хотѣли?..

— Мы, видите, не на государственной службѣ теперь. Значитъ, полнымъ пенсіономъ пользоваться не можемъ. А вотъ, если бы наше училище сдѣлали трехъ-классным городскимъ, тогда мы перешли на права государствено-служащихъ.

— Но, у васъ всего два класса...

— Мы бы сейчасъ устроили третій. Мѣста у насъ найдется. Расходъ потребуется пустой, а учениковъ всегда найдется вдоволь. Для Большихъ Солей такое училище было бы весьма полезно. Это былъ бы шагъ впередъ на пути, указанномъ больше-сольцамъ незабвеннымъ Константиномъ Абрамовичемъ... Это его проектъ. И для насъ, служащихъ, это была бы награда за наши посильные труды.

— Понятно, понятно! Это вполнѣ справедливо было бы... Только развѣ вы теперь пенсіономъ не пользуетесь?

— Ничтожнымъ. На пропитаніе не хватитъ. А вѣрно скоро

придется оставить мѣсто. Старъ, болѣзненъ... не могу ужъ попрежнему...

Слезы заблестѣли въ глазахъ старика. Онъ на минуту отвернулся чтобы совладать съ волненіями.

— Сколько же вы жалованія получаете?

— 300 рублей и квартиру.

— Никакихъ наградъ за 25-ти-лѣтнее веденіе училища?

— Нѣтъ! Никакихъ! Да зачѣмъ награды? Не надо ихъ. Только бы умереть не нищимъ... Кусокъ хлѣба на старость...

Невыразимо жалко стало мнѣ добраго старика, не много такихъ по бѣлу-свѣту и эти немногіе обречены на участь нищихъ.

Я вышелъ изъ бѣлаго домика далеко не такъ бодро, какъ входилъ. Вдали, съ выси заблестѣли окна ремесленной школы; сотни искръ, мигая, забѣгали по стекламъ ихъ, все зданіе—стройное, новое, купалось въ лучахъ заходящаго солнца. Теперь оно мнѣ показалось еще горделивѣе, еще красивѣе; теперь все оно точно улыбалось, глядя съ высоты своего величія на убогій посадъ; но улыбка эта не нравилась мнѣ; въ ней чуялась иронія, состраданіе.

Я оглянулся назадъ. Бѣлый домикъ Николаевскаго училища съ каменными воротами и чугуннымъ балкономъ, темныя верхушки деревьевъ, прячущіяся за нимъ и впереди свободно сбѣгающій къ рѣкѣ садъ — были въ тѣни; скромностью вѣяло отъ нихъ. Я вспомнилъ разговоръ съ г. директоромъ ремесленной школы, его безучастное, сонное лицо, его ироничный тонъ, рѣжущую ухо компетентность на каждомъ словѣ, раздраженіе оскорбленнаго самолюбія.. А рядомъ съ его сильной фигурой, въ постели лежитъ больной старикъ; страданіе въ его лицѣ и ласки въ глазахъ; два человѣка, призванные въ этотъ уголокъ для служенія одному Богу, такъ близки и такъ далеки въ то же время отъ себя, какъ близки и далеки по виду эти два зданія: одно — ярко освѣщенное, вверху, — другое — въ тѣни и внизу.

Одинъ еще молодъ и крѣпокъ, другой старъ и безсиленъ; тотъ и другой любятъ свое дѣло, но одинъ любитъ его умомъ, другой сердцемъ. Въ молодомъ и сильномъ организмѣ сквозитъ лѣнь, скука апатія, въ старомъ и больномъ — горитъ молодое пламя, живетъ, молодая душа. Одинъ занимается своимъ заведеніемъ только нѣсколько лѣтъ и жалованіе въ 1800 руб. находитъ уже малымъ; дру-

гой трудится четверть вѣка, сотни людей научилъ, выпустилъ въ свѣтъ—и теперь молитъ объ одномъ, не дать ему умереть съ голоду! Одинъ возмущается при мысли о надзорѣ, о связывающей его власти, другой мечтаетъ только о томъ, чтобы эта власть приняла его подъ свою опеку и на служеніе ей готовъ посвятить свои послѣдніе годы. Одинъ... Да что перечислять? Конца не будетъ, если сравнивать всѣ черты того и другого. Проще сказать: одинъ — человѣкъ новаго поколѣнія со всѣми его *достоинствами* ума, другой—осколокъ старины, со всѣми *недостатками* сердца.

Въ Большихъ Соляхъ находится еще одинъ памятникъ благодѣяній К. А. Попова – богадѣльня и больница. Онѣ помѣщаются въ одномъ зданіи, внѣшнимъ видомъ своимъ весьма напоминающемъ ремесленную школу. Порядокъ и чистота тамъ тоже образцовы. Докторъ при больницѣ—милѣйшая и прекраснѣйшая личность. Лѣтъ около десяти назадъ, онъ пріѣхалъ сюда только окончивъ курсъ академіи, на временную практику, правильнѣе полечить болѣе себя чѣмъ другихъ. Здѣшняя мѣстность такъ понравилась ему, а воздухъ оказался такимъ здоровымъ, что молодой докторъ рѣшился остаться. Изъ болѣзненнаго и слабаго юноши, онъ въ эти 10 лѣтъ сталъ сильнымъ, дороднымъ мужчиной, хотя... въ борьбѣ съ болѣзнью потерялъ волосы. Этотъ недостатокъ, однако нисколько не уменьшаетъ симпатичности его лица, открытаго и веселаго, насколько только могутъ сдѣлать его такимъ полезный трудъ и спокойная совѣсть...

По словамъ г. доктора, работать тутъ очень пріятно. Съ одной стороны, населеніе края уже вполнѣ освоилось и довѣрилось его заботамъ и массами приходитъ за совѣтомъ и лекарствами, которые раздаются даромъ. Съ другой—гг. Поповы такъ участливо относятся къ своей больницѣ, что никогда еще ни одна просьба доктора, ни одно указаніе его не были манкированы. Поэтому никогда не ощущается ни въ чемъ недостатка, и все, что наука дала и даетъ постепенно новаго, усовершенствованнаго, почти все это имѣется подъ рукой. Чтобы удостовѣриться въ опрятности больницы, стоитъ только взглянуть на дворъ ея. Здѣсь положительно убрано и чисто какъ въ комнатѣ. Всѣ люки, выгребныя ямы, собачьи будки даже, тщательно вымазаны дегтемъ. Въ ямы наливается дезинфекціонная жидкость.

— Пускай къ намъ идетъ холера, мы ея не боимся! Милости просимъ, весело приговаривалъ докторъ, обходя дворикъ.

Холера не разжилась бы здѣсь! Нѣтъ сомнѣнія.

Было уже сумрачно, когда изъ больницы направились мы въ мастерскую извѣстнаго рѣзчика по дереву—Трубникова, вѣрнѣе, братьевъ Трубниковыхъ. Рѣзьба по дереву и иконопись — два мастерства, самыя распространенныя въ Большихъ Соляхъ. А братья Трубниковы—самые выдающіеся изъ рѣзчиковъ.

Въ мастерской, когда мы вошли, работало человѣкъ 10 народу. Комната, въ три свѣта, была завалена стружками, досками, столами и инструментами. Пробираясь сквозь нихъ, мы подошли къ хозяину, который былъ углубленъ въ работу. Старшій изъ Трубниковыхъ имѣетъ на видъ лѣтъ около 55-ти. Низенькій, приземистый, съ копной полусѣдыхъ волосъ на головѣ да безпорядочно растрепанной, густой и длинной бородой, съ темными, вдумчивыми глазами, всегда слегка сощуренными, и сѣроматовымъ цвѣтомъ лица, онъ производитъ впечатлѣніе настоящаго артиста, художника, изнеможденнаго своимъ искусствомъ. Одѣтъ онъ въ блузу, какъ и всѣ другіе, и работаетъ также прилежно. Когда его окликнули, онъ медленно поднялъ голову, не спѣша поднялся съ мѣста и съ достоинствомъ протянулъ мнѣ руку. Затѣмъ когда я просилъ позволенія ознакомиться съ его работами, онъ съ любезной и доброй улыбкой повелъ меня по мастерской

Тамъ работали преимущественно молодые люди. Низко пригнувшись къ столамъ, они по рисункамъ воспроизводили на деревѣ цвѣты и всевозможные, самые затѣйливые узоры; работа была удивительно чистая. Громадныя рамы, иконостасы, чаши, кубки и проч. составлялись здѣсь изъ мелкихъ частей, которыя одновременно работались нѣсколькими мастерами. Подъ остріями долотъ, нажимаемыхъ искусными пальцами, дерево лущилось какъ воскъ и, быстро, незамѣтно почти, гладкая доска превращалась въ гирлянду цвѣтовъ, получались самыя нѣжныя очертанія, самыя миніатюрныя углубленія и выпуклости. Нельзя было вдоволь налюбоваться на ловкость рѣзчиковъ; трудно понять, какъ высиживаютъ они здѣсь цѣлые дни, въ этой изнурительной позѣ, какъ хватаетъ ихъ глазъ, все время напряженныхъ надъ мельчайшими узорами. А между тѣмъ, эти труженики любятъ свое дѣло и занимаются имъ съ увлеченіемъ, запоемъ, такъ

сказать. Они предпочитают его другому, болѣе выгодному, и вотъ объясненіе, почему никому изъ нихъ нѣтъ охоты воспользоваться обученіемъ въ ремесленной школѣ Попова. Тамъ ихъ выучатъ ремеслу, а здѣсь—здѣсь они служатъ искусству, служатъ, ему безсознательно, безвоздмездно почти, не зная цѣны своему труду, не зная и часто не желая отдыха...

Братья Трубниковы работаютъ на многіе окрестные монастыри и церкви. Фирма Трубниковыхъ извѣстна въ этомъ краѣ уже давно Отцы и дѣти ихъ занимались рѣзьбой, славились ею, а дѣти и внуки достойно поддерживаютъ эту славу. И, можно сказать, только ради ея, ради привычки и диллетантизма, они продолжаютъ свою трудную и неприбыльную работу. Заказовъ у нихъ такъ много, что на первый взглядъ оно можетъ и показаться прибыльной. А между тѣмъ, это не вымыселъ.

Прежде всего, рѣзчиковъ въ этомъ краѣ очень много. Всѣ они работаютъ болѣе или менѣе хорошо, но, понятно, не достигаютъ совершенства Трубниковыхъ.

Естественно, что на рѣзьбу явилась сильная конкурренція и цѣны сильно упали. Церкви и монастыри, давая заказы, болѣе примѣняются къ цѣнѣ, чѣмъ къ работѣ; наши настоятели и верховные старосты еще не прониклись художественными стремленіями, лишь бы работа была *гладкая*, да не дорогая,—вотъ и все. Поэтому Трубниковы не могли оцѣнить свои работы дороже прочихъ; у нихъ тогда *вовсе* не было бы заказовъ. Но, съ другой стороны, они не могутъ и работать такъ скоро, какъ другіе; имъ слишкомъ дорого родное искусство, слава имени, чтобы промѣнять его на лишній рубль. Отсюда и затяжка времени, необходимость держать больше работниковъ, невозможность брать на себя много заказовъ.

Трубниковы, напримѣръ, работали иконостасъ Бабаевскаго соборнаго храма, о которомъ я упомянулъ выше. Это работа гигантская. Больше года производилась она въ ихъ мастерской. А что получили за нее? Если не ошибаюсь, только 4 тыс. руб.

Такъ платятъ и всѣ остальные. А между тѣмъ, готовый заказъ долженъ быть доставленъ на мѣсто на счетъ мастера, на его счетъ и установленъ. Привезти же да уставить громадный иконостасъ—тоже не малаго стоитъ. Затѣмъ: матеріалъ, инструменты, плата рабочимъ, содержаніе ихъ—что же останется? Насущный кусокъ

хлѣба, не больше. Оплачивается, значитъ, только физическій трудъ, но не искусство; да и этотъ трудъ-то стоилъ бы большого. Вѣдь тутъ спину кривишь себѣ, зрѣніе теряешь. Старшій братъ Трубниковъ, о которомъ я упомянулъ, имѣетъ всего лѣтъ 40 отъ роду. А на видъ—старикъ старикомъ. Да и всѣ остальные его братья тоже гораздо старше своихъ лѣтъ. И все это ради одного искусства, изъ любви, изъ привычки къ нему. Хозяинъ мастерской предложилъ мнѣ пройтись къ нему на домъ, чтобы взглянуть на готовые предметы. Я съ удовольствіемъ согласился.

Трубниковы живутъ не только опрятно, но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Въ ихъ домикѣ съ удивленіемъ видишь окна изъ цѣльныхъ стеколъ, чуть-чуть не зеркальныхъ, за которыми красуются горшки богатой зелени и цвѣтовъ. Съ улицы это имѣетъ видъ далеко не мѣщанскій. Въ гостиной, весьма мило меблированной, я остановился, буквально пораженный большой круглой рамой на стѣнѣ, въ которую вдѣланъ былъ портретъ Государя. Я принялъ ее сначала за восковую, благодаря странному матовому цвѣту. Приблизившись, я тутъ только призналъ дерево, обращенное волшебнымъ рѣзцомъ въ самое тонкое кружево. Изящество, законченность, рисунокъ этой удивительной работы — передать нельзя. Нужно самому видѣть ее, чтобы оцѣнить.

И видѣть не мимолетно, не издалека; работа выигрываетъ, чѣмъ ближе и долѣе вы въ нее всматриваетесь, чѣмъ полнѣе схватывате весь смыслъ ея. Сколько таланта и адскаго терпѣнія нужно имѣть художнику? Вся рама точно вылѣплена; нигдѣ, среди тысячи углубленій и возвышеній, невозможно уловить одного рѣзкаго штриха.

— Чья это работа?.. Вѣдь это совершенство! обратился я къ хозяину.

— Это мой маленькій братъ дѣлалъ, снисходительно улыбнулся Трубниковъ. У насъ были еще лучше вещи, на выставкѣ продали.

— Ну, ужъ извините, милѣйшій, но я вамъ не вѣрю. Лучше этого сдѣлать немыслимо.

— Дѣлаемъ, дѣлаемъ.... улыбнулся старикъ, какъ найдетъ стихъ. Вотъ этотъ самый братъ нашъ получше вещи дѣлаетъ. Онъ у насъ художникъ. Мы вотъ заказы работаемъ, а онъ—такъ-себѣ, для удовольствія. Дни и ночи сидитъ, оторвать нельзя. Придетъ это ему

въ голову какой узоръ, сейчасъ хватаетъ дерево, инструментъ и не встанетъ, пока не кончитъ. Просто до болѣзни себя довелъ.

— Такъ это онъ эту раму дѣлалъ?

— Онъ, онъ!

— И долго?

— Да Богъ его знаетъ. Почитай больше мѣсяца не вставалъ отъ нея... Да онъ сдѣлалъ такихъ три къ выставкѣ. Еще лучше этой были...

— Ну, и что-жъ? Фуроръ произвели?..

— Какой фуроръ?!. усмѣхнулся презрительно старикъ. Никто и взглянулъ. Мѣсяцъ онѣ стояли тамъ, назадъ ужъ везти хотѣли, да нашелся покупатель. Проходилъ это мимо господинъ какой-то изъ Петербурга, посмотрѣлъ, ахнулъ, вотъ какъ вы, да и сейчасъ сторговалъ всѣ три. Говорятъ, онъ какой-то начальникъ по пріютамъ что-ли. Такъ для этихъ самыхъ пріютовъ купилъ...

— И дорого продали?..

— Да... почемъ мы продали? А?.. обратился старикъ къ своему брату. Почитай рублевъ по 125 за раму... не дороже.

— Такъ дешево?.. не удержался я.

— Да какъ дешево! улыбнулись оба брата. Дешево-то оно дешево по нашей работѣ, потому что здѣсь одной работы на двѣ сотни рублевъ. А какъ по нуждѣ, да по необходимости, такъ не дешево. Кто же дастъ больше?.. Покупателей богатыхъ у насъ нѣтъ, цѣнить это самое искусство—никто не цѣнитъ, а даютъ за величину. Побольше вещь—дороже, поменьше—дешевле.

Почему же въ Москву, въ Петербургъ не посылаете? Вѣдь у васъ на-расхватъ раскупятъ.

— Эхъ, баринъ! Кому-отъ посылать? Наугадъ, да на счастье. Вотъ въ Москву послали на выставку, а чуть домой не привезли. Эхъ! Срамъ одинъ!.. Лучше ужъ пускай висятъ онѣ у насъ эти рамы, самимъ пріятно смотрѣть. Вѣдь времени, здоровья, души сколько въ нихъ вложено... Это, поди, никто не цѣнитъ... горько заключилъ старикъ.

Я спросилъ цѣну замѣчательной рамы.

— Да за ту же продадимъ. Рублевъ за 125 можно отдать. Уложимъ, отправимъ,—цѣла будетъ... А то есть и подешевле, если эта дорога.

Трубниковы стали показывать мнѣ рамы всѣхъ возможныхъ узоровъ. Ихъ много у нихъ. Все такая же художественная работа, даже въ общемъ, эфектнѣе первой, потому что болѣе крупная, болѣе видная. Цѣны ничтожныя: 50, 60, 70 и т. д. рублей за вещи, которыя въ городѣ стоили бы сотни.

Произведенія такого рода еще совершенно не популярны у насъ. А между тѣмъ, они такъ оригинально-хороши, что ни одинъ иностранецъ, ни одинъ даже нашъ петербуржецъ, изъ болѣе любознательныхъ, я увѣренъ, не замедлилъ бы обратиться съ заказомъ къ братьямъ Трубниковымъ, если бы видѣли одинъ хоть пустой образчикъ ихъ роднаго искусства.

Отъ всей души желая принести пользу правдѣ — нашей родной, часто забитой, заброшенной въ глуши, никѣмъ не чтимой и не цѣнимой отечественной *правдѣ*, въ какомъ бы образѣ она ни являлась, беру на себя смѣлость обратить особенное вниманіе читателя на семью скромныхъ тружениковъ-художниковъ посада Большихъ Солей, братьевъ Трубниковыхъ.

Много поколѣній ихъ уже служило родному искусству, много десятковъ лѣтъ уже сгибаются спины Трубниковыхъ, а до сихъ поръ врядъ ли кто и слышалъ ихъ имя, кто не живетъ въ этомъ краѣ...

Въ началѣ очерка я сказалъ, что имя Константина Абрамовича Попова неразрывно связано съ именемъ его родины. Три заведенія, возведенныя имъ тамъ: ремесленная школа, начальное училище и больница, хотя уже сами по себѣ составляютъ крупный памятникъ его имени, доказательство любви къ родинѣ, но этимъ не исчерпываются еще всѣ благодѣянія, оказанныя имъ Большимъ Солямъ.

Поповъ мечталъ о возстановленіи и возрожденіи Большихъ Солей въ ихъ прежнемъ величіи, хотѣлъ этотъ захолустный посадъ обратить опять въ городъ, насадить тамъ полезный трудъ, торговлю, искусство и просвѣщеніе. Все, сдѣланное имъ, имѣетъ именно это назначеніе. Кромѣ учебныхъ заведеній и больницы, К. А. Поповъ основалъ еще въ Большихъ соляхъ и общественный банкъ, положивъ въ него основнаго капитала своихъ 17 тыс. рублей. Банкъ вначалѣ процвѣталъ благодаря честности и толковости людей, поставленныхъ, стараніями Попова, во главѣ его управленія. Въ нѣсколько лѣтъ операціи его значительно расширились, и доходъ, предназначенный учредителемъ для помощи бѣднымъ жителямъ посада, для приданаго

бѣднымъ невѣстамъ, а также подарковъ лучшимъ ученицамъ изъ начальнаго училища, сталъ очень солиднымъ, сталъ вѣрной опорой для жителей, обезпеченныхъ теперь отъ нужды и всякихъ случайностей. Торговля и промышленность Большихъ Солей, съ поддержкой банка, почувствовавши себя на твердой почвѣ, готовы были расцвѣсть, посадъ благоденствовалъ, какъ вдругъ!.. случилось то, что случается всюду. Банкъ попалъ въ руки мошенника, который его обокралъ и пустилъ по міру бѣдныхъ невѣстъ, ученицъ и всѣ свѣтлыя надежды больше-сольцевъ. Слава Богу, что этотъ крахъ случился не при жизни Попова. Горько ему было бы видѣть его.

Кромѣ учрежденія банка, школы и больницы, Поповъ еще является благодѣтелемъ больше-сольскихъ церквей. Ихъ 5 тамъ на населеніе въ 2 тыс. человѣкъ. Понятно, что пришлось бы половину упразднить; нѣкому было содержать причтъ. Поповъ жертвуетъ капиталъ въ 51 т. руб.,—по 10 т. руб. на каждую изъ 4-хъ церквей и 11 т. руб. на церковь, гдѣ онъ состоялъ прихожаниномъ, для содержанія изъ процентовъ церковнаго причта, кромѣ того, что ремонтируетъ и обновляетъ ихъ.

Опять-таки дѣлаетъ онъ это имѣя въ виду расширеніе Большихъ Солей, увеличеніе населенія и, слѣдовательно, будущую надобность въ храмахъ.

Это все крупные факты его благотворительности на родинѣ. А сколько было мелкихъ!?.. Сколькимъ родичамъ своимъ Поповъ помогалъ, сколько добрыхъ совѣтовъ, денегъ роздалъ, сколькихъ вывелъ въ люди, сколькимъ составилъ благосостояніе и даже богатство, того не перечтутъ и сами больше-сольцы. Только крѣпка въ нихъ память о добромъ Поповѣ, и видно не скоро угаснетъ.

— Эхъ! Пожить бы ему еще маненько! Потрудиться еще, помочь, можетъ и увидѣлъ бы онъ у насъ порядокъ и богатство. Можетъ и на наши Большія Соли городомъ хорошимъ стали бы. А то померъ благодѣтель нашъ и все пошло на разладъ... Куды намъ самимъ управиться?.. Поддержки нѣту, умнаго совѣта, а то и помощи въ бѣдѣ...

Такъ говорятъ больше-сольцы, вспоминаючи о Поповѣ, объ ихъ благодѣтелѣ и нянькѣ, тужатъ по немъ, свято чтятъ память, но... и только. Не хватаетъ у нихъ силенки, чтобы перешагнуть то темное, что раздѣляетъ ихъ отъ свѣтлаго пути, указаннаго благодѣ-

телемъ; нянька водила, да не довела! Застряли, ждутъ твердой руки, да не откуда ея взять. Другой няньки не даетъ Богъ Большимъ Солямъ, другого Попова не родитъ уже соннымъ и лѣнивымъ женамъ больше-сольцевъ...

О характерѣ Попова, жизни его въ Большихъ Соляхъ и отношеніяхъ къ своимъ землякамъ много интереснаго слышалъ я отъ самихъ больше-сольцевъ, особенно отъ Трубниковыхъ, которые даже и сродни Попову приходятся; ихъ отцы жили когда-то «сосѣдями» вмѣстѣ коротали длинные вечера, вмѣстѣ встрѣчали и горе и радость; только Трубниковы тогда были и богаче и вліятельнѣе Поповыхъ.

Константинъ Абрамовичъ родился въ 1814 году и до 15 лѣтъ то пасъ коровъ въ Большихъ Соляхъ, то служилъ въ харчевнѣ, то былъ въ услуженіи у знакомыхъ и родственниковъ въ магазинахъ. Всюду ему не нравилось, отовсюду онъ убѣгалъ, и только все просился прикащикомъ въ чайный магазинъ. Инстинктъ ли ему подсказывалъ его назначеніе, любилъ ли онъ такъ чай, только къ «китайскому зелью» его тянуло съ самыхъ малыхъ лѣтъ.

Наконецъ 15-ти лѣтъ отъ роду, ему удается-таки попасть прикащикомъ въ магазинъ купца Алекина, а черезъ 12 лѣтъ прикащикъ Поповъ, при помощи крупныхъ чайныхъ торговцевъ, ссудившихъ его товарами въ кредитъ, открываетъ свой собственный магазинъ. Тогда у Попова было накоплено изъ его жалованья около 10,000 руб. и съ этими деньгами онъ смѣло пустился въ бурное море коммерческихъ предпріятій.

Прошло 30 лѣтъ, пробилъ часъ кончины этого замѣчательнаго человѣка, — и десять тысячъ его превратились во столько же милліоновъ.

Если вѣрить слухамъ, К. А. Поповъ оставилъ послѣ себя около 100 чайныхъ магазиновъ въ Россіи и столько-же заграницей; кромѣ того, обширные чайные склады и большія чайныя плантаціи въ самомъ Китаѣ.

Что помогло ему къ такому необыкновенному обогащенію? Въ чемъ загадка?.. Загадка давно разгадана. Честность, умъ, знаніе своего дѣла—прежде всего, а затѣмъ уже и счастливая звѣзда, вотъ помощники Попова. Тѣхъ обыкновенныхъ пріемовъ скораго обогащенія, которыми такъ богата скандальная хроника нашихъ крезовъ-выскочекъ, въ жизни Попова не ищите. О мошенничествахъ, наш-

тажахъ, злостныхъ банкротствахъ и проч. никто не говоритъ, вспоминая его скорое обогащеніе. Говорятъ только, что онъ былъ геній чайнаго дѣла, что никто въ Россіи лучше его не могъ сортировать чая и никто не предлагалъ публикѣ такого хорошаго.

—Въ руки только возьметъ, взглянетъ и ужъ скажетъ, что этоза чай

Какъ бы тамъ ни было, но репутація К. А. Попова осталась не запятнанной. У Попова служили сотни людей и всѣ относились къ нему какъ къ отцу. То было доброе старое время, когда и дѣти, и юноши, и взрослые подчиненные держались въ почтеніи, «въ страхѣ Божіемъ» относительно своихъ родителей, наставниковъ и начальства Тогда можно было хозяину магазина держать своихъ прикащиковъ какъ гимназистовъ, устраивать для нихъ общежитія, слѣдить за нравственностью, не пускать со двора позже 9-ти часовъ вечера, словомъ — быть ихъ отцомъ. Тогда они благоговѣли передъ хозяиномъ и о кражѣ не могло быть и мысли. Вотъ почему тогда и могли наживаться милліоны честнымъ путемъ, тогда какъ теперь... и прожить-то ихъ такъ не каждый умѣетъ.

Пріѣзды Константина Абрамовича въ Большія Соли и теперь еще памятны тамъ: это были мѣстные праздники для жителей.

Каждый почти оставлялъ тогда свои занятія и спѣшилъ найти лучай увидѣть, поговорить съ Поповымъ. Покойный никѣмъ не гнушался и во всякому готовъ былъ идти въ домъ, если время позволяло. Торговецъ получалъ отъ него совѣтъ опытнаго дѣльца, счастливецъ встрѣчалъ въ немъ неподдѣльную радость своему благополучію, а несчастный—утѣшеніе и помощь. Въ обществѣ взрослыхъ онъ былъ зрѣлый мужъ, интересный собесѣдникъ, съ дѣтьми былъ какъ дитя: бѣгалъ, рѣзвился, ходилъ въ лѣсъ за орѣхами и грибами. Цѣлыя аравы больше-сольскихъ ребятъ окружали Константина Абрамовича при его появленіи, завладѣвали имъ, и никогда такъ весело не шалили, какъ въ обществѣ «дѣдушки Абрамыча».

Любовь къ дѣтямъ — одна изъ самыхъ прекрасныхъ чертъ въ Поповѣ. Она рисуется ярче всего изъ его интимной переписки съ завѣдующимъ Николаевскимъ большесольскимъ училищемъ, г. Соколовымъ.

Прекрасно сдѣлалъ г. Соколовъ, включивъ письма Попова въ свой кромный и добросовѣстный трудъ. Эти письма—драгоцѣнный матеріалъ къ характеристикѣ Попова. Въ нихъ горитъ вся его простая, сми-

ренная, безъискусственная душа; въ нихъ свѣтится глубокій практическій умъ; въ нихъ, наконецъ, сіяетъ чуднымъ свѣтомъ его горячая любовь къ родинѣ, къ бѣднымъ и главное—къ дѣтямъ. Ихъ воспитаніемъ, ихъ будущимъ онъ болѣе всего дорожитъ и не жалѣетъ ничего, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Онъ, напримѣръ, заваленный собственными дѣлами, не пропускаетъ года, чтобы лично не подыскать, не выписать и не выслать въ свою школу массу разныхъ журналовъ и книгъ. Онъ самъ прочитываетъ баллы всѣхъ 110 воспитанниковъ и воспитанницъ школы, самъ подписываетъ аттестаты, самъ высылаетъ награды. Онъ ежегодно посылаетъ въ школу на свои имянины кучу разныхъ сладостей, чай, сахаръ, чтобы дѣти веселились. Онъ составляетъ разныя комбинаціи о введеніи обученія при школѣ полезныхъ ремеслъ. Онъ не перестаетъ думать объ ней ни одного дня, и это когда же?.. Когда самъ сносится непосредственно съ Китаемъ и всѣми странами свѣта; когда участвуетъ въ десяткахъ коммисій, акціонерныхъ и всевозможныхъ обществъ; когда знакомъ со всей Москвой, со всѣми министрами и сановниками; когда ѣздитъ къ нимъ «запросто»; когда дорожатъ каждымъ его мнѣніемъ; когда, наконецъ, Константинъ Абрамовичъ Поповъ одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Россіи.

Не имѣя возможности передать здѣсь содержаніе нѣсколько десятковъ его писемъ къ г. Соколову, характеризующихъ, кромѣ всего сказаннаго, еще довѣріе, любовь Попова къ этому послѣднему, чисто дружескія отношенія между бѣднымъ сельскимъ учителемъ и столичнымъ милліонеромъ тузомъ, позволю себѣ привести здѣсь только двѣ выписки изъ его первыхъ писемъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ г. Соколову въ 1862 г.

«Письмо ваше я получилъ, изъ котораго замѣтилъ, что вы не можете сойдтись съ больше-сольцами. Объ этомъ вы не безпокойтесь и дѣйствуйте, какъ велитъ долгъ, самостоятельно, какъ хозяинъ порученнаго вамъ училища; лицепріятія не должно ни къ кому имѣть и только справедливыя просьбы уважать. Что же касается до навѣтовъ, то мнѣ хорошо извѣстно, какъ мои земляки умѣютъ судить да рядить чужія дѣла, а о своихъ и ума не приложатъ».

Вотъ и еще:

«Сердце мое постоянно радуется при мысли о моемъ дѣтищѣ, тѣмъ болѣе, что я слышу о немъ только одно хорошее, а также и о

моихъ добрыхъ сподвижникахъ, которые сумѣли своимъ усердіемъ заслужить полное довѣріе моихъ земляковъ; за все это мнѣ несказанно пріятно благодарить васъ. Не подумайте, чтобы я забылъ свое дѣтище,—нѣтъ: оно у меня всегда на памяти и сердце мое рвется взглянуть на все то, что было оставлено мною 8 сентября 1861 года. Но торговыя мои дѣла, служба моя городская, а больше всего—постройка въ домѣ—отнимаютъ всякую возможность съѣздить на мою родину. Если Богъ поможетъ кончить все это до сентября, то всѣ силы употреблю пріѣхать на актъ 8-го сентября...».

Константинъ Абрамовичъ не говорилъ и не писалъ фразъ. Онъ дѣломъ доказывалъ любовь свою къ *дѣтищу;* онъ входилъ въ мельчайшія подробности его жизни и доходилъ въ этихъ подробностяхъ до смѣшнаго даже. Всякая новая доска, всякій кустъ, всякій гвоздь, появляющійся вновь въ его училищѣ, интересовали его какъ событіе, и обо *всемъ этомъ* ему подробно писалось...

Безъ сомнѣнія, много интереснаго, много поучительнаго было въ жизни этого человѣка, который изъ бѣднаго торговаго мальчика въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ, становится основателемъ одной изъ первыхъ торговыхъ фирмъ Россіи, арендуетъ плантаціи въ Китаѣ и сносится съ цѣлымъ міромъ.

Въ отношеніи благотворительности, Поповъ почти не имѣетъ себѣ соперника. Не говоря уже о родинѣ о Большихъ Соляхъ, куда имъ уложено до $^1/_2$ милліона денегъ, не говоря о значительныхъ его пожертвованіяхъ въ пользу церквей и благотворительныхъ заведеній въ Москвѣ и внѣ Москвы, не говоря о благодѣяніяхъ щирокою рукою расточаемыхъ частнымъ лицамъ, можно сказать, не было при немъ ни одного благотворительнаго дѣла, въ которомъ бы покойный Поповъ не принималъ участія.

Но не однимъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ, ни богатствомъ, ни почетомъ, ни даже благотворительностью пріобрѣлъ себѣ Константинъ Абрамовичъ симпатіи всѣхъ. Тайна общаго сочувствія къ нему, какъ нельзя болѣе выразившагося надъ его могилой, заключаются въ рѣдкой, неподдѣльной добротѣ сердца, составляющей самую характеристическую черту въ нравственномъ образѣ покойнаго. Онъ удостоивался многихъ наградъ и отличій за благотворительность; онъ не отказывался отъ нихъ, не выставлялъ на показъ лицемѣрнаго равнодушія; онъ радовался ордену, почетному званію

такъ же просто и безъискусственно, какъ просто и безъискусственно было все въ его жизни. Онъ дѣлился этою радостью съ своими дѣтьми-питомцами, съ сподвижниками своими на родинѣ, и находилъ вполнѣ естественнымъ, что эта радость—есть праздникъ и для нихъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ опять-таки его письма.

Онъ умеръ въ страданіяхъ, но съ глубокимъ смиреніемъ и съ глубокой вѣрой въ Того, Кто судитъ добрыя дѣла людей не по наружному ихъ виду, не въ мѣру ихъ вещественной цѣны.

Да будетъ ему по вѣрѣ его!

А мы должны надѣяться, что исторія русскаго торговаго сословія, исторія нашей благотворительности, исторія, наконецъ, Большихъ Солей, не забудутъ К. А. Попова, какъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые выходя изъ болѣе чѣмъ скромной среды, способностями, энергіей, добрымъ и вѣрнымъ сердцемъ, пролагаютъ сами себѣ путь къ богатству и заслуженной славѣ...

По случаю кончины К. А. Попова, нѣсколько больше-сольскихъ поэтовъ сочинили приличные случаю акростихи. Если они и грѣшатъ талантомъ, то заслуживаютъ вниманія своею трогательностью.

Вотъ нѣсколько отрывковъ:

. . . .

„Абрамовичемъ Константиномъ
Больница здѣсь учреждена,
Рукой его-жъ, рукой въ порядкѣ дивномъ,
Аптека въ ней заведена,
Милліоны ближнимъ раздѣляя,
Онъ богадѣльню здѣсь создалъ:
Въ ней всякъ недужный увидалъ
И свѣтъ и жизнь земнаго рая.
Чего не жертвовалъ сей мужъ
Убѣжищамъ всѣхъ скорбныхъ душъ?!

. . . .

Но вотъ утѣха всѣхъ страдальцевъ
Абрамовичъ—отецъ отцевъ—
Главу склонилъ и наконецъ,
Оставилъ насъ какъ пастырь агнцевъ...

. . . .

За что-жъ такая намъ судьбина?!!
На то мудрецъ вѣщаетъ намъ:

Душа свѣтла у Константина,—
Угодна горнимъ небесамъ...

. . . .

Потомкамъ предадимъ завѣтъ
О немъ всегда, вездѣ молиться,
Да благодѣтель тамъ вселится,
Гдѣ царства славы вѣчный свѣтъ...

. . . .

Какъ ангелъ хранитель на свѣтъ ты явился,
Отцовъ, матерей намъ собой замѣнилъ,
Насущнымъ добромъ ты со всѣми дѣлился,
Сердца всѣхъ сограждан добротой плѣнилъ!
Ты школу построилъ намъ съ библіотекой,
А бѣднымъ страдальцамъ—больницу съ аптекой;
Недужнымъ же далъ въ богадѣльнѣ пріютъ,—
Ты банкъ учредилъ, причтамъ жертвы принесъ
И всѣмъ учрежденіямъ... За то всѣ поютъ
Надгробный тебѣ гимнъ, съ потоками слезъ, —
„Угасъ нашъ свѣтильникъ", съ хвалой вопіютъ!..

. . . .

И просятъ тебѣ дать небесный вѣнецъ!
Красуйся-же въ немъ такъ, во вѣки вѣковъ!
О томъ Бога молимъ мы съ гласомъ пѣвцовъ,
Въ твоихъ учрежденіяхъ, нашъ общій отецъ!

Въ отношеніи фабричной промышленности Костромская губернія занимаетъ весьма видное мѣсто. Промышленность эта, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на обработкѣ волокнистыхъ веществъ—льна и хлопчатой бумаги, получила начало свое одновременно съ промышленностью, смежной съ Костромской, — Владимірской губерніи. Самый большой фабричный районъ Костромской губерніи—Вичугскій—составляетъ какъ бы естественное продолженіе Иваново-Вознесенска, и уже отъ этихъ двухъ главныхъ фабричныхъ пунктовъ тянется въ ту и другую сторону рядъ второстепенныхъ, болѣе или менѣе важныхъ. Поэтому Костромскую губернію можно справедливо поставить вслѣдъ за Владимірской, по степени всѣхъ видовъ обработки волокнистыхъ веществъ.

Интересно бросить хотя бѣглый взглядъ на развитіе и главныя черты этого рода промышленности, дающей особенное экономическое значеніе всему этому краю. Мнѣ удалось лично побывать на многихъ фабрикахъ, но далеко не на всѣхъ. Районы Вичугскій и Кине-

шемскій мною изслѣдованы, если не подробно, то относительно самыхъ большихъ фабрикъ. О нихъ я могу говорить болѣе или менѣе самостоятельно; но за то о другихъ центрахъ и раіонахъ, и главное—относительно *общихъ* чертъ фабричной промышленности Костромской губерніи, могу сообщить только краткія свѣдѣнія, взятыя мною изъ «Статистическаго Сборника» по Костромской губерніи за 1884 годъ. Половина этого «Сборника» посвящена «Очерку фабрикъ», и этотъ очеркъ, по своей полнотѣ, по системѣ изложенія, заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ разныхъ углахъ нашего необъятнаго отечества выростаютъ иногда люди, которыхъ удѣлъ—скромный, не кричащій, по выходящій изъ ряду по своей пользѣ, трудъ. Эти труженики «ради идеи» носятъ на плечахъ своихъ гигантскую тяжесть, изъ сотни частей составляютъ одно громадное цѣлое, и все-таки про нихъ никто почти не знаетъ, никто не говоритъ: Они работники-муравьи, пчелы-трутни. Они скромны и застѣнчивы; они готовы преклониться предъ каждымъ авторитетомъ, свое *я* стушевать предъ чужимъ *вы*, готовы и даже рады признать свою ошибку, дабы вновь взвалить на себя гигантскую ношу, вернуться съ ней назадъ и опять придти съ новой.

Они такъ скептически и такъ боязно относятся къ своей работѣ, что невольно и въ другихъ вселяютъ къ ней недовѣріе. Поэтому, ни шумнаго одобренія, ни громкой славы, ни какихъ бы то ни было выгодъ, они никогда не получаютъ, да и получить не могутъ. Надъ ними всегда возвышаются головы смѣльчаковъ, которые не боятся и не стѣсняются встать на ходули, чтобы показать свой лобъ всему честному міру. На ходуляхъ можно только встрѣтиться, да *показывать видъ* работы, но и этого имъ достаточно. Честный міръ рукоплещетъ, а копошащіеся внизу и обливающіеся потомъ одинокіе трутни—знай только таскаютъ свои гигантскія ноши, да проходя мимо танцующихъ на палкахъ скомороховъ, взираютъ на нихъ, удивляются, вздыхаютъ и идутъ дальше. Удивляются они не тому, что міръ бьетъ въ ладоши скоморохамъ. Нѣтъ! Они слишкомъ скромны, чтобы критиковать «общественное мнѣніе». Удивляются они только той ловкости и привычкѣ, съ которой двигаются и кривляются эти господа «на деревяшкахъ»; свой трудъ имъ кажется ничтожнымъ въ сравненіи съ этой ловкостью, но, въ то же время, они бы не про-

мѣняли его за эту ловкость вмѣстѣ съ аплодисментами публики и «приличными вознагражденіями».

Словомъ, это люди, которыхъ не мало живетъ въ глуши и очень мало въ нашихъ столицахъ, въ центрахъ просвѣщенія и наукъ.

Къ такимъ скромнымъ и безъизвѣстнымъ труженикамъ слѣдуетъ отнести и составителя «Статистическаго Сборника» по Костромской губерніи, секретаря и дѣйствительнаго члена статистическаго комитета г. Пирогова.

Я имѣлъ случай сталкиваться со многими гг. секретарями статистическихъ комитетовъ и встрѣтилъ до сихъ поръ слишкомъ мало честно и добросовѣстно исполняющихъ свои трудныя обязанности. Одна часть ихъ ровно ничего не дѣлаетъ, другая дѣлаетъ очень мало, третья много, но безтолково, и наконецъ четвертая—это тѣ скоморохи «на деревяшкахъ», которымъ рукоплещутъ за ихъ дѣловитый видъ, за громкія фразы, за цѣлые томы вымышленно-*тенденціозныхъ* изысканій, за громадные столбцы цифръ, „самыхъ точныхъ и самыхъ подробныхъ» цифръ съ точностью до $^1/_{1000}$, по которымъ становится яснымъ до очевидности сколько цыплятъ, сколько куръ, поросятъ, сколько зеренъ ржи и овса находится въ такомъ-то и такомъ уѣздахъ, гдѣ народъ «бѣдный» и гдѣ «богатый», кому можно простить недоимку, а съ кого слѣдуетъ взыскать, какой уѣздъ обложить больше, а какой меньше.

Эти послѣдніе герои—это, такъ называемые, земскіе статисты. Кричатъ о нихъ много, потому что они суть *наглядное* проявленіе заботливости земства, которое поэтому само всегда ихъ и рекламируетъ. Да и стоятъ они не дешево земству (иногда до 15,000 въ годъ), но пользы отъ нихъ... Объ этомъ послѣднемъ лучше всего справиться у казанскаго, да еще у черниговскаго земства, которое само постановило *сжечь* труды своихъ статистовъ.

Многое можно было-бы написать объ этомъ предметѣ, но на этотъ разъ вернусь къ фабрикамъ Костромской губерніи. Очеркъ этихъ фабрикъ, составленный г. Пироговымъ, по моему—превосходенъ. Это образецъ краткаго и въ то же время совершенно полнаго очерка по предмету, который до сихъ поръ еще совсѣмъ не изслѣдовался въ печати. Цифровыя данныя о громадномъ фабричномъ производствѣ Костромской губ. получались до сихъ поръ только оф-

фиціальнымъ путемъ,—а этотъ путь, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ скользокъ. Что-же касается до описательныхъ свѣдѣній относительно положенія и быта рабочаго, такія свѣдѣнія по Костромской губ., сколько нибудь систематизированныя,—и совсѣмъ не появлялись въ печати. Эти два обстоятельства и послужили поводомъ къ *личному* изслѣдованію г. Пироговымъ большинства фабрикъ Костромской губ. и къ изданію его «Очерка», «не смотря *на неполноту и лишь приблизительную правильность заключающихся въ нихъ данныхъ и выводовъ*», какъ оговаривается скромный авторъ въ предисловіи къ своему труду.

Пользуясь трудами г. Пирогова, и я постараюсь бросить бѣглый взглядъ на фабричное дѣло въ Костромской губерніи, который мнѣ кажется здѣсь умѣстенъ, прежде чѣмъ перейдти къ болѣе подробному описанію собственно Вичугскаго края.

Фабрики Костромской губерніи, обработывающія волокнистыя вещества, сосредоточены въ раіонахъ: Вичугскомъ, Яковлевско-Середскомъ, Кинешемскомъ и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ центрахъ,—каковы села: Родники и Писцово, города—Кострома, Нерехта, Юрьевецъ и посадъ Пучежъ.

Обработка эта подраздѣляется, какъ я сказалъ, на два главные отдѣла: обработку льна и хлопчатой бумаги. Соотвѣтственно этимъ подраздѣленіямъ, и вся фабричная дѣятельность надъ волокнистыми веществами получила нѣсколько отраслей, изъ которыхъ первоначальныя—льнопряденіе и бумагопряденіе; за ними слѣдуетъ уже цѣлая серія разныхъ видовъ обработки льняной и бумажной пряжи какъ-то: *тканье*, *снованіе*, *отбѣлка*, *окраска*, *ситце-печатаніе* и вообще окончательная *отдѣлка* полотняныхъ, миткалевыхъ и бумажныхъ произведеній.

Каждая изъ фабрикъ имѣетъ свою спеціальную отрасль производства и, сообразно тому, получаетъ названіе: льнопрядильня, бумагопрядильня, ткацкая, сновальная, отбѣлочная, отдѣлочная, красильная и пр. Большія фабрики, занимаясь нѣсколькими отраслями разомъ, получаютъ соотвѣтствующія названія; такъ, существуютъ фабрики: *бумаго-сновальныя*, *бѣлильно-красильныя и отдѣлочныя*, *фабрики бумаго и льно-ткацкія* и *красильно отдѣлочныя* и много другихъ.

Полотняное и бумажное производства сосредоточиваются, болѣе

или менѣе, каждое въ своемъ районѣ или своемъ центрѣ. Такъ, бумажное производство составляетъ почти исключительную отрасль промышленности Вичугскаго района, Кинешемскаго и двухъ центровъ—села Родники и села Писцова, Полотняное же имѣетъ своимъ центромъ село Яковлевское,—Яковлевско-Середскаго района; этотъ послѣдній районъ занимаетъ восточную полосу Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи; здѣсь, въ мѣстныхъ селахъ—Яковлевскаго и Середы-Упиной, развито исключительно ткачество, первое служитъ центромъ полотнянаго, второе—миткалеваго производства. Кромѣ этого центра, полотняное производство идетъ часто въ связи съ бумажнымъ, хотя составляя второстепенную отрасль; такимъ образомъ, оно существуетъ и въ Вичугскомъ районѣ и въ Кинешемскомъ.

Первоначальная обработка льна производится на фабрикахъ *льнопрядильныхъ*. Льнопрядильни Костромской губерніи (съ открытыми при нихъ ткацкими и бѣлилками), по своей величинѣ и устройству лучшія, и, пожалуй, единственныя въ Россіи. Не составляя особаго района, онѣ расположены въ 4 отдѣльныхъ городскихъ поселеніяхъ: въ городахъ Нерехтѣ, Юрьевцѣ, Костромѣ и посадѣ Пучежѣ. На всѣхъ 5-ти механическихъ льнопрядильняхъ и одной ткацкой бѣлильной при нихъ работаетъ 6,433 рабочихъ обоего пола, изъ которыхъ на долю женщинъ, подростковъ и дѣтей приходится около 67 проц. всей цифры. Въ этомъ отношеніи льнопрядильное производство и имѣетъ свою особенность; это трудъ преимущественно женскій и дѣтскій.

Общая сумма производства льнопрядилень Костромской губерніи превышаетъ 5.195,000 руб.

Льнопряденіе и выдѣлка полотенъ была первой формой здѣсь обработки волокнистыхъ веществъ. Полотняное производство по Костромскому Поволожью началось уже $1^{1}/_{2}$ вѣка тому назадъ, и въ серединѣ прошлаго столѣтія получило особую извѣстность. Послѣ войны 1812 г., впервые возникла въ Вичугскомъ краѣ выдѣлка бумажныхъ матерій, и, съ упадкомъ въ 20-хъ годахъ полотняныхъ фабрикъ, заняла первенствующее положеніе. Но вотъ настала Крымская война и полотняное производство вновь оживилось. Ручное льнопряденіе и ручная выдѣлка полотенъ оказались отжившими свой вѣкъ. Потребовалось такое количество полотна, что ручнымъ способомъ приготовлять его не поспѣвали. Тогда-то и возникли впервые тѣ *механическія* льнопрядильни и *механическія* ткацкія фабрики, которыя нынѣ составляютъ богатство и украшеніе края.

Вотъ какъ описывается въ «Историко-статистическомъ обзорѣ промышленности Россіи» (1883 г. Изданіе департамента торговли и мануфактуры) о постепенномъ развитіи въ Костромской губерніи механическаго льнопряденія:

«Крымская война, вызвавшая усиленное требованіе на полотняныя издѣлія для арміи, подѣйствовала оживляющимъ образомъ на полотняную промышленность. Были сдѣланы новыя попытки водворенія у насъ механическаго льнопряденія, и нужно замѣтить, что попытки эти увѣнчались большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежнія. Первымъ выступилъ на поприще устройства механическихъ льнопрядиленъ нерехтскій полотняный фабрикантъ А. В. Брюхановъ. Близко изучившій торговлю льняными издѣліями и достоинства пряжи. онъ зналъ гдѣ и на что существуетъ спросъ. Полагаясь на свою опытность, онъ рѣшился открыть въ 1854 году льнопрядильню въ Костромѣ...

«Отсутствіе конкуренціи, дешевизна льна и возможность получать необходимые механизмы на мѣстѣ (тогда существовало въ Костромѣ механическое заведеніе г. Шипова) вселяли надежду на успѣхъ дѣла. Пригласивъ въ компаньоны г. Зотова, Брюхановъ устроилъ первоначально льнопрядильню на 1.500 веретенъ. Съ самаго начала фабрика пошла успѣшно. Требованіе полотна для арміи во время войны доставило сбытъ пряжѣ и притомъ довольно низкихъ нумеровъ по хорошимъ цѣнамъ.

«Въ 1857 году примѣръ Брюханова уже нашелъ многихъ подражателей, и къ началу 60-хъ годовъ, съ легкой его руки, появились въ томъ же районѣ еще нѣсколько льнопрядиленъ *). Это отразилось съ одной стороны на увеличеніи цѣны льна, которая дошла до 4 р за пудъ, съ другой—въ затрудненіи сбыта пряжи, такъ какъ требованіе полотенъ для арміи прекратилось. Въ 1861—1862 г. положеніе нашихъ льнопрядильщиковъ сдѣлалось весьма критическимъ. Цѣны на ленъ все повышались и въ зиму 1861—62 году дошли до 4 руб. 60 коп. за пудъ и даже дороже, а на пряжу требованій не

*) Между прочимъ и въ другихъ губерніяхъ: «Норская»—подъ Ярославлемъ, Демидова—въ селѣ Ярцовѣ, Вяземскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

было. Чтобы дать сбытъ послѣдней, фабриканты стали отпускать ее въ кредитъ крестьянамъ, съ рискомъ потерять на своихъ должникахъ значительную часть ссуды. Крестьянамъ, которымъ прежде фабриканты не открыли бы кредита и на 100 руб., они начали отпускать пряжи на тысячи. Отражаясь невыгодно на интересахъ самихъ фабрикантовъ, операція эта, однако же, имѣла полезное вліяніе на производство полотенъ между крестьянами Костромской и Ярославской губерній. Оставивъ ручное пряденіе, они увеличили ткачество и занялись бѣленіемъ и отдѣлкою полотенъ.

Наступленіе американской междуусобной войны и польскаго возстанія вывело льнопрядильни изъ критическаго положенія, въ которомъ онѣ находились. Американская война повысила цѣну на хлопокъ и издѣлія изъ него и вызвала усиленіе выдѣлки полотенъ. На послѣднее не осталось безъ вліянія и польское возстаніе, потребовавшее усиленныхъ поставокъ для арміи. Благодаря всему этому наши льнопрядильни получили возможность увеличить производство. Это движеніе впередъ не остановилось и по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ и по усмиреніи возстанія въ Польшѣ. Стали возникать новыя льнопрядильни, между которыми выросла и громадная «Новокостромская льняная мануфактура», основанная въ 1866 году въ городѣ Костромѣ. (По размѣрамъ и производству, она самая большая изъ нынѣ существующихъ.)

Съ окончаніемъ послѣдней турецкой войны, увеличившей спросъ на полотна, и съ застоемъ, смѣнившимъ послѣдовавшее за войной оживленіе въ нашемъ промышленномъ мірѣ, льнопрядильни снова попали въ критическое положеніе.

Послѣднее стало особенно замѣтнымъ въ Костромской губ. въ 1880—81 годахъ, когда значительно ослабѣлъ спросъ на низшіе сорта льняныхъ издѣлій, вслѣдствіе замѣны ихъ въ войскахъ бумажными тканями и появленія на рынкѣ джуты. Приготовленіе пряжи на мѣстныхъ льнопрядильняхъ сократилось; цифра рабочихъ сокращена и часть ватеровъ работали только днемъ. На одной изъ фабрикъ и вовсе были прекращены работы»...

Такъ развилось въ Костромской губерніи механическое льнопряденіе, и въ такомъ положеніи находится оно нынѣ. Причина упадка его въ настоящее время, какъ видимъ,—причина общая для всѣхъ родовъ промышленности у насъ—застой, послѣ искусственнаго оживленія войны. Но, кромѣ того, льнопряденіе пострадало еще и отъ другой причины: его вытѣснило механическое бумагопряденіе, послѣ того, какъ съ 1881 года стали строиться новыя великолѣпныя бумагопрядильныя фабрики. Бумажныя издѣлія достигли такого совершенства, что съ успѣхомъ замѣнили полотняныя, уступая имъ въ то же время значительно въ цѣнѣ. Не только войска, но и народъ, даже сама интеллигенція, стали привыкать къ бумажнымъ рубахамъ, къ бумажному бѣлью, и нынѣ, какъ извѣстно, хорошее полотно на бѣльѣ считается уже роскошью...

Въ настоящее время всѣхъ фабрикъ въ Костромской губерніи обработывающихъ волокнистыя вещества, 45. Производство на нихъ простирается до 23,525,243 р.,—составляя приблизительно 73% общей суммы издѣлій всѣхъ мѣстныхъ заводовъ и фабрикъ.

Цифра работающихъ на этихъ фабрикахъ простирается до 21,611 человѣкъ; если же прибавить къ ней еще крестьянъ, кустарей, работающихъ по заказамъ фабрикъ у себя на домахъ, которыхъ насчитываютъ болѣе 12-ти тысячъ, то общая сумма лицъ, участвующихъ въ производствѣ, выразится 34 тыс. человѣкъ.

На 33-ти фабрикахъ (изъ 45-ти) имѣются 54 паровыхъ двигателя въ 1746 силъ. На 2 фабрикахъ существуютъ 2 водяные двигателя, а на 8 фабрикахъ 14 конскихъ приводовъ. Первое мѣсто по суммѣ производства занимаютъ бумаготкацкія и миткалевыя фабрики (7,730,188 р.), далѣе слѣдуютъ льнопрядильни съ имѣющимися при нихъ ткацкими и бѣлилками (5,195,757 р.), затѣмъ фабрики бумажныхъ и льняныхъ издѣлій (3,140,663 руб.), ситцепечатныя съ бумаготкацкими (3,133,880 руб.), бумагопрядильни (1,600,000 руб.) собственно полотняныхъ издѣлій (1,529,080 руб.) и бумагоснowальныя, бѣлильно-красильныя и отдѣлочныя (1,195,675 руб.).

Распредѣляя на два естественныхъ отдѣла выработку фабрикъ со смѣшаннымъ производствомъ, находимъ, что виды изслѣдуемой промышленности распредѣляются такимъ образомъ:

На долю всѣхъ видовъ *бумажнаго* производства приходится выработки. . . . . на 15,917,366 руб.

На долю же *льнянаго* . . . . » 7,607,877 »

Всего . . на 23,525,243 руб.

Эти цифры наглядно показываютъ, насколько страдаетъ у насъ

обработка льна насчетъ бумаги; сопоставляя ихъ, мы видимъ, что льняное производство по Костромской губерніи ровно *вдвое* слабѣе бумажнаго, хотя эта губернія и стоитъ въ ряду первыхъ по обработкѣ льна.

Положеніе и бытъ рабочаго люда въ Костромской губерніи, при такомъ количествѣ фабрикъ, при разнообразіи производства, при суровыхъ, наконецъ, климатическихъ условіяхъ страны, должны обратить на себя особое вниманіе. Говоря объ этомъ предметѣ, я возьму только болѣе существенные выводы изъ наблюденія г. Пирогова, ибо эти послѣднія, обнимая каждую фабрику въ отдѣльности, касаются фактической стороны положенія рабочаго. Начну съ отрывковъ изъ одной «Корреспонденціи изъ селъ», помѣщенной въ «Очеркѣ» г. Пирогова, для охарактеризованія вліянія мѣстныхъ фабрикъ на земледѣліе, бюджетъ крестьянскихъ семействъ и нравы населенія.

«Съ появленіемъ фабрикъ въ селахъ Середѣ и Яковлевскомъ, — замѣчаетъ одинъ изъ корреспондентовъ, крестьяне увидѣли возможность къ болѣе легкой наживѣ, и лучшія силы направились на фабрики; земледѣліе же отошло на задній планъ. Оттого стало случаться, что полоса поздно взорана, не во-время взборонена, пропущенъ день посѣва,—и въ результатѣ получился скудный урожай. Для остающихся дома стариковъ и женщинъ сдѣлался невозможнымъ и надлежащій уходъ за такимъ количествомъ скота, какое нужно для удобренія полей. Съ уменьшеніемъ же скотоводства стала еще замѣтнѣе сокращаться производительность почвы *)

Невыгодно вліяя на земледѣліе, работы на фабрикахъ въ то же время обезпечиваютъ рабочихъ меньше, чѣмъ трудъ *кустарный*, доставляющій ткачамъ относительно большія выгоды. Доказать это могутъ слѣдующія соображенія. Если въ прежнее время домохозяинъ имѣлъ въ семьѣ 3 стана—въ мѣсяцъ на нихъ срабатывалось 6 основъ и, по средней цѣнѣ, получалось за нихъ отъ 10—12 руб.

*) Нѣкоторыя фабричныя работы могутъ быть производимы безразлично мужчинами и женщинами. Поэтому желательно, чтобы на такія работы принимались исключительно женщины, въ которыхъ недостатка не будетъ. Эта мѣра могла бы удержать при домахъ много лучшихъ силъ и привлечь ихъ съ большей пользой къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ.

Деньги получались и расходовались черезъ руки одного домохозяина; лишнихъ расходовъ на квартиру, верхнее платье и обувь — не было. Пища семьи—хлѣбъ и приварокъ, были общіе и притомъ полученные отъ собственнаго хозяйства; изъ заработанныхъ денегъ оставалось купить соли, уплатить повинности и, смотря по остатку, завести одежду и обувь, или въ концѣ зимы запастись хлѣбомъ на случай недостатка. Кромѣ того, при занятіи промысломъ на дому, каждый членъ семьи имѣлъ возможность отдѣлять часъ или два времени для ухода за домашнимъ скотомъ; оттого и скота было больше, онъ содержался лучше и земледѣліе шло успѣшнѣе. При распоряженіи-же хозяйствомъ одного лица, объ оброчныхъ недоимкахъ не было и помину. Не то въ настоящее время: каждый членъ семьи, перешедшій на фабрику, заработываетъ нѣсколько даже болѣе, чѣмъ заработывали дома всѣ 3 лица при 3-хъ станкахъ, именно, по среднему выводу, отъ 10—13 руб. въ мѣсяцъ.

Деньги каждый рабочій получаетъ на руки и расходуетъ самъ; причемъ необходимые расходы его могутъ быть приняты слѣдующіе: за квартиру платитъ каждый—1 руб.. за хлѣбъ и съѣстные припасы—3 руб., на верхнее платье, рубахи и обувь—3 руб., на чай и сахаръ—1 руб., на мелочи—около 1 рубля; итого—*9 рублей*. Остатокъ отъ заработка (1—4 руб.) легко уходитъ на прогулъ въ питейныхъ домахъ и трактирахъ—во время дачки или праздниковъ *). При строгомъ же воздержаніи отъ мотовства, свободные отъ расходовъ рубли употребляются всего чаще на наряды.

Отсюда видно, сколько получитъ хозяинъ дома отъ своихъ промышленниковъ для поддержанія хозяйства и уплаты повинностей. Несравненно болѣе помогаютъ дѣти и подростки—отъ 14 до 18 лѣтъ, еще не выбившіеся изъ-подъ отцовской власти и доставляющіе въ домъ отъ 3—5 руб. въ мѣсяцъ.

При названныхъ условіяхъ, жизнь фабричныхъ вообще привольная; въ ней замѣчается щегольство, страсть къ нарядамъ, склонность къ разгулу, но вмѣстѣ и охлажденіе къ тому тяжелому труду, которымъ только и можетъ держатся земледѣльческое хозяйство.

*) На расплату съ кабаками идетъ часто $^1/_3$, а иногда и $^1/_2$ всего заработка. На платье и обувь расходуется въ 6 мѣсяцевъ отъ 15—20 руб.

Поэтому, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ жилища крестьянъ похожи на разоренныя гнѣзда,—стоятъ безъ дворовъ, или безъ задней пристройки, отломанныхъ и проданныхъ на покрытіе недоимки. Количество скота далеко недостаточно для удобренія земли; пища крестьянъ скудная; денежныя повинности никогда не выплачиваются вполнѣ и выбираются въ большей части случаевъ съ трудомъ.

Кабаки и трактиры, съ названіемъ: то «Новый Свѣтъ», то «Ярославская гостинница»—въ изобиліи окружаютъ фабрики, и въ этихъ притонахъ пьянства рабочіе прогуливаютъ не только нужныя деньги, но и рабочее время, подвергаясь значительнымъ вычетамъ и причиняя убытки фабрикантамъ.

Оттого и для послѣднихъ представляется желательнымъ уменьшеніе числа питейныхъ заведеній вблизи фабрикъ,—какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ. Пьянство такъ распространено въ средѣ рабочихъ, по словамъ одного изъ владѣльцевъ фабрикъ, что 10-ти-рублевый заработокъ, полученный въ субботу, часто превращается въ нѣсколько копѣекъ къ понедѣльнику: часть денегъ пропивается въ одиночку и въ компаніи съ фабричными дамами или другими гуляками; другая часть теряется и выкрадывается у пьяныхъ изъ кармана *)...

Въ частности, по словамъ «Корреспонденціи», фабрики служатъ тормазомъ грамотности и источникомъ порчи нравовъ.

Чтобы не потерять заработковъ, получаемыхъ подростками и дѣтьми на фабрикахъ и дома, крестьяне неохотно отдаютъ ихъ въ училища. Съ другой стороны, при совмѣстныхъ работахъ мужчинъ и женщинъ на многихъ фабрикахъ, молодежь привыкаетъ беззазорно отноститься другъ къ другу...

---

*) Рабочіе, поступающіе на фабрики, вмѣсто всякихъ условій, — получаютъ *книжку*, на одной сторонѣ которой пишется заработокъ, а на другой—плата наличными деньгами, харчами, штрафами и проч. Съ этой-то книжкой рабочіе и разгуливаютъ по трактирамъ, кабакамъ и лавкамъ, гдѣ, смотря по заработку, и полученной уже платѣ, пользуются кредитомъ. Нерѣдко при этомъ случается, что чистый денежный остатокъ по книжкѣ слѣдующій къ полученію рабочимъ, равняется нулю, такъ какъ одна четверть заработка осталась въ трактирахъ и кабакахъ, па другую—взяты разные припасы изъ фабричной лавки и часть поступила въ штрафы.

Не красивую картинку рисуетъ намъ авторъ «Корреспонденціи», хотя далеко и не новую. Плоды фабричной цивилизаціи слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Растлѣвающее вліяніе фабрикъ на нравственность населенія—не подлежитъ уже сомнѣнію. Гораздо новѣе и интереснѣе взглядъ автора на экономическую сторону быта фабричнаго, по сравненію ея съ бытомъ кустаря и даже простаго земледѣльца. Въ виду явнаго запустѣнія земли и всего сельскаго хозяйства въ мѣстностяхъ расположенія фабрикъ, авторъ рекомендуетъ принимать на фабрики преимущественно женщинъ и подростковъ тамъ, гдѣ они могутъ съ успѣхомъ замѣнить взрослыхъ, дабы этимъ послѣднимъ дать возможность заниматься хозяйствомъ.

Мысль оригинальная и важная именно въ настоящую минуту, когда реформы правительства клонятся совершенно въ противоположную сторону. Недавній законъ объ ограниченіи работъ малолѣтнихъ, объ обязательномъ 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ ихъ для принятія на фабрики, наконецъ, послѣдній законъ, на-дняхъ только вышедшій, о воспрещеніи ночной работы для женщинъ и для подростковъ до 17 лѣтъ—очевидно имѣютъ цѣлью уменьшеніе на фабрикахъ контингента рабочихъ изъ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ.

Цѣль правительства высоко-гуманна, свята даже. Ниже мы увидимъ, какое зло преслѣдуетъ правительство этими двумя распоряженіями, какихъ ужасныхъ бѣдствій избѣгнетъ все населеніе съ дѣйствіемъ новыхъ законовъ.

Но, какъ ни очевидно благо заботъ правительства, нельзя не призадуматься и надъ выводомъ, сдѣланнымъ авторомъ «Корреспонденціи». Этотъ выводъ прямо истекаетъ изъ фактовъ, очевидность которыхъ тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Поднять сельское хозяйство между фабричнымъ населеніемъ, такъ, или иначе, необходимо. Фабричный заработокъ, при существующемъ способѣ его израсходованія, никоимъ образомъ не можетъ обезпечить вполнѣ рабочаго, не можетъ даже быть сравниваемымъ съ заработкомъ его какъ землепашца. Это *подспорье* домашнему хозяйству, а не *основа* его. Цифрами же «Корреспонденціи», которыя мнѣ удавалось провѣрять не разъ на мѣстѣ, и въ которыхъ поэтому я лично сомнѣваться не могу,—положительно доказывается, что женщина, подростокъ, и даже ребенокъ, болѣе приносятъ этого *подспорья* домой, чѣмъ взрослый.

*

А слѣдовательно... слѣдовательно, законы правительства идутъ въ разрѣзъ съ интересами населенія, не говоря ужъ объ интересахъ фабрикантовъ. Эти послѣдніе не на шутку призадумались. На всѣхъ фабрикахъ половина всѣхъ рабочихъ—составляютъ женщины и дѣ-ти. Есть же фабрики, какъ напримѣръ, льнопрядильни, гдѣ работа почти исключительно женская и дѣтская. Слѣдуя новому закону, нужно совсѣмъ прекратить ночную работу. А чтобы наверстать время днемъ, нужно расширить фабрику, завести больше машинъ и удвоить количество работающихъ. Первое, поглотивъ много денегъ у фабрикантовъ, отразится на цѣнѣ товара; послѣднее—на заработной платѣ, которая, при уменьшеніи на половину рабочихъ часовъ, оче-видно будетъ на столько же понижена. Отсюда—явный убытокъ и фабрикантамъ и рабочимъ.

Все это очень ясно, но именно потому-то и нельзя предположить, чтобы правительство всего этого не имѣло въ виду. А если имѣло, значитъ, цѣль его стоитъ гораздо выше, намѣренія простираются дальше, чѣмъ *временный* кризисъ въ дѣлахъ фабрикантовъ и въ на-сущныхъ интересахъ населенія. Я говорю, повторяю и подчеркиваю слова *временный* потому, что въ этомъ вся суть. Когда фабрики расширятся, когда застой въ нашей торговлѣ пройдетъ, расши-рится и производство, а съ ними вмѣстѣ подымется и плата рабо-чимъ. Если же на первое время женщина, или подростокъ и будутъ зарабатывать менѣе прежняго, то отъ этого ни имъ, ни странѣ убыт-ку въ результатѣ не будетъ. Они выиграютъ на свободномъ вре-мени, которое посвятятъ семьѣ и собственному хозяйству, на здо-ровьѣ, которое подаритъ имъ много лишнихъ лѣтъ труда, а значитъ и заработка; страна же получитъ правильное развитіе нравствен-ныхъ и физическихъ силъ своихъ сыновъ, благодаря правильному строю семейной жизни, формы которой примутъ болѣе естественное теченіе. Мать, не истощенная ночнымъ трудомъ, будетъ заботливѣе относиться къ своему ребенку; жена, проводящая ночь въ мирномъ снѣ подлѣ своего мужа, дастъ ему здоровое дитя, въ происхожденіи котораго тотъ сомнѣваться не будетъ, и, наконецъ, это дитя, когда выростетъ въ крѣпкаго, полезнаго семьѣ и государству, члена, оно не израсходуетъ преждевременнаго всего запаса *будущихъ* силъ.

Значитъ, нельзя останавливаться на первыхъ выводахъ. Заботы государства о своихъ сынахъ должны идти дальше разсчетовъ рубля,

дальше завтрашняго дня. Охранять семью, нравственность, оберегать молодые побѣги, *регулировать*, такъ сказать, расходъ физическихъ силъ тамъ, гдѣ онъ безразудно тратится, для будущихъ поколѣній—вотъ, мнѣ кажется, задачи благоустроеннаго государства. А временной убытокъ въ карманахъ нашихъ богатыхъ и жирныхъ фабрикантовъ, убыль въ карманѣ и въ желудкѣ даже нашего нищаго и тощаго крестьянина,—что все это значитъ въ сравненіи съ этими задачами?..

Фабрикантъ на сотню тысячъ обѣднѣетъ— рабочій на десятокъ, другой рублей. Какъ тотъ, такъ и другой сократятъ свои расходы, уменьшатъ «выпивку», скоро привыкнутъ къ тому, и, когда вновь придутъ къ прежней нормѣ заработка, научатся только быть экономнѣе и разсчетливѣе. Нужда вѣдь лучшій учитель, а нашему «фабричному» учителя-таки очень и очень еще нужны...

Все это я говорю здѣсь потому, что отъ нѣсколькихъ фабрикантовъ Костромской губерніи привелось мнѣ слышать нареканія на «стѣснительныя мѣры», которыя въ послѣднее время правительство почему-то ставитъ русскимъ фабрикантамъ, тормозя этимъ, и безъ того уже заторможенное общимъ застоемъ, производство фабрикъ *).

Слѣдуетъ быть дальновиднѣе, гг. коммерсанты. Слѣдуетъ смотрѣть дальше своего носа и своего кармана,—и тогда многое непонятное станетъ вамъ понятнымъ...

Изъ общаго числа фабричныхъ рабочихъ Костромской губерніи взрослыхъ работниковъ насчитывается 47,6% работницъ—25,8% и подростковъ обоего пола—26,4%. Другими словами, взрослые рабочіе составляютъ только около $^1/_2$ всего числа рабочихъ, женщины $^1/_4$ и подростки— болѣе $^1/_4$.

Въ частности же, по отдѣльнымъ производствамъ, число работницъ колеблется отъ 11—16,5% на фабрикѣ полотняныхъ и бумажно-льняныхъ издѣлій, до 36,7% на льняно-прядильныхъ, а число дѣтей и подростковъ обоего пола—отъ 22,1% на фабрикахъ бумажно-льняныхъ и до 30,2% на льняно-прядильныхъ и полотняныхъ. Женщинъ-работницъ нѣтъ вовсе на бумаго-сновальныхъ, бѣлильно-

---

*) *Большинство* же изъ фабрикантовъ, наоборотъ, хотя и признаютъ себя стѣсненными, однако, громко защищаютъ пользу правительственныхъ мѣропріятій.

красильныхъ и отдѣлочныхъ, а также на мелкихъ полотняныхъ и ситцевыхъ фабрикахъ.

Этотъ разсчетъ, изъ котораго мы видимъ, что только менѣе 1/2 рабочихъ на фабрикахъ были взрослые мужчины, даетъ ясное понятіе о томъ переполохѣ, который вызвалъ между фабрикантами и населеніемъ новый законъ о женщинахъ, подросткахъ и дѣтяхъ-работникахъ (ихъ въ Костромской губерніи около 12,000 чел.). А переполохъ этотъ, въ свою очередь, ясно указываетъ намъ на новый фазисъ, въ который неминуемо должна вступить наша фабричная промышленность, какъ бы тамъ ни старались многіе удержать ее въ старыхъ, грязныхъ и заржавѣлыхъ рамкахъ.

За русскимъ пьянымъ и темнымъ рабочимъ правительство признало права человѣка; права эти, волей-неволей, должны быть признаны и фабрикантами.

Тѣмъ изъ нихъ, кто до сихъ поръ находилъ себѣ источникъ богатства и могущества въ безчеловѣчномъ *непризнаваніи* сихъ правъ, тѣмъ—настала минута задуматься надъ пріисканіемъ себѣ другихъ источниковъ. Безъ сомнѣнія они ихъ найдутъ; но въ чемъ, какъ—отразятся они на общемъ строѣ нашей промышленности — покажетъ будущее.

Въ бытѣ же рабочаго, хотя еще онъ и не изслѣдованъ какъ слѣдуетъ и потому не можетъ быть опекаемъ закономъ во всѣхъ его проявленіяхъ, надо надѣяться однако, что улучшенія въ немъ пойдутъ уже неустанно и crescendo. За первыми мѣрами, вѣроятно, послѣдуютъ и другія, и если не путемъ насилія, то естественнымъ порядкомъ привитія культуры въ средѣ молодаго поколѣнія нашихъ длиннополыхъ и коренастыхъ «свѣточей отечественной промышленности», усвоеніемъ ими *разумнаго* пониманія личной пользы — привьются и эти ожидаемыя мѣры.

Уже и теперь, многіе изъ молодыхъ и даже нѣсколько «осколковъ» старины, изъ разсчета-ли, или просто тѣ, кто поумнѣй, да подобрѣй, сами пошли на встрѣчу заботамъ правительства и даже забѣжали въ этомъ отношеніи нѣсколько впередъ. Мнѣ приводилось убѣдить въ этомъ на фабрикахъ добрѣйшаго и уважаемаго А. П. Коновалова—ветерана мануфактурной промышленности въ краѣ, гг. Миндовскаго и Бакакина—молодыхъ фабрикантовъ новѣйшаго типа. Эти единичные случаи вознаграждали меня за всю тяжесть предыдущихъ и послѣдующихъ впечатлѣній, потому что въ нихъ я узрѣлъ новую зарю новыхъ людскихъ отношеній...

Объ этихъ людяхъ стоитъ поговорить; пока же перейду къ очерку *нынѣшняго* быта фабричнаго люда въ Костромской губерніи, какъ о немъ можно судить по нѣкоторымъ внѣшнимъ проявленіямъ жизни.

Рабочія помѣщенія, пища, больницы, школы, заработокъ, фабричный режимъ и проч.—вотъ эти проявленія, и ихъ я вкратцѣ постараюсь описать, какъ видѣлъ и какъ о нихъ слышалъ.

Помѣщенія для рабочихъ существуютъ въ видѣ: *казармъ*, домовъ *съ номерами* (или коморками), домовъ съ *квартирами* и особыхъ *лѣтнихъ помѣщеній*, устраиваемыхъ самими рабочими.

Казармы имѣются при 6 фабрикахъ. Одна изъ нихъ, а именно на фабрикѣ Александра Петровича Коновалова, въ Вичугѣ, заслуживаетъ особаго вниманія по своему устройству; но и здѣсь, въ спальняхъ «семейныхъ» рабочихъ, одна семья отдѣляется отъ другой лишь поперечными перегородками дивановъ, вслѣдствіе чего жизнь каждой семьи теряетъ обычный характеръ и становится во всѣхъ проявленіяхъ своихъ *открытой.*

Дома «съ номерами» открыты при трехъ фабрикахъ въ Кинешемскомъ раіонѣ и при двухъ въ г. Костромѣ; дома «съ квартирами» при одной «Волжской мануфактурѣ».

Дома эти отличаются прекраснымъ устройствомъ и оставляютъ, по своимъ удобствамъ, далеко позади себя всѣ подобныя учрежденія прочихъ фабрикъ Костромской губерніи. Лучшіе изъ такихъ домовъ находятся при бумаго-прядильной фабрикѣ бр. Разореновыхъ, подъ городомъ Костромой, и при «Волжской мануфактурѣ». Лѣтнія помѣщенія, устраиваемыя обыкновенно изъ товарныхъ ящиковъ, встрѣчаются на новыхъ приволжскихъ мануфактурахъ и при квартирахъ рабочихъ въ гор. Костромѣ. Всѣ названныя помѣщенія существуютъ для извѣстной лишь части рабочихъ и только одна «Томенская мануфактура», если не ошибаюсь, помѣщаетъ почти всѣхъ своихъ рабочихъ въ открытой ею для того колоніи.

Большинство рабочихъ, послѣ каждой смѣны, уходитъ на *дома* и *квартиры*—иногда за двѣ и болѣе версты. Безъ различія пола и возраста, въ темную ночь и глубокую осень, бредутъ они толпами съ фабрикъ. Послѣ усиленнаго труда, они торопятся оставить свои

душныя, рабочія мастерскія, чтобы найти краткій отдыхъ въ избахъ, биткомъ набитыхъ жильцами. Надо самому видѣть эти густыя, грязныя толпы, спѣшащія протолкаться сквозь фабричныя ворота и вылитки на улицы, гдѣ они уже свободны отъ строгаго фабричнаго режима; надо видѣть этихъ ребятишекъ, этихъ матерей ихъ, молодыхъ и невинныхъ дѣвушекъ, смѣшивающихся въ одну сплошную массу съ грязными, испитыми и истощенными развратомъ парнями; надо прислушаться къ этому безпорядочному гулу, напоминающему шумъ запруженной и потомъ выпущенной на волю типистой воды болота, къ безшабашной руготнѣ, къ «откровеннымъ» выраженіямъ; надо видѣть движенія, ухватки этой толпы, гдѣ дѣвушки идутъ въ циничныхъ объятіяхъ мужчины,—чтобы проникнуться надлежащимъ отвращеніемъ, ужасомъ за будущее этой массы, этихъ молодыхъ сыновъ и дочерей нашего отечества. Глубокія разстройства здоровья, развратъ, цинизмъ, драки, даже убійства—обычные плоды ночныхъ похожденій и бродячаго образа жизни этой толпы. Тотъ, кто видѣлъ такія картины, кто сердцемъ прочувствовалъ ихъ — не удивится, почему правительство признало необходимымъ прекратить ночную работу женщинъ и дѣтей; этимъ оно охраняетъ ихъ отъ всѣхъ послѣдствій общенія въ ночное время съ взрослыми и испорченными уже до мозга костей фабричными; этимъ оно ихъ спасаетъ...

На среднихъ и мелкихъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ почти исключительно *денная* работа, одна часть рабочихъ уходитъ ночевать и обѣдать на дома, или квартиры; другіе же (изъ дальнихъ селеній и не имѣющіе квартиръ) оставляютъ фабрику только на воскресенье и праздники, помѣщаясь для ночлега въ разныхъ углахъ и коморкахъ фабричныхъ зданій. Кормятся эти послѣдніе рабочіе—«въ сухомятку, принесенными изъ дома припасами (печенымъ картофелемъ, лукомъ, хлѣбомъ), или же въ артеляхъ (отъ двухъ до пяти человѣкъ), готовятъ кашу, кисель, горохъ, квасъ. Любимой и почти ежедневной пищей рабочихъ служитъ горохъ, съѣдаемый и мужчинами и женщинами, и дѣтьми въ громадномъ количествѣ. На сколько это полезно для здоровья—не могу судить, только по внѣшности такое «гороховдье» выражается чрезмѣрнымъ вздутьемъ у всѣхъ животовъ.

Живущіе при большихъ фабрикахъ семейные рабочіе имѣютъ

обыкновенно столъ каждый въ своей семьѣ; холостые же образуютъ болѣе или менѣе значительныя артели (въ 12, 25, иногда и 40 человѣкъ). Пища артельщиковъ за обѣдомъ и ужиномъ одинакова. Кромѣ гороха, ѣдятъ кислыя щи, пьютъ квасъ, иногда же, въ праздники, на столѣ появляется гречневая или пшенная каша; у нѣкоторыхъ готовятъ и дешевую рыбу, а рѣже всего—мясныя щи; въ одной изъ артелей—разъ въ день дается чай.

Хозяйствомъ артелей завѣдуютъ выборные старосты, или фабричные прикащики; въ домахъ же съ квартирами—тѣ семьи, которыя держатъ нахлѣбниковъ. Содержаніе каждаго обходится въ мѣсяцъ отъ 3—5 руб.; съ чаемъ же и до 6 руб. Расходъ этотъ былъ бы менѣе, если бы припасы, забираемые изъ фабричныхъ лавокъ, не сбывались часто за полцѣны и не шли на покупку водки.

Фабричные лавки—это la question du jour въ настоящее время, это одно изъ самыхъ жгучихъ мѣстъ въ фабричномъ вопросѣ. Много довелось мнѣ слышать толковъ и за и противъ ихъ существованія. Одни увѣряютъ, что фабричныя лавки – предметъ дохода фабрикъ, средство эксплоатаціи рабочихъ; что, продавая припасы на тысячи человѣкъ, даже по обыкновеннымъ цѣнамъ, фабриканты имѣютъ большой доходъ; что цѣны припасамъ часто бываютъ свыше городскихъ; что сами припасы бываютъ плохаго качества; что, наконецъ, давая имъ на книжку, въ счетъ заработка, фабрика разоряетъ большинство рабочихъ, которые пользуются таковымъ кредитомъ, въ дни безденежья, чтобы, перепродавъ за полцѣны полученное изъ лавки, пропить это въ кабакѣ.

Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что лавочники при фабрикахъ держатся только *по необходимости*, чтобы доставить удобную и дешевую покупку провизіи рабочимъ, чтобы спасти ихъ отъ эксплоатаціи лавочниковъ-кулаковъ, которые неизбѣжно завелись по близости фабрикъ, если бы тѣ не имѣли своихъ лавокъ; что доходъ съ такого рода заведеній—ничтожный, что онъ составляетъ только 5—6 проц. съ затрачиваемаго капитала, не считая хлопотъ и расходовъ по содержанію лавочки и пр., и пр.

Сколько тутъ правды, сколько вымысла—трудно сказать. Правы, по моему, и тѣ и другіе; нельзя говорить объ этомъ предметѣ *вообще*. Характеръ фабричной лавочки зависитъ вполнѣ отъ администраціи фабрики. Она можетъ быть средствомъ грубой эксплоатаціи

рабочаго, точно также какъ можетъ стать и важнѣйшимъ подспорьемъ этого послѣдняго. Качество провизіи, цѣны ея, способъ выдачи — все зависитъ отъ фабриканта. Слѣдовательно ругать и клясть всѣ фабричныя лавки, заразъ, значитъ, ругать поголовно всѣхъ нашихъ фабрикантовъ. А это ужъ будетъ—«хватать через край».

Мнѣ случилось побывать въ нѣсколькихъ лавкахъ такого рода и вездѣ я находилъ провизію совершенно свѣжую и достаточно дешевую; случалось говорить и съ рабочими по этому поводу — они весьма довольны своими лавками. Случалось много говорить и съ фабрикантами—они всѣ возмущены нападками на свои лавки, и были бы рады-радехоньки съ ними *развязаться*.

— Помилуйте, какой тутъ барышъ! говорилъ мнѣ старѣйшій изъ нихъ А. П. Коноваловъ. Вонъ у меня въ этомъ году 200—300 руб. всего доходу-то будетъ съ лавки. По книгамъ можете справиться. А затрачена не одна тысяча. Такъ что же мнѣ съ этихъ денегъ, когда у меня милліонное производство на фабрикѣ?.. Доходъ!. Смѣшно вѣдь и говорить...

А вотъ и молодые какъ отзываются; гг. Миндовскій и Бакакинъ компаніоны «Волжской» и другихъ мануфактуръ,—оба молоды, богаты и образованны, послѣдній даже съ высшимъ образованіемъ.

Что это у васъ въ газетахъ нападаютъ на наши лабазы?.. Кому они мѣшаютъ, скажите! обратился ко мнѣ почти съ первыхъ словъ молодой Бакакинъ. Вѣдь за что позорятъ насъ, за что ругаютъ?! горячо подхватилъ онъ. Мы народъ обсчитываемъ, мы наживаемся, мы и Богъ знаетъ что творимъ!.. А не подумаютъ тамъ, какой же намъ разсчетъ обсчитывать, надувать рабочаго, когда мы сами отъ него зависимъ?.. Какая такая можетъ быть нажива съ куля муки, или даже съ сотни пудовъ гороху?.. И намъ ли о ней думать, когда заботъ по горло на самой фабрикѣ; когда намъ дни приносятъ тысячные барыши или убытки. Вѣдь можно обсчитать рабочаго на рубль, а онъ вамъ напортитъ на сотню... Что же за разсчетъ?.. Какой смыслъ?.. Не понимаю, положительно не понимаю, гдѣ все это практикуется въ чемъ насъ упрекаютъ?.. Мы, вотъ, съ нимъ воспитаны.., указалъ онъ на г. Миндовскаго, такъ, повѣрите ли, у насъ эта лавка ужъ вотъ какъ на шеѣ сидитъ. Хлопотъ, затратъ, а тутъ еще ругаютъ, позорятъ... Думали это мы и совсѣмъ закрыть ее, рѣшили даже, да жалко стало рабочихъ... Вѣдь кулаку въ руки попадутся,—хуже будетъ... Оставили вотъ на время... А прикажутъ закрыть, такъ спасибо скажемъ. Намъ же благодѣяніе окажутъ...

Можетъ быть эти фабриканты составляютъ исключеніе въ фабричномъ мірѣ, можетъ и осмотрѣнныя мною лавки—исключительны, только мое личное впечатлѣніе говоритъ болѣе въ пользу ихъ, чѣмъ въ укоръ.

Не такого мнѣнія держится въ своемъ «Очеркѣ» г. Пироговъ. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу:

«Лавки для продажи рабочимъ разныхъ товаровъ показаны при 10 крупныхъ и 2 среднихъ фабрикахъ. Въ нихъ продается не только чай, сахаръ, свѣчи и пр., но и предметы роскоши (наряды и лакомства), невольно приманивающіе рабочихъ. Выдача производится большею частью по книжкамъ, чтобы не оплачивать заработковъ наличными деньгами, и разсчеты ведутся *не въ пользу* рабочихъ. При томъ же рабочіе забираютъ товаръ не для дѣйствительной потребности (какъ сейчасъ замѣчено), но для того, чтобы обмѣнять на водку. Оттого, въ концѣ-концовъ, лавка эта служитъ (за немногими исключеніями) не столько интересамъ рабочихъ, сколько кабатчиковъ и самихъ фабрикантовъ, являясь въ рукахъ послѣднихъ особымъ коммерческимъ предпріятіемъ.

«Изъ нѣкоторыхъ лавокъ товаръ отпускается по цѣнамъ настолько возвышеннымъ, что забирающіе изъ нихъ рабочіе получаютъ, вмѣсто рубля задѣльной платы, только 80—85 коп., прочія же 15—20 коп. остаются барышемъ хозяина...»

Выводы г. Пирогова такъ положительны, что мнѣ остается только согласиться на «немногія исключенія» въ пользу Алекс. П. Коновалова, П. Г. Миндовскаго и его молодаго друга г. Баканина.

Въ концѣ «Корреспонденціи изъ селъ», авторъ ея говоритъ, что фабрики тормозятъ развитіе въ народѣ грамотности. Такого рода рода тяжкое обвиненіе принять голословно нельзя. Фабриканты могутъ быть виновны въ *недостаточномъ*, сообразно своимъ средствамъ распространеніи образованія, но тормозить это послѣднее ни сознательно, ни безсознательно, имъ нѣтъ никакой причины. Въ Костромской губерніи, при самыхъ большихъ фабрикахъ, существуетъ уже до 6-ти учебныхъ заведеній съ 700 человѣкъ учащихся. Сравнительно съ количествомъ фабрикъ и богатствомъ ихъ, это не-

много; но количественный недостатокъ вознаграждается здѣсь качественными достоинствами. Всѣ школы отличаются прекраснымъ, вполнѣ правильнымъ устройствомъ, снабжены въ изобильи учебными пособіями и ведутъ обученіе дѣтей съ такимъ успѣхомъ, которому позавидовали бы не одни наши злосчастныя земскія «порожденія». А. П. Коноваловъ опередилъ въ школьномъ дѣлѣ всѣхъ своихъ сотоварищей. При главной его фабрикѣ въ сельцѣ Бонячкахъ, имѣются двѣ школы, изъ которыхъ одна, на 200 человѣкъ, имѣетъ при себѣ прекрасный пріютъ для дѣтей съ полнымъ ихъ содержаніемъ. Это цѣлый пансіонъ, съ правильнымъ устройствомъ нашихъ среднеучебныхъ закрытыхъ заведеній. Существующія фабричныя школы можно бы было упрекнуть только въ одномъ: онѣ даютъ образованіе исключительно дѣтямъ служащихъ на фабрикахъ, не занятымъ фабричными работами. Малолѣтки же рабочіе, такимъ образомъ, обученія лишаются. Но законъ послѣдняго времени «о введеніи обязательнаго обученія малолѣтнихъ», нынѣ и это обвиненіе разрушаетъ. Законъ этотъ обязалъ фабрикантовъ не только къ разумному распредѣленію часовъ обученія въ школѣ съ работами на фабрикахъ, но и заставилъ тѣхъ изъ нихъ, кто пользуется работами дѣтей, имѣть у себя начальныя школы.. Такимъ образомъ, если отъ того и острадаютъ на первое время малолѣтки, увольняемые съ фабрикъ за *неудобствомъ* ихъ, то ужъ никакъ нельзя будетъ говорить болѣе о «тормазахъ» къ распространенію въ народѣ грамотности и проч.

Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ очерковъ, а именно при описаніи «Корзинкинской мануфактуры» въ Ярославлѣ, я имѣлъ случай остановиться подробнѣе на новомъ законѣ «о малолѣтнихъ», на его неудобствахъ въ примѣненіи къ практической жизни и на тѣхъ полезныхъ видоизмѣненіяхъ въ деталяхъ, которыя прямо истекаютъ изъ практики людей, всю жизнь свою отдавшихъ фабричному дѣлу. Объ этомъ предметѣ вполнѣ умѣстно было бы поговорить и въ данномъ случаѣ, но пришлось бы повторять то же самое, а потому интересующагося читателя попрошу обратиться къ сказанному очерку. Говоря вообще о положеніи народнаго образованія среди фабрикъ Костромской губ., его можно назвать удовлетворительнымъ. Молодежь-хозяева, получающіе сами нерѣдко высшее образованіе, начинаютъ слѣдить за этимъ дѣломъ несравненно ревностнѣе, чѣмъ ихъ простоватые родители, выучившіеся на мѣдные гроши, и, мнѣ кажется, что помимо всякихъ правительственныхъ мѣръ, эти, пока единичныя явленія—лучшій залогъ свѣтлой будущности нашей фабричной школы.

На всѣ фабричныя школы тратится въ Костромской губ. свыше 10,000 руб. въ годъ. Гроши, но и они принесли уже несомнѣнную пользу.

При двухъ фабрикахъ, а именно при «Новой льняной мануфактурѣ» и при фабрикѣ братьевъ Зотовыхъ, въ Костромѣ, существуютъ «воскресные классы», которые въ немалой мѣрѣ служатъ къ обученію взрослыхъ и частью подростковъ; на послѣдней же фабрикѣ введено и обученіе ремесламъ.

Медицинская часть, если говорить о внѣшней ея сторонѣ, поставлена на фабрикахъ Костромской губ. очень хорошо. Изъ 45 фабрикъ этой губерніи медицинская помощь оказывается такъ или иначе организованною при *30-ти* фабрикахъ. Остальныя 15, гдѣ не принято мѣръ къ леченію рабочихъ, принадлежатъ къ мелкимъ, и отчасти среднимъ фабрикамъ; изъ нихъ, на 2-хъ число рабочихъ равно 100 челов. и на 4-хъ превышаетъ эту цифру.

Всѣ фабричныя больницы и пріемные покои—по наружности, по опрятности и по вентиляціи — не оставляютъ желать лучшаго. Вы входите и выходите изъ такихъ помѣщеній не чувствуя на себѣ гнетущей тяжести больничной атмосферы. Чистыя кровати, чистый воздухъ, чистый полъ и стѣны, аптечка и все прочее; одного только вы не видите здѣсь, и въ этомъ, вѣроятно, главная причина хорошаго впечатлѣнія,—это больныхъ. На 10—15 кроватей всегда бываетъ не больше трехъ чел. больныхъ; въ нѣкоторыхъ больницахъ я не видалъ ни *одного* больнаго.

— Что за благодать такая?.. спрашиваю я у фельдшеровъ и фабрикантовъ.

— Да такъ, знаете... время лѣтнее, меньше заболѣваній, да и на работы по домамъ много расходится. Зимой такъ полно бываетъ... отвѣчали мнѣ съ маленькой заминкой.

Я вѣрилъ, ибо пріятнѣе было вѣрить, да и правдоподобно оно какъ будто выходило. Но вотъ что читаю въ «Обзорѣ Вичугскаго района» того же г. Пирогова: «Въ общемъ, насколько недостаточна и фиктивна медицинская помощь для $5^1/_2$ тыс. чел. рабочихъ на мѣстныхъ фабрикахъ, доказательствомъ можетъ служить брошюра

д-ра Невскаго «О фабрикахъ Вичугскаго края въ гигіеническомъ от-
ношеніи». Изъ нея видно, что при одной изъ фабрикъ больные *вос-*
паленіемъ даже *мозговыхъ оболочекъ, легкихъ, плевры* и пр. не прини-
маются въ больницу, а лечатся амбулаторно; при другой (съ 500
рабочихъ), по отчету за 1881 годъ, только одинъ больной, съ пере-
ломомъ плеча, пользовался въ больницѣ. Врачъ посѣщаетъ фабрики
одинъ или два раза въ мѣсяцъ; въ большинствѣ же случаевъ пріемъ
и пользованіе больныхъ производится фельдшерами. Нерѣдко въ
больницахъ большая часть кроватей остаются пустыми, такъ какъ
фабриканты разсчитываютъ обыкновенно тѣхъ рабочихъ, которыхъ
пришлось бы долго лечить въ больницахъ»...

Ларчикъ просто открывался!.. Помощь, подаваемая фабричными
больницами, является во многихъ случаяхъ *недостаточною*, или про-
сто *фиктивною*. Если внимательнѣе приглядѣться къ устройству
больничнаго надзора, оно будетъ и понятно. Постояннымъ наблюде-
ніемъ *врачей* (или, по крайней мѣрѣ, возможностью такого наблю-
денія) пользуются только *восемь* фабричныхъ больницъ въ губерніи,
расположенныхъ въ городахъ и въ селеніяхъ, гдѣ есть врачи отъ
земства; затѣмъ 9 больницъ посѣщаются врачами разъ или два въ
недѣлю, а иногда и разъ въ мѣсяцъ. При остальныхъ же больни-
цахъ и пріемныхъ покояхъ состоятъ постоянно фельдшера, которые
и подаютъ первую помощь во всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ
заболѣванія. Компетентность фельдшеровъ тутъ никѣмъ не оцѣни-
вается, отсюда ясны и результаты такого леченія. Но если большая
часть больницъ и не даетъ въ дѣйствительности существеннаго по-
собія больнымъ, то, по крайней мѣрѣ, онѣ *могутъ* давать пособіе въ
такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, несчастія съ рабочими (ушибы,
поврежденія и пр.) или появленіе и развитіе эпидеміи.

Вполнѣ «безплатнымъ» леченіе въ больницахъ назвать нельзя,
хотя объ этомъ и заявляется въ фабричныхъ отчетахъ. Если не всѣ,
то многіе фабриканты берутъ на больницы *по копѣйкѣ* съ рубля изъ
платы, слѣдующей рабочимъ за послѣдній мѣсяцъ передъ Пасхой и
за первый послѣ Пасхи (когда рабочіе разсчитываются и затѣмъ
какъ бы вновь поступаютъ на фабрику) Другими словами: удержи-
вается 1 проц. изъ заработка 2 мѣсяцевъ въ году. Какъ бы умѣ-
ренна ни была собираемая такимъ образомъ сумма, во всякомъ слу-
чаѣ она должна покрывать часть больничнаго расхода...

Цифра рабочихъ дней въ году на разныхъ фабрикахъ Костромской губ. видоизмѣняется отъ 286 до 220 дней, причемъ менѣе 260 дней бываетъ на фабрикахъ, гдѣ работы лѣтомъ пріостанавливаются; чаще же всего рабочій періодъ продолжается 280, 270 и 260 дней. Показанное число дней въ дѣйствительности иногда на много сокращается; въ выработкѣ, т. е. сообразно получаемой платѣ за выработанные дни, или матеріалъ, обыкновенно пропадаютъ по дню или по нѣсколько часовъ послѣ каждой «дачки» (полученія платы) и послѣ праздниковъ. Пропадаютъ эти драгоцѣнные часы и дни, понятно, на пьянство, или на отрезвленіе послѣ онаго; въ общей сложности ихъ набирается-таки порядочно. Такъ, по замѣчанію одного фабриканта, 286 рабочихъ дней на его фабрикѣ сокращаются до 251: послѣ «дачекъ» въ общей сложности пропадаетъ до 10 дней и послѣ праздниковъ по $\frac{1}{2}$ дня, или въ годъ 25 дней. Всего—35 дней, или болѣе $\frac{1}{8}$ части всей годичной работы. Если же сравнить теперь число дней въ году *дѣйствительно* рабочихъ, съ 365 днями года, оказывается, что рабочій, нанимающійся на фабрику съ самымъ *высокимъ* числомъ рабочихъ дней (въ Костромской губ. только на *одной* фабрикѣ работаютъ 286 дней, на остальныхъ—все меньше), работаетъ всего только около $\frac{2}{3}$ года, проводя остальную $\frac{1}{3}$ въ пьянствѣ, разгулѣ или отдыхѣ. Въ эту треть года онъ не только теряетъ крупную цифру денегъ, которыя бы могъ заработать, но и большую часть уже заработанныхъ, оставляя на пропитаніе только жалкіе гроши, чтобы не умереть съ голоду. Эти три-четыре мѣсяца въ году, когда рабочій не знаетъ, что съ собой дѣлать (о настоящемъ отдыхѣ никто не думаетъ),—вотъ, по моему мнѣнію, причина всѣхъ бѣдствій нашего фабричнаго. Вотъ гдѣ источникъ пьянства, разврата, лѣни, болѣзни и проч.

О сокращеніи числа празднуемыхъ дней въ году нынѣ горячо хлопочутъ фабриканты....

Работа на фабрикахъ бываетъ «смѣнная» и «денная». «Смѣнная»—на большихъ фабрикахъ, «денная» — на большей части среднихъ и всѣхъ мелкихъ.

Смѣны бываютъ: *шести* и *восьмичасовыя* и *смѣшанныя*. Первыя существуютъ на 16 фабрикахъ Костромской губ. Рабочая недѣля при 6-ти часовыхъ смѣнахъ начинается обыкновенно съ полночи понедѣльника и продолжается до полночи воскресенья; исключеніе изъ

этого правила представляютъ только двѣ бумагопрядильни и двѣ ткацкія фабрики, гдѣ работа начинается съ вечера въ воскресенье и продолжается до вечера субботы, или съ утра понедѣльника и до утра воскресенья. Обычное число смѣнъ при такомъ порядкѣ бываетъ въ недѣлю 24 (по 12 для каждой половины рабочихъ), считая, что каждая смѣна работаетъ въ сутки два раза.

Отбывая эти смѣны понедѣльно, рабочіе чередуются обыкновенно такъ, что половина ихъ, стоящая одну недѣлю на ночныхъ смѣнахъ (съ 12 ч. ночи до 6 час. утра), въ слѣдующую недѣлю работаютъ уже въ другія смѣны (съ 6 ч. утра до полудня и съ 4 ч. вечера до полуночи). Дѣлается это, впрочемъ, не въ интересахъ здоровья рабочихъ, а единственно потому, что по субботамъ послѣднихъ смѣнъ зачастую не бываетъ и, слѣдовательно, при отсутствіи такой очереди, однимъ рабочимъ приходилось бы постоянно работать и получать плату, вмѣсто 12 смѣнъ, только за 11.

Время послѣдней смѣны въ субботу назначается для чистки машинъ и разныхъ поправокъ на фабрикѣ, бани для рабочихъ и возврата тѣхъ изъ нихъ, которые уходятъ на воскресенье домой. Затѣмъ, первая смѣна слѣдующей недѣли начинается за то обыкновенно часомъ раньше, т. е. въ 11 час. вечера въ воскресенье, причемъ первый свистокъ дается въ $10^1/_2$ час., чтобы рабочіе могли во время сойтись на фабрику.

О 6-ти часовыхъ смѣнахъ вообще, можно сказать,—это самая неудобная форма распредѣленія работъ.

Очевидно, 6 свободныхъ часовъ—слишкомъ мало для удовлетворенія естественныхъ потребностей: принятія пищи, сна, отдыха, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ приходится странствовать на дома и квартиры, за версту и болѣе отъ фабрики.

Болѣе удобны въ этомъ отношеніи *восьмичасовыя* смѣны. Онѣ введены на 5 фабрикахъ. Тутъ рабочіе мѣняются черезъ каждые 8 часовъ, слѣдовательно въ сутки могутъ перемѣниться всего 3 раза; дѣлается это такъ, что каждая половина рабочихъ однѣ сутки работаетъ 16 часовъ, другая—8 ч., выстаивая такимъ образомъ въ теченіи недѣли по 9 смѣнъ, или 72 часа. Сообразно тому, общее число смѣнъ въ недѣлю, т. е. въ 6 сутокъ, будетъ 18 (на Волжской мануфактурѣ 17). Болѣе продолжительный отдыхъ тутъ смѣняетъ болѣе продолжительную работу. Это было бы почти цѣлесообразно,

если бы правильно раздѣлить смѣны. Но на нѣкоторыхъ фабрикахъ, неизвѣстно почему, ночь дѣлится такъ, что въ 4 часа одна смѣна оканчиваетъ, а другая начинаетъ работу, что въ гигіеническомъ отношеніи едва ли не хуже распредѣленія дня и ночи какъ при шестичасовыхъ смѣнахъ.

На двухъ фабрикахъ с. Яковлевскаго 8-ми час. смѣны превращаются въ *смѣшанныя*, такъ какъ въ началѣ и въ концѣ недѣли здѣсь бываютъ три неполныхъ 6-ти-часовыхъ смѣны.

Денная работа, очевидно, самый удобный въ гигіеническомъ отношеніи видъ работы для рабочаго. Не говоря о среднихъ и мелкихъ фабрикахъ, на которыхъ, какъ я упоминалъ, она практикуется почти повсемѣстно, дневная работа начинаетъ распространяться теперь и на большихъ фабрикахъ въ виду сокращенія ихъ производства, а на нѣкоторыхъ (льнопрядильни), въ виду новаго закона о подросткахъ и женщинахъ; на этихъ послѣднихъ теперь оказалось некому работать по ночамъ. При дневной работѣ, рабочихъ часовъ бываетъ отъ 12—14 въ сутки. Работа начинается обыкновенно въ 4—6 час. утра и продолжается до 8 ч. вечера. Отъ 2—4 ч. дается на завтракъ, обѣдъ и чай.

Самая продолжительность смѣнъ, въ началѣ и въ концѣ недѣли, зачастую *удлиняется*, по усмотрѣнію фабрикъ. Такъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ Вичугскаго края, какъ я уже сказалъ, первая смѣна начинаетъ работу въ 11 ч. вечера, вмѣсто полночи; на многихъ фабрикахъ останавливаютъ машину значительно позднѣе срока,—напр., вмѣсто 12 час. ночи въ субботу, между 2 и 4 часами утра въ воскресенье (смотря по количеству работы), такъ что послѣдняя смѣна работаетъ не 6 часовъ, а 8 и до 10 час.; затѣмъ, если прибавить къ этому $1—1^1/_2$ часа, употребляемые на чистку машинъ, получится сплошной періодъ работы отъ $9^1/_2$ до 11 часовъ, безъ перерыва.

На льнопрядильныхъ, такъ называемыя *мотальщицы*, остаются въ воскресенье послѣ ухода прочихъ рабочихъ до 6 и до 8 часовъ утра,—«подрабатывая», или сматывая изготовленную въ теченіи послѣдней смѣны пряжу. Ихъ заключительная работа, такимъ образомъ, въ концѣ недѣли длится отъ 12 до 14 час. Когда же онѣ хотятъ заработать лишнее, то работаютъ за неявившихся своихъ товарищей-гулякъ (плата мотальщицамъ сдѣльная), и тогда ихъ трудъ безъ перерывовъ продолжается иногда *2 дня* сряду.

На сколько это полезно отзывается на здоровьи этихъ бѣдныхъ женщинъ, и безъ того уже истощенномъ, предоставляю судить читателямъ.

Вообще, *удлинненіе* смѣнъ практикуется фабрикантами довольно таки безцеремонно. За этимъ никто не слѣдитъ, а рабочій—не станетъ же онъ протестовать, рискуя потерять работу, изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ часовъ тяжкаго, но привычнаго ему труда. Это, повидимому, вошло уже въ обычай, въ неотъемлемыя права фабрикантовъ.

А между тѣмъ, этотъ обычай слѣдовало бы искоренить, ибо, не говоря уже о вредномъ вліяніи на здоровье рабочихъ, онъ нисколько не гарантируетъ какого-нибудь предѣла продолжительности работы. Сегодня заставятъ 3 часа лишнихъ проработать, завтра могутъ 4 и 5. На одной фабрикѣ признаютъ удобнымъ чистить машины тѣми же рабочими, кои непрерывно гнули спины 10 часовъ, на другой—предлагаютъ за лишній рубль сматывать пряжу тѣмъ женщинамъ, кои не отрывались отъ нея уже 14 часовъ. Что можетъ случиться на третьей—не знаемъ, но можетъ быть хуже.

Если нынѣ законъ и оградилъ ночной отдыхъ для женщинъ и дѣтей, то на ихъ счетъ тѣмъ болѣе могутъ проиграть взрослые рабочіе, если ихъ не оградятъ какой-либо твердой законной мѣрой. Впрочемъ... слѣдуетъ сознаться, что однѣ мѣры мало помогутъ. Слѣдить за правильнымъ исполненіемъ ихъ—нѣтъ никакой возможности. Нужно бы было на каждой фабрикѣ приставить надсмотрщиковъ; д. къ тому еще—*не подкупныхъ*. По нынѣшнимъ временамъ это трудненько. Останется, слѣдовательно, уповать только на добросовѣстность, на добросердечность самихъ фабрикантовъ...

Мѣсячный заработокъ на разныхъ фабрикахъ Костромской губерніи составляетъ, считая плату «мѣсячную» и «сдѣльную»: взрослымъ *рабочимъ*—низшій отъ 5—13 р., высшій—отъ 15—26 р., *работницамъ*—отъ 6—9 руб. и отъ 12—16 и 18 р.; *подросткамъ* и *дѣтямъ*—отъ 3—7 руб. и отъ 7—10 и 12 руб. «Дачка», или выдача жалованья, производится въ субботу, передъ 15 числомъ каждаго мѣсяца, по такъ-называемымъ «рабочимъ», или «разсчетнымъ» книжкамъ. Въ первыхъ записывается для состоящихъ на *сдѣльной* платѣ вся выполненная работа; на нѣкоторыхъ фабрикахъ онѣ называются также и «товарными», онѣ выдаются на двухъ рабочихъ, смѣняющихъ другъ друга на станкѣ, или другомъ механическомъ аппаратѣ. Вторыя, т. е. «разсчетныя» книжки, выдаются каждому рабочему отдѣльно и служатъ для записки слѣдующаго къ полученію (на основаніи «рабочихъ» книжекъ) и дѣйствительно выданнаго жалованья. Здѣсь же записывается заборъ рабочими товаровъ изъ фабричной лавки и штрафы.

Заработокъ 2-хъ послѣднихъ недѣль, на случай неисправности рабочихъ, обыкновенно удерживается администраціей фабрики и только на Пасху производится окончательный разсчетъ съ рабочими. Правило это, впрочемъ, не всегда исполняется, и рабочіе, заслужившіе удовлетворительную репутацію, въ случаяхъ нужды, получаютъ жалованье впередъ.

За лишнюю смѣну, за лишніе часы въ смѣнѣ, за «чистку машинъ»—добавочной платы не полагается; но болѣе исправные рабочіе, не подвергавшіеся за послѣднее время штрафамъ, при разсчетѣ, т. е. при выдачѣ на Пасху всего причитающагося жалованья, получаютъ болѣе или менѣе «*цѣнные подарки*». Дарятъ, примѣрно женщинамъ и дѣвушкамъ (зарабатывающимъ жалованье въ мѣсяцъ 10—12 р.) 25 аршинъ ситцу на два платья, цѣной отъ 10—12 коп. за аршинъ; дѣтямъ, получающимъ въ мѣсяцъ 4 руб.,—10 арш. ситцу той же цѣны; взрослымъ мужчинамъ—20 арш. ситцу на рубахи. Подмастерья получаютъ коломянку, или дешевое трико на костюмъ.

Не трудно сказать, въ какомъ отношеніи пасхальные подарки находятся къ тѣмъ лишнимъ смѣнамъ и часамъ, которые выстаиваются рабочими. На льнопрядильныхъ фабрикахъ, напримѣръ, въ зимніе мѣсяцы (съ октября по апрѣль) порядокъ смѣнъ мѣняется настолько, что на каждую недѣлю прибавляется одна лишняя 6-тичасовая смѣна. Вмѣсто того, чтобы начинать рабочую недѣлю съ 12 часовъ ночи въ воскресенье, все это время начинаютъ ее въ *6 час.* вечера. Такимъ образомъ, всѣхъ рабочихъ смѣнъ въ недѣлю бываетъ не 24, а 25, причемъ каждая половина рабочихъ чередуется понедѣльно и работаетъ то 13, то 12 смѣнъ. За 6½ мѣсяцевъ зимняго времени получается по точному разсчету 26 лишнихъ смѣнъ, которыми фабрики пользуются безвозмездно. Если эти 26 смѣнъ перевести на деньги, т. е. по разсчету получаемой рабочими платы, окажется, что для каждаго рабочаго онѣ стоютъ ровно половину

всего мѣсячнаго заработка (въ мѣсяцъ рабочій выстаиваетъ до 50 смѣнъ).

И въ замѣнъ этихъ, теряемыхъ 8—12 руб. заработка, щедрый фабрикантъ *даритъ* ему на 2, на 3 руб. ситцу или коломенки, которые въ сущности фабрикѣ не стоютъ *ничего*. Да и то не всякому, а только тѣмъ, кто не былъ штрафованъ. Штрафованный, поэтому, долженъ терпѣть вдвое. Поистинѣ, «на бѣднаго Макара...»

Если вспомнимъ, что на льнопрядильныхъ фабрикахъ работаютъ тысяча, двѣ и больше рабочихъ, то, на самый худой конецъ, экономія отъ такой скромной аферы достигнетъ десятка тысченокъ рублей...

И тихо, и благодѣтельно, и выгодно!

Относительно штрафовъ, назначаемыхъ за прогулъ, порчу матеріала, битье стеколъ и газовыхъ фонарей, куреніе табаку, приносъ спичекъ и проч., различныя фабрики держатся разныхъ порядковъ. На однѣхъ—штрафы строго преслѣдуются, и, назначаясь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, точно таксированы въ «правилахъ», изложенныхъ въ «разсчетной» книжкѣ; сверхъ штрафа, преступный рабочій иногда удаляется съ фабрики, но черезъ двѣ недѣли, мѣсяцъ его нерѣдко берутъ назадъ. На другихъ фабрикахъ назначеніе и размѣръ штрафовъ зависятъ отъ *усмотрѣнія* гг. директоровъ. Наконецъ, третьи фабрики берутъ и вовсе мало штрафовъ, но, въ случаѣ негодности рабочаго, даютъ ему разсчетъ и болѣе на фабрику не принимаютъ.

Штрафы съ рабочихъ, безспорно, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей фабричной и заводской промышленности. Больныхъ не потому, что они существуютъ, практикуются, а потому, что въ нихъ нѣтъ системы, послѣдовательности, что они оружіе въ рукахъ фабрикантовъ, которое, по ихъ усмотрѣнію, можетъ служить имъ или къ матеріальной выгодѣ, или къ нравственному вліянію на рабочаго, или къ обезпеченію только своихъ насущныхъ интересовъ. Безъ штрафовъ, безъ этой палки, грозно висящей надъ рабочимъ,—обойтись, повидимому, нельзя. Русскій человѣкъ, да еще фабричный къ тому же, безспорно требуетъ палки. Но, по моему, нельзя предоставить людямъ еще столь низкой культуры, какъ наши фабриканты, выборъ этой палки по своему усмотрѣнію. Бери жердь, бери хворостину, бери и тросточку—что по душѣ; да и хлещи ими какъ знаешь: до смерти, до дурмана, или только до синяковъ...

Такова у насъ теперь смѣшанная система взиманія штрафовъ. Одинъ, двое изъ самыхъ «заматерѣлыхъ», что называется, хватили по громадной жерди, и ну ею дубасить народъ Божій. Тѣ возопили, всполошились: «Бьютъ, рѣжутъ, караулъ!» да и давай сами бить, крошить, истреблять все, что было «хозяйскаго». Вышло событіе. Волненія между рабочими, бунтъ, войска, прокуроры, слѣдствія, телеграммы, газетныя статьи, и, въ заключеніе, общественное мнѣніе, грозное для всѣхъ фабрикантовъ.

— Это не люди, это изверги.. заговорили радѣтели народныхъ интересовъ. Они высосутъ всю кровь у бѣднаго рабочаго... Они на этихъ штрафахъ милліоны себѣ наживаютъ... и проч., и проч.

Правы ли эти крикуны?—очевидно, нѣтъ. Высосать всю кровь у рабочаго штрафами нельзя, да это и не выгодно для самихъ фабрикантовъ. Милліоны нажить — тоже нельзя. Тѣ, кто имѣли таковое намѣреніе, очень скоро поплатились и поняли свою ошибку. Поумнѣе и поосторожнѣй,—смекнули, что выгоднѣе вести дѣло тихо, безъ лишняго шуму, не озлобляя рабочаго, и, въ то же время, не забывая себя. Поэтому-то такихъ людей, которые хватались за «хворостинку», а не за «дубину», наберется больше всего между фабрикантами; хворостинку эту они научились держать такъ, чтобы никому она особенно не тыкала въ глаза, а дѣло свое дѣлала.

И пошла она хлестать по согнутымъ спинамъ рабочихъ, хлестать безъ шуму, да и не такъ уже больно, чтобы „спина" орала. Остаются рубцы, опухоль, но до крови не доходитъ...

По огульнымъ отзывамъ хозяевъ фабрикъ, штрафы не составляютъ для нихъ доходной статьи и далеко не покрываютъ убытковъ, наносимыхъ прогулами и неисправной работой; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ (буйства, кражи, приносъ спичекъ, куреніе табаку) они примѣняются только какъ средство самозащиты со стороны фабричной администраціи.

А въ «Очеркѣ» г. Пирогова находимъ слѣдующее:

«По сообщенію лицъ, близко знакомыхъ съ одной фабрикой, преслѣдующей штрафы и имѣющей до 1,880 рабочихъ, ежемѣсячно штрафуется до *половины* рабочихъ, въ размѣрѣ отъ 25 к. до 1 руб.,

такъ что общая сумма штрафовъ составляетъ въ мѣсяцъ до 500 р., а въ годъ до 6,000 руб.».

Въ сообщеніи г. Пирогова сомнѣваться трудно. Безпристрастность и безтенденціозность сквозитъ въ каждой страницѣ его изслѣдованія. Но и отзывы фабрикантовъ нельзя оставить втунѣ. По крайней мѣрѣ лично я, безъ всякихъ колебаній, вѣрю въ отзывы двухъ-трехъ крупныхъ фабрикантовъ, которые при томъ мнѣ удалось тутъ же и провѣрить.

Эти господа принадлежатъ къ тѣмъ, въ рукахъ которыхъ штрафы — только легкая трость, ограждающая ихъ безопасность. Она грозна для рабочихъ, эта трость хлещетъ больно, но хлещетъ не изъ рукъ фабрикантовъ, а изъ рукъ самихъ же рабочихъ. У А. П. Коновалова, напримѣръ, взимаются небольшіе штрафы въ пользу фабрики только за порчу товара, машинъ и вообще за вещественный убытокъ. За буйства же, прогулъ или, вообще, поведеніе, не соотвѣтствующее фабричнымъ правиламъ, виновные уплачиваютъ извѣстный по таксѣ штрафъ въ пользу такъ называемаго «рабочаго фонда». Такую систему штрафовъ слѣдуетъ признать самой естественной по духу, самой идеальной по формѣ.

Рабочій слѣдитъ другъ за другомъ, и ужъ никакія поблажки, ни, наоборотъ, придирки надсмотрщиковъ не измѣняютъ дѣла.

При мнѣ приходитъ къ А. П. Коновалову провинившійся рабочій.

— Александръ Петровичъ, простите?..

— А что, другъ?..

— Вечоръ, вотъ, малость, выпимши былъ...

— А! не хорошо, братъ, не хорошо... съ отеческой лаской говоритъ добродушный старикъ.

— Не хорошо оно, самъ понимаю... Да случай вышелъ.

— Такъ что-жъ я-то помогу?

— Насчетъ этого самаго штрафу. Нельзя ли простить?.. Уважьте ужъ, Александръ Петровичъ! И въ жисть не буду... молитъ грязный парень, кланяясь хозяину.

— И радъ бы, мой милый, не могу! У артели проси!

— Просилъ ужо! Смѣются...

— Ихъ дѣло, ихъ дѣло! Я не вмѣшиваюсь.

— Да хоть на этотъ разъ...

— Ахъ, какой ты, право! Не могу же я отымать у тебя твой заработокъ; точно также и у артели не могу отымать твой штрафъ. Ты напился — они и заработали; другой напьется — ты заработаешь. Нѣтъ, братецъ, ступай съ Богомъ! Лучше самъ не пей, да и за другими слѣди. Накроешь кого—твоя выгода будетъ...

— На этотъ разъ только...

— Говорятъ же тебѣ, безтолковый, я не имѣю права! понялъ? загорячился старикъ.

— Понялъ, батюшко... понялъ... торопливо поклонился рабочій. Такъ я ужъ пить не буду, да и другимъ того... замѣчать буду!

— Это вотъ дѣло!.. штрафъ-то пожалуй и наверстаешь...

— Постараюсь, Александръ Петровичъ!.. Постараюсь... прощенія просимъ... весело проговорилъ парень, отретировываясь черезъ садовую калитку.

Глядя на этого парня, на его веселый видъ, когда ему отказали въ просьбѣ, я понялъ, что штрафъ его не разорилъ и не обидѣлъ. Въ лицѣ его и въ тонѣ рѣчи прямо говорило сознаніе своей виновности, сознаніе справедливости наказанія. Видно было, что отказъ хозяина его не удивилъ и не огорчилъ. Онъ къ нему былъ приготовленъ, вѣроятно даже увѣренъ былъ въ немъ.

— Зачѣмъ же они приходятъ къ вамъ, когда знаютъ правила, знаютъ, что вы простить не можете?.. спросилъ я старика.

— Знаютъ все это, и хорошо знаютъ. Не первый день у меня такъ заведено. А вотъ, подите, каждый приходитъ и клянчитъ! Натура видно такая. На авось идутъ! А главное, побесѣдовать съ хозяиномъ хочется. Русскій человѣкъ любитъ покалякать. Ко мнѣ входъ открытъ всякому, самъ здѣсь вѣкъ живу... и идутъ, больше отъ нечего дѣлать, добродушно улыбнулся старикъ. Горячо и съ возмущеніемъ говорилъ онъ мнѣ потомъ о несправедливости нападокъ общества на фабричные порядки, на штрафы.

— Какая, наконецъ, мнѣ польза душить ихъ штрафами?.. заключилъ онъ. Народъ только отобью, больше напортятъ! Одинъ убытокъ будетъ, а не милліоны...

Добрый старикъ, какъ всѣ добрые люди, имѣетъ свойство судить по себѣ о другихъ.

Далъ бы Богъ, чтобы оно было такъ, но пока... фабричные штрафы

далеко еще не *отжившее* обвиненіе фабрикантовъ и произволъ въ нихъ — далеко не такая пустая вещь, чтобы о немъ не говорить. Горькія послѣдствія недавняго возмущенія рабочихъ Морозова свидѣтельствуютъ о томъ яснѣе словъ.

На этомъ полѣ правительству предстоитъ еще широкій и благодѣтельный трудъ. Собрать всѣ практикуемыя на тысячахъ фабрикъ и заводахъ «правила», разсмотрѣть ихъ при помощи экспертовъ изъ тѣхъ же фабрикантовъ и заводчиковъ и, въ концѣ-концовъ, установить одни общія, для каждаго рода промышленности, а если нужно для каждаго района,—«правила» и уставы. Въ нихъ не должно быть, прежде всего,— по *усмотрѣнію* директора, какъ нынѣ практикуется въ большинствѣ фабрикъ. Законъ долженъ — усматривать, а не директоръ, который служитъ частнымъ интересамъ и, по точному смыслу, олицетворяетъ собой не болѣе, ни менѣе, какъ *приказчика* своего хозяина, еще болѣе служащаго часто своимъ личнымъ интересамъ.

Форма «правилъ» для рабочаго, взиманіе штрафовъ и, главное, устройство изъ этихъ послѣднихъ «рабочаго фонда» могутъ быть во многомъ скопированы у А. П. Коновалова, котораго голосъ по этому предмету, какъ одного изъ первыхъ піонеровъ фабричной промышленности въ краѣ, и піонера, единственнаго въ своемъ родѣ, по *облагороженію* этой промышленности, по созданію въ ней прочныхъ человѣческихъ отношеній между хозяйской администраціей и рабочими, какъ, наконецъ, одного изъ умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ людей въ своемъ дѣлѣ, голосъ котораго долженъ имѣть мѣсто въ предполагаемомъ обсужденіи вопроса. А съ нимъ вмѣстѣ не должны быть забыты и тѣ молодые побѣги нашихъ старыхъ фабричныхъ отраслей, которые смѣло, хотя еще неопытно, подымаютъ также свои голоса за права человѣчества, права гражданства нашего испитаго, развращеннаго, полудикаго, но еще далеко не погибшаго, фабричнаго...

Вичугскій край.

Вичугскій край, или такъ-называемый Вичугскій фабричный районъ,—это главный центръ фабричной промышленности въ краѣ, важнѣйшій изъ трехъ районовъ Костромской губерніи. Какъ уже сказано выше, этотъ центръ, послѣ Иваново-Вознесенска, Владимірской губерніи, можетъ считаться вторымъ по многочисленности ви-

довъ обработки волокнистыхъ веществъ и по оборотамъ съ готовыми произведеніями. Поэтому, справедливо было бы на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Извѣстный среди мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Вичуга» *), онъ занимаетъ юго-западную часть Кинешемскаго уѣзда,—вокругъ станціи «Вичуга» шуйско-ивановской желѣзной дороги, и заключаетъ въ себѣ волости: Вичугскую, Тезинскую и Углецкую, гдѣ и находятся сами фабрики. Если же принять во вниманіе, что въ фабричныхъ работахъ участвуютъ и до половины жителей ближайшихъ трехъ волостей Юрьевецкаго уѣзда: Философской, Макотовской и Семеновской, — то все населеніе района можетъ быть исчислено, судя по послѣднимъ спискамъ населенныхъ мѣстъ, — въ 27,650 человѣкъ обоего пола.

Основаніе фабричнаго дѣла въ этомъ краѣ относятъ къ 1812 году, когда, тотчасъ послѣ отечественной войны и запретительнаго тарифа 1810 года, нѣкій крѣпостной (если не ошибаюсь—князей Львовыхъ) *Петръ Коноваловъ*, основалъ въ селѣ *Бонячкахъ* первую маленькую ручную ткацкую. Коноваловъ этотъ былъ замѣчательный мужикъ. Сынъ деревенскаго коновала, откуда и получилась его фамилія, онъ съ необыкновеннымъ чутьемъ предугадалъ широкую будущность своего дѣла именно въ этомъ мѣстѣ,—между Нижнимъ и Москвой, въ сосѣдствѣ съ краемъ, богатымъ льномъ, въ сосѣдствѣ съ Волгой. Также удачно выбранъ имъ былъ и моментъ основанія своего дѣла, когда, вслѣдствіе паденія нашего курса и сокращенія ввоза заграничныхъ издѣлій, усилился спросъ на мѣстный мануфактурный товаръ. Вся протекшая до сего времени исторія мѣстной промышленности, однимъ характернымъ фактомъ, подтверждаетъ сообразительность Коновалова: никогда вичугское производство не переживало такихъ счастливыхъ дней, какъ послѣ большихъ войнъ. Послѣ войнъ: восточной 1853—1856 года и турецкой 1877 года, Вичуга въ огромныхъ размѣрахъ расширяла свое производство и каждый разъ наживала милліоны. Милліоны эти пріобрѣтались, понятно, фабрикантами; рабочій людъ въ нихъ не причастенъ, и вся выгода его заключалась во временномъ усиленіи спроса и временномъ поднятіи задѣльной платы.

---

*) Отъ села „Вичуга".

Съ легкой руки Коновалова, фабрики въ томъ краѣ стали выростать, какъ грибы. Уже въ первый же 13-тилѣтній періодъ (1812—1825 годы) основано было 6 самыхъ крупныхъ фабрикъ съ производствомъ нынѣ почти въ 4 милліона и съ числомъ рабочихъ въ $3^{1}/_{2}$ тысячи человѣкъ.

Въ слѣдующій затѣмъ (25-тилѣтній періодъ 1826—1850 годъ) основано тоже 6 фабрикъ, но уже гораздо меньшихъ; между ними нѣтъ ни одной механической. Общее производство ихъ не достигаетъ 1 милліона, а число рабочихъ всего 660 человѣкъ.

Затѣмъ въ слѣдующій и послѣдній 25-тилѣтній періодъ (1856—1881 годъ), послѣ восточной войны, хотя новыхъ фабрикъ было построено только 5, но уже гораздо большихъ размѣровъ. Такъ, общее производство ихъ простирается до $1^{1}/_{2}$ милліоновъ, а число рабочихъ до 1,400 человѣкъ. Послѣдняя изъ фабрикъ въ томъ краѣ, Ник. Викт. Коновалова, основана въ 1881 году.

Всѣхъ-же фабрикъ Вичугскаго района насчитывается *17*, съ производствомъ почти въ 6.300,000 руб. и числомъ рабочихъ въ $5^{1}/_{2}$ тысячъ человѣкъ. Изъ этого послѣдняго количества на долю мужчинъ приходится около 76%, на долю женщинъ — около 24%. Кромѣ постояннаго состава рабочихъ, существуютъ еще такъ-называемые *кустари*, которымъ даютъ работу на домъ. Ихъ работаетъ на вичугскія фабрики около $7^{1}/_{2}$ тысячъ человѣкъ, такъ что вся сумма лицъ, участвующихъ въ фабричномъ производствѣ того края, составляетъ почти 13 тысячъ человѣкъ.

Относительно суммы фабричнаго производства слѣдуетъ замѣтить, что она не составляетъ еще всей суммы оборотовъ мѣстныхъ производителей. По отзывамъ лицъ, близко знакомыхъ съ промышленнымъ положеніемъ Вичугскаго края, сумма этихъ оборотовъ далеко превышаетъ *10 милліоновъ* рублей. Причина такой большой разницы заключается въ томъ, что нѣкоторыми изъ фабрикантовъ товары пріобрѣтаются покупкой изъ Москвы и Иваново-Вознесенска и отсылаются прямо въ мѣста сбыта—преимущественно на ярмарки. Такъ, наприм., производство одной изъ фабрикъ исчислено владѣльцами менѣе 1 милліона, между тѣмъ какъ торговые обороты ея на разныхъ ярмаркахъ и въ Москвѣ достигаютъ до 1.750,000 руб.

Преобладающій видъ промышленности Вичугскаго края—*бумаготкацкое и отдѣлочное производства* въ разныхъ сочетаніяхъ и фор-

махъ; ткачество же *льняныхъ издѣлій* служитъ нынѣ спеціальностью только на трехъ небольшихъ фабрикахъ и превосходитъ составной частью въ производствѣ двухъ крупныхъ.

Когда-то, однако, въ истекшемъ столѣтіи, а можетъ быть и раньше, существовало здѣсь только ткачество *льняныхъ* издѣлій. Тогда с. Вичуга съ его окрестностями служило центромъ и славилось своимъ камчатнымъ производствомъ и салфеточными матеріями.

Зачатія же бумажнаго производства относятъ къ 1812 году, когда русскіе бѣглецы изъ-подъ Москвы привезли сюда бумагу вмѣстѣ со способомъ ея обработки. Тогда завелись впервые *клеильни* (производившія заклейку бумаги), съ раздачей бумажныхъ основъ на дома; суровый товаръ вывозился въ Москву и Иваново-Вознесенскъ, гдѣ имѣлись уже красильни и набивныя фабрики.

Существованіе этихъ клеилевъ не мѣшало, однако, *льняному* ткачеству; и только съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, не выдержавъ соперничества машиннаго производства въ Англіи, фабрикація равентуховъ, полотенъ и салфетокъ пала во всей Костромской губ. Огромныя полотняныя фабрики, извѣстныя всей Россіи, какъ я уже упоминалъ выше, стали закрываться, а населеніе и фабриканты бросились разомъ на другую отрасль фабричной производительности, еще тогда новую —*бумажную*.

По наибольшему количеству выдѣлки бумажныхъ издѣлій въ Костромской губ. занялъ первенствующее мѣсто Кинешемскій уѣздъ, а въ немъ—Вичугскій край.

Съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, новые производители бумажныхъ издѣлій въ краѣ перестали уже отдавать свое сырье для обработки въ Москву и Иваново, а одинъ за другимъ сами стали устраивать у себя *красильни* и *отдѣлочныя* наряду съ *клеильнями*, потомъ вскорѣ ручныя ткацкія и наконецъ, въ послѣднее время — *механическія*.

Первый примѣръ такому развитію бумажнаго ткачества въ Вичугѣ подалъ, какъ я уже говорилъ, Петръ *Коноваловъ*. Устроивъ свою крошечную фабричку еще въ 1812 году, онъ постепенно ее расширялъ, вводилъ новые отдѣлы, видоизмѣнялъ старые сообразно требованіямъ времени и успѣхамъ науки; сынъ его продолжалъ дѣло отца, и вотъ, спустя 73 года, маленькая ткацкая Коновалова обратилась въ громадную фабрику изъ множества корпусовъ, съ 2,200

чел. рабочихъ *постоянныхъ* и столько же *кустарей*, съ 2.100,000 руб. годовой производительности и съ ½-миллiономъ чистаго годоваго дохода. Фабрика эта, не говоря уже, что она самая обширная въ краѣ, представляетъ собой еще не малый интересъ, какъ живая иллюстрацiя промышленности Вичугскаго края, во всѣхъ ея фазисахъ. Въ производствѣ ея сохранились всѣ формы бумажнаго ткачества:—самыя старыя наряду съ самыми усовершенствованными, а въ складахъ навалены всѣ виды и сорта произведенiй—льняныхъ и бумажныхъ. Здѣсь можно купить и кусокъ грубаго коленкора, и самый изящный канифасъ или ситецъ, льняныя и полульняныя скатерти и салфетки художественныхъ рисунковъ, вязаныя пушистыя полотенца и простыни для купанiя, рогожку, суровыя полотна на костюмъ, бриллiантинъ и много другаго; здѣсь мирно соединились всѣ ступени и формы мѣстнаго производства, начиная отъ раздачи основъ на дома крестьянамъ и ручнаго тканiя скатертей и полотенъ, до окончательной механической выдѣлки и отбѣлки разнообразнѣйшихъ бумажныхъ и льняныхъ матерiй.

Кромѣ главной фабрики въ селѣ Бонячкахъ, у А. П. Коновалова имѣются еще вспомогательныя отдѣленiя въ нѣкоторомъ разстоянiи; такъ, въ верстахъ 5-ти, за рѣчкой Пезухой, имѣется у него *ручная ткацкая*, а верстахъ въ 20-ти въ поселкѣ Каменка—*бѣлильно-красильня*, занимающаяся одной отбѣлкой и окраской всего сырья, изготовляемаго въ Бонячкахъ.

Рабочихъ, какъ я уже сказалъ, бываетъ свыше двухъ тысячъ человѣкъ, и общая цифра жалованiя, выданнаго имъ за послѣднiй годъ, простиралась до 200 тыс. руб. Кустарямъ, за это же время, выдано было свыше 40 т. рублей. «Дачка» производится въ субботу передъ 15 числомъ каждаго мѣсяца.

Работа на фабрикѣ въ разныхъ отдѣлахъ бываетъ:—или 6-ти-часовая *смѣнная*, или *денная*, или наконецъ, *смѣшанная*. О достоинствахъ и недостаткахъ этихъ способовъ работы—мы говорили выше, здѣсь, однако, преобладаетъ способъ 6-ти часовыхъ смѣнъ, а потому, въ общемъ, этотъ предметъ устройства фабрики слѣдуетъ считать неудачнымъ.

Сырые и полуобработанные матерiалы употребляются фабрикой на слѣдующiя суммы:

Пряжи русской: бумажной . .	на	810,000 руб.
„ „ льняной . . .	„	345,000 „
Красильныхъ матерiаловъ . . .	„	75,000 „
Бѣлильныхъ „ . . .	„	25,000 „
Всего . . .	на	1.255,000 руб.

Издѣлiй же изготовляется и продается:

Бумажныхъ	на	1.500,000 руб.
Льняныхъ	„	600,000 „
Итого . .	на	2.100,000 руб.

Сбытъ издѣлiй производится въ Москвѣ, Харьковѣ, на Нижегородской, Ирбитской и Украинской ярмаркахъ.

Съ 1881 года Вичугская фабричная промышленность вступила въ *новый фазисъ* своего развитiя, признаками котораго являются: а) устройство первыхъ въ губернiи бумагопрядиленъ и б) перенесенiе фабричнаго производства на берега Волги.

До тѣхъ поръ, какъ сказано выше, промышленность этого края заключалась лишь въ *ткачествѣ*, причемъ необходимая для того пряжа закупалась на сторонѣ: въ Москвѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ 1881 году устроены были на берегу Волги, подъ г. Кинешмой, первыя двѣ обширныя бумаго-прядильня братьевъ Раззореновыхъ. Эти фабрики, по своему устройству, представляютъ новѣйшiй типъ такого рода заведенiй, со всѣми новѣйшими приспособленiями. По внѣшнему виду — онѣ лучшiя въ губернiи. Чистота, элегантность, просторъ, какъ собственно въ фабричномъ помѣщенiи, такъ и въ помѣщенiи не оставляютъ требовать ничего лучшаго. По обширности же производства, эти двѣ фабрики смѣло могутъ снабжать бумажной пряжей всѣ остальныя фабрики края, давать имъ болѣе дешевый матерiалъ и тѣмъ служить къ оживленiю всего бумаго-ткацкаго производства Вичуги. А въ оживленiи этомъ, хотя бы и pour le moment, Вичугскiй край очень-таки нуждается. Уже одинъ тотъ фактъ, что фабричное производство начинаетъ явственно тяготѣть къ Волгѣ *), указываетъ на какiя-то мѣстныя условiя, неблагопрiятствую-

*) Кромѣ двухъ фабрикъ бр. Раззореновыхъ, на Волгѣ еще вновь выстроена громадная «Волжская мануфактура бумажныхъ и льняныхъ издѣлiй», въ 12-ти верстахъ отъ Кинешмы.

щія ей въ родномъ краѣ. Условій этихъ порядочно, но главныхъ два: 1) недостатокъ воды, который съ развитіемъ фабрикъ начинаетъ чувствоваться въ краѣ все сильнѣй и сильнѣй, и 2) неудовлетворительность подвозныхъ путей отъ фабричныхъ центровъ къ мѣстной станціи желѣзной дороги.

Когда все производство было только ручное, когда не было еще въ краѣ усовершенствованныхъ *бѣлиленъ*, *красиленъ* и проч., требованіе воды было самое ничтожное. Маленькая рѣчка Пезуха, орошающая этотъ край, доставляла ея вдоволь. Но когда, затѣмъ, фабрики тѣсно стали лѣпиться по берегу этой рѣченки, а бѣленіе и крашеніе издѣлій потребовало сразу громаднаго количества постоянно свѣжей и чистой воды, рѣченка быстро стала истощаться, а ея прозрачныя струи, размѣшанныя обильными отбросами отъ фабричныхъ трубъ, приняли видъ грязной, зловонной, вредной не только для живаго существа, но и для мертвой ткани—жидкости.

Фабриканты, наконецъ, ахнули, всполошились; но было уже поздно. Они ясно поняли, что, вмѣстѣ съ остатками чистой воды, Пезуха уноситъ съ собой и ихъ „лучшее" время, розовыя надежды, беззаботность; чѣмъ темнѣе и мутнѣе становилась рѣчка, тѣмъ мрачнѣе рисовалась имъ собственная будущность. Всякая лишняя фабрика на берегу рѣчки могла окончательно истощить ея воды и привести къ ужасной необходимости закрыть все. Это инстинктивно чувствовали старые фабриканты, хотя и не высказывались громко. Русское «авось» и на этотъ разъ было ихъ надеждою и надеждою не напрасной. Новые молодые фабриканты Вичуги, еще яснѣе своихъ отцовъ и дядей, поняли свою будущность у отравленныхъ водъ Пезухи. Не долго думая, они убрались по добру — по здорову отъ тощей рѣченки и прильнули къ могучей Волгѣ. Развѣ истощишь ея широкое русло, развѣ замутишь ея быстрыя воды? думали юные фабриканты, какъ думаютъ и многіе. А между тѣмъ, годъ отъ году и могучая Волга мелѣетъ, годъ отъ году и ея воды теряютъ свой природный вкусъ, воспринимая ароматы нефти, красокъ и всякой гнили.

Фабрики-ли тутъ виной?.. Не знаемъ! Но фактъ несомнѣненъ. Несомнѣнно и то, что перенесеніе фабрикъ изъ Вичуги къ Волгѣ если и заразило частицу волжскихъ водъ, то спасло, вѣроятно, Вичугу отъ грозныхъ послѣдствій *безводья*. Вторая причина, задерживающая промышленное развитіе Вичугскаго края,—недостатокъ *хорошихъ подвозныхъ путей*, въ своемъ родѣ составляетъ фактъ замѣчательный. Этотъ край, столь богатый капиталами и смышлеными предпринимателями, остался безъ дорогъ. Въ одномъ изъ фабричныхъ селъ, какъ намъ передавали, три фабриканта платятъ въ бездорожицу каждую весну и осень лишнія деньги за доставку товара къ станціи желѣзной дороги, и все не могутъ согласиться между собой шоссировать путь до этой станціи. Расходъ на это составилъ бы для нихъ не болѣе 15 — 20 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ ежегодно переплачиваются ими тысячи.

По истинѣ, русскій край и русскіе люди!.. Еще страннѣе покажется такое обстоятельство, если вспомнимъ, какихъ трудовъ и денегъ стоило этимъ же фабрикантамъ проведеніе мѣстной линіи желѣзной дороги. Чугунку устроили, а подвоза къ ней нѣтъ и врядъ ли когда будетъ... Характерно!.. Изъ второстепенныхъ условій, неблагопріятствующихъ фабричной промышленности Вичугскаго края, слѣдуетъ отмѣтить:

а) Недостатокъ *рабочихъ рукъ*, особенно замѣтный лѣтомъ, когда часть рабочихъ уходитъ на полевыя работы. По словамъ одного фабриканта, въ послѣднія пять лѣтъ рабочая плата здѣсь значительно, вслѣдствіе того, повышена: за что платилось ранѣе 5 р. 40 коп. въ мѣсяцъ, теперь платится 8—8 р. 50 коп. Не смотря на то, съ расширеніемъ потребности въ рабочихъ, послѣдніе стали крайне неисправны, замѣчаній и штрафовъ не принимаютъ, при удобномъ случаѣ требуютъ надбавки платы.

Слѣдуетъ сказать, въ интересахъ истины, что замѣчаніе фабрикантовъ относится лишь къ періоду 1875—1882 года, когда, послѣ турецкой войны, производство края расширилось и плата рабочимъ, вслѣдствіе того, повысилась. Съ 1882 же года послѣдовало явленіе, совершенно обратное; общій промышленный кризисъ, обусловливавшійся уменьшеніемъ спроса на товары внутренняго производства отразился и на промышленности Вичугскаго края. Вслѣдствіе того, владѣльцы фабрикъ снова понизили задѣльную плату и сократили производство; въ особенности уменьшена была въ послѣднее время такъ называемая „раздача" основъ на дома, для тканья бумажныхъ и льняныхъ издѣлій.

Такое явленіе, однако, не повліяло на вторую часть жалобъ фа-

брикантовъ, а именно — на недостатокъ рабочихъ рукъ въ лѣтнее время.

б) Обиліе *питейныхъ заведеній*, трактирная жизнь, разгулъ — вотъ еще одна изъ важнѣйшихъ причинъ, тормозящихъ правильное развитіе здѣсь фабричной промышленности. Кто страдаетъ отъ этого больше—рабочіе или фабриканты—трудно сказать.

Неисправность первыхъ доходитъ до того, что многіе прогуливаютъ всѣ понедѣльники и работа иногда стоитъ по нѣскольку дней; штрафы же за неявку, по словамъ фабрикантовъ, далеко не покрываютъ наносимыхъ отъ того убытковъ. Вѣрить ли въ этомъ послѣднемъ фабрикантамъ—опять-таки трудно отвѣтить. Выше мы видѣли такихъ, которые съ лихвой вознаграждаютъ себя за убытки, видѣли и другихъ, для которыхъ штрафы существуютъ только какъ печальная необходимость.

Но какъ бы тамъ ни было, убытки отъ разгула рабочихъ видимымъ образомъ такъ чувствительны для фабрикантовъ, что вызвали огульное ходатайство ихъ о необходимости сокращенія числа питейныхъ заведеній вблизи фабрикъ, предъявленное еще въ 1881 году. Ходатайство это было удовлетворено только на половину. Правительство разрѣшило фабрикантамъ закрывать ближайшіе отъ фабрикъ кабаки только въ такомъ случаѣ, когда на фабрикѣ работаетъ свыше 500 (если не ошибаюсь) человѣкъ.

Мѣра непонятная, нелогичная, подтверждающая только еще разъ общее убѣжденіе, что у насъ «все дѣлается на половину»...

Въ Вичугскомъ краѣ, изъ 17 фабрикъ, только *три* имѣютъ рабочихъ свыше 500 человѣкъ. Да и вообще, такихъ фабрикъ громадное меньшинство у насъ. Какая же польза отъ закрытія *трехъ* кабаковъ тамъ, гдѣ ихъ существуетъ еще *14* и гдѣ ничего не стоитъ рабочему сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ, чтобы зайти въ *чужой* кабакъ?!.

Недостаточность и странность этой новой мѣры правительства настолько ясно была сознана фабрикантами, что тѣ, въ настоящую Нижегородскую ярмарку, въ бытность на ней великаго князя Владиміра Александровича, обратились къ нему, въ числѣ разныхъ ходатайствъ, съ просьбой объ отмѣнѣ и этого новаго распоряженія министерства финансовъ. Дай Богъ, чтобы это министерство хотя здѣсь поступилось своими *питейными* интересами на пользу нашей про-

мышленности, нашего многочисленнаго фабричнаго люда, а то, право, и смѣшно, и грустно...

По словамъ одного сельскаго корреспондента, разгулъ и пьянство среди фабричныхъ рабочихъ столь велики, что въ одной деревушкѣ (близь деревни Старой Гольчихи) сидѣлецъ выручаетъ въ первые пять дней Пасхи до *2,000* руб. (!!), продавая за эти дни весь наличный запасъ вина.

Нужно ли еще что добавлять въ защиту благихъ желаній фабрикантовъ и въ объясненіе заботъ нашихъ финансистовъ?..

И такъ, четыре исчисленныя причины вліяютъ, главнымъ образомъ, на упадокъ, или, вѣрнѣе, на остановку развитія промышленности Вичугскаго края, развитія, которое продолжалось неустанно съ 1812 года:

1) недостатокъ воды;

2) недостатокъ хорошихъ путей сообщенія;

3) недостатокъ въ лѣтніе мѣсяцы рабочихъ и

4) пьянство между ними—вотъ что виситъ надъ богатымъ Вичугскимъ краемъ, виситъ какъ грозная туча, все сгущаясь и все ниже опускаясь надъ гордо глядящими въ небо темными отверстіями дымящихся фабричныхъ трубъ.

Хозяева этихъ великановъ, если и замѣчаютъ ее, то пока не очень тревожатся. У нихъ всегда имѣется въ запасѣ одно оружіе, которымъ легко устранить не только тучи, но и громы и молніи; оружіе это—*деньги*. Все производство Вичугскаго края ведется преимущественно на *собственные* капиталы фабрикантовъ; торговая несостоятельность—дѣло здѣсь рѣдкостное; займы, векселя, разсрочки—тоже случаются не часто.

За то, въ просторныхъ свѣтелкахъ, подъ желѣзными запорами покоятся десятки и сотни всякихъ серій, акцій и облигацій, покоятся втайнѣ для всѣхъ, наростаютъ, замѣняются новыми, пока неожиданное обстоятельство не извлекаетъ ихъ на свѣтъ Божій.

Въ этомъ вся сила Вичуги; и эту силу не сломали ни конкуренція сосѣдняго Иваново-Вознесенска, ни общій кризисъ въ торговыхъ дѣлахъ,—не сломали ее по тѣмъ причинамъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, оказались бы, вѣроятно, пагубными.

Независимо отъ оборотныхъ капиталовъ, фабриканты владѣютъ значительными недвижимыми имуществами; имъ принадлежитъ те-

перь большая часть частныхъ лѣсовъ и земель южной половины Кинешемскаго уѣзда. Цѣлыя имѣнія въ тысячи десятинъ земли покупаются ими отъ мѣстныхъ дворянъ, покупаются дешево и охотно,— «между прочимъ», какъ они говорятъ. Покупки эти въ послѣдніе годы особенно участились, и рѣдко ужъ какой помѣщикъ не норовитъ теперь всучить свое родное гнѣздо «въ руки купецкія».

Пріобрѣтаемыя имѣнія тотчасъ начинаются эксплоатироваться купцами съ полной заботливостью и умѣньемъ. Полевое хозяйство у нихъ вездѣ ведется превосходно и даетъ результаты *вдвое* лучшіе, противъ сосѣдняго крестьянина. Лѣса, въ большинствѣ случаевъ, берегутся *про черный день*. Фабриканты сознаютъ ихъ возрастающую цѣнность и потому предпочитаютъ покупать дрова,—при существующей низкой цѣнѣ за сажень въ 5½ руб. Десятки тысячъ десятинъ лучшаго лѣсу принадлежатъ уже фабрикантамъ, и въ этомъ ихъ гордость, ихъ возрастающее могущество.

Но если земли, попадающія въ руки фабрикантовъ, не пропадаютъ втунѣ, а оживаютъ, наоборотъ, составляя годъ отъ году крѣпнущій оплотъ этихъ лицъ отъ случайностей фабричнаго дѣла, отъ всѣхъ неблагопріятствующихъ ему условій, то земли крестьянскія, сосѣднія съ ними, именно въ силу этого сосѣдства, все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ.

Не говоря ужъ *о невыгодности* крестьянскаго землевладѣнія въ конкуренціи съ купеческимъ, дающимъ несравненно лучшіе результаты, оно и невыгодно и даже немыслимо здѣсь, главнымъ образомъ, потому, что фабричный трудъ убилъ земледѣльческій. Такая участь постигаетъ обыкновенно всѣ мѣстности, сосѣднія съ фабриками и заводами; но здѣсь, въ Вичугскомъ краѣ, она проявилась съ наибольшей силой, съ наихудшими послѣдствіями для населенія.

Болѣе половины мужчинъ и много женщинъ этого края живутъ круглый годъ внѣ дома, занимаясь на фабрикахъ.

Польза и значеніе земледѣлія съ каждымъ днемъ все болѣе ускользаетъ изъ мысли фабричнаго люда, предпочитающаго ежемѣсячный *вѣрный* заработокъ годичному, *колеблющемуся* доходу отъ земли; между тѣмъ, большая часть этого люда съ января уже начинаетъ питаться купленнымъ хлѣбомъ, поглощающимъ почти весь остающійся отъ пьянства заработокъ.

Многіе изъ молодыхъ крестьянъ той мѣстности уже не умѣютъ ни пахать, ни косить, ни жать, ни молотить, и если исполняютъ эти работы, то черезъ пень-колоду, тяготясь ими. Уходя лѣтъ 10-ти на фабрику, они, естественно, не могутъ ни умѣть быть хозяевами, ни любить этотъ трудъ; въ инвентарѣ крестьянскихъ дворовъ на ихъ долю нѣтъ уже ни земледѣльческихъ орудій, ни скота. Словомъ, эти крестьяне, въ большомъ смыслѣ слова, уже не полевые работники.

Нельзя не замѣтить, однако, что на «страдную пору» земледѣльческихъ работъ часть рабочихъ оставляетъ фабрики и отправляется въ помощь своимъ домашнимъ.

Но какова эта помощь?—вотъ вопросъ.

По словамъ самихъ фабрикантовъ, этимъ временемъ рабочіе пользуются какъ «дачнымъ», употребляя его на отдыхъ, леченіе «свѣжимъ воздухомъ», ухаживаніе за дѣвчатами и главное опять — на пьянство. Къ занятіямъ же полевымъ относятся съ *отвращеніемъ* и болѣе портятъ дѣло, чѣмъ помогаютъ ему.

При спѣшной и плохой обработкѣ земли и недостаткѣ скота, урожай ржи на крестьянскихъ поляхъ бываетъ самъ — 3 (рѣдко самъ — 4), ячмень и овесъ—самъ—3 и 2. На смежныхъ же «купеческихъ» поляхъ въ то же время урожай достигаетъ самъ — 6, 7 и болѣе.

По конской переписи 1882 г. *домохозяевъ, у которыхъ нѣтъ лошадей*, сосчитано:

въ Кинешемскомъ уѣздѣ 19,1 проц. всѣхъ домохозяевъ.
» Юрьевецкомъ » 21,6 » » »

Если разбить Кинешемскій уѣздъ на двѣ половины—южную, въ которой сосредоточена фабричная промышленность, и сѣверную, гдѣ существуетъ только одна крупная фабрика, то разница въ числѣ безлошадныхъ крестьянъ, не ведущихъ въ большинствѣ случаевъ и хозяйства,—обнаружится весьма значительная; процентъ безлошадныхъ въ сѣверной половинѣ уѣзда, по даннымъ переписи, достигаетъ до 15,8, а въ южной — почти до 23 проц. Разница въ 7 проц., для мѣстности, столь бѣдной земледѣліемъ, ощущается весьма чувствительно.

Подъѣзжая къ фабрикѣ на разстояніи 10 — 15 верстъ, вы уже видите и чувствуете ея присутствіе здѣсь. Любая деревня, село въ этомъ районѣ явно свидѣтельствуютъ вамъ о томъ: заколоченныя,

сгнившія, унылые наводящія избы; дворы, похожіе на шалаши, изъ жердей, ельнику и гнилой соломы, на улицѣ только чумазые ребятишки, да тощія собаки и свиньи, за околицей — жидкій выгонъ, еле-тронутая сверху запашка и безконечные пустыри съ чернѣющими на нихъ купами кустарника, — вотъ обыкновенный и общій ландшафтъ такой деревни.

И горестно и тяжко... декламировалъ я себѣ каждый разъ, проѣзжая такими мѣстами.

Такъ называемый кустарный трудъ, или *домашнее ткачество*, не смотря на значительное число занятыхъ имъ по деревнямъ рукъ, не спасаетъ ни осѣдлости крестьянъ, ни ихъ домашняго хозяйства. Съ каждымъ годомъ домашнее ткачество все замѣтнѣе падаетъ. Только нѣкоторыя спеціальности остаются еще на рукахъ кустарей, и именно—издѣлья болѣе толстыя и разнообразныя по цвѣту (разночелночныя); всѣ же, болѣе тонкія и одноцвѣтныя ткани, становятся, и стали уже достояніемъ механическаго производства. Какъ бы взамѣнъ упадка домашняго производства, фабричная промышленность вызвала въ Вичугскомъ краѣ нѣкоторыя *ремесла*, удовлетворяющія потребностямъ какъ самихъ фабрикъ, такъ и работающаго на нихъ люда. Таковы мастерства: кузнечное, слесарное, столярное, сапожное, а также плотничное и портняжное.

Это стремленіе къ ремесламъ, взамѣнъ умирающаго кустарнаго труда, несомнѣнно имѣетъ въ себѣ инстинктивную жажду къ спасенію, къ выходу изъ заколдованнаго круга фабричныхъ корпусовъ. Пойми и откликнись на это земство устройствомъ особыхъ ремесленныхъ классовъ при народныхъ училищахъ,—дѣло могло бы получить скорое и естественное развитіе, и народъ достигъ бы того уровня экономическаго благосостоянія, изъ котораго былъ исторгнутъ зачатіемъ фабрикъ и котораго достичь — его естественная потребность.

Но Кинешемское земство... предметъ слишкомъ интересный и обширный, чтобы его здѣсь касаться. Можно сказать только, что оно не *откликнулось* на таковую потребность.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и объ отношеніяхъ вичугскихъ фабрикантовъ къ рабочимъ и наоборотъ.

Отношенія эти, въ общемъ, могутъ быть формулированы такъ: фабриканты внимательно относятся къ потребностямъ рабочаго...

когда на это предъявляется требованіе правительственной власти. Въ доказательство возьмемъ хоть слѣдующее: кромѣ фабрики А. П. Коновалова, при вичугскихъ фабрикахъ не было больницъ до 1871 года—когда, съ появленіемъ холеры, мѣстной администраціей сдѣлано было, въ силу закона, настойчивое заявленіе объ организаціи при фабрикахъ медицинской помощи. На этихъ же фабрикахъ нѣтъ и до сихъ поръ школы, хотя съ послѣднимъ закономъ о «малолѣтнихъ» онѣ, вѣроятно, въ скоромъ времени и устроятся. Нѣтъ въ большинствѣ случаевъ хорошаго помѣщенія для рабочихъ, хорошей пищи, пенсіонныхъ кассъ, богадѣленъ, дѣтскихъ общежитій и прочихъ признаковъ внимательности хозяина къ рабочему,—нѣтъ и не скоро будетъ, ибо правительство пока этого не требуетъ. А. П. Коноваловъ представляетъ въ этомъ смыслѣ *единичное* исключеніе, а прочіе только начинаютъ ему слѣдовать.

Нельзя не сказать также, чтобы владѣльцы фабрикъ не пользовались случаемъ понизить задѣльную плату; а рабочіе, въ свою очередь, — предъявить требованіе на высшую, если видятъ особенную нужду въ рабочихъ силахъ.

Въ послѣднемъ случаѣ дѣлается стачка, часть рабочихъ иногда оставляетъ фабрику, но затѣмъ, при настойчивомъ отказѣ, спокойно возвращается снова, чтобы работать на прежнихъ условіяхъ. Изъ этой борьбы побѣдителями всегда выходятъ фабриканты. Съ готовыми всегда капиталами они могутъ спокойно переждать какой угодно кризисъ; съ пустыми же желудками, какъ бы они привычны къ тому и ни были, дольше двухъ-трехъ дней не просидишь. Поэтому попытки къ «забастовкѣ» въ Вичугскомъ краѣ очень рѣдки и къ серьезнымъ по слѣдствіямъ еще не приводили.

Вотъ все, что я могу предложить читателю объ особенностяхъ Костромской губерніи и Вичугскаго края въ промышленно-экономическомъ отношеніи. Если эти особенности не представляютъ для него достаточнаго интереса, не полны, не красивы—mea culpa. Предметъ сухой, скажу въ свое оправданіе, а въ утѣшеніе—онъ уже конченъ.

Отбросивъ скучные вопросы политической экономіи, вычисленія, заключенія и прочіе атрибуты всякаго статистическаго изслѣдованія, въ недалекомъ будущемъ перейдемъ къ «другимъ мѣстамъ, новымъ людямъ». Авось они будутъ живѣй, интереснѣй...

По дорогѣ въ с. Павлово.—Русскій Шеффильдъ и Варыпаевщина.

Въ одинъ изъ холодныхъ и ненастныхъ дней конца августа, надумался я, наконецъ, отправиться въ знаменитое село Павлово, сирѣчь «Русскій Шеффильдъ», какъ громко поименовалъ его г. Боборыкинъ въ своемъ описательно-статистическомъ очеркѣ, изданномъ, кажется, лѣтъ 5 — 6 тому назадъ. Отчасти этотъ очеркъ, отчасти и много другихъ, составленныхъ болѣе серьезно и съ болѣе спеціальнымъ характеромъ, отчасти разсказы людей, побывавшихъ тамъ, побудили меня съѣздить въ это село-городъ, въ этотъ разсадникъ громаднаго русскаго производства, гдѣ нищета и богатство свили одно гнѣздо, чтобы соперничать въ самыхъ яркихъ краскахъ, гдѣ наглядно отразились всѣ формы и послѣдствія чисто русскаго склада ума, характера, старыхъ и позднѣйшихъ условій мѣстной жизни...

По грязнымъ и соннымъ еще улицамъ ярмарки спустился я къ далекой пристани на Окѣ, расположенной въ концѣ той песчаной отмели, которая лѣтомъ, во время ярмарки, кишитъ жизнью, торговлей, гнется подъ милліонами пудовъ нашего родного русскаго желѣза, стекающагося сюда со всего Урала, а весной сплошь залита водой, пожирающей широкимъ моремъ и всю ярмарку. Одинъ изъ самыхъ худшихъ пароходовъ одного изъ мерзѣйшихъ пароходныхъ обществъ шипѣлъ и дымилъ у пристани. Народу навалило масса. Вся верхняя и нижняя палубы были усѣяны сѣрымъ ладомъ съ котомками, узлами и всякой-всячиной. Рупка перваго класса, куда я вошелъ, была крошечная. На диванахъ кругомъ стѣнъ сидѣло уже столько пассажировъ, что и думать нечего было здѣсь помѣститься. Въ передней части ея, между перилами лѣстницы, ведущей внизъ, и носовой стѣнкой, примостился карточный столъ, у котораго съ азартомъ винтили уже: два военныхъ, рябой господинъ въ поддевкѣ и блѣдный, характерный блондинъ въ фуражкѣ телеграфнаго вѣдомства. Они дымили папиросами и основались здѣсь совершенно какъ дома, занимая собой добрую половину рупки. Въ воздухѣ пахло водкой, было душно, дымно, партнеры другъ друга перекрикивали, укоряли, усовѣщевали, ругались и отгрызались. Остальная публика —

нѣсколько женщинъ, одна плотнѣй другой укутанныя, обвязанныя, съ ребятами и узлами на рукахъ, занимали собой остальные два дивана; онѣ пыхтѣли, потѣли и тупо смотрѣли передъ собой. Двѣ хорошенькія дѣвочки прижались другъ къ другу возлѣ толстаго военнаго, оглашавшаго изъ-за карточнаго стола всю рупку своимъ безцеремоннымъ басомъ; ихъ мордочки, выглядывая изъ-подъ бѣлыхъ шерстяныхъ платковъ, низко надвинутыхъ на брови, были восхитительно хороши; темно-голубые громадные глаза съ любопытствомъ и восторгомъ слѣдили за игрой, то разгораясь какъ звѣздочки, когда басъ военнаго господина принималъ радостный оттѣнокъ, то темнѣя и съуживаясь отъ испуга, когда онъ перекатывался грозой. Партнеромъ у этого военнаго былъ блѣдный блондинъ съ высокимъ, умнымъ лбомъ и греческой профилью. Темная бородка его, расчесанная на двѣ стороны, и такіе же тонкіе усы, весьма эффектно оттѣняли лицо. Старшая изъ двухъ дѣвочекъ, лѣтъ 12—13 на видъ, то и дѣло взмахивала своими великолѣпными глазами отъ карточнаго стола къ блѣдному красавцу и тогда въ глазахъ ея появлялся жгучій огонекъ, далеко не присущій ея возрасту; когда же, порой, взглядъ блондина, скользя поверхъ картъ, останавливался на ней и глаза ихъ встрѣчались, тогда крошечныя губки дѣвочки чуть замѣтно вздрагивали въ веселую и плутоватую улыбку; блондинъ спѣшилъ отвесть свой взоръ на партнера, а дѣвочка еще нѣкоторое время не спускала съ него искрящихся глазъ, и все ея крошечное, матовое личико, съ нѣжнымъ, совсѣмъ дѣтскимъ оваломъ, принимало тогда дерзки-настойчивое, почти повелительное выраженіе. Она видимо ждала еще взгляда визави; но тотъ углублялся въ карты, называлъ масти, пасовалъ, словомъ—не замѣчалъ ея, и она съ легкой гримаской уставлялась опять въ карты толстаго военнаго.

Всю эту несложную картинку успѣлъ я разглядѣть въ тѣ нѣсколько минутъ, когда стоялъ посреди рупки, оглядывая для себя хоть кусочекъ мѣста. Но закутанныя бабы сидѣли апатично, также мало обращая на меня вниманія, какъ ихъ пузатые узлы. Спустить хоть одинъ изъ нихъ съ дивана, чтобы очистить мнѣ мѣсто, — никому и въ голову не приходило. А потребовать этого, чтобы очутиться втиснутымъ между двумя такого рода пыхтящими, хотя бы и прекраснаго пола созданіями, — мнѣ тоже не приходило на мысль. Поэтому, за благо счелъ я по лѣстницѣ сойти въ нижнія каюты. На-

право довольно обширная, низкая комната изображала мужскую каюту, налѣво, такая же поменьше — женскую. Въ мужской было почти такъ же тѣсно, какъ на верху. Съ трудомъ урвалъ я себѣ уголокъ дивана. Вокругъ стола и на диванахъ сидѣло беззастѣнчивое и шумное русское купечество. У стола распивали чай, пиво, водку; на диванахъ только отдувались. Тутъ было такъ же душно и дымно, какъ на верху; только вдобавокъ еще темно, потому что узенькія оконца заслонялись съ правой стороны стѣной пристани, а съ лѣвой—какой-то рядомъ стоящей баржей.

Ну, попалъ, съ досадой подумалъ я, оглядывая и пассажировъ и помѣщеніе. А когда блеснула перспектива цѣлаго дня ѣзды въ этой обстановкѣ, въ этомъ обществѣ, просто ужасъ овладѣлъ мною. «Ужъ не вернуться ли?» Я поднялся и вышелъ на палубу.

— Скажите, у васъ всегда такъ набито?.. спросилъ я капитана.

— Съ ярмарки ѣдутъ-съ многіе. Купечество все... любезно улыбнулся онъ мнѣ.

— Вѣдь въ 1-мъ классѣ совсѣмъ мѣстъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ? должны быть!

— Извольте сами полюбопытствовать!.. Какъ сельди напиханы.

— Это должно быть второклассные понасѣли. Потомъ пересажаемъ.

— Т. е. какъ же это второклассные?.. Значитъ, безъ билетовъ?..

— По билетамъ 2-го класса. Да мы тамъ ужъ... Не далеко ѣдутъ. Выпить хочется, поспать.

— Но вѣдь и мнѣ хочется того же. Я заплатилъ за 1-й классъ а долженъ за нихъ сѣсть во 2-й, что ли?.. обозлился я.

— Не извольте безпокоиться, очистимъ, очистимъ, вотъ только пароходъ тронется.

— Да когда же, наконецъ, онъ тронется? уже часъ лишній простоялъ.

— Пассажировъ еще поджидаемъ... Еще часикъ...

— Какъ, что?!. Пассажировъ еще?.. Да вѣдь мы потонемъ тогда.

— Не извольте безпокоиться, успокоительно улыбнулся капитанъ.

— Нѣтъ, я ухожу, позвольте мнѣ деньги! рѣшительно повернулся я.

— Сейчасъ, сейчасъ, трогается, — бросился за мной капитанъ. Дрова только кончатъ носить... Четверть часика, десять минутъ! Ужъ вы не извольте безпокоиться.

Я, однако, далеко еще не успокоился и, сходя въ каюту, все не рѣшался остаться или уйдти. Маленькая сценка привлекла тамъ мое вниманіе и рѣшила мою участь.

Рядомъ съ моимъ чемоданчикомъ на диванѣ помѣстился субъектъ въ небрежномъ костюмѣ торговаго приказчика, съ разстегнутымъ жилетомъ, съ шапкой на затылкѣ, съ пьяными, блуждающими глазами и слюнявыми, висящими губами. Онъ былъ, что называется, готовъ. Дальше, рядомъ съ нимъ, на томъ же диванѣ, сидѣла сгорбленная старушка, и къ колѣнямъ ея прислонился мальчуганъ лѣтъ 7—8.

Возлѣ нихъ масса узелковъ и въ безпорядкѣ наваленные пальто, платки и платья. Старушка уставилась передъ собой вялымъ, безжизненнымъ взоромъ: мальчуганъ со страхомъ косился на пьянаго мужчину, а этотъ послѣдній виталъ въ такъ называемомъ царствѣ «зеленаго змія». Безсвязные звуки и слова вылетали изъ его отвисшихъ устъ, руки подымались и дѣлали жестъ; туловище то подавалось впередъ, то безсильно откидывалось. Словомъ, это была весьма обыкновенная, сто разъ наблюдаемая всякимъ, картина пьяницы. Я бы и не обратилъ вниманія, можетъ быть, на нее, если бы не фигура старушки съ мальченкомъ. Мой взоръ остановили эти два два лица, этотъ чудный контрастъ между ними. Одна—олицетвореніе дряхлаго равнодушія, 80-ти лѣтняго опыта и привычки, другой — только что пробуждающагося сознанія, любопытства, за которымъ, однако, успѣлъ уже притаиться страхъ и тревожное выжиданіе горя.

— Мишка... водки!.. внезапно вскрикнулъ пьяный, вытягивая руку къ мальчику.

— Довольно, Митрій, бу-детъ, нараспѣвъ протянула старушка, безучасно смотря передъ собой.

— Мать... не препятствуй!.. грозно пролепеталъ пьяный, хватая за голову мальчугана.

Тотъ ловко увернулся, потомъ закопошился въ узелкѣ и досталъ изъ него бутылку съ водкой. Пьяный дрожащими руками приложилъ къ устамъ горлышко и потянулъ живительную влагу.

— Закусить... Мишка!..

Мальчикъ живо поднесъ ему кусокъ булки. Въ это время въ каюту вошелъ еще толстый купчина съ добродушнѣйшимъ, лоснящимся отъ поту лицомъ. Пьяный, увидавъ его, выбросилъ изъ руки булку и, не дожевавъ куска, ринулся ему на встрѣчу.

— Алексѣюшка... милый... здравствуй, другъ!

Купчина, увидавъ его, слегка поморщился, потомъ отступилъ и съ улыбкой отстранилъ его объятія.

— Здравствуй, здравствуй, Дмитрій, ты, я вижу, уже того...

— Выпилъ, другъ, выпилъ малую толику.

— Спозаранку, значитъ.

— То есть съ самаго ранняго, значитъ, времени нахожусь здѣся... И пьемъ, значитъ, потому при деньгахъ. Средства къ этому имѣемъ...

— Хорошо, хорошо, голубчикъ. Только ты прилягъ. Ловчѣй будетъ.

— Я прилягу. А только ты со мной должонъ выпить.

— Что ты, что ты! Съ утра-то, натощакъ, почитай!

— Ничего отъ этого не станется... Самое, можно сказать, здорово... Гляди я, чѣмъ не молодецъ къ примѣру?..

— Молодецъ, только ты ступай сядь, и купчина за локоть повелъ его къ дивану.

— Алексѣюшка, другъ... выпьемъ! жалобно говорилъ пьяный.

— Потомъ, погодя, мнѣ еще наверхъ сходить надо.

Усадивъ пьянаго, онъ быстро исчезъ. Пьяный пытался подняться за нимъ, но ноги ужъ ему не повиновались и онъ грохнулся на диванъ.

— Мишка... водки! заоралъ онъ на всю каюту.

— Бу-удетъ, Митрій... опять безучастно протянула старушка.

— Мать... не замай! Будь довольна своимъ положеніемъ, къ примѣру сказать... Потому при деньгахъ мы. Тысячи веземъ... Въ первомъ классѣ ѣдемъ.. А ты все свое. Въ первомъ классѣ, значитъ, и жизнь намъ соразмѣрную надо вести... Выпить надо!.. Мишка, болванъ... Тутъ посыпался градъ площадныхъ ругательствъ, покрываемый сдавленными дѣтскими рыданіями. Ладонь пьянаго ухватилась теперь за голову мальчугана и пальцы его судорожно впились и рвали его волоса. Мальчуганъ качался подъ этой тяжелой рукой и съ безпомощнымъ отчаяніемъ ухватился рученками за платье старушки.

Та, все также безучастно смотря передъ собой, повторяла только: Бу-удетъ, Митрій!.. бу-удетъ!.. ложись!..

Пассажиры, сначала равнодушные ко всей этой сценѣ, теперь, когда воздухъ огласили площадныя слова, стали съ неудовольствіемъ оглядываться на пьянаго. Одинъ изъ нихъ поднялся съ мѣста и вышелъ изъ каюты. Пьяный, между тѣмъ, бросивъ голову мальчугана, закинулъ ноги на диванъ и, положивъ голову на колѣни старухи, раскинулся въ безобразной позѣ, обнажившей всю его грудь, Мой чемоданъ отъ движенія ногъ его покатился на полъ. Я съ негодованіемъ собрался уже-было выйти на верхъ, когда въ дверяхъ показался капитанъ съ двумя матросами. Они подошли къ пьяному. и капитанъ сталъ уговаривать его выйдти. Но пьяный былъ уже въ положеніи безчувственности, а потому дюжіе парни, ухвативъ его подъ мышки, поволокли какъ мѣшокъ черезъ каюту по лѣстницѣ и, выволокши на пристань, преспокойно бросили. Пока происходила эта безобразная сцена и пассажиры столпились, глазѣя на обнаженное безчувственное тѣло, старуха продолжала сидѣть все также безучастно и бровью не моргнувъ, когда волокли ея Митрія. Она точно и не видѣла этого. Только мальчуганъ еще испуганнѣе къ ней прижался и недоумѣвающими, колеблющимися, какъ будто, глазами, провожалъ тѣло отца. Въ это время по лѣстницѣ раздались быстрые шаги и въ каюту спѣшно вошла молодая женщина, прилично, даже съ претензіей одѣтая, съ головой, повязанной шелковымъ платкомъ. Я съ изумленіемъ установился въ ея лицо. Это было лицо въ полномъ смыслѣ русской красавицы: чернобровое, румяное и бѣлое, съ пунцовыми губками и карими бархатными глазами. Правильныя черты его и нѣжный овалъ напоминали портреты малороссійскихъ красавицъ.

Въ настоящую минуту лицо это было пасмурно и злобно.

— Гдѣ Митрій? отрывочно бросила она.

— Тама... наверхъ снесли... равнодушно отвѣтила старуха.

— Господи! Чтожь это? отчаянно проговорила красавица.—Какъ же это мы... куда же его бросили?.. Вещи... деньги при немъ...

— Пьянъ очень...

Мальчуганъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, жалобно всхлипнулъ.

— Опять Мишку билъ? съ злобнымъ испугомъ уставилась она на мальчика.

Мишка только сильнѣй всхлипнулъ, а старуха молчала. Красавица скользнула своими огненными глазами по мнѣ, по другимъ пассажирамъ, также любовавшимся ею и, ярко вспыхнувъ, нагнулась къ вещамъ. Черезъ нѣсколько секундъ она вытащила изъ кучи плащъ и измятую шапку и съ ними рванулась къ дверямъ.

Раздался пронзительный свистокъ. Я машинально поднялся и послѣдовалъ за ней. Она торопливо пробралась между густой толпой, завалившей палубу, и сошла на мостки. Тамъ, нѣсколько поодаль, собралась кучка сѣраго люду и безсмысленно смотрѣла на безчувственное тѣло пьяницы. Красавица растолкала и ихъ, и живо нагнулась къ нему.

— Дмитрій, опомнись!.. Дмитрій, толкала она его. Но синее лицо его не подавало признаковъ сознанія.—Господи, что же дѣлать-то глухо выговорила она себѣ, стискивая и оскаливая, какъ разъяренный звѣрь, рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ.

— Да о чемъ вы безпокоитесь? нагнулся я къ ней.

— Какъ о чемъ?.. Что же съ нимъ-то теперь дѣлать?..

— Оставьте его здѣсь, или сами останьтесь съ нимъ.

— Да какъ оставить одного?.. Деньги съ нимъ!

— Тогда останьтесь сами.

— А тѣ-то что же?.. Ребенка со старухой однихъ пустить?

— Тогда и ихъ выведите.

— Да вѣдь билеты взяты, вещи, багажъ сданъ... Господи, Господи!..

Въ это время засвистѣлъ второй свистокъ. Красавица вздрогнула и дико оглянулась.

— Теперь ужь не поспѣете. Мой совѣтъ—оставьте его. Ничего не станется среди бѣлаго дня. Выспится и съ слѣдующимъ пароходомъ пріѣдетъ.

— Но деньги...

— Да что же деньги; украдутъ ихъ, что-ли? раздались голоса зѣвакъ. Чай народъ крещеный... Чего испужались?..

— Возьмите вы деньги съ собой, а оставьте ему только на проѣздъ. Я вотъ скажу полицейскому, чтобы распорядились въ гостинницу свезти его.

Красавица, не долго думая, вынула изъ боковаго кармана мужа тугой бумажникъ, одну десятирублевку изъ него запихнула туда обратно, а бумажникъ опустила къ себѣ въ карманъ. Я же подозвалъ угрюмаго полицейскаго и строго-настрого вмѣнилъ ему въ обязанность доставить пьянаго въ гостинницу, обѣщая черезъ нѣсколько дней навѣдаться о немъ у полиціймейстера. Когда все это было улажено, пьяница былъ накрытъ плащемъ, а на голову его надвинута шапка, засвистѣлъ и третій свистокъ. Мы съ красавицей едва успѣли вбѣжать на палубу. Пароходъ отвалилъ медленно, описывая кругъ.

Войдя опять вслѣдъ за красавицей въ нижнюю каюту, я не отрывалъ уже отъ нея глазъ, пока она рылась въ вещахъ и перебрасывалась отрывочными словами со старухой.

— Деньги отобрала... десять рублевъ оставила... доѣдетъ. По крайности на пьянство не хватитъ... сраму этого не будетъ; Господи, что за жизнь!.. Съ утра ранняго... при людяхъ... точно погодить не можетъ! До дому не доберется. Этакая вѣдь дрянь... скотъ! вдругъ вырвалось неудержимо злобнымъ порывомъ сквозь ея ярко заалѣвшія губки и, наклонивъ пылающее лицо къ безчисленнымъ узелкамъ, она судорожно стала перебрасывать платья. Поднявъ головку, она встрѣтилась глазами со мной, вспыхнула еще ярче и еще ниже наклонилась къ дивану.

Старуха продолжала сидѣть, какъ мумія, мальчуганъ присмирѣлъ и уже начиналъ бросать украдкой, сквозь слезы, любопытные взоры по сторонамъ. Мамы онъ, повидимому, не боялся и за свою измятую шевелюру былъ уже совершенно покоенъ.

Отобравъ кой-какія вещи, красавица стремительно отошла, бросивъ мальчугану:

— Ты, Мишка, сиди тутъ!.. за бабушкой присмотри!

Она скрылась за дверьми дамской каюты.

Я удобно расположился на выпроставшемся мѣстѣ и размышлялъ о случившемся. Красавица сильно задѣла мое воображеніе. Я рѣшился дождаться ее здѣсь и завести разговоръ. Въ ожиданіи этой минуты я развернулъ захваченныя газеты. Понемногу столичныя новости завладѣли моимъ вниманіемъ, и маленькій эпизодъ сталъ забываться. Я прочелъ все, даже объявленія, бросилъ газеты, зѣвнулъ, оглянулся, а ея все не было. «Спитъ видно», подумалъ я, и поэти-

ческій образъ красавицы отъ этого предположенія замѣтно поблѣднѣлъ.

Толстый купецъ, котораго пьяный Митрій назвалъ Алексѣюшкой, предобродушно на меня посматривалъ, сидя не въ далекѣ и тоже въ позѣ скучающаго туриста. Его широкое румяное лицо, обрамленное русой, вьющейся бородкой, голубые глаза и лоснящаяся плѣшь — весьма располагали къ себѣ. Я сочувственно отозвался на его вопрошающій взглядъ. Тогда онъ придвинулся ко мнѣ и завелъ разговоръ.

— Далеко-ли изволите ѣхать?

— Въ Павлово.

— А? Къ намъ, значитъ?

— Вы тоже оттуда?

— 25 лѣтъ тамъ живемъ. Торговлю винную держу.

— Вотъ кстати. Значитъ, вы мнѣ можете кой-какія свѣдѣнія дать о вашемъ Павловѣ?,,

— Какія угодно-съ! Знаемъ, въ подробности можно сказать.

— Я бы хотѣлъ у васъ кой-что поразспросить о знаменитомъ Варыпаевѣ, павловскомъ волостномъ старшинѣ.

— То есть бывшемъ. Его недавно отрѣшили отъ должности.

— Да? Это послѣ слѣдствія?

— Уже съ мѣсяца два отрѣшили. Надо полагать сначала еще.

— Ну-съ, такъ вотъ объ немъ. Вы его хорошо знаете?..

— Еще бы не знать! Двадцать пять годовъ вмѣстѣ живемъ. Да что вамъ сказать?.. Воръ, мошенникъ, плутъ, обобралъ село...

— Значитъ, это правда?..

— То есть что?.. что онъ мошенникъ?

— Да!

— Еще бы не правда. Спросите любаго у насъ. Только не изъ его сродственниковъ, а то еще не изъ «пожарныхъ».

— Какихъ такихъ пожарныхъ?

— Варыпаевская гвардія, баши-бузуки. Пожарную команду у насъ составляютъ!.. Гольтьба самая, нищіе, пьяницы, оборванцы. Они всѣ на содержаніи у Варыпаева, горой стоятъ за него... А сродственники, тѣ и подавну. Вонъ, къ примѣру, этотъ пьяный Митрій, изволили видѣть, чай, — племянничекъ родной. Оборванцемъ мальчишкой бѣгалъ по селу, а теперь подите, фабрику свою имѣетъ, тысячи вонъ, сказывалъ, везетъ. И вѣрно везетъ. На ярмаркѣ весь товаръ продалъ... Супругу какую раздобылъ, разодѣлъ какъ!.. Все это дядюшкины рублики. Какъ же онъ станетъ ругать его? А такихъ, какъ онъ, порядочно наберется въ Павловѣ. Но большинство-то все-таки скажутъ правду... Только осторожно надо спрашивать, потому что запуганы. Ужь очень имъ Варыпаевъ памятенъ, страшенъ. Не вѣрятъ еще, что могутъ судить его, что отберутъ должность. Многіе такъ просто увѣрены, что не сегодня-завтра Варыпаевщина опять воцарится и согнетъ всѣхъ въ бараній рогъ; по прошлымъ примѣрамъ, значитъ, судятъ. Вѣдь не въ-первой ему быть подъ слѣдствіемъ. Кажный годъ, чай, слѣдствіе велось, и всегда онъ сухъ изъ воды выходилъ. Да и какъ же иначе быть? Въ Петербургѣ часто бываетъ, съ министрами знакомъ, кафтанъ золотой носитъ — сила, значитъ. Вонъ и сейчасъ въ народѣ ходитъ молва, что Варыпаевъ самому Государю поѣхалъ жаловаться на слѣдователя, значитъ, прокурора, на самаго губернатора. Говорили, что и слѣдователя за него убрали, и губернатору, значитъ, конецъ пришелъ... Государь больно любитъ нашего дѣдушку, насмѣшливо улыбнулся мой собесѣдникъ.

— Что за вздоръ такой?.. Кто этому можетъ вѣрить?..

— Вѣрятъ, вѣрятъ, потому обстоятельства такъ складываются. Если этакій воръ, къ примѣру, тринадцать лѣтъ правитъ селомъ, состояніе громадное составилъ, дома, вотъ теперь себѣ строитъ, одинъ—такъ дворецъ просто—съ рѣзьбой, съ колонками тамъ, балкончиками, чортъ знаетъ чѣмъ, тысячъ въ 30 обойдется, чай, такъ ужъ если на все это начальство сквозь пальцы смотрѣло тринадцать лѣтъ, значитъ такъ и слѣдуетъ, такъ и дальше будетъ. Вѣдь на всѣ жалобы, доносы, просьбы, а имъ и числа нѣсть — каждогодно подавали, ему только награды шли: кафтаны съ позументомъ, медали вѣшали, въ примѣръ всей губерніи, всей Россіи, можно сказать, ставили. Какъ же не вѣрить? Значитъ, сила могучая и впрямь съ министрами знакомъ, къ Царю вхожъ!..

— Какой вздоръ, какой вздоръ!

— Ну, вотъ, подите!.. Вздоръ-отъ вздоръ, а и правды много есть. Что бываетъ Варыпаевъ въ Петербургѣ—это вѣрно. Что вхожъ къ министрамъ—тоже вѣрно, потому онъ хлопоталъ тамъ о ссудѣ для нашихъ артелей и выхлопоталъ. Что хорошаго объ немъ тамъ мнѣ-

нія — тоже вѣрно, потому не даромъ же пожаловали кафтанъ, медали. А что онъ сила у насъ—и того еще понятнѣй. Деньги есть. А съ деньгами чего не сдѣлаешь?.. Онъ и адвокатовъ при себѣ постоянныхъ держитъ и репортеровъ и агентовъ всякихъ. Какъ зашевелится это что противъ него, сейчасъ аблокаты-то эти самые скачутъ въ Нижній, къ тому, другому сунутся, того ублажатъ, того умаслятъ, и такія фортеціи воздвигаютъ, что никакимъ лбомъ не прошибешь. Корреспонденты въ это самое время строчатъ въ газеты статьи, гимны, значитъ, хвалебные ему составляютъ, благодѣтелемъ села, а то и всего рода человѣческаго прозываютъ, объ интригахъ гнусныхъ туда же вставятъ, — и выходитъ ладно. Со стороны прочтешь, геній — подумаешь. Святой старецъ. А въ самомъ Павловѣ пожарные да племяннички изъ дому въ домъ ходятъ, народъ подговариваютъ, на угощеніе къ старшинѣ зовутъ. Кому водки, кому денегъ, кому обѣщаніе, кому и тычка въ зубы, кого и по міру пустить пригрозятъ—такъ дѣло и оборудуютъ! И съ верху, значитъ, и съ низу, и съ боковъ, разомъ атаку ведутъ. И выходитъ чисто. Ни сучка, ни задоринки. А на всякій случай, дѣдушка и самъ не зѣваетъ. Оградилъ онъ себя такой стѣной, такими батареями, можно сказать, что и чортъ ногу сломаетъ, пока доберется. Вы можете себѣ представить, что изъ 13-ти лѣтъ, какъ онъ у насъ старшиной, пожалуй, ну... можетъ быть мѣсяца три, въ общей, значитъ, сложности при должности онъ находился. Все остальное время его не было. Не онъ, значитъ, и отвѣтчикъ.

— Вотъ это мудрено! Какъ же это?

— А такъ-съ. Все въ отпускахъ; въ году можетъ недѣли двѣ-три при должности. А за него правитъ кандидатъ. Парень глупый, бѣдный. Варыпаевъ такого нарочно себѣ подбираетъ, чтобы вертѣть можно было по надобности. Какъ нужно совершить какую кляузу, Варыпаевъ и уѣзжаетъ, будто въ отпускъ, а кандидата своего и надолбитъ въ надлежащемъ направленіи. Отпускъ-то онъ возьметъ на три мѣсяца, а уѣдетъ на три недѣли, остальное время считается въ отпуску, а живетъ дома и вертитъ всѣмъ. Такимъ манеромъ онъ и здѣсь, и нѣтъ его. Къ дѣлу непричастенъ. Подлогъ тамъ подмахнуть, цифры дутыя подставить, стибрить что, все это за подписью кандидата. Самъ-отъ голова всему, думаетъ, а работаютъ чужія руки.

Руки, значитъ, и въ отвѣтѣ будутъ, коли напасть какая стрясется. А онъ—чистъ и сухъ.

— Да онъ совсѣмъ умница у васъ! воскликнулъ я.

— Не глупъ, не глупъ! Голова съ мозгами. Другой бы ужъ давно не «въ столь отдаленныя» укатилъ. А онъ вотъ и теперь, подите,—отъ должности уволили, улики важныя собрали, не сегодня, завтра судить будутъ, упекутъ чего добраго,—и въ усъ себѣ не дуетъ. Черезъ агентовъ своихъ все знаетъ, всѣмъ ворочаетъ. Грозитъ, что скоро вернется, да задастъ тогда супостатамъ своимъ, тѣмъ, значитъ, что на слѣдствіи показывали противъ него. И можетъ статься. Коли изъ дѣла-то настоящаго ничего не выйдетъ, какъ изъ всѣхъ допрежнихъ, да захочетъ онъ опять быть старшиною — выберутъ, навѣрное, выберутъ! Вотъ только самъ появится да поведетъ атаку.

— Гдѣ же онъ теперь?

— А Богъ его знаетъ. Кто говоритъ: у Царя гоститъ въ Питерѣ, кто—за границей, кто—на Кавказѣ, водами лечится. Послѣднее, впрочемъ, вѣрнѣе. Онъ и зимой собирался туда. Починиться хочетъ. Отъ трудовъ да подвиговъ земныхъ больно слабъ сталъ.

— Какъ же ведутъ слѣдствіе безъ него?

— Да онъ нарочно и не пріѣзжаетъ. Ему зачѣмъ? Бумаги подписаны не имъ, значитъ и допрашивать его не зачѣмъ. А потребуется, тогда и явится, если только еще отыщутъ. Все равно, вѣдь онъ и оттуда руководитъ всѣмъ. Вотъ, напримѣръ, послѣднее дѣло. Ужъ я и не знаю, какъ назвать его! Просто глазамъ, ушамъ не вѣришь!

— А что?..

— Да какъ же! Надо вамъ сказать, что Варыпаевъ въ большой дружбѣ съ однимъ виноторговцемъ нашимъ, павловскимъ. По желанію Варыпаева, общество и отдавало ему свои кабаки въ аренду, за 18 тысячъ въ годъ. Тысченки двѣ-три, понятно перепадали отъ этой операціи въ карманъ Варыпаева. Вотъ я и предлагаю сходу, въ прошломъ году еще это было, дать двадцать тысячъ за эти же кабаки. Сходъ, однако, постановляетъ: отдать кабаки старому арендатору, въ убытокъ, значитъ, себѣ. Какъ постановляетъ—объ этомъ и распространяться нечего. Спросите любаго, какія тутъ штуки дѣдушка выкидываетъ! Только, когда его въ послѣднее время-то устра-

нили, и сходъ избралъ уже новаго старшину, вопросъ этотъ и возбудился вновь. Говорятъ, нельзя же намъ убытки терпѣть изъ-за каприза Варыпаева. Прежній приговоръ составленъ посредствомъ насилія, подложно даже, можно сказать, слѣдовательно нужно составить новый. Составили такой приговоръ и громаднымъ большинствомъ подписали. Постановленіе такое, что если старый арендаторъ не согласится надбавить 2 т. р. аренды, значитъ, отдать кабаки мнѣ. Хорошо. Уѣздное присутствіе утвердило, на томъ и покончили. Дали знать старому арендатору. Требуютъ добавки. Тотъ молчитъ. Требуютъ хоть платы за истекшую треть—молчитъ и не платитъ. Тогда уполномоченные отъ общества въ судъ: такъ и такъ, просимъ наложить арестъ. Судъ уважилъ, наложили арестъ на заведенія на 5 тыс. руб. Только тогда старый арендаторъ и объявился: крикъ поднялъ, гамъ. «Я, говоритъ, впередъ уплатилъ». — «Когда»?.. — «Въ прошломъ году»! — «Кому»?—«Варыпаеву»! Глядь въ книги, и впрямь записано на приходѣ 3 т. р. «Куда ушли»?.. «На уплату податей», говоритъ волостной писарь, тоже Варыпаевское отродье. А податей и посейчасъ въ недоимкѣ тысячъ 15 съ села наберется. Такъ эти денежки и ухнули. Потужили мужички и рѣшили хотя остальныя три тысячи за треть стребовать. Тотъ, въ концѣ-концовъ, и обѣщалъ, обѣщалъ даже надбавить двѣ, и срокъ назначилъ когда все уплатитъ, чуть ли не сегодня и срокъ. Теперь представьте себѣ, что сейчасъ-то узнаю!.. Вижу на пристани вертится эта юла, Рыжикъ, варыпаевскій аблакатъ, Блевакой прозывается у насъ. Думаю, не спроста; не безъ дѣла попалъ въ Нижній этотъ дѣлецъ. «Ты за чѣмъ здѣсь?» спрашиваю. Онъ какъ будто опѣшилъ сначала, а потомъ фертомъ этакимъ и говоритъ мнѣ: «по дѣламъ въ судъ являлся».— «По какимъ дѣламъ?..» —«Все на счетъ питейныхъ заведеній, говоритъ, протестъ подалъ отъ общества».—«Отъ какого общества?..»— «Вѣстимо отъ нашего», говоритъ бестія.—«Да какой протестъ? Противъ чего? Каверзу опять затѣялъ?..»—Нѣтъ-съ, говоритъ, протестъ законный, подписанъ большинствомъ. Противъ ареста на кабаки».— «Ахъ ты такой, сякой! Да какъ же ты смѣлъ этакую подлость подводить? Вѣдь общество тебя суду предастъ за подлогъ»!..— «Никакого, говоритъ, я подлога не совершалъ и на подлости вообще не способенъ». Это онъ-то, Блевака нашъ, не способенъ... вставилъ купецъ, съ величайшимъ пораженіемъ. Потомъ говоритъ:

«А въ доказательство этого знай вотъ, что судъ уважилъ мои ходатайства, призналъ протестъ законнымъ и, на основаніи какой-то тамъ статьи, запретъ велѣлъ снять. Уже распоряженіе по этому предмету сдѣлано...» Ну, каково вамъ это покажется?.. А?.. вскочилъ даже съ мѣста негодующій купецъ. Да онъ на верху, на палубѣ, съ нами ѣдетъ! Хотите, покажу вамъ это диво? Плоть и кровь отъ Варыпаева. Всѣ подлости съ нимъ творилъ... Хотите позову?..

— Нѣтъ, нѣтъ, потомъ! Наверху какъ нибудь познакомимся... Еще до вечера успѣемъ.

— Ну, какъ хотите! А субъекта посмотрѣть слѣдуетъ... Онъ усѣлся на мѣсто и, послѣ короткаго молчанія, продолжалъ:

— Вотъ, подите теперь. Хлопотали, бились, всѣхъ подняли на ноги, думали—ну, свободны, наконецъ, а выходитъ, извините за выраженіе,—шишъ! Варыпаевъ, видно, и въ грязяхъ-то кавказскихъ купаючись, за тысячи верстъ отъ Павлова, все сильнѣй насъ вотъ всѣхъ, что не вылазимъ изъ павловской грязи... Т. е. я воображаю себѣ, какая каша опять заварится!.. Мнѣ что? Я свободный человѣкъ коммерсантъ. До дѣловъ общества мнѣ дѣла никакого нѣтъ... Ну, а вотъ голь-то наша общественная, когда придется ей вытащить изъ дырявыхъ кармановъ еще три тысячи, своихъ кровныхъ, что подарили кабатчику,—что запоютъ тогда? Увидимъ!

— Какъ же это все такъ просто, удобно творится?.. Никому дѣла нѣтъ до этого?..

— Да то-ли у насъ творится?.. Я многихъ подробностей и самъ не знаю, потому не тѣмъ дѣломъ занятъ. А если бы хоть то, что знаю, сталъ разсказывать, до Павлова, куды, до Орла хватило-бы. Помилуйте-съ!.. Тринадцать лѣтъ, сударь, живемъ и любуемся этой картиной. Вѣдь это жизнь, можно сказать, цѣлая. Съ самаго-отъ пожара нашего, какъ забралъ онъ власть въ руки, такъ и царитъ съ тѣхъ поръ. А до чего довелъ село?.. Вотъ будете, увидите сами. Заранѣе хаять не стану. Сами убѣдитесь!.. Да что долго толковать? Возьмите самый простой разсчетъ. Павлово даетъ чистаго ежегоднаго дохода съ разныхъ доходныхъ статей свыше 35 тысячъ рублей, можно сказать, даже до 40 тысячъ. Ну-съ, а къ настоящему году на Павловѣ числится разныхъ долговъ до 100 рублей и въ кассѣ ни гроша, ни единой запасной копѣйки. Вотъ вамъ и вся недолгая... При семъ, замѣтьте, въ селѣ нѣтъ ни мостовыхъ, ни освѣщенія, ни

больницы, ни школы порядочной, ни даже приличнаго волостнаго правленія. Сами увидите...

— Алексѣй Петровичъ! отозвался кто-то изъ противоположнаго угла каюты.

— Что тамъ?.. Сейчасъ!.. И замѣтьте еще, прибавилъ онъ, вставая и нагибаясь ко мнѣ, что въ Павловѣ до 20 тысячъ жителей, изъ которыхъ только около *двухъ* тысячъ принадлежатъ собственно къ павловскому обществу и располагаютъ, слѣдовательно, этимъ доходомъ. А между тѣмъ, взгляните на нихъ! Это-то и есть самая шваль, самая голь, нищета наша. На нихъ-то и считается теперь сто тысячъ долгу...

— Алексѣюшка!.. Въ трынку будешь, чтоль?.. отозвался опять полупьяный голосъ.

— Сейчасъ, иду!.. За 13-то лѣтъ по 40 тысячъ и сосчитайте что выйдетъ, убѣдительно улыбнулся купецъ, уже отступая отъ меня. Что можно сотворить на этотъ капиталъ и что сдѣлано. Увидите! сами, убѣдитесь... А почему?.. Потому что у дѣдушки карманы широкіе, да ручки цѣпкія, совсѣмъ уже весело прокричалъ онъ мнѣ изъ противуположнаго угла, показывая при этомъ выразительной мимикой на свои оттопыренные карманы. Въ трынку не прикажете-ли?..

— Благодарю, не имѣю понятія!

— Выучимъ!

— Благодарю, я вообще не играю.

Десятокъ развеселыхъ поддевокъ, пиджаковъ и длиннополыхъ кафтановъ усѣлись за карточнымъ столомъ, вокругъ котораго зрителями собралась и вся остальная компанія каюты. Старуха сидѣла также прямо и неподвижно, какъ полчаса тому назадъ, устремивъ свой безжизненный взглядъ въ ту же точку. Мальченокъ растянулся на мѣстѣ отсутствующаго папеньки и, положивъ, какъ и тотъ, головку свою на колѣни старухи, безмятежно спалъ. Я поглядѣлъ на нихъ, издали на группу играющихъ,—и ничего умнѣе не придумалъ какъ завалиться самому. Однообразный плескъ волны о бортъ, однообразное вздрагиваніе и покачиваніе парохода, однообразный звонъ мелкой монеты и щелканіе картъ о столъ, однообразныя: «куплю», «пасъ», «одну», «двѣ», «три», «свинья», «мошенникъ» и прочіе невыразимые звуки, гарнировавшіе купеческую трынку, —все это

вмѣстѣ довольно скоро убаюкало мое усталое отъ безсонной ночи тѣло. Я сладко проспалъ до самаго обѣда, т. е. до 5 часовъ вечера и не почувствовавъ, какъ въ это время нашъ маленькій пароходикъ барахтался и пыхтѣлъ, чтобы не погрязнуть въ рыхлыхъ пескахъ обмелѣвшей Оки, на позоръ ея широкому руслу, на смѣхъ крутымъ и живописнымъ берегамъ...

Когда я поднялся въ рупку, тамъ было уже просторно. Винтеры все еще сидѣли у карточнаго стола, но ни закутанныхъ бабъ, ни ихъ пузатыхъ узелковъ уже не было.

Хорошенькія дѣвочки взмостились теперь на диванъ и, стоя на колѣнкахъ, любовались рѣкой черезъ окно. Ихъ бѣлые шерстяные платки были откинуты на плечи, обнаруживая двѣ русыя, какъ двѣ капли воды похожія на себя головки. Партнеры, за исключеніемъ элегантнаго телеграфиста, были растегнуты. Лица у нихъ потныя, усталыя, точно бурой дымкой подернутыя, глаза слегка масляные. Возлѣ стола, на диванѣ, красовался подносъ съ водкой и закусками. Отъ него распространялся весьма ѣдкій спеціальный запахъ; въ комнатѣ было все также дымно и душно.

Я заказалъ обѣдъ, и, въ ожиданіи его, вышелъ на палубу. Холоднымъ и сырымъ воздухомъ пахнуло мнѣ въ лицо. Сплошныя тучи на небѣ разорвались и, въ безпорядкѣ нагроможденныя другъ на друга, неслись къ югу. Горизонтъ на западѣ очистился и оттуда сверкало уже яркое, но холодное августовское солнце. Широкая рѣка купалась теперь въ этихъ косыхъ лучахъ, какъ бы награждая себя за долгую безпросвѣтную хмурь, за назойливо хлеставшій ее, вотъ уже нѣсколько дней, мелкій дождь. Теперь поверхность ея весело рябилась, заигрывая съ ясными лучами солнца.

Палуба была вся мокрая, какъ и толпа пассажировъ, расположившихся кто на скамейкахъ, кто прямо на полу. Носовая часть парохода, за рупкой 1-го класса, была вся завалена богажемъ, прикрытымъ брезентомъ. Въ неуклюжихъ складкахъ этого брезента образовались лужи воды; тамъ и сямъ изъ подъ него торчали мужицкія ноги въ чудовищныхъ сапожищахъ. Изрѣдка ноги эти шевелились, и тогда распускавшіяся складки брезента проливали потоки воды, которыя стекали на палубу, или задерживались новой складкой, чтобы образовать новую живописную лужицу. Солнце очень красиво озоло-

тило эти крошечныя озера, вздрагивающія и переливающіяся подъ его лучами, какъ вздрагивалъ и весь корпусъ парохода.

Толпа была молчалива. Кто спалъ, кто дремалъ, кто безцѣльно уставился въ воду, кто нетороцливо закусывалъ изъ забранныхъ пожитковъ. Только однообразный окликъ лоцмана, съ присущей ему характерной интонаціей, прерывалъ общую тишину.

— Шесть... пять... пять съ половиной... шесть... табакъ... *) шесть.. пять... четыре съ половиной... четыре.. три съ половиной... три...

Съ вышки раздается глухой приказъ капитана и однообразныя чиканія машины внезапно умолкаютъ; остается только сухой, короткій стукъ какого-то неостановленнаго еще колеса.

— Три... три... два съ половиной... продолжаетъ выкликать лоцманъ,—и голосъ его теперь звучитъ рѣзко, почти повелительно. Съ вышки опять глухой приказъ и короткій стукъ тоже умолкаетъ. Въ наступающей затѣмъ торжественной тишинѣ, только плескъ разсѣкаемой волны, да веселыя яркія брызги, заигрывающія съ гордымъ носомъ парохода, не поддаются еще общему настроенію. Но скоро и они умолкаютъ, по мѣрѣ того, какъ все осторожнѣе и медленнѣе пробирается пароходъ; точно унизительно для нихъ играть съ такимъ трусливымъ и лѣнивымъ товарищемъ.

— Два съ половиной... два съ половиной... грозно окликаетъ лоцманъ, и непривычный путникъ чувствуетъ себя нѣсколько жутко.

— Два... гремитъ съ носа, но этого оклика уже никто не слышитъ. Зловѣщій шорохъ подъ ногами внезапно разражается трескомъ... пароходъ ударился объ дно...

Вы летите впередъ, тыкаетесь въ стѣну, въ пустоту, въ сосѣда пассажира.

Всѣ колеса машины начинаютъ яростно дѣйствовать, вода бурлитъ, пѣнится, пароходъ весь дрожитъ, точно испуганный конь передъ препятствіемъ, то и дѣло слышится трескъ, чувствуются какъ бы подземные толчки, еще нѣсколько разъ сшибаетъ васъ съ ногъ, и наконецъ, или прорѣзавъ мель, пароходъ опять гордо и ровно несется

*) Окскіе лоцмана употребляютъ это выраженіе, когда уровень воды выше дѣленій шеста.

впередъ, или, самъ врѣзавшись въ нее, умолкаетъ, останавливается, чтобы, собравшись съ силами, сдвинуться хоть назадъ.

Въ описываемую минуту мы прошли мель благополучно, храбро прорвавшись на проломъ. Я держался за стѣнку рубки, сонные мужички стукались другъ объ дружку лбами, локтями и чѣмъ попало, а живописныя лужицы на брезентѣ, придя въ неописанное волненіе, зазмѣились между складками, какъ молніи, сливаясь, разливаясь и стекая цѣлыми потоками на барахтающіяся подъ ними ноги.

Нельзя было безъ улыбки смотрѣть на этотъ маленькій переполохъ на палубѣ, болѣе, впрочемъ, пассивный, чѣмъ активный. Когда нашъ пароходъ вновь побѣжалъ по гладкимъ струямъ рѣки, а лоцманъ, повторивъ нѣсколько разъ „табакъ", по свистку капитана, сложилъ шесть у борта, все пришло въ прежній спокойно-апатичный видъ, только нѣсколькихъ лужицъ на брезентѣ недоставало.

Вздрагивая отъ холода и сырости, я поспѣшилъ вернуться въ рубку. Тамъ уже дымилась моя уха, янтарная и ароматная...

У карточнаго стола произошла какая-то размолвка. Партнеры сидѣли въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я ихъ увидѣлъ въ первый разъ, т. е. толстый военный игралъ съ блѣднымъ телеграфистомъ, тощій—съ рябымъ господиномъ въ поддевкѣ. Телеграфистъ сидѣлъ лицомъ къ окошку, такъ что каждая черта его лица была мнѣ хорошо видна. Дѣвочки умостились на диванѣ возлѣ отца (такъ мысленно назвалъ я толстаго военнаго) и смотрѣли на игру уже далеко не съ тѣмъ восторгомъ и любопытствомъ какъ утромъ. Скука и усталость потушили блескъ ихъ прекрасныхъ глазъ, особенно у старшей, которая и не взглядывала уже на интереснаго телеграфиста. Уголки ея розовыхъ губокъ преуморительно опустились, точно она плакать собиралась; блѣдныя щечки стали еще блѣднѣй.

«Вѣроятно ѣсть хочетъ», разсудилъ я, поймавъ нѣсколько жадныхъ и завистливыхъ ея взглядовъ въ мою сторону.

— Да-съ! Не хорошо-съ! Не хорошо-съ, Филиппъ Филипповичъ, укоризненнымъ басомъ тянулъ толстый военный.

— Т. е., что же не хорошо?.. спросилъ блѣдный телеграфистъ нервно, взглядывая на партнера.

— А надувать-то. Не были вѣдь!..

— Да былъ же, говорю вамъ. Васъ дома не было.

— Прислуга сказала бы, кабы были!

— Ну ужъ этого-то я не знаю.

— А я вотъ знаю, что не были. Во-первыхъ, мои дѣвочки оставались въ номерѣ; значитъ, не могли вамъ сказать, что никого нѣтъ. Во-вторыхъ, я еще нарочно, уходя, сказалъ коррйдорному, что можетъ кто будетъ, такъ чтобы подождали. Ключъ нарочно оставилъ. Какъ же могло случиться, что вамъ этого не сказали?... Сочинять изволите.

Телеграфистъ только пожалъ плечами и сердито уставился въ карты.

— А мы изъ-за васъ-то, почитай, и пріѣхали на ярмарку. Дѣвченокъ, думалъ, поведете гулять, въ циркъ, въ театръ сходите... Лена, та все только и поджидала васъ. Правда вѣдь, Леночка?

— Ждала, потому-что обѣщали придти, отвѣчала старшая дѣвочка равнодушнымъ голоскомъ и съ равнодушнымъ лицомъ. Она все чаще взглядывала теперь на меня, или, вѣрнѣе, на мою уху; щечки и глаза ея разгорѣлись.

— Вотъ видите!.. А мы три дня и проскучали такъ. Дѣвочки почти изъ номера не выходили. Это, я вамъ доложу, не хорошо-съ, Филиппъ Филипповичъ! Не честно даже...

— Оставимте пожалуйста этотъ разговоръ, блѣднѣя и кусая губы, выговорилъ телеграфистъ.

— Можно и оставить!.. Только вѣдь отъ этого по вашему не выйдетъ. Надули, надули-съ...

— Господа, Михаилъ Петровичъ, бросьте же наконецъ, право надоѣло, вмѣшался рябой господинъ, замѣчая раздраженіе телеграфиста. Что вы скажете? Вамъ говорить, Михаилъ Петровичъ.

— Я? Мнѣ развѣ говорить?.. Да я пасъ.

Игра продолжалась. Къ слѣдующей сдачѣ, однако, толстый военный вновь забасилъ.

— Такъ-то такъ!.. Даромъ насъ въ расходы только втянули. Нашли тамъ вѣрно какую мамзель изъ пріѣзжихъ, а старыхъ-то знакомыхъ по боку. Не ожидалъ отъ васъ...

— Михаилъ Петровичъ! слегка дрожащимъ голосомъ прервалъ его телеграфистъ. Послѣ того, что вы меня прямо назвали лгуномъ, послѣ того какъ я васъ просилъ прекратить этотъ разговоръ, я право не понимаю чего вамъ еще угодно? Я не желаю васъ слушать, понимаете-ли, *не желаю,* и прошу прекратить ваши шутки. Иначе я сейчасъ уйду!..

Толстый военный, все время трунившій въ самомъ добродушномъ тонѣ, теперь съ удивленіемъ воззрился на своего блѣднаго партнера, у котораго даже зубы подергивало. Онъ, въ свою очередь, теперь слегка поблѣднѣлъ и уже готовился возразить что-то гнѣвное, когда остальные партнеры разомъ вмѣшались.

— Господа, да оставьте же!.. Вѣдь срамъ просто изъ такихъ пустяковъ. Филиппъ Филипповичъ, ну, будетъ, не сердитесь!.. Пошутилъ вѣдь маіоръ...

— Я не понимаю такого рода шутокъ, когда меня лгуномъ называютъ публично...

— Потому такъ и есть!.. пробасилъ, смотря себѣ въ карты, маіоръ.

— Милостивый гос... Телеграфистъ поднялся отъ стола и, казалось, готовъ былъ швырнуть картами въ лицо маіора.

Оба другіе партнера съ испуганными лицами ухватились за его руки; въ то же время обѣ дѣвочки подскочили и прижались къ отцу. Телеграфистъ страшными глазами пожиралъ маіора, а тотъ равнодушно перебиралъ свои карты. Только легкое дрожаніе пальцевъ, да учащенное дыханіе выдавали его волненіе. Лена, припавъ къ рукѣ отца, пожирала, въ свою очередь, глазами телеграфиста; въ ея взорѣ вспыхнулъ цѣлый пожаръ: и негодованіе, и страхъ, и мольба, и любовь, и приказъ.

Секунды двѣ продолжалась эта безмолвная и характерная сценка. Будь тутъ художникъ, онъ бы навѣрно воспроизвелъ ее на полотнѣ. Но, кромѣ меня и участниковъ драмы, никого въ рункѣ не было. Наконецъ, телеграфистъ встрѣтился взоромъ съ Леной и, мгновенно опустивъ свои глаза, самъ опустился на стулъ.

— Господа, да что же это такое, наконецъ?.. разсердились уже остальные партнеры. Играть мы сѣли, или скандальничать?. Вѣдь знай я, ей-богу, не сѣлъ бы...

— И я бы не сѣлъ.

— Дайте хоть роберъ кончить!.. Вѣдь намъ одну партію осталось взять!.. Въ кои-то вѣки повезетъ, и тутъ хотятъ попутать, жалобно пищалъ тощій военный. Ну, что-жъ, будемъ играть, или бросимъ?.. Филиппъ Филипповичъ!

— Я докончу... отрывочно вымолвилъ тотъ.

— Ну и прекрасно, говорите масть!..

Игра опять продолжалась. Скоро рябой господинъ съ тощимъ военнымъ записали себѣ партію и роберъ. Телеграфистъ, подсчитавъ свои записи, всталъ и досталъ бумажникъ.

— Филиппъ Филипповичъ, отозвался маіоръ совсѣмъ мягкимъ басомъ. Ну, не сердитесь! Давайте руку, я виноватъ!

— Я не сержусь, только такъ нельзя... Онъ пожалъ протянутую ему руку. Вы знаете мой характеръ, а все пристаете. Нарочно развѣ...

— Ну, не буду, не буду!.. Только на этотъ разъ ты не совсѣмъ правъ... Не былъ вѣдь у меня, шельма.

— Опять?.. Господи!

— Не былъ, не былъ! А теперь давай водки выпьемъ на мировую. Давай рюмку!..

Они чокнулись и выпили. Игра продолжалась мирно и чинно. Только блѣдность телеграфиста, да рѣдкое подергиваніе его губъ выдавали еще недавнюю бурю.

Черезъ полчаса общество сидѣло у большаго обѣденнаго стола; я примостился за опустѣвшимъ карточнымъ. Я взглядывалъ то въ окно, — на живописный правый, нагорный берегъ Оки, то на двухъ хорошенькихъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ прямо противъ меня. Онѣ ѣли съ самымъ завиднымъ аппетитомъ. Старшая, Леночка, поводила своими лучистыми глазами отъ одного къ другому и особенно радостно останавливала ихъ на своемъ визави—телеграфистѣ; она шаловливо, какъ маленькій ребенокъ, держала ложку обѣими руками и выдѣлывала съ ней всякія эволюціи. Губки ея блестѣли отъ жиру, подбородочекъ лоснился свѣжими щами. Вообще она дурачилась. Голодъ свой она повидимому утолила съ нѣсколькихъ ложекъ и теперь ѣла только для формы. Младшая, та была гораздо сдержаннѣе и ровнѣй.

Маіоръ уплеталъ селянку съ чисто военнымъ азартомъ, дѣлясь одной порціей съ телеграфистомъ. Дѣлежъ былъ не совсѣмъ ровный, но телеграфистъ и не думалъ обижаться. Онъ теперь держалъ себя совсѣмъ просто, смѣялся и болталъ. На Леночку онъ взглядывалъ съ видимымъ удовольствіемъ, взглядывалъ продолжительно и выразительно. Она-же выдерживала его взгляды не смущаясь, играла и

улыбкой и глазами. Вообще-же между ними какъ-будто установились прочныя и таинственныя отношенія. Недосказанное читалось во взглядахъ и улыбкахъ.

— Хотите щей... протягивала она ему свою тарелку?

— Хочу, давайте!

Онъ начиналъ ѣсть.

— Теперь давайте, я буду! И такимъ образомъ продѣлывали они съ каждымъ блюдомъ.

Послышался свистокъ. Вся компанія встрепенулась.

— Папа, папа, закричали дѣвочки. Подъѣзжаемъ!..

Въ золотистой дали, тамъ, гдѣ спряталось усталое солнце, обрисовалась громада высокой горы, а на ней неясно запестрѣли очертанія домиковъ. То былъ одинъ изъ мельчайшихъ и живописнѣйшихъ городковъ Нижегородской губерніи. Мы приближались къ нему очень быстро; скоро я явственно различалъ уже ряды, точно прилѣпленные къ кручи, домовъ. Величественные контуры зеленой горы рельефно вырѣзывались на фонѣ чистаго, золотомъ подернутаго неба.

Городокъ раскинутъ былъ терассами, весь купаясь въ зелени густыхъ садовъ. Между однообразными деревянными постройками, тамъ и сямъ весело и ярко глядѣли бѣлыя каменныя стѣны нарядныхъ домовъ. Два-три изъ нихъ были совсѣмъ хороши...

— Это дома богачей-купцовъ, пояснилъ мнѣ рябой господинъ, умѣстившійся теперь рядомъ со мной.

— Развѣ таковые здѣсь есть?.. улыбнулся я.

— Какже, милліонеры!.. хлѣбомъ торгуютъ.

— А городъ-то и весь здѣсь?

— На верху еще одна улица есть. Соборъ и присутственныя мѣста. Но вообще крошечный городишко. Павлово несравненно больше.

— Чѣмъ же существуютъ обитатели этихъ хорошенькихъ хижинъ?.. Кромѣ здороваго воздуха да красиваго мѣстоположенія...

— А сады! Посмотрите какіе сады! Лучшіе во всей мѣстности. И все вишневые. Вѣдь отсюда вишенъ столько вывозятъ, что пароходы ломятся. Въ хорошій годъ, пудовъ сто въ одинъ транспортъ. Эти же вотъ богачи и скупаютъ ихъ. Большія деньги на этомъ наживаютъ.. Тутъ вишнями только и живутъ; и платятъ, и получаютъ. Какъ взыскать съ кого,—сейчасъ арестъ на вишня. По векселю, по

исполнительному листу, все вишни. Вотъ, исправникъ-то здѣшній этотъ военный, указалъ онъ глазами на тощаго старичка. Такъ онъ только вишнями и собираетъ подати. Какъ приходитъ пароходъ, сейчасъ чиновника командируетъ, списокъ даетъ недоимщиковъ, тотъ и гуляетъ между корзинами. Эго чья? Такого-то! А эта? Моя! Тащи ее на пристань. Мужикъ въ ноги. Не разоряйте, запроданы уже. «Ага, такъ давай деньги!» Тотъ, понятно, и раскошеливается. А у кого нѣтъ, такъ вишни прямо и тащатъ къ исправнику. Тамъ съ публичнаго торга и продаютъ... Городъ вишневый совсѣмъ. И не бѣдный, можно сказать, потому доходъ получается изрядный. Только вотъ когда неурожай на этотъ фруктъ—бѣда. Нынѣшній вотъ годъ совсѣмъ плохъ. Совсѣмъ ягоды нѣтъ. Населеніе обнищало. Ни ѣсть, ни платить нечѣмъ.

— А вы тоже здѣсь живете?

— Нѣтъ, я дальше, за Павловымъ. Но жилъ здѣсь прежде годовъ шесть подрядъ.

— А эта вотъ компанія? указалъ я глазами на суетившихся съ вещами маіора, телеграфиста и дѣвочекъ.

— Эти здѣшніе. Маіоръ —воинскій начальникъ, этотъ вотъ—начальникъ телеграфа, а тотъ—исправникъ. Самая что-ни-на-есть аристократія Г—ая, улыбнулся онъ.

Пароходъ между тѣмъ плавно подошелъ къ пристани и масса народа толпой бросилась къ мосткамъ. Тамъ стояла шеренга разнощиковъ и разнощицъ съ печенкой, яйцами, булками и всякой снѣдью. Все это бралось приступомъ, копѣйки и всякая мѣдная монета падали въ корзины, а голодные путники тутъ же и приступали къ истребленію благопріобрѣтеннаго. Картина была весьма оживленная. Я любовался ею изъ открытаго окна, вдыхая холодный и ароматный воздухъ тихаго осенняго вечера.

Городокъ лежалъ покойный и мирный, окутанный зеленью и все болѣе сгущавшимися тѣнями. Ни улицъ, ни движенія, ни людей въ немъ не было видно. Только отъ пристани змѣилась въ гору черная, болотистая дорога, тутъ же, впрочемъ, у начала горы за поворотомъ и теряющаяся. По ней лѣниво подвигалось теперь нѣсколько тележекъ, въ одной изъ которыхъ я разглядѣлъ маіора съ двумя его хорошенькими дѣвочками.

Пароходъ свиснулъ—и толпа пассажировъ, какъ стая спугнутыхъ

вечернихъ птицъ, бросилась опрометью на мостки, немилосердно толкая другъ друга. За ними бросились и коммерсанты тухлой снѣди, по дорогѣ кончая разсчеты. Когда мостки уже сняли и пароходъ отчаливалъ, неустрашимые коммерсанты (исключительно женскаго пола) умудрялись еще бросать въ вытянутыя руки мужичковъ послѣдніе куски съѣдобнаго, ловко ловя взамѣнъ ихъ мѣдные алтыны.

Пароходъ медленно подвигался вдоль высокаго берега, и засыпающій городокъ съ его вишневыми садами, съ его меланхоличными домиками, такъ уютно и любовно прильнувшими къ зеленой горѣ, безмятежно и картинно плылъ мимо насъ. Вонъ на самомъ концѣ его большой бѣлый домъ съ колоннами и длиннымъ крытымъ балкономъ на рѣку. Два ряда оконъ увѣнчаны поднятыми маркизами, кругомъ желѣзная ограда съ бѣлыми каменными устоями. Издали и въ сумеркахъ онъ кажется гигантомъ. Точно роскошная вилла попала въ бѣдную деревушу.

— Чей это домъ? спросилъ я сосѣда.

— А это, вотъ, и есть резиденція самаго богача здѣшняго, купца Кулакова. Милліона два съ лишнимъ, говорятъ, имѣетъ...

Красивый домъ милліонера заканчивалъ собой городокъ Г. Я долго еще любовался имъ, размышляя объ ироніи судьбы, поставившей резиденцію милліонера у входа въ этотъ нищій захолустный городокъ, который и весь-то не стоилъ четверти его состоянія.

Одинокая гора и живописный городокъ скрылись наконецъ въ сгущающихся сумеркахъ; опять берегъ потянулся невысокими и неровными холмами, отражавшимися какъ въ зеркалѣ въ гладкой стали водъ. Воздухъ становился все холоднѣй и сырѣй. Я закрылъ окно и поудобнѣе усѣлся въ углу дивана. Въ рубкѣ уже зажгли лампы, стояла тишина, прерываемая только дребезжаніемъ оконныхъ рамъ, да глухими толчками машины; рябой господинъ въ поддевкѣ сладко подремывалъ. Я чуть-было не послѣдовалъ его заразительному примѣру, какъ снизу раздались тяжелые шаги и въ комнату поднялся мой утренній собесѣдникъ. Онъ ласково, какъ стараго знакомаго, привѣтствовалъ меня.

— Изволили отдохнуть?.. Покушали?.. А мы все дулись. До седьмаго поту, можно сказать.

— И выиграли? судилъ я по его сіяющему лицу.

— Малость, самую малость. Дорогу развѣ окупилъ, себѣ да женѣ.

— А вы съ женой?

— Какъ же-съ! Спитъ видно. А надо бы разбудить, закусить не мѣшаетъ.

Онъ оглянулся на столъ, потомъ тронулся опять къ лѣстницѣ. Но тутъ, легкая на поминѣ, появилась и дражайшая половина добродушнаго купца, еще молодая и довольно красивая женщина, въ черномъ платьѣ, съ пестрымъ платкомъ на плечахъ, въ массивныхъ золотыхъ серьгахъ и такой же брошкѣ, стягивающей платокъ. Она была очень худа, съ чертами лица почти интеллигентными, съ глазами, охваченными поэтической синевой, вообще не шла какъ-то въ пару къ своему массивному Алексѣюшкѣ. Тѣмъ не менѣе, супружество это, казалось, жило душа въ душу, насколько, понятно, можно судить о такихъ пустякахъ по внѣшнимъ признакамъ.

Супружество усѣлось закусывать, а Алексѣюшка поддерживалъ весьма оживленный и остроумный разговоръ. Онъ продолжалъ разсказывать о своемъ Павловѣ, о разныхъ «штучкахъ» и продѣлкахъ «дѣдушки» Варыпаева. Выходило все это очень забавно, потому что разсказчикъ умѣлъ и голосомъ и особенно своей подвижной, отъ природы уже настроенной на комическій ладъ, физіономіей, придать «штучкамъ» самый яркій оттѣнокъ, подчеркнуть все смѣшное. Его выразительная скороговорка на чисто великорусскомъ жаргонѣ съ прибаутками, подчасъ очень удачными остротами, лились неумолкаемымъ потокомъ изъ могучей глотки; широкое и румяное лицо оставалось серьезнымъ при самыхъ комическихъ эпизодахъ, когда мы неудержимо хохотали, а свѣтло-голубые глаза на выкатъ преуморительно моргали. Супруга его подчасъ перебивала.

— Ну, полно, Алексѣюшка, врать-то!.. Такъ ли было?.. Прибавляешь...

— Когда Алексѣюшка забирался въ область сердечныхъ «штучекъ» дѣдушки, другими словами—понесъ сальности, она краснѣла, отворачивалась и затыкала уши. Это, однако, только болѣе еще подзадоривало Алексѣюшку, хлопавшаго намъ глазами на свою стыдливую подругу.

Усталый, потный, онъ, наконецъ, пріостановился.

— Эхъ! вздохнулъ я. Все это было бы еще смѣшнѣй, если бы не было такъ грустно.

— Чего грустно?

— Да того, что ужъ больно мерзко. Варыпаевщина, кажись, не у однихъ у васъ, на всей Руси царствуетъ...

— Чего тамъ грустить?.. Не онъ, такъ другой, все едино. Свыклись, слюбились. Свинью вонъ изъ лужи не выгонишь, потому животное неразумное, да и не чистоплотное потомъ... Отъ природы это дается. О чемъ же жалѣть?.. Эхъ, бросьте печалиться-то! Я вотъ вамъ приведу сейчасъ этого самаго мошенника Рыжика, такъ вы и посмѣетесь. Грусть какъ рукой сниметъ... Онъ живо поднялся и выбѣжалъ изъ рубки. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ ея появилась оригинальная фигура маленькаго, сухого и юркаго человѣка въ пальто и шапкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Онъ какъ-то бочкомъ, нерѣшительно остановился въ дверяхъ.

— Чего застрялъ? Иди, не бойся! Не побьютъ на сей разъ. И развеселый Алексѣюшка безцеремонно втолкнулъ его своими могучими лапищами.

Маленькій человѣчекъ влетѣлъ на середину комнаты, какъ отломанный конецъ корявой жерди; придержавшись, однако, за рукавъ Алексѣя, онъ постарался придать своей особѣ самый солидный видъ.

— Экій шутникъ, право... неловко улыбался онъ.

— Вотъ, господа, позвольте представить! Өедоръ Степановъ Рыжикъ, нашъ аблокатъ, дровокатъ, сутяга и проч. и проч. Находится въ дальнемъ родствѣ съ московскимъ адвокатомъ Плевакой, въ отличіе отъ котораго и получилъ прозвище Блевако... Прошу любить да жаловать! Ну, садись ты, да сними картузъ. Алексѣй за плечи усадилъ его и сорвалъ съ головы шапку.

— Шутникъ, шутникъ... все дурачиться бы только, бормоталъ Блевако. Его хитрая физіономія приняла самый добродушный и безобидный видъ.

— Знаемъ ужъ, что повторять! Ты вотъ разскажи-ка лучше, зачѣмъ ѣздилъ, какую-такую еще пакость учинилъ?

Маленькій человѣчекъ съ важностью погладилъ свою сѣдую, клиномъ, бороду.

— За дѣломъ ѣздилъ, говорилъ же тебѣ!

— Ты говори толкомъ, не виляй!

— А ты бы хоть водки предложилъ сначала.

— Ишь его! Даже говорить даромъ не можетъ. Все ему взятку подавай... Ну, на, пей! Алексѣй налилъ ему рюмку изъ стоящаго на столѣ графина съ водкой. — Только больше не получишь! Пей понемножку!

Блевако ухмыльнулся,

— Скупъ ты какъ сталъ!

— Не для васъ ли еще разоряться?.. Только и даю, чтобы отошелъ. А то поди замерзъ на вышкѣ своей?

— Холодно, холодно, пожимался тотъ въ своемъ жидкомъ пальтишкѣ.

— Ну, пей, чего размышляешь?

— Да какъ же понемножку-то? И такъ рюмка съ наперсточекъ

— Это твое дѣло. Пей заразъ, только больше не дамъ.

— Шутникъ, шутникъ, право, ухмыльнулся Блевако, жадно опоражнивая рюмку.—А закусить дашь?

— Чего еще? И такъ ладно. Закуси вонъ салфеткой. Рыжикъ однако досталъ валявшійся на скатерти кусокъ булки и съѣлъ его.

— Ну, говори, какъ ты оборудовалъ эту самую пакость.

— Да вѣдь я тебѣ сказывалъ. И орудовать нечего было, дѣло ясное... Рыжикъ теперь отвѣчалъ протяжно и важно, даже съ оттѣнкомъ неохоты.

— Ясное-то для тебя, потому ты, какъ котъ, въ потемкахъ видишь. А мы народъ простой, намъ освѣти.

— И освѣщать нечего. Дѣло совсѣмъ обыкновенное. Судъ нашелъ, что арестъ неправильно былъ наложенъ и постановилъ снять вотъ и все.

— Нѣтъ, ты говори, что *ты то самъ* подстроилъ. Что судъ постановилъ,—это мы и безъ тебя узнаемъ.

— Что я?! Представилъ настоящій приговоръ общества. Вотъ и все мое участіе.

— Настоящій... Ишь его!.. А тотъ-то, что ужъ былъ, не настоящій развѣ?..

— Неправильно составленъ былъ. Не по закону. Ежова не имѣли права уполномоченнымъ выбирать.

— А тебѣ что Ежовъ? Колотилъ онъ тебя, что-ль?

— Ну, вотъ. Ты все свое, снисходительно улыбнулся Рыжикъ. Ежовъ по закону не можетъ одинъ отъ общества хлопотать.

— А ты какъ, можешь одинъ?

— Я не хлопоталъ. Я только представилъ въ судъ подлинный приговоръ.

— Да какъ ты его раздобылъ, дьяволъ? Когда? Вѣдь сходъ не собирался въ послѣднее время. Поди, чай, подлогъ опять смастерилъ?

— Коли судъ призналъ дѣйствительнымъ, значитъ не подложный.

— Что же ты, по домамъ ходилъ подписи собирать?.. Варыпаевскими двугривенными угощалъ?..

— Шутникъ ты, право, Алексѣй, съ замѣтнымъ уже смущеніемъ улыбнулся Рыжикъ.

— Признайся, ходилъ? Таскался вѣдь?..

— Ну ходилъ, ну что тебѣ до этого?..

— Вотъ, господа! Рекомендую! Ну, не мошенникъ ли? Не Блевако развѣ? самымъ убѣдительнымъ жестомъ показалъ намъ Алексѣй на сгорбленнаго въ жалкой позѣ Рыжика. Вѣдь другаго такого сутяги во всей губерніи не найдешь. Право, не найдешь. Ну, кто бы это придумалъ? Въ тихомолку, какъ лиса какая, таскается по дворамъ, да голоса подкупаетъ. Думаютъ, дѣло уже кончено, деньги въ карманѣ; а этотъ звѣрь и цапъ лажву. Какъ собака голодная!. Говори по совѣсти, сколько получилъ?

— Да ничего не получилъ. Съ кого мнѣ получать?

— Не получилъ, такъ получишь. Сколько?.. Поди, чай, сотни три?

— Гдѣ тамъ? свои издержки бы оправдать, проговорилъ сутяга

— А много пораздавалъ?

— Чего это? спохватился тотъ.

— Двугривенныхъ.

— Полно тебѣ, шутникъ! Чего вздоръ мелешь!

— Ахъ, ты мошенникъ, ахъ, прохвостъ, ахъ, Блевака ты поганый!.. разразился Алексѣй.

Цѣлые потоки брани полились теперь на голову несчастнаго адвоката. Глядя на него съ высоты своего могучаго роста, Алексѣй, подъ тактъ ругательствъ, жалостно качалъ головой и вздыхалъ. Говорилъ онъ серьезно, не улыбаясь, ничуть не возвышая голоса. Онъ какъ бы оплакивалъ въ этой брани подлость своего друга.

Рыжикъ довольно удачно разыгралъ роль добродушнаго малаго «bon-enfant».

Поглаживая свою патріархальную бороду и потягивая самымъ равнодушнымъ образомъ, онъ то и дѣло улыбался или, по крайней мѣрѣ, старался улыбаться. Enfant terrible его оскорбить не могъ. Его выходки — только вѣдь выходки. За то онъ!.. Весь его юридически-дѣловой апломбъ, всѣ вызубренныя тысячи статей, своды законовъ, постановленія и распоряженія, такъ и выплыли теперь изъ сдавленной головы Павловскаго законовѣда и расплылись въ небрежныхъ движеніяхъ его жалкой фигурки, замерзли грязнымъ осадкомъ въ глубокихъ морщинахъ его изрытаго лица. Этотъ *ученый* мужъ удостоивалъ Алексѣя только самыми короткими звуками, не считая его, вѣроятно, способнымъ на серьезный разговоръ. При послѣднихъ, однако, его словахъ, онъ слегка поморщился, но, впрочемъ, тотчасъ же опять улыбнулся.

— Со стороны кто посмотритъ, подумаетъ какой ни на есть ты грубый человѣкъ. А на самомъ-то дѣлѣ—душа человѣкъ!

Онъ обернулся ко мнѣ.

— Все напускное! Шутки все на умѣ. На другого напалъ бы, обидѣлъ бы пожалуй,—а я его хорошо знаю. Ругается, вотъ, а другъ онъ мнѣ настоящій Мелетъ зря и самъ не вѣритъ чему мелетъ. Лучше вотъ, дай, выпью за твое здоровье

— Нѣтъ, ужь, это шалишь! отрѣзалъ Алексѣй, отодвигая графинъ.

— Хе, хе, хе! Да неужто второй не дашь? Гривенничка жаль?..

— Не стоишь ты, братъ, и пятака.

— Ладно, ладно! А все-таки подлей, милый, страсть холодно.

— Подливай себѣ самъ, только самъ и платить будешь.

— Ладно, давай!

Рыжикъ налилъ себѣ рюмку и жадно проглотилъ.

— Поскряжничалъ себѣ небось на второй классъ. Подѣломъ.

— Денегъ, братъ, нѣтъ.

— Ври побольше! Варыпаевъ, чай, платитъ.

— Коли дѣло есть, отчего не заплатить. И Варыпаевъ, и всякій заплатитъ.

— А скоро-ль его судить будутъ?

— Это кто знаетъ! Надо прежде, чтобы было за что. А его дѣло чисто. Слѣдствіе ничего не обнаружило.

— Вотъ какъ! Полюбуйтесь-ка! обратился къ намъ Алексѣй.

— Чего любоваться! Законъ есть. Законъ судитъ, а не мы. А ябедѣ всякой если придавать вѣру, такъ никто изъ насъ чистъ не останется.

— Ты-то и подавну!

— И я, и ты, и всякій, резонно говорилъ Рыжикъ.

— Меня-то ужь съ собой уволь. Не сравнивай!..

Чтобы прекратить, наконецъ, этотъ щекотливый разговоръ, я обратился къ Рыжику съ вопросомъ:

— А у васъ тоже фабрика есть?

— Есть, небольшая. Когда сыновья были, такъ и широко дѣло велось, а теперь я одинъ. Въ самыхъ малыхъ размѣрахъ.

— Какая у него тамъ фабрика? Развѣ фальшивыхъ ассигнацій да подложныхъ документовъ, вмѣшался Алексѣй.

— А вотъ, какая ни на есть, а медаль на выставкѣ получили.

— На какой это?

— На Московской, въ 1882 году. Мы посылали тогда свою витрину.

— Витрину... Ха, ха, ха, фыркнулъ во всю глотку Алексѣй. Тоже вѣдь и слово выдумаетъ. Полтора ножа да $2^1/_2$ замка—витрина. Ухъ, братъ, не смѣши!.. Вредно послѣ ужина...

— Тысячи три тогда стоила намъ эта витрина, говорилъ серьезно Рыжикъ, не обращая уже вниманія на выходки Алексѣя. Онъ видимо обрадовался новому предмету разговора и, приподнявшись на локтѣ, повернулся совсѣмъ ко мнѣ.

— Экъ вретъ-то, экъ мелетъ! вскрикнулъ Алексѣй. Три тысячи! Куда хватилъ! Да вся его фабрика, съ нимъ самимъ въ придачу, да съ его аблокатскими мозгами, тысячи одной не стоитъ. А онъ на выставку витрину какую-то въ три тысячи послалъ! Ну, какъ тебѣ не совѣстно хоть при людяхъ-то?..

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, зарядилъ одно? Надоѣло, чай, и другимъ шутовство-то твое. Рыжикъ уже начиналъ злиться.

— Шутовство?! Ахъ, ты сутяга!.. Дрянь!.. Ну, такъ давай считать коли такъ! Что послалъ?..

— Что послалъ, то и послалъ. Не для тебя же помнить...

— Врешь, помнишь! Если три тысячи стоило, такъ долженъ помнить. Какія такія вещи были?

— Вещи обыкновенныя. Ножи, бритвы, ножницы, замки...

— Сколько ножей?

— Право, не упомню.

— Сотня была?

— Ну, сотни, пожалуй, и не было, а много.

— Скажемъ для примѣру по сотнѣ всего. Для круглаго счета назначимъ цѣну по рублю каждой вещи. И то всего только 400 рублей выйдетъ. А?..

— Сосчиталъ! улыбнулся Рыжикъ. Да какъ же можно такъ? Были чай и дороже рубля предметы. Кинжалы одни, да сабли по 50 рублевъ стоили самому.

— Экъ вретъ-то какъ, Господи! всплеснулъ даже руками возмущенный Алексѣй. У тебя-то кинжалы да сабли дѣлаютъ?? Да ты опомнись, аблокатъ! Чай въ Нижнемъ память оставилъ. Онъ безцеремонно стукнулъ по плѣшивому лбу сосѣда.

— Я тебѣ не говорю, что сейчасъ дѣлаютъ, а прежде дѣлали, огрызнулся Рыжикъ.

— Прежде?.. Одну какую сабленку смастерили, да и то чай старую купили на базарѣ, отдѣлали только.

— Шутникъ...

— Нѣтъ, братъ, я въ сурьезъ теперь говорю. На чистую воду выведу. Какіе такіе предметы на три тысячи послалъ?

— Какіе да какіе?! Считай, коли охота! Одна витрина чего стоила.

— Опять ты свою витрину суешь!. Чай печку потомъ истопилъ ей? Ну, положимъ, на эту твою витрину сто рублей,—за эти деньги и тебя можно купить. Положимъ на твою сабельку да кинжальчикъ еще сто рублевъ; прикинемъ еще по рублю на каждую вещицу! И то одна тысяча всего выйдетъ.—А двѣ еще гдѣ?

— Экій чудакъ, право. Не могу же я тебѣ перечесть всего. Не три, такъ около того. Точной цифры не упомню.

— А я вотъ помню. Видѣлъ я вѣдь твою витрину, твои сабли да кинжалы. Красная цѣна всему 100 рублевъ. Ей-Богу такъ, обратился ко мнѣ Алексѣй. Въ сурьезъ!.. А ты, вотъ думалъ, люди посторонніе сидятъ—такъ ихъ и морочить можно. А ты знаешь ли, что

стоила витрина Завьялова на выставкѣ? Не тебѣ вѣдь чета!.. А? Знаешь, что стоила?

— Тысячъ пять, говорятъ.

— Говорятъ... Такой же враль и мошеннивъ говорилъ, какъ ты! Восемсотъ рублей всего-на-всего. Вотъ тебѣ...

— Подп-ка, купи ее за эти деньги, улыбнулся Рыжикъ.

— Это другой предметъ, за что ее купить можно. Я тебѣ говорю, что она стоила по вывѣшеннымъ цѣнамъ. А они ее и совсѣмъ не продадутъ можетъ быть, потому для выставокъ берегутъ. Такъ какъ же твоя-то стоила три тысячи? А?.. Враль ты этакій, мошенникъ, даже въ такой глупости и то наровишь надуть народъ Божій. Фу! Срамникъ!..

Негодующія изліянія Алексѣя были прерваны появленіемъ на лѣстницѣ моей утренней красавицы. Я встрепенулся. Она взошла въ рубку и остановилась, слегка сконфуженная. Алексѣй при видѣ ея пріятно осклабился, а жена его подвинулась на диванѣ. Рыжикъ вскочилъ съ мѣста и почтительно раскланялся.

— Присядьте, Алена Дмитровна! Составьте компанію, ласково обратилась къ ней супруга Алексѣя.

— Выспались, чай? спросилъ и мужъ.

Алена нерѣшительно сѣла и обвела насъ робкимъ взглядомъ. При свѣтѣ лампы ея розовое, полное личико, съ нѣжнымъ, почти дѣтскимъ оваломъ, было еще привлекательнѣе, а темные глаза сверкали двумя агатами.

— Да я не спала. Читала отъ скуки, протянула она.

— А скучно, чай, безъ муженька? хитро улыбнулся Алексѣй.

Алена вспыхнула, встрѣтивъ мой взглядъ. Ей видно припомнилъ онъ всю неприглядную утреннюю сцену.

— Вообще скучно... Ѣхать долго... пробормотала она, оправляя оборки платья.

— А вы завтра къ намъ обѣдать пожалуйте! пригласила супруга Алексѣя.—Мужъ раньше вечера не пріѣдетъ, чай. Вотъ и развлечетесь немножко.

— Покорно благодарю..

— И Мишку тащите, прибавилъ Алексѣй.

— Да онъ ужь при бабушкѣ лучше.

— Что при бабушкѣ? Прислуга, чай, дома есть! И накажите наблюдать.

— Право, тащите и Мишку, молвила жена Алексѣя. Все же вамъ покойнѣй, да и ему веселѣй съ нашими-то. Такъ на цѣлый день и приходите...

— Покорно благодарю... Алена посидѣла еще съ минуту и потомъ порывисто встала. А я пойду на воздухъ немножко. Душно что-то.

Она скрылась за дверьми.

Алексѣй мигнулъ на нее глазами.

— Какова бабенка?.. А?.. Много у васъ такихъ въ Питерѣ?

— Нѣтъ, такихъ не видывалъ, улыбнулся я.

— Ну, вотъ вамъ и Павлово!.. Не все, чай, Блеваки да Варыпаевы!.. Онъ покосился на Рыжика. А дровокатъ-то нашъ, глядите, все еще облизывается. Опомниться не можетъ... Вотъ бы тебѣ такую кралю!.. И что бы ты съ ней дѣлалъ? Чай тоже на выставку въ витринѣ отправилъ бы? Статья доходная... Почище вѣдь сабелекъ да кинжаловъ, почище и двугривенныхъ Варыпаевскихъ, чай? А?.. Какъ ты на этотъ счетъ?..

Рыжикъ только съ достоинствомъ отвернулся, не удостоивая даже отвѣтомъ на такія несуразныя рѣчи. А неугомонный Алексѣюшка опять накинулся на него со всѣмъ запасомъ своихъ остротъ и насмѣшекъ. Возвращаясь къ дѣлу о кабакахъ и о 3-хъ тысячной витринѣ, онъ опять по косточкамъ разобралъ «черную и мерзкую душу» несчастнаго Блеваки, иллюстрируя свои обличенія, для вящшей убѣдительности, вѣроятно, массой всякихъ воспоминаній о жизни и дѣятельности этого почтеннаго старца. Но я ужъ не вслушивался въ его болтовню. Я все думалъ объ одномъ: какъ бы такъ половчѣй встать и, не возбуждая подозрѣнія, улизнуть вслѣдъ за красавицей. Полчаса времени для этого показалось мнѣ достаточнымъ. Отговариваясь головною болью, я закутался въ плащъ и покинулъ общество.

На палубѣ теперь было гораздо просторнѣй. Черная, звѣздная ночь окутала непроглядной тьмой и пароходъ, и рѣку, и берега. Только едва замѣтной лентой тянулся ближайшій къ пароходу холмистый берегъ Оки. Яркіе огоньки на самой водѣ и по берегу указывали пароходу фарватеръ. Не смотря на это, онъ шелъ медленно, что называется, ощупью. Мы уже часа на 3 опоздали въ Павлово, и теперь съ минуты на минуту слѣдовало ожидать свистка, возвѣ-

щающаго о его приближеніи. Въ виду такихъ обстоятельствъ, медлить и раздумывать значило бы терять драгоцѣнное время, а съ нимъ и возможность познакомиться съ моей красавицей...

Я храбро направился къ закутанной въ платокъ фигурѣ, очертанія которой, благодаря темнотѣ, я распознаълъ не тотчасъ. Она сидѣла на скамьѣ, почти у самаго носа парохода; возлѣ нея никого больше не было.

— Можно присѣсть около васъ?...

Она вздрогнула, повернула ко мнѣ голову и вглядѣлась. Если не по лицу, то по голосу она должна была меня узнать.

— Садитесь!... Она отодвинулась.

— Вы что-жъ такъ на холоду сидите? спросилъ я для начала.

— Мнѣ не холодно! лаконически отвѣчала она.

Разговоръ оборвался.

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, читали цѣлый день? спросилъ я, самъ не зная зачѣмъ.

— Читала...

— И что-жъ, интересное что нибудь?

— Не особенно! Романъ.

— А вы не любите романовъ?

— Какъ какіе?

— А можно спросить заглавіе того, который вы читали?

— «Ракамболь».

— Ого!.. Это даже убійственно, улыбнулся я.

— Не знаемъ... какъ для кого! сухо отвѣтила она.

Разговоръ опять оборвался.

— Скажите пожалуйста!.. Вы... извините за вопросъ! Вы все еще безпокоитесь за вашего мужа?

Она слегка повернула ко мнѣ голову.

— Нѣтъ, не безпокоюсь, послѣ маленькой паузы, выговорила она.

— Такъ можетъ быть... грустите, или... какъ это сказать, впечатлѣніе непріятное осталось.

— Грустить не грущу, а пріятнаго особенно мало.

— Но вѣдь это самый обыкновенный случай! Со всякимъ бываетъ...

Она промолчала.

— На радостяхъ онъ, вѣроятно, что ли?

— Радости-то эти довольно часто у насъ случаются.

Мнѣ послышалась въ ея голосѣ злобная нотка.

— И каждый разъ онъ до этого... до такой степени напивается?

— И до большей бываетъ... отрѣзала она уже совсѣмъ злобно и отвернулась.

Опять пауза. Темнота что-то не особенно меня ободряла. Я начиналъ волноваться.

— Скажите, вы давно замужемъ? придумалъ я, наконецъ?

— Восемь лѣтъ!

— Однако, глядя на васъ, этого не скажешь.

Она помолчала, потомъ какъ-то нерѣшительно и мягко выговорила:

— Совсѣмъ дѣвочкой вышла. Пятнадцать лѣтъ всего имѣла...

— Здѣсь это было, въ Павловѣ?..

— Я о Павловѣ тогда и не слыхала. Я дальняя, изъ Малороссіи подъ Полтавой жили...

— Ну вотъ, я такъ и думалъ, радостно воскликнулъ я. Какъ увидалъ васъ, сейчасъ подумалъ не здѣшняя. Здѣсь такихъ типовъ не водится. У васъ красота южная совсѣмъ... Тепломъ такъ и вѣетъ. Знаете что, вы меня просто поразили своимъ появленіемъ. Ужасно ужасно странно васъ видѣть въ этой обстановкѣ!

Я одушевился, почувствовавъ, наконецъ, подъ собой почву.

— Отчего же странно?.. также нерѣшительно спросила она.

— Оттого, что отъ васъ весной пахнетъ, вишнями, галушками... Извините за сравненіе! А тутъ холодъ, слякоть, еще это непріятная исторія...

Я вдругъ замѣтилъ въ темнотѣ, какъ нервно ея пальцы теребили бахрому платка.

— Вы на меня не сердитесь, что я опять про то!.. Но вѣдь я только изъ участія одного. Всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы помочь вамъ, разсѣять вашу грусть, тоску. Вы говорите, что нѣтъ ихъ, а я... извините, не вѣрю, не могу повѣрить... Вотъ и теперь, я, можетъ быть, надоѣдаю вамъ, мѣшаю... Но у меня изъ головы не выходятъ ваши потерянные, полные отчаянія, глаза, какими тамъ, помните, на пристани вы смотрѣли кругомъ. Въ нихъ я ясно прочелъ, какъ не красна ваша молодая жизнь. Вы—едва распустившійся цвѣтокъ

и этотъ испитой, истасканный мужъ... Извините за откровенность, но тутъ кто не возмутится!..

Я остановился сдержать порывистое дыханіе. Робость прошла, ледъ былъ разбитъ и какое-то нервное возбужденіе неудержимо толкало меня впередъ.

— Вамъ кажется страннымъ, обиднымъ, можетъ быть, что незнакомый человѣкъ такъ говоритъ съ вами?

— Нѣтъ, ничего... Только къ чему это затрогивать?

— Къ чему?.. А къ чему вамъ это спрашивать?.. Зачѣмъ вамъ это знать?.. Скажете себѣ—вотъ нахалъ, невѣжа, который ко мнѣ присталъ. Съ участіемъ непрошеннымъ суется... А потомъ и подумайте: потеряете ли вы что нибудь, кромѣ пяти минутъ времени, если удовлетворите его дикому любопытству. Сегодня мы съ вами встрѣтились, сегодня и разстанемся. То, что вы мнѣ скажете, я унесу съ собой въ неизвѣстные вамъ края, къ незнакомымъ людямъ; что я вамъ говорю, останется для васъ случайнымъ воспоминаніемъ можетъ быть, даже и не непріятнымъ, если захотите моей искренности повѣрить. А нѣтъ, такъ забудете завтра же. Слѣдовательно, ни я, ни вы, ничѣмъ не рискуемъ! А между тѣмъ, откровенность для васъ, въ минуту горя, можетъ только облегчить его; для меня же... не знаю почему, но въ эту минуту я бы Богъ знаетъ что отдалъ за нее.

— Какая же откровенность? Мнѣ нечего и говорить, отвѣтила она уже безъ прежней строгости и раздраженія.

— Какъ нечего?.. А исторія вашего замужества, вашей жизни теперь!..

— Ну, это было очень просто, какъ всегда бываетъ!

Мнѣ показалось, что она даже улыбнулась при этомъ.

— А мнѣ кажется, почему-то, что нѣтъ.. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Я хочу слышать вашъ голосъ, вашъ разсказъ.

— Да право нечего и разсказывать. Самая обыкновенная исторія...

— Я ничего необыкновеннаго и не жду... Такъ вы говорите, что родились возлѣ Полтавы? А отецъ?

— Отецъ былъ школьнымъ учителемъ...

— Ну, а дальше?..

— Дальше?.. Школа была при хуторѣ, тамъ и жили... Бѣдно жили, изо-дня въ день. Кромѣ меня, еще четверо ребятъ было...

— Вы старшая?

— Старшая.

Она опять примолкла.

— Трудно, значитъ, было?

— И очень. Съ такой-то семьей, да 200 руб.! Матушка къ тому все хворала, на лекарства, доктора, много выходило... Не весело было время.

— А вы что-жъ, не занимались ничѣмъ, не помогали?..

— Помогала по силамъ... Учиться-то хотя я и училась, а все какое же ученіе въ сельской школѣ. Только и могла что съ ребятами замѣсто отца иногда заниматься. Потомъ шила немножко, на барскій дворъ поставляла... Голосъ ея вдругъ упалъ, вся она зашевелилась на мѣстѣ. Я насторожился, старался всмотрѣться въ ея лицо, но за темнотой не могъ.

— А потомъ пріѣхалъ женихъ, сдѣлалъ предложеніе,—и обвѣнчались. Вотъ и все! громкой скороговоркой кончила она.

Я помолчалъ съ минутку, потомъ заглядывая ей въ лицо, спросилъ:

— А на барскомъ дворѣ?..

Она живо обернулась ко мнѣ:

— Что на барскомъ дворѣ?

— Я у васъ спрашиваю—что?

— А я вамъ отвѣчаю—ничего! отрѣзала она.

— Вотъ опять разсердились, мягко замѣтилъ я. — Начали-было такъ хорошо... Вѣдь вы же не мнѣ говорите, вы говорите этой черной ночи. Она все спрячетъ...

— Да что прятать-то?.. Я людей не убивала...

— Помилуйте, что вы! Развѣ я сомнѣваюсь... Только вѣдь и кромѣ преступленій бываютъ въ жизни событія, нѣкоторыя чувства переживаются такія, что прячешь ихъ потомъ въ самую глубину души. Не открываешь всѣмъ...

— Бываютъ, бываютъ... послышался ея вдумчивый отвѣтъ...

— Вотъ о нихъ-то я и говорю. Ими-то и легче подѣлиться съ незнакомымъ человѣкомъ, да въ такую ночь, чѣмъ въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ. Я для васъ—ничего; я темное пятно въ этой тмѣ. Вы и лица моего не разглядѣли... Но, въ то же время, я вамъ другъ случайный, неизвѣстный, съ неба свалившійся

другъ... Такіе друзья рѣдки, но они цѣннѣе другихъ. Имъ руководитъ инстинктъ, и онъ рѣдко ихъ обманываетъ.

— Скоро больно что-то, отвѣтила она, стараясь всмотрѣться въ мое лицо.

— Потому и прочно, что скоро. Значитъ безъ разсужденій, а какъ Богъ послалъ. Куда влечетъ, туда идешь. Понимаете?.. Я взялъ ее за руку.

— Понимаю, понимаю... медленно выговорила она, отводя отъ меня голову и задумываясь.

— А если понимаете, значитъ разскажете? осторожно спросилъ я.

— Глупости все, ребячество одно! Стоитъ-ли и вспоминать.

— Стоитъ, стоитъ, милая Алена Дмитріевна. Въ быломъ вся прелесть жизни.

— Далеко это былое, сномъ кажется теперь. Да и тогда былъ сонъ... задумчиво молвила она.

— Поэтому-то и не опасно его вспоминать. У кого въ жизни не было свѣтлыхъ сновъ? Кто-жъ и стыдиться ихъ станетъ? Вамъ и подавну нечего, потому что вы созданы для нихъ. А не сбылись— не ваша вина. Клясть ихъ не за что, гордиться ими скорѣй!.. Ну съ, такъ я продолжаю: вы работали на барскій дворъ. А тамъ жили или жилъ...

Алена встряхнулась, точно отгоняя темную мысль. Сжавъ руки на колѣняхъ и устремивъ взоръ передъ собой, она заговорила вдругъ спокойнымъ и плавнымъ голосомъ:

— Если ужъ вы такъ хотите, жить безъ этого не можете, хорошо! Я разскажу... что вспомню. Только потомъ не осмѣйте!

— Что вы, что вы?..

— Ну ладно! Слушайте коли интересно...

Богатые помѣщики жили тамъ... Милліонеры... Старуха съ дѣтьми, да съ гувернантками и гувернерами. Старшему сыну было лѣтъ 20-ть тогда. Въ кіевскомъ университетѣ обучался. Красивый такой былъ, статный и умница... Сердце золотое имѣлъ... Она пріостановилась. Пальцы сильнѣй забѣгали по бахромѣ платка, голосъ сталъ глубже, волнистѣй.

— И вы...

— Ну, я и ходила къ нимъ въ домъ. Старуха была гордая, спѣсивая, но добрая. Меня она ласкала съ самыхъ малыхъ годовъ, по-

тому крестной мнѣ доводилась. Бывало, когда мнѣ еще пять лѣтъ было, какъ въ домѣ гости, обѣдъ тамъ большой, или вечеринка, сейчасъ за мной и присылаетъ. Велитъ одѣть, — платье на этотъ случай подарила, вымыть, выгладить и вести въ залы. А тамъ показываетъ гостямъ какъ диво какое. Такъ изъ руки въ руки и передаютъ. Галушкой прозывали всѣ!.. Вотъ и вамъ кажется, что отъ меня галушками пахнетъ, улыбнулась она. Да я и въ самомъ дѣлѣ тогда была вся въ галушку. Круглая, крошечная, розовая. Никогда не болѣла. Ни горести, ни думушки, ни тучки, ничего этого и не знала еще. День—деньской съ мальчишками бѣгала, вишнями объѣдалась. Отъ того и щеки у меня тогда были атласныя, и глаза какъ звѣздочки. Меня всѣ величали украинской звѣздой, барскіе гости какъ игрушкой любовались. И за столъ сажали, и на столъ ставили... Виномъ запаивали, сластями закармливали.. Танцовать, пѣть, играть, манерамъ всякимъ учили. Барышню хотѣла изъ меня старуха-то крестная сдѣлать, да замужъ выдать прилично... И быть бы мнѣ барышней, кабы не отецъ. Сначала, пока махонькая была, пускалъ къ барынѣ, позволялъ дурачиться. А какъ подросла, да мать заболѣла —«сиди», говоритъ дома. «Непристойно тебѣ, говоритъ, куклой барской быть, да скоморошничать, да лизоблюдничать. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Гордъ былъ очень, даромъ что сынъ дьячка. Ну, потомъ и боялся онъ за меня немного. Молодежь ужъ больно заглядывалась, шутки всякія позволяли себѣ... Однимъ словомъ, съ 13 лѣтъ моя полоса кончилась. Началась жизнь скучная, однообразная, при больной матери, да въ классной комнатѣ съ ребятишками. Старуха помѣщица обидѣлась тоже на отца и перестала ему помогать. Прежде, бывало, и къ праздникамъ, и къ имянинамъ, и такъ часто дарила всякой провизіей, деньгами, матеріей на платья. А тогда перестала. Съ годъ, чай, я и не показывалась на барскомъ дворѣ. Только ужъ къ смерти матери, когда очень туго стало, гроша въ домѣ не было, отецъ и послалъ меня къ старухѣ работы какой просить. Та сначала прикрикнула, отца выругала, меня тутъ-же прозвала неблагодарницей, однако работу дала. А какъ кончила я ее, другую третью дала и ужъ заказамъ не было конца. Пришлось по полдня просиживать въ барскомъ домѣ, обшивать всѣхъ, штопать. Виномъ да сластями меня ужъ не кормили, гостямъ не показывали, но впрочемъ обходились очень ласково. Я зарабатывала порядочно,

и все отцу отдавала, такъ что тотъ ужъ не препятствовалъ мнѣ ходить на барскій дворъ. Такъ прошелъ почти годъ. Мнѣ исполнилось 15 лѣтъ; я была уже совсѣмъ большая дѣвушка... Раннимъ лѣтомъ пріѣхалъ къ намъ на вакаціи старшій сынъ моей крестной. Я съ нимъ дружила еще дѣвчонкой; ласкалъ онъ меня часто, конфектами дарилъ. Но тутъ я его и не узнала. За два года онъ выросъ и возмужалъ, совсѣмъ взрослымъ сталъ. Да и на меня онъ удивился. «Оставилъ, говоритъ, дѣвчуркой, а теперь невѣста». Говорилъ, что и выросла я, и выровнялась, и много всякихъ комплиментовъ... Вотъ и началась для меня тогда опять радужная полоса, сонъ счастливый. Дни текли какъ минутки, тихо, однообразно и радостно. Полдня я работала, другую половину гуляла съ нимъ, на лодкѣ катались, книги вмѣстѣ читали... И не упомнишь всего... Рай былъ, а не жизнь, еще разъ выговорила Алена дрогнувшимъ голосомъ. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала сдавленно и тихо:

— За эти три мѣсяца я узнала и выучилась большему, чѣмъ во всю мою жизнь... Я никуда не выѣзжала дальше церкви при хуторѣ, а тутъ цѣлый міръ, цѣлыя государства и милліоны всякихъ людей открылись мнѣ. Я тогда въ первой поняла, что не всѣ на свѣтѣ такъ живутъ, какъ на нашемъ хуторѣ. Что есть большіе города и громадныя зданія, гдѣ тысячи людей слушаютъ одного, гдѣ пишутъ и учатся, и поютъ, и играютъ, и все это для какого-то искусства, для идеи... Во мнѣ забились всѣ жилки, когда я почувствовала, что на свѣтѣ есть предметъ гораздо выше и сладостнѣе моего штопанія да вышиванія, моихъ вишенъ и галушекъ. Мнѣ страстно захотѣлось испытать ихъ, пережить хоть минуту *той* жизни... Викторъ Петровичъ къ концу вакаціи сталъ замѣтно грустить и чуждаться меня. Я испугалась! Я подумала, что надоѣла ему, что мать ему запретила гулять со мной. Я рѣшилась сама помочь ему и нѣсколько дней не показывалась въ домѣ. Много слезъ и мученій стоило мнѣ это, но самолюбіе заговорило сильнѣе горя. Я сказалась больной. Я заперлась въ своей комнатѣ и не выходила даже къ обѣду. Отецъ былъ въ ту пору занятъ по хозяйству, матери стало легче немного, потому меня и не тревожили. Я перечитывала въ десятый разъ забранныя у него книги, плакала, мечтала, терзалась... Двѣ ночи подрядъ не сомкнула глазъ, и въ самомъ дѣлѣ

готова была заболѣть... Къ вечеру третьяго дня меня билъ ознобъ и бросало въ жаръ.

Я распахнула окошечко и стала дышать прохладнымъ ночнымъ ночнымъ воздухомъ. Окошко-то мое выходило въ поле; за нимъ чернѣла роща, а изъ за деревьевъ ея виднѣлась крыша барскаго дома. Ночь надвигалась темная, звѣздная. Съ поля пахло неубраннымъ еще хлѣбомъ, доносилась и пѣсня жницъ... Я заглядѣлась въ темные сумерки на барскую рощу... Я все ожидала, не блеснетъ-ли гдѣ сквозь деревья, огонекъ. Я старалась угадать, въ какомъ мѣстѣ придется окошко *его* комнаты и что тамъ теперь дѣлается. Долго стояла я такъ, дрожала и плакала. Уже ноги подкосились, лечь собиралась, какъ вдругъ отъ этой рощи отдѣлилось черное пятно и быстро-быстро подвигалось черезъ сжатое поле прямо на нашъ домикъ. Скоро я разглядѣла человѣка, а еще немного погодя, сердце мнѣ забило тревогу. Я не могла различить еще лица, но что-то кричало мнѣ: «онъ, онъ»! Я хваталась за подоконникъ, чтобы не упасть. Минутъ пять погодя, онъ, т. е. Викторъ Петровичъ, стоялъ подъ моимъ окномъ... Что было потомъ — помню слабо... Бредъ-то былъ, или дѣйствительность — Богъ его знаетъ. Помнится, и плакали мы, и смѣялись, и клялись въ вѣчной любви и... Обезумѣли однимъ словомъ. Невѣстой онъ меня звалъ своей, женой, своей царицей, своей Аленой... Бредъ, сонъ!.. Опомнилась я отъ этого сна только на слѣдующій день, когда рванулась дверь и на порогѣ показался мой отецъ. Блѣдный онъ былъ, грозный, страшный... Въ рукѣ скомканное письмо, кулаки сжаты, волосы, борода встрепаны. Какъ звѣрь на меня ринулся. Ударить хотѣлъ, но видно сжалился на мой видъ и только бросилъ письмомъ въ лицо. Я какъ полуумная подняла его, прочла... и дальше ничего не помню. Алена договорила послѣднія слова совсѣмъ шопотомъ. Она вся дрожала, пальцы уже рвали платокъ. Я испуганно ухватилъ ея руки.

— Успокойтесь, Елена Дмитріевна, ради Бога. Простите, что я вызвалъ воспоминанія...

Она скоро пришла въ себя и отняла у меня руки.

— Оставьте... ничего... отрывочно выговорила она.

Я послушно отодвинулся. Въ наступившемъ молчаніи слышно было только ея неровное дыханіе, да глухой звукъ точно проглатываемыхъ слезъ. Въ груди у меня тревожно заныло; ѣдкая жалость

охватила всего меня. Пока я собирался сказать ей что-то, она заговорила сама.

— Старуха помѣщица писала моему отцу, что знаетъ, гдѣ проводитъ ночи ея сынъ Викторъ, что я могу больше не являться въ ней за *работой*, — это слово было подчеркнуто въ письмѣ, и чтобы я не ждала больше къ себѣ ея Виктора, такъ какъ онъ сегодня уже отправленъ въ Кіевъ... Моя мать не выдержала такого позора. Болѣзнь усилилась и черезъ недѣлю ея не стало. Отецъ едва не помѣшался. Посѣдѣлъ весь, опустился, одряхлѣлъ... Со школой заниматься ему стало совсѣмъ не въ мочь. Пріѣхало начальство, посмотрѣло на него и уволило за старостью... Мы остались безъ куска хлѣба... Ея голосъ на этомъ мѣстѣ прервался. Но черезъ минуту она опять заговорила.

— Считаю себя виновницей смерти матери, нищеты отца, всему... Хотя, одинъ Богъ знаетъ, въ чемъ была тутъ моя вина. Но совѣсть всетаки упрекала, и я дала себѣ клятву, во что-бы то ни стало, найти средства къ жизни. Мы переселились въ село, я стала усердно шить, занималась съ деревенскими ребятами. Дни и ночи просиживала за работой, но денегъ все-таки добывала мало... Въ ту осень пріѣхалъ въ наше село мой мужъ. Онъ пріѣхалъ съ разными вещами изъ Павлова, прикащикомъ отъ дяди своего. Къ намъ часто пріѣзжали тогда такіе прикащики. По всей Малороссіи ѣздили, лавки закладывали, на ярмарки являлись, счета сводили... Димитрій былъ парень молодой, ловкій деньгами сорилъ, за богача считался. На все село пыль пустилъ. Увидѣлъ онъ меня, понравилась — и въ недѣлю посватался. Женихъ былъ совсѣмъ подходящій, рѣдкостный даже можно сказать, при моемъ положеніи... Въ голосѣ Алены послышалась иронія. Моя исторія на барскомъ дворѣ давно ужъ по селу огласилась. Всѣ знали, что меня выгнали оттуда, знали и за что выгнали... Кумушки разсказывали и такія подробности, про которыя и самой старухѣ-помѣщицѣ не снилось...

Ну, да такъ или иначе, а партія была блестящая. Завидывали всѣ, уронить всячески въ глазахъ жениха хотѣли, исторію мою, со всѣми прибавками и прикрасами, расписали, пугали, срамили его, смѣялись надъ нимъ и чего ни выдумывали! А все ничего не помогло. Я сама ему разсказала какъ было, ну и... влюбленъ-ли былъ очень, аль что другое, а повѣрилъ онъ мнѣ, а не имъ... Черезъ мѣсяцъ

съиграли свадьбу и въ тотъ-же день мы уѣхали Отца я взяла съ собой; братьевъ размѣстила по селу. Съ тѣхъ поръ и не видѣла больше роднаго хутора.

— Живъ еще вашъ отецъ?

— Померъ давно.

— Викторъ? спросилъ я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю... живетъ видно! отрывочно отвѣчала она.

— И мать его?

— Та померла уже года два.

— А вы не получали извѣстія отъ него?..

— Нѣтъ не получала! Въ голосѣ ея опять прозвучала рѣзкая нотка.

— А вы... того... извините за нескромность! Счастливы вы теперь?... Кромѣ вотъ того, что пьетъ онъ... ничего?... Не ошиблись вы въ вашемъ выборѣ?...

— Ничего!... Живется хорошо!.. И сыто и, привольно.. отвѣчала она, какъ показалась мнѣ, съ легкой проніей въ голосѣ. У мужа дѣла большія, доходы хорошіе... Дядюшка любитъ очень, порученія всякія даетъ. И прежде помогалъ ему, а послѣ женитьбы и совсѣмъ принялъ участіе. Большое уваженіе ко мнѣ имѣетъ...

На этотъ разъ явной усмѣшкой и горечью прозвучали ея послѣднія слова.

Я больше не спрашивалъ. Ея исторія была уже понятна мнѣ. Инстинктъ меня не обманулъ, когда, бросивъ первый взлядъ на это красивое, выразительное лицо, я почуялъ подъ нимъ натуру страстную, пережившую уже ураганы и бури. Настойчивостью ли, искренней-ли нотой въ голосѣ, или участьемъ, которое проявилъ я надъ тѣломъ ея безчувственнаго Димитрія, я съумѣлъ вызвать ея откровенность. Теперь я сидѣлъ понурившись и горькое чувство какой-то обиды превозмогало во мнѣ невольное тщеславіе такого успѣха. Оригинальность и прелесть моего знакомства не давала мѣста тѣмъ обыкновеннымъ побужденіямъ, какія въ другое время никого бы не удивили. Молодой человѣкъ и возлѣ него молодая красавица, довѣряющая ему тайну своей первой любви, непроглядная ночь и уединенное мѣстечко, скрытое отъ любопытныхъ взоровъ, — что-жь было бы естественнѣе вслѣдъ затѣмъ признанія въ любви, нѣжнаго пожатья и даже... хотя бы даже и поцѣлуя?!

На этотъ разъ, однако, ничего подобнаго не приходило мнѣ на умъ; я весь еще жилъ въ ея прошломъ, ея восторгами и ея мученіями. Я представлялъ себѣ ее 15-лѣтней украинкой, высокой, статной... Темная коса змѣится по плечамъ, каріе глаза сверкаютъ какъ яхонты, роскошная грудь вздымается страстью, станъ гибкій и тонкій нервно вздрагиваетъ; точно молодой тростникъ отъ перваго дуновенія вѣтра... А рядомъ, — стройнаго юношу съ едва пробивающимся чернымъ усомъ, орлинымъ носомъ и черными, вдохновляющими глазами.

Извилистая рѣчка, осѣненная ласковымъ наклономъ ивъ, лѣниво катитъ свои воды въ просторъ сожженныхъ степей; густой вишневый садъ съ одной стороны ея, желтое поле—съ другой.

Сквозь чащу сада и между наклоненными стволами ивъ мелькаютъ очертанія бѣлаго барскаго дома. Все залито косыми лучами заходящаго свѣтила, на всемъ лежитъ голубоватый, или розоватый отблескъ. Подъ ивами прохладно и тихо. Не слышно даже журчанія воды. Только неугомонный кузнечикъ трещитъ во все горло, благо его никто не замѣчаетъ въ высокой прибрежной травѣ. По гладкимъ водамъ скользитъ утлый челнокъ. Въ немъ, другъ противъ друга, Алена и Викторъ, оспаривающіе у роскошной природы блескъ красокъ, нѣгу очертанія, стройность и гармонію въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жгучемъ взглядѣ... Весла брошены, челнокъ подвигается все медленнѣе, предоставленный самому себѣ. А они, точно очарованные другъ другомъ, не въ силахъ болѣе сдержаться, сближаются, вытягиваютъ дрожащія объятія... Но вотъ одно неосторожное движеніе—и челнокъ опрокидывается... Не коснувшіяся еще объятья исчезаютъ подъ синей пеленой водъ, вздрагивающихъ отъ берега къ берегу, и поглощающихъ свои жертвы съ какимъ-то недовольно-удивленнымъ рокотаніемъ. Скоро однако воды умолкаютъ и только радужные круги быстро несутся внизъ по теченію... Все опять тихо, замерло, даже кузнечикъ примолкъ. А кругомъ ложатся черныя тѣни, ивы все ниже клонятся въ водѣ, верхушки ихъ сошлись уже тамъ на днѣ и теперь подъ ними таинственная и страшная бездна... Куда дѣвались радужныя тѣни, свѣтъ, теплота?.. Они исчезли вмѣстѣ съ погибшими Аленой и Дмитріемъ!

Такъ двѣ яркія звѣзды сходятся порой съ разныхъ сторонъ небеснаго свода, чтобы слиться и заблестѣть вдвое ярче—уже рядомъ,

касаются другъ друга, какъ вдругъ, отброшенныя непонятной силой, стремглавъ катятся по небосклону, и въ мигъ исчезаютъ, оставляя послѣднiй яркiй слѣдъ. Вотъ что представлялось моему наэлектризованному воображенiю въ эти мгновенiя ночнаго безмолвiя Я невольно поднялъ глаза и въ голубоватой чащѣ неба, освѣщенной лишь холоднымъ блескомъ алмазныхъ точекъ, ясно увидѣлъ я блеснувшiй слѣдъ двухъ упавшихъ звѣздъ. Можетъ-быть то былъ плодъ разстроеннаго воображенiя, но мнѣ помнится эта случайность довольно ясно. Я перевелъ взглядъ на свою сосѣдку, невольнымъ порывомъ желая передать ей мое впечатлѣнiе, всмотрѣлся въ ея темный обликъ и удержался. Опять ѣдкое чувство жалости охватило всего меня, сдавило горло. Она сидѣла сгорбленная, жалкая какая-то, точно помертвѣвшая; полуотвернувшись отъ меня корпусомъ, она опиралась локтемъ на бортъ. Другая, свободная ея рука безпомощно лежала на колѣняхъ, а складки теплаго платка распахнулись, свѣсились. Я не видѣлъ ея лица, но угадывалъ его выраженiе: я точно на себѣ чувствовалъ взоръ ея карихъ глазъ, безпомощно и безъ мысли устремленныхъ въ непроглядную даль, въ эту осеннюю ночь, освѣщенную снизу только рѣдкими тусклыми огоньками, а сверху сказочно-прекраснымъ небомъ, гдѣ далекiя и холодныя звѣзды точно перемигивались между собой, глядя съ насмѣшкой на мрачную и жалкую землю.

«То сонъ, мечта, а вотъ она жизнь, дѣйствительность», подумалъ я, сравнивая алмазное небо съ жалкими огоньками на рѣкѣ.

Вотъ ея фарватеръ!.. Вездѣ черно, вездѣ опасность; пробирайся какъ знаешь отъ огонька къ огоньку. Мгновенiе свѣта и часы тьмы... Собьешься—погибъ, не доплыть и до этого жалкаго фонарика...

Оглушительный и безобразно-хриплый звукъ пароходнаго свистка заставилъ насъ обоихъ сорваться въ своихъ мѣстъ. Моя собесѣдница даже покачнулась отъ испуга. Понявъ, однако, въ чемъ дѣло, она засуетилась, запахнула платокъ.

— Ну... вотъ вамъ и весь сказъ мой!... Занятнаго мало, не знаю чего ради я разболталась... Видно и съ самомъ дѣлѣ темнота языкъ развязываетъ... Прощайте, не осудите и не... употребите во зло моей глупости!... усмѣхнулась она. Надо мамашу собрать...

Я хотѣлъ ей сказать что-то особенное, выразить всѣ разнородно-волновавшiя меня чувства, но именно потому и не сказалъ ничего, кромѣ обычнаго:

— Прощайте!... Спасибо!...

Только когда она взялась уже за ручку двери, я съумѣлъ выговорить ей вслѣдъ:

— Будь счастливы и покойны, Алена Дмитрiевна. Вашъ сонъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ и вамъ...

Она прiостановилась, обернулась, въ первый разъ протянула мнѣ руку, крѣпко, по-мужски, сжала мою и затѣмъ, стремительно распахнувъ дверь исчезла на лѣстницѣ внизъ. А я долго еще стоялъ на носу парохода, наблюдая за приближенiемъ огоньковъ Павловской пристани.

Прежде чѣмъ говорить о моихъ личныхъ впечатлѣнiяхъ, пережитыхъ въ с. Павловѣ, считаю умѣстнымъ познакомить читателя съ той общей картиной, которую являетъ собой это село, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ кустарно-промышленныхъ центровъ Россiи. Свѣдѣнiя, здѣсь излагаемыя, добыты мною официальнымъ путемъ, а слѣдовательно въ подлинности ихъ сомнѣваться нѣтъ основанiя. Сухiя оффицiальныя данныя я постараюсь оживить, освѣтить и дополнить частью собственныхъ наблюденiй, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ строго-историческаго и экономическаго изслѣдованiя.

Постараюсь быть краткимъ и убѣдительнымъ.

Павловская волость состоитъ изъ одного села Павлова, съ 10 тысячами, приблизительно, жителей, изъ которыхъ правомъ на надѣлъ пользуются только $5^1/_2$ тысячи человѣкъ. Населенiе — почти все исключительно крестьянское; только около двухъ тысячъ человѣкъ принадлежитъ къ разночинцамъ, считая въ томъ числѣ купцовъ и мѣщанъ, которые перешли въ это сословiе недавно изъ крестьянъ. И село, и крестьяне когда-то принадлежали графу Дмитрiю Николаевичу Шереметеву, отсюда и категорiя павловскихъ крестьянъ— бывшiе временно-обязанные графовъ Шереметевыхъ.

Земельный надѣлъ этихъ крестьянъ весьма и весьма ограниченъ—по *1893 сажени* на ревизскую душу, считая въ томъ числѣ и усадебную, и сѣнокосную, и пахатную, и выгонную, и кустарники-

Такой ничтожный надѣлъ, очевидно, никогда не могъ служить обезпеченіемъ насущныхъ потребностей жителей; необходимо было отыскать сторонній источникъ заработка, и таковой выразился развитіемъ въ селѣ стально-слесарнаго промысла, зачатіе котораго относятъ здѣсь еще къ концу XVII вѣка.

Павловскій кустарный промыселъ, какъ и много другихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, зародился и выросъ не на почвѣ естественныхъ, природныхъ, такъ сказать, условій, какъ-то: избытка мѣстнаго сыраго матеріала, рабочихъ рукъ, мѣстнаго спроса на издѣлія, призванія, наконецъ, у населенія къ такого рода труду, а только изъ одной единственной причины—изъ малоземелья. Россія, тысячи квадратныхъ верстъ пустынь и малоземелье!.. Немножко странно звучитъ, но это такъ!.. Будь у павловцевъ больше земли, будь она лучшаго качества, не видать бы намъ павловскихъ замочковъ, ножей, ножницъ и проч., не гремѣлъ бы міръ *русскими* кустарями, *русскими* издѣліями, и не голодали бы, не протягивали бы въ эту минуту руку за подаяніемъ виновники этого торжества, когда-то наша гордость, а теперь нашъ позоръ, наша мучительная и неотвязная забота... Такъ или иначе, а павловскій промыселъ зародился, разросся, и въ короткое время далъ роскошные плоды. Почва для зерна случайно оказалась благопріятной.

Располагаясь на одной изъ лучшихъ нашихъ судоходныхъ рѣкъ, въ 80 верстахъ отъ сліянія ея съ Волгой и въ такомъ же разстояніи отъ Нижняго-Новгорода, гдѣ ежегодная ярмарка обезпечиваетъ, съ одной стороны, сбытъ готовыхъ произведеній, а съ другой—дешевую и удобную покупку сырья,—Павлово находится въ самыхъ лучшихъ географическихъ условіяхъ для развитія всякаго рода промысла. И если его настоящій промыселъ переживаетъ теперь тяжкія, если не предсмертныя свои годины, то виноваты въ томъ не географическія, не историческія, не естественныя, какія либо причины, а только чисто мѣсныя, вѣрнѣе—чисто *русскія*.

Выгодное положеніе Павлова, какъ колыбели сталеслесарнаго промысла, выразилось прежде всего распространеніемъ этого послѣдняго далеко за предѣлы села. Всѣ окрестныя селенія Горбатовскаго и частью Муромскаго уѣздовъ весьма скоро переняли отъ павловцевъ ихъ искусство. А что именно Павлово, а не Ворсма, и не ка-

кое другое изъ окрестныхъ селъ было этой колыбелью, что павловцы *первые* въ Россіи занялись выдѣлкой стальныхъ и желѣзныхъ предметовъ—въ этомъ трудно сомнѣваться. Всѣ болѣе крупныя фабричныя фирмы стально-слесарнаго производства имѣютъ представителей своихъ такъ, или иначе происходящихъ изъ Павлова. Отецъ нынѣ одного изъ крупнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ фабрикантовъ этого рода,—«Кондратовъ въ Вачѣ», лѣтъ 60 тому назадъ жилъ работникомъ у павловскаго кустаря Молокина и, обучившись ремеслу, самъ завелъ свое дѣло. Про Завьялова тоже говорятъ, что онъ началъ свою дѣятельность въ Павловѣ, также и про многихъ другихъ. За Павловымъ поэтому слѣдуетъ признать пальму первенства сталe-слесарнаго производства въ Россіи и иниціативу распространенія его по всему обширному району Нижегородской и Владимірской губерніи.

Если успѣшное распространеніе этого промысла далеко за предѣлы села послужило къ чести с. Павлова, то ужъ никакъ не къ выгодѣ его. Первый толчекъ къ упадку цѣнъ на павловскія издѣлія данъ былъ именно успѣхомъ этого распространенія,—завязавшейся конкурренціей—между павловцами и кустарями окрестныхъ деревень. Конкурренція эта клонилась не къ выгодѣ первыхъ, и вотъ почему, еще въ крѣпостномъ правѣ, павловцы отдались своему ремеслу всецѣло, всей душой, черпая изъ него всѣ, до послѣдняго средства къ существованію: пищу, кровъ, одежду, плату повинностей и проч. Жители-же окрестныхъ селеній, поставленные въ лучшія, сравнительно, земельныя условія, перенявъ отъ павловцевъ ихъ ремесло, занялись имъ какъ роскошью, какъ выгоднымъ источникомъ благосостоянія, а не существованія, въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій время. Обезпеченные хлѣбомъ на всю зиму, они работаютъ не торопясь, не торопясь и продаютъ свои издѣлія. Какъ это условіе, такъ равно и то, что деревенскій кустарь вырабатываетъ свои издѣлія изъ худшаго матеріала,—даютъ ему возможность продавать свои издѣлія дешевле павловскихъ мастеровъ; а такъ какъ сбытъ всѣхъ стале-слесарныхъ издѣлій производится исключительно на павловскомъ рынкѣ, то ясно, что такая близкая конкурренція должна была отозваться на павловскихъ кустаряхъ не легко.

Не легко отозвалась она и на крупныхъ фабрикантахъ этой мѣстности, хотя и по другой совсѣмъ причинѣ.

Фабрикантъ не можетъ бояться кустаря ни за качество издѣлій, ни за цѣну ихъ. Но за то кустарь зачастую маскируется именемъ фабриканта, дабы легче сбыть свои произведенія. По деревнямъ не мало однофамильцевъ, не мало и схожихъ фамилій; пользуясь этимъ, деревенскіе кустари сплошь и рядомъ штампуютъ свои произведенія именами извѣстныхъ фабрикантовъ, даже когда они и мало схожи съ ихъ собственными. Наладить любой штемпель и тискать его на всякую дрянь—это въ модѣ между крестьянами, это и за грѣхъ не считается. Нужно быть спеціалистомъ или опытнымъ «скупщикомъ», чтобы различить по внѣшнему виду плохое произведеніе кустаря отъ издѣлій извѣстныхъ фабрикантовъ. Только употребивъ ихъ въ дѣло, весьма скоро разочаровываешься въ любимомъ Завьяловѣ, Калякинѣ, Кондратовѣ, смотря какая подпись поставлена, и въ слѣдующій разъ ужъ не спросишь ихъ.

Вотъ почему конкурренція мелкихъ деревенскихъ кустарей-дилетантовъ оказалась тяжелымъ испытаніемъ не только для павловскихъ кустарей, но и для крупныхъ фабрикантовъ, въ родѣ вышепоименованныхъ. Это былъ первый, бичъ, повисшій надъ павловскимъ производствомъ и впервые его пошатнувшій.

При всемъ этомъ павловскіе кустари до 1878 года сбывали свои произведенія легко и сравнительно выгодно, оплачивая всѣ повинности и обезпечивая себѣ и своимъ семьямъ безбѣдное существованіе. Но съ 1878 года вещи измѣнились. Съ этого года ощутилось внезапное паденіе цѣнъ на издѣлія, которое затѣмъ продолжалось прогрессивно и ежегодно. Послѣдніе 2—3 года цѣны упали на 40—50 проц., а нѣкоторыя произведенія и совсѣмъ не покупались; почему упали—объ этомъ ниже; а пока слѣдуетъ сказать, что въ это время бѣдные павловцы пережили много горя, испытаній, слезъ. Они жили какъ въ потемкахъ, болѣе по привычкѣ, чѣмъ по желанію; потемки все сгущались, и, наконецъ, теперь перешли въ глубокую и безъисходную тьму.

Только-что истекшій годъ пронесся надъ Павловомъ тяжелымъ кошмаромъ. Спросъ на издѣлія, вслѣдствіе громаднаго привоза подобныхъ же издѣлій изъ-за границы, наблюдавшагося уже и въ прежніе годы, дошелъ до минимума; скупщики или вовсе не брали

товара, или предлагали за него такую цѣну, которая едва равнялась расходу, затраченному на сырой матеріалъ. А такъ какъ павловскій кустарь, за неимѣніемъ запасныхъ средствъ, въ силахъ покупать сырье только на одну недѣлю впередъ и даже менѣе—на нѣсколько дней, то непроданный недѣльный *урокъ* *) ставитъ его въ весьма критическое, чтобы не сказать болѣе, положеніе. Не на что купить желѣза, значитъ нельзя работать, значитъ—до слѣдующаго понедѣльника голодать. Вотъ почему я рѣшаюсь назвать вторымъ и рѣшительнымъ поводомъ, повергнувшимъ павловское производство въ пучину терзаній,—появленіе на нашихъ рынкахъ заграничнаго стале-слесарнаго товару. Если павловцы еще могли конкуррировать съ своими сосѣдями—деревенскими кустарями, потому что въ этой конкурренціи не играло никакой роли усовершенствованіе производства, а только побочныя условія, то теперь, ни они, ни ихъ счастливые когда-то соперники, не могутъ бороться съ заграничнымъ соперникомъ.

Всякая заграничная вещица, будь то самый простой ножикъ, замочекъ и проч., все это и лучше, и прочнѣй, и, главное, дешевле нашихъ русскихъ. Тамъ работаютъ громадныя фабрики, тамъ съ каждымъ днемъ примѣняются новыя усовершенствованія, тамъ достигнутъ minimum въ расходованіи топлива и сыраго матеріала, и maximum скорости производства; наши же павловцы застыли, замерли, на чемъ сидѣли 20, 50, 100 лѣтъ тому назадъ.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о техникѣ и о существующихъ нынѣ приспособленіяхъ фабричнаго производства, павловскій кустарь до сихъ поръ работаетъ только тѣ издѣлія, которыя дѣлали его дѣды и прадѣды, придерживаясь въ выработкѣ тѣхъ же способовъ, тѣхъ же наружныхъ даже формъ. Поэтому, какъ только спросъ на тотъ или другой сортъ издѣлій уменьшается, работающій этотъ сортъ кустарь уже становится въ безвыходное положеніе, лишается куска хлѣба; къ другому сорту работъ онъ долженъ приступить какъ ученикъ, а къ отхожему промыслу онъ не привыкъ...

*) Урокомъ называется то количество издѣлій, которое кустарь, запасаясь въ понедѣльникъ утромъ матеріаломъ, сработаетъ до утра слѣдующаго понедѣльника. Продажа издѣлій и покупка сырья производится разъ въ недѣлю по понедѣльникамъ, утромъ.

Самыя же издѣлія, начиная отъ какой-нибудь мелкой части напримѣръ—ключа и до самаго замка, дѣлаются имъ безъ всякихъ машинныхъ приспособленій, а только отъ руки; если же принять во вниманіе, что ключъ и замокъ составляются изъ 28 отдѣльныхъ частей, что каждую изъ этихъ частей нужно сковать, верхнія доски обрѣзать, корпусъ собрать, спаять, оттереть, отполировать, пригнать ключъ и проч.,—выходитъ, что онъ на все истратитъ вдвое, втрое и углей, которые съ каждымъ годомъ становятся все дороже и дороже, а потомъ времени и здоровья, которыя какъ нельзя болѣе необходимы для такой адской работы и, въ концѣ-концовъ, еще продаетъ этотъ замокъ за 5—20 коп., вмѣсто 15—40 коп.

У заграничнаго замка дуга и ключъ отлиты изъ чугуна, а корпусъ сдѣланъ посредствомъ штампа; тамъ одновременно отливаютъ массу замочныхъ корпусовъ и затѣмъ уже въ минуту ихъ собираютъ; трудъ строго раздѣленъ по разрядамъ, отчего каждая отдѣльная часть изъ-подъ руки спеціалиста выходитъ и прочнѣй, и чище; работникъ не отрывается отъ одного дѣла къ другому, его пріемы увѣренны, точны, почти автоматичны; готовыя издѣлія выходятъ изъ послѣднихъ рукъ съ быстротой и плавностью широкой рѣки, сливающейся изъ массы мелкихъ ручейковъ. Куда же обогнать ее тѣмъ извилистымъ и изсохшимъ струйкамъ, которыя являетъ собой нашъ кустарный промыселъ, струйкамъ, то и дѣло еще обращающимся вспять?..

Павловскіе кустари, въ минуты перваго отчаянія, бросились изъ роднаго села на волю, въ міръ широкій, въ погоню за кускомъ насущнаго хлѣба. Въ прошломъ году, въ продолженіи 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ, изъ павловскаго волостнаго правленія выдано было 540 письменныхъ видовъ на отлучку; но не прошло еще и лѣто какъ несчастные павловцы, общипанные, голодные, тощіе, безъ копѣйки въ дырявыхъ карманахъ, возвращались на родину. Во широкомъ міру имъ мѣста видно не нашлось; только послѣдніе кровные гроши, добытые продажей родной хаты, роднаго тулупа, мелкими камешками канули въ необъятный житейскій океанъ. Павловцы, какъ уже сказано, къ отхожимъ промысламъ, положительно непригодны.

Такова общая картина положенія павловскихъ кустарей-ремесленниковъ. Положеніе это до того бѣдственно и расшатано, что даже трудно указать настоящіе размѣры его.

Для наглядности достаточно указать, что тѣ сорта замковъ, которые до 1878 года продавались за 3 р. 20 к. десятокъ, упали къ 1882 году до 2-хъ руб., а въ настоящее время за нихъ платятъ уже 1 р. 40 к. и менѣе.

Съ наступленіемъ Нижегородской ярмарки ремесленники, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, ожидали повышенія спроса на издѣлія. Но ярмарка пришла, прошла, а между тѣмъ ожиданія не сбылись.

Спросъ въ настоящую ярмарку былъ еще ничтожнѣе прошлогодняго. Только нѣсколько счастливчиковъ изъ фабрикантовъ, въ родѣ пьянаго Митрія, успѣли продать свои запасы. Остальные привезли ихъ обратно, выжидая ярмарокъ въ Малороссіи, куда все это и отправится. А между тѣмъ кустари все работаютъ да работаютъ, а скупщики, у которыхъ склады уже ломятся отъ дешеваго товара, пріобрѣтаютъ его теперь уже чуть-ли не задаромъ. Они покупаютъ только тотъ товаръ и по такой цѣнѣ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести имъ убытка,—хоть бы годы пролежалъ онъ у нихъ въ складахъ, хоть бы на край свѣта пришлось его везти. Въ убыткѣ, въ отчаяніи, въ самомъ мрачно-драматическомъ положеніи остался только бѣдный кустарь-ремесленникъ, самый жалкій изъ трутней обширнаго и по-своему богатаго села Павлова.

Горбатовское земство, въ уѣздѣ котораго находится сей улей, неоднократно обращало на него свои милостивыя очи. Обращало впрочемъ не изъ любопытства, любознательности, или сострадания, въ каковыхъ сильно нуждается это рѣдкое село, а просто изъ своихъ личныхъ, корыстныхъ, чисто *земскихъ* цѣлей. Павлово обширно; Павлово даетъ до 40 т. ежегоднаго доходу, слѣдовательно Павлово для земства драгоцѣнно, какъ тучная дойная корова. Исходя изъ этой точки зрѣнія, горбатовское земство обложило промышленныя заведенія Павлова несоразмѣрно высокой оцѣнкой, и когда село не заплатило, земство возмутилось, вознегодовало, а управа, докладывая о семъ чрезвычайному уѣздному земскому собранію, обозвало Павлово «центромъ экономическаго благосостоянія всего уѣзда.»

Насколько таковое опредѣленіе лестно для павловцевъ въ неопредѣленномъ смыслѣ, настолько же оно невыгодно и несправедливо въ смыслѣ опредѣленномъ, въ смыслѣ дѣйствительности платежныхъ силъ.

Село Павлово ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать въ сферѣ экономическаго благосостоянія ни съ селомъ Богородскимъ этого же уѣзда, ни даже съ селеніями южной части Горбатовскаго уѣзда, гдѣ промыселъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, служитъ только подспорьемъ сельскому хозяйству, а не основой и не оплотомъ существованія.

Село Богородское настолько же славится въ Россіи своими кожевенными издѣліями, насколько Павлово— стально-слесарными Только зачатіе и развитіе тамъ кожевеннаго промысла находится въ совершенно иныхъ съ Павловомъ условіяхъ. Тамъ нѣтъ мелкихъ кустарей-ремесленниковъ; тамъ весь промыселъ сосредоточенъ въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ заводчиковъ, дающихъ бѣдному населенію годовой заработокъ; а если кто и работаетъ на свой страхъ, у того есть средства конкурировать, переждать тяжелую годину. Значитъ, населеніе болѣе, или менѣе обезпечено, по крайней мѣрѣ настолько, насколько прочно держится самъ заводчикъ.

А эти послѣдніе въ Богородскѣ держатся еще куда какъ прочно.

Предметъ ихъ производства (кожа), составляя необходимѣйшую потребность ежедневнаго крестьянскаго обихода, имѣетъ всегда ровный и всегда обезпеченный сбытъ на мѣстѣ, не прибѣгая къ посредству чужихъ скупщиковъ, вывоза на ярмарки, отдачи на коммисію и прочихъ пріемовъ павловскихъ производителей. Отправляется въ дальнія мѣста товаръ большею частью по заказу, или съ вѣрнымъ сбытомъ. Поэтому богородскіе заводчики не зарываются и не прибѣгаютъ къ внезапнымъ сокращеніямъ производства, влекущимъ за собой сокращеніе и рабочихъ рукъ.

Заграничный кожевенный товаръ, хотя онъ и гораздо лучше нашего, не произвелъ однако никакого переполоха въ нашей кожевенной промышленности. За нашимъ осталось одно огромное и главное преимущество—онъ дешевле. Поэтому для низшихъ и даже среднихъ классовъ заграничная кожа не существуетъ, а богородская всегда и вездѣ сбывается съ достаточнымъ успѣхомъ.

Все это вмѣстѣ даетъ нынѣ с. Богородску такія преимущества надъ Павловомъ, что и рѣчи быть не можетъ о сосредоточеніи въ этомъ послѣднемъ экономическихъ интересовъ уѣзда.

Южный раіонъ уѣзда занимается всего на всего лѣснымъ промысломъ; но и онъ гораздо болѣе вмѣщаетъ въ себѣ экономическаго благосостоянія, чѣмъ Павловскій. Скромное населеніе того раіона имѣетъ порядочные надѣлы, скотъ, хозяйство, а въ свободное отъ хозяйства время занимается рубкой лѣса и выжиганіемъ угля, который потомъ въ Павловѣ очень выгодно и сбываетъ. Вырученныя деньги идутъ ему въ капиталъ, между тѣмъ какъ бѣдный павловецъ эти же деньги платитъ ему изъ насущныхъ грошей, отрывая ихъ отъ семьи, отъ обѣденнаго стола съ чашкой пустыхъ и мутныхъ щей.

Весь ужасъ, весь драматизмъ павловскаго промысла и заключается именно въ этомъ послѣднемъ положеніи:—онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его сбытомъ.

Нѣтъ сбыта—нѣтъ матеріала для дальнѣйшей работы, нѣтъ возможности честно продолжать трудиться, нѣтъ хлѣба, одежды, крова. Слишкомъ много несчастій отъ одной случайности, слишкомъ неровны шансы успѣха и неудачи; слишкомъ шатки основы цѣлаго зданія, слишкомъ тонки нити, на которыхъ повѣшены въ немъ благосостояніе и жизнь тысячи и тысячи людей...

При такомъ положеніи, можно-ли позавидовать павловскому ремеслу, можно-ли безъ горькой ироніи называть его центромъ экономическаго благосостоянія, или еще болѣе того—русскимъ Шеффильдомъ и Бирмингамомъ?..

Чтобы измѣнить горькую дѣйствительность, я не говорю ужъ объ обращеніи ея въ сладкую, а просто, чтобы только смягчить слишкомъ рѣзкія краски въ ней,—необходимы, по общему мнѣнію, быстрыя и энергическія мѣры. Каковы это мѣры—на этомъ далеко не всѣ сходятся. Укажу прежде на тѣ, которыя указало мнѣ павловское сельское общество. Оно подавало свой голосъ и на земскихъ собраніяхъ, и на съѣздахъ, и даже въ пріемныхъ министровъ, слѣдовательно голосъ этотъ долженъ имѣть нѣкоторый интересъ. Прежде всего, какъ только начался еще павловскій кризисъ, Павловское общество, въ лицѣ своего представителя «дѣдушки Варыпаева», стало хлопотать о правительственной ссудѣ, для основанія артелей. Мысль была блестящая, схвачена «дѣдушкой» на лету у какого-то инженера-техника, пріѣзжавшаго въ Павлово знакомиться съ технической и финансовой стороной его производства. Съ ней Варыпаевъ носился, какъ беременная женщина, о ней печаталъ чрезъ *своихъ* корреспондентовъ въ либеральныхъ журналахъ, о ней уши

прожужжали всей Нижегородской губерніи, начиная отъ г. начальника ея, кончая своимъ адвокатомъ Блевакой-Рыжиковъ, съ ней наконецъ понесся въ Питеръ, заметался по сенаторамъ, директорамъ департаментовъ, министрамъ и всякимъ государственнымъ и полугосударственнымъ людямъ, пока въ концѣ концовъ *его* идея не восторжествовала, *его* заботы о родномъ и миломъ ему Павловѣ, о родной ему паствѣ, которая избрала его своимъ пастыремъ, — не были оцѣнены по заслугамъ, не послужили предметомъ удивленія и разговора въ кабинетахъ ихъ высокопр—ствъ, не принесли ему давно желаннаго и жданнаго *золотаго* кафтана съ золотыми кисточками...

Ссуда была разрѣшена въ размѣрѣ, если не ошибаюсь, 75 тыс. руб. Былъ посланъ отъ м-ва финансовъ единый чиновничекъ, который долженъ былъ научить Павловцевъ уму-разуму,—какъ воспользоваться упавшими съ неба деньгами.

Какъ однако ни былъ уменъ и опытенъ финансовый чиновничекъ, «дѣдушку» однако онъ не провелъ и скоро долженъ былъ скрыться съ павловскаго горизонта, оставшись, что называется, при печальномъ интересѣ. Артели пошли работать сами по себѣ, работать во всю пропалую...

Завѣдующихъ разными складами, запасами, покупками и продажами выбрало изъ себя Павловское общество и выбрало, разумѣется, по указаніямъ «дѣдушки». Племянники и «пожарники» торжествовали. На ихъ долю выпали историческія роли. Двое, напримѣръ, приставлены были къ артельной лавкѣ въ Нижнемъ на ярмаркѣ, куда собраны были отъ кустарей всѣ ихъ издѣлія. Лавки торговали плохо, по ихъ словамъ, но еще хуже была выручка. По окончаніи ярмарки, эти молодцы не привезли въ Павлово ни товару, ни денегъ... Общество потужило, покричало, но, по совѣту опять-таки «дѣдушки»,—покорилось такой волѣ Провидѣнія.

Еще двое приставлены были къ артельнымъ запасамъ сырья, т. е. желѣза и стали, благопріобрѣтенныхъ еще блаженной памяти министерскимъ чиновникомъ, на сумму свыше 15 т. руб. Товаръ и вначалѣ былъ пріобрѣтенъ не ахтительнаго качества, бракованный, какъ говорятъ злые языки, а тутъ, подъ мудрыми попеченіями «дѣдушкиныхъ» ставленниковъ, вскорѣ и совсѣмъ оказался негоднымъ. Впрочемъ, кустари съ грѣхомъ пополамъ его брали, благо даромъ

давали, а ужъ насчетъ возраста, или тамъ зачета въ счетъ будущей выручки—это ужь совсѣмъ слабо было. Разъ выручки не было, значитъ и возвращать не изъ чего было. Логичнѣе этого и придумать что-либо трудно.

Еще нѣсколько молодцовъ приставлены были къ общей кассѣ и вели артельную бухгалтерію.

Въ кассѣ, за расходами на сырой товаръ, наемъ лавки, жалованіе ставленникамъ и проч., оставалось въ началѣ операціи добрыхъ 55 т. руб.

Изъ этого капитала покупали новый товаръ, когда старый, гнилой оказался ужъ никуда негоднымъ, выдавали ссуды кустарямъ и вообще, вершили крупное коммерческое дѣло. Вершили такъ, что черезъ два года не осталось ни гроша. Въ сундукѣ лежали только безсловесныя росписочки позаимствовавшихся кустарей и некустарей, вообще, счастливчиковъ, близкихъ къ «дѣлу» и къ «дѣдушкѣ». На эти росписочки, понятно, никто сломанной подковы больше не давалъ, и склады запасовъ поэтому быстро опустѣли. Пришла и вторая ярмарка, опять навезли замочковъ, ножичковъ и проч., за цѣлый годъ работы навезли, да еще прошлогодній непроданный товаръ притащили, за лавку—тысячу рублей отдали, ставленниковъ всячески обезпечили: «везите только побольше денегъ и по меньше товару»,—говорятъ. А тѣ, или не дослышали, или перепутали, только вторую часть наставленій исполнили въ точности, а первую совсѣмъ наоборотъ. Такъ что, по возвращеніи домой, опять, какъ и въ прошломъ году, ни товару, ни денегъ при нихъ не оказалось.

На этомъ блестящая артель и лопнула. Изъ 75 т., въ два года остались для павловцевъ только пріятныя воспоминанія и то для немногихъ избранныхъ. Масса же настоящихъ бѣдняковъ-тружениковъ, чай, и не помнитъ совсѣмъ, были у нихъ артели какія, али что другое. Слышали, что казна денегъ отвалила Павлову, что ихъ «дѣдушка» выхлопоталъ у Царя, а теперь по заслугамъ и раздаетъ. Видѣли и счастливчиковъ, махавшихъ подъ носъ имъ радужными. Только отъ всего этого шуму и пестроты до нихъ доходили рѣдкіе засаленные рублевики, да и то въ видѣ подаянія. Видно не заслужили они у «дѣдушки» и у Царя...

Изъ всего этого явствуетъ только одно,—что артелями не поддержать гибнущаго Павлова; все, что носитъ характеръ или запахъ

банка, все это у насъ на Руси привыкло уже лопаться; нечего удивляться слѣдовательно и павловскимъ артелямъ. Но нельзя точно также и задумываться надъ возобновленіемъ ихъ, надъ пріисканіемъ средства близкаго къ нимъ. Фіаско было слишкомъ очевидно.

Фіаско это такъ памятно еще общественнымъ заправителямъ Павлова, что и они даже, при всемъ ихъ нахальствѣ, беззазорности, жадности, какъ-то совѣстятся, глаза потупляютъ, когда имъ вспомнишь объ артеляхъ. А на вопросъ—«не устроить-ли вновь?» отвѣчаютъ: „Хорошо-бы было... хорошо... кабы денегъ дали! Только... не дадутъ кажись... Не прививаются что-то... не пошли у насъ... эти самыя артели".

За то тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ съ большимъ апломбомъ и авторитетомъ предъявляютъ эти заправители другія требованія къ правительству, которое, будто-бы совсѣмъ позабыло ихъ въ бѣдѣ. Проекты спасенія Павлова и павловскаго промысла сводятся у нихъ къ двумъ главнымъ положеніямъ:

1) Возвышеніе пошлины на ввозимыя изъ-за границы замочныя, ножевыя и другія стально-слесарныя издѣлья и соотвѣтствующее пониженіе пошлины на заграничную сталь, необходимую при такого рода производствѣ.

2) Устройство на счетъ правительства въ с. Павловѣ технической ремесленной школы, гдѣ бы могли пріобрѣтать первоначальныя техническія познанія дѣти кустарей-ремесленниковъ.

О достоинствахъ того и другаго положенія распространяться здѣсь не буду. Объ этомъ нѣсколько словъ скажемъ ниже. Но нельзя не отмѣтить здѣсь же, что если первое требованіе заключаетъ въ себѣ чисто эгоистическіе, недальновидные и даже неблаговидные расчеты, второе указываетъ на зародышъ пробуждающагося наконецъ въ павловцахъ сознанія дѣйствительности, сознанія своихъ ошибокъ и желанія побѣдить ихъ путемъ разумной и осмысленной борьбы. Зародышъ этотъ, къ сожалѣнію, еще на столько слабъ, что о немъ можно только заикаться, но не говорить. За то въ немъ залогъ успѣха, просвѣтленія, которому и хочется и отрадно вѣрить.

Первое положеніе, т. е. необходимость возвышенія пошлины, признано въ Павловѣ открыто, смѣло, и въ этомъ духѣ поступили уже отъ павловцевъ оффиціальныя ходатайства. Такъ, въ отвѣтъ на запросъ Горбатовской уѣздной управы о существующихъ цѣнахъ на павловскія издѣлья, Павловское волостное правленіе, препроводило еще въ прошломъ году въ управу для доклада земскому собранію цѣлый докладъ о современномъ экономическомъ состояніи села Павлова, гдѣ въ заключеніе, въ видѣ мѣры для улучшенія его, приведено это ходатайство. Докладъ волостнаго правленія кончается слѣдующими словами: «... конечно земство не повѣритъ, что многіе бѣдные ремесленники прибѣгаютъ къ тому, чтобы выпросить кусокъ хлѣба подъ окномъ у своего собрата—нищаго, а между тѣмъ это фактъ»!..

Преобладающее кустарное производство въ Павловѣ—замочное. Имъ занято до 900 семействъ съ числомъ душъ свыше 3 тыс. чел. Кромѣ нихъ, 300 семействъ выдѣлываютъ разныхъ сортовъ ножи, вилки, ножницы, бритвы, топорики для колки сахара, свистки, штопоры, казачьи пики и проч. Въ числѣ ихъ есть коваля, лительщики и уборщики товара. Всего занято кустарнымъ стале-слесарнымъ промысломъ въ с. Павловѣ 1200 семействъ съ 4 тыс. душъ. Кромѣ этихъ семействъ, занятыхъ исключительно однимъ названнымъ промысломъ въ Павловѣ наберется до 200 домовъ, добывающихъ средства къ жизни и другими разнородными занятьями, какъ напр.: портныхъ, сапожниковъ, сундучниковъ, рыболововъ и проч.

Вся остальная часть населенія относится къ такъ-называемому—*торговому* сословію.

Павловскій кустарный промыселъ въ частности дѣлится на слѣдующія категоріи:

1) *Кустари замочники.*

Этимъ производствомъ, какъ сказано выше, занимается 75 проц. всѣхъ павловскихъ кустарей; вырабатываемые ими замки подраздѣляются на слѣдующіе сорта:

а) Такъ называемые шведскіе замки. Кому не знакомы эти маленькіе, желтенькіе замочки, столь распространенные во всѣхъ классахъ нашего общества? Конструкція ихъ весьма проста, матеріалъ—мѣдь, желѣзная дуга и стальная пружинка. Надъ этимъ сортомъ

замковъ трудится почти половина всѣхъ павловскихъ замочниковъ, т. е. до 480 семействъ съ 1,300 душъ, изъ числа которыхъ работаютъ до 850 чел. взрослыхъ и до 450 чел. женщинъ и дѣтей отъ 12 до 16-лѣтняго возраста.

б) Винтовые замки. Эти нѣсколько сложнѣй, съ ключемъ въ видѣ винта. Ими занимается до 150 семействъ, состоящихъ изъ 750 душъ.—280 чел. взрослыхъ, остальные женщины и дѣти.

в) Рѣпчатые замки; ими занимается до 100 семействъ, изъ 500 душъ,—170 взрослыхъ, остальныя женщины и дѣти.

г) Склепные—25 семействъ, 150 душъ.

д) Большіе конные винтовые—5 семействъ, 27 душъ.

е) Шведскіе балагурскіе—5 семействъ, 20 душъ.

ж) Секретные—7 семействъ, 40 душъ.

з) Цѣнные, чемоданные, ошейные, сумочные, коробчатые и трехобручные—10 семействъ, 50 душъ.

и) Мѣдно-литейные—15 семействъ, 85 душъ.

і) Отдѣлывальщики и покрывальщики замковъ—100 семействъ, 325 душъ. Этотъ классъ кустарей беретъ у замочниковъ собранные, но не отдѣланные замки и отдѣлываетъ ихъ у себя на дому.

к) Ключи къ замкамъ; специально этимъ промысломъ занимается до 15 домовъ, при 28 взрослыхъ взрослыхъ работникахъ и 20 женщинахъ и дѣтяхъ.

2) *Кустари ножевщики.*

а) Хлѣборѣзные ножи—40 семействъ, 105 душъ.

б) Складные карманные—18 семействъ, 54 души.

в) Перочинные—16 семействъ, 34 души.

г) Складные штопорные—15 семействъ, 36 душъ.

д) Столовые—13 семействъ, 75 душъ.

е) Бритвы. Это производство нынѣ въ Павловѣ совсѣмъ исчезаетъ. Когда-то имъ занимались весьма многіе, теперь только—три семейства при 23 рабочихъ.

ж) Ножницы всѣхъ сортовъ—23 семейства, 180 работающихъ.

Къ разряду павловскихъ кустарей слѣдуетъ причислить еще слѣдующія отрасли занятій:

а) До 90 семействъ, при 250 рабочихъ, работаютъ специально

надъ ковкой дугъ къ замкамъ, лезвій ножей и ножницъ и коромыселъ.

б) До 18 семействъ, при 55 рабочихъ,—надъ производствомъ вѣсовыхъ коромыселъ.

в) До 20 рабочихъ занимаются въ кузницахъ надъ выдѣлкой инструментовъ и хозяйственныхъ вещей.

г) До 60 семействъ, при 262 рабочихъ, занимаются надъ личкой калкой и направкою ножевыхъ издѣлій.

д) До 22 семействъ, при 45 рабочихъ, специально занимаются уборкою товара, т. е. завертываютъ его въ бумагу и въ этикеты.

е) До 5 семействъ, при 20 рабочихъ, занимаются починкою старыхъ замковъ.

ж) Два семейства, при 11 рабочихъ, дѣлаютъ полицейскіе свистки.

з) Два семейства, при 6 рабочихъ, рѣжутъ клейма.

и) Одно семейство, при 4 рабочихъ, готовитъ гайки на ножи.

і) До 28 человѣкъ занимаются глянчаніемъ столовыхъ ножей.

к) Три семейства, при 25 рабочихъ, дѣлаютъ штопора.

Одно семейство извѣстнаго въ Павловѣ крестьянина Пахомова, при 4 работникахъ, уже 56 лѣтъ занимается выработкою казачьихъ пикъ, которыя у него покупаютъ торговцы изъ Оренбургской губерніи. Вырабатывается ихъ до 3,000 штукъ въ годъ.

Сопоставляя теперь цифры трудящихся взрослыхъ мужчинъ, съ женщинами и дѣтьми, слѣдуетъ сказать, что, изъ общаго числа 4 тыс. кустарей, на долю взрослыхъ приходится около 2,600 чел., женщинъ и дѣтей—1,400 чел., значитъ, немного болѣе $^1/_3$ всего числа. Этотъ разчетъ показываетъ наглядно на сколько не лѣниво и привычно къ своему тяжкому труду населеніе с. Павлова; вся его прекрасная половина и дѣти уже съ 11-ти лѣтняго возраста принимаютъ равный удѣлъ въ общей борьбѣ за существованіе...

Такъ называемый *торговый* классъ с. Павлова состоитъ изъ болѣе, или менѣе богатыхъ фабрикантовъ и скупщиковъ. Богатыхъ фабрикантовъ тамъ не много—всего три четыре человѣка наберется за то скупщиковъ—пропасть. Лицъ-же, вообще ведущихъ болѣе обширное производство, можно насчитать въ Павловѣ до 50-ти.

Фабрикантамъ живется въ Павловѣ не дурно. Хотя общій застой въ дѣлахъ, паденіе цѣнъ и проч. и на ихъ дѣлахъ отразились неблагопріятно, однако они далеки еще отъ отчаянія, отъ той бездны, въ которую летятъ теперь кустари. Они имѣютъ своихъ *постоянныхъ* покупателей и каждый—свой постоянный раіонъ сбыта. Одинъ напримѣръ, Западный край, другой—Малороссію, третій—Бессарабію и т. д. Другъ другу они не мѣшаютъ, цѣнъ не сбиваютъ и этимъ достигли постоянства, привычки, такъ сказать, къ своему товару, у покупателя. Иной и знаетъ что заграничный замочекъ, или ножъ, лучше русскаго, а беретъ все-таки послѣдній: очень ужъ привыкъ къ знакомому клейму. На этой вѣковой привычкѣ русскаго человѣка къ однообразію внѣшнихъ формъ жизни держится весь складъ нашей провинціальной жизни, наша торговля и промышленность. Эти черта помогла и павловскимъ фабрикантамъ укрѣпиться на извѣстныхъ рынкахъ, если не качествомъ своихъ издѣлій, то по крайней мѣрѣ количествомъ и дешевизной ихъ. Фабрикантъ многія вещи дѣлаетъ лучше кустаря, но далеко не всѣ. Малое усовершенствованіе технической стороны такого рода нашихъ фабрикъ и торопливость производства, имѣющаго одинъ девизъ себѣ,—какъ-бы побольше сдѣлать и поменьше заплатить рабочимъ, сжечь дровъ—эти два качества отражаются естественно и на издѣліяхъ фабрикантовъ, придавая имъ лоснящійся внѣшній видъ и далеко несоотвѣтствующую тому доброту. Кустарь трудится монотонно, иногда съ любовью и тщаніемъ,—и тогда издѣлія его, по многимъ отраслямъ, въ своемъ родѣ совершенство. Но фабрикантъ пускаетъ свои пятакомъ дешевле,—и народъ беретъ ихъ,—благо они красивѣе и дешевле. Беретъ разъ, два, а тамъ привыкъ,—и вотъ Варыпаевы, Завьяловы, Калякины, Щеткины уже нераздѣльные спутники его домашняго обихода. Такимъ порядкомъ складывается благосостояніе крупныхъ павловскихъ фабрикантовъ на счетъ кустарей; поэтому не боятся они даже грозной заграничной конкуренціи.

Самый распространенный въ Павловѣ родъ занятій между торговымъ классомъ—купля и продажа павловскихъ кустарныхъ издѣлій. Скупщикъ! — Сколько знаменательнаго, сколько грознаго и ненавистнаго заключается для павловскаго кустаря въ одномъ этомъ словѣ! Сколько надеждъ, упованій и сильно горькихъ минутъ разочарованія, отчаянія, злобы пережито имъ въ долгіе часы его недѣльной работы, въ мечтѣ о покладистомъ или упрямомъ скупщикѣ! Какъ сильно бьется его сердце, когда темнымъ и холоднымъ утромъ понедѣльника спѣшитъ онъ на базарную площадь къ знакомой лавочкѣ, къ знакомому скупщику!.. Съ какой силой отчаянія проталкивается онъ сквозь густую толпу, швыряетъ на прилавокъ свой товаръ!.. Какъ равнодушно по виду выслушиваетъ онъ отвѣтъ скупщика: «гривенничекъ», «пятиалтынный», «не надо», и какъ уныло потомъ несетъ свой скарбъ дальше, къ другому, чтобы, въ концѣ концовъ, все-таки сбыть его не дороже! Съ какимъ мрачнымъ и сосредоточеннымъ лицомъ спѣшитъ онъ тогда въ родной кабакъ, чтобы потопить въ водкѣ свои несбывшіяся мечты, и на днѣ грязнаго опорожненнаго стакана — найдти новыя, еще радужнѣе и несбыточнѣй!..

Скупщикъ въ Павловѣ, — все одно что щука въ озерѣ; — но эта щука, наводя ужасъ на карасей, въ то же время совмѣщаетъ въ себѣ и всѣ ихъ надежды, весь смыслъ ихъ существованія.

Павловскіе кустари, въ своемъ отчаяніи, нравственно отупѣлые отъ неудачъ и голода, цѣлыми толпами кричатъ: «Все скупщики виноваты! Все они кровопійцы! Совсѣмъ цѣну сбили, послѣдній кусокъ хлѣба отняли»!..

Трудно оставаться равнодушнымъ къ этимъ грознымъ и въ то же время безпомощнымъ крикамъ голоднаго и оборваннаго, дрожащаго на холодѣ, люда. Трудно въ первую минуту не отдаться естественному чувству жалости, а затѣмъ и негодованія противъ виновниковъ такого бѣдствія. Но проходятъ эти первыя минуты, являются на смѣну имъ размышленія, является потребность логическихъ выводовъ, болѣе основательнаго знакомства съ предметомъ, и если жалость еще остается, то негодованіе и злоба почти исчезаютъ. Постараюсь объясниться.

Скупщикъ страшенъ для павловскаго кустаря потому, что, кромѣ его, некому больше купить у кустаря его издѣлій. Монополія покупки утвердила за нимъ естественныя преимущества сильнаго надъ слабымъ. Добродушный и апатичный павловецъ покорился этимъ преимуществамъ уже давно, еще тогда, когда скупщикъ давалъ ему денегъ вволю, слишкомъ достаточно и на хлѣбъ и на водку. Скупщикъ избавилъ павловца отъ необходимости шевелить мозгами, двигаться, выглядывать изъ своей норки. Дальше краевъ раковины

улитка не глядитъ, дальше роднаго Павлова павловскій кустарь и знать ничего не хочетъ. Зачѣмъ скупщикъ покупаетъ его произведенія, кому продаетъ ихъ потомъ, по какой цѣнѣ, въ какихъ краяхъ — онъ этомъ никогда не интересовался. Продалъ, получилъ деньги, сходилъ въ кабакъ, потомъ въ лавку, купилъ все что нужно на недѣлю, заперся опять въ своей норкѣ и работаетъ до слѣдующаго понедѣльника. Такъ текла его жизнь годы, десятки и сотни лѣтъ.

Кустарь никогда не любилъ скупщика; правильнѣй, онъ относился къ нему всегда съ извѣстнымъ добродушнымъ ругательствомъ. Ему всегда казалось, что его обсчитываютъ и надуваютъ; точь въ точь, какъ пріѣзжій мужичекъ продаетъ на базарѣ возъ сѣна, дровъ; сколько ни заплати ему, онъ всегда жалостно кряхтитъ, да сомнительно почесывается.

Но лѣнивый умъ павловскаго кустаря не шелъ дальше этого добродушнаго кряхтѣнія, пока желудокъ его былъ еще полонъ и печь горяча.

Когда же впервые скупщикъ предложилъ ему вмѣсто 2 р. $1^1/_2$, а потомъ и 1 р., когда — по выходѣ изъ кабака, не оказалось въ карманѣ лишней копѣйки на покупку муки, дровъ, — кустарь сталъ въ полный тупикъ. Зачѣмъ, отчего, почему? — смутно зашевелилось въ его отуманенномъ мозгу. А на утро, проснувшись въ холодной хатѣ и съ пустымъ желудкомъ, эти вопросы приняли уже размѣры тупой и болѣзненной злобы.

Онъ помнилъ только рожу скупщика, равнодушную къ его просьбамъ и причитаніямъ, его заскорузлые пальцы, отсчитывающіе ему злополучный рубль вмѣсто двухъ.

Онъ помнилъ только, что не разгибалъ спины всю прошлую недѣлю, что работалъ не хуже, если не лучше прежняго, что у него жена, дѣти, что скоро однимъ членомъ еще больше въ семьѣ станетъ, что... За что же? шевелится все тотъ же тупой и горькій вопросъ. Онъ помнилъ отлично, что пропилъ не больше, какъ всегда, какъ положено, и вдругъ—пусто, ни копѣйки. За что же, чѣмъ жить теперь?..

И вотъ, въ уединеніи темной мастерской, нагнувшись надъ своимъ станкомъ и подзадориваемый спазмами въ желудкѣ, онъ вздыхаетъ все глубже и жалобнѣй; тупая злоба ростетъ, и ростетъ, принимая наконецъ размѣры одной гигантской, все омрачающей и все подавляющей въ немъ и кругомъ него, идеи.

— Кровопивца!.. Вампиръ!.. Кровь высосалъ всю...» шепчутъ его синія губы, и, мало-по малу, кромѣ этой мысли, этихъ глухихъ звуковъ, ничего ужъ не состояніи онъ думать и говорить.

Вотъ почему любой павловскій кустарь, спросите его только о причинахъ его бѣдности, безъ запинки отвѣтитъ вамъ, что всему вина и причина — скупщикъ. Онъ его разорилъ; онъ на согнутыхъ трудомъ спинахъ бѣдняковъ выстроилъ себѣ хоромы; онъ держитъ въ рукахъ тысячи тревожныхъ и голодныхъ существованій Кромѣ него, для павловскаго кустаря нѣтъ другихъ бѣдъ. Заграничная конкурренція, усовершенствованія техники, вопросы общеэкономическаго застоя—все это недоступно, не существуетъ для простаго кустаря-ремесленника. Объ этомъ толкуютъ фабриканты, скупщики, да павловскіе аристократы, въ родѣ Блеваки, волостнаго писаря и друг. Но сколько они ни убѣждай темныя и грязныя массы кустарей,—все напрасно. Всѣ убѣжденія какъ волны разбиваются о гигантскую скалу одной мысли, одного убѣжденія: — всему виноваты скупщики.

Но не одни только темные павловскіе кустари такъ думаютъ. Ихъ дружный голосъ, какъ ревъ далекаго взбаламученнаго моря, находитъ себѣ точные отголоски и на берегу, на твердой, культивированной почвѣ.

И г. Боборыкинъ въ своемъ очеркѣ и многіе другіе, писавшіе и говорившіе о Павловѣ,—всѣ свои доводы, разсужденія и обвиненія сгруппировали на одномъ фокусѣ—на скупщикѣ. По ихъ мнѣнію, это главная язва павловской промышленности, это паразитъ, прильнувшій къ роскошному растенію, сосущій его соки, послѣдніе дорогіе соки. Растеніе сохнетъ, гнется,—и скоро, скоро его не станетъ.

Такого рода мнѣніе лицъ образованныхъ и спеціально знакомившихся на мѣстѣ съ Павловомъ—не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Въ свою бытность въ Павловѣ, я особенно усердно занялся изслѣдованіемъ этого вопроса и пришелъ къ заключеніямъ нѣсколько инымъ, чѣмъ мои предшественники. Заключенія эти прежде всего своеобразны тѣмъ, что въ нихъ строгаго мнѣнія нѣтъ. Я вслушивался въ неясный и грандіозный ревъ взволнованнаго моря

моря павловскихъ кустарей, пробовалъ изслѣдовать въ отдѣльности каждую волну его, со вниманіемъ выслушивалъ и бѣднѣйшихъ кустарей и богатѣйшихъ фабрикантовъ и кулаковъ-скупщиковъ и варыпаевцевъ, слышалъ рѣчи и умныя и неумныя, и простыя и хитрыя, и кроткія и злобныя, и тупое молчаніе, и площадное ругательство, читалъ, думалъ смотрѣлъ,—и пришелъ къ тому убѣжденію, никакого прочнаго убѣжденія въ этомъ вопросѣ быть не можетъ.

Скупщики безспорно наживаются на счетъ кустарей; но они необходимы для Павлова не только какъ щука въ озерѣ, но просто — какъ вода, воздухъ, потому что ихъ родило это же Павлово, это же бунтующее теперь противъ нихъ море голодныхъ кустарей; родила ихъ русская безпечность, сонливость и добродушіе павловскихъ кустарей и не побѣдить ихъ теперь ни силѣ русскихъ доводовъ, ни крѣпости русскихъ кулаковъ, ни грубости и дикости русскаго негодованія. Два года артельнаго періода въ Павловѣ лучше всего доказали эту послѣднюю истину. Павловскій кустарь, уже озлобленный тогда противъ скупщика, когда ему даромъ давали матеріалъ и обѣщали издѣлія изъ него продать съ большимъ барышомъ внѣ Павлова, только бы онъ несъ ихъ въ артельную лавку, — этотъ же кустарь, когда издѣлія его были готовы, тащилъ ихъ все-таки украдкой, подъ полой, къ знакомому скупщику, безъ торгу совалъ ихъ ему въ корзину и прокрадывался, вполнѣ довольный, сколько бы ему за нихъ ни дали, въ кабакъ.

Лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ: вотъ принципъ всѣхъ павловцевъ, да я думаю и вообще всѣхъ.

Исходя изъ этого принципа, нельзя винить павловскихъ скупщиковъ за ихъ существованіе тамъ, ибо безъ нихъ павловскимъ кустарямъ пришлось бы ждать журавля въ небѣ; нельзя винить и этихъ послѣднихъ за опрометчивое желаніе продать свой товаръ непремѣнно скупщику, и сегодня, а не прождавъ день, два, сообща съ другими, повезти его въ городъ, ибо на то нѣтъ у кустаря ни запасныхъ средствъ, ни природнаго терпѣнія, ибо ждать—не въ натурѣ русскаго простолюдина: «вынь да положь, а что будетъ—того еще не знаемъ».

Нельзя точно также винить скупщиковъ, что они за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ теперь павловскія издѣлія, потому-что и на то есть масса причинъ. Кромѣ главной—обще-экономической—застоя въ на-

шихъ торговыхъ дѣлахъ, обѣднѣнія низшихъ классовъ, которые потому довольствуются теперь вдвое скромнѣе чѣмъ прежде—есть еще причина внутренняя, мѣстная, павловская. Эта причина—размноженіе съ одной стороны скупщиковъ, а съ другой — прогресивное ухудшеніе въ качествѣ кустарныхъ павловскихъ издѣлій.

Первое обстоятельство, казалось бы наоборотъ, должно повысить предлагаемыя кустарямъ цѣны, вслѣдствіе конкуренціи; но выходитъ не такъ. Когда скупщиковъ было всего нѣсколько человѣкъ на все Павлово, они торговали очень большими партіями и, отправляя ихъ въ свои районы сбыта, не боялись тамъ, на мѣстѣ, конкуренціи мелкихъ торговцевъ. Теперь же, когда въ базарные дни цѣлыми рядами стоятъ пріѣзжіе скупщики: евреи, коробочники и проч., крупные скупщики уже не могутъ давать прежней цѣны по той простой причинѣ, что весь купленный другими товаръ будетъ конкурировать имъ на мѣстахъ сбыта. Надо купить по возможности дешевле, чтобы дешевле и предложить его покупателю.

Второе обстоятельство едва-ли не важнѣй еще перваго. Издѣлія павловскихъ кустарей съ каждымъ мѣсяцемъ, недѣлей, днемъ даже становятся все хуже, небрежнѣй. Старыхъ, извѣстныхъ своей добросовѣстностью, семей осталось въ Павловѣ на перечетъ; ими скупщики чень дорожатъ; ихъ товаръ покупается за высокія цѣны и имъ дѣлаютъ всевозможныя одолженія. За то масса работаетъ такъ, лишь бы только побольше сработать къ понедѣльнику.

Кто прежде работалъ 60 замковъ въ недѣлю, норовитъ теперь смастерить сотенку—надо же ему выручить тѣ 3—4 рубля, которые необходимы для пропитанія. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. И чѣмъ дешевле даетъ скупщикъ за товаръ, тѣмъ хуже онъ приносится на рынокъ въ слѣдующій разъ. А чѣмъ хуже товаръ, тѣмъ дешевле даетъ скупщикъ. И т. д. безъ конца, какъ безконечный винтъ, который долбитъ, да долбитъ жизнь и благосостояніе бѣдныхъ павловцевъ.

Кто-жъ тутъ виноватъ?.. Виноватъ, по здравой логикѣ, тотъ, кто первый далъ толчекъ этому винту. Или кустарь сталъ первый хуже работать, или скупщикъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ платить ему дешевле. Допустимъ второе. Допустимъ что скупщики сговорились и разомъ, безъ всякой видимой причины, понизили плату.

Но на это я скажу—нѣтъ дѣйствія безъ причины. Скупщикъ

слишкомъ уменъ, чтобы озлоблять противъ себя кустаря, слишкомъ дальновиденъ, чтобы не предвидѣть, что чѣмъ ниже будутъ предлагаемыя имъ цѣны, тѣмъ хуже будутъ предлагаемыя ему издѣлія; въ итогѣ вышелъ бы одинъ фиктивный барышъ. Скупщики не могли выдумать этой комбинаціи уже и потому, что между ними стачка не мыслима. Многіе изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Павлово только по базарнымъ днямъ для закупки товара и тотчасъ уѣзжаютъ; другъ друга они не знаютъ тѣмъ болѣе, что одни смѣняются постоянно другими. А коренные, павловскіе,—ихъ такъ не много уже теперь, что всякая стачка между ними повлекла-бы только къ выгодѣ пріѣзжающихъ и къ разоренію ихъ самихъ. Значитъ, если не могло быть заблаговременно уговора между скупщиками, не могло случиться и *безпричиннаго* внезапнаго пониженія или предлагаемыхъ цѣнъ.

Скупщикъ чутокъ ко всѣмъ внѣшнимъ измѣненіямъ въ мірѣ его операцій. Онъ, какъ барометръ, отражаетъ на себѣ колебаніе воздуха и если даетъ за вещь гривенничкомъ меньше, значитъ тамъ, гдѣ нибудь на Украйнѣ, въ Западномъ краѣ, или въ другомъ мѣстѣ замочковъ набралось слишкомъ много, народъ сталъ ихъ покупать меньше.

А затѣмъ ужъ понятно, что чѣмъ предлагаемый товаръ имѣетъ меньше спросу, тѣмъ онъ долженъ быть дешевле. Поэтому и скупщики должны были сдѣлать свой товаръ дешевле, а для этого и сами пріобрѣтаютъ его дешевле. Вотъ и вся комбинація...

Кто же все-таки первый далъ толчекъ роковому винту?..

Ни кустарь, ни скупщикъ; такъ значитъ никто?..

Некто, но *что-то*, отвѣчу я. Тѣ отдаленныя, сложныя и туманныя причины обще-государственнаго свойства, которыя составляютъ спеціальность политической экономіи и до которыхъ докопаться нѣтъ у меня ни времени, ни охоты, ни умѣнья... Причины эти одинаково повліяли на разореніе Павлова, какъ и на разореніе десятковъ и сотенъ нашихъ богатѣйшихъ фабрикъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ, банковъ и проч. и проч.

Немудрено поэтому, что темный павловскій кустарь не можетъ и не хочетъ ихъ понять.

Возвращаясь еще разъ къ скупщику, слѣдуетъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ о его личности и о его качествахъ.

Скупщикъ, какъ субъектъ, есть продуктъ народной массы, на-

родныхъ интересовъ; грубы и низменны эти интересы, низменны и пріемы скупщика къ достиженію личнаго благосостоянія. Онъ концентрируетъ въ себѣ всѣ свойства базарной толпы, проникается ея жизнью, духомъ, и все это для того, чтобы быть сильнѣе ея, чтобы надуть, или только поприжать ее. Часто это кулакъ въ полномъ смыслѣ слова, часто онъ умный и честный по своему человѣкъ, но всегда онъ выше массы, онъ ея свѣтъ, ея страхъ, угроза. Оно не всегда симпатиченъ—это вѣрно; но онъ безусловно необходимъ для массы при настоящихъ ея нравахъ, необходимъ какъ бичъ для лѣнивой и упрямой лошади—это тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Къ числу нареканій на скупщиковъ и на ихъ грубую эксплоатацію населенія относятся, между прочимъ, и слѣдующія жалобы: говорятъ, что они платятъ кустарямъ взамѣнъ издѣлій сырымъ товаромъ, залежалымъ, попорченнымъ, но тѣмъ не менѣе идущимъ по очень высокой цѣнѣ; сбывая это старье, которое сами покупаютъ за безцѣнокъ, они приплачиваютъ къ нему деньгами очень незначительную сумму. При самихъ денежныхъ разсчетахъ, многими изъ нихъ практикуется, будто бы, слѣдующая операція: они или выдаютъ плату въ одной крупной ассигнаціи на нѣсколько человѣкъ, или на эту же сумму даютъ росписку, по которой продавцы получаютъ деньги съ какого-либо другаго лица по указанію скупщика. Въ обоихъ случаяхъ они получаютъ одну бумажку, которую надо раздѣлить между многими. Тутъ вотъ и начинается для нихъ пытка. Разсчеты путаются, начинаются ссоры и завершаются они просьбой размѣнять деньги. Если скупщикъ самъ платилъ, онъ посылаетъ мѣнять къ своему знакомому; если далъ росписку на кого нибудь другаго, то этотъ другой посылаетъ мѣнять ассигнацію къ скупщику. Въ обоихъ случаяхъ за промѣнъ взыскивается 1—3 к. за рубль и деньги, по заранѣе составленному уговору между скупщиками, поступаютъ въ пользу того изъ нихъ, кто покупалъ товаръ. Обмѣниваясь такими взаимными услугами, скупщики будто-бы на этомъ одномъ дѣлѣ нажили цѣлыя состоянія—«на промѣнѣ денегъ да на платежѣ сырымъ матеріаломъ», какъ отзываются ихъ ненавистники.

Говорятъ, были и почище дѣла. Въ доброе старое время скупщики держали лавки, гдѣ, кромѣ запасовъ сырья для производства, можно было найдти всякую съѣстную провизію и даже водку. Тогда кустарь за свои издѣлья ничего не получалъ деньгами,—все нату-

рой. Гнилой муки, подмоченнаго хлѣба, сушеной рыбы, да горькаго сала—всего этого суютъ ему хочешь-не хочешь; денегъ не полагалось. Кустарь ругался, но бралъ, чтобы перепродать всю эту дрянь въ кабакѣ за полцѣны. Половину этой половины пропивалъ, а на остальное жилъ—понятно впроголодь. Зачѣмъ-же онъ несъ издѣлья къ такому кулаку? спроситъ читатель. Затѣмъ, что тогда, въ оное доброе время, скупщиковъ было еще очень мало въ селѣ; несъ волей-неволей потому, что некуда было больше нести.

На сколько все это чистая правда—не берусь судить. Нѣтъ дыма безъ огня... Могу сказать только одно, что въ настоящее время такихъ скупщиковъ, которые бы платили за товаръ сырьемъ, осталось на селѣ не много. Эту манеру вывели пріѣзжіе скупщики, которые разсчитываются на чистоганъ. Еще меньше осталось и такихъ, которые бы практиковали съ «промѣномъ»; но что они еще остались—это безспорный фактъ.

Могу засвидѣтельствовать также и фактъ уплаты кустарямъ купонами, которые обмѣниваются ими потомъ съ большими потерями. Могъ бы я привести здѣсь и еще нѣсколько кунштюковъ ловкихъ павловскихъ коммерсантовъ съ неуклюжими кустарями, да длинно ужъ больно выйдетъ. Но лавки, которая бы разсчитывалась съ ремесленниками гнилой съѣстной провизіей, нынѣ положительно нѣтъ. Говорятъ, что она существовала еще въ прошломъ году. Можетъ быть...

Таково въ общихъ чертахъ современное положеніе павловскаго стале-слесарнаго промысла и степень экономическаго благосостоянія его производителей. Картинка не изъ отрадныхъ, скажутъ мнѣ. Побывайте на мѣстѣ, убѣдитесь, испытайте сами, отвѣчу я, и мои краски покажутся еще, можетъ быть, слишкомъ свѣтлыми, общія черты—слишкомъ сдержанными и сухими...

Первый день, который я встрѣтилъ въ Павловѣ,—сѣрый, холодный, ненастный—былъ воскресенье. Я проснулся, къ стыду своему, довольно поздно, часовъ около десяти, когда торжественный благовѣстъ возвѣщалъ уже окончаніе обѣдни. Это меня порядочно-таки опечалило; наканунѣ я засыпалъ съ самымъ твердымъ намѣреніемъ встать пораньше и попасть къ обѣднѣ, чтобы тамъ присмотрѣться первоначально къ павловцамъ.

— У насъ раненько начинается, въ 8 часовъ, — объявила мнѣ

вчера хозяйка квартиры, женщина, что называется, изъ самыхъ радушныхъ и сообщительныхъ.

— Надѣюсь встать! Непремѣнно даже встану, увѣрялъ я ее, принимая геройскую осанку и страшнымъ усиліемъ мускуловъ подавляя широкую зѣвоту.

— Такъ ужъ я будить не велю... Сами авось проснетесь.

— Да, да, какже! Самъ проснусь! Непремѣнно.. А если того... просплю я малость, такъ и разбудить можно. Даже непремѣнно разбудите!..

Но геройство уступило мѣсто усталости и давней привычкѣ, а милая хозяйка видно пожалѣла дорогаго гостя. Какъ бы тамъ ни было, но обѣдню я проспалъ, а слѣдовательно торопиться было некуда; разстаться же съ теплой кроватью было такъ трудно. Приходя мало по малу въ себя, я съ любопытствомъ оглядывалъ свою спальню и гостиную, которая теперь вся почти была видна сквозь настежъ растворенныя двери. Мнѣ показалось въ первыя минуты пробужденія, что я гощу гдѣ-нибудь въ деревнѣ, у хорошихъ знакомыхъ. Вся обстановка дышала миромъ и чинностью далекихъ, глухихъ уголковъ. Ярко навощенный полъ, мягкая мебель въ опрятныхъ чахлахъ, два старинныхъ трюмо въ гостинной, передній уголъ, весь сверкающій дорогими образами, узорчатый коверъ подъ établissement и цыновка черезъ обѣ комнаты—все это придавало этимъ послѣднимъ видъ уютной квартирки, которыя изрѣдка встрѣчаются на окраинахъ столицы, у чиновницъ средняго разряда, а чаще гораздо въ деревняхъ, у домосѣдокъ-помѣщицъ. Цвѣты на окнахъ, неизбѣжный гераніумъ и ярко-бѣлыя занавѣски дополняли эту иллюзію.

Хотя мглистое и сырое утро выглядывало изъ-за спущенныхъ шторъ моей спальни далеко не весело, здѣсь, однако, въ этихъ двухъ комнаткахъ, не чувствовалось отъ этого хуже. Напротивъ: однообразно-матовый свѣтъ ложился такъ ровно и покойно, точно хотѣлъ запечатлѣть чинность и гармонію всей незатѣйливой обстановки; у меня же на душѣ, послѣ прекрасно проведенной ночи, было само по себѣ весело и гармонично.

— Однако, у кого же это я? подумалъ я, достаточно насладившись и сладкими потягиваніями и созерцаніемъ своихъ аппартаментовъ.

Неуклюжій мужичекъ въ сѣромъ подпоясанномъ кафтанѣ, на

которомъ спереди болталась криво приколотая медалька, косматый, лохматый и грязный, вскорѣ разрѣшилъ мои недоумѣнія. То былъ „сотскій“, приставленный для услугъ къ моей особѣ. Онъ появился на мой зовъ не тотчасъ. Сначала за дверью послышался шопотъ и шелестъ, потомъ, сквозь узкую щель осторожно отворяемой двери, почтительно высунулась его всклокоченная голова, затѣмъ одно за другимъ втиснулись и широкія плечи, а наконецъ, послѣ короткаго раздумья, и тяжелыя ноги, точно изъ мѣшка. Верхомъ почтительности ему, повидимому, казалось влѣзть въ наивозможно узкое отверстіе. Поэтому онъ тщательно придерживалъ руками дверь, все время пока лѣзъ въ нее, не рѣшаясь расширить щель ни для громадныхъ плечъ, ни для толстыхъ ногъ.

Втиснувшись наконецъ весь, онъ остановился, переминаясь и глядя вопросительно на меня.

— Да подойди-же ты! позвалъ я его, улыбаясь.

Онъ тронулся ко мнѣ, переступая какъ медвѣдь на горячихъ угольяхъ.

— Чей это домъ?..

— Домъ-отъ?..

— Да, домъ!

— Домъ Лысковыхъ, сироткамъ, значитъ, Лысковымъ принадлежитъ, что апосля Николы Лыскова остались.

— Кто-же онъ такой былъ?..

— Кто это!.. Лысковъ?..

— Ну да, Лысковъ.

— А Лысковъ фабрикантъ, значитъ, былъ... фабричку тутъ неподалече держалъ.

— А вотъ эта старуха вчерашняя, она кто-же?..

— Старуха-то?.. Да она имъ бабка приходится, сироткамъ, значитъ, этимъ. Покойнаго Николы мать.. А таперече, значитъ, опекуншей состоитъ, присмотромъ занимается.

Послѣ короткаго молчанія онъ почтительнымъ голосомъ доложилъ мнѣ.

— Тамъ, ваше высо-діе, г. становой приставъ дожидается... Прикажете что сказать, али какъ?..

— Ахъ ты! Отчего-же давно не сказалъ?.. спохватился я, вскакивая съ постели.

— Не велѣлъ будить... Подожду, али опосля заѣду, говоритъ.

— Ну хорошо, хорошо! Дай, братъ, умыться скорѣй.

— Слушаю-съ, ваше высо-діе.

Сотскій опять, точно по горячимъ угольямъ, выскочилъ за дверь.

Черезъ 10 минутъ я былъ уже совсѣмъ готовъ и извинялся передъ приставомъ. Еще черезъ четверть часа, мы сходили съ нимъ по лѣстницѣ на дворъ, гдѣ дожидала насъ «волостная» линейка. Умостившись на ней кое-какъ, спинами другъ къ другу, мы тронулись въ путь.

— Сегодня, къ сожалѣнію, вамъ нельзя будетъ присмотрѣться къ работѣ кустарей! Праздникъ. И фабрики закрыты. А если угодно, мы съѣздимъ къ кому нибудь изъ крупныхъ фабрикантовъ. Потолкуете, спросите, можетъ, что.

— Отдаюсь совершенно въ ваше распоряженіе. Везите куда хотите.

— Тогда лучше всего къ Щ—ву. Онъ самый умный, самый милый, да и самый богатый, пожалуй, здѣсь. Будетъ очень радъ. Я ужъ предупредилъ его вчера.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А по дорогѣ можемъ къ Варыпаеву. Его-то хоть нѣтъ, да братъ дома, племянники тоже. При словѣ „племянники“ я встрепенулся.

— Я съ однимъ изъ нихъ, кажется, ѣхалъ сюда, т. е. чуть-было не ѣхалъ. Онъ въ Нижнемъ еще такъ напился, что его должны были оставить. Дмитріемъ, кажется, зовутъ. Жена еще красавица.

— Да, этого знаю!.. улыбнулся приставъ. Кто его не знаетъ?.. Извѣстенъ здѣсь пьянствомъ. Только онъ отдѣльно живетъ отъ дяди. Богато живетъ, не то что Варыпаевъ.

— А тотъ развѣ бѣдно?

— Не важно! совсѣмъ, можно сказать, по свински. Не по средствамъ.

— Почему-же такъ?

— Да Богъ его знаетъ! Видно показать хочетъ народу, что бѣденъ. Слухи тутъ про него мерзскіе ходятъ.

— Но я слыхалъ, что у него фабрика великолѣпная. Дворцы какіе-то строитъ себѣ.

— Фабрика такъ себѣ. А насчетъ дворцовъ — это какъ на чей вкусъ. Дома впрочемъ хорошіе, каменные. Одинъ ужъ готовъ, другой кончаютъ. Если угодно, мы вотъ заѣдемъ, сами посмотрите.

Я еще разъ выразилъ полную готовность, и затѣмъ сталъ разспрашивать своего спутника о томъ и о семъ, что попадалось на дорогѣ.

Мы подвигались тихо, почти шагомъ, то и дѣло съѣзжая и вскарабкиваясь съ горы на гору, заворачивая въ закоулки и дребезжа по мосткамъ черезъ глубокіе овраги. Узкія и кривыя улицы Павлова въ эту осеннюю пору были очень не казисты. Вмѣсто мостовой, онѣ уложены по спускамъ и подъемамъ, подчасъ очень крутымъ, деревянными досками, покрытыми теперь сплошь липкой грязью. Доски эти уложены не ровно и не плотно, такъ что ѣзда по нимъ производитъ невообразимую тряску. Размытыя дождемъ и раздвинутыя ѣздой, онѣ образуютъ между собой на каждомъ шагу зіяющія ямы, а неровные края ихъ неуклюже и безобразно торчатъ по обѣ стороны пути. Но какова-бы ни была эта импровизированная мостовая, она приноситъ здѣсь существенную пользу. Безъ нея положительно немыслимо было-бы карабкаться по горамъ Павлова, по глинистому песчаному грунту ихъ, круглый годъ почти размытому въ невылазную кашу.

Дома и домики самыхъ разнообразныхъ архитектуръ и отдѣлокъ лѣпятся по скатамъ, придвинутые вплотную другъ къ другу. Ни садовъ между ними, ни огородовъ, ни пустырей почти не видать. Глазъ поражается прежде всего общимъ сѣрымъ тономъ этихъ улицъ, не похожихъ ни на привольное русское село, ни на жалкую безпорядочно раскинутую деревню, ни на благоустроенный мало-мальски городъ. Скорѣе всего это предмѣстье какого-нибудь большаго и людного центра.

Между жалкими, покосившимися хижинами въ одинъ и въ два этажа, съ импровизированными окнами изъ масляной бумаги, а то и просто грязной тряпки, съ балкончиками и крылечками, когда-то вѣроятно благообразными, а теперь вынутыми, изломанными, точно безобразные наросты на тѣлѣ больнаго, порою мелькаютъ опрятные деревянные дома, съ цѣльными блестящими стеклами и ярко-сверкающими мѣдными скобками на оконныхъ рамахъ. Скобки такого рода — это отличительная черта благосостоянія хорошаго тона и

вкуса павловцевъ. Я ихъ видалъ во многихъ провинціальныхъ городахъ, но нигдѣ такъ опрятно не выглядятъ онѣ, нигдѣ такъ ярко не бросаются въ глаза, какъ здѣсь, въ Павловѣ, на общемъ сѣромъ и грязномъ фонѣ. Павловская «интеллигенція» особенно дорожитъ внѣшнимъ отличіемъ своимъ отъ «голытьбы», и потому наружности жилищъ своихъ придаетъ самый яркій, кричащій почти характеръ.

Эта черта, или, вѣрнѣе, эта особенность павловскихъ богачей придаетъ селу крайне своеобразный видъ. Точно маленькая Америка, точно крошечный Лондонъ воплотились здѣсь, въ этомъ захолустьи. Вы ѣдете кривымъ переулкомъ, какъ бы по грязному корридору, гдѣ свѣтъ и воздухъ проникаютъ только сверху; морщитесь отъ вида стѣнъ этого корридора, съ наростами и дырами, заткаными всякимъ тряпьемъ; вы съ отвращеніемъ заглядываете въ зіяющія отверстія воротъ, сквозь которыя чернѣютъ тѣсные дворики, не имѣющіе въ себѣ ничего общаго съ тѣми «хозяйскими» дворами, которыхъ кто изъ васъ не видѣлъ на Руси: — съ унылой лошадкой подъ навѣсомъ, глупой мордой коровы, барана, козы, или даже задумчивымъ хрюканіемъ свиньи въ загородкѣ, наискось поставленной телѣгой съ оглоблями, задранными къ небу и подпертыми дугой, съ хомутомъ и упряжью, брошенными возлѣ, словомъ—тѣхъ двориковъ, которые симпатичны русскому сердцу даже своей традиціонной грязью и неизбѣжнымъ запахомъ навоза, дегтя, кожи, и прочаго, — вы отворачиваетесь здѣсь отъ этихъ тѣсныхъ дворовъ, покрытыхъ только липкой грязью да черной сажей, въ глубинѣ которыхъ виднѣется подчасъ совсѣмъ покосившійся флигелекъ, черный и жалкій, точно скелетъ, какъ вдругъ, на перекресткѣ, вы натыкаетесь на ослѣпительно-бѣлыя стѣны барскаго двухъ-этажнаго каменнаго зданія, непремѣнно съ зеленой крышей и такими же сточными трубами, увѣнчанными на верхушкахъ самыми замысловатыми рѣзными воронками. Возлѣ такого дома непремѣнно каменныя ворота, на-глухо запертыя и тоже ярко-зеленыя, а если калитка пріотворена, если вы любопытны, вы увидите сквозь щелку обширный дворъ, свѣтлый и чистый, обставленный всякими пристройками, тоже каменными, по большей части изъ небѣленаго кирпича; васъ поразитъ рядъ воротъ и дверей въ этихъ пристройкахъ, плотно запертыхъ тяжелыми засовами и болтами, а гдѣ-нибудь въ сторонѣ примѣтите и зеленую

будку, изъ круглаго отверстія которой зловѣще торчитъ заспанная морда громадной дворняжки.

Такіе дома въ Павловѣ рѣдко попадаются въ одиночку; большею частью ихъ нѣсколько въ-рядъ, или по обѣимъ сторонамъ улицы. Крошечный, аристократическій кварталъ, образуемый такого рода «дворцами», тянется пока улица не сползаетъ внизъ, не съуживается, или не заворачиваетъ, гдѣ уже опять сплошными, пестрыми и безобразными стѣнами тянутся лачуги павловской демократіи, голытьбы—павловскихъ кустарей.

Дворцы павловской аристократіи глядятъ хотя нарядно, но строго и уныло. Жизни и движенія въ нихъ съ улицы незамѣтно. Большею частью верхній рядъ оконъ завѣшенъ гладкими бѣлыми шторами, увѣнчанными снизу однообразными зубчиками. То «парадные» покои. Въ нихъ живутъ только нѣсколько разъ въ году: въ имянины, въ рожденіе, на Свѣтлый праздникъ. Нижній же этажъ состоитъ изъ множества маленькихъ комнатъ, плохо меблированныхъ и грязно содержимыхъ. Тамъ сосредоточена будничная жизнь богача-скупщика или фабриканта, жизнь въ немногомъ различная отъ жизни простаго крестьянина-кустаря, изъ среды коихъ и образовались хозяева сихъ великолѣпныхъ хоромъ. Для нихъ „верхъ"—антипатиченъ и чуждъ; они въ немъ такъ же гости, какъ и тѣ, кого они тамъ принимаютъ. Но не имѣть его, не чувствовать надъ собой, сидя въ тѣсныхъ и низкихъ клѣтушкахъ, среди традиціонной русской грязи, этихъ просторныхъ, высокихъ и богато, хотя бы и безвкусно, разукрашенныхъ комнатъ—это свыше силъ всякаго богатаго павловца, будь онъ хоть скупѣе „Скупаго рыцаря".

Внѣ квадратика, обнимающаго дворъ и домъ такого богача,— для него, можно сказать, ничего не существуетъ. Каждое утро онъ сходитъ съ веселаго крылечка по чисто-вымытымъ ступенямъ. Онъ съ наслажденіемъ оглядываетъ крошечную площадку своего двора, точно внутренность крѣпостцы, обставленную высокими каменными стѣнами. Онъ ступаетъ по твердо убитой землѣ, посыпанной желтымъ песочкомъ, гладкой, чистой и всегда сухой, точно полъ комнаты. Онъ пытливо оглядываетъ каждый уголъ *своего* царства,— нѣть-ли гдѣ соринки, лужицы, пятнышка, все-ли заперто, выметено, выскоблено? Онъ приказываетъ отворить себѣ одни изъ толстыхъ зеленыхъ воротъ, ведущихъ или въ каретный сарай, или въ кладовыя, или въ конюшни. Тамъ его зоркій глазъ тоже заглянетъ въ каждый уголокъ: и на дно брички, и по упряжи скользнетъ, и по полкамъ, заваленнымъ товаромъ, и даже въ ротъ откормленному коню.

Но вотъ онъ осмотрѣлъ, онъ доволенъ, онъ спѣшитъ „по дѣлу". Хлопнула тяжелая задвижка, съ визгомъ растворилась узкая щель калитки, и въ нее торопливо пролѣзаетъ жирный хозяинъ дома.

Взгляните въ эту минуту на него, и вы удивитесь, вы увидите, какъ самодовольствіе и покой разомъ покидаютъ его лицо. Съ перваго движенія, которымъ онъ водружаетъ громадную калошу свою въ глубокую грязь, ожидающую его тутъ же, сейчасъ за порогомъ калитки, какъ скользнетъ его взоръ по пустынной дали переулка, съ наростами и дырами въ стѣнахъ, безпомощно покосившихся на сторону, другъ о друга опирающихся, хатъ — тотчасъ же тревожная морщинка ложится между его глазъ, губы сжимаются сурово и вдумчиво, а глаза начинаютъ недовѣрчиво оглядывать по сторонамъ.

Онъ поспѣшно шлепаетъ по грязи мимо своихъ оконъ, шлепаетъ, не замѣчая ее совсѣмъ, а минуту назадъ онъ ругательски изругалъ дворника Ивана: — „Зачѣмъ возлѣ будки «Жучки» песочекъ какъ будто рыхлѣе сталъ?.." Онъ карабкается съ горы на гору, огибаетъ десятки переулковъ, проходитъ не одинъ дребезжащій мостикъ, пыхтитъ и потъ съ лица утираетъ, а въ то же время у него на конюшнѣ ржетъ и бьетъ желѣзнымъ копытомъ о земь нетерпѣливый конь, котораго, полчаса тому назадъ, хозяинъ велѣлъ кучеру Егору „шажкомъ по двору поводить, только бы не заморить!.."

— Чего заморить! Двѣ недѣли, чай, изъ стойла не выводили. Ходить разучится...—недовольно пробурчалъ Егоръ.

— Не по этой же грязи запрягать его! Вотъ погоди, ужо подсохнетъ...

— А подсохнетъ и ѣздить не зачѣмъ будетъ... Завсегда такъ! не унимался Егоръ.

— Ну, ну, помалчивай! И безъ тебя знаютъ, когда нужно, когда нѣтъ. Смотри же, осторожно, шажкомъ!..

И дворникъ Иванъ, и кучеръ Егоръ берегутъ достояніе ихъ строгаго хозяина, но ни одному изъ нихъ и въ голову не прихо-

дитъ перенести свои заботы дальше калитки воротъ, убрать кучи мусора, прилипшаго большимъ валомъ къ внѣшней сторонѣ этихъ воротъ, бросить горсть песку на улицу, хотя бы только подъ окномъ дома.

Вотъ почему аристократическія кварталы Павлова, по опрятности, ни чѣмъ не отличаются отъ самыхъ демократическихъ, а роскошныя хоромы, выростая изъ грязи, производятъ впечатлѣніе почти тяжелое, какого-то рѣжущаго ухо диссонанса...

Взобравшись на одну изъ самыхъ высокихъ горокъ, мы остановились, наконецъ, у воротъ деревяннаго стараго домика въ два этажа, сѣраго и подгнившаго. Домъ стоялъ на перекресткѣ двухъ улицъ, на холмикѣ, и отсюда открывался роскошный видъ на все Павлово. Улица съ правой стороны змѣилась гораздо ниже уровня домика и вскорѣ исчезала за крутымъ спускомъ. Поэтому съ этой стороны ничто не мѣшало глазу и большая часть села была отсюда какъ на ладони. Сѣрый домикъ не отличался бы пожалуй наружностью отъ своихъ сосѣдей, если бы не грандіозный, золоченный гербъ, прикрѣпленный на перилахъ балкона, и подъ нимъ золотыми буквами вывѣска: «Придворный фабрикантъ ножовыхъ издѣлій Варыпаевъ».

Эти два аттрибута и особенно громадныхъ размѣровъ государственный гербъ сдѣлали бы честь любому изъ нашихъ столичныхъ магазиновъ на Морской; тутъ же, на этомъ скромномъ холмикѣ, на фонѣ сѣрыхъ стѣнъ, на виду у всего безпорядочно раскинутаго, грязнаго села, они имѣли странный, чтобы не сказать болѣе, видъ. Орелъ, властно сжимающій въ своихъ лапахъ державу и скипетръ глядѣлъ своей правой головой на разстилавшееся подъ нимъ село и точно насмѣшка, жалость читались въ его глазахъ и раскрытомъ клювѣ. Золотая надпись вывѣски гласила о блескѣ двора, о какомъ-то громадномъ производствѣ, а между тѣмъ что могло быть общаго между сгнившими перилами балкона, на которыхъ она болталась, и всѣмъ характеромъ этого мирнаго деревенскаго коттеджа съ чѣмъ бы то ни было придворнымъ, блестящимъ?.. Шумъ и визгъ фабрики здѣсь были бы диссонансомъ, да и самой фабрики не было видно.

Мы вошли во дворъ. Только тамъ, въ самой глубинѣ, открылся видъ небольшаго каменнаго зданія фабрики.

На дворѣ встрѣтилъ насъ мой вчерашній знакомый — Рыжикъ, направлявшійся къ калиткѣ на улицу. При видѣ меня и, главное, становаго пристава онъ пріостановился, и легкое удивленіе, вмѣстѣ съ смущеніемъ, разлились по его изрытому морщинами лицу.

— Здравствуйте! привѣтствовалъ я его съ самой любезной улыбкой.

— Мое почтеніе-съ! Онъ протянулъ мнѣ руку. Я постарался ея не замѣтить.

— Есть кто дома? спросилъ его становой.

— Павелъ Степановичъ дома.

— Ну вотъ, мы къ нему на минутку.

Рыжикъ побѣжалъ впередъ предупредить.

По скрипучей и грязной лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ.

Въ гостинной, убранной довольно опрятно, встрѣтилъ насъ человѣкъ лѣтъ 60-ти, сѣдой, сгорбленный, въ засаленномъ халатѣ. Это былъ братъ «дѣдушки», очень похожій на него лицомъ. Съ самымъ смиреннымъ видомъ онъ поздоровался съ нами и объявилъ, что если мы хотимъ на фабрику, то лучше отложить до завтра, когда будутъ работать. Онъ выглядѣлъ какимъ-то особенно забитымъ, слабымъ. Пока я обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими фразами, Рыжикъ въ сторонкѣ шептался съ становымъ. Черезъ минуту онъ подскочилъ ко мнѣ и подобострастно предложилъ «выпить, перекусить».

— Вчера, знаете, такъ неловко было.. бормоталъ онъ, слегка усмѣхаясь. Этотъ Алексѣй предобрый человѣкъ, но, знаете, болтунъ такой, что удержу нѣтъ. Приврать особенно любитъ... Я, знаете извините меня, не зналъ, что того... имѣю удовольствіе съ вами ѣхать; можетъ, вамъ и непріятно было слушать...

— Помилуйте, за что глупости!

— Нѣтъ, я собственно хочу вамъ доложить... какъ пріѣзжему лицу, знаете, оффиціальному, можно сказать... чтобы этакъ, не подумали чего-нибудь.. хочу вамъ доложить, что этотъ Алексѣй совсѣмъ дѣлъ нашихъ не знаетъ. Мелетъ, знаете, всякій вздоръ.. людей потѣшаетъ.. Да и потомъ, въ этомъ дѣлѣ, что вчерась онъ такъ корилъ меня, о кабакахъ, значитъ, такъ онъ, знаете, самъ заинтересованъ, можно сказать... Потому самъ хотѣлъ держать кабаки, а отдали другому. Вотъ онъ и злится... А что онъ на счетъ меня да Варыпаева,—такъ это вздоръ одинъ чистѣйшій, могу васъ завѣрить. Какъ

постоянный житель здѣшній, я знакомъ со всѣмъ.. Отъ пустоты одной умственной болтаетъ... Считаю долгомъ доложить вамъ это, именно, чтобы не подумали чего тамъ!.. Незнакомый, знаете, человѣкъ всегда...

— Ничего я не думаю, милѣйшій! Все это меня мало интересуетъ. Я пріѣхалъ знакомиться съ павловскимъ производствомъ, а не со сплетнями...

— Именно сплетни! Однѣ сплетни... обрадовался Рыжикъ.

— И отлично! Значитъ, нечего и говорить объ этомъ!... Это кто-же будетъ, самъ Варыпаевъ?—подошелъ я къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ большой портретъ въ золотой рамѣ.

Они, они самые... подтвердилъ, подлетая ко мнѣ съ подобострастной миной, Рыжикъ,

Портретъ изображалъ сѣдаго какъ лунь старца, осанистаго и бодраго. Лицо его съ крупными чертами и глубокими морщинами, окладистая борода, подстриженная кружкомъ, волосы расчесанные проборомъ по серединѣ, узкіе глаза, прищуренные куда-то вдаль задумчиво и кротко, все это съ перваго взгляда поражало своимъ величественнымъ и въ то же время болѣзненно-страдальческимъ характеромъ. Это лицо само по себѣ крупный типъ. Оно очень напоминаетъ и чертами и своимъ умнымъ меланхоличнымъ выраженіемъ лицо Тургенева, какимъ его изображали портретисты послѣдняго времени. Глаза глядятъ такъ-же вдумчиво, лобъ такъ-же открытъ, весь складъ его и широкая борода, и прямые волосы, и бѣлизна ихъ все напоминаетъ о крупной чисто-русской натурѣ, съ свойственными ей добродушіемъ, простотой и грустью.

Только присмотрѣвшись пристальнѣй къ портрету Варыпаева, я замѣтилъ въ немъ что-то такое, чего нѣтъ въ лицѣ Тургенева, а именно—рѣзкой складки губъ, сжатыхъ въ непреклонномъ и суровомъ желаніи. Такая складка видится только у людей съ желѣзнымъ характеромъ, скрытныхъ и жестокихъ. Я видалъ ихъ на своемъ вѣку не много, но никогда предательская складка меня не обманывала. Въ лицѣ Варыпаева, когда въ него подольше вглядишься эта складка бросается въ глаза рѣзкимъ диссонансомъ со всѣми остальными чертами, точно среди гармоничнаго аккорда вдругъ зазвенѣла и завизжала какая-нибудь шальная нотка. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ испыталъ я, внезапно отыскавъ ее на симпатичномъ и широко-открытомъ лицѣ павловскаго старшины. Когда-же отъ нея я перенесъ свой взоръ на глаза старика мнѣ также внезапно показалось, будто, сквозь пелену кроткой задумчивости, сверкнулъ вдругъ лучъ холодной насмѣшки—насмѣшки надъ собой, надъ своими величавыми и святыми сѣдинами.

Варыпаевъ на портретѣ изображенъ сидящимъ въ мягкомъ креслѣ, одной рукой подперши голову, другой—держа расшитую позументомъ шляпу и бѣлыя перчатки. Длинный кафтанъ, весь спереди и на рукавахъ залитый галунами съ золотыми клѣточками, широкій поясъ, на шеѣ нѣсколько медалей на красныхъ и синихъ лентахъ, а на груди большая медаль волостнаго старшины, все это вмѣстѣ съ позой и наружностью придаютъ портрету характеръ не совсѣмъ обыкновенный. Точно видишь важнаго государственнаго сановника или по крайней мѣрѣ придворнаго чина старыхъ временъ, но ужъ никакъ не волостнаго старшину и не придворнаго поставщика ножей и вилокъ. Портретъ сдѣланъ съ очевиднымъ разсчетомъ на эффектъ, и разсчетъ вполнѣ достигался. Не только Рыжикъ, почтительно сжимавшійся подъ взглядомъ задумчиво-добрыхъ глазъ расшитаго старика, но и братъ его, и становой, подошедшіе вслѣдъ за мной къ портрету, и я самъ даже, ощущали теперь какую-то почтительную неловкость; по крайней мѣрѣ мы всѣ вдругъ замолчали и долгое время не отводили глазъ отъ портрета. Только у меня какъ-то невольно сорвалось:

— Видный старикъ!.. на что всѣ остальные посмотрѣли сначала на меня, потомъ опять молча и почтительно уставились на портретъ.

Вокругъ этого большаго портрета, точно мелкія пташки кругомъ ястреба, разбросаны были маленькія карточки этого же Варыпаева въ разныхъ позахъ, но всегда въ полномъ своемъ расшитомъ парадѣ. Вся стѣна между двухъ оконъ увѣшана была этими портретами, и приходящій въ комнату первымъ долгомъ натыкался глазами на нихъ, потому что стѣна приходилась какъ-разъ противъ двери.

Не желая выказывать лишняго вниманія къ осанистой особѣ дѣдушки, первый отошелъ отъ стѣны. Рыжикъ и братъ Варыпаева, вздыхая, съ трудомъ оторвались отъ роскошнаго зрѣлища... Спины ихъ долгое время еще были согнуты, въ мутныхъ и хитрыхъ глазкахъ свѣтилось неподдѣльное очарованіе.

Мнѣ стало противно, душно даже, въ тѣсной гостиной Павловскаго царька. Я подошелъ къ балкону, открылъ его и вышелъ на воздухъ.

Направо отъ меня открылся пестрый ландшафтъ громаднаго села. Дома, домики и лачуги точно навалены въ одну кучу. Ни улицъ, ни кварталовъ не видно. Только нѣсколько церквей, стройныхъ и нарядныхъ, выростаютъ изъ этой кучи, точно сторонясь ея, каждая посреди площади, или площадки, чернѣющихъ даже издали непролазною грязью. На всю громаду домовъ, которую и глазомъ-то во всѣ стороны не обнять, такихъ церквей всего 10.

Тамъ и сямъ стройные каменные дома выдѣляются изъ общей громады. Точно по ошибкѣ попали они сюда.

— Однако и мѣсто себѣ выбралъ дѣдушка, думалъ я, любуясь этой панорамой. Все царство у ногъ; всѣхъ видитъ, всѣмъ правитъ съ птичьяго полета...

Въ скромномъ сѣромъ домикѣ павловскаго волостнаго старшины, что такъ задумчиво-мирно глядитъ вдаль, какъ и глаза его хозяина, сосредоточены интересы одного изъ главнѣйшихъ нашихъ народно-производительныхъ центровъ.

Въ этой гостиной, которая дышетъ такой незатѣйливой простотой, гнутся сѣрыя спины, раздаются слезныя мольбы и въ отвѣтъ имъ—короткіе, сухіе приказы; съ подгнившихъ досокъ балкона посылаются внизъ громы и молніи, а оттуда, изъ щелей этого многоголоваго чудовища, безпорядочно раскинувшагося по холмамъ и врагамъ, летятъ сюда злобные стоны, проклятья, грозятся судорожно сжатые кулаки...

Читатель пожалуй скажетъ, откуда я взялъ такую мрачную картину, подстать древнему Риму въ Нероновскія времена?

Терпѣніе, дорогой читатель. И въ маленькихъ уголкахъ, какъ и въ большихъ государствахъ, могутъ жить мрачныя событія, могутъ дѣйствовать великіе своей злобой и подлостью народные дѣятели.

Съ балкона Варыпавскаго 'домика я оглядывалъ въ нервномъ волненіи бѣдное Павлово.

Благовѣстъ еще кое-гдѣ гудѣлъ, и на площадкахъ, вокругъ церквей, копошился толпой черный народъ. Кромѣ благовѣста, никакого другаго шума въ воздухѣ не было. Черныя точки людей двигались беззвучно, голоса ихъ совсѣмъ не достигали до меня. Сѣрая пелена дня окутала все однообразнымъ оттѣнкомъ, и отъ села вѣяло только холодомъ, пустотой и уныньемъ.

— Видомъ изволите любоваться?.. раздалось сзади меня. То былъ Рыжикъ.

— Да, отсюда, чай, все село видно?

— Большая и лучшая часть, но не все. Часть вотъ тамъ, влѣво-на горѣ, отсюда не видать.

— А та развѣ хуже этой?

— Какъ-же! Тамъ однѣ деревянныя постройки. А здѣсь, возьмите сколько каменныхъ! Домовъ, я думаю, около сотни каменныхъ наберется

— Купеческіе все?

— Такъ точно-съ!... А вотъ, доложу я вамъ, вѣдь все это вновь выстроено. Послѣ пожара-то того, большаго. Лѣтъ 18 будетъ ужъ тому. Такъ повѣрите-ли, все, что изволите видѣть, вотъ вся эта часть, все это было въ пламени. И все сгорѣло.

— Что вы говорите?.. изумился я, содрогаясь отъ одного представленія себѣ такой ужасной картины.

— Могу васъ увѣрить. Да это офиціально извѣстно. Вѣдь тогда и говорили, что все Павлово сгорѣло. И правду, потому все Павлово здѣсь и заключается. Тамъ что?—Тамъ, можно сказать, предмѣстье. А здѣсь вся жизнь...

— И вы помните этотъ пожаръ?

— Какъ-же-съ! Съ этого самаго балкона смотрѣлъ. Картина была, можно сказать, превосходная. Все огонь, огонь, какъ вода, море.. Отъ одного дома къ другому, такъ и бѣжитъ, такъ и ползетъ, лижетъ... Очень интересно было смотрѣть. Да вотъ Павелъ Степановичъ тоже, чай, помнитъ?

— Помню, какъ-же!... Очень красиво было...

Я взглянулъ назадъ, на брата старшины, запахивавшагося въ халатъ. Онъ смотрѣлъ на село, и въ лицѣ его, такъ-же какъ и у брата, отразилась вдумчивая кротость; только вмѣсто мысли и воли въ отвисшихъ складкахъ губъ его, рисовалась совсѣмъ дѣтская наивность и глупость.

— А вашъ домъ не горѣлъ?

— Славу Богу! Не дошло до насъ... Онъ набожно перекрестился. А не прикажете-ли водочки?

Я отказался и, вмѣсто этого, попросилъ позволенія осмотрѣть строющійся для Варыпаева домъ. Рыжикъ вызвался насъ проводить; но я отклонилъ такую честь. Проводилъ насъ чрезъ дворъ племянникъ Варыпаева, мальчикъ лѣтъ 19-ти, съ умнымъ и хитрымъ лицомъ. Онъ отперъ ворота сада и, впустивъ насъ туда, сказалъ, что выйти мы можемъ съ другой улицы, куда намъ подадутъ и лошадь.

Садъ былъ очень тѣсный, но густой. Ни дорожекъ, ни цвѣтниковъ не было и слѣда. Когда я спросилъ племянника, почему такъ запущенъ садъ и почему его дядя строитъ себѣ домъ въ такой гущѣ, гдѣ и свѣту не откуда будетъ взяться, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Петръ Степановичъ очень любитъ эту темноту. Нарочно и садъ запустилъ, и домъ здѣсь именно только потому и строятъ. Тихо и сумрачно. Это для нихъ первѣйшее удовольствіе, можно сказать..» кончилъ племянникъ, не совсѣмъ искренно улыбаясь.

Въ саду Варыпаева стоятъ три дома. Одинъ деревянный, старый, такъ называемый павильонъ. Другой большой, каменный, двухъэтажный, примыкающій къ саду только заднимъ своимъ фасадомъ, а переднимъ выходящій на смежную улицу. Третій — почти посерединѣ сада, только еще строющійся.

Павильонъ имѣетъ весьма таинственный видъ. Онъ весь окутанъ сучьями деревъ. Окна его блестятъ сквозь эти сучья, какъ глаза спрятаннаго въ чащѣ звѣря. Внутрь ведутъ лѣстнички и маленькое крылечко. Дверь на-глухо заколочена, крылечко и гнилыя ступени лѣстницы поросли въ щеляхъ влажнымъ мхомъ.

— Что это за зданьице такое? полюбопытствовалъ я у становаго.

Тотъ улыбнулся.

— Павильонъ, а народъ называетъ «храмъ любви и усладъ».

— Но вѣдь онъ заколоченъ. Видно, дѣдушка пересталъ?..

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ, улыбнулся становой. По крайней мѣрѣ говорятъ... Богъ его тамъ знаетъ. А павильонъ заколотили тогда, когда выстроили вонъ тотъ, первый домъ. Туда будто и перешли жильцы сего тѣнистаго храма.

Я взглянулъ по направленію большаго дома.

— Низъ только занятъ, а верхъ назначенъ для племянниковъ. Больно скоро ростутъ, такъ онъ ихъ и хочетъ водворить подлѣ себя.

— Хорошее помѣщеніе тамъ?

— Приличное и очень даже приличное! Полы паркетные...

Дѣйствительно, сквозь окна нижняго этажа, завѣшанныя шторами и занавѣсками, виднѣлись глубокія и высокія комнаты, обитыя прекрасными обоями, съ росписными потолками и мягкой мебелью.

Строющійся домъ былъ возведенъ уже до крыши. Башенки, колонки и балконы придавали ему видъ легкой виллы. Въ черныя отверстія оконъ влѣзали голые сучья деревъ, охватившихъ густымъ кольцомъ весь домъ. Тутъ, въ самую яркую погоду должны были царствовать полумракъ, прохлада и сырость.

Если бы перенести этотъ домъ на открытое мѣсто, окружить цвѣтникомъ, сзади разбить садъ,—онъ бы выглядѣлъ прелестной дачей. Здѣсь же, вдавленный въ тѣсный квадратъ, густо поросшій стволами деревъ, онъ терялъ всю легкость и грацію архитектуры, производилъ впечатлѣніе тяжелое, почти мрачное.

Весь характеръ Варыпаева отражался здѣсь, въ этомъ темномъ садикѣ, на этихъ воздвигнутыхъ имъ домахъ. Тамъ, съ улицы, вы пріятно изумлены видомъ простаго сѣраго домика, весело и просто глядящаго на раскинутое у ногъ его село, на зеленые луга и желтыя нивы. Вы входите по скрипящимъ ступенямъ, отворяете грязную одностворчатую дверь,—передъ вами скромное, почти бѣдное жилище простого и честнаго крестьянина. Если вы увидите и его самого тамъ, въ этой обстановкѣ, съ его красивыми сѣдинами и задумчиво-кроткимъ взоромъ, вы почувствуете себя еще лучше.

«Вотъ настоящій русскій мужикъ патріархъ»,— скажете вы себѣ, и покинете домикъ съ самымъ легкимъ сердцемъ.

Но если вы проникнете черезъ дворъ и тяжелыя ворота въ этотъ таинственный садъ, если проникнете смыслъ и значеніе его,—вы проникли въ душу этого патріарха. Какъ и тамъ, здѣсь темно, сыро, страшно даже. Все грязное, порочное, плоды его долголѣтнихъ трудовъ, спрятаны отъ людскаго взора здѣсь, подъ сѣнью угрюмыхъ, молчаливыхъ сучьевъ. Здѣсь глазъ не хватаетъ дальше высокихъ стѣнъ, за которыми притаились порокъ и порочныя наслажденія, купленныя цѣной людскихъ слезъ и несчастій.

Здѣсь добродушныя черты патріарха должны принимать хищное, животное выраженіе, задумчивые глаза должны метать пламя злобы, насмѣшки, или желанія, а гладкія сѣдины—ерошиться нервными, распутными движеніями.

Здѣсь ведется *настоящая* жизнь, а тамъ, въ скромномъ сѣромъ домикѣ, подъ золоченой вывѣской,— тамъ играется ежедневная комедія, дающая ему богатыя средства къ этой жизни. Комедія хотя старая, однообразная, но геніальной игрой актера всегда новая и интересная, привлекающая тысячи одураченныхъ, одурманенныхъ зрителей.

Мой спутникъ точно угадалъ мои мысли.

— Замѣтьте только, какой контрастъ здѣсь и тамъ, выговорилъ онъ съ усмѣшкой. Изволили замѣтить лѣстницу, гостиную его?.. Какая бѣдность! А тутъ посмотрите! Вѣдь въ этомъ вотъ домѣ, я думаю, и губернаторъ нашъ съ удовольствіемъ бы жилъ.

— Я полагаю...

— Все это для виду у него тамъ. Народъ ходитъ. А сюда ужъ никого не пускаютъ... Говорятъ, вотъ, фабрикой разжился, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. А я вотъ совсѣмъ не понимаю этого. Какъ можно съ одной фабрики такіе дома махнуть?.. Вопервыхъ фабрика-то у него недавно. Нѣсколько годовъ всего. А потомъ что она?.. Колесъ десятокъ всего. Да и то самъ не работаетъ на всѣхъ. Въ-наймы отдаетъ больше половины. Какое же это производство?..

— А развѣ онъ не скупаетъ готовыя вещи?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ. Этимъ онъ и славу такую заслужилъ. Скупщиковъ всѣхъ клянетъ на чемъ-свѣтъ стоитъ, кричитъ, что они народъ раззорили... Въ этомъ-то и вся политика вѣдь его... Нѣтъ ужъ, куплей-то, да продажей онъ ни копѣйки не нажилъ. Поэтому я и говорю, что странно! Вотъ ужъ я здѣсь который годъ, всѣхъ знаю, а право не встрѣчалъ еще случая чтобы одной фабричной работой можно бы было разбогатѣть. Такіе фирмы, какъ Завьяловъ, Калякинъ,—и тѣ, говорятъ, уже разоряются. А Варыпаевъ всего безъ года недѣлю какъ фабрикантъ и ужъ дома вотъ какіе воздвигнулъ. Не безъ грѣха тутъ, не можетъ быть иначе...

— Нnда! И я полагаю, не безъ большаго даже грѣха!.. Однако поѣдемъ! Здѣсь жметъ словно что-то. Воздухъ плохъ...

Мы покинули садъ и поѣхали внизъ, въ центрально-аристократическій кварталъ села, возлѣ торговой площади.

Мы остановились у воротъ одного изъ тѣхъ богатыхъ каменныхъ домовъ, про которые я упомянулъ выше.

Черезъ калитку вошли мы на обширный, свѣтлый, *лоснящійся* чистотой дворъ, и позвонили на крыльцѣ. Намъ отворили немедля.

Въ просторныхъ сѣняхъ пахло такъ, какъ пахнетъ всегда у помѣщиковъ: свѣже-печенымъ хлѣбомъ, квасомъ, мукой, вообще кладовой.

Деревянная, ярко навощенная лѣстница, устланная по срединѣ ковромъ, была очень красива; на средней площадкѣ, въ углу, разставлены были цвѣты.

Тамъ встрѣтилъ насъ человѣкъ небольшаго роста, на видъ еще молодой, съ едва замѣтными усами, скромно, но прилично одѣтый. Онъ низко поклонился.

Это былъ Щ—овъ—капиталистъ, фабрикантъ и скупщикъ села Павлова.

— Милости просимъ... очень радъ...

Обмѣниваясь привѣтствіями, взаимными извиненіями и любезностями, мы вошли въ комнаты. Изъ передней дверь вела въ залу. Я съ удовольствіемъ оглядѣлся по сторонамъ. Безупречная чистота, отсутствіе всякой вычурности и богатой безвкусицы поражали здѣсь съ перваго взгляда. Длинная и высокая комната въ два свѣта имѣла видъ тѣхъ залъ, какія массами встрѣчаются въ богатыхъ городскихъ домахъ. Только позолоты и бархата здѣсь не было. Тяжелыя гардины на окнахъ и дверяхъ спадали простыми темными складками, безъ всякихъ граціозныхъ подхватовъ и кистей.

Мебель изъ той-же матеріи въ довольно ограниченномъ количествѣ была разставлена вдоль стѣнъ. Мягкіе стулья мѣшались съ вѣнскими.

У стѣны простой столъ, накрытый бѣлой скатертью. Подоконники, рамы, стекла и мѣдныя ручки на дверяхъ и окнахъ блестѣли новизной. Все имѣло видъ прочности, довольства, но не пестроты.

Послѣ Варыпаевскаго домика, послѣ грязныхъ до тошноты улицъ Павлова и зловонной торговой площади, послѣ пронизывающаго осенняго вѣтра, здѣсь я почувствовалъ себя точно въ другомъ мірѣ. Сладостное ощущеніе теплоты и комфорта сразу разлились по тѣлу. Напряженные нервы распускались. Я не могъ удержать восклицанія:

— Какъ хорошо у васъ!.. Совсѣмъ не по павловски.

Хозяинъ скромно улыбнулся и пригласилъ насъ въ гостиную.

— Тамъ удобнѣе,—можетъ быть, будетъ.

Дѣйствительно, въ маленькой гостиной было еще удобнѣй и пріятнѣй, чѣмъ въ залѣ. Мягкія кресла и круглый столъ подъ бархатной скатерью такъ и манили къ себѣ. Здѣсь было не такъ просто, какъ въ залѣ, но ни богатыя зеркала, ни темносиній бархатъ мебели не заключали въ себѣ ничего кричащаго, вульгарнаго. Напротивъ, чувствовались вкусъ и мѣра въ рукѣ, устраивавшей это гнѣздышко.

Мы усѣлись. Начался обыкновенный разговоръ: кто, какъ, куда, зачѣмъ и проч.

Я съ любопытствомъ всматривался въ лицо хозяина. Оно какъ нельзя болѣе гармонировало съ моимъ первымъ впечатлѣніемъ; Щ—ову на первый взглядъ можно дать не болѣе 25—26 лѣтъ. Такую моложавость его лицу придаетъ отсутствіе растительности и свѣжій, бодрый видъ. На самомъ-же дѣлѣ ему далеко за тридцать. Небольшой ростъ, коренастое сложеніе, желѣзныя мышцы, смуглый цвѣтъ кожи и крупныя, неправильныя черты лица изобличаютъ въ немъ съ разу *низшую* расу, сына народа.

Во взглядѣ его узкихъ сѣрыхъ глазъ блеститъ много энергіи и юмора, а когда тонкія губы расширяются въ улыбку, — отъ этихъ глазъ лучами бѣгутъ морщинки, придавая всему лицу видъ особеннаго добродушія и искренности.

Только тогда и можно опредѣлить его настоящій возрастъ. Тогда видно, что передъ вами не юноша, а человѣкъ, много на своемъ вѣку видѣвшій и испытавшій.

Словомъ, съ перваго взгляда, я почувствовалъ необъяснимую симпатію къ этому человѣку. — Скупщикъ какимъ я его себѣ представлялъ и какимъ я его видѣлъ теперь, въ лицѣ Щ—ова, не имѣли между собой ничего общаго.

Я разсчитывалъ встрѣтить неуклюжую внѣшность, пошлость, грубую лесть и грубое довольство, а видѣлъ и чувствовалъ только простоту, недюжинный умъ и неподдѣльную искренность.

Самое пріятное впечатлѣніе Щ—овъ производитъ своими спокойными, увѣренными движеніями и мягкимъ голосомъ. Ни тѣни заискиванія, ни малѣйшей суетни не замѣчается въ немъ. Онъ умѣетъ вѣжливо принять гостя, умѣетъ слушать его и, главное—умѣетъ самъ говорить. Онъ схватываетъ самую суть предмета и излагаетъ его до нельзя просто и послѣдовательно; говоритъ не спѣша, но и

не дѣлая паузы, не сбиваясь съ темы и не возвращаясь вспять, какъ будто заранѣе приготовилъ свою рѣчь.

— Вы вѣроятно хотите ознакомиться съ нашимъ производствомъ? началъ онъ, тотчасъ какъ мы усѣлись за круглымъ столомъ.

— Съ производствомъ и съ бытомъ.

— Такъ-съ... Могу быть вамъ немножко полезнымъ въ этомъ. И родился и умру вѣроятно здѣсь.

— За этимъ собственно я васъ и обезпокоилъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно будетъ удовлетворить вашему любопытству, что... врядъ ли кому здѣсь, во всемъ селѣ, такъ дороги и близки интересы нашей промышленности, какъ мнѣ.

Я самъ—простой крестьянинъ, я сынъ павловскаго кустаря. Я самъ мастерилъ замочки и ножики, слѣдовательно знакомъ достаточно и съ производствомъ и съ жизнью кустаря. Потомъ я люблю это дѣло больше всего, можно сказать, на свѣтѣ... Его будущность—моя будущность. Тутъ дѣло не въ моей наживѣ!... Я наживу во всякомъ случаѣ Плохо-ли работаютъ, хорошо-ли работаютъ, сытъ кустарь, или голоденъ,—я свою прибыль возьму, какъ и всякій другой скупщикъ. Для меня покрайней мѣрѣ, если вы только захотите мнѣ вѣрить, улыбнулся онъ, вопросъ поставленъ гораздо глубже и важнѣй. Вопросъ этотъ — вопросъ національный, смѣю такъ выразиться. Вопросъ моего русскаго самолюбія... Быть нашему родному промыслу — или не быть, славиться—или заглохнуть. Вотъ съ какой точки зрѣнія я смотрю на этотъ предметъ и съ какой хочу вамъ говорить; только для этого нужно, чтобы вы на минуту забыли, что я скупщикъ, кулакъ, улыбнулся онъ еще разъ.

— Если-бы я не цѣнилъ вашей откровенности и вашего опыта, я-бы никоимъ образомъ не отнималъ у васъ дорогого времени.

— Если такъ, я къ вашимъ услугамъ!.. Такого рода бесѣду я не считаю потерей времени. Напротивъ. Я бы съ величайшимъ удовольствіемъ говорилъ объ этомъ со всякимъ, кто поинтересовался-бы нашей глушью, хоть каждый день... Вы вотъ заѣхали, другой заѣдетъ, увидите, услышите, вникните, другимъ, можетъ, потомъ растолкуете, начальству вашему доложите, можетъ и польза какая выйдетъ А не выйдетъ, такъ хоть на душѣ легче станетъ... Отведешь

хоть душу. Про родину свою всякъ, я думаю, радъ говорить, даже когда не просятъ объ этомъ, улыбнулся онъ.

— А я васъ къ тому и убѣдительно прошу.

— Тѣмъ лучше. Спасибо вамъ на томъ.. Такъ вотъ, если позволите, я вамъ систематически, такъ сказать, шагъ за шагомъ изложу ходъ нашего родного дѣла. Васъ вѣроятно болѣе всего интересуетъ экономическая его сторона? Условія развитія, паденія?

— Вѣрнѣе, одного паденія. Насколько я уже знакомъ съ Павловымъ, я вижу, что о процвѣтаніи его производства и говорить нечего. Все кричитъ объ упадкѣ, о быстро приближающемся народномъ бѣдствіи. Поэтому, интересно и важно знать, что собственно толкаетъ его въ эту бездну и какъ удержаться надъ ней.

— Вы правы, совершенно правы. Въ настоящую минуту слѣдуетъ говорить только объ упадкѣ. Совершенно вѣрно, что наше бѣдное село, какъ и вообще весь нашъ раіонъ, быстрымъ шагомъ приближается къ безднѣ, къ полному разоренію. Я-бы можетъ самъ и не употребилъ такого сильнаго выраженія. Постороннему человѣку трудно вникнуть въ нашу смуту, трудно повѣрить намъ. Да еще когда, говорятъ, скупщикъ, по общему мнѣнію,—одна изъ главныхъ причинъ такого бѣдствія... Вамъ вѣроятно неоднократно приходилось слышать, что кустарей разоряютъ скупщики? Вѣдь да?

— Признаюсь, да!

— Ну вотъ, на эту тему мы и побесѣдуемъ, если позволите. Я не своихъ буду защищать; почти всѣ скупщики здѣсь наѣзжіе, чужіе я чуть ли не одинъ Павловскій, настоящій сынъ нашего села. Мнѣ нѣтъ разсчета вступаться за нихъ; наоборотъ, слѣдовало-бы ругать, потому что они намъ цѣны портятъ конкуренцію составляютъ. Я буду говорить такъ, какъ подсказываетъ мнѣ 20-лѣтній опытъ, цѣлая жизнь, которую я провелъ здѣсь... Я помню, годовъ 15 — 20 тому назадъ, когда еще мой отецъ былъ простымъ работникомъ, а мы ему помогали, у насъ на селѣ было всего на всего 3—4 скупщика. Тогда они были настоящими царьками здѣсь. Тогда кустарь былъ вполнѣ, что называется, въ рукахъ ихъ. За издѣлья платили сырымъ матеріаломъ, провіантомъ даже. Цѣны устанавливали, какія хотѣли, выбирали издѣлья самыя лучшія; какъ что не понравится—бракъ, не нужно! Выборъ былъ громадный; къ нимъ несли товаръ цѣлыя тысячи человѣкъ, горы цѣлыя наносили; значитъ, было гдѣ

разгуляться. И что же?.. Развѣ жаловались тогда на нихъ?... Развѣ называли кровопійцами?... Развѣ кустарь, сидѣлъ безъ хлѣба?.. Нѣтъ. Это я самъ скажу съ полной увѣренностью, потому я хорошо помню то время. Я самъ таскалъ въ базарные дни свои замочки къ скупщикамъ. Самъ получалъ и желѣзо и сталь, и муку, и крупу изъ этихъ лавокъ. Но получалъ и деньги. Какъ тамъ ни обсчитывали они насъ, а денегъ всегда давали. Меньше давали чѣмъ теперь, по тогда деньги были дороже. Жизнь велась простая, скромная, пьянства этого, разгула, было поменьше. Отецъ былъ хорошій кустарь, какихъ уже теперь немного осталось на селѣ, по счету. Мы тоже ему помогали,—дѣло у насъ ладилось. Скупщики всегда рады хорошей вещи. И дороже дадутъ, и впередъ еще закажутъ. Такъ у насъ дѣло и шло. Недѣльный заработокъ приносили мы домой, а сырой матеріалъ, да провизія всегда имѣлись въ достаткѣ. Отецъ откладывалъ, откладывалъ, пока не скопилъ на фабричку. Фабричка пошла, пошли и новые заработки, и вскорѣ у насъ былъ и домъ и капиталъ. Все это я вамъ говорю только для примѣра, чтобы показать, какъ вотъ мы, простые рабочіе, разживались.

Наше состояніе основалось и развилось именно въ ту пору, когда можно было сказать про скупщиковъ то, что говорятъ про нихъ теперь. Всякій хорошій, честный и непьющій мастеръ разживался такимъ же манеромъ, и вскорѣ дѣлался фабрикантомъ. Таковы и Колякины и Ежовы, и проч., и проч. Но большинство жило, не думая объ завтрашнемъ днѣ, беззаботно и весело. Все что оставалось отъ недѣльнаго заработка, несли въ кабакъ, а работа по утру, съ похмѣлья, валилась съ рукъ. Такимъ порядкомъ и нравы кустарей портились, и производство ихъ съ каждымъ годомъ становилось хуже и хуже.

— Дожили мы до конца 70-хъ годовъ. Большой спросъ на Павловскія издѣлья привлекъ сюда мало-по-малу стороннихъ скупщиковъ. Одинъ за другимъ потянулись они сюда изъ Украйны, царства Польскаго, Западнаго края и другихъ мѣстъ. Цѣны на издѣлія тогда достигли высшаго размѣра. Брали все, всякую дрянь и платили за все чистоганомъ. Кустарь тогда какъ сыръ въ маслѣ катался. Старые скупщики, наживъ себѣ громадныя состоянія, одинъ за другимъ исчезали, не считая уже выгоднымъ конкурировать съ пріѣзжими. А новые—все распложались, да распложались,

скупали всякую гадость и везли ее въ народъ, пока у народа были деньги на покупку ея, пока онъ оставался слѣпъ къ качеству производства. Но вотъ, съ 1880 года замѣчается крутой поворотъ въ такомъ порядкѣ вещей. Съ одной стороны, общій экономическій кризисъ, обнищаніе народа; съ другой—такое количество изготовленныхъ вещей, которое далеко превысило надобность въ нихъ, спросъ населенія, съ третьей, наконецъ—появленіе на нашихъ рынкахъ заграничныхъ издѣлій, несравненно лучшихъ по качеству и болѣе доступныхъ по цѣнѣ. Этихъ трехъ причинъ было слишкомъ достаточно, чтобы разомъ уронить торговлю нашими издѣліями. Въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, гдѣ всегда сбывались громадныя партіи нашего товару, въ этотъ годъ, впервые, пришлось везти бо̀льшую половину его обратно; а въ слѣдующіе—все больше и больше. Нижній сталъ торговать почти исключительно заграничнымъ товаромъ.

И вотъ, когда мы, скупщики, наткнулись на такое явленіе, когда намъ не стало болѣе доступу въ центръ нашей отечественной торговли, гдѣ искони привыкли мы находить поддержку, куда, при самыхъ тяжелыхъ торговыхъ условіяхъ, мы всегда смотрѣли съ надеждой и упованіемъ, какъ на вѣрный и крѣпкій якорь, державшій насъ всѣхъ у пристани,—что же оставалось намъ дѣлать?.. Бросить дѣло, разориться, или повести его по новому? Мы, понятно выбрали второе. Вернувшись въ село съ непроданнымъ запасомъ товару, мы прежде всего задумали пообождать съ покупкой новаго. Мы сообщили кустарямъ о результатахъ ярмарки и объявили, что скупать болѣе въ такихъ размѣрахъ не будемъ. Но кустарь насъ не понялъ, или понять не хотѣлъ. Онъ приходилъ къ намъ съ тѣми же ворохами издѣлія и сваливалъ ихъ къ намъ на привалки. Мы отказывались, онъ плакалъ и стоналъ, говоря, что «таперичe, значитъ, съ голоду помирать». Онъ былъ правъ по своему, мы по своему. Не дать же ему, въ самомъ дѣлѣ, умереть!.. Надо было найти компромиссъ, такъ сказать, въ нашей обоюдной бѣдѣ, и этотъ компромиссъ естественно выразился пониженіемъ платы. Мы покупали товаръ въ запасъ, для того, чтобы онъ годы лежалъ въ складахъ, деньги, слѣдовательно, обрщали въ мертвый капиталъ, значитъ, надо было заручиться процентами впередъ. Понятно по этому, что за вещь, стоющую прежде 1 руб., мы могли давать только семь, восемь гривенъ. Кустарь же, привыкшій къ своему прежнему складу

жизни, не могъ удовлетвориться этими семью гривнами и таскалъ къ намъ издѣлія еще больше прежняго, чтобы выручить хоть количествомъ, если не качествомъ. Онъ спѣшилъ, работалъ на живую нитку—и издѣлія его становились все хуже и хуже. Что же должно было произойти отъ этого?.. Съ одной стороны, скопленіе въ нашихъ рукахъ товара, который не находилъ себѣ сбыту, съ другой—прогрессивное пониженіе качества этого товара, которое влекло за собой дальнѣйшее и дальнѣйшее уменьшеніе спроса на него. Мы употребили всѣ средства для подъема нашей торговли: понизили до minimum'а на мѣстахъ сбыта цѣну на товаръ, дешевле даже заграничной ее сдѣлали, хотя при этомъ торговали въ убытокъ, отпускали товаръ въ долгъ, съ разсрочками, со всевозможными уступками, но было уже поздно. Народъ разъ попробовалъ заграничнаго издѣлія, испытавъ его прочность и дешевизну, привыкъ къ нему также, какъ прежде къ нашему, и уже не зарился болѣе на нашъ дешевый хламъ. Совсѣмъ сбитые съ толку, мы возвращались домой съ товаромъ и безъ денегъ; понятно мы должны были понизить еще плату кустарямъ; а тѣ, чтобы выручить побольше, должны были понятно, увеличить еще и еще количество изготовляемыхъ вещей. Отсюда получился такой результатъ:

Нанесутъ это въ базарный день цѣлыя горы всякой дряни, все на-скоро сколочено, едва отдѣлано, все держится однимъ наружнымъ видомъ: «бери, молъ, за что хочешь, только бери!... Не дай съ голоду умереть»!.. Вотъ какая картинка!... Какъ снѣжинка отъ дуновенія вѣтра сползаетъ съ вершины горы и постепенно, обростая снѣгомъ, катится все быстрѣй и все больше въ размѣрахъ, сама себѣ давая ростъ и быстроту, такъ и мы, такъ и наше бѣдное производство. Сначала одно легкое дуновеніе, но и его было достаточно. Слишкомъ много на нашей горѣ валялось снѣгу, чтобы дать этой снѣжинкѣ въ мигъ вырости въ глыбу. А теперь—мы уже не катимся, мы летимъ стрѣлой по кручѣ, воздвигнутой нашими-же руками нашими нравами. Что ни шагъ — то глубже снѣгъ, глубже наша русская закоренѣлость, упорство, тяжелоумье... Они пристаютъ толстыми слоями къ глыбѣ нашего несчастья, а она, выростая въ геометрической прогрессіи, шагъ за шагомъ катится быстрѣй, увлекая за собой ошалѣлое, ничего не понимающее стадо нашихъ барановъ...

Щ—овъ остановился, сильно взволнованный. Его матовыя щеки

покрылось красными пятнами, узкіе глаза метали пламя, тонкія губы подергивались въ насмѣшливо-болѣзненную улыбку. Вообще, его лицо въ эти минуты помолодѣло и даже похорошѣло, гармонируя какъ нельзя болѣе съ смысломъ его словъ; ужасъ картины, которую онъ такъ живо рисовалъ, отразился въ его подвижныхъ чертахъ и застылъ въ горящихъ, какъ уголья, глазахъ. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ и только безпокойно поворачивался въ креслѣ.

— Вотъ что я вамъ хотѣлъ собственно сказать о нашемъ крахѣ, выговорилъ онъ наконецъ, улыбаясь и стараясь подавить свое волненіе. Судите сами, мы-ли одни въ немъ виноваты? Мы-ли, скупщики, высосали все благосостояніе у кустаря?.. Мы-ли отучили его отъ хорошей работы, отъ трезвости, умѣренности, отъ образа жизни его отцовъ?.. Мы-ли отучили покупателя отъ нашихъ родныхъ, русскихъ издѣлій!... Мы-ли вразумили англичанъ, нѣмцевъ отливать и штамповать на машинѣ вещи, которыя у насъ дѣлаются отъ рукъ?... Мы-ли наконецъ не просили, не учили, не умоляли нашихъ павловцевъ поучиться на заграничномъ замкѣ, чтобы дѣлать его не хуже англичанъ, чтобы онъ обходился имъ дешевле, чтобъ его скорѣе дѣлать?.. А что въ результатѣ? Тупое упрямство и звѣрское рычаніе. Точно голодный звѣрь ластится къ человѣку, пока въ рукѣ его видитъ кусокъ хлѣба, ластится, пока ему его не дали. А бросьте, онъ жадно проглотитъ и съ злобнымъ рычаніемъ готовъ укусить руку, накормившую его. Такъ и наша толпа. Посмотрите сами въ базарный день, что это за люди и на что они способны. Попробуйте—поговорите съ ними. Заладили одно, какъ стадо барановъ, и твердятъ. Изучите этотъ народъ—и тогда сами поймете, можетъ быть, гдѣ кроется причина причинъ. Въ нихъ самихъ, вотъ гдѣ!.. А то, говорятъ еще, пошлину повысить на заграничный товаръ!., Ну, повысятъ, ну, что изъ этого дальше? Изъ этого выйдетъ одно потакательство лѣни и нашей и непредпріимчивости. И теперь кустарь ни за что новое не хочетъ приняться, мозгами пошевелить боится, а какъ увидитъ, что его одобряютъ—и того хуже станетъ. Повысятъ пошлину, за границей сейчасъ придумаютъ новое усовершенствованіе и понизятъ цѣну своихъ издѣлій; выйдетъ что, и при высокой пошлинѣ, они будутъ дешевле нашихъ. А нашъ кустарь, какъ сѣлъ за свой станокъ, какъ сталъ руками рѣзать желѣзо. такъ его и обухомъ не сдвинешь оттуда.. Нѣтъ, не въ томъ совсѣмъ

дѣло! За-границa тутъ столько-же виновата, сколько и мы — скупщики. Совсѣмъ даже напротивъ. Не будь заграничной конкуренціи, наши павловскія издѣлья были-бы еще во сто разъ хуже. За это я могу чѣмъ угодно поручиться. А не будь насъ, скупщиковъ, здѣсь кустарь померъ-бы съ голоду. Это доказали уже артели. Какъ мало мы ни даемъ за издѣлья, все-таки платимъ, покупаемъ. Все-таки въ базарный день кустарь безъ копѣйки домой не возвращается. А отымите то и другое — увидите что будетъ. Отъ Павлова осталась бы жалкая деревня. Вотъ что я вамъ доложу! И повѣрьте, изъ опыта, изъ убѣжденія, а не по какому либо разсчету говорю...

— Вѣрно, вѣрно, подхватилъ я, любуясь оживленіемъ моего собесѣдника.

— Не знаю какъ кто, но я душой страдаю за свое родное село, за родной промыселъ. И чего-бы ни сдѣлалъ, чего-бы ни далъ, только бы спасти его... Но одного желанія видно мало, улыбнулся онъ своей полунасмѣшливой, полугрустной улыбкой

— Да развѣ ужъ ничего нельзя сдѣлать?

— Какъ ничего?... Много еще можно сдѣлать, многое и сдѣлано уже, да видно, не такъ все дѣлали... Вотъ, къ примѣру, я себя возьму! Уже давно пришло мнѣ въ голову обучить павловцевъ заграничному способу работъ. Думалъ, разница въ пустякахъ, привьется скоро, а тамъ можно будетъ и далѣе усовершенствоваться. Работали не хуже заграничнаго. И выписалъ это я изъ за-границы машину штамповальную; первоначально, думаю, выучу штамповать корпусъ замка, чтобы проще выходилъ. Самая главная это часть. Если корпусъ хорошъ, остальное пустяки. Ну, выписалъ, заплатилъ не дешево, поставилъ, позвалъ кустарей, что порасторопнѣе. Вотъ, говорю, такъ и такъ! Объяснилъ все какъ дѣлать надо, какъ взяться, какъ повернуть. «Поняли»? спрашиваю. «Поняли»—отвѣчаютъ. Начали и вышло не то совсѣмъ. Еще разъ объяснилъ, самъ при нихъ сдѣлалъ замокъ, опять говорятъ: «Поняли! Дѣло не мудреное, какъ не понять!» Опять попробовали и опять испортили. Такъ повѣрите-ли, мѣсяцы цѣлые бился, пока двухъ человѣкъ выучилъ толкомъ дѣлать. А дѣло-то это на машинѣ куда легче ручнаго производства. Вся сила заключалась въ одной дужкѣ. Никакъ не хотѣли они наладить ее на заграничный ладъ; все гнутъ по своему. А въ дужкѣ этой все отличие. Если нашъ замокъ пустить съ такой дужкой, такъ

можно и клеймо заграничное приложить. Никакой разницы не будетъ. Вотъ я и учу ихъ и убѣждаю. Говорю, что даромъ позволяю работать на своей машинѣ, лишь-бы они мнѣ доставляли замки съ такими дужками, обѣщалъ даже вдвое платить за тѣ замки. Что-же?..

Два человѣка какъ выучились работать, такъ и работали. А всѣ остальные—пришли, посмотрѣли, покачали головами, поохали, да и разошлись. «Не ладится, говорятъ. Пальцы не гнутся на этотъ манеръ, привыкли уже больно къ старому». Вотъ вамъ и подите. Машина такъ и по сію пору стоитъ безъ дѣйствія, а кустарь предпочитаетъ получать полтинники, вмѣсто рублей, лишь бы только не гнуть пальцы въ другую сторону.

— Однако, это характерно, признаюсь!

— Да это-ли одно! Вѣдь я все перепробовалъ.... Я, надо вамъ сказать, изучилъ заграничный замокъ до тонкостей, всякую мелочь изслѣдовалъ и всякую пробовалъ привить къ нашимъ кустарямъ. Машинъ однѣхъ что выписывалъ!.. Звалъ компаніями къ себѣ по вечерамъ, лекціи цѣлыя читалъ и читалъ ужъ кажется такъ, что понять меня можно было. Профессора изъ себя не корчилъ, потому и они знали, кто я такой, и я зналъ, съ кѣмъ дѣло имѣю. Говорилъ ихъ языкомъ, въ предѣлахъ ихъ пониманія, въ предѣлахъ практической пользы, —ну и что-жъ? Слушали они меня съ удовольствіемъ, на словахъ все понимали, благодарили, благодѣтелемъ называли, а какъ пришлось пальцы повернуть на заграничный манеръ — «не могимъ! Затвердѣли больно!...» Такъ и бился я подъ-рядъ нѣсколько годовъ. И крови много испортилъ, и денегъ порядочно попстратилъ, а толку никакого не вышло. Одинъ опытъ остался, одно горькое убѣжденіе, что на этомъ пути Павлову не помочь. Плетью обуха не перешибешь...

— Значитъ, что же остается?

— Что остается?.. Остается еще молодое, новое поколѣніе, у котораго и руки, и мозги не очень еще затвердѣли. Съ нимъ-то и можно, и должно еще повозиться. Въ немъ вся надежда, все будущее. Правительство многое уже сдѣлало для нашего села, и, я думаю, еще одно благодѣяніе не составитъ для него ущерба. А между тѣмъ этимъ благодѣніемъ оно можетъ вознаградить и себя, и насъ за тѣ промахи, какіе сдѣланы были прежними... Я говорю объ устройствѣ технической школы. На первый взглядъ онъ можетъ показаться и страннымъ и несбыточнымъ. Для одного села устраивать спеціальное заведеніе!.. А между тѣмъ, дѣло и просто, и крайне необходимо. Нѣсколько десятковъ тысячъ на основаніе такого училища, программа и права всѣхъ вообще ремесленныхъ училищъ,—вотъ и все, что потребуется отъ правительства. Школа затѣмъ можетъ содержаться на счетъ самаго села, изъ доходовъ его. Можетъ и въ земство перейдти, хотя... это ужъ въ крайнемъ случаѣ. Я полагаю, что павловцы, какъ они ни безалаберны, справятся съ своимъ училищемъ и сами; польза его несомнѣнна, несомнѣнна до такой степени, что даже затвердѣлые мозги моихъ односельчанъ сочувствуютъ почти всѣ этой мысли. Такая школа дастъ намъ черезъ 10—15 лѣтъ новый типъ кустаря,—кустаря ученаго, работника со знаніемъ, а не по привычкѣ, и съ нимъ-то тогда смѣло можно идти въ борьбу съ заграницей. Какія тамъ фабрики и машины они ни устраивай, мы отъ нихъ не отстанемъ. У насъ фабрикъ такихъ не будетъ, но за то будутъ крѣпкія, выносливыя руки русскаго кустаря, работающія не хуже любой машины; будетъ знаніе дѣла и готовность примѣниться ко всякимъ условіямъ. Чего нельзя будетъ сдѣлать руками, выпишемъ машины, будемъ штамповать, отливать..

Тогда вотъ только, когда наши издѣлія вновь станутъ славиться по всей матушкѣ Россіи, когда онѣ ни въ чемъ не будутъ хуже заграничныхъ, тогда и возвышай пошлину, тогда и артели устраивай и ссуду опять можно дать. Тогда мы будемъ ужъ достаточно воспитаны на новомъ пути, пріучимся цѣнить и свое искусство и заботы правительства объ насъ. Тогда и само правительство, наученное старымъ опытомъ, приметъ другія мѣры, чтобы деньги его не пропали втунѣ. Тогда не грѣхъ и не срамъ будетъ ему *поощрить* родное производство, повышеніемъ-ли пошлины, ссудой-ли, все-равно чѣмъ,—тогда это будетъ достойная награда достойнымъ сынамъ отечества. А теперь... сдѣлай оно это теперь, я бы первый, хотя я и сынъ моего отца—кустаря, хотя и выгоды имѣлъ бы отъ этого большія, я бы первый сказалъ, что это грѣхъ и непростительная оплошность!!.. энергически заключилъ Щ—овъ.

Послѣ минутнгао молчанія онъ продолжалъ слегка уже насмѣшливымъ голосомъ.

— Вотъ, ноньче лѣтомъ выставку въ Нижнемъ устроили. Видѣли-чай на ярмаркѣ?

— Какъ же, осматривалъ.

— Ну и что-жъ, какое заключеніе вынесли?

— Да ничего, на видъ оно красиво!

— На видъ!... А вотъ на дѣлѣ-то что выходитъ, вникли?... Выставка-то названа *кустарно-промышленной*. Значитъ, подразумѣваешь, что выставлены издѣлія кустарей. А много ли вы ихъ видѣли тамъ?.

— Не особенно, признаться.

— Ну вотъ!.. Вотъ какъ у насъ поощряютъ отечественную промышленность!.. На кустарную выставку понатаскали машинъ, паровиковъ... Для глазу-то оно ладно выходитъ, а для кустарей, для дѣла—какая отъ нихъ польза?.. Вѣдь тамъ заводчикамъ отданы лучшія мѣста, ихъ издѣлія выставлены въ самомъ лучшемъ видѣ, цѣлыя горы воздвигнуты ими, зритель, значитъ, и останавливается подлѣ нихъ. А нашимъ кустарямъ, что?.. Углы темные отдали. И тутъ даже, кто побѣднѣй, запрятали въ самый задъ; кто побогаче—впередъ. Завьяловъ вотъ, напримѣръ, впереди всѣхъ красуется, цѣлый отдѣлъ занялъ; за нимъ Колякинъ, Кондратовъ и проч. Витрины у нихъ красивыя, нарочно для выставокъ и устроены, а спросите—какой смыслъ въ нихъ?.. Развѣ это тѣ именно вещи, какія изготовляются у нихъ по фабрикахъ?.. Развѣ такая цѣна имъ, какъ вывѣшена?.. Суньтесь-ка купить любую вещицу, вамъ отвѣтятъ: продана! Все у нихъ продано, потому что они *ничего* не могутъ продать. Всякая вещица имъ самимъ стоитъ втрое, противъ показанной цѣны, потому что сдѣлана только для образца, для выставокъ. Такъ и таскаютъ ихъ съ одной на другую. Теперь наступаетъ раздача наградъ. Что же выходитъ?.. Выходитъ вопіющая несправедливость!.. Завьялову даютъ золотую медаль за доброкачественность и *дешевизну* издѣлій, а какому-нибудь бѣдному и темному кустарю, котораго замокъ торчитъ въ тѣни, въ самомъ уголкѣ, надъ которымъ онъ спину не разгибалъ цѣлыя ночи,—самое большое—почетный отзывъ. Да и это, впрочемъ, въ кои вѣки случится. Дадутъ тому, кто побогаче, кто умѣлъ впередъ выставиться.. Спрашивается теперь, что за смыслъ такихъ выставокъ?.. Богатые фабриканты и заводчики и такъ увѣшаны ужъ медалями и такъ достаточно ужъ извѣстны покупателямъ, популярны, такъ-сказать; бѣдныхъ кустарей никто не замѣчаетъ, потому что ихъ едва только *допускаютъ* на выставку — зачѣмъ же, спрашивается, называть такую выставку *кустарной*?.. Зачѣмъ кричать о пользѣ ея, о справедливости?.. Такимъ путемъ не поощришь нашего гибнущаго кустаря, а только озлобишь его, работу изъ рукъ выбьешь...

На тонкихъ губахъ Щ—ова задрожала горькая, почти злобная улыбка. Я не могъ сомнѣваться въ искренности его словъ, видя эту улыбку, не могъ и потому еще, что самъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ сценъ.

Зайдя въ первый разъ на кустарно-промышленную выставку въ Нижнемъ, я залюбовался красивыми глыбами мыла, украшавшими витрину какого-то мыловареннаго завода. Мыло на видъ было необыкновенно хорошо, а привѣшанный тутъ же ярлычекъ указывалъ на крайне дешевую цѣну его. Спрашиваю, нельзя ли купить кусокъ? Отвѣчаютъ: «здѣсь все продано, а можно купить въ лавкѣ, на ярмаркѣ». Отправляюсь на другой день по адресу, спрашиваю, и получаю отвѣтъ: «такого мыла больше нѣтъ въ продажѣ; оно очень дорого самимъ стоитъ и потому его болѣе не дѣлаемъ».

— Зачѣмъ же выставлено? спрашиваю.

— А это потому, чтобы видѣли какъ у насъ дѣлаютъ, т. е... дѣлали, поправляется приказчикъ.

Въ другой разъ, на той же выставкѣ, подхожу къ изящному полированному шкафику, въ видѣ алтаря, уставленному цѣлой батареей красивыхъ стеклянныхъ цилиндровъ съ разноцвѣтными въ нихъ жидкостями. Это витрина одного изъ заводовъ минеральныхъ маселъ. Тутъ же лежитъ и прейсъ-курантъ, съ обозначеніемъ безчисленныхъ сортовъ мазей, керосиновъ, нефтей и маселъ, по цѣнамъ самымъ доступнымъ. Полюбовавшись, отхожу къ другой, еще болѣе грандіозной витринѣ завода Рагозинъ и Комп. Опять цилиндры, стклянки и прейсъ-курантъ. И такихъ витринъ нѣсколько. Потомъ спрашиваю у особы женскаго пола, дремавшей тутъ же въ углу этого отдѣла: «Гдѣ можно достать этихъ прекрасныхъ мазей и маселъ?..»—«Вамъ какихъ собственно?..» — «Да вотъ, хотя бы этого завода», указываю я на витрину-алтарь. Особа сонно улыбнулась. «Обратитесь въ контору, тамъ-то! Только врядъ-ли, что достанете. Кромѣ керосину ноньче кажется тамъ ничего не выдѣлываютъ».—«Какъ такъ?.. А эти масла?»—«Эти у насъ куплены для выставки». — «Т. е. какъ же это у васъ? У кого?..»—«Въ заводѣ Рагозина.»—«Зачѣмъ же?» спрашиваю я полонъ недоумѣнія —«Для выставки. Чтобы дѣла свои замаскиро-

вать, награду получить, покупателя привлечь», отвѣчаетъ сонная особа съ иронической улыбкой.

— А у васъ? спрашиваю я ее уже не рѣшительно.

— У насъ-то все есть, какъ значится по прейсъ-куранту, увѣренно отвѣчаетъ она.

На другой день узнаю отъ одного свѣдущаго въ «масляномъ дѣлѣ» человѣка, что и у Рагозина далеко не все то приготовляется, что выставлено на выставкѣ.

— Дѣла этихъ заводчиковъ нонче совсѣмъ плохи, пояснилъ мнѣ свѣдущій человѣкъ. Эта выставка для нихъ вопросъ, можно сказать, существованія. Поговариваютъ, что для нихъ собственно и выдумали ее. *Кустарно-промышленная* — одна кличка. Кустарей и не видать. А вотъ заводчикамъ—тутъ дѣйствительно лафа. Великій князь пріѣдетъ, самъ награды будетъ раздавать, тутъ его и попросятъ о поощреніи отечественной промышленности въ вадѣ этакой *ссуденки* маленькой. А то безъ нея лопнутъ. Какъ пить дать — лопнутъ. Ни одинъ не дотянетъ и году... Такъ вотъ, на этой выставкѣ и покоятся всѣ ихъ надежды, не даромъ начальство хлопочетъ... Хотятъ и на заводъ одинъ свозить его высочество, чтобы полюбовался, значитъ, самъ грандіозными сооруженіями, которымъ суждено лопнуть...

Все это и многое другое еще, что не совсѣмъ умѣстно передавать здѣсь, припомнилось мнѣ, когда Щ—овъ, стараясь подавить негодованіе, въ шутливомъ тонѣ велъ свой разсказъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ, возьмемъ хоть эти выставки!.. Сколько отъ нихъ имѣло бы пользы наше производство, какъ и всякое другое вообще, если бы устраивали ихъ умѣло, честно, справедливо. Если бы кустарь былъ увѣренъ, что цѣнить вещь будутъ по достоинству, а не по богатству фирмы, если бы ему объявили, что издѣлія принимаются всякія и у всякаго,—кто-жъ бы отказался послать свое?.. Кто бы не постарался сдѣлать лучшее, что въ его силахъ, лишь бы только заслужить награду?.. У кого не повернулись бы пальцы, будь они хоть самые затвердѣлые,приладить свой замокъ, ножъ, или что другое такъ, чтобы не хуже они были нѣмецкихъ, англійскихъ...

Такія выставки докончили-бы то, что начало-бы у насъ техническое училище. Одно дало-бы знаніе, другое—рвеніе показать его,

примѣнить къ дѣлу. Вотъ когда наше бѣдное село могло-бы назваться счастливымъ, спасеннымъ. А теперь...

Онъ махнулъ рукой и опять горько улыбнулся.

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ продолжалъ.

— Есть еще одно средство спасенія, только... оно, можетъ, покажется вамъ страннымъ. Оно какъ-то расходится съ общественнымъ мнѣніемъ...

— То-есть?

— Съ мнѣніемъ о свободѣ труда, о пользѣ кустарной промышленности вообще!.. Говорятъ, вотъ, многіе, что кустарный трудъ увеличиваетъ благосостояніе населенія, развиваетъ его. А я такъ держусь нѣсколько иного мнѣнія. Я люблю этотъ трудъ, потому-что на немъ воспитался; я не спорю, что онъ можетъ развивать, иногда даже можетъ обогатить людей, но все это, къ сожалѣнію, только *иногда* и даже очень рѣдко!.. Я на себѣ имѣю примѣръ. Я вижу какъ мало людей послѣдовали моему примѣру и какими ненавистными исключеніями сдѣлались мы, люди побогаче, у нашихъ собратьевъ-кустарей.

Поэтому, съ общимъ правиломъ согласиться не могу.

Дѣйствительность указываетъ, на оборотъ, на обнищаніе, на отупѣніе массъ, занятыхъ исключительно кустарнымъ трудомъ...

А съ другой стороны на подъемъ уровня развитія и благосостоянія при фабричномъ и заводскомъ производствахъ, гдѣ населеніе имѣетъ всегда вѣрный и всегда ровный заработокъ. Я не говорю о нравственности, о пьянствѣ; оно, можетъ, и болѣе развито между фабричнымъ и заводскимъ людомъ, чѣмъ между кустарями, но, надо сказать, что и у насъ на недостатокъ этого предмета жаловаться нельзя... Безобразій и у насъ не мало. Но тамъ у него готовый кровъ, часто и пища, а здѣсь—онъ вполнѣ зависитъ отъ прихоти судьбы, отъ каприза покупателя, который живетъ за тысячи верстъ отъ него, отъ заграничныхъ мудростей и машинъ, которыхъ онъ и въ глаза никогда-то не видалъ. Вотъ почему, мнѣ кажется... можетъ быть, я и ошибаюсь... но я думаю, что съ развитіемъ фабричнаго производства у насъ, т. е. въ нашемъ стале-слесарномъ дѣлѣ, слѣдуетъ ожидать поворота къ лучшему въ бытѣ рабочаго населенія. Фабрика убьетъ кустаря — это вѣрно! Но она въ то-же время гостепріимно откроетъ ему свои ворота, гдѣ онъ найдетъ готовый кусокъ хлѣба,

безъ шатанія, униженія, безъ вѣчнаго страха за завтрашній день, за осложненіе непонятныхъ ему обстоятельствъ. А если даже этотъ кустарь и не пойдетъ цѣликомъ на фабрику, а только помирится съ ней, уступитъ часть своего производства, измѣнитъ своимъ вѣковымъ преданіямъ и возьмется за ту часть дѣла, которая-бы не конкурировала, а помогала ходу фабрики, — а такихъ побочныхъ отраслей въ нашемъ производствѣ нашлось-бы не мало, — тогда, рука объ руку, фабрикантъ и кустарь не боялись-бы никакого соперничества, никакихъ экономическихъ кризисовъ. Вотъ вамъ мое мнѣніе!.. Это послѣднее средство, какое я знаю!.. Можетъ, и не современно, но за то отъ опыта, отъ души говорю, заключилъ онъ съ своей доброй улыбкой на взволнованномъ лицѣ.

Я не беру на себя смѣлости ручаться за подлинность каждаго выраженія, изъ здѣсь приводимыхъ, но, покрайней мѣрѣ, ручаюсь за смыслъ, за послѣдовательную группировку всего того матеріала, который мнѣ сообщилъ мой словоохотливый собесѣдникъ. Много подробностей, понятно, при этомъ приходится упускать — многое, что не можетъ быть передано здѣсь съ достаточной живостью и краткостью.

Послѣ часовъ двухъ нашей бесѣды, когда интересовавшіе меня главнымъ образомъ вопросы были уже достаточно исчерпаны, я осторожно перешелъ на другую тему разговора, — на тему о Варыпаевѣ. Чуть только я коснулся его имени, какъ выразительное лицо Щ—ова передернулось насмѣшливо-злобной улыбкой и узкіе глаза его метнули въ сторону молніи. Но такъ-же мгновенно почти ему удалось подавить въ себѣ эту вспышку злобы, и, когда онъ отвѣчалъ мнѣ, его голосъ звенѣлъ попрежнему мягко и тихо; улыбка выражала обычную иронію и добродушіе.

— Это штука интересная, я вамъ скажу. Пожалуй, поинтереснѣй еще будетъ, чѣмъ наше производство... Имя Варыпаева, надо полагать, займетъ видное мѣсто въ исторіи Павлова. По крайней мѣрѣ въ періодъ его паденія, нищеты, позора...

— Вы его должно быть хорошо знаете...

— Я??. Немножко-таки знаю, улыбнулся Щ—овъ. — Чуть ли не съ рожденія самаго знакомы.

— Тогда не откажите мнѣ поразсказать кой-что о его личности

и дѣятельности. Я многое уже знаю, но все болѣе отрывками. Хотѣлось бы пообстоятельнѣе.

— Извольте!.. Постараюсь дать вамъ самыя вѣрныя и послѣдовательныя свѣдѣнія...

Разсказъ Щ—ова о личности и дѣятельности Варыпаева былъ дѣйствительно такъ обстоятеленъ и подробенъ, что передать его здѣсь въ разговорной формѣ я затрудняюсь. Считая, однако, предметъ слишкомъ важнымъ, чтобы его обойдти молчаніемъ, я попытаюсь передавать его своими словами; при этомъ долгомъ считаю предварить, что все нижеизлагаемое было подтверждено мнѣ впослѣдствіи судебнымъ слѣдователемъ, производившимъ тогда слѣдствіе, и помѣщено въ оффиціальномъ донесеніи его по начальству.

Основы силы и значенія Варыпаева были положены въ 1872 году, непосредственно послѣ пожара, истребившаго большую и лучшую половину Павлова. Тогда же опредѣлила ь и система дѣйствія его, равно какъ и средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ для достиженія своихъ цѣлей. Непосредственно послѣ пожара, для распредѣленія между погорѣльцами пожертвованій составился комитетъ, въ которомъ, кромѣ Варыпаева и болѣе зажиточныхъ и надежныхъ крестьянъ, приняли еще участіе: мѣстные слѣдователь, товарищъ прокурора и становой приставъ. Варыпаевъ въ то время только что начиналъ свою службу волостнаго старшины. Онъ былъ выбранъ въ эту должность всего за нѣсколько мѣсяцевъ до пожара, и ничѣмъ особеннымъ еще себя не проявилъ. Мужикъ онъ небогатый, занимался кустарничествомъ, слылъ за умницу и *ловкаго* малаго. Варыпаеву во что бы то ни стало нужно было себя *проявить*, заставить заговорить о себѣ, и такой случай, самый блестящій изъ блестящихъ, представился именно послѣ опустошительнаго павловскаго пожара. Злѣйшіе враги Варыпаева въ своихъ обвиненіяхъ доходятъ до того, что и самый пожаръ объясняютъ слишкомъ пылкой жаждой его извѣстности. Говорятъ о какомъ-то сторожѣ волостнаго правленія, который будто бы поджегъ первый домъ и послѣ пожара безслѣдно исчезъ. Говорятъ о домѣ Варыпаева, оставшемся въ числѣ немногихъ цѣлымъ отъ огня, говорятъ.. да мало ли о чемъ говорятъ. Слѣдствіе не подтвердило ничего этого *оффиціально* (а слѣдствіе, кажется, было) и мы не желаемъ ни малѣйшимъ подозрѣніемъ клеймить и безъ того ужъ заклейменнаго «дѣдушку Варыпаева». А потому вернемся къ коми-

тету. При его составѣ—наполовину изъ крестьянъ, наполовину изъ интеллигентныхъ лицъ, Варыпаевъ, очевидно, играть замѣтной роли не могъ; онъ былъ связанъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Поэтому, не долго думая, онъ созываетъ все село на сходъ, говоритъ тамъ горячую и убѣдительную рѣчь о правахъ, дарованныхъ крестьянамъ «самоуправленіемъ», о насильственномъ авторитетѣ интеллигентныхъ лицъ, втирающихся въ личныя дѣла крестьянъ только затѣмъ, чтобы «командовать», а то и «руки нагрѣть», переходитъ затѣмъ къ главному вопросу дня — къ пожарному комитету, обзываетъ его «незаконнорожденнымъ», критикуетъ его дѣятельность, его скупость, его малое участіе въ бѣдѣ несчастныхъ павловцевъ и, въ концѣ этой ловкой, по всѣмъ правиламъ риторики, составленной рѣчи, предлагаетъ избрать новый комитетъ изъ однихъ *крестьянъ*, да и то такихъ, которые были бы болѣе сердечны и отзывчивы къ чужому горю. Эта первая его ораторская попытка на скользкомъ пути искателя приключеній имѣла полный успѣхъ. Павловцамъ не приходилось еще слышать подобнаго краснорѣчія. Они размякли, развѣсили уши... Только пожилые да позажиточнѣе изъ нихъ отнеслись скептически къ затѣѣ старшины, находя осторожность и умѣренность въ выдачѣ ссудъ лучшей гарантіей всеобщаго обезпеченія, а интеллигентныхъ членовъ комитета—лучшими и справедливѣйшими судьями въ бѣдѣ каждаго. Но этихъ было громадное меньшинство. Вся масса сѣраго люда, и до пожара еще считавшаяся голышами, а теперь и совсѣмъ нищихъ, однимъ общимъ крикомъ поддержала рѣчь Варыпаева, покрывъ ее аплодисментами и даже «ура».

Кровожадные инстинкты этихъ оборванцевъ какъ-то разомъ почуяли въ словахъ Варыпаева обѣщаемый богатый кормъ, а въ немъ самомъ—сильнаго вождя, готоваго стать на ихъ сторону, въ защиту ихъ грубыхъ интересовъ, ихъ безшабашныхъ головъ, ихъ волчьихъ аппетитовъ...

Сходъ постановилъ выбрать новый *крестьянскій* комитетъ съ Варыпаевымъ во главѣ и съ членами — по указанію Варыпаева; очевидно, въ эти члены попали одни только друзья да родственники его.

Благоразумные люди поспѣшили удалиться съ этого знаменательнаго схода; осталась одна сплошная масса сорванцовъ-голышей, рѣшившая въ какія-нибудь полчаса участь цѣлаго громаднаго села и положившая здѣсь прочный фундаментъ славной будущности «дѣ-

душки Варыпаева». Этимъ первымъ актомъ началась дѣятельность павловскаго узурпатора; дѣятельность не робкая и не постепенная, а сразу, съ перваго взмаху, обнаружившая свои цѣли, свой характеръ и свою силу.

Опираясь на безгласный комитетъ изъ своихъ единомышленниковъ и почитателей, Варыпаевъ, не скрывая даже нисколько своего стремленія къ единовластію, сталъ совершенно произвольно распредѣлять между погорѣльцами и деньги, выданныя правительствомъ, и суммы отъ земства за обязательное страхованіе.

Также произвольно сталъ онъ распредѣлять и мѣста подъ постройку домовъ: кто имѣлъ до пожара домъ въ центрѣ села и кто не былъ изъ его сторонниковъ, тому отводилъ участокъ на окраинѣ и, наоборотъ, переселялъ въ центръ тѣхъ, кто былъ ему преданъ и послушенъ, хотя бы тотъ былъ отчаянный пьяница, валявшійся всегда въ землянкѣ на краю села.

Огромная, страшная сила сосредоточилась такимъ образомъ въ его крѣпкихъ рукахъ. Мечъ о двухъ лезвіяхъ занесенъ былъ надъ непокорными, и на кого онъ опускался, того крошилъ, уничтожалъ. На покорныхъ же лилась цѣлая рѣка благодати, сыпались сотни и тысячи рублей, о которыхъ они никогда и во снѣ не слыхали. Я встрѣчалъ въ Павловѣ лицъ, основавшихъ все свое богатство отъ этого пожара. Я видѣлъ также и людей, когда-то зажиточныхъ, а теперь жалкихъ, почти нищихъ; одни получили громадныя суммы за разрушенныя лачуги, другіе — и въ 10-й долѣ не были вознаграждены за все свое погибшее въ огнѣ богатое имущество; первые, при этомъ, получали еще обширныя мѣста въ центрѣ села, которыя тутъ же и перепродавались имъ, а вторые — тѣ разумные труженики и отцы многочисленныхъ семействъ, на пепелищахъ которыхъ водворялись пьяные оборванцы, этихъ вторыхъ гнали въ зашеи, на задворки села, къ «огородамъ», по мѣстному выраженію.

Такъ распоряжался неумолимый «дѣдушка», такія дѣла вершились въ этомъ огромномъ селѣ, въ сердцѣ Россіи, на глазахъ у земства, у власти, у всѣхъ людей, кто могъ и долженъ былъ остановить въ корнѣ выростающее безобразіе; тутъ нѣтъ мѣста вымысламъ и фантазіи, тутъ говорятъ сами за себя изумительные факты, памятные еще до боли, до бѣшенства, несчастнымъ жертвамъ безпримѣрнаго Варыпаевскаго произвола...

Разгуляться было гдѣ. Правительство отпустило на погорѣльцевъ болѣе 60 тыс. р., земство—болѣе 70 т. руб., не говоря уже о частныхъ пожертвованіяхъ, которыя были очень обильны и которымъ зналъ счетъ одинъ только «дѣдушка»; эти послѣдпія деньги прямо шли въ его карманъ, ибо въ отчетности по выдачѣ ссудъ нигдѣ даже не упомянуто о нихъ. Ссуды выдавались безвозвратно тѣмъ, кто и не горѣлъ и, наоборотъ, отказывались дѣйствительнымъ погорѣльцамъ; а если случалось, что этимъ послѣднимъ и давали бездѣлицу, съ нихъ требовали потомъ вдвое и втрое.

Одинъ изъ членовъ этого преступнаго комитета, кажется, единственный *не родственникъ* Варыпаева, такъ разсказывалъ мнѣ о его дѣйствіяхъ:

— Сидимъ это мы въ этомъ комитетѣ, иногда всѣ, а иногда половина только членовъ; сидимъ и сами не знаемъ, зачѣмъ мы тутъ. Говоритъ одинъ Варыпаевъ, мы молчимъ и только подписываемъ, что подсунутъ. Варыпаевъ всегда начиналъ съ того, что старыя деньги израсходованы, а новыхъ потребуется столько-то; а куда, зачѣмъ — намъ этого не объяснялось. Вотъ однажды этакъ является онъ въ комитетъ и говоритъ прямо, что нужно еще взять изъ банка 10 тыс. руб., чтобы мы подписали требованіе. По обыкновенію, всѣ молчатъ—хоть 20 тыс. требуй, подпишемъ. Я подымаюсь и заявляю этакъ очень осторожно, что ничего не имѣю противъ потребованныхъ 10 т. руб., но хотѣлъ бы прежде знать, на что израсходованы прежнія 60 т. р. Кому дано и по скольку?.. «Не потому, говорю, чтобы я тамъ усомнился въ правильности, честности и пр., а единственно потому, что мы, члены комитета, выбраны для оцѣнки, такъ сказать, нуждъ каждаго, слѣдовательно, мы и отвѣчаемъ за всякую могущую случиться ошибку. А до сихъ поръ мы только подписывали одни требованія въ банкъ, совсѣмъ не принимая участія въ распредѣленіи денегъ между погорѣльцами. Случись, не дай Богъ, бѣда какая, отвѣтить-то придется намъ всѣмъ. Такъ лучше ужъ знать, по крайней мѣрѣ, заранѣе, за что отвѣчать-то будемъ»... Варыпаевъ, смотрю, багровѣетъ и блѣднѣетъ. Въ глаза не смотритъ, но я хорошо понимаю, что въ немъ тамъ дѣлается. Убилъ бы, кажется, если бы съ глазу на глазъ. Молчитъ. Всѣ другіе тоже молчатъ. Общій конфузъ. Только черезъ минуту Варыпаевъ, ничего не говоря, точно и не слышалъ онъ меня, обращается къ первому члену: «Угодно всѣмъ под-

писать?.» А глаза такъ и мечутъ огонь, такъ и пронизываютъ того. Испугался бѣднякъ, задрожалъ даже весь. Что-жъ бы вы думали? Одинъ за другимъ такъ всѣ и подписали требованіе. Такъ, ни слова не говоря, и подписали. Я будто и не говорилъ».

— И вы подписали?

— Нѣтъ!.. Я отказался, при особомъ мнѣніи остался. Только не надолго. Въ слѣдующія засѣданія ко мнѣ ужъ Варыпаевъ и не обращался, а черезъ недѣлю меня и совсѣмъ исключили изъ комитета. За эту штуку мнѣ ссуды не дали, да еще обложили тройнымъ окладомъ мірскихъ сборовъ. Такъ и кончилась моя оппозиція. Самъ не радъ былъ потомъ"...

Нѣкоторые смѣльчаки изъ пострадавшихъ подали по начальству жалобу на дѣйствія старшины. Пріѣхала изъ Нижняго коммисія, посидѣла, потолковала и, очарованная любезностью и умомъ Варыпаева, ни съ чѣмъ такъ и уѣхала. А положеніе жалобщиковъ послѣ нея стало и того хуже.

Съ громадной суммой денегъ въ полномъ своемъ распоряженіи (свыше 150 т. руб. съ пожертвованіями) и при той власти, которой онъ пользовался какъ старшина, вліяніе Варыпаева въ Павловѣ создалось на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Раздача пожарныхъ денегъ заняла не мало времени. Варыпаевъ нарочно оттягивалъ время окончательнаго устройства павловцевъ, чтобы за этотъ срокъ упрочить за собой верховныя права надъ ними. Его дѣйствія въ сферѣ общественнаго управленія за это время клонились всѣ къ одной цѣли— къ воспитанію въ обществѣ убѣжденія, что воля Варыпаева есть законъ — для всѣхъ вмѣстѣ и для каждаго въ отдѣльности. И онъ этого вполнѣ достигъ. Сходы потеряли всякій смыслъ. На нихъ практиковался такой порядокъ, при которомъ никакія возраженія, никакіе протесты противъ господствующей клики не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго значенія. Приговоры по вопросамъ, подлежащимъ разрѣшенію схода, писались заранѣе и писались подъ диктовку Варыпаева; число участниковъ сходовъ никогда не провѣрялось въ натурѣ; впереди эстрады, на которой возсѣдало волостное начальство, становились пожарные «золотая рота», по мѣстному выраженію, и преданные слуги Варыпаева; эти передніе всякій прочитанный съ эстрады приговоръ одобряли оглушительнымъ крикомъ и тѣмъ же способомъ покрывали и заглушали всякія возраженія; при-

говоръ послѣ этого считался утвержденнымъ и получалъ законную силу. За неграмотныхъ расписывался всегда кто-нибудь одинъ, избираемый для этого тѣмъ же крикомъ и непремѣнно изъ рьяныхъ приверженцевъ Варыпаева. Грамотные же подписывали приговоръ въ волостномъ правленіи и въ одиночку, въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ схода. Утомляя такимъ способомъ членовъ схода, прежде на самомъ сходѣ, гдѣ открытія его часто приходилось ждать 5 — 6 и больше часовъ, смотря по количеству собравшихся друзей и враговъ старшины, а потомъ собираніемъ подписей, при чемъ, смотря по капризу Варыпаева, можно было ходить въ волостное правленіе нѣсколько дней подрядъ и все-таки не быть допущеннымъ къ подписи, „дѣдушка“ добился очень скоро того, что сходы стали составляться на $^2/_3$ изъ его рьяныхъ приверженцевъ. Лучшіе люди общества, самые умные и самостоятельные, вовсе перестали посѣщать сходы. Ходили только не смѣлые и запуганные, которые не могли имѣть никакого рѣшающаго голоса вслѣдствіе того правила, что рѣшеніе схода утверждается большинствомъ $^2/_3$. Эти лакомыя $^2/_3$, если ихъ не было, на самомъ дѣлѣ, всегда находились на бумагѣ, вслѣдствіе подложныхъ подписей, подтасовки именъ и вымышленной цифры общаго количества явившихся на сходъ. Впрочемъ, и самые ярые враги Варыпаева, въ душѣ ненавидя его, на дѣлѣ часто присоединялись къ его мнѣнію. Спорить было опасно. Варыпаевъ никому, никогда въ жизни, ничего не прощалъ. Его месть преслѣдовала врага черезъ цѣлые годы, десятки лѣтъ и ударяла всегда вѣрнымъ и мѣткимъ ударомъ. Смѣльчаки, несогласные подписать тотъ или другой приговоръ, смирялись или требованіемъ недоимки всей заразъ или увеличеніемъ мірскихъ налоговъ въ 10 или болѣе разъ. Просматривая книги волостной раскладки за прошлые годы, я самъ видѣлъ, какъ иногда цифры мірскаго сбора, назначаемаго по раскладкѣ, прыгали внезапно съ 2-хъ—3-хъ рублей—до 30-ти, 40, а разъ даже и до 70-ти рублей. Это обозначало, что „дѣдушка“ осерчалъ на строптиваго парня и въ отместку прибавилъ ему нуль. Въ этомъ власть его была безгранична; самъ губернаторъ не можетъ помѣшать волостному старшинѣ обложить Сидора 1 рублемъ, а Ивана 70-ю. Чтобы всегда знать въ лицо своихъ враговъ, свою оппозицію, Варыпаевъ не допускалъ на сходкахъ закрытой баллотировки. Даже себя онъ позволялъ выбирать только открытой подачей голосовъ.

Если не помогалъ денежный *штрафъ*, имѣлось всегда въ запасѣ и другое, болѣе вѣрное средство. Строптиваго просто-на-просто устраняли отъ участія въ сходахъ; тотъ же сходъ собирался, „золотая рота“ кричала, и несчастнаго вычеркивали изъ списковъ общества на срокъ до 3-хъ лѣтъ. Такимъ способомъ, въ одномъ 1875 г., запрещено было участвовать въ сходѣ 27 лицамъ изъ наиболѣе состоятельныхъ: послѣдствіемъ этой мѣры былъ немедленный переходъ ихъ изъ крестьянскаго сословія въ купеческое. Вообще, разъ устраненныя изъ общества лица уже болѣе не возвращались въ него, или переходя въ другое сословіе, или оставаясь въ сторонѣ отъ всѣхъ общественныхъ интересовъ.

Дѣйствуя такимъ путемъ, нужно ли имѣть слишкомъ большое количество приверженцевъ, нужно ли даже простое *большинство* на сходахъ. Каждая мѣра Варыпаева получала санкцію вопреки явному *большинству* противниковъ ея, и громко и тихо о томъ заявлявшихъ. Если же эти крики, паче чаянія, были слишкомъ громки, Варыпаевъ отлагалъ обсужденіе даннаго вопроса до другаго схода, назначалъ его въ неудобное для всѣхъ время, а если и этотъ былъ неудаченъ, еще отлагалъ, и такъ до безконечности, пока не измучивалъ своихъ враговъ полудневными сидѣніями въ душной комнатѣ схода, многократными требованіями въ волость для подписей, словомъ, такъ или иначе, пока не достигалъ своей цѣли. И онъ ея достигалъ всегда, во всѣ 13 лѣтъ своего самодержавія, ни разу не уступилъ ни на волосъ своимъ врагамъ, не измѣнилъ ни разу начертанному плану.

Такой разнузданный произволъ, такое нарушеніе на каждомъ шагу правилъ, признанныхъ закономъ, вызвали массу жалобъ, порождали ежегодно все новыя дѣла, какъ въ уѣздномъ и губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Сенатъ заваленъ ими, и шутники говорятъ, что въ немъ учредилось цѣлое *Варыпаевское* отдѣленіе. Но ни жалобы, ни слѣдственныя дѣла не только не уменьшили, а скорѣе увеличили авторитетъ Варыпаева. Въ силу какихъ причинъ?—и сказать трудно! Но жалобы всегда вели къ непріятностямъ для жалобщиковъ не только со стороны Варыпаева, но — страннѣе всего, со стороны даже ближайшаго мѣстнаго начальства (!) – гг. исправника и непремѣннаго члена. Тѣ неизмѣнно стояли за умнаго „дѣдушку“, распекали

жалобщиковъ, и всѣ дѣла, такимъ образомъ, кончались ничѣмъ *).

Сторонники Варыпаева, твердо вѣрующіе въ его неуязвимость по всѣмъ направленіямъ, объясняютъ, впрочемъ, послѣднее явленіе довольно просто: „стоитъ, говорятъ они, съѣздить *ему* въ Нижній, а то и въ Петербургъ, чтобы и дѣла и жалобы не причинили ему никакого вреда“.

И надо сознаться, что факты говорятъ именно за это вѣрованіе...

Все это вмѣстѣ, въ связи съ безконтрольнымъ и безъапеляціоннымъ господствомъ Варыпаева, создало ему среди большинства мѣстнаго населенія престижъ чуть-ли не всемогущества. Если прибавить къ тому же вѣру въ сношенія его, дѣйствительныя, или мнимыя—не знаю, съ высшими правительственными сферами, то понятно будетъ, что собираніе всякаго рода фактовъ о дѣйствительномъ положеніи вещей въ общественной жизни села Павлова было совершенно безполезнымъ и даже вреднымъ, въ смыслѣ послѣдствія такого лжеизученія, пока во главѣ управленія стоялъ Варыпаевъ. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась не разъ и не два; изученіе ли Павлова диллетантами, въ родѣ г. Боборыкина, или инженерами-спеціалистами, въ родѣ... забылъ фамилію, или чиновниками особыхъ порученій отъ губернатора, посылавшимися неоднократно для распутанія Гордіева узла Варыпаевскихъ дѣлъ, или исправниками и непремѣнными членами, ѣздившими мирить жалобщиковъ съ щедрымъ и гостепріимнымъ Варыпаевымъ, или, наконецъ, слѣдователемъ и товарищами прокуроровъ, каждогодно посылавшимися въ Павлово отъ храма нижегородской Ѳемиды, — всѣ эти изученія и изслѣдованія принесли съ собой въ результатѣ или красивые въ литературномъ смыслѣ, но не вѣрные по сути журнальные очерки, или, въ видѣ сочувствія, подарки въ нѣсколько десятковъ тысячъ казенныхъ денегъ для «поднятія и оживленія» павловскаго кустарнаго промысла, или наконецъ, въ случаѣ излишняго рвенія *лицъ*

*) Этихъ гг. исправника и непремѣннаго члена теперь уже нѣтъ. Они замѣнились въ послѣднее время лицами, гораздо менѣе сочувствующими продѣлкамъ Павловскаго старшины,—энергичными и честными.

изучавшихъ, влекли за собой для нихъ опалу и непріятности. Такъ, я лично знаю одного бывшаго чиновника для особыхъ порученій при одномъ изъ бывшихъ нижегородскихъ губернаторовъ, знаю и одного судебнаго слѣдователя, уволенныхъ отъ должностей вслѣдъ за болѣе или менѣе добросовѣстнымъ изученіемъ общественной жизни въ Павловѣ, изученіемъ не въ пользу Варыпаева. Послѣдній, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

— Пріѣзжаю я первый разъ въ Павлово. Останавливаюсь въ приготовленной квартирѣ. Вызываю свидѣтелей, допрашиваю и друзей и враговъ Варыпаева. Первые, понятно, расписываютъ его въ самомъ лучшемъ видѣ; вторые мнутся, заикаются, отнѣкиваются и въ концѣ концовъ ничего не говорятъ. Что за притча?—думаю. Тѣ же обиженные, которые недавно жаловались, теперь почти отказываются отъ своихъ прежнихъ словъ. Начинаю думать, всматриваться кругомъ и вижу, что всѣ допрашиваемые какъ-то особенно тревожно оглядываются на одну стѣнку. Подхожу туда, и что же? Въ двухъ-трехъ мѣстахъ нахожу отверстія, ловко замаскированныя. А за ними уши и глаза!.. Можете себѣ представить, что изъ сосѣдней комнаты насъ подслушивали Варыпаевскіе клевреты, которые и доносили ему потомъ, кто и что противъ него говорилъ!.. Я сейчасъ, понятно переѣхалъ на другую квартиру, принялъ самыя тщательныя предосторожности и только тогда кой-чего добился отъ допрашиваемыхъ. Но и то весьма мало; едва-едва только хватилъ за конецъ нити; а начало ея положено 13 лѣтъ назадъ. До этого начала надо годы копаться и то только при томъ условіи, чтобы ни Варыпаева, ни его клевретовъ и запаху здѣсь не было. А иначе и въ десятки лѣтъ ничего не добьешься...

Этотъ почтенный судебный слѣдователь, взявшійся за Варыпаевское дѣло съ жаромъ совсѣмъ не чиновничьимъ, желалъ обойти скалу формальностей, объ которую до сихъ поръ разбивались всѣ усилія администраціи и судебной власти.

— Въ этомъ дѣлѣ нельзя дѣйствовать обыкновенными пріемами, говорилъ онъ мнѣ. Офиціально—Варыпаевъ почти не уязвимъ. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы оставить за собой концы, или, по крайней мѣрѣ, чтобы давать ихъ въ руки врагу. 13 лѣтъ постоянной борьбы съ закономъ и правдой дали ему такую практику, которой мы, чиновники съ высшимъ образованіемъ и призваніемъ, далеко еще не

*

имѣемъ. Поэтому мы всегда будемъ побиты, какъ это до сихъ поръ и случалось. Слѣдствія и начинались и прекращались за недостаткомъ уликъ. Наша компетенція распространялась только на письменные оправдательные документы — а они или въ порядкѣ, или такъ запутаны, что самъ чортъ въ нихъ ногу сломаетъ. Да вотъ вамъ примѣръ. Враги Варыпаева добились-таки разъ, чтобы былъ произведенъ учетъ денежныхъ операцій волостнаго правленія. Варыпаевъ, прижатый къ стѣнѣ, согласился, но и тутъ съумѣлъ такъ устроить, что учетъ разрѣшили сдѣлать только за *одинъ* 1883 годъ. Понимаете что это за штука? Сдѣлали учетъ и не досчитались 11 тысячъ рублей. Спрашиваютъ — гдѣ? Варыпаевцы говорятъ — въ прошлогоднихъ книгахъ отмѣчены. — Подайте ихъ! Анъ нѣтъ! Это ужь, ахъ оставьте! Учетъ разрѣшенъ только за *одинъ* годъ. Что было дѣлать? Учетчики отпечатали брошюрку о своемъ учетѣ, представили намъ и просятъ слѣдствія. Вотъ на этомъ основаніи и предписали мнѣ произвести дознаніе. Что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ книги просмотрѣть за 13 лѣтъ. Но вы представьте себѣ, что ихъ болѣе *полу-тысячи*, цѣлый архивъ. Затѣмъ, скажите откровенно, не наивно-ли думать, чтобы такой Варыпаевъ, имѣя постоянно при себѣ двухъ-трехъ юрисконсультовъ изъ настоящихъ, *патентованныхъ*, адвокатовъ, не то, что Рыжикъ,—чтобы онъ въ своихъ же книгахъ далъ матеріалъ для прямаго или косвеннаго обвиненія себя? Мыслимо-ли это дѣло?.. И не ясно-ли, что для слѣдствія необходимо иллюстрировать добытыя изъ книгъ цифры допросами и другими частными дѣйствіями?.. Но допустимъ даже, что—книги все разъяснятъ. Развѣ мы можемъ ревизовать тѣ изъ нихъ, которыя прямо не относятся къ возбужденному дѣлу? Наши права вѣдь тоже ограничены. Мы не имѣемъ права самолично выходить изъ предѣловъ времени и мѣста возбужденнаго дѣла. Нужно спрашивать разрѣшенія. А дадутъ разрѣшенія, развѣ кто возьметъ на себя добросовѣстно выполнить такой адскій трудъ, какъ провѣрка шагъ за шагомъ, цифра за цифрой 13-ти лѣтъ жизни цѣлаго села, сотенъ объемистыхъ книгъ?.. Врядъ-ли, сильно сомнѣваюсь. Имѣю опытъ на себѣ. Я первый попробовалъ-было тамъ покопаться, кой-что уже раскрылъ, но... но это сотая доля истины. Я сознавалъ вполнѣ, что для *цѣлой* истины у меня не хватитъ ни терпѣнія, ни силъ, просто. Теперь я передалъ это дѣло и всѣ книги моему преемнику и, насколько могъ понять, вижу,

что дѣло это вновь постигнетъ старая участь, т. е. забвеніе. Новый слѣдователь хочетъ дѣйствовать на строго офиціальной почвѣ, слѣдить по приговорамъ общества. Ну, а эти приговоры, какъ я вамъ сказалъ, почти всѣ въ порядкѣ... А между тѣмъ, подхватилъ оживляясь мой собесѣдникъ, тутъ выходъ такой ясный, простой. Тутъ можно обойти всѣ формальности и все-таки подцѣпить Варыпаева. Слѣдуетъ только поставить вопросъ нѣсколько иначе: правильно-ли и законно-ли составлялись сходы и какъ на нихъ обсуждались вопросы?.. Вотъ настоящая канва для слѣдственной работы. И на ней можно такіе узоры вывести, что и книгъ не понадобится. Если нѣтъ, если будетъ доказано, что всѣ сходы собирались незаконно, что старшина употреблялъ *насиліе* при подписаніи приговоровъ: тогда, естественно, эти приговоры сами собой рушатся. Тогда и все то, что теперь защищено документами, подписями, все это получитъ характеръ произвола, преступленія, и ужъ отъ слѣдователя будетъ зависѣть взяться за любое изъ нихъ, хоть за одно какое для примѣра, разслѣдовать его до основанія, и этого одного, повѣрьте достаточно будетъ, чтобы почтеннаго «дѣдушку» упечь въ не столь отдаленныя...

— Отчего же вы всего этого не сдѣлали?

— Я?.. Во-первыхъ, я это и началъ дѣлать, и сдѣлалъ бы, если бы могъ вести слѣдствіе, какъ я хотѣлъ. Но я же вамъ говорилъ, что пока въ Павловѣ существуетъ только запахъ Варыпаева — это немыслимо. Да позвольте, я вамъ лучше въ трехъ словахъ разскажу, что я встрѣтилъ тамъ: черезъ нѣсколько же дней по пріѣздѣ, я ясно различилъ среди Павловскаго населенія три разныя партіи: *первая*— состоитъ изъ беззавѣтныхъ приверженцевъ Варыпаева, пользующихся крохами общественнаго пирога, падающихъ отъ его стола; вторая—можетъ и разумѣетъ всю непривлекательность его дѣйствій и не сочувствуетъ ему, но, страха ради іудейска, подчиняется, не желая навлечь на себя разныя невзгоды и извѣрившись въ возможность избавиться отъ такого положенія вещей, наконецъ, третья, сравнительно незначительная по числу, не перестаетъ жаловаться и протестовать противъ нежелательнаго и ненормальнаго порядка. Первая группа состоитъ исключительно изъ людей маломущихъ или даже совсѣмъ не имущихъ, которые мало заинтересованы въ благосостояніи сельскаго общества. Члены ея, не имѣя никакой цѣны, ни авторитета въ средѣ населенія, черпаютъ свое значеніе отъ Вары-

паева и дѣйствуютъ по его предначертаніямъ, какъ слѣпыя и безотвѣтныя орудія въ его рукахъ. Не будь Варыпаева, они, какъ люди неимущіе, недалекіе и малограмотные, оставались бы по необходимости въ тѣни, въ заднихъ рядахъ общества; теперь же, волею его, попадаютъ вдругъ въ составъ высшаго сельскаго управленія, въ качествѣ его кандидатовъ, помощниковъ, уполномоченныхъ, довѣренныхъ, пожарныхъ, писарей, адвокатовъ, «писателей» и проч. и проч.

Получая отъ Варыпаева значеніе, цѣну и хлѣбъ насущный и не имѣя возможности удержаться въ этомъ положеніи безъ его поддержки, они, очевидно, будутъ при всякихъ условіяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ, безпрекословными исполнителями его велѣній. Поэтому, оставленіе во главѣ волости этихъ сподручниковъ Варыпаева, даже при временномъ удаленіи его самого отъ должности, не можетъ имѣть для системы управленія ровно никакого значенія, ибо дѣйствующимъ лицомъ все-таки остается ни кто иной, какъ Варыпаевъ. Положеніе это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ характернымъ фактомъ: Варыпаевъ, какъ извѣстно, болѣе 12 лѣтъ управляетъ Павловской волостью, а между тѣмъ, de facto, юридически, при дѣлахъ, за все это время, въ общей сложности, находился всего нѣсколько мѣсяцевъ; остальное время — въ отпуску, въ разъѣздахъ. Чаще всего, онъ бралъ отпускъ, но оставался дома. Тѣмъ не менѣе, во все это время, господствовала его система произвола и терроризированія населенія. Очевидно отсюда, что, за спинами своихъ сподручныхъ, всегда дѣйствовалъ самъ «дѣдушка», потому что вести дѣло такъ систематично и такъ дерзки-смѣло, они бы по глупости своей не съумѣли, да и не посмѣли бы. Самая роль, которую такъ долго навязывалъ имъ Варыпаевъ, доказываетъ до какой степени они глупы, безотвѣтны и вполнѣ ему подчинены. Вѣдь пользуясь фактически властью и плодами ея, и оставляя юридически во главѣ управленія этихъ умницъ, онъ, тѣмъ самымъ, возлагалъ на нихъ всю отвѣтственность свою систему и дѣйствія. Само собою разумѣется, что заставлять ближняго такъ безцеремонно таскать для себя изъ огня каштаны можно только въ томъ случаѣ, когда этотъ ближній находится цѣликомъ и безповоротно въ нашихъ рукахъ. Все это доказываетъ, что юридическое устраненіе Варыпаева отъ власти далеко еще не устраняетъ его фактически, а слѣдовательно что, принявъ однѣ оффиціальныя сухія мѣры, нельзя еще успо-

коиться, сложить руки и предать это Павлово волѣ Божіей. Напротивъ! При такихъ условіяхъ, гдѣ съ одной стороны, дѣйствуетъ крѣпко сплоченная общими интересами клика и дѣйствуетъ по суровой системѣ, освященной многолѣтнимъ опытомъ, а съ другой — раздаются слабые протесты отъ разрозненныхъ и немногочисленныхъ единицъ, пальятивныя средства и полумѣры не только не поправятъ дѣла, но еще ухудшатъ его и только обострятъ взаимныя отношенія. При подобной обстановкѣ, чѣмъ больше вопросы будутъ оставаться открытыми, тѣмъ меньше будетъ оставаться шансовъ къ правильному рѣшенію ихъ, къ раскрытію истины. Вотъ почему я настаивалъ на смѣщеніи всего павловскаго служебнаго персонала, на расширеніи слѣдствія внѣ оффиціальныхъ рамокъ, на дарованіи полной иниціативы дѣйствія слѣдователю. Меня только на-половину выслушали и я только на-половину могъ выполнить свое дѣло. Теперь же, кажется, и этого не дадутъ новому слѣдователю, ну и... надо полагать, что онъ дальше моего не уйдетъ.

Мой собесѣдникъ все это говорилъ съ горькимъ видомъ человѣка, которому поперегъ широкаго и яснаго пути поставили вдругъ каменную стѣну.

Павловское дѣло затронуло въ немъ всѣ струны талантливаго слѣдователя и честнаго, прямаго, смѣлаго человѣка. Онъ накинулся на него съ жаромъ самоотверженія, онъ мнилъ освободить цѣлое село, цѣлыя тысячи людей отъ рабскаго и позорнаго ига; вѣрилъ, что этимъ дастъ ему новую жизнь, новый ростъ, подыметъ и матеріальный и нравственный уровень этихъ тысячей голодныхъ людей, извращенныхъ до корня въ пониманіи закона, правъ собственности и честнаго труда; онъ думалъ раздавить коршуна, нависшаго надъ этимъ селомъ, и, вмѣсто того, еще не схватившись съ нимъ, самъ отступилъ, самъ доженъ былъ выпустить изъ рукъ оружіе. Въ немъ говорило негодованіе, затаенная, невысказавшаяся сила и оскорбленное самолюбіе.

Разговоръ этотъ происходилъ между нами еще за долго передъ моимъ посѣщеніемъ Павлова. Тогда я могъ только удивляться, поражаться и сомнѣваться. Теперь-же, когда я слушалъ полувзволнованную, полунасмѣшливую рѣчь Щ—ова, когда я сравнивалъ оба разсказа и обоихъ разсказщиковъ, и въ томъ и въ другомъ находя много общаго, почти тождественнаго, я уже не удивлялся и не сомнѣвался. Одинъ говорилъ сердито, почти запальчиво, другой—съ спо-

койной усмѣшкой на губахъ, но съ такой же краской негодованія, съ такимъ-же огнемъ на щекахъ и въ глазахъ.

— Онъ умѣлъ понять, разгадать насъ, говорилъ мнѣ Щ—овъ, въ этомъ вся его сила и весь нашъ позоръ. Да! Въ этомъ и ни въ чемъ другомъ. Были-же и до него у насъ умные люди, были и мошенники не лучше его, однако никто не могъ найти себѣ такъ удачно точку опоры въ нашихъ слабостяхъ, какъ онъ. Это, положимъ, достоинство всѣхъ умныхъ и ловкихъ людей; но врядъ-ли гдѣ еще есть такая богатая почва для нихъ, какъ у насъ. Варыпаевъ сразу смекнулъ кого и чего ему слѣдуетъ держаться, чтобы быть популярнымъ вождемъ. Другой, на мѣстѣ его, пожалуй, примкнулъ-бы къ намъ, богатымъ, въ разсчетѣ поживиться на нашъ счетъ. Онъ, напротивъ, сразу поднялъ мечъ свой противъ насъ, въ защиту якобы бѣднаго и угнетеннаго кустаря. Однимъ выстрѣломъ онъ убивалъ трехъ бобровъ: 1-е, заслужилъ симпатіи всѣхъ лѣнтяевъ, нищихъ, пьяницъ, а въ первое время даже и честныхъ тружениковъ, что дало ему на сходахъ всегда надежный оплотъ; 2-е, привлекъ на себя вниманіе интеллигентнаго общества, людей умныхъ и гуманныхъ, видѣвшихъ въ немъ чуть-ли не народнаго апостола, а затѣмъ мѣстныхъ и даже высшихъ государственныхъ властей, отличившихъ въ немъ образцоваго старшину, и наконецъ либеральной печати, привѣтствовавшей въ немъ проводителя гуманныхъ началъ, *сына народа*, отвоевавшаго у кулаковъ интересы бѣдной и низшей братіи, и 3-е, пробилъ себѣ дорогу къ золотому источнику волостной казны, который далъ ему гораздо больше, чѣмъ могли дать мы, и черпать изъ котораго можно было безъ мѣры, подъ прикрытіемъ все тѣхъ-же интересовъ притѣсняемой братьи. Ужъ лучше этого, кажется, трудно было устроиться!... А между тѣмъ, вглядитесь, что вышло?.. До чего народъ дошелъ за эти 13 лѣтъ разгула, безшабашности. Я вамъ давеча говорилъ о причинахъ паденія нашего производства, а теперь скажу о причинѣ паденія нашихъ нравовъ. Одно съ другимъ въ связи. Не испортись такъ народъ, онъ бы работалъ гораздо лучше, а нашъ кризисъ, если бы онъ и случился, былъ-бы отложенъ на много лѣтъ позже. Варыпаевъ его ускорилъ! Онъ прямо, всѣми дѣйствіями своими, всякимъ начинаніемъ, толкалъ бѣдныхъ кустарей въ омутъ, гдѣ они теперь находятся, увѣряя при этомъ ихъ и цѣлый свѣтъ, что онъ ихъ ведетъ въ счастливую Аркадію, а это мы, скупщики и

фабриканты, одни *мы* только губимъ и производство и производителей. Ему вѣрило это стадо барановъ, съ которыхъ онъ дралъ и кожу и шерсть, вѣрили и многіе другіе. Насъ оплевали, насъ хотѣли убить, уничтожить... Устроили артели,—осѣклись. Это еще, впрочемъ, ничего. Лишній опытъ не мѣшаетъ. Пострадала только матушка казна... А вотъ, что этотъ сѣдовласый патріархъ продѣлывалъ у себя на дому, подъ своимъ кровомъ, или публично на улицахъ,—это ужъ очень—*чего*.

Щ—овъ многозначительно помолчалъ.

— А что такое? полюбопытствовалъ я.

— Да пьянство одно, развратъ, вотъ что. Съ утра какъ встанетъ, облекется въ халатъ, расположится на своемъ диванѣ, ручки на животѣ сложитъ, глаза въ землю уткнетъ и сидитъ этакъ, ни дать ни взять, сподвижникъ святой, а кругомъ него и Содомъ и Гоморъ. Да вотъ хотите, я вамъ его представлю.

Щ—въ быстро вскочилъ съ кресла, пересѣлъ на диванѣ и принялъ уморительно-наивную позу.

— Не преувеличиваю, ей-Богу! Я ужь изучилъ всѣ жесты его до тонкости... Такъ вотъ-съ, каждое Божье утро повторяется та же исторія. Съ постели на диванъ, и на лицѣ застываетъ величіе, покой, кротость и смиреніе. Диванъ то какъ разъ приходится противъ входной двери, а надъ нимъ цѣлая коллекція его портретовъ, въ самыхъ эффектныхъ позахъ, такъ что входящій невольно первымъ дѣломъ натыкается глазами на эту величественную картину. У стѣны, сейчасъ отъ входа направо, столъ съ водкой и закуской. Водка день деньской не сходитъ со стола. Хоть ведро выпьютъ, другое сейчасъ является. Никому отказу нѣтъ. Приходи съ улицы любой, кто хочетъ наливай, пей, только кланяйся хозяину, да пониже... Входитъ это оборванецъ. Съ порога еще отвѣшиваетъ въ поясъ поклонъ.

— Здравія желаю, батюшка Василій Никитичъ!..

— Здравствуй!..

Щ—овъ проговорилъ это „здравствуй“ тоненькимъ голосомъ на распѣвъ, поджавъ какъ-то особенно комично губы.

— Къ вашей милости съ просьбой... Ѣсть нечего!..

— А что?

— Скупщики одолѣли. Товаръ не берутъ... Задаромъ продалъ...

— Возьми! И тихимъ жестомъ этакъ, не подымая глазъ, точно

колдунъ для заклинанія, протягиваетъ руку. Оборванецъ бросается къ ней, сгибается—и серебряный двугривенный падаетъ въ его заскорузлую ладонь. Потомъ опять ручки сложитъ, опять сидитъ безмолвенъ и великъ. Въ глаза такъ и не взглянетъ. Кто проситъ, кому далъ—и вѣдать не хочетъ.

— Благодаримъ покорно... Только позвольте погрѣться!..

— Налей... Оборванецъ задомъ пятится къ столу, наливаетъ, пьетъ, опять земной поклонъ и уходитъ. За нимъ тѣснится уже другой, третій, десятый, сотый и такъ, какъ мутный потокъ, вся голытьба перебываетъ вся, „золотая рота", вся шваль, всѣ отбросы общества... И по двугривенному получатъ и водкой напьются. Съ шумомъ, съ гамомъ уходятъ, а подъ окнами еще „ура" своему отцу-благодѣтелю кричатъ. И на всякое буйство, на всякую гадость способны тогда идти за него, куда прикажетъ, куда вотъ эта спокойно-величественная рука его, что разсыпаетъ дождемъ двугривенные, махнетъ, укажетъ... Вотъ въ чемъ заключается его главное занятіе по управленіи селомъ. Вотъ его административныя способности, его политика, желчно улыбнулся Щ—овъ.

— А вотъ и еще вамъ —сцены на улицахъ:

Праздникъ, гульбища, хороводы. Толпа пьяна, гогочетъ, жмется Оборванцы въ полномъ своемъ составѣ и въ самомъ настоящемъ своемъ видѣ. Безобразія, словомъ, вдоволь. Вдругъ вся эта сплошная масса дрогнула, шолохнулась. Раздаются крики: „Посторонись!.. Василій Никитичъ идутъ"... И мигомъ пьяницы смиряются, очищаютъ путь. По немъ важно плыветъ дѣдушка, въ расшитомъ кафтанѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, ну, точь въ точь знатный бояринъ. На обѣ стороны кланяется, улыбка, взоръ свѣтится миромъ...

— Дѣвки, покачайте... вдругъ пропоетъ.

И дѣвки толпой къ нему, хватаютъ подъ руки, сажаютъ въ качели, качаютъ.

— Спасибо, возьмите... опять пропоетъ и протягиваетъ пухлую руку. Изъ нея падаетъ пяти-рублевая бумажка.

— Дѣвки, поцѣлуйте!.: Дѣвки гурьбой чмокаютъ, обнимаютъ...

— Такъ, такъ!.. Спасибо, вотъ вамъ еще... и ужъ изъ заколдованной ладони выпадаетъ красная, а то и вся бѣлая.

Зимой еще, бывало, выйдетъ изъ своего дома, тутъ сейчасъ и гора крутая внизъ, мальчишки на салазкахъ катаются. Къ нимъ подходитъ.

— Дѣтки, покатайте!.. «Ура, дѣдушка»!.. завопятъ тѣ, и сѣдовласый дѣдушка летитъ стремглавъ съ горы. За это тоже по двугривенному. А двугривенные-то эти, вмѣстѣ съ десятилѣтними героями, также стремглавъ летятъ въ кабакъ...

А то еще начнетъ ходить по улицамъ да заглядывать въ окна самыхъ бѣдныхъ хатъ.

— Какъ поживаете?.. пропоетъ въ одну какую.

— Плохо, батюшка кормилецъ нашъ, совсѣмъ плохо! Вотъ изба второй день не топлена...

— Возьмите!.. И опять волшебная рука роняетъ волшебный двугривенный.

— Ну-съ, такъ вотъ эдакимъ порядкомъ одарялъ онъ всю нашу нищую и пьяную братію. Что на это уходило денегъ — одинъ онъ про то знаетъ. Мы же всѣ знали только одно, что ладонь его ни на мигъ не изсякала, что въ нее точно кладъ переселился. Мы слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ ея со страхомъ и трепетомъ: Мы ждали изъ нея то золотого дождя, то безжалостнаго смертнаго приговора... Вотъ-съ вамъ живописное изображеніе нашихъ ощущеній. Судите сами, къ чему все это должно было привести, въ чемъ тутъ былъ настоящій смыслъ. Безъ счету и безъ запинки лились наши кровныя, трудовыя деньги въ дырявые карманы «низшей братіи», на потѣху имъ и на пагубу намъ. Много Варыпаевъ роздалъ двугривенныхъ, но значитъ много и себѣ припряталъ, коли былъ такъ щедръ. Всякій пойметъ, откуда брались эти двугривенные. А какіе результаты они съ собой принесли,—это вотъ не всякому извѣстно. Нѣкоторые вонъ говорятъ: «отъ общества взялъ, обществу же и роздавалъ».

Во-первыхъ, онъ бралъ деньги съ имущихъ, съ трудящихся и раздавалъ ихъ пьяной, ни къ чему не способной, голодной голытьбѣ. Онъ пріучилъ ихъ къ даровой водкѣ, къ шатанью, къ даровымъ двугривеннымъ, къ мысли, что «Василій Никитичъ выручитъ... имъ все можно».. Отнимая иногда послѣдній рубль у труженика, который не пожелалъ быть ему вѣрнымъ рабомъ, и давая изъ него двугривенный гулякѣ-нищему,—какое же доброе, гуманное дѣло творилъ онъ? Одного разорялъ, другаго спаивалъ, и только себя одного, свой карманъ не забывалъ. Съ каждаго рубля туда аккуратно отправлялось восемь гривенъ...

Возьмите и дальше. Чего онъ достигнулъ своей хваленой защи-

той «бѣдной братіи» противъ насъ, кулаковъ?... Съ одной стороны вселилъ въ этихъ бѣдняковъ ненависть къ намъ, неуваженіе къ чужой собственности, къ чужому труду; съ другой—оттолкнулъ насъ отъ общества, отъ всякой дѣятельности на пользу его. Если кустарь теперь ненавидитъ скупщика; если онъ убѣжденъ, что скупщики его разорили,—то только потому, что Варыпаевъ 13 лѣтъ толковалъ ему объ этомъ. И если онъ еще не проникся животной ненавистью къ намъ, не идетъ противъ насъ въ колья, то благодарить за это слѣдуетъ не вліяніе на него Варыпаева, а только собственный инстинктивный страхъ передъ отвѣтственностью, добродушіе русской натуры и ту старую вѣковую связь между нимъ и нами, которая всосана была имъ съ молокомъ матери и передалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы тоже чуемъ эту связь; между нами, людьми наживы, есть тоже не мало сердецъ, отзывчивыхъ къ бѣдѣ роднаго села, къ страданіямъ нашихъ братьевъ. Наша разнообразная дѣятельность нашъ образъ жизни, наши средства, наконецъ, дали намъ большія преимущества передъ нашимъ братомъ-кустаремъ и въ жизненномъ опытѣ и въ умственномъ развитіи и въ возможности быть ему полезными. Развѣ мы не употребили бы всѣхъ этихъ даровъ нашихъ къ общему благу, если бы насъ не оттолкнули, не оплевали, не отторгли бы отъ родного гнѣзда? Развѣ мы бы вышли изъ общества, если бы на сходкахъ слушали нашъ голосъ, совѣтовались бы съ нами?. Нѣтъ!.. И я, и многіе другіе—мы бы служили вѣрой и правдой родному селу и по сей день, своими средствами штопали бы его прорѣхи, будь только Варыпаевъ справедливѣе къ намъ!.. Кровопійцами, пьявками прозвалъ, горько усмѣхнулся Щ—овъ. А чью же кровь пить могли мы, какъ не свою собственную?.. Эхъ!.. Не объяснишь вѣдь всего этого... Онъ судорожно поправилъ воротъ рубахи и замолчалъ. Черезъ минуту онъ началъ снова:

— Когда вотъ лопнули наши знаменитыя артели, кредитъ Варыпаева, казалось, подорвался. Мы вздохнули. Думали: «вотъ, теперь наша очередь». Не тутъ-то было. Дѣдушка не медля сочинилъ новую «идею» — техническую школу. Опять въ казну: «денегъ нѣтъ, ссудите»! А спросили ли его тамъ, куда дѣлъ онъ артельныя и пожарныя деньги, куда дѣваетъ и всѣ доходы села?.. Почему въ 13 лѣтъ управленія онъ не могъ сколотить нѣсколькихъ десятковъ тысячъ на эту школу?.. Вѣдь село даетъ ежегодно до 40 тысячъ руб-

лей—это, замѣтьте, *гласныхъ*, не говоря уже о *скрытыхъ* доходахъ. Однѣ алебастровыя ломки могутъ дать тысячъ 20 аренды, а Варыпаевъ устроилъ при нихъ своего родственничка, который платитъ въ село всего 4—5 тысячъ. Но, взявъ даже одинъ оффиціально извѣстный доходъ села, — куда онъ его тратитъ?. Вѣдь видѣли сами, каково наше общественное благоустройство. Мостки подъ ногами прыгаютъ, грязь по колѣни, два фонаря на все село. Волостное правленіе въ вонючемъ подвалѣ помѣщается. Такъ развѣ изъ этихъ же денегъ нельзя было откладывать хоть по 5 тысячъ рублей въ годъ?. Въ 13 лѣтъ составился бы капиталъ до 100 тысячъ рублей—и школа готова. А вотъ не придетъ же въ голову никому у васъ тамъ, въ Петербургѣ, изъ тѣхъ вотъ, кто золотые кафтаны раздаетъ, спросить объ этомъ волостное начальство. Отвалятъ, пожалуй, опять тысячъ 50 — стройте, молъ, дѣлайте, что хотите! И выстроятъ, пожалуй, такое же училище, какъ артели соорудили... Посылали вотъ тоже инженеровъ изучать. «Къ Варыпаеву, говорятъ, обратитесь! Все вамъ, какъ на ладони выложитъ». И обратились. Онъ принялъ ихъ съ почетомъ, угостилъ на славу. «Все покажу, говоритъ, сами убѣдитесь». Повезъ по селу. Въ одну хату заходятъ.. Бѣдность, нищета... Въ другую, въ третью—тоже. Вездѣ сидитъ кустарь, иногда голый совсѣмъ, согнулся въ три погибели, работаетъ. Инженеръ съ разспросами къ нему: «Что дѣлаешь? Какъ дѣлаешь? Давно ли? За что продаешь? Кому?».. Онъ ему и расписываетъ. «Дѣлаю вотъ такъ-то работаю и день и ночь, въ потѣ чела, несу на базаръ, продаю скупщику, даетъ онъ мнѣ столько-то»! Ахъ, какъ мало»!.. вскрикиваетъ инженеръ. — „Вѣрно, вѣрно, что мало, совсѣмъ разорили насъ эти скупщики, всю кровь высосали“, плачется кустарь и прочее и прочее. И вездѣ то же самое:

„Работаемъ въ потѣ чела, а не зарабатываемъ и на кусокъ насущнаго хлѣба“. Все молъ, намъ, скупщикамъ идетъ.

Видѣлъ, такимъ манеромъ, вашъ ученый инженеръ и голыхъ работниковъ, и чахлыхъ дѣтей, и истощенныхъ женщинъ, рѣжущихъ желѣзо. Все одинъ колеръ, всему виноваты скупщики. Изучали такимъ образомъ насъ и беллетристы, и чиновники. Написали и статьи по этому поводу. Цифры, выводы, все это имѣется тамъ въ достаточномъ количествѣ, все сообщено Варыпаевымъ и голодающими кустарями. Ну-съ, а что въ нихъ правды-то? Описыватели-то эти са-

мые и не подозрѣвали видно, что ихъ возили туда, въ тѣ избы, въ какія *нужно* было для разсчетовъ Варыпаева. Что въ каждой такой избенкѣ сидѣлъ посаженный туда одинъ изъ „Золотой роты“, что говорилъ онъ то, чему его выучилъ наканунѣ Варыпаевъ!.. И вышла поэтому смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Много толковаго, много правды, но за то и вздору-то, вранья сколько! Главное, освѣщеніе не то! Такъ и читаешь между строкъ Варыпаева съ его лицемѣрной опекой, съ его крокодиловой слезой надъ нашей „нищей и угнетенной братіей“!.. Кому какая польза отъ этихъ описаній?.. Одинъ раздоръ, одну сумятицу поселяютъ они въ нашей семьѣ, и безъ того ужь надорванной взаимной враждой, да ловко разогрѣтыми хищными инстинктами. Потемки такъ и остались потемками, только столкнулись въ нихъ еще разъ наши лбы отъ просвѣтительскихъ стараній Варыпаева и гг. изучателей... Больно, грустно, невѣроятно даже все это кажется, но, къ несчастью.. въ этомъ одна нагая правда. У меня личныхъ счетовъ съ Варыпаевымъ нѣтъ. За родину душа болитъ, за братьевъ... закончилъ Щ—овъ, отворачивая свое блѣдное съ выступившими красными пятнами лицо.

— Но скажите, а теперь, когда его устранили, все еще сильна его партія?

— Сильна-то она сильна, только не такъ ужъ многочисленна. Вотъ, на послѣднихъ выборахъ, когда, по приказанію губернскаго присутствія, выбирали новаго старшину, тогда за Варыпаевскаго кандидата подали всего 270 голосовъ, а на сходѣ было около тысячи всего. А почему? потому что на этотъ разъ исправникъ настоялъ на закрытой баллотировкѣ. Не будь этого, многіе бы струсили, и опять у насъ сидѣлъ бы Варыпаевскій ставленникъ. Но, по пословицѣ, „малъ золотникъ да дорогъ“. Какъ ни малочисленны Варыпаевцы, однако вотъ, на послѣднемъ еще дѣлѣ съ кабаками, тутъ была возня— поставили-таки на своемъ!.. Какими средствами, тамъ потомъ разберутъ, а вышло по ихнему.

Нѣтъ, скажу я вамъ!.. Не скоро намъ еще отдѣлаться отъ Варыпаевщины! Хоть на Сахалинъ его самого ссылай, а духъ его все же останется у насъ, въ Павловѣ. Привычка къ даровому угощенію, къ даровымъ двугривеннымъ, къ крику и грубой брани вмѣсто толковаго разговора, развѣ такъ вотъ сейчасъ ее и выгонишь вмѣстѣ съ дѣдушкой?.. Нѣтъ! Шалишь! На этотъ счетъ утѣшать себя нельзя!

Дай Богъ намъ избавиться отъ Варыпаева, а отъ Варыпаевщины... та пусть хоть съ слѣдующимъ поколѣніемъ исчезнетъ!.. Благо совсѣмъ въ пору пришлась русскому нраву!.. „Не препятствуй, закатаю“!..

— Скажите еще одно слово! Извините, что я такъ долго васъ мучаю! Развѣ не было здѣсь губернатора, который бы обратилъ серьезное вниманіе на все это безобразіе?

— Какъ не быть! Были... Да вотъ и настоящій г. начальникъ губерніи, кажется, очень недоволенъ Варыпаевымъ. Хочетъ серьезно заняться имъ! Ну, а прежніе—какъ тамъ было, не знаю, только Варыпаевъ всегда умѣлъ ладить съ ними. Да вотъ вамъ примѣръ. Одинъ изъ губернаторовъ, вотъ здѣсь же, сидя у меня, разсказывалъ мнѣ такую исторію. Получивъ массу жалобъ на Варыпаева, онъ самъ рѣшилъ пріѣхать сюда, для личной ревизіи. Выѣхалъ. Ѣдетъ съ предводителемъ дворянства. Подъѣзжаютъ уже, губернаторъ и спрашиваетъ предводителя:

— Скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете этого Варыпаева?

— Порядочно, говоритъ тотъ.

— Что же онъ, образованный, отесанный?

— Да какъ вамъ сказать, вотъ сами увидите!.. улыбнулся предводитель.

— Я, говоритъ, спрашиваю потому, что... знаете, важно очень, какъ обойдтись съ перваго разу. *Вы* ему говорить, или *ты*?.. Тонъ, ну, знаете, все это вообще...

— Ничего не могу вамъ сказать заранѣе, смѣется предводитель. Пріѣдете, сами увидите, чего держаться. Увѣряю васъ, съ перваго взгляда уже и будете знать“.

Пріѣхали. Варыпаевъ встрѣчаетъ въ полномъ своемъ парадѣ, въ бѣлой перчаткѣ на лѣвую руку, кругомъ цѣлая свита. Губернаторъ изъ коляски, онъ шагъ къ нему, и почтительный, полный достоинства поклонъ. Губернаторъ съ изумленіемъ смотритъ на него, потомъ быстро подходитъ, кланяется и протягиваетъ руку. А предводитель только ухмыляется...

Тотъ вотъ и принялъ надлежащій *тонъ*. Въ такомъ же тонѣ и вся ревизія была...

Я простился съ гостепріимнымъ Щ—вымъ уже позднимъ вечеромъ, давъ ему обѣщаніе встать завтра пораньше и выйдти на ба-

заръ, гдѣ Щ—овъ, въ своей лавкѣ, всегда самъ занимается покупкой товару.

— Непремѣнно приходите, это для васъ необходимо, для полной иллюстраціи нашихъ нравовъ, проводилъ онъ меня уже внизу, на лѣстницѣ, улыбаясь опять своей слегка насмѣшливой и добродушной улыбкой.

Я пришелъ домой усталый, разбитый съ головной болью. Этотъ день, массой своихъ впечатлѣній, давилъ мой мозгъ и отгонялъ сонъ.

„Бѣдное Павлово! носилось у меня въ головѣ, пока я поспѣшно раздѣвался. Сколько бичей сразу!.. И экономическій кризисъ и заграничные замочки, „Варыпаевъ, двугривенные"...

Я задулъ свѣчу, закутался, закрылъ глаза.

„Бисмаркъ по уму и политикѣ, а по натурѣ — демагогъ въ самомъ узкомъ смыслѣ"... вспоминалъ я заключительныя слова слѣдователя, съ которымъ я бесѣдовалъ объ Варыпаевѣ. Да!..

Рѣдкій экземпляръ для хроники нашего крестьянскаго самоуправленія, если когда-либо оно отойдетъ къ временамъ прошлымъ. Какого же доказательства еще нужно, какихъ мотивовъ?.. Человѣкъ, который прозрѣлъ то, что прозѣвали до него законодатели... Человѣкъ изъ народа, обошедшій людей съ государственнымъ умомъ и образованіемъ...

Такія опредѣленія приписывалъ я мысленно Варыпаеву, ворочаясь съ боку на бокъ на мягкой постели и стараясь повторить въ памяти все, что мнѣ говорилъ Щ—овъ.

— Какія противуположности! Тотъ и этотъ! Два ума недюжинные, оба выросли въ одномъ гнѣздѣ, а между тѣмъ... У одного сердце, у другого камень въ груди. Послѣднему досталась власть; дайте ее первому, онъ сдѣлалъ бы столько же добра, сколько второй сдѣлалъ зла. Судьба—индѣйка!.. А скверно будетъ бѣдной Россіи, если такихъ Варыпаевыхъ разведется хоть по одному на каждый уѣздъ.. Задушатъ, убьютъ всякіе проблески жизни... А почему бы и не развестись?.. Умныхъ головъ въ народѣ много, жадныхъ и безсердечныхъ натуръ еще больше — дверь отворена широко, настежь: „пожалуйте, милости просимъ!.. Обирайте, развращайте, Царь далъ вамъ полную свободу. Власти, „господа", все это было, да сплыло! Теперь вы сами управляйтесь, „самоуправляйтесь"!.. Фу, нѣтъ!.. Страшно даже подумать.

Я энергично повернулся на другой бокъ и опять сталъ передумывать весь прошедшій день. Мало-по-малу все перепуталось, запрыгало, заплясало... Замочки и ножики засуетились, собираясь за границу, но были остановлены цѣлыми войсками такихъ же замочковъ и ножичковъ оттуда. Произошла свалка; заграничные одолѣли, погнались за нашими, разсѣяли, били и ломали ихъ. Визжала сталь о сталь, желѣзо о желѣзо, пружины щелкали, ключи вертѣлись въ душкахъ какъ сумасшедшіе...

Ободранные и обглоданные, побитые замочки наши вернулись въ Павлово, гдѣ ихъ встрѣтили руганью, свистомъ и плачемъ. А побѣдители расплылись по всей русской землѣ, отыскивая въ каждомъ уголкѣ, въ каждой скважинѣ земной своего „супостата" и ломали, обращали его въ бѣгство, если таковой находился. Толпы этихъ замочковъ копошатся на грязной улицѣ Павлова. Глухой ропотъ между ними. Поржавѣлыя дуги приподымаются и опускаются, точь въ точь какъ голодныя челюсти, производя этимъ звукъ, совсѣмъ схожій съ скрежетаніемъ зубовъ. Отодранныя доски обнажаютъ безобразно исковерканныя внутренности... Всѣ они подпрыгиваютъ и дрожатъ. Ропотъ все громче, замочки все больше шевелятся. Слышится уже ясно: „кровопійцы... пьявки... разорили... голодомъ морятъ... ребята, въ колья!" Толпы замочковъ гудятъ и двигаются по глубокой грязи, стуча, какъ зубами, своими дугами. Ревъ все усиливается, движеніе все быстрѣй, пока все кругомъ не заглушается и не поглощается ими.

Но вотъ, на пути этого безобразнаго потока выросъ вдругъ чей-то громадный образъ съ опущенными глазами, сѣдой, какъ лунь, бородой и величавой осанкой. Чья-то мягкая и бѣлая рука тянется на встрѣчу бушующей толпѣ замочковъ: „На, возьми!" и двугривенные сыплются на очарованную толпу. Въ мигъ молчаніе, потомъ ревъ, суматоха, всѣ жадно нагибаются, подбираютъ и слышится громкое „ура", „благодаримъ, Василій Никитичъ"!..

Всѣ успокоиваются, отступаютъ, спѣшатъ по кабакамъ; но вдругъ опять протягивается рука и кругомъ тьма! Ни зги. Замочки стукаются другъ объ друга и никакъ не находятъ дороги. Тихо, страшно даже становится отъ безмолвія, только чей-то тонкій голосъ на распѣвъ все тянетъ: „Дѣвки, покачайте!.. дѣвки, поцѣлуйте!.. дѣвки, покачайте!.. дѣвки, поцѣлуйте"... и такъ безъ конца, точно дьячекъ надъ покойникомъ: „Господи помилуй, Господи помилуй"!..

Внезапно картина измѣняется. Густой садъ и въ немъ спрятанъ павильонъ. Въ раскрытыя окна его вползаютъ корявые сучья, точно ищутъ тамъ кого-то. Томительный жаръ іюльскаго дня, сырой воздухъ, пропитанный запахомъ мху, деревьевъ и еще чего-то. Изъ оконъ слышны голоса, смѣхъ, звукъ поцѣлуевъ и звонъ посуды. Въ маленькой комнатѣ собралось нѣсколько женщинъ и мужчинъ. Тѣ и другіе полуодѣты. Тощая фигура Рыжика такъ и лоснится, такъ и ползаетъ между всѣми. Его визгливый голосъ громче всѣхъ... На диванѣ развалился красивый старецъ. Его обнимаютъ сразу нѣсколько женщинъ. Волоса и борода его встрепаны. Блѣдныя щеки горятъ багровымъ румянцемъ, глаза полны цинизма и страсти, изъ устъ льется безпорядочная рѣчь... Онъ ласкаетъ всѣхъ женщинъ заразъ и грозно рычитъ, когда Рыжикъ пытается привлечь на себя вниманіе хотя одной изъ нихъ. Но вотъ громкій крикъ извнѣ: „Губернаторъ губернаторъ!“ Всѣ вскакиваютъ, все мѣшается, женщины куда-то исчезаютъ, а старецъ, какъ былъ, такъ и выскакиваетъ черезъ окно въ садъ. Тамъ уже стоитъ важный генералъ и грозно смотритъ на павильонъ. Но Варыпаевъ протягиваетъ къ нему свою руку, тихо и величественно поетъ: „На, возьми!“ и вмигъ генералъ подлетаетъ нему на одной ножкѣ, расшаркивается, жметъ руку, пищитъ что-то, а появившіеся откуда-то женщины повисли у него на шеѣ и кружатъ, и цѣлуютъ его... Варыпаевъ же стоитъ въ сторонѣ, со сложенными на груди руками, съ опущенными глазами, строгій, спокойный и святой...
